
Google

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

АПРѢЛЬ. 1898.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1898.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Апрѣля 1898 г.

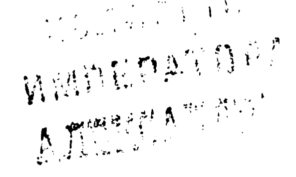
СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

Редакторы: П. Быковъ, С. Поповъ.

шесть томовъ сочиненій

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство».

УДЕШЕВЛЕННОЕ

изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ, **съ портретомъ автора.**

Цѣна **2** р. за томъ.

СОДЕРЖАНІЕ I Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

СОДЕРЖАНІЕ II Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНІЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНІЕ IV Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4). О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ V Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе X. Торжество г. Ціона, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ».

СОДЕРЖАНІЕ VI Т. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

СВѢТЛЫЙ ЛУЧЪ.

Повѣсть.

XVII.

Прошло нѣсколько дней. Строева окончательно рѣшила не уѣзжать до тѣхъ поръ, пока совершенно не поставитъ мальчика на ноги. Она даже сердилась на себя за то, что такъ привязалась къ нему. «Дѣло, конечно, хорошее,—говорила она, но тамъ, въ Вильнѣ, цѣлая куча обязанностей. Я заставляю другихъ работать за себя».

Тѣмъ не менѣе она больше не порывалась уѣхать. А мальчикъ между тѣмъ съ каждымъ днемъ замѣтно поправлялся. Она почти никуда не выходила, все сидѣла около него, иногда читала ему книгу, иногда просто что нибудь разсказывала, иногда рѣшалась сѣсть за пьянино и своими дубовыми пальцами съ трудомъ изображала какой-нибудь несложный мотивъ.

А Надежда Ивановна, увѣренная, что можетъ на нее положиться, занималась другими дѣлами. Она раза два посѣтила Антона Михайловича. Но онъ ее совсѣмъ не призналъ. Онъ такъ былъ поглощенъ своими образами, что не хотѣлъ обращать вниманія на что нибудь изъ дѣйствительнаго, внѣшняго міра. Онъ велъ безконечныя бесѣды съ цѣлой сложной системой людей и учрежденій. Страшное напряженіе, съ которымъ онъ слушалъ всѣхъ одновременно и старался всѣмъ отвѣчать,— все это поглощало его.

Онъ воображалъ себя окруженнымъ агентами, которые всѣ слѣдили за каждымъ его движеніемъ, подслушивали его мысли, забирались въ его душу, измѣняли по своему произволу его ощущенія и желанія. Мучительно было смотрѣть на эту страшную работу больной мысли.

Она уходила съ сдавленнымъ сердцемъ. Нину Александровну онъ всетаки узнавалъ. Она сказала ему:

— Это я, твоя малютка!

— А, малютка,—очень серьезно сказалъ онъ и посмотрѣлъ

на нее какъ то заботливо.—Уходи же отсюда, а то они и тобой еще займутся! уходи!

Она вышла и за дверью едва не упала. Но доктора сказали, что болѣзнь идетъ хорошо и что на этотъ разъ она кончится быстро.

«Она проходитъ, такъ сказать, экстреннымъ бѣгомъ. Есть только опасность, что она оставитъ въ его организаціи болѣе глубокій слѣдъ. Придется очень тщательно оберегать его отъ рецидива. Его надобно будетъ увезти въ пустыню».

Остальное время онѣ вдвоемъ посвящали устройству домика, который Нина Александровна уже пріобрѣла въ собственность. Черезъ недѣлю уже домикъ былъ совершенно устроенъ. Туда купили новую мебель, скромную, но уютную и заново все обставили. Нина Александровна съѣздила къ знакомому адвокату. Онъ помогъ ей совершить всѣ формальности.

Всѣ «пансіонеры» были сдѣланы владѣльцами части маленькаго домика. Была нанята прислуга, женщина, которой можно было довѣрить это дѣло. Небольшой капиталъ, положенный въ банкъ, долженъ былъ поддерживать ихъ скромное существованіе.

И вотъ, наступилъ день, когда квартира на Кирочной освободилась отъ излишнихъ жильцовъ. Нина Александровна сказала:

— Боюсь, что теперь будетъ еще грустнѣе, чѣмъ прежде. Я уже свыклась съ этими маленькими заботами.

Сторѣцкій часто ѣздилъ въ лѣчебницу, а оттуда заѣзжалъ къ Нинѣ Александровнѣ и каждый разъ сообщалъ все болѣе и болѣе благопріятныя свѣдѣнія.

Прошло около двухъ недѣль послѣ того, какъ Антонъ Михайловичъ поступилъ въ лѣчебницу. Надежда Ивановна больше не ѣздила къ нему. Ей было тяжело чувствовать, что онъ ее не узнаетъ, а его состояніе производило на нее слишкомъ тягостное впечатлѣніе. Но Нина Александровна уже говорила ей, что онъ сразу признаетъ ее, говоритъ съ нею, спрашиваетъ о пансіонерахъ и что онъ съ благодарностью пожалъ ей руку, когда узналъ о покупкѣ дома. Въ другой разъ онъ разспрашивалъ ее про Буку, а съ Сторѣцкимъ говорилъ о Тетюшинѣ, Кульковой, о больницѣ и, наконецъ, даже мечталъ о томъ, когда будетъ дома, когда опять поѣдетъ кататься на своемъ Букѣ. Однажды спросилъ о ней, какъ она поживаетъ. Разспрашивалъ даже о томъ, чья лошадь взяла большой призъ на бѣгахъ.

Словомъ, онъ быстро улучшался. Прошло еще дней пять.

Однажды Надежда Ивановна пріѣхала на Кирочную вечеромъ, часовъ въ девять, и была удивлена, услышавъ въ кабинетѣ мужской голосъ; она вошла туда.

Антонъ Михайловичъ поднялся и пошелъ ей навстрѣчу съ раскрытыми объятіями. Онъ дѣйствительно обнялъ ее и поцѣловалъ въ лобъ. Нина Александровна смотрѣла на нихъ съ улыбкой.

— Ну, слава Богу, друзья мои, что я съ вами!—сказалъ онъ.

— Когда?—спросила Надежда Ивановна.

— Сегодня къ обѣду выпущенъ! О, какое это блаженство, быть выпущеннымъ откуда нибудь! Начинаешь цѣнить жизнь, право. Я думаю, что, еслибы въ одинъ прекрасный день, выпустили на свободу всѣхъ заключенныхъ на вѣчныя времена, то не было бы болѣе счастливыхъ людей на свѣтѣ.

Ему очень хотѣлось говорить много, но ему не позволили. Уже въ десять часовъ обѣ женщины настойчиво стали просить его ложиться спать. Онъ плохо спалъ въ больницѣ, и у него еще былъ очень утомленный видъ.

Онъ покорно согласился, и они скоро разстались. Прощаясь, онъ сказалъ Надеждѣ Ивановнѣ:

— Малютка говоритъ, что я не узнавалъ васъ и что вы обижены.

— Я не обижена, но мнѣ было больно!—отвѣтила Надежда Ивановна,

— А вѣдь я въ сущности отлично зналъ, что это вы, но у меня была какая то странная злоба противъ васъ.

— Противъ меня?—Надежда Ивановна вздрогнула.

— Да, представьте... Мнѣ казалось, что вы принадлежите къ той воображаемой сворѣ, которая меня преслѣдовала. Это оттого, что мы съ вами въ послѣдніе дни провели вмѣстѣ много часовъ. Вы слишкомъ засѣли въ моей душѣ. А все, что мнѣ вспоминалось, я относилъ къ врагамъ. Но теперь мы большіе друзья, не правда ли? Особенно хорошо съ вашей стороны то, что вы не забывали мою малютку и помогали ей жить.

Онъ заперся въ кабинетѣ и приготовлялся ко сну. Нина Александровна, прощаясь съ нею, говорила ей:

— Онъ далеко еще не здоровъ. Наединѣ съ собой онъ еще страдаетъ отъ видѣній, но я вхожу къ нему и начинаю говорить съ нимъ, пока онъ не заснетъ, тогда это исчезаетъ. И меня ужасно пугаетъ, что онъ такъ пріучился къ морфію. Безъ морфія онъ заснуть не могъ и теперь, кажется, намѣренъ прибѣгать къ этому, онъ намекалъ. Я этого боюсь страшно.

— Мы его отучимъ!—сказала Надежда Ивановна и, простившись съ нею, уѣхала.

— «Боже,—думала она:—неужели онъ опять начнетъ жить, какъ тогда? Скачки... Крестовскій... Кутежи!.. Неужели онъ опять упадетъ? О, Боже! Какъ это страшно, что нужна му-

чительная болѣзнь, нужно безуміе, чтобы поднять человѣка изъ грязи на высоту».

XVIII.

Въ больницѣ узнали о выходѣ изъ лѣчебницы Барвинскаго. Семенъ Ивановичъ счелъ своимъ долгомъ посѣтить его. Онъ нашелъ человѣка, склоннаго къ шуткѣ, который иронизировалъ надъ своей недавней болѣзнею и весело разсказывалъ эпизоды своего бреда. Память его удивительно сохранила всѣ подробности.

Его посѣтилъ Тетюшинъ, и Антонъ Михайловичъ сказалъ ему:

— Дружище, сколько же съ тебя взыскали по счету?

— По какому счету?—воскликнулъ Тетюшинъ.

— А тогда, въ Крестовскомъ, послѣдній разъ?

— Но это до тебя не касается; вѣдь ты сбѣжалъ!

— Ну, нѣтъ. Я желаю быть въ долѣ. Мы тогда взяли слишкомъ широкій масштабъ, я думаю, рублей на полтораста. У тебя хорошая практика, но не настолько, чтобы ты могъ такими кушами выбрасывать деньги изъ кармана.

— Да, что-то около этого; мы заплатили пополамъ со Сторѣцкимъ.

— Тѣмъ лучше для меня; значитъ, моя доля меньше. Я требую свою долю.

И онъ отдалъ ему пятьдесятъ рублей, не смотря на сопротивленіе Тетюшина.

Явилась Кулькова, затѣмъ зашелъ къ нему и Черницынъ. Антонъ Михайловичъ былъ съ нимъ любезенъ, цѣня вниманіе.

Словомъ, было сколько угодно данныхъ въ пользу того, что Барвинскій вполнѣ оправился. Онъ уже раза два выѣзжалъ. Вмѣстѣ съ Сторѣцкимъ онъ посѣтилъ зимніе бѣга и съ удовольствіемъ просидѣлъ два заѣзда, но не игралъ.

По вечерамъ онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и дѣятельно работалъ надъ своей папкой, приводя въ порядокъ матеріалъ.

— Ты собираешься писать диссертацію?—спросила его Нина Александровна.

— Я не захожу такъ далеко. Я только хочу привести въ порядокъ эти клочки.

Онъ настоялъ, чтобы Нина Александровна съѣздила безъ него въ театръ; для себя онъ находилъ это еще слишкомъ рано, а ей необходимо было освѣжиться. Она неохотно согласилась. Вопросъ былъ поставленъ такъ, что это могло доставить ему большое удовольствіе.

Но, ѣдучи въ театръ, Нина Александрова заѣхала къ Надеждѣ Ивановнѣ и просила ее на всякій случай навѣдаться на Кирочную. Она прибавила:—О моемъ визитѣ къ вамъ ничего не говорите.

И Надежда Ивановна поспѣшила исполнить ея просьбу. Въ девять часовъ она была на Кирочной. Она застала Барвинскаго за разборомъ матеріала.

— А,—сказалъ онъ,—вы очень, очень кстати. Вы вѣдь просматривали это?

— Да, я все просмотрѣла.

— Ну, и что нашли?

— Очень цѣнный матеріалъ.

— Не правда-ли? Мнѣ тоже казалось. Я многое теперь прибавилъ. Можно сказать, самые свѣжіе и достовѣрные факты. Вамъ надо и съ ними познакомиться.

— Зачѣмъ? Вѣдь вы, вѣроятно, скоро окончите всю работу, и мы прочитаемъ ее въ печати.

— Сіе неизвѣстно...

— Почему?

— Ну, какъ вамъ сказать... Не будемъ вдаваться въ изслѣдованіе вопросовъ глубокихъ. Садитесь, я вамъ прочитаю.

Она сѣла и начала слушать. Онъ прочиталъ ей цѣлый рядъ яркихъ наблюденій, описанныхъ съ удивительной точностью.

— Это очень важныя вещи!—сказала она.

— Да, но это не все. Тутъ есть пробѣлы. Вы видите, здѣсь параллельно, одновременно идутъ явленія двоякаго характера. Чистая галлюцинація, когда явленія принимаются за дѣйствительность, когда чувствующій субъектъ теряетъ способность относиться къ нимъ критически и является активнымъ дѣятелемъ, участникомъ воображаемыхъ событій, и галлюцинаціи другого рода, когда явленіе представляются субъекту постороннимъ, отдѣльнымъ отъ него самого, и онъ смотритъ на него, какъ равнодушный зритель. Онъ можетъ сказать: мнѣ представляется вотъ что! Вы поняли?

— Это ясно!—отвѣтила Надежда Ивановна, внимательно слушавшая его.

— Ну, да... Такъ вотъ что я упустилъ изъ виду. Я все останавливался на изслѣдованіи отношеній самого субъекта къ тѣмъ и къ другимъ явленіямъ, и мнѣ кажется, что эта сторона у меня обслѣдована довольно полно. Но я не обращалъ вниманія на то, въ какомъ отношеніи явленія того и другого рода находятся между собой, зависятъ ли они одно отъ другого, вступаютъ ли во внутреннюю связь между собою, есть ли между ними какое нибудь сродство, или они только параллельны и между ними нѣтъ ничего общаго, кромѣ

одновременности. Я не могу простить себѣ это,—что не останавливался на этой сторонѣ.

— Но это можно узнать посредствомъ наблюденія надъ больными въ нашей больницѣ...

— О, посредствомъ наблюденій! Но еслибъ вы знали, какъ мало этому можно довѣрять. То есть посредствомъ разспросовъ вы хотите сказать? Но эти почтенные больные лгутъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Надо вамъ знать, что всякій душевно-больной, а въ особенности галлюцинатъ, въ большей или меньшей степени непремѣнно художникъ; его бредъ—это безсознательное мимовольное творчество. Оно не регулируется разумомъ, оттого безсвязно, не симметрично и полно чудовищныхъ преувеличеній; но разсказывая, они хотятъ все-таки еще творить и потому лгутъ, заполняютъ пробѣлы выдумкой. Тамъ, гдѣ имъ кажется некрасиво, или недовольно умно, они сочиняютъ. Въ этомъ я убѣдился. Я самъ себя ловилъ на этой склонности къ сочиненію, когда меня разспрашивалъ мой врачъ въ лѣчебницѣ. Безъ сомнѣнія, я относился къ себѣ болѣе критически, на сколько это возможно при болѣзненномъ состояніи, потому что я врачъ. Надо обладать невѣроятной опытностью, чтобы умѣть отбросить дѣйствительное отъ сочиненнаго. Нѣтъ, я хотѣлъ бы провѣрить личнымъ опытомъ.

— Какимъ образомъ?

— Очень просто. Нѣсколько капель опія или морфія внутрь вызываютъ у меня эти явленія.

— Полноте, Антонъ Михайловичъ, этого нельзя допустить.

— Нѣтъ, я это сдѣлаю... Я буду вамъ разсказывать, а вы садитесь и записывайте. Безъ этого наблюденія моя книга потеряетъ свое значеніе. Я хотѣлъ сдѣлать это уже нѣсколько дней тому назадъ, но Нину боюсь взять въ сотрудники,—это ее встревожитъ. А она и безъ того взяла всю свою порцію тревоги.

— Вы думаете, что меня это не тревожитъ?

— Васъ, это—ничего. Вы коллега!

— Но ваше здоровье и мнѣ дорого!—дрожащимъ голосомъ промолвила она.

— Но истина должна быть вамъ дороже, какъ и мнѣ. Начнемте опытъ.

— Антонъ Михайловичъ, лучше его не дѣлать.

— Совсѣмъ не лучше! Если васъ это затрудняетъ, я сдѣлаю безъ васъ,—прибавилъ онъ нѣсколько сухо.

— Нѣтъ, въ такомъ случаѣ, дѣлайте, я буду присутствовать.

— Вотъ и отлично! Мы прибѣгнемъ къ морфію. Я предпочитаю взять его внутрь.

Онъ всталъ, подошелъ къ изящному, висѣвшему на стѣнѣ въ простѣнкѣ между двухъ оконъ маленькому рѣзному шкафику, отперъ его и досталъ оттуда пузырекъ. Затѣмъ сходилъ въ столовую, принесъ рюмку съ водой, влилъ изъ пузырька нѣсколько капель и выпилъ. Потомъ пузырекъ поставилъ въ шкафъ, рюмку отнесъ въ столовую и, присѣвъ на диванѣ, началъ говорить что-то о третьегоднешнихъ бѣгахъ. Этотъ разговоръ продолжался минутъ десять.

— Ага,—затѣмъ сказалъ онъ,—садитесь и записывайте.

Надежда Ивановна сѣла за столъ и молча взяла перо. Она испытывала тягостное ощущеніе человѣка, который сознательно дѣлаетъ то, чего не долженъ дѣлать и не можетъ отказаться, не хватаетъ для этого воли.

Антонъ Михайловичъ закрылъ глаза, нѣкоторое время помолчалъ и затѣмъ началъ говорить тихими отрывистыми фразами:

— Начинаются телефоны... Невнятно... Мнѣ очень трудно выдѣлить себя изъ этого, очень трудно... Я сдѣлаю усиліе... Мнѣ хочется отвѣчать имъ...

Онъ продолжалъ такимъ образомъ съ четверть часа, потомъ началъ дѣлать большія паузы. Наконецъ, онъ замолкъ, вѣки его плотно сомкнулись и дыханіе сдѣлалось глубокимъ и медленнымъ. Онъ заснулъ.

Надежда Ивановна положила перо, скрестила на груди руки и, сидя неподвижно, съ тоской смотрѣла на него, боясь пошевельнуться.

Пробило одиннадцать часовъ. Сонъ его былъ не крѣпокъ. Онъ услышалъ бой часовъ, какъ бы продолжая еще находиться въ полузабытьи. Онъ со вниманіемъ разсматривалъ ее.

— Ужъ поздно, Антонъ Михайловичъ!—сказала Надежда Ивановна:—скоро Нина Александровна придетъ.

Онъ встряхнулся и поднялся съ дивана.—Ахъ, да, я сперва не могъ понять, въ чемъ дѣло. Теперь все понимаю. Ну, что, кажется, нашъ опытъ удался какъ нельзя лучше?

— У васъ не болитъ голова?—спросила она.

— Нѣтъ, я привыкъ. Давайте прочитаемъ.

Она прочитала ему.

— Отлично! Главное — достовѣрно, не подлежитъ сомнѣнію.

— Вы скоро приметесь за работу?

— Хотѣлъ бы какъ можно скорѣе. Во первыхъ, мнѣ надоѣло стремиться къ этой ученой степени, которая въ сущности мнѣ не нужна и меня не интересуетъ. Надо съ этимъ покончить. А затѣмъ, эти наблюденія должны внести въ нашу науку новый взглядъ. Я думаю, что Семенъ Ивановичъ поз-

зволитъ мнѣ, какъ еще выздоравливающему, съ мѣсяцъ не ходить въ больницу, да и вообще я предпочелъ бы оставить больницу.

— Какъ? почему?

— Трудно работать при такихъ ужасныхъ условіяхъ. Трудно быть полезнымъ!

— Но, по крайней мѣрѣ, мы дѣлаемъ все, что можемъ.

— Нѣтъ, далеко не все. Еслибы у меня были большія средства, я, никого не спрашиваясь, срылъ бы до основанія этотъ разсадникъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней, этотъ складъ больныхъ людей, вмѣсто излѣченія заражающихъ другъ друга безуміемъ. Какъ? Душевно больного человѣка, существо съ болѣзненной впечатлительностью, для котораго скрипъ двери, малѣйшій звукъ представляется фактомъ чрезвычайной важности и роковымъ образомъ вліяетъ на его психику, его держать въ кучѣ, въ общей комнатѣ, биткомъ набитой, гдѣ каждый свободно проявляетъ свое безуміе! Вы думаете, я былъ бы здѣсь съ вами и говорилъ бы такъ здраво, еслибы меня посадили туда, на эту Лысую гору своего рода? По всей вѣроятности, я никогда оттуда не вернулся бы. Да, я срылъ бы до основанія это почтенное зданіе и построилъ бы нѣчто новое, нѣчто совсѣмъ, совсѣмъ новое, гдѣ за больной душой ухаживали бы дѣйствительно, какъ за больной, а не какъ за преступной; но у меня нѣтъ такихъ средствъ, у Нины тоже нѣтъ. Это потребовало бы милліоновъ! Поэтому надо ограничиться малымъ. Я хочу открыть у себя безплатную амбулаторную лѣчебницу, исключительно для бѣдныхъ. Пріемъ долженъ быть цѣлый день и цѣлую ночь, а не такъ, какъ мы назначаемъ на нашихъ дощечкахъ, которыя приклеиваемъ на дверяхъ: по понедѣльникамъ, молъ, отъ девяти до десяти часовъ утра—для бѣдныхъ безплатно. Бѣдные люди, какъ и богатые, заболѣваютъ не по понедѣльникамъ только и не только отъ девяти до десяти утра, а постоянно.

Онъ развивалъ этотъ планъ съ воодушевленіемъ и какъ нѣчто выношенное въ душѣ и глубоко прочувствованное.

Скоро раздался звонокъ, пріѣхала изъ театра Нина Александровна, оживленная, взволнованная.

Надежда Ивановна скоро простилась съ ними. Не смотря на опасный опытъ съ морфіемъ, Барвинскій всетаки оставилъ въ ней хорошее впечатлѣніе. Желаніе приняться за работу, бодрые планы относительно будущаго, наконецъ, самый характеръ этихъ плановъ,—все это такъ не вязалось съ недавними мрачными рѣчами о смерти, и ей казалось, что отъ него повѣяло какой то новой, свѣжей, здоровой струей.

XIX.

Зима приходила къ концу. Послѣднія числа февраля принесли съ собой солнце, которое довольно часто появлялось на петербургскомъ небѣ. Отдаленное вѣяніе весны вливало въ душу бодрость, и петербургскіе жители сбросили съ себя унылый зимній видъ; на лицахъ у всѣхъ играло выраженіе какой то неопредѣленной надежды.

Уже больше недѣли Антонъ Михайловичъ сидѣлъ за своей книгой. Надежда Ивановна часто заходила къ нимъ и, хотя находила его спокойнымъ и ровнымъ, тѣмъ не менѣе оставалась имъ недовольна. На лбу его появилась заботливая складка и какое то странное выраженіе затрудненія было въ его глазахъ.

О своей работѣ и прежде онъ вспоминалъ часто и нерѣдко принимался за нее, но его тянуло къ развлеченіямъ, къ катанію, къ скачкамъ, къ другимъ менѣе невиннымъ удовольствіямъ, и онъ работу откладывалъ, объясняя это тѣмъ, что, въ сущности, онъ ничего новаго не скажетъ, что Нина Александровна преувеличиваетъ значеніе его будущей книги, и тому подобное.

Между тѣмъ Нина Александровна вѣрила, что эта работа сразу выдвинетъ его имя и вмѣстѣ съ тѣмъ принесетъ большую пользу наукѣ.

Въ это время она получила изъ деревни извѣстіе, что тамошнія дѣла требуютъ ея присутствія.

— Что-жъ,—сказалъ Антонъ Михайловичъ,—поѣзжай, малютка, ты проѣздишь не больше недѣли, а я это время буду сидѣть за работой.

Онъ сказалъ это такъ просто и спокойно, что Нина Александровна повѣрила въ возможность и безопасность оставить его одного. Дѣла дѣйствительно требовали, чтобы она рѣшилась на это. Конечно, при другихъ условіяхъ, она предоставила бы имъ идти, какъ придется, но теперь въ этомъ, повидимому, не было необходимости. Она рѣшила съѣздить въ деревню.

Наканунѣ отъѣзда она посѣтила Надежду Ивановну и Сторѣцкаго. Надежда Ивановна удивилась ея рѣшимости.

— На цѣлую недѣлю?—спросила она.

— Да вѣдь онъ весь теперь ушелъ въ свою работу!—отвѣтила Нина Александровна:—онъ привязался къ своему кабинету. Я почти не вижу его эти дни.

Надежда Ивановна подумала, что она преувеличиваетъ, но сказать ей этого не хотѣла. Она боялась разрушить ея увѣренность и пробудить въ ней мнительность, которая отравила бы ея путешествіе.

— Надѣюсь, вы, Надежда Ивановна, изрѣдка будете заѣзжать къ нему?—промолвила Нина Александровна.

— О, да, конечно. Я вѣдь теперь почти бездѣльничаю.

— Однако, какъ она неосторожна!—сказала Строева, когда Нина Александровна уѣхала.

— Въ чемъ?—спросила ее Надежда Ивановна.

— Но какъ же? Оставляетъ мужа на недѣлю и проситъ тебя заѣзжать къ нему.

— Почему же это неосторожно?

— Мой другъ, ты наивна или наивничаешь?—спросила Строева.

— Я тебя не понимаю!—отвѣтила Надежда Ивановна.

— То есть не хочешь понять? Видишь ли, мой другъ: для тебя, должно быть, не тайна, что, если поставить тебя рядомъ съ нею, то она покажется твоей матерью. Но, кромѣ того, что ты моложе, ты еще и красивѣй, а вдобавокъ къ этому—симпатична ему. Сама разсказывала, какъ онъ приударялъ за тобой...

— Когда былъ нетрезвъ... Это сюда не относится, надѣюсь... Притомъ же, тогда у насъ не было такихъ дружескихъ отношеній. Съ тѣхъ поръ такъ много пережито вмѣстѣ важнаго и хорошаго. Да и онъ совсѣмъ не тотъ.

— Но онъ выздоровѣлъ. Его сумасшедшая добродѣтель скоро совсѣмъ исчезнетъ, и въ одинъ прекрасный день ты очутишься лицомъ къ лицу съ совершенно здоровымъ звѣремъ.

— Ты въ послѣднее время стала имѣть много противъ него, Ольга! Прежде было какъ разъ наоборотъ.

— Противъ него ни капли. Его я только жалѣю, какъ всякаго больного человѣка, и охотно прощаю ему его слабости, какъ слабовольному. Но вы съ Ниной Александровной, это—другое дѣло. Противъ васъ обѣихъ я дѣйствительно кое-что имѣю. Вы обѣ влюблены въ него и потому болѣзнь, проявленіе безумія возводите въ идеальные подвиги!

— Ахъ, Ольга, когда все кругомъ такъ ординарно и эгоистично, то радуешься всякой способности къ подвигу, хотя бы она обусловливалась болѣзнью или безуміемъ. А что касается твоего обличенія насчетъ влюбленности, то я боюсь, Ольга, что это можетъ насъ поссорить.

— Я не понимаю, почему? Если это мое мнѣніе...

— Потому что это неправда. О влюбленности тутъ не можетъ быть и рѣчи, тутъ совсѣмъ другое.

— Да, другое... Это всегда начинается съ другого. Но изъ другого всегда выходитъ въ концѣ концовъ тоже самое.

— Но что-же, что можетъ быть?

— Ахъ, Боже мой! но вѣдь это такъ просто! Онъ—человѣкъ по существу хорошій, способный даже на кой что воз-

вышенное. По уму, это выдающійся человѣкъ. Онъ симпатиченъ и, если хочешь, и по внѣшности пріятенъ. Тутъ все есть для самаго естественнаго и законнаго сближенія.

— Полно! Не будемъ говорить объ этомъ. На этомъ пунктѣ мы никогда не сойдемся съ тобой, Ольга, и знаешь что: давай дадимъ другъ другу слово никогда его не касаться, этого пункта. Ну, допустимъ, что, не смотря на нашу давнюю дружбу и то, что мы близко знаемъ другъ друга, есть въ моей душѣ одно мѣстечко, въ моемъ характерѣ, въ моихъ взглядахъ,— котораго ты не понимаешь. Допустимъ это. Тутъ ничего нѣтъ невозможнаго. И откажемся отъ этого вопроса, и отложимъ этотъ вопросъ въ сторону, и не будемъ никогда его касаться.

— Хорошо! Пусть! Перемѣнимъ разговоръ. Какъ ты думаешь, нашего младенца не пора еще выпустить на улицу?

— Я думаю, что еще рано.

— Но вѣдь онъ уже совсѣмъ оправился.

— Отъ болѣзни, да. Но онъ раньше такъ ослабѣлъ, что я боюсь, не захватилъ бы онъ какихъ нибудь пустяковъ вродѣ бронхита или ангины...

Мальчикъ дѣйствительно уже поправился, давно всталъ съ постели, нѣсколько разъ справлялся насчетъ матери и братьевъ и ни разу не спросилъ объ отцѣ. Можно было даже замѣтить, что онъ умышленно избѣгалъ говорить объ этомъ, какъ бы боясь, что, когда упомянетъ это имя, тотчасъ исчезнетъ все очарованіе.

Ему разсказали о томъ, что мать его и братья хорошо устроены, что у нихъ теперь теплая квартира и они довольны. Объ отцѣ ему тоже не сказали ни слова, такъ какъ и сказать было нечего. Онъ не явился къ своимъ и его не разыскивали. О немъ ничего не было извѣстно. Мальчику обѣщали скорое свиданіе со своими.

Нина Александровна собралась и уѣхала. Антонъ Михайловичъ еще больше прежняго погрузился въ работу.

Когда на другой день Надежда Ивановна зашла къ нему, онъ даже не сразу принялъ ее, а поздоровался съ нею черезъ дверь изъ кабинета и сказалъ:

— Голубушка, посидите минутку въ гостиной; я докончу страницу.

Потомъ онъ вышелъ бодрый, оживленный.

— Значитъ, книга подвигается, Антонъ Михайловичъ?— спросила Надежда Ивановна.

— О, да, на полномъ ходу.

— И вы довольны?

— Книгой пока доволенъ, но собой не совсѣмъ.

— Почему?

— А знаете, я какъ то ожидалъ отъ себя больше. Мнѣ

мерещились болѣе глубокая и остроумная аргументація и болѣе важные выводы... И вотъ, странное ощущеніе, которое могло бы тоже послужить темой для интересной книги—ощущеніе «потерянной мысли». Мнѣ иногда кажется, что вотъ по этому или тому вопросу у меня въ головѣ была уже мысль—важная, глубокая мысль, которая освѣщала предметъ удивительно ярко, и я точно забылъ ее. Но въ головѣ осталась какъ будто тѣнь, отзвукъ этой мысли... Вы это понимаете? Это похоже на то, когда есть что нибудь важное сказать пріятелю, но въ тотъ моментъ, когда надо, вы никакъ не можете припомнить. Словомъ, я не могу охарактеризовать это иначе, какъ—ощущеніе потерянной мысли.

— О, вы ихъ еще найдете, эти мысли, онѣ навѣрно придутъ.

— Я на это надѣюсь. Мнѣ кажется, что когда онѣ, вернутся, моя книга сразу освѣтится какимъ то заревомъ...

И по выраженію его глазъ—ясному, безоблачному, было видно, что онъ дѣйствительно увѣренъ, что эти «потерянныя мысли» придутъ. Онъ спрашивалъ ее мелькомъ про то, что дѣлается въ больницѣ, какъ поживаютъ Сторѣцкій, Тетюшинъ, ѣздятъ ли они на бѣга. Она не успѣла отвѣтить, какъ онъ уже прибавилъ:

— Еслибъ вы знали, какъ это въ сущности далеко отъ меня теперь!

— А вы еслибъ знали, какъ я этому рада!—сказала Надежда Ивановна.

— Ну, да, мнѣ извѣстно, — прибавилъ онъ шутя: — мнѣ извѣстно, что для васъ не было бы высочайшаго наслажденія, еслибы я поступилъ въ монастырь и принялъ схиму.

— Ну, едва ли это могло бы случиться. На это, кажется, нѣтъ никакихъ надеждъ.

— Отчего же? А знаете, у меня однажды было такое желаніе, и оно чуть было не осуществилось.

— У васъ?

— Вообразите. Это было гораздо раньше встрѣчи моей съ Ниной. На меня нашло такое настроеніе. Я завелъ сношенія съ Аѳономъ и ужъ чуть не укладывалъ чемоданъ, чтобы ѣхать въ Константинополь. Но это прошло. Потокъ жизни меня увлекъ. Однако, вы на меня не сердитесь, если я съ вами попрощаюсь. Можетъ быть, хотите чаю, такъ распорядитесь. Я сегодня въ ударѣ и хочу пользоваться этимъ.

Она, конечно, не разсердилась, но отъ чаю отказалась и уѣхала домой.

На слѣдующій день она нашла его другимъ.

XX.

Она пріѣхала раньше, и прислуга, отпиравшая ей двери, на вопросъ все-ли благополучно, тихо сказала ей:

— Баринъ что-то не въ духѣ... Почти даже не обѣдали! чуть только притронулись...

Надежда Ивановна не разспрашивала ее, а просто сняла кофточку и передала ей; затѣмъ заглянула въ кабинетъ, тамъ его не было, не горѣла даже лампа на столѣ. Вообще, въ квартирѣ вовсе не было огня, хотя уже спустились сумерки.

— Они въ гостиной,—шепнула ей горничная.

— Почему у васъ темно?

— Они не велѣли зажигать.

У Надежды Ивановны сердце забилось тревогой. Она вошла въ гостиную и съ напряженнымъ вниманіемъ присматривалась къ мебели, чтобы отыскать его. Онъ, очевидно, сидѣлъ гдѣ то, потому что шаговъ не было слышно.

— Вы здѣсь, Антонъ Михайловичъ?—осторожно спросила она.

— Да, я здѣсь! — послышался въ отвѣтъ его хмурый голосъ.

— У васъ такъ темно, что ничего нельзя разглядѣть.

— Велите, пожалуйста, зажечь что нибудь. Только немного. Я не выношу яркихъ огней.

Горничная услышала это и внесла въ гостиную свѣчу, затѣмъ стала зажигать лампы и въ другихъ комнатахъ.

Антонъ Михайловичъ сидѣлъ въ углу, на маленькомъ диванѣ, опершись локтемъ на стоявшій около него круглый столикъ и закрывъ лобъ и глаза ладонью.

— Вы, кажется, не въ духѣ?

Надежда Ивановна подошла къ нему и протянула руку. Онъ лѣниво пожалъ ей руку и не отвѣтилъ.

— Я вамъ мѣшаю?

— Да нечему мѣшать...

Онъ всталъ и, промелькнувъ мимо нея, началъ шагать по комнатѣ.

Она постояла съ минуту, потомъ сѣла на его мѣсто.

— Вы сегодня не работаете?—спросила она.

— Какъ видите...

Онъ продолжалъ ходить. Опять произошла пауза.

— Развѣ что нибудь случилось?—вновь попробовала заговорить Надежда Ивановна.

— Что-жъ могло случиться въ этихъ стѣнахъ? Вы видите: потолки не провалились, картины висятъ на своихъ мѣстахъ...

— Но почему же, въ такомъ случаѣ?..

— Что это, вы меня допрашиваете?

— Простите!—тихимъ, подавленнымъ голосомъ промолвила она и замолчала.

Онъ ходилъ по комнатѣ, и шаги его раздавались какъ то мрачно и тревожно при тускломъ свѣтѣ одной свѣчки, пламя которой мигало отъ движенія воздуха, которое онъ производилъ своей ходьбой.

Такъ прошло нѣсколько минутъ. Надеждѣ Ивановнѣ оставалось предположить, что ея присутствіе ему непріятно. Она колебалась. Проститься и уйти значило оставить его одного въ такомъ состояніи. Состоянія этого она еще не понимала. Оно могло быть настроеніемъ, относившимся къ ней, тогда, конечно, — самое лучшее — освободить его отъ себя; но оно также могло быть признакомъ дурного поворота въ его здоровьи, тогда оставить его одного нельзя.

А онъ продолжалъ ходить, не глядя на нее, какъ будто ея здѣсь и не было.

Наконецъ, она поднялась.—Мнѣ кажется... Я лучше уйду, Антонъ Михайловичъ,—нерѣшительно промолвила она.

Онъ слабо усмѣхнулся. — Разумѣется, скучно видѣть передъ собой такую мрачную фигуру!—промолвилъ онъ сквозь зубы.

— Не скучно, Антонъ Михайловичъ, но я боюсь, что досаждаю вамъ.

— Какъ вамъ угодно...

Онъ остановился у окна и глядѣлъ въ него.

«Нѣтъ, я не должна уходить,—подумала Надежда Ивановна. Я не должна оставлять его. У него зловѣщій видъ.»

Она сказала:—Я не уйду, Антонъ Михайловичъ, но я не буду надоѣдать вамъ. Я посижу въ столовой.

Она направилась къ выходу.

— Вы хотите стеречь меня?

Она остановилась.—Нѣтъ, не васъ, а ваше настроеніе... Можетъ быть, придетъ другое и вы будете добрѣе ко мнѣ!—съ улыбкой сказала она.

— Я вовсе не къ вамъ...—возразилъ Барвинскій.

— А къ кому же?

— Къ себѣ, къ себѣ. Только къ себѣ, ни къ кому больше.

Она вернулась и приблизилась къ нему. — Что же вы сдѣлали противъ себя?

— А, это говорить, значить — казнить себя.—Впрочемъ, прибавилъ онъ, я ничего не сдѣлалъ...—Я ничего и не могу сдѣлать. Да, я принялся за мою работу горячо, нетерпѣливо. Я написалъ четвертую часть моей книги, это много! Я перечиталъ ее. Ничего не выходитъ. Ничего, ничего...

— Полноте, что вы?

— Да, выходитъ... Выходятъ страницы, на этихъ страницахъ — изложеніе фактовъ — все въ порядкѣ; изъ фактовъ слѣдуютъ выводы, и это тоже въ порядкѣ... Но все это такъ казенно, какъ солдатское ученіе, какъ попарно идущіе пансіонеры въ церковь. Ничего новаго, ничего оригинальнаго, ничего глубокаго, остроумнаго. Казенно, ординарно, какъ фельдфебель... Я чувствую, что тутъ вотъ должна родиться мысль—яркая, сильная, которая всему придастъ особый интересъ, все освѣтитъ новымъ свѣтомъ, и она не рождается, а рождается какой то недоносокъ, выкидышъ, мертвецъ. Мой мозгъ тупѣетъ. Эта проклятая болѣзнь дѣйствуетъ на него, какъ морозъ на живую ткань, пронизывая ее холодомъ; кровь застываетъ и ткань становится мертвой. Это все равно, какъ еслибы вы, живая, присутствовали при томъ, какъ ваше тѣло мало по малу превращается въ камень.

— Вы преувеличиваете, Антонъ Михайловичъ!

— А, да, вамъ ничего не остается, какъ только сказать это! Но вы сами, какъ врачъ, очень хорошо знаете, что это такъ и должно быть. Вы знаете, что это періодически повторяющееся безуміе не можетъ проходить даромъ для мозга. Нельзя разсчитывать на быстроту ногъ, если вы каждый годъ ломаете ихъ въ разныхъ мѣстахъ. Какъ бы искусно ни починялъ ихъ хирургъ, все же отъ нихъ нельзя ждать выносливости и быстроты. Настанетъ моментъ, когда онѣ совсѣмъ перестанутъ работать.

— Успокойтесь!

— Хорошо! Я успокоюсь, чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе!— сказалъ онъ саркастически. — Вѣдь это очень просто: человѣкъ внѣ себя, добрые знакомые попросили его: успокойся, и онъ, чтобы не обидѣть добрыхъ знакомыхъ, взялъ да и успокоился. А успокоившись, я вамъ скажу, что пусть кто хочетъ возится съ этой работой, я ее кончать не буду!

— Но это невозможно, Антонъ Михайловичъ!

— Какъ невозможно? Къ чему она? Одной бездарной книгой будетъ больше? Такихъ книгъ у насъ безъ меня написано множество. Факты, факты, факты! А когда среди нихъ появляется выводъ, обобщеніе, смотришь, изъ подъ новыхъ якобы фактовъ выглядываетъ морщинистая кожа какой нибудь старушки-доктрины, которая была молода въ прошломъ столѣтіи. Не буду я писать эту книгу. Притомъ есть и еще одно препятствіе...

— Какое?

— Не знаю, поймете ли вы...

— Скажите, я постараюсь понять.

— А то, что я уже здоровъ!—промолвилъ онъ, и его сверкающій взглядъ скользнулъ по ея лицу.

— Я не понимаю!—сказала Надежда Ивановна, но неувѣренно, потому что въ головѣ ея уже мелькнула тревожная мысль.

— Не понимаете, а это такъ ясно... Уже натура тянетъ меня книзу, къ землѣ. Меня тянетъ вонъ отсюда, на воздухъ, чтобъ потокъ жизни захватилъ, захлестнулъ меня... Я готовъ принять въ объятія и Тетюшина, и вступить въ рыцари его ордена—глупаго прожиганія жизни. Меня тянетъ къ кутежу, къ пьяному разгулу, во мнѣ кипятъ черные осадки... О, да вамъ и разсказать нельзя всего того, что во мнѣ бушуетъ въ эту минуту. Я презираю все это, я знаю, насколько это все унижаетъ меня, но я знаю, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ я не устою и полечу, какъ бабочка на огонь. Я здоровъ, я здоровъ... Я предаю проклятію мое здоровье и въ то же время жажду того, что оно можетъ мнѣ дать... Какая тутъ работа, какое служеніе, о которомъ я еще вчера такъ краснорѣчиво мечталъ! Ни на что это я не способенъ! Высокій умъ жаждетъ прокатиться на тройкѣ, поставить тысячный кушъ на бѣгахъ, стремится къ забвенію посредствомъ вина, звона бокаловъ, къ шуму плоскихъ рѣчей и глупаго смѣха, въ объятія продажныхъ женщинъ, къ самому низкому разврату! Развѣ это не дикая шутка надъ человѣкомъ? Но я не могу больше бороться! Я не могу! я разобью себѣ черепъ...

Онъ схватился за голову и крѣпко, что было силы, стиснулъ ее обѣими руками. Надежда Ивановна слышала его глубокое и частое дыханіе.

Она подошла къ нему близко и положила ему на плечо дрожащую руку.

— Антонъ Михайловичъ!.. Можетъ быть, вы одинъ не въ силахъ бороться съ собой, но дружеская поддержка помогла бы вамъ...

Онъ мягко, но въ то же время и рѣшительно отвелъ ея руку, и лицо его искривилось ядовитой усмѣшкой.

— Знаемъ мы эту женскую поддержку! знаемъ мы эту женскую дружбу!..

— Нѣтъ, вы не знаете, если такъ говорите...—тихо возразила она.

— Нѣтъ, я знаю. О, слишкомъ хорошо знаю!

Онъ опять заходилъ по комнатѣ и въ это время говорилъ:

— Женская дружба! Женская поддержка! Вы поддерживаете падающаго человѣка не для того, чтобы поставить его на ноги, чтобы онъ потомъ шелъ своей дорогой, а только для того, чтобы онъ упалъ не одинъ, а вмѣстѣ съ вами!

— О, Боже!..

— Это такъ, такъ! У васъ все на этомъ зиждется. Вы осуждаете падающаго человѣка или жалѣете его, это все равно, — когда онъ падаетъ одинъ или съ другой женщи-

ной; но если онъ падаетъ съ вами, вы готовы возвести это паденіе въ подвигъ!

— Антонъ Михайловичъ!

— Позвольте! Что вы отъ меня хотите?—рѣзко говорилъ онъ и рѣчь его прерывалась тяжелымъ дыханіемъ. — Вы хотите любви? я не люблю васъ. Слышите ли, — я вамъ это говорю: я не люблю васъ, я не хочу васъ любить! Я никого не люблю, я никого не хочу любить! Вы женщина, вы красивы, вы обольстительны, и за это я васъ ненавижу...

Она опустилась въ кресло и сидѣла неподвижно, съ блѣднымъ лицомъ, а сердце ея билось медленно, точно собиралось остановиться.

А онъ не глядѣлъ на нее и говорилъ, говорилъ, словно задавшись цѣлью забросать ее оскорбленіями.

— Если сидитъ во мнѣ звѣрь, и вы это хорошо знаете, то пусть бы онъ спалъ, — что вамъ до него?.. А вы ходите передъ нимъ, вы мелькаете передъ его глазами, дразните и маните его своими прелестями! Вамъ во что бы то ни стало надо разбудить его, раздразнить, чтобъ глаза его засверкали дикимъ огнемъ, чтобы онъ уже не владѣлъ собою, не зналъ удержу! Вамъ это надо, вамъ это необходимо, потому что вы безъ этого не можете прожить!

— Да, да,—продолжалъ онъ, еще болѣе рѣшительнымъ тономъ, —у васъ все начинается съ возвышеннаго, а кончается низкимъ. Вы рабы вашихъ страстей, вашей похоти,—больше, чѣмъ мы... Мы по крайней мѣрѣ дѣлаемъ это прямо и открыто; мы такъ и говоримъ, мы на это идемъ; а вы... Начиная съ поклоненія уму, подвижничеству, характеру, вы опутываете человѣка наркотическимъ дымомъ вашихъ прелестей и потомъ, когда у него закружится голова, охватываете его вашими цѣпкими руками и стаскиваете его вмѣстѣ съ собой въ глубокую пропасть... и вы — тоже, что и другія; у васъ только личина покрѣпче, но я смотрю зорко, я проникаю сквозь нее взглядомъ и вижу подъ ней звѣря со всѣми его страстями.

Онъ остановился, потому что услышалъ прерывистый плачъ. Онъ взглянулъ на нее. Она сидѣла въ креслѣ, вся наклонившись впередъ, опустивъ голову на колѣни и закрывъ лицо руками.

— Ну, вотъ вы плачете...—какъ то растерянно произнесъ онъ: — зачѣмъ было приходить, если... Если я доставляю вамъ такія огорченія?..

Она не отняла рукъ отъ лица, не подняла головы и глухо отвѣтила: — Нѣтъ, не то, не то...

Онъ подошелъ ближе и остановился передъ нею. — Перестаньте плакать! Эта ваша слабость, эти слезы,—они сильнѣе всякой силы...

Она подняла голову. Глаза ея были влажны отъ слезъ, плечи слегка вздрагивали.

— Зачѣмъ вамъ понадобилось это?—промолвила она.

— Что?

— Оскорбить меня... Меня, проникнутую такой безконечной любовью къ вамъ!..

Онъ весь вздрогнулъ, какъ бы отъ нервнаго удара и, очутившись совсѣмъ близко около нея, крѣпко схватилъ ея руку. Глаза его пылали какимъ то страннымъ огнемъ.

— Къ чему... Къ чему вы это сказали?—воскликнулъ онъ, видимо запинаясь и голосъ его прерывался: — Это слово дразнитъ... Въ этомъ словѣ есть что-то непобѣдимое...

— Успокойтесь! — промолвила она и со страхомъ отклонилась отъ него.

— А, теперь успокойтесь!.. Разбудятъ спящаго человѣка выстрѣломъ изъ пушки и потомъ поютъ ему колыбельную пѣсню: спи...

— Что вы говорите? я не понимаю!

— Я говорю, что я лгалъ, я все лгалъ. Неправда, что я васъ ненавижу, неправда, что я хочу оскорбить васъ, потому что я васъ люблю! Вы прекрасны, вы обольстительны!.. Вы зажгли меня! Вы видите, вы чувствуете, какъ я весь горю страстью... Я васъ уже не выпущу... Вы будете моей...

— Оставьте меня!..

— Нѣтъ, я не оставлю... Вы сказали это слово... Вы проникнуты любовью, безконечной любовью... Вы это сказали... Значитъ вы моя... Моя... О, какое наслажденіе, какое блаженство!...

Антонъ Михайловичъ стоялъ у окна, приложивъ свой горячій лобъ къ стеклу. Плечи его опустились, весь онъ какъ то подался, съежился; лицо его выражало тупое отчаяніе. Онъ молчалъ.

Прошло четверть часа томительнаго молчанія. Она не замѣчала этого. Ей было ненужно, чтобы онъ говорилъ.

Но ему казалось, что это молчаніе для нея невыносимо. Онъ отвелъ лицо отъ стекла и полуобернулся въ ея сторону.

— Вотъ видите, какой я подлецъ!.. разбитымъ, хриплымъ голосомъ промолвилъ онъ.

Она вся вздрогнула и открыла глаза.—Что?—какимъ то смутнымъ голосомъ произнесла она.

— Развѣ я могу сказать, что люблю васъ? Развѣ я имѣлъ право? Я человѣкъ порыва, урагана... Это — самые негодные люди, такіе, какъ я... Любовь требуетъ упорства, усилія, постоянства. Да, когда я былъ боленъ, когда я былъ безуменъ, этого не могло бы случиться. А теперь я здоровъ... Я здоровъ... Если нужно, я прошу васъ простить... Но это вѣдь глупо...

Онъ съ минуту такъ стоялъ, повернувъ къ ней лицо, какъ бы ожидая отвѣта на свои слова; но отвѣта не было. Тогда онъ опять приблизился къ окну и приложилъ еще горѣвшій лобъ къ холодному стеклу.

Прошло нѣсколько минутъ. Надежда Ивановна поднялась и, не взглянувъ въ его сторону, тихо пошла къ выходу. Онъ слышалъ ея шаги и, можетъ быть, понялъ ея намѣреніе, но не пошевельнулся.

Она вышла въ переднюю, сняла съ вѣшалки кофту, неторопливо надѣла ее, потомъ калоши, шляпку; а онъ все не двигался съ мѣста. Затѣмъ она повернула ключъ у двери, вышла и стала тихо спускаться по лѣстницѣ.

Она вышла на улицу. Было около десяти часовъ. Въ головѣ ея не было ни одной безпокойной мысли, какъ будто мозгъ, утомленный чрезмѣрной работой, отказался продолжать свое дѣло. Она не взяла извозчика, а шла пѣшкомъ — улица за улицей.

Погода стояла чудная, снѣгъ стаялъ; на многихъ улицахъ остатки его уже собрали и свезли за городъ. Мало по малу голова ея освѣжилась и она стала думать, но не о томъ, что сейчасъ произошло.—Это какъ будто оторвалось отъ ея жизни и на вѣки осталось позади.

Его послѣднее признаніе ясно доказало ей, что между этими нѣсколькими часами, что она провела у него, и ея будущимъ нѣтъ и не будетъ никакой связи. Это стояло особнякомъ, какъ нѣчто стихійное, дикое, ворвавшееся въ ея жизнь безъ основаній въ прошломъ и безъ выводовъ для будущаго, ворвавшееся такъ, какъ неожиданно въ пути нападаютъ разбойники или застигаетъ гроза.

Она думала о томъ, что ей сейчасъ предстоитъ встрѣча съ Строевой. Строева — ея другъ, онѣ многое дѣлили вмѣстѣ, и до сихъ поръ не было такой тайны, которую она не сказала бы ей. Но этого она ей не скажетъ.

Какъ онѣ встрѣтятся? Ея лицо, ея внѣшній видъ — выдадутъ ее. Она обсуждала, какъ ей войти, что сказать, какъ объяснить и въ такихъ думахъ, которыя оказались головоломными и захватили все ея вниманіе, она незамѣтно дошла до Конюшенной. Уже часы пробили гдѣ-то одиннадцать, когда швейцаръ впустилъ ее въ подъѣздъ, оказавшійся незапертымъ. Она поднялась къ себѣ и позвонила.

— Не спятъ еще?—спросила она у Генріеты.

— Нѣтъ... Ольга Сергѣевна сейчасъ вышли.

— Куда?

— Приходили васъ позвать къ больному... Тутъ во дворѣ... У какой то прачки ребенокъ сталъ задыхаться. А какъ васъ не было, то Ольга Сергѣевна пошли. Они скоро вернутся.

И Генріета подняла руку, чтобъ снять съ нея кофту.

— Нѣтъ, я сама сниму... Принесите мнѣ стаканъ холодной воды... Холодной, изъ подъ крана.

— Какъ? не переваренную?—съ ужасомъ спросила Генріета.

— Да, да, пожалуйста.

Генріета ушла въ кухню. Надежда Ивановна поспѣшно прошла черезъ гостиную въ спальню. Горѣлъ ночникъ. Мальчикъ спалъ. Она нѣсколько разъ прошлась по комнатѣ, потомъ вошла въ гостиную, усѣлась на диванѣ, положила подъ голову диванную подушку и закрыла глаза. Черезъ минуту страшная усталость охватила ее и она задремала.

Минутъ черезъ десять вернулась Строева и разбудила ее своими разсказами о ребенкѣ прачки, который задыхался и котораго она спасла. Строева замѣтила въ ея лицѣ только сонливость и посовѣтовала ей тотчасъ лечь въ постель. Она обрадовалась этому совѣту и поспѣшила исполнить его.

Скоро въ квартирѣ стало тихо и темно.

XXI.

Только на другой день съ самаго утра нервы дали себя знать. Надежда Ивановна не могла поднять головы, и въ то время, какъ Строева давно уже встала, напилась чаю, накормила мальчика и прочитала газету, Надежда Ивановна все еще оставалась въ постели. Тяжелая голова ея лежала на подушкѣ, а глаза были открыты.

Строева, находившая, что въ одиннадцать часовъ спать уже постыдно, подняла въ спальнѣ штору и подошла къ кровати.

— Давно пора вставать!—сказала она.

— Я не встану!—усталымъ голосомъ отвѣтила Надежда Ивановна.

— Ты развѣ не здорова?

— Да, должно быть, я вчера простудилась.

— Эти странные петербуржцы отлично выносятъ морозъ и вьюгу и простуживаются въ теплый, почти весенній вечеръ.

— Да, это самое коварное время года! У меня, должно быть, инфлюэнца.

— Ты постарайся еще заснуть, а мы съ Гришей будемъ вести себя тихо,—сказала Строева. И не могла бы ничѣмъ доставить Надеждѣ Ивановнѣ большаго удовольствія.

Они оба ушли въ гостиную, притворили дверь, и Строева что то читала мальчику почти шопотомъ. А Надежда Ивановна, чрезвычайно довольная, что ее оставили наединѣ съ самой собой, начала обсуждать свое положеніе.

Она совсѣмъ не думала о себѣ, о томъ, какъ измѣнятся теперь ея отношенія къ нему и къ людямъ. Она только какъ бы мелькомъ почувствовала, что, не смотря ни на что, этотъ человѣкъ также дорогъ ей сегодня, какъ и былъ, а можетъ быть и больше. Она представляла его только такимъ, какимъ онъ былъ тогда, наканунѣ безумія. Быть можетъ, только безуміе и способно сдѣлать человѣка великимъ, заставить разомъ отрѣшиться отъ всего, что составляетъ ежедневный обиходъ нашей жизни, отъ всѣхъ условностей, которыя вырабатывались вѣками, результатъ постояннаго приспособленія совѣсти.

Онъ былъ такимъ, никто до него не былъ такимъ. Такихъ она встрѣчала въ книгахъ, но въ жизни онъ былъ первый. Ничто, ничто не могло бы затмить въ ея глазахъ тотъ свѣтлый образъ, въ какомъ онъ предсталъ ей въ тотъ день, когда она шла за нимъ, какъ покорная раба.

Теперь она думала о томъ, какъ ей быть, какъ исполнить свой долгъ передъ Ниной Александровной, которой она обѣщала навѣщать его. О томъ, какія перемѣны должны возникнуть въ ихъ отношеніяхъ, ея и Нины Александровны, она теперь не могла думать. Это дѣло будущаго. А теперь вѣдь онъ еще такой ненадежный.

Она не можетъ пойти туда. Вѣдь она не знаетъ, въ какомъ настроеніи найдетъ его. Быть можетъ, встрѣча съ ней причинитъ ему боль. Мелькнула мысль о томъ, что она можетъ найти его такимъ, какъ вчера, но на это она сказала себѣ: «но теперь я была бы другая». Да, потому что она уже чувствовала въ себѣ силу противостоять всему, всякому урагану.

Нѣтъ, она изъ за него боится пойти туда. Но не узнать, что съ нимъ, каково его настроеніе, какъ онъ ведетъ себя, съ этимъ тоже она не могла примириться. Тонъ, которымъ онъ сказалъ ей вчера послѣднія слова, такія правдивыя и такія обидныя для нея, былъ мрачный, подавленный и не обѣщалъ ей ничего хорошаго.

И, какъ отвѣтъ на всѣ эти вопросы, ей въ голову пришло рѣшеніе. Она уже болѣе часа лежала въ одиночествѣ. Въ гостиной говорили шопотомъ. Она позвала:

— Ольга!

— Ты развѣ не уснула?—спросила Строева.

— Я проснулась, зайди ко мнѣ.

Строева пришла въ спальню.

— Тебѣ лучше?

— Немного лучше. Но я предпочитаю еще остаться въ постели. Я хочу попросить тебя... Вчера Барвинскій былъ дурно настроенъ и высказывалъ мрачныя мысли.

— Ну, и пусть его.

— Нѣтъ, такъ нельзя. Я обѣщала его женѣ... Но я не могу сегодня. Можетъ быть, ты зашла бы къ нему на полчаса и посмотрѣла-бы, въ какомъ онъ настроеніи.

— Ладно. Эхъ, вы, добровольныя няньки! Но только няньчиться вы предпочитаете съ бородатыми дѣтьми.

— Кто же это—вы?

— Ну, да вотъ хоть вы обѣ—ты и его жена.

Надежда Ивановна не возразила. Это было безполезно. Строева зарядилась своимъ новымъ настроеніемъ противъ Барвинскаго, и все равно нельзя было разубѣдить ее.

Строева одѣлась и поѣхала къ Барвинскому. Антонъ Михайловичъ встрѣтилъ ее нѣсколько разсѣянно, но любезно. Онъ только что вернулся съ прогулки. Онъ гулялъ часа два пѣшкомъ.

— Мы давно съ вами не видались,—промолвилъ онъ.— Развѣ вы не ѣздили въ Вильно?

— Нѣтъ, Надежда Ивановна задержала меня...

— А Надежда Ивановна, должно быть, въ больницу поѣхала?—спросилъ онъ и при этомъ взглянулъ на нее исподлобья.

— Она нездорова.

— Правда?

— Да, вчера простудилась...

— Гм... Вотъ какъ! Это жаль. А я хотѣлъ поговорить съ нею объ одномъ дѣлѣ.

— Она завтра, вѣроятно, встанетъ. Во всякомъ случаѣ, если вы пріѣдете завтра, то она приметъ васъ; вы можете поговорить.

— Завтра я не смогу. Завтра жена пріѣдетъ, я долженъ ее встрѣтить и вообще быть съ нею. Я получилъ отъ нея телеграмму. Она вернется раньше, чѣмъ думала.

— А развѣ дѣло спѣшное?

— Да, да... Пожалуй, что скорѣй спѣшное, чѣмъ нѣтъ. Впрочемъ, ничего... Какъ же вы поживаете?—вдругъ перемѣнилъ онъ разговоръ, и они проболтали съ полчаса о Вильнѣ, о тамошней больницѣ, о врачахъ. Затѣмъ Строева простилась. Прощаясь, онъ больше ни слова не сказалъ о Надеждѣ Ивановнѣ и о своемъ дѣлѣ.

Строева пріѣхала домой часа въ три и разсказала о своемъ разговорѣ съ Барвинскимъ.

Надежда Ивановна только переспросила:—Она завтра пріѣдетъ?—И получила подтвержденіе.

Но черезъ полчаса послѣ этого она встала и начала одѣваться.

— Ты зачѣмъ это?—спросила ее Строева.

— Я поѣду къ нему.

— Ты съ ума сошла! У тебя инфлюэнца. Ты это знаешь. И ты понимаешь какъ это опасно.

— Пустое. У меня никакой инфлюэнцы нѣтъ. Это твоя фантазія. Я уже здорова.

— Вы всѣ здѣсь превратились въ неразумныхъ дѣтей.

— Ты слишкомъ разумная, слишкомъ взрослая.

— Не ходи, Надежда Ивановна.

— Нѣтъ, я поѣду, я должна поѣхать.

— Почему должна?

— Потому что должна.

И онѣ обѣ замолчали. Строева надулась. Въ послѣднемъ ея отвѣтѣ она увидѣла намѣренное желаніе быть съ нею неоткровенной, и это обидѣло ее.

Это была уже не первая обида въ этотъ ея пріѣздъ. Ихъ прежнія отношенія были удивительно открыты и ясны. Не было между ними ни недомолвокъ, ни недоразумѣній. Горькія вещи всегда онѣ говорили другъ другу также просто и прямо, какъ и пріятныя.

Строева выпускала изъ виду, что тогда ихъ жизнь была проще и бѣднѣе внутренними явленіями. И каждый день въ разговорѣ ихъ попадались слова или взгляды, которые холодили ея горячую дружбу къ Надеждѣ Ивановнѣ.

Она и теперь исподлобья смотрѣла на то, какъ та, по ея мнѣнію больная, поспѣшно одѣвалась, чтобы ѣхать къ Барвинскому.

«По первому его слову рискуетъ здоровьемъ, можетъ быть, даже жизнью! думала она:—И она еще рѣшается утверждать, что ихъ связываютъ какія-то отвлеченныя отношенія и чувства. Э, нѣтъ, Надежда Ивановна, ты такая же, какъ и всѣ, и попалась на ту же приманку, на которую идутъ всѣ такія же восторженныя женщины, какъ ты»...

А Надежда Ивановна одѣлась, сказала ей: «до свиданья», и ушла.

Ей казалось это совершенно необходимымъ не потому, что Барвинскій выразилъ желаніе видѣть ее, и не потому, что онъ сослался на какое то дѣло—вѣдь она не слишкомъ вѣрила въ это дѣло,—а главнымъ образомъ потому, что онъ получилъ телеграмму отъ Нины Александровны.

Она была почти увѣрена, что этотъ разговоръ находится въ связи съ телеграммой и долженъ произойти до пріѣзда Нины Александровны.

Ей самой было тяжело, но она знала, что ему тяжелѣе послѣ того, что произошло. Она одна, а онъ всегда долженъ считаться съ душой этой женщины, которая посвятила ему жизнь. Значитъ, если она не доставитъ ему возможности ска-

зать ей то, что у него есть, сегодня, то она этимъ сдѣлаетъ ихъ свиданіе безполезно - тяжелымъ.

Вотъ почему позабывъ страшную головную боль и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ опасность простудиться, она, не раздумывая долго, отправилась къ нему. Когда она вошла въ переднюю, Барвинскій выглянулъ изъ кабинета, и лицо его, до того времени хмурое, освѣтилось.

— Здравствуйте, здравствуйте!—промолвилъ онъ и въ голосѣ его слышалось удовольствіе.

Она кивнула ему головой и вошла въ кабинетъ.

— Вы даже гораздо лучше, чѣмъ я думалъ о васъ,—промолвилъ онъ, здороваясь съ нею.

— А думали вы обо мнѣ очень дурно, конечно?—спросила она тономъ шутки.

— Лучше, чѣмъ о комъ бы то ни было, за исключеніемъ моей жены.

— Да, она лучше, чѣмъ мы съ вами...

— О, это не подлежитъ сомнѣнію.

Онъ стоялъ у стола, она опустилась на стулъ. Онъ сказалъ:

— Вы видите, что я очень радъ?

— Не моему приходу, конечно, а чему нибудь другому.

— Да, другому, что доказывается вашимъ приходомъ.

— Ну, такъ объясните.

— А видите ли, если бы вы послѣ моихъ глупыхъ и злыхъ словъ, которыя, впрочемъ, были искренни, не пришли или, что называется, порвали отношенія, то это было бы пошло и весь этотъ нашъ... эпизодъ—пріобрѣлъ бы характеръ пошлости. Я вчера поступилъ дурно, какъ мужчина,—прибабавилъ онъ пониженнымъ голосомъ,—и могъ ожидать, что вы сегодня поступите дурно, какъ женщина. Но вы поступили, какъ человѣкъ. Вы пришли; позвольте поблагодарить васъ.

Онъ протянулъ ей руку, она пожала ее.

— Да, продолжалъ онъ,—безъ особеннаго волненія прохаживаясь по комнатѣ.—Конечно, наше достоинство разумнаго существа требуетъ, чтобы извѣстная близость между мужчиной и женщиной обусловливалась наибольшей степенью нравственной близости. Это хорошо, это можно поставить идеаломъ, но если мы иногда, и очень часто—не достигаемъ этого идеала, поддаемся минутному настроенію, сильному и искреннему, но не глубокому... то зачѣмъ же дѣлать изъ этого роковой вопросъ?

— Вы развѣ хотѣли *объ этомъ* говорить?—съ замѣтной строгостью спросила Надежда Ивановна.

— Нѣтъ, нѣтъ, не объ этомъ. Но этого нельзя обойти. И это въ послѣдній разъ у насъ такой разговоръ. Видите ли, я

еще не знаю и не могу съ увѣренностью сказать вамъ, что со мной будетъ. Можетъ быть, я еще попробую жить, а можетъ быть и умру.

— Вы не имѣете права.

— О правѣ не будемъ спорить; предоставимъ это юристамъ; я всю жизнь, за исключеніемъ въ общей сложности дюжины дней, дѣлалъ то, на что не имѣлъ права. Значитъ, если это сдѣлаю, то не будетъ особаго нарушенія общей системы. Я не къ тому; я говорю вотъ что. Если я изберу второй путь, то есть убью себя, что весьма возможно, такъ какъ у меня на это есть достаточно причинъ, то нашъ разговоръ потеряетъ силу; но въ случаѣ перваго... Вотъ я получилъ телеграмму отъ жены...

Онъ подошелъ къ столу и показалъ лежавшую на немъ телеграмму.

— Она должна была пріѣхать позже,—продолжалъ онъ,— но дѣла такъ благопріятно сложились, что ей оставаться не зачѣмъ. Она пріѣдетъ завтра. Вы, можетъ быть, не знаете, чѣмъ была для меня эта женщина и сколько я ей мукъ доставилъ. О, я въ ея жизни игралъ роль кошмара. Но все же она, не смотря на всѣ разочарованія, склонна къ оптимизму... Вы понимаете, о чемъ я говорю. Она уѣхала отсюда, вѣря мнѣ и вамъ, вѣря намъ обоимъ. Ну, и вотъ, можно представить, что для нея составило бы разочарованіе въ насъ... не во мнѣ и не въ васъ, а въ насъ обоихъ и въ ея довѣрчивости къ намъ... Не знаю, удастся ли мнѣ это, но я даю себѣ слово и повторяю его при васъ — если останусь жить, никогда больше не оскорблять ее... Я хотѣлъ бы, чтобы эта новая эпоха въ ея жизни не начиналась мрачнымъ разочарованіемъ. Поэтому я прошу васъ, дайте слово себѣ и мнѣ, что мы... Какъ бы это выразить?.. Что мы забудемъ это... Что этого не было совсѣмъ, совсѣмъ не было, и что она ни изъ чего, ни изъ словъ, ни изъ намековъ, ни изъ взглядовъ не догадается, не подумаетъ, не мелькнетъ у нея тѣни мысли, намекающей на то, что было между нами... Если я умру, мнѣ до этого нѣтъ дѣла. Я не могу предвидѣть характеръ будущихъ настроеній и отношеній; можетъ быть, тогда это будетъ даже полезно. Словомъ, вы тогда свободны отъ этого обѣщанія. Вы обѣщаете?

— Да, безусловно.

— Вотъ все... Больше ничего... И мы съ этой минуты никогда не вернемся къ этому разговору.

— Да, да... Въ которомъ часу завтра пріѣдетъ Нина Александровна?—спросила Надежда Ивановна, очевидно такимъ образомъ переходя къ другому предмету.

— Въ одиннадцать.

— Я пріѣду на вокзалъ встрѣтить ее.

— Отлично! И потомъ будете завтракать съ нами!

— Я согласна. Только надо бы въ больницу заѣхать,— прибавила она.— Меня, кажется, оттуда скоро выгонятъ.

— Не велика бѣда. Если я останусь жить, у насъ будетъ много работы. Я останусь не иначе, какъ подъ условіемъ выполнить то, о чемъ мечты я высказывалъ вамъ. Если же я умру, вы съумѣете поправить вашу репутацію. Да, да, я останусь жить только подъ условіемъ, что окажусь способнымъ къ безупречности. Мнѣ надоѣло быть слабымъ, мнѣ надоѣло презирать себя. Въ первый же день, когда я почувствую, что темныя силы овладѣваютъ мной и побѣждаютъ мое лучшее, мой духъ, въ тотъ же день я умру... Вы видите, я говорю это вамъ и только вамъ; я никому этого больше не скажу, даже малюткѣ. Это значитъ, что я очень цѣню васъ и въ самомъ дѣлѣ я цѣню васъ очень высоко... Ахъ, да, вообразите, что я всю эту ночь работалъ!

— Надъ книгой?

— Да, я написалъ, кажется, лучшія страницы. Удивительно, сколько противорѣчій таится въ иной человѣческой душѣ! Хотите, я вамъ прочитаю?

— Съ удовольствіемъ.

Онъ прочиталъ ей то, что написалъ за ночь. Ей тоже показалось, что это лучшее изъ всего, что было въ этой книгѣ.

Потомъ они заговорили о Строевой. Надежда Ивановна разсказала, что онѣ теперь ссорятся. Барвинскій промолвилъ:

— Строева очень хорошій, честный человѣкъ, но у нея душа, по тонкости организаціи, такъ сказать, втораго сорта.

Надежда Ивановна заступилась за Строеву и въ то время, когда говорила въ ея защиту, испытывала горькое чувство по поводу своей сегодняшней ссоры съ нею. Она рѣшила тотчасъ, когда придетъ домой, помириться.

Но Строева въ этомъ не нуждалась. У нея горечь давно уже прошла, и она забыла объ утренней размолвкѣ.

Оказалось, что, пока Надежда Ивановна была у Барвинскаго, Строева прогулялась съ Гришей. Мальчикъ былъ очень взволнованъ: на завтра было назначено свиданіе съ матерью и съ братьями. Приходила уже мысль о томъ, что ему скоро придется оставить гостепріимный домъ Надежды Ивановны и переселиться къ нимъ. Онъ, кажется, этого боялся. Не смотря на свою искреннюю привязанность къ роднымъ, по которымъ онъ скучалъ, онъ никакъ не могъ представить себѣ домашнюю обстановку иначе, какъ тою, какую онъ оставилъ въ томъ большомъ домѣ, откуда его привезла къ себѣ Надежда Ивановна.

Между прочимъ, Надежда Ивановна сообщила Строевой, что завтра поѣдетъ на вокзалъ встрѣчать Нину Александров-

ну.—Только, пожалуйста, не говори мнѣ объ инфлюэнцѣ и не предостерегай меня отъ простуды!—прибавила она, смѣясь,—а то чего добраго опять поссоримся.

— Развѣ мы ссорились?

— Было что то въ этомъ родѣ.

— Ничего подобнаго не было!—сказала Строева, подошла къ ней и поцѣловала ее въ голову.

«Какой она хорошій человѣкъ!»—подумала Надежда Ивановна.

Весь остальной день послѣ разговора съ Барвинскимъ у нея было недурное настроеніе. Чувствовалось нервное утомленіе, но оно не безпокоило ее; изрѣдка только гдѣ то въ глубинѣ души вдругъ на мгновеніе промелькнетъ что-то острое, похожее на мимолетную боль. Она вздрогнетъ и тотчасъ же торопится отогнать отъ себя это минутное ощущеніе. Она рано въ этотъ день легла спать.

XXII.

Вечеромъ, послѣ того, какъ Надежда Ивановна ушла отъ Барвинскаго, къ нему заѣзжали Сторѣцкій и Тетюшинъ, звали его прокатиться за городъ, ссылались на весеннюю погоду, но онъ наотрѣзъ отказался. Но они узнали, что завтра пріѣдетъ Нина Александровна, и обѣщали явиться на вокзалъ.

Нина Александровна была удивлена столь торжественной встрѣчей. Она, конечно, прежде всего замѣтила Антона Михайловича и засыпала его вопросами о здоровьѣ, потомъ лицо ея освѣтилось новой улыбкой, когда она увидѣла Надежду Ивановну. Затѣмъ она пожала руку Сторѣцкому и Тетюшину, взглянувъ на послѣдняго исподлобья. Присутствіе этого человѣка всегда пробуждало въ ней опасеніе, такъ какъ до сихъ поръ встрѣча съ нимъ для Антона Михайловича почти всегда кончалась попойкой.

Но она совершенно успокоилась, когда Сторѣцкій и Тетюшинъ, проводивъ ихъ до экипажа, стали прощаться, торопясь въ больницу на обходъ.

— А вы развѣ не съ нами, Надежда Ивановна?—спросилъ Сторѣцкій, видя, что Надежда Ивановна тоже садится въ экипажъ.

— Я завтра начну быть исправной, Григорій Игнатьевичъ!—отвѣтила ему смѣясь Надежда Ивановна.

— Не могу понять, что васъ испортило,—сказалъ Сторѣцкій;—уже теперь Кулькова высоко подняла голову и смѣло опаздываетъ на двадцать четыре часа. И ничего ей сказать нельзя. Другая, молъ, совсѣмъ не ходитъ, а я только опаздываю и всего только на двадцать четыре часа!

— Я наверстаю, Григорій Игнатьевичъ.

Они поѣхали. Нина Александровна разсказывала о деревенскихъ дѣлахъ, совершенно выпустивъ изъ виду, что Надежда Ивановна ничего въ нихъ не понимаетъ и не можетъ интересоваться ими. Ей казалось, что Надежда Ивановна вошла во всѣ ихъ интересы и сдѣлалась какъ бы членомъ ихъ семьи.

Она была оживлена. Лицо ея нѣсколько похудѣло, но на щекахъ игралъ румянецъ. Забота и тревога, которыя она испытывала во время пути, боролись съ свѣжимъ воздухомъ и, кажется, послѣдній побѣдилъ. Что то необыкновенно бодрое свѣтилось въ ея глазахъ.

Дома ждалъ ихъ завтракъ, а послѣ завтрака Нина Александровна сказала:

— Я взяла на себя непріятное порученіе, изъ за котораго должна съѣздить въ гостиный. Дочь нашего управляющаго готовится къ какому то балу, кто то въ сосѣдствѣ выходитъ замужъ. Просили купить и послать матерію на платье.

— Я этому не препятствую!—сказалъ Барвинскій,—съѣзди, только не надолго.

— Но я такъ мало понимаю въ этомъ.

— Еще бы! ты сама, кажется, ничего, кромѣ сѣраго и чернаго цвѣтовъ, не признаешь.

— Можетъ быть, Надежда Ивановна поможетъ мнѣ?

Надежда Ивановна хотѣла сказать, что она понимаетъ въ тряпкахъ не больше ея, но вдругъ догадалась, что тряпки здѣсь не причемъ, что Нина Александровна хочетъ узнать отъ нея о томъ, какъ велъ себя эти дни Антонъ Михайловичъ.

Она сказала:—Я охотно помогу вамъ... если смогу.

— Такъ съѣздимте вмѣстѣ.

Надежда Ивановна согласилась.

— А меня оставляете въ одиночествѣ?—промолвилъ Антонъ Михайловичъ.

Нина Александровна смутилась, но Барвинскій поспѣшилъ успокоить ее:

— Нѣтъ, я шучу, поѣзжайте, только не засиживайтесь тамъ. Я присяду за письменный столъ. У меня кое что шевелится въ головѣ.

Дамы скоро собрались и уѣхали. Съ той минуты, какъ онѣ остались вдвоемъ, сидя рядомъ въ экипажѣ, Надежда Ивановна почувствовала, что для нея это не такъ легко—быть наединѣ съ Ниной Александровной.

Въ послѣдніе дни до ея поѣздки натянутость, которая всегда прежде была между ними, исчезла. Но теперь явилось другое. То, что она должна таить отъ Нины Александровны, такъ близко касалось ея.

Въ первую минуту у Надежды Ивановны явилось ощу-

щеніе виноватости передъ нею, но это мѣшало ей гораздо менѣе, чѣмъ другое. При всемъ добросовѣстномъ желаніи не взваливать вину на другого, она не могла себя признать виноватой передъ нею. То, что совершилось, дѣйствительно походило на ураганъ, которому противостоять было безнадежно.

Но что бы она теперь ни говорила ей, какія бы свидѣтельства и объясненія ни давала, всегда останется недоговореннымъ что то важное, всегда въ ея отношеніяхъ къ Нинѣ Александровнѣ будетъ извѣстная доля лицемѣрія, неискренности, неправды... Но во всемъ остальномъ Надежда Ивановна считала своимъ долгомъ дать Нинѣ Александровнѣ точный отчетъ.

— Вы мнѣ разскажите, какимъ онъ былъ!—сказала Нина Александровна, когда онѣ ѣхали вмѣстѣ.

— Онъ былъ неровенъ!—отвѣтила Надежда Ивановна;—но думаю, что существенно-тревожнаго ничего не было. Иногда я заставала его бодрымъ, энергично работающимъ, но случалось видѣть его мрачно настроеннымъ. Онъ говорилъ тогда о замѣтныхъ послѣдствіяхъ, какія оставляетъ болѣзнь на его умственныхъ способностяхъ, о потерянныхъ мысляхъ, которыя прежде были готовы въ его головѣ, а теперь куда то исчезли. Но потомъ, напримѣръ, вчера, оказалось, что онъ работалъ ночью и написалъ прекрасныя страницы. Онъ говорилъ часто о васъ, о томъ, какъ виноватъ передъ вами, какъ отравилъ вашу жизнь, и давалъ клятву никогда больше не оскорблять васъ своимъ поведеніемъ.

— Всякій разъ онъ даетъ себѣ эти клятвы,—сказала со вздохомъ Нина Александровна, и эти слова, и этотъ вздохъ заставили Надежду Ивановну опять съ новой силой пережить острое мученіе совѣсти.

— Онъ говорилъ о томъ... О томъ, что можетъ быть... онъ перестанетъ жить.

— Это не ново... съ грустью сказала Нина Александровна,—объ этомъ онъ часто говоритъ.

— Нѣтъ, не только это. Онъ поставилъ это въ зависимость отъ своего поведенія относительно васъ.

— Да?

— Да, онъ такъ сказалъ. Первая мысль о преступленіи противъ васъ для него будетъ лозунгомъ смерти.

— Но это ужасно... Вѣдь я способна простить ему все! Развѣ онъ не знаетъ?

— Онъ знаетъ это. Но уже онъ самъ оказывается неспособнымъ прощать себѣ это.

— Нѣтъ, нѣтъ, его надо сбить съ этой дороги. Конечно, это... такіе факты... меня оскорбляютъ, какъ женщину, какъ жену его. Но развѣ я могу смотрѣть на него, какъ на здороваго человѣка? Слушайте... Вы имѣете на него вліяніе. Я

слишкомъ много уступала и прощала ему, чтобы имѣть на него какое нибудь вліяніе. Разубѣдите его въ этомъ, пусть онъ откажется отъ своего рѣшенія. Самое главное, чтобы онъ жилъ. Все остальное ничего не стоитъ...

Онѣ въ это время пріѣхали къ гостиному двору. Надеждѣ Ивановнѣ не пришлось напрягать вниманіе, чтобы помочь Нинѣ Александровнѣ въ выборѣ матеріи для бальнаго платья. Обѣ онѣ думали о другомъ и вполнѣ довѣрились вкусу приказчика. Онѣ пробыли въ магазинѣ не болѣе пяти минутъ. Имъ вынесли покупку, и онѣ поѣхали обратно.

— Да, я попробую...

— Теперь я ужъ не поѣду къ вамъ!—сказала Надежда Ивановна.—Довезите меня домой. Ахъ, да, вотъ что. Сегодня мы съ Строевой собираемся свезти Гришу къ его роднымъ. Давайте назначимъ часы и встрѣтимся тамъ. Для васъ это будетъ поводомъ привезти туда Антона Михайловича. Мы будемъ тамъ часа въ четыре.

— Это хорошо!—сказала Нина Александровна.—Кстати, я давно ихъ не видала.

Она завезла Надежду Ивановну на Конюшенную и тутъ онѣ разстались.

— Ну,—сказалъ Антонъ Михайловичъ,—когда она вернулась домой одна:—надѣюсь, что Надежда Ивановна дала тебѣ подробный отчетъ о моемъ поведеніи.

— Почему ты такъ думаешь?—сильно смутившись, спросила она.

— Если бы я такъ до сихъ поръ не думалъ, то сталъ бы думать, увидавъ твои глаза.

— Да, разумѣется, она не могла же не подѣлиться со мной...

— Ну-ну-ну, дорогая малютка,—сказалъ онъ, взявъ ея обѣ руки и поцѣловавъ ихъ.—Ты готова уже и по этому поводу страдать. Ты сдѣлала страданіе своей спеціальностью, впрочемъ, при моемъ благосклонномъ участіи. Но неужели ты думаешь, что я не знаю о постоянномъ надзорѣ, сопровождающемъ мою жизнь? знаю и признаю, что самъ вызываю это и ты права. Притомъ же этотъ надзоръ меня не стѣсняетъ. Во первыхъ, онъ пассивенъ, а во вторыхъ, когда я нахожу, что эти тоненькія цѣпочки мнѣ мѣшаютъ, я очень легко и просто разрываю ихъ.

— Ты много написалъ безъ меня?—спросила Нина Александровна, увидѣвъ на столѣ его работу, въ которой было нѣсколько свѣжихъ строкъ.

— Нѣтъ, неособенно много, а главное не такъ хорошо, какъ хотѣлось. Я не оправдалъ собственныхъ надеждъ...

— Ты навѣрно пристрастенъ. Ты слишкомъ требователенъ къ себѣ.

— Ну, не будемъ говорить объ этомъ. Во всякомъ случаѣ, если даже работа не удовлетворитъ меня, то она навѣрно удовлетворитъ почтенное собраніе ученыхъ мужей, долженствующихъ возвысить мое имя посредствомъ ученой степени. Я ручаюсь, что эта книга будетъ способна сдѣлать тебя докторшей медицины.

Онъ обнялъ ее и поцѣловалъ въ щеку.

— Ты знаешь,—сказала Нина Александровна,—я не велѣла распрягать лошадей, мнѣ хочется прокатиться съ тобой.

— Я отъ этого въ восторгѣ. Сегодня много солнца.

Минутъ черезъ десять они были уже въ коляскѣ. Небо было совершенно чистое, солнце плыло гдѣ-то по краямъ его, какъ будто опасливо обходя зенитъ, но все же лучи его давали достаточно тепла, чтобы не кутаться въ воротникъ шубы; однако Нина Александровна не позволила мужу надѣть пальтѳ. Воздухъ былъ тихъ. Въ городѣ они ѣхали по гранитной мостовой, такъ какъ снѣгъ уже былъ вездѣ убранъ, но за городомъ пошла настоящая санная дорога. Глубокій, слегка подтаявавшій снѣгъ размягчился отъ тепла, и лошадямъ было тяжело ступать по немъ. Поэтому Сергѣй повелъ ихъ шагомъ.

Они ѣздили нѣсколько часовъ. Антону Михайловичу уже давно хотѣлось домой, такъ какъ онъ не любилъ продолжительныхъ прогулокъ въ коляскѣ. Верхомъ онъ готовъ былъ проѣздить цѣлый день. Но онъ ни однимъ словомъ не заявилъ протеста и все время поддерживалъ въ себѣ веселое настро еніе.

Былъ уже четвертый часъ, когда Нина Александровна велѣла кучеру ѣхать въ «пансіонъ», какъ они въ шутку называли его. Въ четыре часа было условлено съѣхаться тамъ съ Надеждой Ивановной и Строевой. Когда они пріѣхали, дамы уже были тамъ. Родственное свиданіе уже произошло. Гриша, уже совершенно выздоровѣвшій, тѣмъ не менѣе никакъ не могъ освоиться съ новой обстановкой. Каждый предметъ вызывалъ въ немъ удивленіе.

Маленькій домикъ стоялъ особнякомъ, при немъ былъ небольшой палисадникъ и довольно большой дворъ, въ которомъ помѣщался погребъ и еще какія то хозяйственныя службы. Два этажа были раздѣлены на нѣсколько квартиръ, изъ которыхъ каждая была самостоятельна, обладала отдѣльнымъ ходомъ и кухней. Не у всѣхъ было одинаковое число комнатъ. Напр., у разслабленнаго молодого человѣка, который, хотя и значительно уже оправился, тѣмъ не менѣе не могъ еще вставать съ постели безъ посторонней помощи, было всего двѣ маленькихъ комнатки. Одну занималъ онъ, въ другой помѣщалась старуха, которая за нимъ ходила.

Самая большая квартира досталась семейству Гриши. У

нихъ было четыре комнаты, и всѣ члены семьи были размѣщены просторно и удобно. Мебель была самая необходимая но все пока еще блистало новизной и чистотой. Впрочемъ, на чистоплотность новыхъ владѣльцевъ дома не слишкомъ полагались. При домѣ была женщина, исполнявшая обязанности какъ бы управителя дома. У нея была маленькая квартирка. Впослѣдствіи предполагалось и этотъ постъ уничтожить, но теперь это было еще необходимо.

Кромѣ того, новые владѣльцы просто таки не умѣли «владѣть». Явился и фабричный. Онъ продолжалъ работать на фабрикѣ и въ то же время дѣятельно готовился къ началу постройки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была фабрика, собственнаго домика, на средства, которыя ему дала Нина Александровна. Онъ пока жилъ на фабрикѣ, такъ какъ ему было далеко ходить отсюда, а семья его владѣла квартирой временно, пока устроится ихъ собственный домъ. Тогда имѣлось въ виду помѣстить сюда на правахъ владѣльцевъ другое семейство.

Антонъ Михайловичъ съ видимымъ удовольствіемъ осматривалъ домъ. Даже тѣ мрачныя струи, которыя онъ ощущалъ минутами въ душѣ и которымъ не давалъ ходу, чтобы не огорчить Нину Александровну, какъ бы смирились въ немъ. Онъ тихонько пожималъ руку жены и говорилъ: «спасибо, малютка, спасибо. Я хотѣлъ бы почаще болѣть, чтобъ создавать такія маленькія дѣла»...

Но кто былъ въ восторгѣ, такъ это Строева. Привыкнувъ судить о людяхъ по ихъ дѣламъ, не умѣя совсѣмъ докапываться правды по тонкимъ движеніямъ ихъ души, она теперь вдругъ сразу признала Нину Александровну. Оставшись наединѣ съ Надеждой Ивановной, она тихонько говорила ей:

— Я вижу, что вы оба ея не стоите, этой женщины. О, не смотри такъ; я вижу, ты хочешь сказать, что это его вліяніе... Напрасно, мой другъ! Онъ говоритъ только хорошія слова, а дѣлаетъ въ то же время гадости, а добро дѣлаетъ она, только она.

— Но не она собрала этихъ людей изъ разныхъ трущобъ, а онъ!—возразила Надежда Ивановна.

— Нѣтъ, даже не онъ, а безуміе... А когда безуміе прошло, онъ и не подумалъ бы о нихъ. А она не въ безуміи, а въ здравомъ умѣ, безъ словъ тихо все это сдѣлала...

Надежда Ивановна не спорила. Она хорошо знала отъ самой Нины Александровны, что безъ Антона Михайловича, безъ тѣхъ припадковъ безумія, которые однакожъ такъ разумно и благотворно направляли его волю, Нина Александровна, будучи прекраснымъ человѣкомъ и обладая всѣми тѣми идеальными стремленіями, какія у нея есть, просидѣла-бы всю жизнь, не сдѣлавъ ничего дѣльнаго.

Они пробыли въ домикѣ до сумерекъ, затѣмъ стали собираться домой. Гришѣ было предложено на выборъ—оставаться съ своими или ѣхать къ Надеждѣ Ивановнѣ. Онъ взглянулъ на Строеву, и глаза его наполнились слезами. Тогда Строева, больше не предлагая ему никакого выбора, взяла его за руку и повезла на Конюшенную. Онъ сильно привязался къ ней, и она была этимъ тронута, но въ тоже время ее пугала мысль о томъ, что рано или поздно она должна будетъ уѣхать въ Вильно и разстаться съ мальчикомъ.

«Надежда Ивановна едва ли способна удѣлить ему много вниманія, думала Строева. Ея душа поглощена совсѣмъ другимъ».

Надежда Ивановна и Строева съ Гришей уѣхали раньше. Нина Александровна, передъ тѣмъ какъ уѣхать, подозвала къ себѣ Гришину мать и тихонько, такъ, чтобы не слышали дѣти, спросила ее:

— Скажите, вашъ мужъ... Можетъ быть, его надо отыскать черезъ полицію?

У женщины сдѣлалось испуганное лицо.

— Барыня, милая... Не ищите его... Не надо. Богъ съ нимъ!

— Я знаю, что вамъ безъ него лучше, потому что онъ пьяница. Но потомъ можетъ выйти хуже. Теперь, пока мы еще принимаемъ участіе въ вашихъ дѣлахъ, его можно было бы устранить. Но если онъ явится впослѣдствіи и начнетъ, какъ мужъ, предъявлять права на вашу маленькую собственность, тогда будетъ хуже, и отъ этого могутъ пострадать интересы вашихъ дѣтей.

— Нѣтъ, барыня... не предъявитъ! Не можетъ предъявить!

— Почему же вы такъ думаете? У него по закону есть извѣстныя права.

— Нѣтъ, барыня... Онъ... онъ не по закону...

И женщина вдругъ страшно покраснѣла и закрыла лицо передникомъ.

— Такъ онъ вамъ не мужъ?

— Нѣтъ, барыня добрая, голубушка, онъ не мужъ, онъ такъ... съ вѣтру...

— А дѣти? Дѣти не его?

— Нѣтъ, дѣтки не его. Дѣтки законнаго мужа моего. Онъ померъ года три назадъ...

— Значитъ, та исторія, которую вы разсказывали, когда переселились къ намъ...

— Выдумка, все выдумка. Стыдно было сказать правду... И дѣтей онъ не любилъ, онъ только обижалъ ихъ. А я, барыня, вмѣсто того, чтобы прогнать его, держала и своими трудами и виномъ поила. Конечно, когда сама пьяная была...

— Кто же онъ?

— И даже достовѣрно не знаю. Такъ, съ улицы, пьяница...

Ахъ, барыня, лучше даже не говорить о томъ! Подлая я была противъ дѣтей... Только, видите, и жизнь же моя была страшная... А теперь, словно въ рай попала послѣ той жизни. Грѣхъ даже вспоминать о томъ человѣкѣ. Дѣти о немъ не поминаютъ, а когда который вспомнитъ, такъ отъ страха побѣлѣетъ.

— Ну, хорошо, не будемъ говорить объ этомъ. Я очень рада, что все это такъ, это лучше для вашихъ дѣтей.

Нина Александровна отпустила ее. Она внимательно вглядѣлась въ ея старообразное морщинистое лицо съ красными вѣками, съ вспухшимъ носомъ и беззубымъ ртомъ и поняла, почему она такъ смутилась и покраснѣла при воспоминаніи о своемъ любовникѣ, котораго взяла съ улицы и даже не могла сказать, кто онъ такой.

Они уѣхали. Въ коляскѣ Антонъ Михайловичъ опять пожалъ ей руку и сказалъ:—спасибо, малютка!

— Это не мое,—отвѣтила Нина Александровна, питая уже надежду завязать какъ нибудь разговоръ, который ей былъ нуженъ.

— Какъ не твое? Не будь тебя и не будь у тебя доброй воли на это, эти господа попали бы снова въ еще худшее положеніе, если бы имъ пришлось вернуться къ прежнимъ бѣдствіямъ.

— Можетъ быть. Но если бы не ты, моя добрая воля спала бы глубокимъ сномъ.

— Э, малютка, это старая сказка. Женщины иногда бываютъ слишкомъ скромны и любятъ все свое добро приписывать своему герою. Я твой герой, малютка, это не подлежитъ сомнѣнію, хотя во мнѣ такъ мало героическаго. Вотъ ты и отписываешь мнѣ всѣ свои добрыя дѣла.

— Нѣтъ, нѣтъ, неправда, Антонъ. Я говорю вполнѣ искренно. Я вовсе не считаю себя дурнымъ человѣкомъ. Пожалуй, даже могу не хвастаясь назвать себя доброй, но доброта ничего не стоитъ, если она покоится въ душѣ и ни въ чемъ не проявляется... Вѣдь, бываетъ, Антонъ, что добрая душа часто направляетъ свою добрую волю по самой скверной дорогѣ... Ты былъ направителемъ моей воли.

— Ну, хорошо, хорошо. Я принимаю эту незаслуженную честь. Я вообще готовъ принимать всякій почетъ, поскольку это доставляетъ тебѣ удовольствіе. Ты можешь даже назвать этотъ домикъ «убѣжищемъ имени Антона Барвинскаго».

— Этого я не собираюсь дѣлать, я никакъ не назову его.

— Нѣтъ, отчего же, назови,—говорилъ онъ, шутя.—У меня странная роль. Обыкновенно такого рода честь достается человѣку послѣ смерти, а мнѣ при жизни.

— Не надо говорить о смерти, когда есть изъ за чего жить!—очень осторожно сказала Нина Александровна и мелькомъ бросила на его лицо контролирующій взглядъ.

— А развѣ, малютка, дѣйствительно есть изъ за чего жить?—спросилъ Антонъ Михайловичъ.

— Я думаю! вотъ хоть бы изъ за этого.

— Гм... Посвятить свою жизнь постройкѣ домиковъ для бѣдныхъ, это добродѣтельно!

— Ты шутишь надъ этимъ?

— Нѣтъ, малютка, я не шучу. И я говорю, что дѣйствительно хорошо тому, кто можетъ быть удовлетворенъ такимъ прекраснымъ, хотя и скромнымъ, дѣломъ, какъ постройка маленькихъ или большихъ домовъ для бѣдныхъ. Но вѣдь я на это не гожусь.

— То есть ты не годишься для самой работы, но этого и не нужно. Работу беру я на себя.

— А я буду твоимъ тайнымъ совѣтникомъ и камергеромъ? Это хорошо! Тѣмъ больше, что тайные совѣтники и камергеры получаютъ хорошее жалованье.

Она улыбнулась его шуткѣ.

— Нѣтъ, Антонъ, не шути такъ. Я говорю, что жить вообще есть изъ за чего. Много-много есть на свѣтѣ вещей, изъ за которыхъ стоитъ жить.

— Не всякому стоитъ, мой другъ! Есть люди, пригодные на то или другое дѣло и они—большею частью скромные люди, не задающіеся необъятною задачею, прикомандировываютъ себя къ такому дѣлу, къ которому они пригодны, и тихонько дѣлаютъ его всю жизнь. Но есть такіе стихійные люди, какъ вотъ я, которые, нося въ себѣ, можетъ быть, много силъ, зависятъ все же не отъ себя, не отъ своей внутренней духовной сущности, а отъ посторонней силы, отъ направленія вѣтра. Это не тѣ, которыхъ называютъ флюгерами. Я не флюгеръ, я не поддамся маленькой перемѣнѣ вѣтра, пустяковому повороту направленія. Я не повернусь въ ту сторону, куда онъ дуетъ. Но сильный вѣтеръ, ураганъ можетъ сдвинуть меня съ мѣста и заставить покатиться подъ гору. Такіе люди, точно ледяныя глыбы, способны лежать на мѣстѣ долго-долго; незамѣтно подтаивая, они могутъ растаять совсѣмъ, никому не принеся ни пользы, ни вреда, но если буря сорветъ эту глыбу съ мѣста, то она катится, безтолково раздавливая на своемъ пути и доброе, и злое съ одинаковымъ усердіемъ. Развѣ такіе люди годятся на какое-нибудь скромное дѣло, хотя бы и такое хорошее, какъ постройка домиковъ для бѣдныхъ? Они начнутъ строить домъ для бѣдныхъ, и вдругъ въ это время вихрь закрутитъ ихъ на мѣстѣ и, смотришь, помимо ихъ воли, вмѣсто дома для бѣдныхъ, они устроили какой-нибудь вертепъ разврата... Жить стоитъ, малютка, это правда, только не всѣмъ...

Онъ говорилъ это безъ горечи, безъ малѣйшаго оттѣнка грусти, почти весело, и она боялась заговорить на свою тему

ясно, чтобы не нарушить это настроеніе, которое позволяло ему даже о смерти говорить съ улыбкой.

— Но, Антонъ, можно жить съ пользой, самому не задаваясь широкими задачами. Можно жить для человѣка, для одного только человѣка, котораго любишь, или, такъ или иначе, дорожишь имъ.

— Можно, можно, можно! Это я признаю. Напримѣръ, мнѣ жить для тебя!

— Да, да!—съ живостью подхватила она, обрадовавшись, что онъ самъ высказалъ то, къ чему она никакъ не могла подойти.—А ты говоришь: жить не стоитъ. Но развѣ тебѣ недостаточно жить для меня, если ты знаешь, что безъ тебя и я, и моя добрая воля, и то хорошее, что она иногда дѣлаетъ, кончатся.

— Вопросъ поставленъ серьезно, и вотъ что я тебѣ отвѣчу, малютка: я съ восторгомъ принимаю обязательство жить для тебя! Въ самомъ дѣлѣ, пора мнѣ поквитаться съ тобой.

— Я совсѣмъ не это говорю!—перебила она его.

— Ну, ты говоришь не это, а я говорю это. Но вся бѣда въ томъ, что я не умѣю жить для тебя. Я хочу этого и вдругъ вижу, и всякій это видитъ, что я начинаю жить противъ тебя. А согласись, что если жить для тебя будетъ у меня единственнымъ основаніемъ жить, то тотъ моментъ, когда я увижу, что живу противъ тебя, долженъ быть для меня роковымъ моментомъ.

— Я помогу тебѣ жить для меня... Ты только пообѣщай, что, когда почувствуешь себя ослабѣвающимъ, ты призовешь меня на помощь.

— Пообѣщать? Я такъ это сдѣлаю, безъ обѣщанія. Я не люблю чувствовать на себѣ цѣпи обѣщанія. Я и такъ надавалъ ихъ уже много и ни одного не исполнилъ.

Уже стемнѣло, когда они пріѣхали домой и сѣли обѣдать. Въ этотъ вечеръ Антонъ Михайловичъ не садился за работу; онъ посвятилъ его Нинѣ Александровнѣ. Давно она не помнила уже его такимъ нѣжнымъ, давно онъ не выказывалъ ей такъ много любви, какъ въ этотъ вечеръ. Онъ не хотѣлъ отойти отъ нея, пожималъ ей руки, гладилъ ея волосы и говорилъ нѣжныя слова.

Всѣ дурныя впечатлѣнія отчета, который дала ей Надежда Ивановна, всѣ страхи, навѣянные ея разсказами, сгладились въ ея душѣ. Ей казалось, что въ самомъ дѣлѣ начинается новая жизнь, и она уже мечтала о томъ, что болѣзнь никогда больше не повторится и онъ всегда будетъ такимъ, какъ былъ сегодня съ той минуты, когда встрѣтилъ ее на вокзалѣ. Она легко обманывалась во всемъ, что касалось до ея счастья, потому что этотъ обманъ совпадалъ съ ея завѣтными желаніями.

Лицо ея сіяло, въ глазахъ свѣтилось выраженіе ясной безоблачной радости.

Потомъ наступили дни, въ продолженіе которыхъ онъ, оставаясь ровнымъ и ласковымъ съ нею, казался ей какимъ то непроницаемымъ. Ей все мерещилось, что въ глазахъ у него какая то недосказанная мысль, и въ сердцѣ ея началась тревога.

Она началась не даромъ.

XXXIII.

Въ это время, на большой Конюшенной, въ квартирѣ Надежды Ивановны Мальвинской, происходили тоже своего рода событія.

Надежда Ивановна съ возвращеніемъ Нины Александровны считала, что ей не надо каждый день бывать у Барвинскихъ... Она возобновила посѣщенія больницы, гдѣ была встрѣчена общими привѣтствіями и возгласами:

— А, наконецъ-то! взошло наше ясное солнышко!

Семенъ Ивановичъ высказалъ искреннее удовольствіе по поводу ея появленія на обходѣ.

— Къ вамъ поневолѣ будешь снисходителенъ, потому что вы женщина. Какъ тамъ ни уравнивайте ваши права,—прибавилъ онъ съ улыбкой,—а все же у васъ всегда будетъ ихъ больше, чѣмъ у насъ, ибо у васъ есть великое право на снисхожденіе!

Она удивилась, что не видитъ Черницына, и узнала, что онъ, наконецъ, таки достигъ желанной цѣли и получилъ больницу гдѣ-то въ уѣздѣ. Ей разсказали, какъ онъ въ качествѣ старшаго врача отдѣльной больницы являлся съ прощальными визитами къ Семену Ивановичу, потомъ къ другимъ товарищамъ и голова его была гордо и высоко поднята. Потомъ она узнала у своего швейцара, что онъ былъ и у нея, но не засталъ дома и оставилъ карточку, которую забыли ей передать.

Въ нѣсколько дней Надежда Ивановна опять пріучила къ себѣ всѣхъ въ больницѣ, и уже были забыты всѣ ея грѣхи.

Въ это время Строева получила изъ Вильны письмо, изъ котораго узнала, что дольше ей въ Петербургѣ нельзя оставаться. Она очень дорожила своимъ мѣстомъ при тамошней больницѣ, гдѣ и начальствующіе, и товарищи были ей по душѣ и было уже много больныхъ, за состояніемъ которыхъ она слѣдила. Наконецъ, она хотѣла совершенствоваться въ своей спеціальности, а здѣсь приходилось сидѣть совсѣмъ безъ дѣла, рискуя перезабыть то, что знала.

Все это было ясно и просто и, конечно, Надежда Ивановна не имѣла основанія задерживать ее.

— Но я боюсь, что ты уже слишкомъ привязала къ себѣ мальчика—сказала она.—Мнѣ даже кажется, что и ты привязалась къ нему.

— Да, этимъ придется пожертвовать.

— Почему? Если серьезная привязанность...

— Потому что остаться здѣсь мнѣ не причемъ, а тамъ много дѣла... А брать его съ собой я не имѣю права. Всетаки здѣсь его родные, это слишкомъ большая отвѣтственность. Мнѣ будетъ также тяжело оставить его, какъ и ему разстаться со мной.

Весь этотъ разговоръ происходилъ между ними ночью, когда Гриша спалъ. Онъ ничего не зналъ о предстоящей разлукѣ.

Между тѣмъ на другой день былъ назначенъ отъѣздъ Строевой. Она уѣзжала вечеромъ. Онѣ обѣдали рано, часа въ два, и за обѣдомъ Строева сказала:

— Ну, Гриша, мы съ тобой сегодня разстаемся!

Гриша не понялъ и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее.

— Я сегодня вечеромъ уѣзжаю въ Вильно! Это далеко отсюда, больше пятисотъ верстъ.

— А когда вы пріѣдете? Завтра?—спросилъ Гриша, который, очевидно, большаго срока не признавалъ.

— Нѣтъ, далеко не завтра. Можетъ быть, на Пасхѣ я урвусь денька на два, не больше.

Тутъ произошло нѣчто такое, чего онѣ обѣ не ожидали. Гриша выронилъ изъ рукъ ложку, голова его упала на столъ и онъ громко зарыдалъ.

— Да чего же ты плачешь, мой милый?—говорила ему Строева.—Ты останешься не одинъ, съ тобой будетъ Надежда Ивановна.

Мальчикъ отрицательно покачалъ головой и продолжалъ рыдать. Это становилось непонятнымъ. А Надежда Ивановна, молчаливо присутствовавшая при этой сценѣ, была очень непріятно поражена, когда ощутила въ своемъ сердцѣ приступы чего то враждебнаго къ плачущему мальчику. Наскоро окончивъ обѣдъ, она прошла въ спальню, сѣла у окна и глядѣла на улицу, стараясь подавить въ себѣ непріятное чувство, для котораго она не видѣла основаній.

Конечно, это было досадно, что мальчикъ, очевидно, не питалъ къ ней ни привязанности, ни довѣрія. Это было немножко обидно. Но развѣ это не естественно? Развѣ могло быть иначе?

Все, что пережилъ онъ хорошаго, все, что привязывало

его къ дому, настолько, что онъ предпочелъ его обществу родныхъ, все это было въ его душѣ связано съ Строевой. Ничего она сама для него не дѣлала. Не случись тутъ Строева, можетъ быть все сложилось бы иначе, можетъ быть она отдалась бы уходу за мальчикомъ. Да, такъ непремѣнно и было бы; у нея не было бы возможности согласиться на просьбу уѣзжавшей Нины Александровны и, можетъ быть, многое важное изъ того, что произошло, не произошло бы вовсе.

Но все это предположенія. А то, что произошло, произошло, и фактъ тотъ, что мальчикъ не имѣлъ возможности не только привязаться къ ней, но даже достаточно привыкнуть, такъ какъ она рѣдко бывала дома, а большую часть времени проводила у Барвинскаго.

Значитъ, для него теперь это—насиліе, что его хотятъ оставить съ нею. А отсюда слѣдуетъ, что чувство, которое теперь безпокоитъ ее и заставило уйти изъ гостиной, гдѣ обѣдали, не справедливо и не должно быть. Но оно отъ этого не уничтожилось и продолжало досаждать ей.

А тамъ, въ гостиной, Строева пускала въ ходъ всѣ мѣры, чтобъ вразумить мальчика. Она говорила ему о томъ, что въ сущности это не она, а Надежда Ивановна взяла его къ себѣ, что Надежда Ивановна прекрасный, добрый человѣкъ и при томъ ея лучшій другъ и потому онъ долженъ любить ее также, какъ и Строеву. Мальчикъ ничего не отвѣчалъ и изъ гостиной глухо доносились его рыданія.

Тогда Надежда Ивановна поднялась и, поборовъ въ себѣ странное враждебное чувство, пошла въ гостиную.

— Смѣшной мальчикъ!—сказала Строева,—онъ никакъ не хочетъ понять, что есть на свѣтѣ необходимость.

— Послушай, Гриша, ты развѣ думаешь, что со мной тебѣ будетъ худо?—спросила его Надежда Ивановна и подошла къ нему.

— Но я обѣщаю тебѣ,—продолжала она,—что тебѣ будетъ также хорошо. Я буду заботиться о тебѣ, какъ и Ольга Сергѣевна заботилась!

При этихъ словахъ она положила руку на его голову и хотѣла погладить ее. Но Гриша вдругъ, точно къ нему прикоснулись чѣмъ то острымъ, вынырнулъ изъ подъ ея руки, сильно тряхнулъ головой и отскочилъ прочь отъ стола.

Строева покачала головой, а Надежда Ивановна съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, съ нахмуренными бровями и наморщеннымъ лбомъ, холодно посмотрѣла на него и опять ушла въ спальню.

Она не имѣла права разсчитывать на особую привязанность со стороны мальчика, но добрый инстинктъ долженъ былъ подсказать ему, что она хотѣла ему только добра.

Она сѣла на свое прежнее мѣсто, а Строева укоряла Гришу, говоря, что за это и она на него разсердится, что на такое отношеніе къ Надеждѣ Ивановнѣ онъ не имѣетъ права и такъ далѣе. А Гриша, кажется, пересталъ уже и ее слушать. Обозленный, дикій, онъ ушелъ въ переднюю и, присѣвъ тамъ на сундукѣ, не хотѣлъ войти.

Строева прекратила свои уговоры и пошла въ спальню.

— Не слѣдуетъ на него обижаться!—сказала она. — Онъ такой еще не развитой, какъ собаченка, которая ходитъ слѣдомъ за тѣмъ, кто ее кормитъ и моетъ, и рычитъ на всѣхъ другихъ, хотя бы ее и хотѣли приласкать. Чувства тоже воспитываются, мой другъ.

— Я никакого чувства не добиваюсь!—отвѣтила Надежда Ивановна,—но я не могу этого постигнуть. Чѣмъ я внушаю ему такую вражду?

— Ну, вражду! Это слишкомъ строгое слово! Просто ему было хорошо и онъ видѣлъ всегда и во всемъ меня, изъ этого онъ заключилъ, что это хорошее неизбѣжно связано со мной, и онъ не можетъ понять, какъ ему можетъ быть хорошо и безъ меня. Мнѣ ужасно тяжело оставлять васъ въ такихъ отношеніяхъ.

— Тебѣ тяжело, а мнѣ страшно... Въ немъ какая то органическая злоба ко мнѣ. Я хочу имъ заняться... Мнѣ теперь это такъ нужно... Но я просто боюсь, что мнѣ никакъ не удастся приручить его къ себѣ.

— Ну, вотъ ужъ и боишься! Еще не пробовала, ничего не сдѣлала для этого и уже въ отчаяніи. Нѣтъ, прежде всего побѣди въ себѣ чувство обиды! Повозиться съ добрымъ благонравнымъ мальчикомъ да къ тому же еще съ готовыми здоровыми чувствами привязанности, благодарности, это не трудно, мой другъ. Тебѣ предстоитъ болѣе трудная задача. Повозись съ злымъ и неблагодарнымъ. Сломи его дикость и жесткость, сломи его первобытную натуру, которая сказалась сегодня въ первый разъ; тутъ придется многимъ поступиться, пожертвовать, но за то это будетъ дѣйствительно прекрасное дѣло.

— Я попробую!—сказала Надежда Ивановна, еще далеко не убѣжденная доводами Строевой.—А если не удастся?

— А, Боже мой! что нибудь надо же перетерпѣть въ жизни! Горя на свѣтѣ много, но почему-то его терпятъ другіе, а не мы, а мы только смотримъ на чужое горе и твердимъ: ахъ, какъ скверно жить на свѣтѣ!

— Почему я должна терпѣть именно это горе?

— Да потому, что ты начала это дѣло. Ты вырвала мальчика изъ черной ямы и показала ему, что есть на свѣтѣ и хорошія и пріятныя вещи, а не одни только нужда да слезы, ты и должна довести это дѣло до конца.

— Да вѣдь я не отказываюсь!

— Ахъ, да, конечно, ты не отказываешься, но берешься за это безъ охоты, по необходимости, по принужденію. Это можетъ помѣшать успѣху. Ты прости меня, Надя; право, отнесись къ нему мягче, чѣмъ онъ къ тебѣ, и онъ у тебя научится прощенію, справедливости и человѣчности. Ну, гдѣ онъ, этотъ дикій мальчикъ?

Строева пошла въ гостинную.—Смирился?— продолжала она, очевидно обращаясь къ нему.—Экій у тебя нравъ крутой! Ну, помогай мнѣ убирать вещи, Гриша!

Гриша уже былъ въ гостиной. Онъ сидѣлъ на стулѣ около закрытаго пьянино и смотрѣлъ исподлобья, но не плакалъ. Онъ ничего не отвѣтилъ на слова Строевой, а когда она принесла чемоданъ, сталъ молча помогать ей укладывать вещи. Никто не угадалъ бы по его лицу, какія чувства и рѣшенія таились въ душѣ мальчика.

Вечеромъ они поѣхали на вокзалъ. Гриша сидѣлъ у нихъ на колѣняхъ. Онъ всю дорогу молчалъ. На вокзалѣ, въ то время, когда Строева и Надежда Ивановна болтали, Гриша стоялъ въ сторонѣ, неподалеку отъ нихъ и смотрѣлъ въ сторону, не проронивъ ни слова, а когда пробилъ второй звонокъ и Строева стала прощаться, мальчикъ, къ ея глубокому изумленію, не бросился къ ней и вообще не проявилъ никакихъ признаковъ горя. Онъ глядѣлъ съ тупой холодностью, когда она поцѣловала его въ щеку, и не сдвинулся съ мѣста.

— Смотри, кажется, онъ уже и тебя ненавидитъ! — тихо сказала Надежда Ивановна Строевой.—Ты думаешь, я справлюсь съ этимъ волченкомъ?

— Должна справиться! Человѣческая душа не дѣлается изъ гранита.

Онѣ еще разъ поцѣловались.—Прощай, Гриша! на Пасхѣ увидимся!—крикнула ему Строева, когда поѣздъ отходилъ. Но Гриша стоялъ къ ней въ полоборота, и губы его были крѣпко сомкнуты.

Съ какой то тайной боязнью взяла его Надежда Ивановна за руку и повела къ выходу. Затѣмъ они сѣли въ извозчичью пролетку. Ей было тяжело заговорить съ нимъ, а онъ упорно молчалъ.

Пріѣхавъ домой, Гриша тотчасъ же началъ раздѣваться.

—Ты развѣ не хочешь чаю?—спросила Надежда Ивановна.

— Я спать хочу!—угрюмо отвѣтилъ Гриша и пошелъ къ своей кровати.

Надежда Ивановна сѣла передъ самоваромъ и задумалась. Послѣ отъѣзда Строевой ее охватило чувство одиночества. Это чувствовалось еще больше оттого, что тамъ, въ сосѣдней комнатѣ, ворочался на кровати такъ неожиданно объявившійся

ея маленькій врагъ, существо, которое она вырвала изъ нищеты, обогрѣла и вернула къ жизни.

Все это наводило на размышленія.

XXIV.

Уже дня четыре Надежда Ивановна не была у Барвинскихъ. Она неособенно безпокоилась, потому что разсталась съ ними подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ. Кромѣ того, она была увѣрена, что если бы случилось что нибудь тревожное, Нина Александровна заѣхала бы къ ней, или написала бы.

Но, проводивъ Строеву и оставшись съ мальчикомъ, который смотрѣлъ на нее волченкомъ, она захотѣла поговорить объ этомъ съ Барвинскимъ.

Она застала дома только одну Нину Александровну. Она была блѣдна, и въ глазахъ ея было выраженіе растерянности.

— Онъ поѣхалъ проѣздить новую лошадь!—сказала Нина Александровна!—мы купили третьяго дня...

— Развѣ онъ настолько уже здоровъ?

— Да, онъ здоровъ... Онъ, кажется, совсѣмъ уже здоровъ! И слова эти она произнесла дрожащимъ голосомъ, за которымъ скрывались слезы.

— Вы очень разстроены, Нина Александровна! Развѣ онъ что нибудь... Какъ нибудь поступилъ? Что нибудь сдѣлалъ?

— Нѣтъ... Лучше бы онъ что нибудь сдѣлалъ. Самое дурное, самое низкое... Я все перенесла бы.

— Но что-же? что же? — съ тревогой спросила Надежда Ивановна. Нина Александровна, держа ее за руку, усадила рядомъ съ собой.

— Ничего не понимаю, но всего страшусь. Первое и самое ужасное, что онъ со мной не откровененъ. Когда онъ не говоритъ мнѣ все, значитъ у него есть нѣчто такое, чѣмъ онъ боится меня огорчить.

— Онъ не работаетъ?

—Онъ, кажется, пробовалъ работать, но у него не выходитъ. Я слышала однажды, какъ послѣ тишины, когда онъ, должно быть, сидѣлъ долго за столомъ, онъ вдругъ швырнулъ тетрадь на полъ... Скажите, вы знаете это,—правда ли, что болѣзнь оставляетъ пагубные слѣды на умственныхъ способностяхъ?

— Это правда, Нина Александровна, это неизбѣжно!

— Да, это страшно! Онъ такъ строгъ и требователенъ къ себѣ. Когда онъ говоритъ со мной, я вижу, какъ онъ дѣлаетъ страшное усиліе, чтобъ побороть въ себѣ какую то внутреннюю работу и быть мягкимъ со мной. Но неужели же онъ не знаетъ, что я все это понимаю?

— Вы пробовали говорить съ нимъ?

— Да, я спрашивала его, что съ нимъ, что его тревожитъ?.. Онъ прикидывался удивленнымъ: «съ чего ты взяла? меня ничто не тревожитъ, рѣшительно ничто.» Но это было такъ сказано, что у меня кровь похолодѣла. Онъ переживаетъ какой то страшный кризисъ и молчитъ о немъ и именно потому молчитъ, что онъ страшный. Я не знаю, что мнѣ дѣлать. Я боюсь...

Надежда Ивановна видѣла, что ничѣмъ не можетъ успокоить ее, и ей показалось, что лучше и не пробовать. То, чего Нина Александровна боялась, можно было назвать только страшнымъ словомъ, которое, сколько бы его ни повторяли, всегда холодитъ кровь...

Она простилась и ушла, оставивъ Нину Александровну въ такой же тревогѣ, какъ и застала. У нея самой явились мрачныя предчувствія, и роковой исходъ казался ей неизбѣжнымъ.

А Антонъ Михайловичъ вернулся домой вскорѣ послѣ ея ухода; когда Нина Алескандровна сказала ему, что была Надежда Ивановна, онъ отвѣтилъ:—ага! Что-же, она ужъ работаетъ въ больницѣ?

— Да, она ѣздитъ туда.

— Ну, хорошо. По крайней мѣрѣ не всѣ отбились отъ рукъ.

— А ты не думаешь начать работу въ больницѣ?—спросила Нина Александровна, у которой мелькнула надежда, что правильная работа можетъ разсѣять его тяжелое настроеніе.

— Нѣтъ, я не хочу!—отвѣтилъ онъ.—Я. вообще ничего не хочу...

— Какъ ничего, Антонъ?

— Ничего такого, что можно бы одобрить. Ахъ, милый другъ, это надо покончить!

— Что покончить?

— Все... Боже мой!—вдругъ заговорилъ онъ неудержимо, какъ будто потокъ давно сдерживаемыхъ словъ, наконецъ, прорвался. При этомъ онъ всталъ, быстро заходилъ по комнатѣ и говорилъ, нервно жестикулируя:

— Боже мой! я не могу понять, почему они возятся съ такой дрянной душой, какъ эта—и онъ ударилъ себя ладонью въ грудь.—Нашли въ грязи разбитый черепокъ, берутъ его, моютъ, вычищаютъ точно драгоцѣнность, а черепокъ-то былъ выброшенъ изъ дома, гдѣ была страшная болѣзнь и полонъ заразы. Что за охота вамъ? Что за охота?

Нина Александровна подошла къ нему и остановила его, положивъ ему руку на плечо.

— Антонъ, полно! Не волнуйся такъ... Помнишь, ты... ты

не далъ мнѣ обѣщанія, но сказалъ, что все равно сдѣлаешь это... Когда ты почувствуешь себя ослабѣвающимъ, ты призовешь меня на помощь.

— Да, если бы я былъ только ослабѣвающимъ! Но я совсѣмъ лишенъ силъ! Я лежу въ прахѣ передъ этимъ чернымъ чудовищемъ, передъ моими гнусными влеченіями. Пойми, Нина, пойми!.. Это проклятое здоровье, оно надвигается на меня! Дикія страсти, словно отдохнувъ во время моей болѣзни и набравшись силъ, снова поднялись со дна этого грязнаго котла, который называется моей натурой... Но есть еще во мнѣ слабый остатокъ безумія, и онъ помогаетъ мнѣ презирать себя за это. Не могу же я равнодушно смотрѣть на то, какъ на меня, разумное существо, напичканное всякими идеалами и высокими стремленіями, какая то темная сила набрасываетъ арканъ и тащитъ меня въ помойную яму...

— Постой! Говори все, что ты чувствуешь, къ чему тебя влечетъ, говори мнѣ, какъ самому себѣ. Вѣдь я часть твоя!

— Да, часть, только лучшая, а потому ты и не поймешь меня. Ну, хорошо, я скажу тебѣ. Я разскажу тебѣ свои ощущенія по порядку. Слушай, но не говори, что я жестокъ, ты этого захотѣла. Ты моя жена, ты вложила въ меня душу, ты существо безгрѣшное, чистое, святое! Для меня ты вся—подвигъ, самоотверженіе!.. Я это знаю и благодаренъ тебѣ безконечно. Я долженъ былъ бы преклониться предъ тобой и считать для себя блаженствомъ полную близость съ тобой, только съ тобой, которая слилась со мной душой и тѣломъ! Но я не могу... Во мнѣ кипитъ порочность, твоя чистота скучна моей проклятой натурѣ.... Она можетъ получить успокоеніе только среди шума дикихъ и пьяныхъ голосовъ, въ разгулѣ оргіи...

— О Боже мой!.. Опять, опять все тоже!..—воскликнула Нина Александровна и закрыла лицо руками, но затѣмъ, какъ бы спохватившись, быстро отдернула ихъ и схватила его руку.

— Но это не все... Говори же мнѣ все! Неужели есть еще худшее?

— Да... Ну, вотъ я, ослабѣвшій, призываю тебя на помощь, а можетъ быть это уже поздно... Знаешь ли ты, что я уже виновенъ передъ тобой? Уже, уже...

— Когда? Не можетъ быть!.. Я была съ тобой...

— Нѣтъ, оставимъ это... Я не хочу говорить объ этомъ и не имѣю права... Да, теперь вотъ я, ослабѣвшій, призываю тебя на помощь... Помоги мнѣ...

Она молчала, пораженная его недоговореннымъ признаніемъ. Въ сотый разъ уже въ жизни она переживала ту борьбу, которая всегда кончалась ея униженіемъ. Въ ея груди подымался протестъ оскорбленной женщины, но навстрѣчу ему шла безпредѣльная любовь къ этому человѣку, способная все

простить, все, безъ конца. Это было и теперь. Она не понимала ясно, что произошло, но для нея не было сомнѣнія, что произошло оскорбленіе. Но кто же, кто? Никто ей не разсказалъ ничего такого, что наводило бы на эту мысль. Въ ея отсутствіи? Но Надежда Ивановна была съ нимъ почти все время...

И вдругъ это имя остановилось въ ея головѣ, какъ будто какая то невидимая рука густой черной краской подчеркнула его.

«Нѣтъ, не можетъ быть!—говорила она себѣ.—Еслибы это было, она не встрѣтилась бы со мной такъ, какъ встрѣтилась». А другой голосъ возражалъ въ ея душѣ: «все можетъ быть... Нѣтъ такой низости, на какую не былъ бы способенъ человѣкъ»...

И она колебалась между этихъ двухъ голосовъ. А положеніе было таково, что нельзя было думать, сосредоточиваться, рѣшать. Онъ повторилъ, подчеркивая:

— Я призываю тебя на помощь! Что-жъ ты не помогаешь мнѣ? Я говорю тебѣ прямо: меня тянетъ къ разгулу, во мнѣ кипитъ эта мерзость. Мнѣ хочется привести себя въ то состояніе, когда нравственныя соображенія исчезаютъ, когда человѣкъ замираетъ и звѣрь подымаетъ голову. Но въ то же время человѣкъ еще возмущается во мнѣ. Я не хочу допустить себя до этой низости, и ты понимаешь, какой отсюда выводъ.

Она понимала, что онъ говоритъ о смерти, и эта мысль уже совершенно затмила въ ея душѣ всѣ обиды, что сейчасъ только волновали ее. Какія тутъ могутъ быть рѣчи объ оскорбленіи женщины? къ чему тутъ доискиваться, кто и когда? для чего отстаивать свои права на его вѣрность, права женщины, отдавшей ему свою душу, когда онъ стоитъ на краю пропасти и нужно сильной рукой отвести его? Да, сильной рукой. Ея слабая рука дрожитъ отъ всѣхъ этихъ ударовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, дрожитъ, но она должна сдѣлать ее сильной.

Въ такія минуты—а онѣ бывали уже не разъ—въ этомъ маленькомъ слабомъ тѣлѣ бѣдной женщины, истомленной многолѣтней борьбой, огорченіями, оскорбленіями, вдругъ, неизвѣстно откуда, изъ какихъ то незримыхъ глубинъ, подымалась страшная воля, и она спокойно и увѣренно шла на самозабвеніе.

«Надо спасти его, надо спасти его»!—эти слова, какъ громъ, звучали въ ея ушахъ и заглушали все другое. Она вновь заговорила, и въ голосѣ ея уже не слышалось ни дрожи, ни слабости, ни подавленныхъ слезъ. Передъ нимъ стоялъ теперь сильный человѣкъ.

— И ты хорошо сдѣлалъ, что призвалъ меня, Антонъ! Ты говоришь, что въ твоей натурѣ проснулись страсти, которыя неотразимо тянутъ тебя въ пропасть, и ты самъ не можешь пережить этой своей низости; но низость эта только противъ меня. Въ природѣ нѣтъ ни низкаго, ни высокаго. Все въ ней совершается по ея вѣчнымъ законамъ, это такая ничтожная мелочь въ сравненіи съ человѣческой жизнью! Такъ слушай же... Какъ бы низко ты ни палъ, чтò бы ты ни сдѣлалъ противъ меня, все равно это не оскорбитъ меня, я буду слѣпа къ этому, я не увижу этого, я хочу видѣть только тебя живымъ рядомъ со мною!.. А, что такое женщина и требованія женскаго самолюбія? Я убиваю ее въ себѣ, во мнѣ остается человѣкъ и я тебя люблю, люблю въ тебѣ человѣка, душу твою люблю, и она мнѣ нужна, безъ нея я существовать не могу. Я тебѣ говорю, Антонъ, мой милый, не думай обо мнѣ, дѣлай, что хочешь, живи какъ хочешь, но живи, только живи! Обѣщай мнѣ это—что ты никогда добровольно не перестанешь жить.

Она охватила обѣими руками его плечо и прильнула къ нему лицомъ. А онъ стоялъ неподвижно, съ мрачнымъ взглядомъ, въ которомъ ея сильныя рѣчи не вызвали ни малѣйшаго просвѣтлѣнія.

Прошла минута. Она подняла голову.

— Что же ты молчишь?—спросила она.

— Нѣтъ, ты не убѣдила меня, моя бѣдная малютка! То, что ты говоришь, софизмы, которые мы пускаемъ въ ходъ—и я пускалъ ихъ въ ходъ не разъ—когда намъ нечего больше сказать, когда насъ прижали къ стѣнѣ. Они иногда сходятъ за настоящіе доводы, но не тогда, когда человѣкъ пришелъ къ ликвидаціи. Видишь ли, Нина, еслибъ ты сказала мнѣ это нѣсколькими днями позже, такъ, черезъ недѣлю, черезъ двѣ, когда послѣдніе слѣды моей болѣзни оставятъ меня, когда я былъ бы совсѣмъ, совсѣмъ здоровъ, о, тогда я малодушно ухватился бы за эти слова, я сѣлъ бы верхомъ на этого добраго коня и помчался бы съ веселой душою дѣлать свои гнусности. Но теперь—я уже сказалъ тебѣ это,—теперь во мнѣ еще сидитъ капля безумія, которая меня спасаетъ.

— Спасаетъ?

— Да, спасаетъ... Она спасетъ меня отъ жизни... Отъ низкой жизни...

— А я? я? Развѣ я могу остаться жить безъ тебя?

— Я этого вопроса не рѣшалъ. Я рѣшилъ только за себя...

— Значитъ, тебѣ нѣтъ до меня дѣла?

— Ахъ, Нина, какъ ты жестоко искушаешь меня! Бываютъ положенія, которыя можно выразить только двумя словами: «не могу». И нѣтъ больше словъ для выраженія ихъ. Вотъ и я *не*

могу. А ты мнѣ ставишь на пути преграды, перекладины, препятствія, стараясь, чтобъ они были повыше, чтобы я не былъ въ состояніи перешагнуть черезъ нихъ. Ты говоришь: я тебѣ позволяю быть низкимъ и пошлымъ, но вѣдь, кромѣ тебя, есть еще я, и вотъ я не могу себѣ этого позволить! Что жъ! это значитъ махнуть рукой на все святое и сознательно спуститься въ ту грязную яму, въ которую другіе падаютъ безсознательно, какъ отравленныя мухи. И вѣдь это еще не все, милый мой другъ, не все, можетъ быть и не главное! Смотри сюда!

Онъ взялъ ее за руку и повлекъ за собою къ письменному столу.

— Ты видишь эту тетрадь? Я написалъ ее. Я перечиталъ ее внимательно. Это самая ординарная, посредственная работа, какую когда-либо создавалъ человѣческій умъ. Я знаю это. Это странное свойство моего ума. Онъ съ каждымъ новымъ припадкомъ болѣзни тупѣетъ, но въ немъ какъ бы сохраняется воспоминаніе о лучшихъ временахъ, когда это былъ свѣтлый умъ, острый и глубокій... Такъ въ сказочныхъ существахъ, волшебствомъ превращенныхъ въ звѣрей изъ людей, сохраняется какъ бы смутное сознаніе, что они когда то были людьми, и въ то же время ими управляютъ всѣ звѣрскія наклонности. И это будетъ расти... Я слишкомъ хорошо знаю это, потому что я врачъ, спеціалистъ. Я глубоко изучилъ свою болѣзнь, ея причины и послѣдствія. Она будетъ повторяться все чаще и чаще, періоды здоровья будутъ все короче и короче, и всякій разъ мой умъ будетъ дѣлаться все тяжелѣе и тупѣе, а кончится это или полнымъ, уже безвозвратнымъ безуміемъ, или глубокимъ тупоуміемъ. Хорошо еще, если мнѣ на долю достанется первое, но если второе... Что за ужасъ—жить, зная навѣрное, что главная основа твоего человѣческаго существа будетъ постоянно понижаться, испаряться изъ тебя, что мозгъ, этотъ драгоцѣнный источникъ всѣхъ высокихъ проявленій духа, будетъ деревенѣть и ты превратишься въ идіота, въ кретина и всетаки будешь жить и жить. Да пожалуй еще и тогда въ немъ останется это проклятое, ненавистное воспоминаніе о лучшихъ дняхъ! Зачѣмъ оно? Вотъ и теперь, если бы его не было, я написалъ бы бездарную книгу и, можетъ быть, былъ бы въ восторгѣ и отъ нея, и отъ себя, какъ бываютъ въ восторгѣ отъ себя и отъ своихъ глупыхъ книгъ тысячи бездарныхъ авторовъ. Я былъ бы счастливъ, еслибы какой нибудь волшебникъ ударилъ меня волшебнымъ молоткомъ по головѣ и разомъ выбилъ бы изъ меня воспоминаніе о лучшихъ временахъ моего мозга, тогда я тупѣлъ бы спокойно и съ каждымъ днемъ, съ каждой новой каплей тупости чувствовалъ бы себя все счастливѣе... А, будетъ обо всемъ этомъ! будетъ, моя малютка! Уходи, оставь меня одного.

— Я боюсь уйти, Антонъ!

— Нѣтъ, не бойся. Я ничего не сдѣлаю... Клянусь тебѣ! Мы еще увидимся. Я стану думать... Чего добраго, еще твои доводы на меня повліяютъ! Я стану думать... Уходи, пожалуйста, уходи, мой другъ! Клянусь тебѣ, что я буду думать о тебѣ, только о тебѣ.

Она покорно, машинально вышла въ гостиную, опустилась въ кресло и замерла безъ думы, безъ ощущенія...

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

И. Потапенко.

Конецъ Шелаевской тюрьмы.

(Изъ міра отверженныхъ).

I.

Тревоги иного рода.

Невеселаго свойства событія описывалъ я въ предыдущихъ главахъ *). И еслибы событія эти были финальнымъ аккордомъ въ сложной исторіи отношеній темной каторжной кобылки къ небольшой кучкѣ интеллигентныхъ арестантовъ, если бы они являлись чѣмъ-то вродѣ послѣдняго слова въ этой исторіи, рокового и непоправимаго слова, то читатель, быть можетъ, сдѣлалъ бы изъ него даже болѣе грустные выводы, чѣмъ тѣ, къ какимъ приходилъ самъ я въ минуты унынія и душевной слабости. И читатель этотъ былъ бы, можетъ быть, правъ... Но, къ счастью, дѣйствительность въ ея цѣломъ не была такъ мрачна. Въ сущности, описанныя мной недоразумѣнія и ссоры были не болѣе, какъ преходящимъ моментомъ изъ многолѣтней совмѣстной жизни нашей съ каторгой, моментомъ, который совершенно непредвидѣнно вынырнулъ изъ самой мирной и дружелюбной тишины, разразился рядомъ бурныхъ конфликтовъ болѣе или менѣе трагикомическаго характера и затѣмъ, послѣ увоза тюремныхъ главарей, смѣнился прежней невозмутимой тишиной и прежними дружескими отношеніями, опять длившимися цѣлые годы. Тѣмъ не менѣе этотъ короткій, сравнительно, періодъ казался мнѣ не лишеннымъ своего значенія и характерности; мнѣ думалось, что отбрось я его, какъ нѣчто нетипичное, мимолетное, ограничься картиной обычныхъ отношеній съ арестантами, представленной въ первой части очерковъ, — и отъ записокъ моихъ, какъ отъ всего неполнаго и недосказаннаго, вѣяло бы въ значительной степени неискренностью, своего рода ложнымъ, приторно-сладкимъ сантиментализмомъ.

Мнѣ остается только сказать по этому поводу, что пережитыя треволненія не прошли безъ слѣда ни для одной изъ враждовав-

*) «Р. Б.», ноябрь и декабрь, 97 г.

шихъ сторонъ, ни для каторги, ни для меня съ товарищами. Что касается первой, то, признаюсь откровенно, ея поведеніе не разъ вызывало во мнѣ глубочайшее удивленіе. Невозможно было, конечно, предполагать, чтобы лѣтнія событія были забыты ею такъ скоро и такъ окончательно; напротивъ, по общему настроенію чувствовалось нерѣдко, что арестантами ничто не забыто... И однако ни разу и никто изъ нихъ (даже изъ самыхъ неразвитыхъ умственно и нравственно) не заводилъ въ нашемъ присутствіи громкаго разговора о прошломъ. Точно какое-то безмолвное, но твердое соглашеніе состоялось между всѣми на этотъ счетъ: молчать, никогда не вспоминать о томъ, что было. Сказывалась-ли тутъ своего рода деликатность? Играло-ли нѣкоторую роль то обстоятельство, что подъ конецъ волненій нами усвоена была политика показного равнодушія къ ихъ исходу и твердаго стоянія на избранной разъ позиціи? Во всякомъ случаѣ, повторяю, никогда больше не видалъ я со стороны нашихъ сожителей ни малѣйшаго поползновенія возобновлять ссоры.

Горечь обиды, одно время обуревавшая увлекающагося Башурова и толкавшая его на необдуманные слова и поступки, тоже скоро улеглась—отъ природы онъ былъ добръ и незлопамятенъ. Крайнія мнѣнія его объ арестантахъ, такъ непріятно противорѣчившія одно другому и быстро мѣнявшіяся, съ теченіемъ времени смягчились и уравновѣсились; въ концѣ концовъ, взгляды наши сблизились и примирились. Но, кромѣ того, пережитыя непріятности научили насъ всѣхъ троихъ быть сдержаннѣе, зорче слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ, имѣвшимъ хоть косвенное отношеніе къ каторгѣ и ея интересамъ. Если, благодаря этому, поведеніе наше, быть можетъ, утратило нѣсколько свою прежнюю непринужденность и непосредственность, то, съ другой стороны, оно гарантировало отъ новыхъ крупныхъ ошибокъ, а это было, конечно, самое главное.

Между тѣмъ, наступившая осень готовила намъ испытанія и тревоги совсѣмъ иного рода,—своеобразный кошмаръ, который можетъ имѣть мѣсто только въ тюрьмѣ и только для интеллигентныхъ людей.

Еще за полгода до прибытія въ Шелай новичковъ, у меня происходила съ бравымъ капитаномъ одна бесѣда, которой я не придалъ въ то время особеннаго значенія, какъ одной изъ безчисленныхъ минутныхъ фантазій капитана, въ большинствѣ случаевъ никогда не видавшихъ осуществленія.

— Я не очень-то доволенъ теперешнимъ состояніемъ тюрьмы,— въ связи съ чѣмъ-то другимъ, заговорилъ онъ, нахмуривая брови, но тономъ почти дружеской довѣренности:— это далеко не то, о чемъ я когда-то мечталъ и что соблазнило меня принять предложенное мѣсто начальника.

Я полюбопытствовалъ узнать, что, собственно, вызывало его недовольство.

— Да, если хотите, все, рѣшительно все! Первоначальнымъ

планомъ, въ составленіи котораго и я принималъ участіе, было устроить изъ Шелаевскаго рудника образцовую тюрьму, отличную отъ всѣхъ остальныхъ каторжныхъ тюремъ. Строгость неуклонная, чисто-военная строгость во всемъ режимѣ — вотъ основной принципъ, который былъ поставленъ мною на видъ. Я, знаете, тогда же составилъ докладную записку, въ которой все это изложилъ. Я прекрасно знаю этихъ артистовъ и знаю, какъ нужно управлять ими!.. Тогдашній губернаторъ былъ во всемъ со мною согласенъ. Но... вамъ извѣстны наши русскіе порядки? Канцелярщина, волокита... Каждый разумный проектъ разбирается десяткомъ власть имѣющихъ лицъ, и у каждаго изъ нихъ собственныя фантазіи! Все новое, оригинальное не находитъ у насъ признанія... По моему плану начальникъ Шелаевской тюрьмы долженъ былъ зависѣть только отъ Бога и губернатора, или, вѣрнѣе сказать, отъ разъ навсегда составленной инструкціи. Завѣдующій нерчинской каторгой никакого касательства не долженъ былъ имѣть къ этой тюрьмѣ: онъ могъ бы учиться здѣсь—и ничего больше... Таковъ былъ мой идеалъ. Но посмотрите, что вышло въ дѣйствительности! Остановились, какъ всегда, на полумѣрахъ! Тюрьму сдѣлали, какъ-будто, и образцовой, а съ другой стороны все оставили по старому. Во главѣ дѣла стоитъ все то же Управленіе каторгой, учрежденіе, скажу вамъ откровенно, допотопное, насквозь пропитанное чиновничьимъ формализмомъ и халатностью! Ну, и что же выходитъ изъ всѣхъ моихъ начинаній? Ровно ничего. У меня нѣтъ никакой свободы дѣйствій, у меня положительно связаны руки... Меня ограничиваютъ въ денежныхъ тратахъ, меня заставляютъ губить время на пустяки. Вотъ вамъ мелкій примѣръ: по штату мнѣ полагается помощникъ, обязанность котораго исполнять нѣкоторыя черныя работы—производить повѣрки арестантамъ, наблюдать за порядкомъ въ тюрьмѣ, за надзирателями... Ну, конечно, это необходимо и для нѣкотораго престижа власти начальника... И что же вы думаете? Мнѣ дали помощника, но какого? Я просилъ офицера, человѣка энергичнаго, рѣшительнаго, способнаго съ достоинствомъ замѣнять меня самого въ нужныхъ случаяхъ, а они назначили... какого-то отставного канцеляриста, пропоицу и теленка, котораго я боюсь пускать въ тюрьму и который способенъ только сидѣть въ конторѣ и строчить бумаги...

Мнѣ живо вспомнилась фигура этого «теленка и пропоицы»—жалкая, сгорбленная, съ трясущимися руками и головой, въ какомъ-то длинномъ женскомъ капотѣ съ мѣдными пуговицами, изображавшемъ собою чиновничью шинель. Въ тюрьмѣ онъ показывался очень рѣдко, голоса его мы почти никогда не слыхали, и никто изъ арестантовъ не зналъ даже объ его оффиціальномъ званіи «помощника», а называли всѣ «письмоводитель».

— При такихъ условіяхъ тюрьма не можетъ быть образцовой!—

съ горечью продолжалъ Лучезаровъ:—и въ сущности, она ничѣмъ ровно не отличается отъ другихъ каторжныхъ тюремъ.

— Мнѣ кажется, вы нѣсколько преувеличиваете. Судя по разсказамъ арестантовъ, въ другихъ рудникахъ несравненно больше свободы.

— То есть, вы хотите сказать—распущенности? Но знаете-ли, почему это? Только потому, что *я* здѣсь... Поставьте на мое мѣсто кого-либо изъ обыкновенныхъ смотрителей — и завтра же вы не отличите Шелаевской тюрьмы отъ Зерентуйской, Алгачинской и всякой другой!

И довольное, румяное лицо бравого капитана приняло оттѣнокъ мечтательной грусти; онъ съ горечью закусилъ длинные усы и, махнувъ рукой, быстро отошелъ къ окну.

— Впрочемъ,—тотчасъ же справился онъ съ своимъ волненіемъ и заговорилъ опять непреложнымъ, властнымъ тономъ:—я не теряю еще надежды... Нѣтъ, я питаю надежду! Я почти увѣренъ... Новый губернаторъ тоже одобряетъ мои планы... У меня есть, кромѣ того, единомышленники... друзья... Записка моя теперь уже разсматривается и весьма возможно, что въ самомъ недалекомъ будущемъ вы практически съ нею познакомитесь.

Глаза его вдругъ блеснули игривымъ огонькомъ... Однако на моемъ лицѣ, должно быть, нельзя было прочесть сильнаго желанія поскорѣе «практически» познакомиться съ его воинственными планами, потому что онъ поспѣшилъ перевести разговоръ на другую тему, и аудіенція моя вскорѣ кончилась.

Повторяю, я не придалъ въ то время большого значенія этой бесѣдѣ и почти въ тотъ же день выкинулъ ее изъ головы. Однако послѣ пріѣзда новичковъ по тюрьмѣ не разъ проходили смутные слухи о какихъ-то готовящихся нововведеніяхъ строгаго характера. Даже надзиратели толковали объ этомъ, хотя нужно сказать, что большинство ихъ открыто становилось на сторону арестантовъ и откровенно либеральничало; нѣкоторые хвалились даже, что «въ случаѣ чего» уйдутъ въ отставку... Одинъ только Проня—«живая смерть» казался еще болѣе, чѣмъ прежде, недоступнымъ и все туже и туже затягивался на всѣ пуговицы. Онъ давно уже былъ любимцемъ и правой рукой Лучезарова.

Въ концѣ концовъ, каждый новый слухъ встревоживалъ наше воображеніе на одинъ-другой день, а затѣмъ снова очень скоро вылеталъ изъ головы: монотонная, гнетущая дѣйствительность не давала по-долгу останавливаться ни на хорошихъ, ни на дурныхъ слухахъ. За то, среди всякаго рода огорченій и непріятностей, судьба подарила намъ, безправнымъ и обездоленнымъ, друга, вѣрная преданность котораго не разъ поддерживала насъ въ минуты унынія и не разъ оказала намъ впослѣдствіи неоцѣнимыя услуги. Этотъ другъ былъ—женщина... Штейнгарту всецѣло принадлежала заслуга пріобрѣтенія сначала знакомства, а затѣмъ и дружбы жены

начальника казацкой сотни, стоявшей въ Шелаѣ,—«доброй матушки есаульши», какъ называла ее безхитростная кобылка. Случилось, что вскорѣ послѣ его прибытія въ Шелайскій рудникъ она очень серьезно заболѣла воспаленіемъ легкихъ и, по общему признанію, только Штейнгартомъ была спасена отъ смерти. Чтобы вполнѣ понять и оцѣнить чувство, наполнившее душу выздоровѣвшей больной, нужно познакомиться нѣсколько съ положеніемъ и нравственнымъ состояніемъ этой симпатичной и глубоко-несчастной женщины.

Молодая, красивая, мало, правда, образованная, но съ добрымъ отзывчивымъ сердцемъ и гуманными наклонностями, она вышла замужъ за пожилого и почти незнакомаго ей офицера, такъ, какъ дѣлаетъ это въ далекихъ провинціальныхъ захолустьяхъ большинство неопытныхъ молодыхъ дѣвушекъ—необдуманно, легкомысленно. Жизнь во всей своей суровой непригладности открылась ея непуганнымъ глазамъ на другой же день послѣ свадьбы. Мужъ оказался не злымъ по природѣ человѣкомъ, но тупымъ и недалекимъ бурбономъ, взгляды котораго на людей и общественную дѣятельность не подъ силу было измѣнить ей, которая сама только ощупью, инстинктомъ отыскивала истину и ложь жизни. Долго странствовала Анна Аркадьевна съ своимъ мужемъ по разнымъ глухимъ угламъ Забайкальской области и, наконецъ, попала въ такую мрачную нору, какою былъ стоявшій среди тайги и унылыхъ сопокъ нашъ каторжный городокъ. Здѣсь встрѣтило ее не просто лишь отсталое и безцвѣтное общество, — нѣтъ, это была настоящая крѣпостническая среда, жестокая, бездушная, съ самыми античеловѣчными понятіями, достойными первобытныхъ дикарей; это былъ какъ бы уголокъ среднихъ вѣковъ, бережно сохранявшійся и законно процвѣтавшій въ цивилизованной странѣ и въ просвѣщенномъ вѣкѣ... Грубость была кругомъ самая варварская, нравы откровенно-животные, высшихъ интересовъ никакихъ. Лучшими дамами шелайскаго бомонда являлись надзирательскія жены, такъ какъ Лучезаровъ, Монаховъ и молодой казацкій хорунжій были люди холостые; эти дамы, ссорясь между собою, публично называли одна другую «шкурами» и «потаскушками»...

Анна Аркадьевна должна была повторить собою обычную на Руси грустную исторію никѣмъ непонятыхъ страданій и безвременнаго, одинокаго увяданія чуткой, но слабой женской души. Переписка съ подругами-институтками, за отсутствіемъ общихъ реальныхъ интересовъ, постепенно становилась вялой и нелюбопытной, дѣтей не было; книгъ для чтенія не отыскивалось; слезъ не хватало... Чѣмъ бы кончилась эта печальная исторія? Вѣроятнѣе, конечно, всего, что и Анна Аркадьевна, подобно сотнямъ и тысячамъ своихъ предшественницъ, сдалась бы въ концѣ концовъ засасывающей силѣ житейской тины; прошло бы еще нѣсколько лѣтъ, и она, какъ всѣ, утратила бы человѣческій образъ, сдѣлалась бы такой же, какъ всѣ... Но какъ разъ въ ту минуту, когда

было еще не поздно, пришло спасеніе. Передъ нею, больной, слабой, охваченной горячечнымъ жаромъ и возбужденіемъ, въ одно время и призывавшей къ себѣ смерть, и мучительно ея страшившейся, мучительно хотѣвшей жить, внезапно появился молодой, энергичный и очень недурной собою врачъ, окруженный самой необыкновенной обстановкой: со штыкомъ солдата за спиною, съ гремящими на ногахъ кандалами,съ бритой головой.Ласковый свѣтъ горѣлъ въ его глазахъ, въ каждомъ словѣ слышалась ободряющая сила и надежда... Воображеніе Анны Аркадьевны было поражено, симпатіи завоеваны съ перваго раза;а между тѣмъ,каждое новое посѣщеніе Штейнгарта, окруженное все той же таинственностью и необычайностью, только усиливало первоначальное очарованіе, открывая въ молодомъ врачѣ—каторжникѣ все новыя и новыя неслыханныя черты и достоинства, и къ тому времени, когда жизнь больной находилась уже въ полной безопасности, между ними успѣла установиться самая тѣсная и искренняя дружба. Для Штейнгарта это была, разумѣется, только дружба; чѣмъ сдѣлался онъ для молодой женщины—кто могъ знать объ этомъ, кромѣ нея самой? Да большой вопросъ еще, знала-ль она и сама о настоящемъ характерѣ своего чувства? Во всякомъ случаѣ это была трогательно-безкорыстная преданность. Очень скоро дружеское расположеніе Анны Аркадьевны перенеслось и на товарищей Штейнгарта, которыхъ она никогда въ жизни не видала, и вотъ Дмитрій, возвращаясь со свиданій, сталъ неизмѣнно каждый разъ приносить мнѣ и Валерьяну поклоны и привѣты отъ своей паціентки, а затѣмъ, когда личныя свиданія прекратились, начали получаться раздушенныя записочки съ восторженнымъ обращеніемъ ко всѣмъ намъ троимъ: «Друзья мои!» и съ подписью «вашъ вѣрный и любящій другъ». И, какъ я сказалъ уже выше, эта любовь и эта вѣрность были не разъ впослѣдствіи доказаны жизнью, и если имѣлись въ нихъ свои смѣшныя стороны, то мнѣ-ли смѣяться надъ ними? О, если гдѣ-нибудь ты существуешь еще, добрая и безхитростная душа, такъ много любившая и такъ мало видѣвшая награды за свою любовь, то прими отъ меня, хоть теперь, запоздалый, но не менѣе отъ того горячій и искренній привѣтъ!...

Выздоровѣвъ, Анна Аркадьевна, понятно, старалась изыскивать всевозможные предлоги для того, чтобы, время отъ времени, снова приглашать къ себѣ Штейнгарта: то появлялся у нея какой-нибудь новый недугъ, то встрѣчалась надобность въ медицинскомъ совѣтѣ для устраненія слѣдовъ перенесенной весною тяжкой болѣзни... Въ это же время она стала крайне интересоваться знакомствомъ великолѣпнаго Лучезарова, вида котораго раньше не могла выносить и которому всячески выказывала всегда явное неблаговоленіе. Теперь красивая молодая женщина начала ему, не безъ кокетства, улыбаться, привѣтливо съ нимъ заговаривала, и бравый капитанъ, никогда не бывшій нечувствительнымъ къ женскимъ

чарамъ, таялъ каждый разъ, какъ воскъ, и при малѣйшемъ недомоганіи обворожительной есаульши согласился бы сдѣлаться даже спиритомъ, чтобы вызвать съ того свѣта, всѣхъ знаменитыхъ врачей прошлыхъ вѣковъ; тѣмъ болѣе онъ готовъ былъ разрѣшить Штейнгарту являться по первому зову есаула...

Вотъ изъ этого-то источника и принесъ однажды Дмитрій положительныя свѣдѣнія о новыхъ грозившихъ намъ непріятностяхъ, про которыя давно уже говорили разные темные слухи. Передъ тѣмъ около трехъ недѣль не видался онъ съ Анной Аркадьевной, и только разъ за все это время была получена отъ нея коротенькая записка: «Все ищу случая и возможности вызвать, но никакъ не удается. Боюсь, что Л. что-то подозрѣваетъ. Есть важныя новости». Наконецъ, ей удалось какимъ-то образомъ добиться свиданія.

— Представьте, господа, — разсказывалъ Штейнгартъ мнѣ и Башурову, вернувшись въ тюрьму,—я впалъ въ немилость!

— У Шестиглазаго?

— Ну, разумѣется. Давно, положимъ, я замѣчалъ уже, что онъ, какъ-будто, косится на меня. За ворота тюрьмы, къ больнымъ стали вызывать въ послѣднее время очень рѣдко, а недавно, говорятъ, пріѣзжалъ издалека какой-то казакъ и слезно умолялъ разрѣшить мнѣ изслѣдовать его, но такъ и не добился разрѣшенія... Все это я объяснялъ однако минутными капризами.

— Ну, а теперь что же оказывается?

— Оказывается, онъ видѣть меня не можетъ теперь равнодушно. Вчера, когда Анна Аркадьевна усиленно пристала къ нему съ просьбой вызвать меня, онъ вспыхнулъ, какъ порохъ, и разразился длиннымъ монологомъ, въ которомъ высказался вполнѣ откровенно: «Штейнгартъ—мальчишка, который положительно избаловался вслѣдствіе моего мягкаго къ нему отношенія! Онъ совершенно забылъ о томъ, что онъ каторжный, что ему нужно въ рудникѣ работать, а не воображать, будто онъ что-то вродѣ начальства и будто мы ему чѣмъ-то обязаны.—Но позвольте,—вставила Анна Аркадьевна, — вѣдь *мы*, дѣйствительно, многимъ ему обязаны? — Тутъ Лучезаровъ окончательно изъ себя выпрягся, какъ говорятъ арестанты, и началъ отрицать во мнѣ всякія знанія и способности: «Если и было нѣсколько удачныхъ исходовъ въ его практикѣ, такъ это просто счастливый случай, не больше. Я не признаю врача въ этомъ заносчивомъ... недоучкѣ!» Анна Аркадьевна чуть не расплакалась при этихъ словахъ, а Лучезаровъ продолжалъ откровенничать: «Но еслибы даже отъ него и польза была, принципъ долженъ быть выше поставленъ. Штейнгартъ—каторжный, и его дѣло каторжнымъ быть, а не врачемъ. Впрочемъ, на дняхъ это и начнется...»—Что такое начнется?—«Вообще новый порядокъ. Я получилъ, наконецъ, давно жданный приказъ устроить тюрьму по возможности такъ, какъ это отвѣчаетъ моимъ взглядамъ и убѣжденіямъ. И

я устрою дѣйствительно образцовую тюрьму, а не какую то гостиницу, какой она до сихъ поръ была». Постепенно капитанъ выболталъ все: на стѣнахъ камеръ будутъ вывѣшены печатныя правила (при словѣ «печатныя» онъ положительно захлебывался отъ восторга), и неисполненіе ихъ будетъ влечь за собою самыя суровыя наказанія... Кромѣ того, у него будетъ на дняхъ настоящій помощникъ, такой, какого онъ всегда желалъ, человѣкъ смѣлый и дѣятельный, не столь мягкій, какъ самъ онъ, Лучезаровъ... Когда Анна Аркадьевна узнала фамилію новаго помощника, то такъ и ахнула: она и лично хорошо знала подпоручика Ломова и наслышалась о немъ въ свое время очень много. «Да вѣдь это дубина, закричала она, ничего человѣческаго въ немъ нѣтъ!»—Съ какой точки зрѣнія смотрѣть,—отвѣчалъ капитанъ,—во всякомъ случаѣ у подпоручика много неоспоримыхъ достоинствъ: прежде всего онъ честенъ, неподкупенъ, а главное исполнителенъ. Ну, а это въ *нашемъ* дѣлѣ неоцѣнимое качество! Повиновеніе, исполнительность, энергія...—Аннѣ Аркадьевнѣ пришлось употребить героическія усилія воли, чтобы сдержать свое негодованіе, и, только благодаря наружному спокойствію, ей удалось все это вывѣдать. Передайте вашимъ товарищамъ,—сказала она мнѣ въ заключеніе,—что теперь я буду за всѣхъ васъ очень бояться! На одного Лучезарова я еще могла бы, можетъ быть, вліять; мужъ мой тоже не злой человѣкъ и, побуждаемый мною, тоже немного сдерживалъ бы его. Но съ Ломовымъ поладить будетъ невозможно: это не голова, а дерево... Свиданія наши, по всей вѣроятности, теперь совсѣмъ прекратятся, и придется ограничиваться перепиской, хотя и писать надо очень, очень осторожно. Если вамъ станетъ слишкомъ плохо, дайте мнѣ знать. Я напишу въ Ч...—тамъ у меня есть старыя связи, друзья, и мнѣ, быть можетъ, удастся ослабить лучезаровскія затѣи...

— Ну, вотъ мои сегодняшнія новости, закончилъ Дмитрій свой разсказъ:—не очень то пріятныя?

— Будемъ ждать событій, заранѣе ничего не придумаешь,—порѣшили мы, расходясь по своимъ мѣстамъ: я продолжалъ еще находиться въ больницѣ; Башуровъ и Штейнгартъ жили теперь въ одной камерѣ.

Событія не заставили себя долго ждать. Однажды утромъ «шепелявый дьяволъ», онъ же старшій надзиратель, принесъ въ тюрьму пукъ печатныхъ «Правилъ шелаевской каторжной тюрьмы», подъ которыми красовалась крупно подписанная фамилія капитана Лучезарова, и торжественно сталъ прибивать ихъ на передней стѣнѣ каждой изъ девяти камеръ. Грамотные изъ кобылки съ любопытствомъ принялись читать. Собственно, чего нибудь новаго и неожиданнаго въ этихъ правилахъ не было, но все то, что требовалось отъ арестантовъ и раньше, теперь подчеркивалось и подкрѣплялось какой нибудь опредѣленной угрозой, ссылкой на ту или иную грозную статью закона. Слова: розги, плети, судъ, наручни, кан-

далы, темный карцеръ, тѣлесное наказаніе, лишеніе вольной команды такъ и пестрѣли въ глазахъ, такъ и скребли по сердцу, словно гвоздь по стеклу. Впрочемъ, на большинство арестантовъ чтеніе это не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія.

— О, чтобы васъ язвило!.. Я думалъ, что нибудь насчетъ манафеста, а это то мы и безъ вашей бумаги знаемъ,—говорили они, еще не дочитавъ до конца правилъ и съ презрѣніемъ отходя прочь.

— Это что за полотенце тутъ вывѣсили?—спрашивали возвращавшіеся съ работъ и еще ничего не слыхавшіе.

— А это насчетъ, братъ, штановъ. Увидалъ начальникъ, что они шибко измяты у насъ, такъ вотъ обѣщаетъ теперь выгладить.

Острота встрѣчалась общимъ смѣхомъ, и спрашивавшій не интересовался больше содержаніемъ бумаги.

Но за то для насъ содержаніе это было въ высшей степени интересно, такъ какъ мы отлично понимали, что впечатлѣніе оно разсчитывало произвести, главнымъ образомъ, на насъ. «Ровно въ 9 часовъ вечера, читали мы,—при первомъ барабанномъ боѣ въ казармахъ арестанты обязаны немедленно ложиться спать. Замѣченные надзирателями въ нарушеніи этого правила и въ ослушаніи въ первый разъ подвергаются наказанію карцеромъ, во второй—розгами». Правило это, за исключеніемъ послѣдней угрозы, было извѣстно и раньше: въ первый годъ существованія Шелаевской тюрьмы изъ-за несоблюденія его выходили иногда словесныя стычки съ надзирателями; раза два или три случалось даже, что арестантовъ отводили и въ карцеръ, но теперь все это давнымъ-давно уже было забыто, тѣмъ болѣе, что, утомленные дневной работой, арестанты и сами засыпали не позже девяти часовъ вечера. Что касается меня съ товарищами, то мы часто не ложились и еще часа полтора-два. Надзиратели отлично это видѣли, видалъ иногда и самъ Шестиглазый, производя вечерніе обходы тюрьмы, но замѣчаній никто намъ не дѣлалъ. Теперь же печатно объявлялась на этотъ счетъ внушительная и многознаменательная угроза... «За отказъ отъ работы подъ предлогомъ болѣзни, которой не призналъ врачъ или фельдшеръ (!), а также за невыполненіе урока безъ достаточныхъ (!) основаній» назначалось такое же наказаніе: сначала карцеръ, затѣмъ розги...

«За неснятіе шапки передъ начальствомъ», «за дерзкіе отвѣты надзирателямъ», «за невниманіе къ звонку и свистку» и за многое другое въ томъ же родѣ—классическая лоза, казалось, такъ и свистѣла въ воздухѣ, терроризируя и безъ того угнетенное и болѣзненно настроенное воображеніе. Точно перечислялось далѣе, кого изъ начальствующихъ лицъ слѣдовало называть «Ваше превосходительство» и «Ваше высокоблагородіе», и въ какихъ случаяхъ полагалось сказать «здравія желаемъ» или «рады стараться»; а въ заключеніе всего стоялъ такой любопытный пунктъ: «Надзиратели

никому изъ арестантовъ не должны говорить *вы*, а всѣмъ безъ различія *ты*»... Въ ряду правилъ для арестантовъ статья эта, обращавшаяся съ внушеніемъ къ надзирателямъ, особенно поражала своей странностью и видимой ненужностью... Эта то видимая ненужность и выдавала составителя инструкціи: очевидно было, что онъ придавалъ этой статьѣ особенное значеніе, что именно въ этомъ пунктѣ съ особеннымъ усердіемъ скрипѣло по бумагѣ расходившееся перо...

Какъ бы то ни было, на трехъ человѣкъ изъ полуторыхъ сотенъ арестантовъ вывѣшенныя печатныя правила произвели болѣзненно удручающее впечатлѣніе. Мы, правда, молчали и даже между собой не держали никакихъ совѣтовъ, не принимали никакихъ преждевременныхъ рѣшеній, но сердце у каждаго мучительно сжималось, и мрачныя предчувствія заволакивали душу холоднымъ туманомъ... Перспектива новой борьбы, борьбы за свое человѣческое достоинство, въ то время какъ утомленная душа жаждала тишины и спокойствія, хотя бы спокойствіемъ этимъ былъ обычный тяжелый строй каторжной жизни,—перспектива эта пугала и мучила... Кому и зачѣмъ это нужно? Чего они хотятъ отъ насъ?

«Новый порядокъ» начался съ того, что, вывѣсивъ на стѣнахъ камеръ правила, старшій надзиратель подошелъ къ Штейнгарту и Башурову и, глупо ухмыляясь и смѣшно по обыкновенію шепелявя, потребовалъ отъ нихъ выдачи простынь, которыми всѣ мы пользовались уже съ незапамятныхъ временъ: бравый капитанъ, всегда любившій и поощрявшій чистоту и опрятность, въ свое время съ большимъ удовольствіемъ разрѣшилъ мнѣ употребленіе простынь; когда пріѣхали новички, это было уже давно установившимся прецедентомъ.

— Съ какой стати отбираете вы простыни?—удивился Штейнгартъ.

— А какъ же! Въ плавилахъ говоится, что постельныя принадлежности, одежа и все прочее должно быть у алестантовъ одинаковое.

— Да вѣдь грязь невообразимая заводится на постеляхъ?

— Алестантамъ полагается глязь, — попробовалъ отшутиться надзиратель:—А, вплочемъ, нацальникъ говоритъ, что если всѣ арестанты заведутъ простыни, такъ ихъ можно дозволить.

Но всѣ арестанты, конечно, не могли «завести» себѣ простынь, и мы тоже должны были отнынѣ спать на однихъ грязныхъ подстилкахъ. Какъ ни любилъ Шестиглазый чистоту и опрятность, но принципъ для него былъ выше! Наступленіе было, очевидно, дѣломъ окончательно обдуманнымъ и рѣшеннымъ.

Вечеромъ того же дня на повѣрку явился самъ авторъ правилъ окруженный всѣми шелайскими надзирателями, торжественный и грозный. Изъ корридора больницы я съ любопытствомъ и нѣкоторой тревогой наблюдалъ въ окно за церемоніей; каждый громкій

возгласъ явственно доносился сквозь отворенную форточку. Противъ обыкновенія, немедленнаго разрѣшенія надѣть шапки не послѣдовало, но я видѣлъ, какъ Башуровъ и Штейнгартъ (не изъ какого-либо протеста, какъ потомъ они мнѣ объяснили, а совершенно машинально, по привычкѣ) накрылись, не дожидаясь команды. Бравый капитанъ замѣтилъ это и, весь побагровѣвъ, возвысилъ тотчасъ же голосъ:

— Никогда не должно надѣвать шапокъ, пока я не разрѣшилъ!

Послѣдовало долгое и тягостное молчаніе. Провинившіеся продолжали стоять въ шапкахъ. Еще мгновеніе — и болѣе ретивые изъ надзирателей полетѣли бы къ нимъ съ криками и угрозами, но Лучезаровъ быстро скомандовалъ:

— Шапки надѣть... Да вотъ что!—продолжалъ онъ, еще возвышая голосъ:—нѣкоторые изъ васъ надѣваютъ штаны поверхъ сапоговъ. Форма требуетъ, чтобы штаны забирались внутрь... Да и помимо того, некрасиво такъ носить — такъ *жиды* только одни носятъ!

И, выпаливъ этотъ удивительный афоризмъ, онъ угрюмо замолчалъ. Рѣчь эта произвела на меня тѣмъ болѣе тягостное впечатлѣніе, что я зналъ, противъ кого она была направлена: изъ всей тюрьмы одинъ только Башуровъ надѣвалъ брюки не по казенному..

Непріятности, однако, этимъ не кончились. Когда надзиратели скомандовали арестантамъ расходиться по камерамъ, гнѣвъ Шестиглазаго опять прорвался наружу; зычный окрикъ, какого я никогда еще не слыхивалъ, раздался на весь дворъ:

— Тамъ не въ ногу идутъ!.. Кто смѣетъ изъ рядовъ выходить? Кто...

Но колонна, къ которой относился этотъ крикъ и въ которой находились и два моихъ товарища, уже успѣла вступить въ двери тюрьмы и скрыться изъ глазъ. Лучезаровъ почему то не вернулъ ея, хотя долго еще кричалъ на дворѣ—что именно, я не сталъ вслушиваться. Съ тяжестью и мракомъ на сердцѣ отошелъ я отъ окна.

Какъ оказалось, во многихъ камерахъ Лучезаровъ говорилъ въ тотъ вечеръ краткія, но внушительныя рѣчи, и, конечно, онъ не могъ думать, что мы не узнаемъ ихъ содержанія.

— Въ тюрьмѣ будутъ введены нѣкоторыя строгости,—объявлялъ онъ арестантамъ, — но вы не должны ихъ пугаться. Тѣ, кто будетъ послушенъ и кротокъ, ничего отъ меня худого не увидятъ. Но среди васъ есть гордецы... строптивые... Вы должны пособить мнѣ обуздать ихъ! Я слышалъ, что и вамъ они не пришлись по вкусу, тѣмъ лучше.

Признаюсь откровенно, я никакъ не ожидалъ, чтобы бравый капитанъ, при всей измѣнчивости своихъ настроеній и «принциповъ», дошелъ до такихъ унизительныхъ и непригдядныхъ средствъ борьбы... Но онъ опоздалъ: «звонъ» услышанъ былъ слишкомъ заднимъ

числомъ, когда о какомъ-либо раздорѣ между нами и кобылкой не было уже и помину... Впрочемъ, я думаю, что на этой почвѣ онъ не добился бы ничего и раньше; даже враждовавшіе съ нами тюремные коноводы врядъ ли захотѣли бы имѣть въ этомъ дѣлѣ такого союзника, какъ начальство... Въ настоящую же минуту Лучезаровъ достигъ результатовъ совершенно противуположныхъ тѣмъ, какихъ желалъ: къ чести кобылки нужно сказать, что не нашлось среди нея ни одного человѣка, который отнесся бы (по крайней мѣрѣ громогласно) съ сочувствіемъ къ откровенной рѣчи начальника. Всѣ, напротивъ, открыто негодовали... На другое же утро десятки человѣкъ спѣшили къ намъ, чтобы сообщить въ подробностяхъ содержаніе рѣчи; вся тюрьма въ этотъ и слѣдующіе затѣмъ дни относилась ко всѣмъ намъ съ какимъ то преувеличеннымъ вниманіемъ и почтеніемъ; передъ нами торопливо разступались, намъ дружески улыбались, заговаривали съ нами съ явнымъ желаніемъ ободрить и успокоить... И во все послѣдующее, пережитое нами тяжелое время кобылка также вела себя съ положительнымъ благородствомъ, подчасъ глубоко насъ трогавшимъ...

Нѣсколько дней спустя пріѣхалъ ожидаемый «помощникъ». Надзиратели съ ранняго утра до поздняго вечера усиленно бѣгали въ этотъ день по тюрьмѣ, съ особенной тщательностью водворяя вездѣ чистоту, тишину и порядокъ, точно будто въ ожиданіи какого нибудь важнаго генерала. Двое или трое арестантовъ попали въ карцеръ за грубость. Вечерней повѣрки ждали всѣ съ напряженнымъ любопытствомъ. Звонокъ ударилъ какъ то совсѣмъ неожиданно, и арестанты закопошились, точно рой пчелъ, потревоженныхъ въ ульѣ какой нибудь внезапной бѣдой.

— Скорѣе за котлами бѣгите, черти, дьяволы!—раздались всюду крики, и запоздавшіе камерные старосты со всѣхъ ногъ промчались въ кухню за чаемъ. Дежурный надзиратель выбивался изъ силъ, подгоняя ихъ своимъ «гавканьемъ». Каторжный поэтъ Владиміровъ, тоже бывшій въ это время старостой въ одномъ изъ номеровъ, запнулся о ступеньку главнаго крыльца и во весь ростъ растянулся на немъ вмѣстѣ съ ведромъ чаю. Кирпичнаго цвѣта жидкость разлилась по крыльцу широкими потоками. Произошло невообразимое замѣшательство: хохотъ кобылки смѣшивался съ бѣшеной бранью надзирателя; изъ кухни бѣжали съ тряпками повара и хлѣбопеки, торопясь смыть и затушевать слѣды произведеннаго «безобразія»; а самъ виновникъ суматохи, Медвѣжье Ушко, низко потупивъ мотающуюся голову и ковыляя ушибленной ногой, конфузливо ухмыляясь, спѣшилъ занять свое мѣсто въ рядахъ уже выстроившихся и весело тюкавшихъ на него арестантовъ.

— Ай, да дюдя! Сколько же тебѣ банокъ теперь отрубятъ за то, что камеру безъ чаю оставилъ?

Съ трудомъ пришло все въ надлежащій порядокъ. И едва только порядокъ водворился, какъ послышалось: «Идутъ! идутъ!..» и все

стихло. Ворота распахнулись настежь, и въ сопровожденіи толпы надзирателей вошли Шестиглазый и рядомъ съ нимъ новый помощникъ, подпоручикъ Ломовъ. Глаза всѣхъ такъ и впились въ новую фигуру, появленію которой предшествовало столько слуховъ и толковъ. Фигура была необыкновенно внушительная: ростомъ едва ли не выше самого Лучезарова и шире его въ плечахъ, Ломовъ производилъ впечатлѣніе неуклюжаго, косолапаго медвѣдя, ставшаго на дыбы. Въ довершеніе сходства онъ не могъ, повидимому, прямо держать голову, нѣсколько косо сидѣвшую на плечахъ, и смотрѣлъ исподлобья сѣрымъ, непривѣтливымъ взглядомъ. Да и все лицо его, обросшее, какъ у медвѣдя, волосами, было какого то землисто-сѣраго цвѣта, съ чертами, трудно уловимыми и запоминаемыми.

— Одно слово, ребята, — Ломовъ!—такъ резюмировала потомъ свои впечатлѣнія кобылка.

Но что, однако, сталось съ самимъ бравымъ капитаномъ? Какъ непохожъ онъ былъ на того громовержца-Юпитера, на того «Прометея», какимъ являлся въ тюрьму за нѣсколько дней передъ этимъ! Теперь онъ, напротивъ, источалъ изъ себя блескъ и благоволеніе и глядѣлъ на присмирѣвшую кобылку, какъ добрый и благодушный отецъ на своихъ возлюбленныхъ дѣтей; входя въ ворота, онъ даже видимо для всѣхъ улыбнулся... Надѣть шапки онъ приказалъ почти въ тотъ же моментъ, какъ раздалась команда надзирателя снимать ихъ. По выслушаніи рапорта дежурнаго о благополучномъ состояніи тюрьмы, онъ милостиво обратился къ арестантамъ съ привѣтствіемъ, причемъ не сказалъ даже «*здорово*, ребята!», а — «*здравствуйте*, братцы»... И когда «братцы» отвѣчали на это оглушительнымъ ревомъ: «Здрраввія желлаемъ, господинъ начальникъ!» — еще привѣтливѣе оглянулъ ихъ и сказалъ, указывая на Ломова:

— Вотъ, братцы... прошу любить и жаловать новаго помощника!

И, должно быть, самому бравому капитану показалось нѣсколько чудно то, что онъ сказалъ: онъ, какъ будто, сконфузился и замолчалъ. Впрочемъ, добродушіе не покидало его. Что касается Ломова, то онъ стоялъ, какъ прежде, огромный и сѣрый, неподвижный, какъ статуя командора, нѣсколько пригнувъ къ землѣ свою косую голову, и только во время неожиданной рѣчи начальника какъ то нервно дернулъ ею, точно ломовая лошадь, которой надоѣдливая муха сѣла вдругъ на носъ.

Арестантскій хоръ запѣлъ установленныя молитвы. Лучезаровъ со всей свитой отправился за задніе ряды арестантскаго строя, куда обыкновенно удалялся на время пѣнія (должно быть, для того, чтобы не казалось, будто арестанты на него молятся).

— Вотъ что я скажу тебѣ, Петинъ, — громко заговорилъ онъ, надѣвая по окончаніи молитвы папаху и снова выходя впередъ:— басъ то у тебя, пожалуй, и есть, но въ головѣ, должно быть, пусто,

какъ въ порожнемъ боченкѣ. Нотъ не знаешь и гудишь тамъ, гдѣ совсѣмъ не требуется!

Замѣчаніе это было сдѣлано, однако, такимъ добродушнымъ тономъ, что кое-гдѣ въ рядахъ арестантовъ слова «порожній боченокъ» вызвали даже легкій смѣхъ — до того насмѣлѣла кобылка. Этого было вполнѣ достаточно, чтобъ начальникъ не далъ дальнѣйшаго хода своей разыгравшейся веселости и принялъ тотчасъ сдержанный, серьезный видъ. Радостно расходилась кобылка по номерамъ. Я видѣлъ съ своего наблюдательнаго поста, какъ Шестиглазый долго еще стоялъ послѣ того по срединѣ двора и благодушно ораторствовалъ о чемъ то передъ своимъ сѣрымъ и молчаливымъ помощникомъ. Разговоръ шелъ, повидимому, вполнѣ частный, и тѣмъ не менѣе Ломовъ то и дѣло отдавалъ начальнику честь. Надзиратели держались въ почтительномъ отдаленіи. Наконецъ, вся свита отправилась внутрь и пробыла тамъ больше часу. Я ужъ думалъ, никогда и не кончится эта длинная церемонія; отъ долгаго ожиданія у меня расходились нервы и разболѣлась голова. Но вотъ процессія, наконецъ, вышла и прежде всего направилась къ кухнѣ: впереди быстро шагалъ, развѣвая полами шинели, Шестиглазый, нѣсколько по-одаль, скосивъ на бокъ голову, шелъ грузной походкой Ломовъ, а позади стройно выступали попарно, точно проглотивъ по аршину, шесть или восемь надзирателей. Изъ кухни шествіе прошло... къ помойной ямѣ. И тамъ бравый капитанъ долго что то объяснялъ мрачному подпоручику, краснорѣчиво жестикулируя руками; и лишь по тщательномъ освидѣтельствованіи помойной ямы, онъ быстро направился, наконецъ, къ больницѣ. Тутъ только я покинулъ свой постъ и поспѣшилъ въ палату. Въ послѣднее время я жилъ въ ней не одинъ, а имѣлъ сожителемъ стараго хохла Ткаченко.

Загремѣли въ сѣняхъ двери, и по полу коррядора застучали десятки сапоговъ. Слышно было, какъ, приближаясь къ моей каморкѣ, Лучезаровъ сказалъ что-то вполголоса Ломову. И вотъ все свободное пространство впереди меня и Ткаченки быстро заполнилось шинелью браваго капитана, почти прижавшаго меня къ маленькому столику, стоявшему между двумя койками. Входя въ тюремныя камеры, капитанъ никогда не снималъ съ головы шапки, въ больничныя же палаты, напротивъ того, являлся всегда съ обнаженной головой; точно также поступали и надзиратели. И теперь, еще на порогѣ моей кельи, онъ граціознымъ движеніемъ руки скинулъ папаху, не позабывъ тутъ же сдунуть съ нея какую-то пылинку. Ломовъ остановился на порогѣ, надзиратели столпились въ корридорѣ. Я не глядѣлъ на порогъ, но чувствовалъ, какъ тамъ стояло что-то большое, тяжелое и темное...

Лучезаровъ медленно снималъ съ руки лайковую перчатку и наполнялъ комнату благоуханіемъ острыхъ духовъ, къ которымъ чувствовалъ всегда пристрастіе. Нѣсколько мгновеній онъ глядѣлъ

на *меня* сверху внизъ не то насмѣшливымъ, не то дружелюбнымъ взглядомъ.

— Ну-съ, каковы наши дѣла?

Я, молча, пожалъ плечами.

— Поправляемся?

— Понемногу.

Разговоръ никакъ не клеился, и бравый капитанъ торопливо повернулся въ сторону Ткаченки.

— Ну, а ты, старина, что тутъ дѣлаешь?

— Хлѣбъ жую, господинъ начальникъ, да Богу молюсь,—попробовалъ пошутить арестантъ, видя доброе настроеніе начальника. Но Лучезарову этотъ отвѣтъ, видимо, не совсѣмъ понравился.

— Ага,—нахмурился онъ,—хлѣбъ жуешь? Это-то и я, братецъ, умѣю... Въ лазаретъ не хлѣбъ жевать поступаютъ, а отъ болѣзней лѣчиться.

— Да этого добра у меня, господинъ начальникъ, довольно! Тыща болѣзней, просто и счету нѣтъ... Одною спину какъ разломило!

— Бурно пожилъ,—многозначительно бросилъ Лучезаровъ въ мою стороны и, слегка кивнувъ головой, выбѣжалъ тотчасъ же изъ палаты.

Корридоръ опять загремѣлъ отъ топота многочисленныхъ шаговъ.

— Это что-жъ такое значитъ «бурно пожилъ»?—недовольно обратился ко мнѣ Ткаченко.

Я, смѣясь, объяснилъ ему. Хитрые раскосые глаза старика сердито забѣгали туда и сюда; сѣдые бакенбарды и толстые усы забавно топорщились. Онъ не то дѣйствительно не понималъ не то не хотѣлъ понять моего объясненія.

— Бурно?.. восклицалъ онъ съ комическимъ негодованіемъ:— Нѣтъ, шалишь, братъ! Нѣтъ, вовсе даже недурно я пожилъ. Право, недурно! Въ тюрьму, вотъ, дурно попалъ—что вѣрно, то вѣрно.

На вечернюю повѣрку слѣдующаго дня явился уже одинъ Ломовъ. Во все время церемоніи онъ не проронилъ ни слова. Дежурный надзиратель то-и-дѣло подскакивалъ съ вопросами: «Прикажете то-то и то-то дѣлать, господинъ помощникъ?»—и онъ на все только угрюмо кивалъ головою. Само собой разумѣется, что и шапокъ надѣвать онъ тоже не разрѣшалъ, и кобылка, за исключеніемъ Штейнгарта и Башурова, всю повѣрку отъ начала до конца простояла на жестокомъ декабрьскомъ морозѣ съ обнаженными головами. Склонивъ нѣсколько на бокъ шею, Ломовъ, казалось, ничего не замѣчалъ и думалъ о совершенно постороннихъ вещахъ. Арестанты разошлись по камерамъ, не раскусивъ еще характера новаго помощника; кто сравнивалъ его съ бараномъ, а кто съ затравленнымъ волкомъ; но интересъ въ общемъ былъ возбужденъ крайне слабый.

Еще прошелъ день, наступила вторая повѣрка, на которой

опять присутствовалъ Ломовъ, и я снова съ любопытствомъ и затаенной тревогой наблюдалъ за всѣмъ происходившимъ. Едва только окончилась молитва, какъ онъ вынулъ изъ кармана колоду — какъ мнѣ показалось сначала картъ—и сталъ раздавать арестантамъ, громко вызывая ихъ по фамиліямъ. Голосъ у него оказался громкій, но съ какимъ-то раздражительнымъ, желчнымъ раскатомъ въ окончаніяхъ словъ.

— Мило-сердовъ! Струйскій! Влаа-диміровъ!

Вызываемые, униженно снимая шапки, выдвигались изъ строя и, подходя къ Ломову, брали изъ его рукъ карты. Онъ пристально вглядывался въ каждаго, словно желая запомнить физіономіи. Наблюдавшіе вмѣстѣ со мной больные живо догадались, что это были за карты.

— Квитки! Квитки, ребята, выдаетъ... Насчетъ строковъ... Сбавки какой не вышло ли?

— Чирокъ! Ишні-язовъ! Огур-цовъ! продолжалъ выкликать Ломовъ.

У меня усиленно билось сердце, въ ожиданіи неизбѣжной исторіи.

— Шара-фетдиновъ! Ногайцевъ! Баа-шуровъ!

Маленькій татаринъ Шарафетдиновъ и толстый Ногайцевъ, поспѣшно засунувъ шапки подмышки, кинулись получать квитки. Медленной походкой шелъ за ними Башуровъ, и на головѣ у него торчала злополучная шапка. Ломовъ, протягивая къ нему руку съ бумажкой, поднялъ глаза.

— Шапку забылъ снять. Какъ твоя фамилія?

Шапка не снималась.

— Шапку долой!!—почти съ визгомъ закричалъ помощникъ и двинулся къ Башурову:—безпорядокъ!!

Отвѣтомъ было прежнее молчаніе.

— Какъ фамилія?

Надзиратель стрѣлой подлетѣлъ и, приложивъ къ козырьку руку, назвалъ фамилію.

— Отвести въ карцеръ!—еще пущимъ визгомъ разразился Ломовъ и повернулся тотчасъ же спиной. Башурова повели въ карцеръ. По дорогѣ онъ взглянулъ на больничное окно и, весело улыбаясь, кивнулъ мнѣ головою... Между тѣмъ Ломовъ, пока надзиратели не вернулись изъ карцернаго дворика, въ явномъ возбужденіи, расхаживалъ впереди арестантскаго строя; Ткаченко увѣрялъ даже, что видитъ, какъ все лицо его перекашивается...

— Ну, и злости же въ ёмъ! Этотъ еще почище Шестиглазаго будетъ. Сущій волкъ! Говорилъ я, что на волка походитъ—вотъ по моему и вышло... Даромъ, что голова на бокъ скрючена, а все видитъ.

Съ возвращеніемъ надзирателей перекличка продолжалась, какъ ни въ чемъ не бывало. Я съ замираніемъ сердечнымъ ожидалъ

вызова Штейнгарта.. Однако какимъ-то чудомъ его квитка не оказалось, также какъ и квитковъ нѣкоторыхъ другихъ арестантовъ, и остальная часть повѣрки прошла благополучно.

На слѣдующее же утро я покинулъ лазаретъ и перешелъ въ тюрьму: разъ началась борьба, какъ бы она ни была нежелательна и даже смѣшна, я хотѣлъ быть съ товарищами. По указанію надзирателя, мнѣ пришлось помѣститься не въ ту камеру, въ которой находился Штейнгартъ. Послѣдній настаивалъ, чтобъ я немедленно вызвался къ Лучезарову для переговоровъ. Какъ ни тяжела была эта обязанность, выбора не представлялось, такъ какъ имѣлись свѣдѣнія, что Штейнгартъ пользовался преимущественнымъ нерасположеніемъ капитана, и я заявилъ дежурному о своемъ желаніи вызваться къ начальнику тюрьмы по неотложному дѣлу. На работу въ этотъ день я не былъ назначенъ въ виду того, что только что выписался изъ больницы, и цѣлый день пробродилъ по тюремному двору, волнуясь и нетерпѣливо ожидая, что вотъ-вотъ меня пригласятъ въ контору. За три слишкомъ года пребыванія въ Шелаѣ Лучезаровъ нѣсколько избаловалъ меня въ этомъ отношеніи: онъ вызывалъ меня немедленно всякій разъ, какъ я докладывалъ о необходимости видѣться. Впрочемъ, онъ могъ быть увѣренъ, что я вниманіемъ его не злоупотреблю и по какимъ-либо пустякамъ не вызовусь. Но сегодня происходило что-то странное: часы шли за часами, а меня и не думали вызывать. Вернулись, наконецъ, горные рабочіе.

— Ну, что? Какъ?—кинулся ко мнѣ Штейнгартъ.

— Ничего.

— Все еще не вызывалъ?

— Нѣтъ.

— Что-жъ это значитъ?

— Самъ не знаю. Подождемъ еще немного...

— Ну, а что Валеріанъ?

И я сталъ дѣлиться съ товарищемъ свѣдѣніями, какія успѣлъ добыть объ арестованныхъ.

И въ этотъ вечеръ на повѣрку опять явился Ломовъ. Мы съ Штейнгартомъ стояли все время въ шапкахъ, но онъ, очевидно, не замѣчалъ «безпорядка», и все сошло благополучно. Лучезаровъ еще цѣлыхъ два дня не подавалъ никакихъ признаковъ жизни, и это начинало насъ не на шутку раздражать... Однако въ бесѣдахъ съ Штейнгартомъ я, какъ болѣе старшій и опытный, считалъ своимъ долгомъ по возможности охлаждать его негодованіе и силился даже придать всей исторіи нѣсколько комическій характеръ. Штейнгарта это злило.

— Что вы тутъ комичнаго видите, я не понимаю!—говорилъ онъ съ сердцемъ:—и развѣ, въ концѣ концовъ, вы не то же дѣлаете, что и мы?

— Конечно, дѣлаю, но это не мѣшаетъ мнѣ внутренно смѣяться

и надъ собой. Подумайте сами: каторгу мы терпимъ, солдатскій строй терпимъ, чортъ знаетъ что терпимъ, а тутъ вдругъ изъ-за какой нибудь несчастной шапки артачимся.

— Иванъ Николаевичъ, да вѣдь одна лишняя капля можетъ переполнить чашу терпѣнія...

— Но не лишитъ способности разсуждать логически. Сниманіе шапки такая же, въ концѣ концовъ, формальность, какъ и все остальное. Отъ товарищества я, разумѣется, никогда не отступлю; возможно и то, что, живи я здѣсь одинъ, безъ васъ, я и тогда поступалъ бы такъ же, какъ теперь вмѣстѣ съ вами. Но, съ другой стороны, по совѣсти скажу вамъ, что, еслибы товарищи рѣшили плюнуть на этотъ вопросъ, я не сталъ бы упираться.

Штейнгартъ горячо протестовалъ противъ такого взгляда.

— Я гляжу не такъ... По моему, даже тѣлесное наказаніе не въ такой степени принижаетъ человѣка! Но этотъ, сравнительно, маленькій и смѣшной на вашъ взглядъ вопросъ объ обязательномъ сниманіи шапки—о, это совсѣмъ другое дѣло! Тутъ я не пассивно, а уже активно унижаюсь, изъ страха я самъ, собственной рукою дѣлаю то, что мнѣ въ высшей степени непріятно дѣлать...

— Значитъ, Дмитрій Петровичъ... Простите мой вопросъ, но помните вы рѣшеніе, которое приняли въ первый вечеръ пребыванія здѣсь: «я стану все терпѣть, что только не задѣнетъ основъ моего человѣческаго достоинства»? Это была просьба, съ которою... И вы думаете, что теперь у васъ задѣта одна изъ такихъ основъ?

Штейнгартъ вспыхнулъ и затѣмъ опять поблѣднѣлъ.

— Я помню, конечно,—сказалъ онъ, понизивъ голосъ и грустно опустивъ голову,—но мало ли, во-первыхъ, какія рѣшенія принимаются въ минуты унынія или, наоборотъ, радостнаго подъема чувствъ. А, во-вторыхъ, какъ опредѣлить точно, гдѣ кончается и гдѣ начинается какая нибудь основа? Логикой тутъ ничего не рѣшишь, это область нравственнаго чувства...

Но и во мнѣ самомъ «логика» давно молчала, замѣнившись смутой самыхъ разнородныхъ мыслей и чувствъ. И прежде всего я боялся, подобно Штейнгарту, что вопросъ о шапкахъ, который самъ по себѣ не имѣлъ для меня существеннаго значенія, можетъ явиться лишь первымъ шагомъ по пути систематическаго приниженія нашего человѣческаго достоинства. Что Шестиглазымъ задуманъ цѣлый систематическій планъ я въ этомъ больше не сомнѣвался. Ломовъ являлся въ этомъ планѣ лишь послушнымъ и удобнымъ орудіемъ. Что то было въ самомъ бравомъ капитанѣ, что, при всей жесткости его натуры и тайныхъ вожделѣній, мѣшало ему лично взяться за это дѣло, тупой же и грубо-прямолинейный помощникъ, какъ нельзя лучше, подходилъ къ этой неблагодарной роли... И мысль о томъ, что мы находимся въ безконтрольной власти двухъ такихъ человѣкъ, и что надъ нашей головой виситъ, точно дамокловъ мечъ, «инструкція», знающая такъ

мало градацій въ системѣ своихъ каръ, — эта мысль леденила и обезволивала душу...

Вашуровъ уже третьи сутки сидѣлъ въ темномъ карцерѣ. Въ глубокомъ душевномъ угнетеніи вышли мы вечеромъ на повѣрку. Ворота растворились, и шумной гурьбой, свободно и весело между собой разговаривая, вошли одни надзиратели. Кобылка тоже радостно всколыхнулась.

— Никакого, значитъ, чорта-дьявола не будетъ сегодня!..

Передъ уходомъ въ свои камеры мы съ Штейнгартомъ еще разъ встрѣтились.

— Что же теперь дѣлать? Очевидно, никакихъ разговоровъ съ нами имѣть не желаютъ.

Лицо Штейнгарта сдѣлалось суровымъ.

— Не станемъ съ завтрашняго дня на повѣрки выходить, и дѣлу конецъ! Пускай силой выводятъ, если хотятъ!

Однако, не прошло и полчаса послѣ повѣрки, какъ ключъ въ нашей камерѣ снова загремѣлъ, и надзиратель пригласилъ меня къ начальнику тюрьмы. Бравый капитанъ поджидалъ меня въ маленькой дежурной комнатѣ, примыкавшей къ одному изъ тюремныхъ корридоровъ. Разстегнутая шинель свободно развѣвалась по его могучимъ плечамъ, и папаха предупредительно снята съ головы. Въ комнатѣ, по обыкновенію, сильно пахло одеколономъ, а отъ лица и всей фигуры Лучезарова вѣяло, какъ всегда, здоровьемъ и довольствомъ.

— Въ чемъ дѣло?—быстро заговорилъ онъ, едва меня увидавъ:— я былъ ужасно всѣ эти дни занятъ, никакъ не могъ... А вы удалитесь-ка на минуту,—обратился онъ къ надзирателю.

Послѣдній почтительно брякнулъ ключами и исчезъ, какъ привидѣніе.

— Въ чемъ же дѣло?—повторилъ бравый капитанъ, точно и и въ самомъ дѣлѣ не догадываясь о причинѣ моего вызова.

— Вы сами прекрасно знаете, въ чемъ,—отвѣчалъ я, съ трудомъ сдерживая волненіе:—сегодня уже четвертыя сутки пошли, какъ вы держите подъ арестомъ нашего товарища.

— Я? Вашурова? Вы ошибаетесь... Онъ арестованъ моимъ помощникомъ.

— Да развѣ помощникъ хозяинъ тюрьмы?

— Хозяинъ, разумѣется, я, но... у помощника тоже есть свои обязанности и свои права. Я не могу ихъ нарушать. Мнѣ былъ представленъ рапортъ о происшедшемъ, и я долженъ былъ считаться съ фактомъ.

— Словомъ, вы желаете умыть руки? Что-жъ, быть можетъ, и арестантовъ вооружаетъ противъ насъ тоже кто нибудь другой?

— Арестантовъ? Что за чепуха! Напротивъ, они мнѣ постоянно жалуются...

Бравый капитанъ побагровѣлъ до корней волосъ.

— Чего вы отъ меня, наконецъ, хотите? Инструкціи, которыя я обязанъ исполнять, говорятъ съ чрезвычайной опредѣленностью.

— Инструкціи, которыя вы сами составляли и которыхъ столько лѣтъ добивались? Мы хотимъ столь малаго, столь, повидимому, законнаго...

— А именно?

— Чтобы вашъ подчиненный обращался съ нами, по крайней мѣрѣ, не хуже васъ самихъ... Внушить ему это вполнѣ отъ васъ зависитъ. Подумайте сами: вотъ уже четвертый годъ вы управляете тюрьмой и ни разу еще не имѣли съ нами никакихъ исторій. Почему это? Потому, конечно, что вы по возможности умѣряли суровость мертвой буквы инструкцій...

Я видѣлъ ясно, что слова мои попали въ чувствительное мѣсто капитана: круглое лицо его все вдругъ залоснилось, и голова, отъ прилива законной гордости, поднялась выше обыкновеннаго.

— Да, да,—поспѣшилъ онъ согласиться, — это моя заслуга, я, дѣйствительно, человѣкъ очень умѣренный... Правда, бываютъ минуты, когда теряешь самообладаніе съ этими артистами (онъ протянулъ руку по направленію къ камерамъ), но съ тѣми, кто заслуживаетъ... съ людьми просвѣщенными... я умѣю быть не только начальникомъ, но и человѣкомъ!

— Такъ зачѣмъ же теперь, послѣ трехъ лѣтъ мира и спокойствія, понадобились вдругъ исторіи, столкновенія?

— Разскажите мнѣ, какъ произошло дѣло съ этимъ арестомъ?

Я разсказалъ, останавливаясь возможно больше на психологіи интеллигентнаго человѣка и подчеркивая то обстоятельство, что онъ, Лучезаровъ, всегда считался до сихъ поръ съ этой психологіей. Бравый капитанъ, какъ бы соглашаясь со мною, все время кивалъ головою.

— Ну, я полагаю, что больше такихъ исторій не будетъ,— сказалъ онъ, наконецъ, и вдругъ, немного подумавъ, прибавилъ:— я увѣренъ, что вы, напримѣръ, станете вести себя благоразумнѣе Башурова. Что дѣлать, законъ требуетъ исполненія!

Признаюсь, этотъ выводъ былъ для меня совершенно неожиданъ: мнѣ уже начинало казаться, что моя искусная дипломатія одерживаетъ побѣду, и Шестиглазый готовъ уступить,—и вотъ мы опять очутились, что называется, у печки!..

— Вы ошибаетесь, вы жестоко ошибаетесь!—воскликнулъ я съ горячностью: — поведеніе мое ничѣмъ не будетъ отличаться отъ поведенія товарищей. Я точно также буду гнить въ карцерѣ, если вы не поспѣшите запретить вашему помощнику исполнять инструкцію черезъ чуръ пунктуально! И послѣ того будь, что будетъ!

Лучезаровъ, нѣсколько опѣшивъ, нахмурился.

— Я подумаю,—сказалъ онъ, направляясь къ дверямъ и дѣлая знакъ, что аудіенція кончилась: — во всякомъ случаѣ, я поговорю

съ помощникомъ... Я постараюсь его убѣдить, такъ какъ приказать не имѣю права.

— А когда же будетъ выпущенъ Башуровъ?

— Его срокъ кончается завтра вечеромъ... Впрочемъ, можно и сегодня... Да, да, я велю сейчасъ же его выпустить!

— Позвольте мнѣ его дождаться.

Надзиратель стрѣлой полетѣлъ въ карцеръ. Лучезаровъ, плотно закутавшись въ шинель, сталъ торжественно прохаживаться по корридору. Я стоялъ въ молчаливомъ ожиданіи. Черезъ нѣсколько минутъ на крыльцѣ послышались торопливые шаги, смѣлая рука распахнула широко дверь, и я увидалъ Валерьяна, какъ всегда жизнерадостнаго и безпечнаго. Столкнувшись со мной лицомъ къ лицу, онъ разразился веселымъ смѣхомъ и шумно заключилъ меня въ объятія.

— Ага, вы тутъ? Выручали меня? А я ужъ спать было залегъ... Вотъ отдохнулъ то прекрасно! Ну, что—воевали съ Шестиглазымъ? А гдѣ же Дмитрій?

И тутъ только Валерьянъ замѣтилъ въ противоположномъ углу корридора величественную фигуру Шестиглазаго... Послѣдній, въ явномъ смущеніи, отворилъ дверь и потихоньку въ нее скрылся. Башуровъ снова залился громкимъ смѣхомъ...

II.

Торжество дамской дипломатіи.

Исторіи, однако, не прекратились. Единственнымъ видимымъ послѣдствіемъ бесѣды моей съ Лучезаровымъ было то, что Ломовъ въ теченіе нѣсколькихъ дней не появлялся послѣ того на вечернихъ повѣркахъ; но за то, какъ бы желая вознаградить себя за это лишеніе, онъ во всѣ другіе часы дня держалъ тюрьму въ настоящемъ осадномъ положеніи. Съ ранняго утра до поздняго вечера слышался на дворѣ и въ корридорахъ тюрьмы рѣзкій свистокъ надзирателя, предупреждавшій арестантовъ о приходѣ начальства: это Ломовъ то и дѣло приходилъ ревизовать свои владѣнія... Казалось, ему доставляло огромное наслажденіе созерцать повсюду картины наводимаго его сѣрой фигурой страха и благоговѣнія. Какъ только показывался онъ въ воротахъ тюрьмы, такъ всѣ, кто только имѣлъ несчастіе попасть въ этотъ моментъ въ поле его зрѣнія, немедленно обязывались застывать въ каменныхъ позахъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ были застигнуты свисткомъ, и, снявъ шапки, вытянувъ руки по швамъ, стоять безъ движенія до тѣхъ поръ, пока мрачный подпоручикъ не скрывался изъ виду. Никогда при этомъ и помину не было о томъ, чтобы живыя статуи получили дозволеніе покрыть обнаженныя головы (какая бы погода ни стояла

на дворѣ), но съ другой стороны, нерѣдко изъ устъ Ломова вырывался рѣзкій, съ обычнымъ нервнымъ раскатцемъ, крикъ:

— Зда - ра - ва!

Крикъ этотъ ни мало, впрочемъ, не обозначалъ какого либо благоволенія къ кобылкѣ, нѣтъ, онъ издавался въ интересахъ все той же субординаціи, такъ какъ обязательно долженъ былъ вызывать отвѣтъ:

— Здрраввія желаемъ, господинъ помощникъ!

И еслибы отвѣта этого не послѣдовало, сейчасъ же отысканъ былъ бы безпорядокъ и отворились бы двери карцера...

Нѣсколько разъ въ день обходилъ Ломовъ корридоры тюрьмы, заглядывалъ въ самыя камеры, въ кухню, въ починочную мастерскую, въ больницу, и всюду при появленіи его арестанты должны были вскакивать, вытягиваться въ струнку и кричать: «здравія желаемъ!» Естественно, что мы трое, едва только долеталъ до ушей надзирательскій свистокъ, торопились забраться въ такое мѣсто, куда Ломовъ обыкновенно не заглядывалъ, такъ какъ встрѣча съ нимъ не могла доставить особеннаго удовольствія. Однако, не слишкомъ пріятна была и эта необходимость вѣчно быть настороже, постоянно бѣгать и прятаться... Очень скоро нервы наши въ конецъ развинтились, и каждая минута свободной отъ работы жизни была для насъ совершенно отравлена. Штейнгартъ уже не разъ заговаривалъ о томъ, что предпочитаетъ сидѣть въ карцерѣ, нежели играть роль бѣгающаго отъ охотника зайца... Жизнь, впрочемъ, сама ускорила развязку.

Однажды, въ ясное воскресное утро, Штейнгартъ съ котелкомъ чаю возвращался, не спѣша, изъ кухни въ свою камеру, какъ совершенно неожиданно застигнутъ былъ на серединѣ двора оглушительнымъ, тревожнымъ свисткомъ: ворота загремѣли, и надзиратель прокричалъ обычное: «Смирно, шапки долой!» Всѣ, кто очутился въ эту минуту на дворѣ, остановились, какъ вкопанные, на одномъ мѣстѣ и обнажили головы. Одинъ только Штейнгартъ, ускоривъ шаги, продолжалъ идти впередъ съ шапкой на головѣ. Онъ уже поднимался на тюремное крыльцо, когда сзади послышался бѣшено-визгливый крикъ:

— Сто-ай! Сто-ай! Безпо-рядокъ!!

Онъ машинально остановился и поджидалъ Ломова.

— Кто?

Штейнгартъ назвалъ себя.

— Да-лай шапку!..

— А вы тоже ее снимете?

— Въ карцеръ!! Въ кар-церъ!!

Визгъ Ломова дошелъ до истерически высокихъ нотъ. Штейнгартъ совершенно спокойно отправился слѣдомъ за подоспѣвшимъ надзирателемъ въ карцеръ, а помощникъ воротился за ворота тюрьмы сочинять рапортъ начальнику.

Арестъ этотъ вызвалъ сильную сенсацію среди надзирателей и вообще внѣ тюрьмы. Никто не зналъ еще объ опалѣ, постигшей Штейнгарта, и о томъ, что Шестиглазымъ рѣшено окончательно ограничить его медицинскую практику стѣнами тюрьмы; всѣ продолжали относиться къ нему съ большимъ почтеніемъ и любовью. Напротивъ, Ломовъ успѣлъ вездѣ снискать себѣ непріязнь и даже ненависть. Разсказывали, что кто-то рѣшился даже сказать ему по поводу этого ареста:

— Что вы сдѣлали, господинъ помощникъ? Вѣдь вы арестовали *господина доктора*.

Ломовъ, конечно, только глаза вытаращилъ отъ удивленія. А когда другой кто-то замѣтилъ ему, что въ окрестностяхъ Шелая сильно свирѣпствуетъ инфлуэнца, и Штейнгартъ можетъ во всякую минуту понадобиться самому даже начальнику, который уже захворалъ, то онъ далъ на это по-истинѣ замѣчательный отвѣтъ:

— Ну, такъ что-жъ! Понадобится—приведемъ.

— Это изъ карцера-то?

— Почему же нѣтъ?

— А потомъ опять въ карцеръ?

— Если не выйдетъ срокъ, такъ опять.

Отвѣтъ этотъ переходилъ изъ устъ въ уста, и весь шелайскій «свѣтъ» открыто негодовалъ на Ломова.

Что касается меня и Вашурова, то арестъ товарища произвелъ на насъ страшное впечатлѣніе. Въ сильной ажитаціи ходили мы весь день по двору тюрьмы, нетерпѣливо поглядывая на ворота и сгорая желаніемъ самимъ попасть въ карцеръ. Но ожиданія наши не сбылись: Ломовъ въ этотъ день больше не показывался, даже повѣрка прошла при однихъ надзирателяхъ. Рано утромъ слѣдующаго дня, передъ уходомъ въ рудникъ, я опять заявилъ дежурному надзирателю о желаніи видѣться съ начальникомъ по самому настоятельному дѣлу... День этотъ въ рудникѣ тянулся необыкновенно медленно, въ мучительномъ томленіи. По возвращеніи въ тюрьму мы узнали отъ артельнаго старосты еще непріятную новость: Штейнгартъ отказался принимать всякую пищу, отослалъ назадъ не только хлѣбъ, но и воду, велѣвъ сказать Шестиглазому, что лучше умретъ, нежели покорится Ломову. Дѣло принимало серьезный оборотъ. Съ помощью Лунькова, Чирка и другихъ благопріятелей изъ арестантовъ, ставшихъ неподалеку «на стремѣ», мы съ Валерьяномъ взобрались на подоконникъ карцера, чтобы переговорить съ Штейнгартомъ: сквозь наглухо запертый ставень звуки его голоса доносились до насъ точно издалека, глухіе и странные... Мы прежде всего спросили его о причинѣ голодовки.

— Простите, что я началъ это дѣло, не посовѣтовавшись раньше съ вами,—началъ Дмитрій:—но это какъ-то само собой вышло. Вчерашній день мнѣ и не предлагали никакой пищи... А сегодня, когда надзиратель подалъ въ окошко хлѣбъ, я уже хотѣлъ было

взять его, да вдругъ услыхалъ въ корридорѣ знакомые шаги и увидалъ знакомую фигуру...

— Ломова? Неужели онъ самъ и хлѣбъ вамъ приносилъ?

— Да, самъ... Ну, тутъ меня страшная ярость охватила, я отшвырнулъ хлѣбъ и сказалъ... что сказалъ, не помню теперь въ точности. Впрочемъ, я и не жалѣю теперь объ этомъ: быть можетъ, это и дѣйствительно лучшее средство заставить Лучезарова и Ломова быть впередъ осторожнѣе.

Что касается Ломова, то, разумѣется, надежда Штейнгарта была совершенно напрасной. Выслушавъ его заявленіе, онъ отправился тотчасъ же въ кухню и тамъ объявилъ поварамъ и старостѣ, что «запоретъ» ихъ, если узнаетъ, что они тайкомъ подаютъ арестованному хлѣбъ или мясо.

— И воды тоже не смѣть подавать! Посмотримъ, какъ онъ выдержитъ свое хвастовство!

И съ этими словами Ломовъ удалился. У него хватило бы, конечно, духу не остановиться передъ самой даже трагической развязкой, но Шестиглазый, повидимому, иначе взглянулъ на дѣло, потому что вслѣдъ за категорическимъ запрещеніемъ помощника надзиратели получили приказъ внести въ карцеръ цѣлый бакъ свѣжей воды и большую краюху свѣжеиспеченнаго хлѣба. Все это оказалось однако на слѣдующее утро нетронутымъ.

Потянулся тяжелый рядъ дней, одинъ другого мрачнѣе и тоскливѣе. Шестиглазый не торопился вызывать меня для переговоровъ. Мы строили съ Валерьяномъ множество плановъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи ни одинъ изъ нихъ не выдерживалъ критики. Никакого смысла не имѣло, напр., начать и намъ голодовку: ни Ломовъ, ни самъ Шестиглазый, конечно, ни на минуту не сомнѣвались бы въ томъ, что, имѣя общеніе съ арестантами, мы продолжаемъ тайкомъ принимать пищу, а постимся только для виду. Оставалось поэтому одно: добиться во что бы ни стало, чтобы и насъ тоже посадили въ карцеръ; но какъ этого добиться? Ломовъ, точно нарочно, показывался въ тюрьму лишь въ тѣ часы, когда мы были въ рудникѣ, на повѣрки не являлся. Пламенный Башуровъ предлагалъ, впрочемъ, очень простой и рѣшительный способъ:

— Давайте бить стекла!—говорилъ онъ самымъ серьезнымъ тономъ:—тогда насъ, навѣрное, въ карцеръ посадятъ.

Но «бить стекла» я не соглашался... Въ концѣ концовъ мы остановились бы, по всей вѣроятности, на отказѣ ходить въ рудникъ, еслибы не удержало насъ одно непредвидѣнное обстоятельство. Староста Годуновъ съ весьма таинственнымъ видомъ отозвалъ меня разъ въ сторону и передалъ какую-то записку (я такъ и не узналъ никогда, какимъ образомъ онъ раздобылъ ее). Распечатавъ ее, я сразу различилъ знакомый женскій почеркъ: «Будьте спокойны, не падайте духомъ. А самое главное—не дѣлайте ничего явно противозаконнаго, не расширяйте вопроса о шапкахъ никакими дру-

гими требованіями. Боже васъ сохрани отказываться отъ работъ. Умоляю васъ, иначе все пропало. Помните, что друзья ваши бодрствуютъ и дѣйствуютъ. Пока могу сказать одно—есть надежда, получены хорошія вѣсти. Потерпите еще немного. Другъ».

Какъ ни голословны были утѣшенія «друга», какъ ни наивно было, повидимому, думать, что слабая, не имѣющая никакой власти женщина можетъ сдѣлать для нашего положенія что-либо существенное (выпускъ Штейнгарта изъ карцера, конечно, ничего такого не представлялъ бы), тѣмъ не менѣе мы съ Валерьяномъ пріободрились: извѣстно, что утопающій за соломенку хватается... Мы поспѣшили и съ Штейнгартомъ подѣлиться своей радостью. Но онъ выслушалъ ее, казалось, довольно равнодушно и тѣмъ нѣсколько охладилъ нашъ пылъ. Впрочемъ, онъ вообще неохотно подходилъ теперь къ окну карцера и неохотно отвѣчалъ на наши безчисленные вопросы. Возможно, что, голодая уже четвертыя сутки, онъ чувствовалъ слабость, хотя и увѣрялъ насъ, что никакихъ особенныхъ страданій не испытываетъ.

— Ѣсть, собственно, во вторыя только сутки хотѣлось. Тогда, дѣйствительно, были непріятныя минуты. А потомъ аппетитъ совсѣмъ исчезъ. Только ноги почему-то мозжатъ, такъ что уснуть даже не даютъ...

— Ну, а жажда?

— Первые три дня жажды совсѣмъ не было. Вы знаете, что я вѣдь вообще пью очень мало... Но сегодня жажда явилась, и временами даже мучительная... Какіе сны мнѣ сегодня снились ночью, какіе чудные оазисы въ пустынѣ! Теперь я хорошо понялъ чувства каравана, путешествующаго по Аравіи... Ну, однако, уходите, господа, я подремлю немного.

И мы отходили прочь съ камнемъ на сердцѣ.

Я чувствовалъ, какъ какой-то нравственный столбнякъ постепенно овладѣваетъ мною. Надзиратели, арестанты, вся окружающая обстановка и жизнь, точно, проваливались въ какую-то бездонную и темную пустоту, а ихъ мѣсто занималъ міръ призраковъ и болѣзненныхъ грезъ, окрашенный въ постоянный траурный цвѣтъ. Совершенно машинально исполнялъ я все, чего требовала отъ меня дѣйствительность: ѣлъ, ложился спать, работалъ, отвѣчалъ на задаваемые мнѣ вопросы... Давно ли, казалось, въ самыя тяжелыя минуты жизни я способенъ былъ отыскивать всюду свѣтлыя и даже забавныя стороны? Давно ли считалъ себя философомъ-стоикомъ и рекомендовалъ товарищамъ утѣшаться философическими размышленіями? Весь этотъ самообманъ разлетѣлся въ одинъ мигъ. Съ каждымъ днемъ въ душу мою проникалъ все большій и большій пессимизмъ. Чѣмъ-то вполнѣ яснымъ и логически-неизбѣжнымъ представлялось мнѣ, что шапочный вопросъ поведетъ за собою цѣлый рядъ осложненій, которыя должны окончиться для насъ или полнымъ позоромъ, или полной гибелью; другого исхода не было.

Погибнуть!.. Я, лицомъ къ лицу стоявшій передъ гибелью въ ту пору, когда жизнь сулила еще впереди много свѣта и радостей, и не блѣднѣвшій и не трепетавшій тогда передъ роковымъ концомъ, теперь, когда лучшія приманки жизни были невозвратно отняты, и настоящее было такъ темно и уныло, а будущее полно такой холодной неизвѣстности, теперь... ахъ, зачѣмъ скрывать это? Меня ужасала мысль о смерти въ каторгѣ, и жажда жизни, жажда свободы томила до нестерпимой боли и муки!

И вереницы самыхъ мрачныхъ видѣній проходили передо мной медленной похоронной процессіей; а ночью разстроенное воображеніе посѣщали еще болѣе черные сны. Я видѣлъ, какъ самые дорогіе мнѣ люди, спасаясь отъ чего-то столь же ужаснаго и неназываемаго, налагали на себя руки и неподвижно лежали съ закрытыми глазами и страшнымъ предсмертнымъ хрипѣніемъ въ горлѣ. Я самъ, подобно древнему Катону, открывалъ себѣ жилы, и вокругъ меня сидѣли съ опущенными головами друзья... Глубокія шахты, темныя пропасти, опасные побѣги, мрачныя казни — таковы были теперь неизбѣжныя темы моихъ сновидѣній, и не разъ, обливаясь ледянымъ потомъ, дрожа съ ногъ до головы, я въ ужасѣ просыпался и на глазахъ своихъ ощущалъ жаркія слезы... Мгновенная радость разливалась тепломъ по всѣмъ членамъ, и тотчасъ же смѣнялась чувствомъ глубокой тоски и разочарованія: вспоминался весь ужасъ дѣйствительности, вспоминалось, что она ничѣмъ не легче ночныхъ кошмаровъ...

На шестой день, едва только прошла утренняя повѣрка, мы бросились со всѣхъ ногъ къ карцеру, забывъ даже поставить стрему. Штейнгартъ долго не отзывался на наши оклики. Башуровъ изо всѣхъ силъ началъ барабанить по ставню: «Дмитрій! Дмитрій!»

— Что?—откликнулся, наконецъ, слабый голосъ.

— Какъ ты напугалъ насъ! Мы ужъ думали... Ну, что, какъ ты себя чувствуешь?

— Ничего. Галлюцинаціи проклятыя не даютъ покоя... Вотъ она, вотъ, вотъ!

— Кто? Что ты тамъ видишь?

— Вода, чтобъ ее...

— Господа, сойдите съ окна! Намъ строго-на-строго запрещено!—жалобнымъ, почти умоляющимъ голосомъ заговорилъ внизу подошедшій надзиратель.

Но мы еще нѣсколько минутъ продолжали бесѣдовать, не обращая на него вниманія, и, побрякивая ключами и ежась отъ холода, онъ молча стоялъ передъ карцеромъ, не зная, что предпринять.

Мы спрыгнули, наконецъ, съ подоконника. Валерьянъ былъ блѣденъ, и на глазахъ его дрожали слезы. Онъ крѣпко стиснулъ мою руку.

— Иванъ Николаевичъ, чего же мы ждемъ, какъ истуканы какіе? Вѣдь такъ нельзя дольше оставить: онъ умереть можетъ!..

Мной самимъ овладѣлъ ужасъ и негодованіе на самого себя. Какъ! товарищъ гибнетъ на моихъ глазахъ, угасаетъ страшной медленной смертью за дѣло, которое всѣхъ насъ одинаково близко касается,—и я не шевелю пальцемъ для того, чтобы спасти его, а если невозможно спасти, то хоть раздѣлить его участь? Я только безплодно ною, на яву и во снѣ предаваясь болѣзненнымъ грезамъ, мрачнымъ кошмарамъ, и ничего, ничего не дѣлаю... И уже упущено столько драгоцѣннаго времени, уже идетъ шестой день, какъ живой и здоровый человѣкъ не ѣстъ и не пьетъ, когда извѣстно, что одной недѣли абсолютной жажды совершенно достаточно для того, чтобы погубить человѣческій организмъ? Да это тоже какой-то сонъ, какой-то дикій кошмаръ, что я живу, безмолвно на все это глядя, спокойно дожидаясь роковой и неизбѣжной развязки! Эти мысли, какъ молнія, пробѣжали въ моемъ мозгу; я весь вздрогнулъ и точно стряхнулъ съ себя гнетущія чары гипноза... «Дѣйствовать! спасать, пока еще не поздно! Погибнуть самому, но исполнить долгъ чести и товарищества!» — Потрясенные, взволнованные, побѣжали мы къ тюремнымъ воротамъ, съ твердымъ рѣшеніемъ въ душѣ, хотя и безъ всякаго опредѣленнаго плана въ головѣ.

— Пожалуйте къ начальству!—крикнулъ дежурный, растворяя передъ нами ворота.

— Ага, вотъ кстати! обоихъ?

— Нѣтъ, пожалуйте вы одни.

Приглашеніе относилось ко мнѣ. Все послѣднее время надзиратели обращались съ нами съ какой-то усиленной, еще небывалой вѣжливостью и любезностью... Казакъ съ ружьемъ тотчасъ же повелъ меня въ контору. Только что переступилъ я черезъ порогъ хорошо знакомой мнѣ комнаты, гдѣ за письменнымъ столомъ возсѣдалъ одинъ Лучезаровъ (писаря находились въ другихъ комнатахъ), какъ бравый капитанъ порывисто вскочилъ на ноги. Сегодня онъ показался мнѣ блѣднѣе обыкновеннаго, внутри его видимо клокотало раздраженіе, и глаза метали молніеносные взгляды.

— Да чего же вы домогаетесь, господа?—почти закричалъ онъ, сильнымъ движеніемъ руки бросая на столъ какую-то бумагу,—сами дѣлаете цѣлый рядъ... неосторожностей, затѣваете какіе-то... протесты! Голодные бунты! Чего же вы ждете? Этимъ вы себѣ только вредите, тѣмъ болѣе, что кто же вѣритъ нынче въ голодовки!

— То есть, какъ это «нынче»?

— Ну, да послѣ этого, какъ бишь его? доктора Таннера, что-ли... Сорокъ дней человѣкъ голодалъ—и всетаки живъ остался!

— Страннымъ мнѣ кажется дѣлать столь смѣлые выводы на основаніи газетныхъ анекдотовъ. Это, во-первыхъ. А во-вторыхъ, если ужъ на то пошло, Таннеръ, помнится мнѣ, все время своего поста употреблялъ воду.

— Да? Ну, а развѣ Штейнгартъ... развѣ онъ серьезно? Вѣдь я же велѣлъ каждый день ставить ему воду.

— Такъ неужели вамъ докладываютъ, что онъ пьетъ эту воду? Это ложь. Онъ не притрогивается къ ней!

— Такъ скажите, ради Бога, что же мнѣ дѣлать? Что я могу подѣлать?

— Прежде всего немедленно выпустить Штейнгарта, а затѣмъ...

— Выпустить! А знаете ли вы,—тутъ Лучезаровъ подошелъ ко мнѣ вплоть и сказалъ почти шопотомъ:—знаете ли вы, что на меня и безъ того уже доносъ посланъ?

— Кѣмъ посланъ? Какой доносъ?

— Ну, этого я не могу вамъ сказать, кѣмъ, хотя и знаю, конечно, кѣмъ... Но фактъ тотъ, что онъ уже посланъ. Я выпустилъ Башурова изъ карцера по истеченіи трехъ сутокъ, когда назначено было пять...

— Вами же самими назначено!

— Я сдѣлалъ вамъ въ послѣднее время крупныя послабленія, которыхъ вы не могли, разумѣется, не замѣтить...

— Какія же это послабленія?

— Мой помощникъ не ходитъ больше на вечернія повѣрки, хотя это его прямая обязанность.

— Что это не прямая его обязанность, доказываетъ трехлѣтній примѣръ его предшественника, который сидѣлъ себѣ въ конторѣ и никогда не заглядывалъ даже въ тюрьму. И было все тихо и прекрасно.

— Ахъ, вы затрогиваете мое больное мѣсто! — Лучезаровъ подошелъ къ столу и съ гнѣвомъ подбросилъ лежавшую на немъ бумагу.—Прежній мой помощникъ былъ таковъ, что его нельзя было пускать въ тюрьму, не унижая престижа администраціи, но онъ зналъ, по крайней мѣрѣ, конторское дѣло. Теперешній... Положительно какая-то иронія судьбы меня преслѣдуетъ! Его нельзя вѣдь ни къ какой серьезной бумагѣ подпустить, все тотчасъ же изгадитъ! Самаго простого рапорта въ десять строкъ безъ двадцати граматическихъ ошибокъ составить не можетъ. Вы видите, вся работа лежитъ теперь на мнѣ одномъ. Я положительно измученъ, я скоро долженъ буду въ постель лечь... Я не привыкъ гнуть спину за письменнымъ столомъ!

Гнѣвъ овладѣлъ опять бравымъ капитаномъ, круглыя щеки его нервно колыхались, и мнѣ снова показалось, что онъ былъ блѣднѣе и худѣе обыкновеннаго.

— Чѣмъ же мы-то виноваты, что вамъ данъ негодный помощникъ?—сказалъ я, пользуясь благопріятнымъ моментомъ.—Мнѣ кажется, выходъ изъ этого положенія одинъ: возможно скорѣе устранить подпоручика Ломова... И для васъ самихъ, и для тюрьмы это будетъ во всѣхъ отношеніяхъ полезно.

— Да, еслибы отъ насъ съ вами зависѣли такія вещи...

Лучезаровъ нахмурился и забарабанилъ по столу какой-то маршъ.

— Во всякомъ случаѣ,—рѣшилъ онъ,—надо потерпѣть. Будемъ нести нашъ крестъ и ждать лучшихъ временъ.

— Къ сожалѣнію,—возразилъ я, горько усмѣхнувшись,—наши съ вами кресты неравной тяжести, и потому намъ ждать невозможно. Какой ни-на-есть выходъ долженъ быть теперь же, сейчасъ же придуманъ. Иначе сегодня будетъ умирать въ карцерѣ Штейнгартъ, а завтра я...

— Ну, этого я не хотѣлъ бы!

— Однако это неизбѣжно будетъ!

Снова завязался между нами горячій споръ. Отъ непосредственныхъ фактовъ мы перескакивали къ теоріямъ и принципамъ, отъ теорій опять къ дѣйствительнымъ фактамъ. Лучезаровъ взывалъ къ моему благоразумію и привычной сдержанности, которую осыпалъ похвалами; я, напротивъ, взывалъ къ его гуманности. Тогда мой собесѣдникъ очень недвусмысленно намекнулъ на возможность самыхъ суровыхъ репрессій, которыя мы можемъ на себя накликать и мысль о которыхъ приводитъ его, капитана, въ невольный трепетъ... Я отвѣчалъ на это, что не закрываю глазъ на будущее, но полагаю тѣмъ не менѣе, что во всемъ и за все явится отвѣтственнымъ одинъ онъ, какъ начальникъ тюрьмы, и подъ конецъ разговора—да простятъ мнѣ боги Олимпа за это, быть можетъ, неумѣстное разсыпаніе священнаго бисера!—я напомнилъ бравому капитану о судѣ потомства и о «Русской Старинѣ» XX-го вѣка...

Шестиглазый былъ, казалось, подавленъ этимъ неожиданнымъ натискомъ моего краснорѣчія. Мысль о томъ, что онъ является въ своемъ родѣ историческимъ человѣкомъ, ударила ему въ голову—онъ весь побагровѣлъ и надулся, какъ индѣйскій пѣтухъ.

— Я подумаю... Штейнгарта я сегодня выпущу... Мы тамъ посмотримъ!

— Нѣтъ, онъ сейчасъ, сію минуту долженъ быть выпущенъ, иначе будетъ поздно. Съ нимъ уже дѣлаются галлюцинаціи... Мы не пойдемъ на работу, пока вы его не выпустите!

— Я выпущу сейчасъ же, какъ только вы уйдете на работу. Это условіе.

— Вы даете слово?

— Да. Но вы должны идти на работу.

Чѣмъ ближе подходилъ я къ тюрьмѣ, тѣмъ сильнѣе омрачалась и остывала моя радость. И когда снова растворились знакомыя рѣшетчатыя ворота, и я увидѣлъ передъ собой мрачное зданіе и не менѣе мрачный дворъ, столько уже лѣтъ бывшій свидѣтелемъ всякаго рода обидъ и униженій, этотъ огромный дворъ, по которому, корчась отъ холода, сновали тамъ и сямъ угрюмыя, исхудалыя фигуры, мнѣ стало опять такъ горько и такъ страшно за бу-

дущее! Что значатъ всѣ эти эфемерныя и непрочныя словесныя побѣды, когда впереди предстоитъ еще цѣлый рядъ длинныхъ и ужасныхъ лѣтъ? Хватитъ ли силъ ихъ вынести? Суждено ли намъ когда-нибудь снова увидѣть «вольный бѣлый свѣтъ», гдѣ люди гордо и прямо носятъ на плечахъ голову, живутъ, не зная униженій и страха?

Не успѣли мы съ Валерьяномъ вернуться въ этотъ день изъ рудника, какъ надзиратель, принимавшій отъ конвоя арестантовъ, пріятно осклабившись, объявилъ намъ:

— А господинъ Штенгоръ ужъ выпущены!

— Да? Гдѣ онъ?

— Въ больницѣ-съ. Очень, говорятъ, слабы...

Мы тотчасъ же побѣжали въ больницу и тамъ, дѣйствительно, нашли Штейнгарта, блѣднаго, исхудалаго, но радостно намъ улыбавшагося и пожимавшаго руки.

— Есть пріятная новость,—сказалъ онъ.

— Что такое?

— Мнѣ по секрету сообщилъ одинъ надзиратель, что Шестиглазый совсѣмъ запретилъ Ломову посѣщать тюрьму.

Мы громко ликовали. Я сталъ разсказывать подробности своей утренней баталіи.

— Да, вѣроятно, и другъ нашъ съ своей стороны не дремлетъ?

— Еще бы! Надо бы къ нему записочку отправить.

И мы погрузились въ свои повседневные заботы и интересы. Не смотря на категорическое извѣстіе о томъ, что Ломовъ окончательно «отставленъ» отъ тюрьмы (объ этомъ уже и кобылка вся знала и болтала между собой), полной увѣренности у насъ еще не было и вечерней повѣрки мы ждали съ обычнымъ волненіемъ. Но ударилъ звонокъ, и подворотный дежурный прокричалъ внутреннему надзирателю: «Повѣряйте! Никого не будетъ». Вслѣдъ затѣмъ ворота распахнулись, и въ нихъ съ шумомъ и хохотомъ ввалилась толпа другихъ надзирателей. Они тоже, очевидно, радовались свободѣ.

— Командуйте на молитву!—закричалъ кто-то изъ вошедшихъ, и кобылка, не дожидаясь команды дежурнаго, запѣла, что называется спрохвала, торопясь и мало заботясь о вѣрности напѣва.

Но вдругъ всѣ вздрогнули и разомъ подтянулись; пѣвчіе на мгновеніе словно поперхнулись и затѣмъ начали пѣть, какъ слѣдуетъ: подъ воротами, неожиданно для всѣхъ, появилась мрачная фигура Ломова... Мы съ Валерьяномъ переглянулись: «Что же это значитъ?»

Замедливъ шаги и снявъ при звукахъ молитвеннаго пѣнія шапку, онъ вошелъ въ дежурную комнату. Мы всѣ увидали его тотчасъ у окна, выходившаго на тюремный дворъ,—онъ съ жадностью приникъ къ стеклу и весь, казалось, превратился въ созерцаніе...

Не смѣя ослушаться прямого запрещенія Шестиглазаго входить въ тюрьму, онъ хотѣлъ хоть издали полюбоваться сладостнымъ его сердцу зрѣлищемъ арестантской субординаціи... Изо дня въ день мы были съ этихъ поръ свидѣтелями все такой же умилительной картины: каждый разъ во время вечерней повѣрки Ломовъ заходилъ въ дежурную комнату за воротами тюрьмы и, ставъ тамъ подъ окномъ, изображалъ изъ себя отверженнаго. Днемъ онъ также не появлялся больше въ тюрьмѣ и всю дѣятельность свою перенесъ въ вольную команду, гдѣ открывалъ всякаго рода «безпорядокъ» и нарушеніе дисциплины. Тамъ Шестиглазый предоставилъ ретивому помощнику полную свободу дѣйствій, и мрачный подпоручикъ проявлялъ свою власть въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, прибѣгая даже къ помощи розогъ. Слухъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ вольной командѣ то-и-дѣло достигалъ теперь нашихъ ушей, также болѣзненно дѣйствуя на нервы, какъ въ былое время, когда я былъ въ Шелаѣ еще одинъ, и на Лучезарова нашла однажды полоса дикаго самодурства. Чрезвычайно характерно было для Ломова, что онъ лично присутствовалъ при каждой тѣлесной расправѣ и самъ считалъ число отвѣшанныхъ ударовъ.

— Смирно!—раздавалась команда надзирателя, когда онъ приближался къ мѣсту экзекуціи на задворкахъ своей квартиры, — шапку долой!

И приговоренный къ розгамъ арестантъ, покорно снявъ шапку, молчаливо ожидалъ дальнѣйшихъ приказаній.

— Раздѣваться!..—командовалъ Ломовъ, и несчастный, дрожа всѣмъ тѣломъ, раздѣвался. Два дюжихъ казака принимались за заплечную работу, причемъ Ломовъ то-и-дѣло взвизгивалъ:

— По настоящему!.. Какъ слѣдуетъ!.. Безъ лукавства!..

Кончалась «работа», и онъ удалялся домой съ сознаніемъ честно выполненнаго долга. Передавали, между прочимъ, будто онъ крайне сожалѣлъ о томъ, что въ Шелаѣ не имѣлось своего палача, и для наказаній плетьми по суду арестантовъ отсылали въ Алгачи. Послѣднее было, конечно, большимъ счастьемъ для кобылки, такъ какъ подобный ревнитель законности, навѣрное, не одного присужденнаго къ плетямъ загналъ бы въ гробъ: вѣдь извѣстно, что и одного удара плетью «по настоящему» вполнѣ достаточно для того, что вышибить духъ изъ человѣка...

Внутри тюрьмы воцарилось во всякомъ случаѣ отрадное спокойствіе. Мы уже начинали довольно легкомысленно думать, что только что пережитый мрачный періодъ нашей жизни навсегда отошелъ въ область преданій и больше не вернется... Тѣмъ непріятнѣе, конечно, было внезапное пробужденіе отъ свѣтлыхъ грезъ. Однажды утромъ мы съ Башуровымъ собрались идти въ рудникъ на работу (Штейнгартъ все еще лежалъ въ больницѣ, медленно поправляясь отъ сильнаго нервнаго разстройства); вдругъ надзиратель, чрезвычайно встревоженный, промчался по коррידору, крича:

— Горные рабочіе, стройся! Живой рукой! Сейчасъ помощникъ будетъ...

Кобылка поспѣшно строилась на дворѣ по рабочимъ группамъ. Недоумѣвая, отправились и мы на свое мѣсто. Замокъ нервно щелкнулъ, ворота угрожающе распахнулись—и грузными, торопливо стучащими шагами Ломовъ направился прямо къ намъ.

— Смирр-на! Шапки дол-лой!—скомандовалъ надзиратель. Всѣ головы моментально обнажились.

Приподняли свои шапки и мы съ Башуровымъ и черезъ мгновеніе надѣли ихъ снова. Этого только и нужно было Ломову.

— Без-по-рядокъ!—послышался тотчасъ же визгливый крикъ.— Кто тамъ? Кто въ шапкѣ?

Онъ очутился возлѣ Башурова.

— Я вѣдь вамъ поклонился,—объяснилъ Валерьянъ,—развѣ вы не видали?

И онъ, снявъ еще разъ шапку, опустилъ ее и снова надѣлъ на голову. Это было такимъ неслыханнымъ безпорядкомъ, что Ломовъ на нѣсколько секундъ, казалось, языка лишился и растерялъ всѣ мысли. Наконецъ, онъ нашелся:

— Мы не товарищи... Здѣсь не знакомство, а только субординація! Надзиратель, въ карцеръ его!

— Арестуйте и меня также, я тоже въ шапкѣ стою,—выступилъ я впередъ, подозрѣвая, что Ломовъ хочетъ удовольствоваться однимъ только Башуровымъ.

— Ну, такъ и его взять!—взвизгнулъ, точно ужаленный, Ломовъ и, повернувшись на каблукахъ, пошелъ къ воротамъ.

Какимъ образомъ попалъ онъ въ это утро въ тюрьму, получилъ ли дозволеніе Шестиглазаго, или рѣшился самовольно проникнуть въ потерянный эдемъ, объ этомъ мы такъ и не узнали никогда; какъ бы то ни было, но Ломовъ достигъ своей цѣли и былъ, вѣроятно, вполнѣ доволенъ собою. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобъ и я не чувствовалъ нѣкотораго нравственнаго удовлетворенія. Точно гора какая свалилась съ моихъ плечъ, когда дверь карцера затворилась на замокъ, и я впервые очутился въ крошечной и низенькой темной каморкѣ, лишь слабо освѣщенной падавшимъ изъ корридора въ дверную форточку свѣтомъ. Окно, выходившее на тюремный дворъ, всегда было плотно закрыто спущеннымъ ставнемъ. Не успѣлъ я собраться съ мыслями и чувствами, какъ изъ другого конца корридора послышался веселый смѣхъ Валерьяна.

— Иванъ Николаевичъ! какъ поживаете? Что думаете спросить себѣ на завтракъ—бифштексъ или ростбифъ?

— А, шутки въ сторону, какъ вы думаете насчетъ пищи поступить?

— Сказать вамъ правду, я не особенно люблю съ пустымъ желудкомъ сидѣть...

— Оно такъ; но, знаете, послѣ того, какъ Штейнгартъ...

— Я и самъ тоже думаю. Попробуемъ! вѣдь не боги горшки обжигаютъ!

Такъ перекликались мы довольно долго. Наконецъ, подъ окномъ послышался голосъ Штейнгарта. Онъ пришелъ изъ больницы разспросить насъ о событіяхъ утра. Послѣ него кто-то другой постучалъ въ ставень:

— Миколаичъ, другъ!

Я узналъ голосъ Чирка.

— Мяса не хошь ли? Огурцовъ съ Луньковымъ караулятъ, я живой рукой подамъ.

Съ трудомъ убѣдилъ я своего пріятеля, чтобъ онъ этого не дѣлалъ.

— Да ты не такъ ли ужъ, какъ Штенгоръ, задумалъ?

— Какъ это?

— Да такъ, не исть... Чудакъ, вѣдь замрешь! Какая польза, кому надо!

Но, не дождавшись отвѣта на свой вопросъ, добрякъ соскочилъ поспѣшно съ подоконника, и я слышалъ, какъ онъ своей грузной, ковыляющей походкой улепетывалъ со всѣхъ ногъ: очевидно, поданъ былъ сигналъ о близкой опасности...

Томительно потянулись часы за часами. Вотъ прозвенѣлъ колокольчикъ на обѣдъ. Съ веселымъ говоромъ прошли по двору вернувшіеся изъ мастерскихъ арестанты, торопясь въ камеры обѣдать и отдыхать. Я явственно различалъ голоса нѣкоторыхъ изъ нихъ; разговаривали все о вещахъ постороннихъ. У большинства не было, очевидно, остраго интереса къ нашему дѣлу, мало для нихъ понятному и потому мало вызывавшему сочувствія.

— Стёпша! а ты продай мнѣ свое мясо, я больно что-то жрать захотѣлъ сегодня.

— А онъ и говоритъ мнѣ: «ты, говоритъ...»

— Я тебѣ кайлу въ боковину запущу, коли въ другой разъ слово такое услышу!

Съ такими рѣчами, кучка за кучкой, проходили арестанты подъ нашими окнами и, наконецъ, все затихло. Начался обѣдъ и затѣмъ отдыхъ. Артельный староста, въ сопровожденіи дежурнаго надзирателя, принесъ и намъ хлѣбъ съ водой.

— Не обезсудьте, Иванъ Николаевичъ, сегодня вамъ горячей пищи не полагается, а ужъ завтра безпремѣнно подадимъ,—ласково, почти искательно сказалъ Годуновъ, всовывая ко мнѣ въ форточку свое красное лицо.

Я отвѣчалъ, что все равно не стану ничего ѣсть.

— Это вы напрасно, право, напрасно!—въ одинъ голосъ замѣтили и староста и надзиратель. Форточка захлопнулась на задвижку, и шаги смолкли.

Переговариваться съ Валерьяномъ мы вскорѣ бросили—приходилось очень громко кричать, и это надоѣдало. Попытался я было

лечь на короткую и жесткую лавку, неподвижно прикрѣпленную къ стѣнѣ, но лежать было слишкомъ неудобно, и сонъ не шелъ. Голова пылала и болѣла отъ сильнаго нервнаго возбужденія; мысли, одна другой безсвязнѣе и нелѣпѣе, копошились въ мозгу. Я опять вставалъ на ноги, пытался ходить взадъ и впередъ по карцеру, но и ходьба не доставляла ни малѣйшаго удовольствія, такъ какъ свободно можно было сдѣлать всего лишь два шага.

Снова прозвенѣлъ звонокъ на работу, и снова съ шумомъ прошли подъ окномъ толпы арестантовъ. Черезъ часъ послѣ того, слышно было, вернулись горные рабочіе. И опять все затихло, какъ въ могилѣ, только кровь громко стучала въ вискахъ: «Тукъ-тукъ-тукъ! Тукъ-тукъ-тукъ!» Нѣсколько разъ въ теченіе дня подбѣгалъ къ окну Штейнгартъ, хотя свиданія эти ни ему, ни намъ не доставляли отрады. Сообщить другъ другу было рѣшительно нечего. Я начиналъ, между тѣмъ, ощущать мучительный голодъ: какъ на грѣхъ, поутру я вышелъ на работу, не притронувшись ни къ хлѣбу, ни къ чаю. Впрочемъ, пить у меня еще не было особеннаго позыва. За то Башуровъ давно уже жаловался на сильную жажду, которую увеличивало еще сосѣдство жарко натопленной печки. Штейнгартъ пробовалъ было убѣдить насъ обоихъ не подражать ему и пить, по крайней мѣрѣ воду, но мы остались при своемъ рѣшеніи. Ударилъ, наконецъ, колокольчикъ на вечернюю повѣрку. Въ эту самую минуту кто-то торопливо вскочилъ на подоконникъ.

— Господа!

— Это вы, Дмитрій Петровичъ?

— Сейчасъ слышалъ новость: рѣшено, будто бы, разселить насъ по разнымъ рудникамъ. Слухъ этотъ исходитъ, впрочемъ, отъ кобылки,—быть можетъ, и врутъ. А вотъ утромъ обѣщано письмо—вѣроятно, отъ друга—тогда все узнаемъ.

Штейнгартъ поспѣшно ушелъ, и вслѣдъ затѣмъ послышалась команда на молитву: значитъ, на повѣркѣ присутствовали опять одни только надзиратели.

Ночь прошла безъ сна, въ тягостномъ томленіи и невеселыхъ думахъ. Койка была такъ коротка, что мозжившія и безъ того ноги невозможно было протянуть на ней, да и въ изголовье нечего было подложить. Въ противоположность Башурову, котораго страшно пригрѣвала сосѣдняя желѣзная печка, мнѣ было холодно. Карцеръ представлялъ собой настоящую маленькую мышеловку, въ которой нельзя было ни лежать, ни ходить. Голодный червякъ пересталъ сосать подъ ложечкой, и только голова болѣла нестерпимѣе прежняго, точно собиралась лопнуть по всѣмъ швамъ...

Какъ это все глупо, какъ обидно-глупо! какое подлое положеніе!—вырывался то-и-дѣло крикъ изъ груди, и въ безсильномъ бѣшенствѣ я пытался сдѣлать по своей клѣткѣ два неполныхъ шага. Въ камерѣ товарища было тихо. «Счастливецъ, думалъ я съ за-

вистью, онъ можетъ спать и не думать»!.. Только подъ самое утро согнувшись въ три погибели, полулежа, полусидя, забылся и я на нѣкоторое время тупымъ, свинцовымъ сномъ; но мнѣ показалось, что длился этотъ сонъ всего лишь одно мгновеніе: я проснулся, дрожа всѣмъ тѣломъ и стуча зубами отъ невыносимаго холода, а въ ушахъ моихъ еще гудѣлъ какой-то металлическій отзвукъ. «Ага! это, должно быть, звонокъ на повѣрку». Изъ корридора не проникало еще ни луча свѣта: очевидно, на дворѣ было темно; но вотъ послышался шумъ голосовъ, топотъ ногъ, бряканье кандаловъ и ключей. Громко зазѣвалъ и Башуровъ въ концѣ корридора. Голодный червякъ опять завозился внутри.

— Какъ почивали, Иванъ Николаевичъ? А представьте, что мнѣ всю ночь снилось: великолѣпнѣйшій ужинъ! Дичь, холодная телятина, вино, но главное — вода... Ахъ, что это была за вода! Свѣжая, прозрачная, вкусная... Клянусь вамъ, я никогда ничего подобнаго не пилъ! А вы что во снѣ видѣли?

— Приблизительно, вѣроятно, то же самое.

— Ха-ха-ха! Что же это, однако, Дмитрій долго не показывается? Спитъ, что ли? Хоть бы по рудникамъ поскорѣе развезли насъ! А то здѣсь отъ одной скучищи пропадешь.

Штейнгарта намъ, дѣйствительно, пришлось долго ждать. Уже совсѣмъ развѣло, и арестанты разошлись по работамъ, когда послышались, наконецъ, его лихорадочно-торопливые шаги. Но, не успѣвъ еще вскочить на подоконникъ, онъ громко закричалъ:

— Урра! Радуйтесь, по-бѣ-да!

— Что случилось? Въ чемъ дѣло?

— Ломовъ уходитъ... Совсѣмъ! Васъ сейчасъ выпустятъ...

— Да ты не брешешь?

— Я нарочно не шелъ раньше, чтобъ дождаться вѣрныхъ извѣстій. Другъ сообщаетъ, что получена сегодня ночью телеграмма съ предписаніемъ Ломову въ двадцать четыре часа покинуть Шелай и ѣхать на новое мѣсто. По полиціи какая-то должность...

— Вотъ такъ! Это, дѣйствительно, новость!

— Такъ вотъ что значило «друзья дѣйствуютъ»...

— Ну, и молодецъ же эта Анна Аркадьевна! Знаешь что, Штейнгартъ? Въ первый же разъ, какъ увидишь ее, ты ее расцѣлуй отъ меня... Хорошо?

— А насколько все это, Дмитрій Петровичъ, не подлежитъ сомнѣнію?

— А! вы и здѣсь не утратили вашего обычнаго скептицизма, Иванъ Николаевичъ? Успокойтесь однако. Я уже и отъ надзирателей слышалъ, что Ломовъ сегодня уѣзжаетъ. Рано утромъ онъ уже заказалъ столяру ящикъ для вещей...

— А можетъ быть, умирать хочетъ съ горя — такъ гробъ для себя?—пошутилъ Валерьянъ.

— Ужъ не знаю. Врядъ-ли, впрочемъ. Онъ, кажется, не изъ таковскихъ, чтобъ духомъ падать!

Разговоръ нашъ былъ прекращенъ загремѣвшимъ въ корридорѣ карцера замкомъ. Штейнгартъ оказался правъ, и дежурный надзиратель, пріятно ухмыляясь во все лицо, явился освобождать насъ, а самого Штейнгарта вслѣдъ затѣмъ вызвалъ за ворота. Онъ вернулся оттуда только часа черезъ полтора.

— Лучезаровъ, что ли, вызывалъ?—накинулись мы на него еще на серединѣ двора.

— Не угадали: на практику ходилъ!

— Какъ такъ? Значитъ, опала кончилась?

— Совершенно и безъ остатка. И знаете ли къ кому ходилъ? Къ другу.

— Ну! разсказывайте же все по порядку!

— Анна Аркадьевна, оказывается, еще третьяго дня получила телеграмму иносказательнаго содержанія, изъ которой узнала, что дѣло ея выиграно, и тюремная карьера Ломова окончена. Впрочемъ, она объясняетъ этотъ успѣхъ не однимъ только своимъ вліяніемъ; тутъ дѣйствовали довольно сложныя махинаціи... Дѣло въ томъ, что и самъ Шестиглазый заваливалъ въ послѣднее время начальство доносами на Ломова: онъ называлъ ихъ контрдоносами, такъ какъ подозрѣвалъ, что Ломовъ на него посылаетъ доносы... Я лично смекаю, что и тутъ дѣло не обошлось безъ милѣйшей Анны Аркадьевны.

— А именно?

— Мнѣ кажется, она съумѣла внушить бравому капитану такія подозрѣнія насчетъ Ломова, на самомъ же дѣлѣ онъ, быть можетъ, невиннѣе грудного младенца былъ... Впрочемъ, я не настаиваю на своемъ предположеніи. Во всякомъ случаѣ, самъ того не зная, Шестиглазый игралъ намъ на руку, Анна же Аркадьевна выказала огромный дипломатическій талантъ.

— Господа, надо ей поднести благодарственный адресъ.

— Ну, продолжайте, Дмитрій Петровичъ!

— Оффиціальная телеграмма объ отставкѣ Ломова получилась вчера въ двѣнадцатомъ часу ночи, и Лучезаровъ прежде всего прибѣжалъ съ нею къ Аннѣ Аркадьевнѣ. За послѣдніе дни они вообще сильно опять подружились... Онъ сіялъ, точно будто одержалъ величайшую въ жизни побѣду, и точно будто Ломовъ вовсе и не былъ дѣтищемъ его собственныхъ рукъ! Однако, когда Анна Аркадьевна предложила ему немедленно же выпустить васъ на свободу, онъ отклонилъ это предложеніе: «Пускай просидятъ ночь, радость будетъ потомъ сильнѣе». Она сочла, конечно, за лучшее не настаивать. За то подъ конецъ свиданія ей сдѣлалось дурно, она начала стонать и жаловаться на внезапный приступъ сердцебіенія... Старикъ-мужъ встревожился, Лучезаровъ еще того пуще и тутъ же вызвался пригласить меня... Но Анна Аркадьевна и здѣсь

проявила геніальный тактъ. Ей вовсе не любопытно было видѣть меня въ присутствіи браваго капитана, и она заявила, что нѣтъ настоятельной нужды тревожить меня ночью, что ей стало лучше, а что если утромъ опять сдѣлается хуже, тогда... Ну, утромъ ей стало, разумѣется, хуже, и вотъ я очутился за воротами.

— А какъ отнесся Ломовъ къ своей внезапной отставкѣ? Неизвѣстно?

— Какъ неизвѣстно! Мужъ Анны Аркадьевны видѣлъ его и счелъ нужнымъ выразить соболѣзнованіе.

— Ну, и что же онъ?

— «Воля, говоритъ, начальства, наше же дѣло не разсуждать, а повиноваться».

— Вотъ дубина!..

— Нѣтъ, Валерьянъ, онъ, по моему, молодецъ. До конца остается себѣ вѣренъ. Но я не все еще разсказалъ вамъ, господа. Представьте: я уже собирался уходить, какъ вдругъ влетаетъ... самъ великолѣпный Лучезаровъ! Веселъ, румянъ... Ну, и одѣтъ довольно небезпечно, а одеколономъ такъ и залило всю комнату... Прямо ко мнѣ: «Желаю здравствовать! Какъ находите нашу больную? Не правда ли, она молодцомъ сегодня глядитъ? Ну, а ваше какъ здоровье? Надѣюсь, теперь не станете больше хворать?» Послѣдняя фраза говорится съ пріятнѣйшей улыбкой, а взглядъ такъ и играетъ. Я, конечно, отвѣчалъ тоже надеждой, что *теперь* все пойдетъ по-новому, по-лучшему, и мы съ любезными поклонами разстались... Однако, я замѣтилъ, что онъ сильно поморщился, когда вслѣдъ за тѣмъ Анна Аркадьевна схватила меня за руку, нѣсколько разъ крѣпко пожала ее и выразила вслухъ рядъ самыхъ добрыхъ пожеланій мнѣ и моимъ товарищамъ. Въ довершеніе всего только что вернувшійся откуда-то есаулъ тоже, не раздумывая долго, подалъ мнѣ руку. Шестиглазый совсѣмъ былъ сраженъ!

— А теперь, господа,—закончилъ Штейнгартъ,—пойдемте-ка въ мою каморку и отпразднуемъ счастливое избавленіе трехъ библейскихъ отроковъ, брошенныхъ въ пещь огненную, отъ смерти (тебя вѣдь, Валерьянъ, кажется, дѣйствительно, поджаривали вчера?). У меня молоко есть, заваримъ байховый чай и станемъ кейфовать!

Предложеніе это было единогласно одобрено, и, весело смѣясь и громко разговаривая, мы отправились въ больницу.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Л. Мельшинъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВДОХНОВЕНІЯ.

(Очеркъ).

Былъ темный декабрьскій день и моросилъ дождикъ. Петръ Ивановичъ Ляровъ въ такіе дни плохо работалъ, часто предаваясь малодушному унынію. Вотъ и сегодня, не смотря на всѣ усилія заставить себя приняться за дѣло, онъ чувствовалъ, что ничего путнаго изъ этого не выйдетъ, одѣлся и отправился къ пріятелю, котораго въ эти часы всегда можно было застать дома. Когда не работалось, онъ не любилъ, подобно многимъ товарищамъ по профессіи, шататься по улицамъ, ища случайныхъ встрѣчъ и впечатлѣній, а старался заняться чѣмъ-нибудь не имѣвшимъ ничего общаго съ писательствомъ.

Теперь онъ направился къ художнику Силачеву, чтобы, по просьбѣ однихъ знакомыхъ, прицѣниться къ его картинѣ, обратившей на послѣдней выставкѣ общее вниманіе. И хотя онъ зналъ, что у Силачева неизбѣжно придется бесѣдовать о тѣхъ-же «проклятыхъ вопросахъ творчества», которые такъ волновали его, но перспектива эта не пугала Ларова, потому что Силачевъ былъ человѣкъ въ значительной степени уравновѣшенный, съ очень опредѣленными воззрѣніями, и бесѣды съ нимъ всегда производили на Лярова успокаивающее дѣйствіе. Силачевъ жилъ на одной изъ отдаленныхъ линій Васильевскаго Острова и, чтобы добраться до него, нужно было ѣхать по конкамъ около часа. Но Ляровъ любилъ эти длинные переѣзды, потому что можно было сидѣть молча и, ни о чемъ не думая, отдыхать. Встрѣчи съ многочисленными профессіональными знакомыми здѣсь были рѣже, чѣмъ на большихъ и шумныхъ улицахъ. Тѣмъ не менѣе, прежде чѣмъ занять мѣсто въ конкѣ, онъ окинулъ публику внимательнымъ взглядомъ и усѣлся лишь тогда, когда убѣдился, что не было никого изъ «подверженныхъ погодѣ», какъ называлъ Силачевъ нѣкоторыхъ знакомыхъ, съ особеннымъ ожесточеніемъ проклинавшихъ петербургскую погоду и всегда наводившихъ на него тоску.

На этотъ разъ ему не повезло. Не успѣлъ онъ занять мѣсто, какъ въ вагонъ вошелъ его знакомый поэтъ Сусли-

ковъ—изъ породы «ищущихъ новыхъ путей». Достаточно было бѣглаго взгляда на унылую его фигуру, чтобы сразу опредѣлить, какого рода разговоровъ можно было отъ него ждать.

Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, длинный и худой, какъ скелетъ, съ жиденькой, ниспадавшей до плечъ шевелюрой и такой-же бородкой, росшей безпорядочными клочьями. Брови его были нахмурены, а большіе на выкатѣ глаза имѣли трагически-безнадежное выраженіе. Одѣтъ онъ былъ въ длинное черное пальто съ пелериной и касторовое сомбреро, по его увѣренію, привезенное ему изъ Испаніи въ подарокъ одной изъ поклонницъ его таланта.

Войдя въ вагонъ, онъ тотчасъ-же подошелъ къ Лярову и безмолвно протянулъ ему руку. Они долго хранили молчаніе, но, наконецъ, Сусликовъ не выдержалъ и процѣдилъ сквозь зубы:

— Дѣло дрянь!..

Ляровъ сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ его замѣчанія, зная по опыту, что малѣйшая поддержка со стороны собесѣдника вызывала подчасъ въ поэтѣ цѣлый потокъ мрачныхъ изліяній; молчаніе-же иногда обезкураживало его, и тогда онъ «замыкался въ самомъ себѣ». Но на этотъ разъ употребленный пріемъ не удался, и Сусликовъ, послѣ нѣкоторой паузы, вновь замѣтилъ:

— Я говорю—дрянь дѣло! Не пишется! Мѣста себѣ не нахожу!.. А тутъ еще этотъ торгашъ пристаетъ насчетъ стиховъ!..

— У васъ какія условія съ редакторомъ?—спросилъ Ляровъ.—Неужели-же обязались количествомъ строчекъ?

— Да, почти что такъ, хотя предупреждалъ каналью, что писать стихи—не дрова колоть и, можетъ статься, иногда ничего не напишется. Онъ согласился тогда, а теперь, вотъ, пристаетъ и грозитъ дать чистую...

— Да, это непріятно.

— Не непріятно, а ужасно! Понимаете-ли, въ головѣ все пусто—ни единой мысли, ни единаго образа, а тутъ пиши изъ-за куска хлѣба!.. Ну, а вы, Ляровъ, вы-то, какъ работаете въ такіе дни?

— Не могу похвастаться—плохо!

— Ну, конечно, я такъ и зналъ, потому что вы настоящій поэтъ, хотя и пишете прозой. Вамъ, право, слѣдовало-бы попробовать писать стихи... Скажите, вы не чувствуете къ этому призванія?

И такъ какъ на этотъ вопросъ не послѣдовало отвѣта, то Сусликовъ внимательно взглянулъ на Лярова и съ нѣкоторой тревогой спросилъ:

— Другъ мой, здоровы-ли вы?

— Да ничего, а что?

— Нѣтъ, я такъ... мнѣ показалось... Не хотите-ли зайти ко мнѣ размыкать тоску? Я кстати прочту вамъ новое, только что законченное стихотвореніе, навѣянное этой ужасной петербургской осенью. Мнѣ интересно было-бы услышать ваше мнѣніе относительно взятаго много тона...

— Въ другой разъ съ удовольствіемъ зайду, но только не теперь, потому что долженъ быть у одного знакомаго по дѣлу.

— Къ кому это собираетесь, не къ художнику-ли Силачеву? Я знаю, онъ живетъ въ этихъ мѣстахъ и вы знакомы съ нимъ.

— Да, къ нему.

— Ну, такъ лучше зайдите ко мнѣ: онъ теперь завтракаетъ, навѣрное слегка пьянъ и ему не до дѣлъ...

— А вы съ нимъ, стало быть, знакомы?

— Да, такъ... очень мало, чуть-чуть... Крайне несимпатичный субъектъ!—проговорилъ Сусликовъ, и на безкровномъ лицѣ его появилась нѣчто вродѣ румянца.

Тогда Ляровъ вспомнилъ юмористическій разсказъ художника о томъ, какъ Сусликовъ явился къ нему съ просьбой иллюстрировать книжку стихотвореній — «Поблекшій Листокъ» и какъ тотъ, отказавшись, сказалъ что-то очень не лестное для его авторскаго самолюбія.

II.

Не смотря на нежеланіе Лярова быть въ уныломъ обществѣ Сусликова, онъ всетаки долженъ быть уступить его усиленнымъ просьбамъ и зайти къ нему.

— Понимаете-ли, Ляровъ, — объяснилъ Сусликовъ свою настойчивость,—нашъ братъ-поэтъ не всегда увѣренъ въ гармоніи и тонѣ... Между тѣмъ намъ, поэтамъ новой школы, чрезвычайно важно опредѣлить вѣрность тона. Вѣдь тутъ — поймите это!—не шаблонъ, не рутина, а новые пути, и вся сила именно въ вѣрности колорита!

— Ну, а сюжетъ?—улыбнувшись, спросилъ Ляровъ.—Вѣдь, кромѣ колорита, нужна, я полагаю, и подходящая идея, и достойный вниманія сюжетъ.

— А позвольте спросить васъ, коллега, что такое идея, сюжетъ? Да развѣ идея не есть, по вѣрному замѣчанію поэта и критика Талалаева, сумма впечатлѣній?

Сусликовъ вдругъ оживился и сталъ жестикулировать. Ясно было, что онъ сѣлъ на одного изъ своихъ коньковъ и до послѣдней капли крови будетъ отстаивать свою «идею». И хотя эта «идея», въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, и показалась Лярову очень сомнительнаго достоинства, но, зная упорство поэта, онъ предпочелъ не вступать съ нимъ въ пререканія.

— Намъ, кажется, здѣсь сходить? — спросилъ онъ, взглянувъ въ окно вагона.

— Да, вотъ, у этого краснаго дома.

Они поднялись по довольно неопрятной лѣстницѣ, въ четвертый этажъ, гдѣ поэтъ снималъ двѣ крохотныя комнатки у вдовы надворнаго совѣтника Адуевой. Сама хозяйка открыла имъ дверь, но, увидя посторонняго, тотчасъ-же скрылась, и Ляровъ въ полутьмѣ передней могъ только мелькомъ замѣтить, что вдова Адуева была, что называется, дама въ соку, обладала полнымъ бюстомъ и большими меланхолическими глазами. Непріятно было лишь то, что отъ нея такъ и разило кухней и даже какимъ-то довольно опредѣленнымъ кухоннымъ запахомъ.

Сусликовъ поднялъ голову, слегка потянулъ носомъ и замѣтилъ: «Сегодня, кажется, будетъ пирогъ съ грибами. Ежели угодно,—угощу»... Это замѣчаніе было сдѣлано довольно громко, и изъ-за полуоткрытой двери тотчасъ-же послышалась успокаивающая реплика госпожи Адуевой: «Вы не ошиблись — именно съ грибами»...

— Хорошая женщина! — растроганнымъ голосомъ замѣтилъ Сусликовъ. — Знаете, что называется, тихая пристань, необходимая нашему брату...

— Вы давно здѣсь живете? — спросилъ Ляровъ, чтобы прервать неловкое молчаніе, водворившееся послѣ экспансивнаго признанія поэта.

— Вотъ, всего какой-нибудь мѣсяцъ,—съ тѣхъ поръ какъ, вотъ, познакомился съ Мареой Семеновной. И, знаете-ли, какая странная встрѣча, какое необычайное знакомство! Случилось это въ конкѣ... Разговорились. Она—одна изъ почитательницъ моего скромнаго таланта. Ну, дальше — больше... вотъ я и переѣхалъ къ ней. Удивительная женщина! Сколько привязанности, сколько беззавѣтной любви! Только русская, да, именно только русская женщина способна на такія безкорыстныя отношенія! Не душа, а хрусталь!..

— Посмотримъ, что дальше будетъ, ибо конецъ дѣло хвалитъ,—послышалось чье-то скептическое замѣчаніе, сдѣланное нѣсколько въ носъ.

— Ахъ, вотъ, кстати, познакомитесь съ очень интереснымъ поэтомъ-самородкомъ,—вполголоса сказалъ Сусликовъ.—Преталантливый господинъ, недавно пріѣхавшій изъ провинціи, но еще не вполнѣ овладѣвшій русскимъ языкомъ: онъ изъ Царства Польскаго.

Въ это время изъ спаленки Сусликова вышелъ блондинъ лѣтъ 25-ти, небольшого роста, круглый и краснощекій, съ веселыми, масляными глазками, крохотной эспаньолкой и нафабренными усами. Одѣтъ онъ былъ въ свѣженькую пиджачную пару, носилъ коротко-стриженные волосы и большой сердоли-

ковый перстень на лѣвой рукѣ. Слегка поклонившись Лярову, онъ развязно спросилъ:

— *Зъ* пишущей братіи?

— Да,—коротко отвѣчалъ Сусликовъ.—Вотъ познакомьтесь: беллетристъ Ляровъ, поэтъ Дембекъ-Дембковскій.

— Очень мнѣ пріятно *зъ* вами познакомиться! Состою почитателемъ вашего таланта...

И затѣмъ, обратясь къ Сусликову, поэтъ-самородокъ, усмѣхнувшись, спросилъ:

— Ну что, какъ настроеніе россійскаго Байрона?

— Вамъ бы все шутить, а мнѣ не до шутокъ!

— А что такъ?

— Да не работается—вотъ что! Это у васъ только такая счастливая натура, что, не взирая на погоду, можете работать. Впрочемъ, у васъ и жанръ иной...

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Да то, что вашъ жанръ фривольный, и мрачныя стороны жизни, очевидно, не интересуютъ васъ!—не безъ раздраженія сказалъ Сусликовъ.

— Фривольный жанръ? Странно! А вы забыли мои элегіи? Я думаю, веселаго въ нихъ мало!..

— За то онѣ очень слабы, и никто не соглашается печатать ихъ.

— Оставимъ это, пане, ибо латинская пословица говоритъ: «De gustibus disputandum non est»... Да, вотъ, посудите сами—вы свѣжій человѣкъ,—обратясь къ Лярову, сказалъ Дембекъ-Дембковскій.—Я вамъ прочту одно стихотвореніе, еще нигдѣ не напечатанное. Неужели, оно такъ слабо?

И, ставъ въ театральную позу, онъ вдругъ весь какъ-то сжучился.

— Долженъ, прежде всего, объяснить вамъ, что элегія моя написана не потому, что на дворѣ была слякоть (при этомъ онъ бросилъ ироническій взглядъ на Сусликова), а по поводу одной тяжкой сердечной утраты, когда, казалось, все кончено для меня!.. Начинается въ Петербургѣ:

Сѣрыя тучи висятъ надъ водой,
Сѣрыя тучи пугаютъ грозой!
Мрачныя думы,
Мрачныя лица,
Мрачныя тѣни,
Мрачныя птицы!..
Хмура погода,
Мала свобода...

— Позвольте, Станиславъ Брониславовичъ, позвольте!—съ неожиданнымъ раздраженіемъ прервалъ его Сусликовъ.—Вы,

конечно, знаете, что я никогда не отрицалъ у васъ дарованія, но поймите вы, наконецъ, что прежде всего необходимо выучиться, какъ слѣдуетъ, русскому языку, а то, помилуйте, у васъ все полонизмы... Вѣдь это невозможно!

— Ага, ажъ разсердился!—немного сконфузившись, сказалъ Дембекъ-Дембковскій.—Что же удивительнаго, ежели я иногда дѣлаю ошибки въ русскомъ языкѣ? Надо-же знать, откудова я пріѣхалъ! Надо главное, имѣть характеръ, а насчетъ русскаго языка—это пустое! Пройдетъ годъ, и я буду такъ отжаривать по-рус*ску*, какъ настоящій москвичъ, потому—я способный до языковъ!..

— Вы-бы, голубчикъ, съ этого и начали,—уже совсѣмъ мягко посовѣтовалъ Сусликовъ, съ удовольствіемъ гляля на большой кусокъ пирога, принесенный бѣлобрысой чухонкой.

И затѣмъ обратился къ Лярову:

— Не угостить-ли васъ пирогомъ?

Ляровъ отказался, а Дембекъ-Дембковскій спросилъ:

— А меня не желаете угостить?

— Да, вѣдь, вы ужъ, кажется, обѣдали?

— Это пустое! Пирогъ съ грибами—тотъ городничій, для котораго, по выраженію незабвеннаго Гоголя, всегда найдется мѣсто...

— А, ну, въ такомъ случаѣ—милости просимъ...

Ляровъ хотѣлъ было уйти, но Сусликовъ упросилъ его остаться, пообѣщавъ послѣ завтрака познакомить его съ новымъ своимъ произведеніемъ.

— Интересно, какъ вамъ понравится тонъ, общій, такъ сказать, колоритъ красокъ,—говорилъ онъ, кладя въ ротъ громадные куски пирога. Дембекъ-Дембковскій тоже не зѣвалъ, что, повидимому, не особенно нравилось хозяину.

Когда они, наконецъ, кончили завтракъ, Сусликовъ сказалъ:

— Дѣло, видите-ли, въ томъ, что стихотвореніе, которое я сейчасъ прочту вамъ, навѣяно нашей сѣрой природой, и основная его идея, такъ сказать, трагедія содержанія, то, что человѣкъ, подъ вліяніемъ этой ужасной погоды, впадаетъ въ сплинъ, не имѣя въ сущности на это никакихъ логическихъ поводовъ. Вы понимаете,—тутъ происходитъ внутренняя борьба, вслѣдствіе сознанія немотивированности подобнаго настроенія—съ одной стороны, съ другой—невозможности побѣдить это настроеніе. Вѣдь, согласитесь, это—цѣлая драма, не говоря уже о томъ, что невозможность писать часто связана съ вопросомъ о хлѣбѣ насущномъ... Не правда-ли, ново и оригинально?

— Я этого не нахожу,—зѣвнувъ, замѣтилъ Ляровъ.

— О, нѣтъ, помилуйте, какъ же не драма!—смѣясь, воскликнулъ Дембекъ-Дембковскій.—Это настоящая драма, и подобныя драмы особенно часто переживаются тѣми деликатными

дамочками, съ которыми дѣлается истерика, когда по стеклу шкрабаютъ желѣзомъ...

— Вы сегодня невозможно настроены!—съ досадой замѣтилъ Сусликовъ.—Вообще, я полагаю, что вамъ-бы лучше пристроиться къ какой нибудь труппѣ на амплуа комика: думаю, успѣхъ былъ-бы большій, чѣмъ успѣхъ вашего «Разбитаго сердца.»...

— Но-но!—вдругъ покраснѣвъ, воскликнулъ Дембекъ-Дембковскій и принялъ позу боевого пѣтуха.—Я никому не позволю говорить мнѣ подобныя вещи!

— Господа!—вмѣшался Ляровъ,—не касайтесь личностей, потому что изъ этого ничего хорошаго не выйдетъ.

— Но-такъ!—весь дрожа отъ негодованія, согласился Дембекъ-Дембковскій, устремивъ на Сусликова сверкающіе глаза.

Но тотъ успѣлъ уже вполнѣ успокоиться и, какъ ни въ чемъ не бывало, подошелъ къ письменному столу и досталъ оттуда маленькую тетрадку.

— Такъ вотъ я прочту вамъ, Ляровъ, свое новое произведеніе.

И съ паѳосомъ сталъ читать довольно длинное стихотвореніе, содержаніе котораго отличалось потрясающимъ драматизмомъ. Въ это время Дембекъ-Дембковскій большими шагами угрюмо ходилъ по комнатѣ. Когда чтеніе окончилось, онъ поспѣшно сталъ прощаться, не сказавъ ни слова по поводу прочитаннаго.

— Куда-же вы такъ скоро?—добродушно спросилъ его Сусликовъ.

— Надо идти, надо! Прощайте!

Когда онъ ушелъ, Сусликовъ сказалъ:

— Грустно! Талантливый, безспорно талантливый самородокъ (вѣдь онъ кончилъ только уѣздное училище!), но нѣтъ у него устоевъ и, главное, того художественнаго чутья, которое подсказываетъ поэту, гдѣ и въ чемъ искать драматическихъ ситуацій.

И затѣмъ, немного помолчавъ, спросилъ:

— Ну, что, надѣюсь, вы измѣнили свой взглядъ на идею моего стихотворенія? Вообще, какъ оно вамъ понравилось?

— Написано гладко, а что касается содержанія—я остаюсь при прежнемъ мнѣніи: ваша «идея» производитъ впечатлѣніе бури въ стаканѣ воды и, право-же, Дембекъ-Дембковскій сдѣлалъ недурное сравненіе.

— Что? Это просто возмутительно! И это говорите вы, вы, Ляровъ, котораго я всегда считалъ чуткимъ и отзывчивымъ писателемъ!

— Полноте, какой я отзывчивый писатель! — махнувъ рукой, промолвилъ Ляровъ.

Тогда Сусликовъ сталъ долго и горячо говорить «о новыхъ путяхъ въ искусствѣ», «о настоящемъ драматизмѣ», а также и о томъ, что, будь у него средства, а слѣдовательно и возможность «вынашивать» свои произведенія, онъ показалъ-бы, въ чемъ смыслъ «новой школы» и какъ могутъ творить ея адепты!

Ляровъ, умудренный опытомъ, упорно молчалъ и, воспользовавшись первой продолжительной паузой, распростился съ хозяиномъ.

III.

Художникъ Силачевъ, какъ и многіе художники, жилъ въ послѣднемъ этажѣ, чтобы имѣть верхнее освѣщеніе. Онъ занималъ довольно просторную и недурно обставленную квартиру, рѣзко отличавшуюся отъ квартиръ его товарищей по искусству тѣмъ, что въ ней не было, такъ называемаго, «художественнаго безпорядка.» Исключеніе составляла только его студія, куда жена допускалась всего разъ въ недѣлю, «для производства стополтворенія вавилонскаго», какъ, шутя, говорилъ Силачевъ. И тогда (если ему хотѣлось работать) онъ горько жаловался пріятелямъ, что жена его страдаетъ «маніей чистоты и отсутствіемъ памяти», потому что, каждый разъ послѣ «столпотворенія», онъ будто-бы долженъ искать кисти, палитру и краски въ новыхъ мѣстахъ и тратить на это массу времени.

Женился Силачевъ лѣтъ тридцати пяти на молоденькой и страстно влюбленной въ него дѣвушкѣ, женился тоже по любви и былъ завидно счастливъ. Одно только обстоятельство омрачало его счастье—это отсутствіе дѣтей. Было, впрочемъ, и еще нѣчто, вносившее изрѣдка маленькія размолвки въ мирное и любовное житье супруговъ, но, по увѣренію Силачева, это—вещь почти неизбѣжно сопровождающая любовь: Марья Андреевна ревновала своего мужа и устраивала подчасъ «легонькія сцены», за что и получала отъ него названіе «кайенскаго перца». «Жжетъ, но способствуетъ пищеваренію!—смѣясь, говорилъ онъ, и каждый разъ добавлялъ: Надо, однако, помнить, что кухня должна разнообразиться—иначе, пожалуй, и вовсе потеряешь аппетитъ». «Не говори глупостей!»—останавливала его жена, и примиреніе обыкновенно сейчасъ-же и совершалось.

Лярову открыла дверь старая его знакомая, Варюша, дѣвочка лѣтъ пятнадцати, необыкновенно привѣтливая и добродушная, уже давно служившая у Силачевыхъ. На вопросъ, дома-ли хозяинъ, она отвѣчала утвердительно и заявила, что

можно пройти прямо въ мастерскую, «потому что Павелъ Дмитріевичъ пишетъ натуру въ костюмѣ». Когда-же Ляровъ настоялъ, чтобы она всетаки доложила о немъ, то Варюша въ припрыжку побѣжала въ студію и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Силачева вдругъ круто остановилась, скользя по паркету.

— Что, матушка, катаешься? Полъ, небось, гладкій?— добродушно спросилъ художникъ, съ улыбкой глядя на раскраснѣвшееся лицо дѣвочки.

И затѣмъ, узнавъ въ чемъ дѣло, сказалъ:

— Петра Ивановича проси, конечно, можно!..

Силачеву было лѣтъ подъ-сорокъ, и волосы его уже замѣтно серебрились, но лицо было свѣжее, съ румянцемъ во всю щеку, а большіе темно-сѣрые глаза смотрѣли совсѣмъ молодо и оживленно. Онъ былъ средняго роста, крѣпко сколоченъ, носилъ мягкую цвѣтную рубашку и пиджакъ страннаго покроя, застегивающійся почти до верху—нѣчто вродѣ венгерки. Мясистый, слегка вздернутый и крупный носъ изобличалъ въ немъ славянина, но не производилъ непріятнаго впечатлѣнія, а даже, напротивъ, какъ-то удивительно гармонировалъ съ его чисто россійскимъ обликомъ.

При входѣ Лярова, онъ улыбнулся и, не вставая съ мѣста, протянулъ ему руку.

— Какъ поживаете, дружище? Вотъ дайте только носикъ окончить, а тамъ чайку попьемъ и потолкуемъ.

И затѣмъ, обратясь къ позировавшей дѣвушкѣ, замѣтилъ:

— Ручку, ручку на мѣсто! Что, устала? Ну, потерпите немного—сейчасъ конецъ...

Ляровъ, чтобы не мѣшать художнику, усѣлся за его спиной и сталъ всматриваться въ еще неоконченный портретъ. Онъ изображалъ дѣвушку, лѣтъ восемнадцати, одѣтую въ скромное, коричневое платье, съ длинной русой косой и съ большими грустными темно-карими глазами на блѣдномъ и усталомъ лицѣ. Лѣвая рука была прижата къ груди, голова слега опущена. Портретъ этотъ сразу-же понравился Лярову строгой выдержкой колорита и отсутствіемъ всякой манерности письма. Видно было, что художникъ не мудрилъ, не изобрѣталъ «иносказаній», а прямо писалъ очень нравившійся ему этюдъ. И потому онъ вышелъ выдержаннымъ и правдивымъ.

Съ картины Ляровъ перевелъ глаза на позировавшую дѣвушку и нашелъ, что сходство прекрасно уловлено, какъ, впрочемъ, почти на всѣхъ портретахъ Силачева. Особенно удачно было передано цѣломудренное, почти дѣтское выраженіе глазъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ видна была какая-то глубокая скорбь, сильная и неожиданная, какъ первая любовь... Дѣвушку нельзя было назвать красавицей, но изящная и безыскусственная внѣшность и, главное, этотъ контрастъ

выраженій, который такъ ярко сказывался въ ея глазахъ, дѣлалъ ее чрезвычайно симпатичной и привлекательной.

Минутъ чрезъ десять Силачевъ окончилъ «носикъ», бросилъ на столъ въ одну кучу палитру и кисти и, потягиваясь, сказалъ:

— Шабашъ! Жду васъ, Женечка, завтра къ одиннадцати. Только, чуръ, не запаздывать: сами видите, какіе анаѳемскіе дни стоятъ!

Дѣвушка тотчасъ-же направилась къ двери и, подойдя къ Силачеву, по-институтски присѣла, затѣмъ вдругъ сконфузилась, покраснѣла и, протянувъ ему руку, сказала:

— До свиданія, Павелъ Дмитріевичъ, я не опоздаю...

Силачевъ пріятельски пожалъ ея руку и, въ свою очередь, присѣлъ:

— До свиданія, Евгенія Филипповна, не запаздывайте!

И, разсмѣявшись какъ-то особенно заразительно, въ передней спросилъ въ полголоса:

— Не нужны ли вамъ деньги, Женечка? Если нужны, то могу дать вамъ малую толику.

— Нѣтъ, благодарю васъ, я пока обойдусь.

— Ну, какъ знаете!

Послѣ ухода натурщицы, Ляровъ услышалъ въ передней знакомый голосъ Марьи Андреевны:

— Что за странная у тебя привычка, Поль, называть по имени натурщицъ! Тѣмъ болѣе эту: ты, вѣдь, знаешь, что она не простая натурщица, а порядочная, хорошо воспитанная дѣвушка и это, навѣрное, ее шокируетъ...

— Ничего, привыкнетъ!—успокаивающе отозвался Силачевъ.

— Ну, положимъ даже, что привыкнетъ — уже немного волнуясь, продолжала Марья Андреевна.—Но, вѣдь, ты знаешь, что мнѣ это непріятно...

— Молчать, кайенскій перецъ, молчать! Мы не одни и могутъ, пожалуй, подумать, что наше семейное счастье виситъ на волоскѣ.

Смѣясь и подталкивая жену, Силачевъ вошелъ съ ней въ студію.

— Вотъ смотри, вѣдь, не дурно, кажется? Чего-жъ тебѣ еще?—сказалъ онъ, подводя ее къ мольберту, видимо довольный сегодняшней работой.

Поздоровавшись съ гостемъ, Марья Андреевна внимательно осмотрѣла этюдъ и капризнымъ тономъ замѣтила:

— Отвратительно! Сходство есть, но она у тебя en beau...

— Прошу позаботиться о чаѣ, профанище! И, ежели еще разъ услышу подобную рецензію,—вызову на дуэль! Поняла?

— Ну, да ужъ—шути не шути, а прикрашена твоя «Горемычная»—это тебѣ всякій скажетъ!

И, надувъ губки, она вышла.

— Неправда-ли, ей очень къ лицу, когда она сердится?—спросилъ Силачевъ, искренно любуясь своей хорошенькой женой.

— Ты мелешь чепуху!—смѣясь и убѣгая, сказала Марья Андреевна.

— Что это за дѣвушка?—спросилъ Ляровъ, все еще разсматривавшій этюдъ.—Какое у нея интересное и... странное лицо...

— Неправда-ли?—почти радостно воскликнулъ Силачевъ.—Искренность выраженія, отсутствіе всякой манерности! Вотъ особенно до этого мѣста—полная, хотя и своеобразная, гармонія,—сказалъ онъ, закрывая рукой ротъ и подбородокъ этюда.

— Почему вамъ собственно не нравится ротъ?

— Да, видите-ли, выраженіе губъ какъ-будто ужъ черезъчуръ наивное и не совсѣмъ гармонируетъ съ грустными глазами.

— Это, пожалуй, вѣрно! — согласился Ляровъ, — но въ этомъ-то именно смѣшеніи выраженій и заключается какая-то особенная прелесть.

— Вотъ-вотъ!

— Кто она такая, неужели профессіональная натурщица?

— Это, если хотите, цѣлая исторія, — сказалъ Силачевъ, усѣвшись въ глубинѣ комнаты на маленькой оттоманкѣ и закуривъ папиросу.—Да, цѣлая исторія и, надо сказать, не изъ веселыхъ!.. Дѣло въ томъ, что мнѣ нужно было написать для картины этюдъ женскаго тѣла, а я долго не могъ найти подходящую натуру—интересную и, главное, съ красивымъ, еле развивающимся бюстомъ. Вотъ какъ-то, въ кругу товарищей, я и разсказалъ о своемъ горѣ, прося направить ко мнѣ, ежели что подходящее найдется... Не прошло и недѣли послѣ того, какъ вотъ эта самая синьора явилась ко мнѣ съ карточкой Иванова. Пишетъ въ двухъ словахъ, что, молъ, подательница этой записки, повидимому, должна-бы мнѣ подойти, но только выражаетъ сомнѣніе, захочетъ-ли она позировать въ костюмѣ Евы, потому что она—новичекъ въ этомъ дѣлѣ. И дальше пишетъ, что, ежели-бы она подошла мнѣ для этюда въ костюмѣ, то было-бы очень хорошо, такъ какъ личико у нея интересное и, вдобавокъ, она очень нуждается. Что за притча, думаю! Ну! усадилъ, распрашиваю, въ чемъ дѣло. Оказывается,—она дочь недавно умершаго чиновника. Средствъ—никакихъ, кромѣ грошевой пенсіи, а на рукахъ старуха-мать, у которой еще двое дѣтей. Старшей дѣвочкѣ 12, а младшему—семь лѣтъ. И вотъ эта дѣвушка должна была выйти изъ послѣдняго класса института, чтобы какъ-нибудь поддерживать семью. До сихъ

поръ перебивалась грошовыми уроками, но, такъ какъ этого не хватаетъ, то она и рѣшилась пойти въ натурщицы. Когда я объяснилъ ей, для какого этюда мнѣ нужна натура,—она словно-бы обалдѣла: смотритъ на меня и, повидимому, ничего не понимаетъ, а потомъ вдругъ покраснѣла—да какъ!—и чуть не расплакалась. «Нѣтъ, говоритъ, извините—я этого не могу, нѣтъ!» И почти выбѣжала изъ комнаты. Ну, я вернулъ ее, усадилъ, успокоилъ, какъ могъ. И, по мѣрѣ того, какъ я съ ней бесѣдовалъ, лицо ея мнѣ все больше и больше нравилось, и я тутъ-же рѣшилъ написать съ нее этюдъ.

— Да, грустная исторія! — замѣтилъ Ляровъ и, немного помолчавъ, спросилъ:—Ну, а теперь, какъ устроилась эта злополучная семья?

— Очевидно, плохо, потому что Женя просила меня рекомендовать ее, какъ переписчицу, а перепиской, сами знаете, занимаются только съ горя. У нея недурной почеркъ и пишетъ она довольно грамотно. Я обѣщалъ похлопотать, но это, собственно, не по моей части и, если представится случай, то доставьте ей работу. Я, признаться, на васъ и разсчитывалъ. А вотъ и ея адресъ.

И Силачевъ подалъ Лярову четвертушку бумаги, на которой крупнымъ и довольно красивымъ, но вполнѣ еще неустановившимся почеркомъ былъ написанъ адресъ Женечки.

IV.

Студія Силачева была увѣшана этюдами, большинство которыхъ отличалось законченностью и разнообразіемъ содержанія: были грустные, почти трагическіе, другіе-же, напротивъ, такъ и дышали веселіемъ и жизнерадостностью. Но, какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, замѣчалось строго выдержанное настроеніе, свидѣтельствовавшее объ увлеченіи художника своей работой. И эта опредѣленность, эта цѣльность настроенія невольно подкупала зрителя и, въ связи съ хорошей техникой, создала Силачеву почтенное имя.

— Какъ я вамъ завидую, Павелъ Дмитріевичъ! — сказалъ Ляровъ, разсматривая два рядомъ висѣвшихъ этюда. — Какое разнообразіе содержанія! Трудно даже, право, повѣрить, что одинъ и тотъ-же художникъ написалъ вотъ этого голоднаго старичка въ отрепьяхъ и рядомъ этого франта, объясняющагося въ любви дѣвицѣ купеческаго облика съ лицомъ жирной гусыни. Скажите, у васъ, вѣроятно, очень рѣдки минуты сомнѣній и недовольства собой?

— Да онъ иногда недѣлями не можетъ работать и мол-

чить, какъ убитый!—сказала Марья Андреевна, пріютившаяся тутъ-же, на диванчикѣ.—Просто мѣста себѣ не находитъ, и тогда къ нему не подходи! Или, вотъ, возьметъ эту самую шахматную доску, ляжетъ на кровать, покроется шубой и разбираетъ партіи—съ видомъ человѣка, приговореннаго къ смерти. Право! Теперь-то я ужъ привыкла къ этому, а вначалѣ не знала, что и думать.

— Это вѣрно! — смѣясь, подтвердилъ Силачевъ. — Вамъ прямо-таки везло, что вы не заставали меня въ такомъ видѣ.

— Но какъ-же тогда объяснить ту увѣренность и выдержанность тона и колорита, которыми отличаются почти всѣ ваши этюды? Когда глядишь, такъ и чувствуется, что писаны они подъ однимъ цѣльнымъ впечатлѣніемъ, и въ нихъ не замѣтно ни муки, ни колебаній...

— А между тѣмъ, на самомъ-то дѣлѣ я очень даже знакомъ съ этими пріятными эмоціями. Но штука, видите-ли, въ томъ, что я—старый воробей и берусь за кисть лишь тогда, когда чувствую непреодолимую потребность писать, причемъ стараюсь не насиловать своего настроенія: когда я въ мажорномъ настроеніи,—изображаю соотвѣтствующіе сюжеты; когда-же иначе настроенъ,—такъ и тянетъ написать вонъ такого горемыку-старичка... И вотъ, можетъ быть, поэтому-то мнѣ кой-что и удается. Не думайте, однако, что я часто доволенъ своими работами. О, напротивъ! Но это бываетъ уже потомъ, когда картина кончена, и я мучаюсь ея недостатками... Тогда, очевидно, мнѣ только и остается—покрыться полушубкомъ и рѣшать шахматныя задачи.

— Послушайте, Павелъ Дмитріевичъ — сказалъ Ляровъ, поднявшись съ мѣста и шагая по комнатѣ, — вѣдь ваша теорія подгонять, такъ сказать, сюжетъ подъ настроеніе—вещь крайне рискованная. Это своего рода наклонная плоскость, по которой, безъ руководящей идеи, можно неудержимо покатиться, Богъ знаетъ куда! Вѣдь, настроенія всякія бываютъ. Бываютъ и такія, напримѣръ, что человѣку (даже вполнѣ серьезному) хочется школьничать. Неужели и тогда искать подходящихъ сюжетовъ?

— Ну, вы ужъ дошли до крайности! Говоря, что не слѣдуетъ насиловать настроеніе, я вовсе не имѣлъ въ виду того исключительнаго настроенія о которомъ вы сейчасъ упомянули, потому что въ немъ нѣтъ ничего интереснаго.

— А между тѣмъ, соблазнъ всетаки великъ,—согласитесь съ этимъ!—горячо возразилъ Ляровъ.—За примѣрами ходить не долго—ихъ сколько угодно и въ литературѣ, и въ живописи. И происходитъ это, безъ сомнѣнія, оттого, что очень многіе пишутъ безъ руководящей идеи, а такъ, что первое придетъ въ голову, о чемъ хочется писать подъ впечатлѣніемъ

минуты! Поютъ себѣ, заливаются, какъ птицы небесныя, поддаваясь единственно потребности пѣснопѣнія!.. Вы не сердитесь на меня, но...

Силачевъ добродушно улыбнулся.

— Ничего. Мнѣ, батенька, не въ диковинку слышать еще и не такое!.. Недавно, напримѣръ, былъ у меня Долгиновъ, и чего только не наговорилъ онъ мнѣ по поводу моихъ картинъ—даже страшно стало!

— Ваши картины представлялись мнѣ всегда содержательными, и я говорю вообще, принципіально,—сказалъ Ляровъ, которому показалось, что онъ задѣлъ пріятеля своими замѣчаніями.—Но, если хотите правды, то я долженъ сказать, что боюсь, какъ-бы, слѣдуя вашей теоріи, съ теченіемъ времени вы не подверглись участи многихъ талантливыхъ людей...

— То есть, боитесь, что «неудержимо покачусь по наклонной плоскости»?

— Именно!

— Послушайте, голубчикъ,—серьезно сказалъ Силачевъ, подсаживаясь къ пріятелю.—Мы, очевидно, плохо понимаемъ другъ друга, и вы, кажется, склонны приписывать мнѣ мысли, которымъ я вовсе не сочувствую. Я говорилъ о томъ, что не слѣдуетъ насиловать свое настроеніе, т. е. писать вотъ такого старичка, когда хочется написать что нибудь вродѣ моего «Объясненія»; а вы, кажется, отождествляете это съ «искусствомъ для искусства», съ какой-то безпринципностью, которую я будто-бы рекомендую! Сила въ томъ, что уму и сердцу (особенно сердцу!) можно сказать полезное слово въ одномъ только случаѣ, а именно,—если это слово вполнѣ искренно. Идея художественнаго произведенія должна зародиться въ умѣ художника и вылиться изъ его сердца.... Если-же будетъ малѣйшая неискренность, малѣйшее насилованье себя, тогда — ничего путнаго не жди: ваши слова, ваши образы будутъ или безсильныя потуги, или простое и очевидное симулянтство! Вотъ поэтому-то насиловать себя, свое настроеніе значить-не пропагандировать, а профанировать идею...

— Съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться,—нѣсколько успокоившись, замѣтилъ Ляровъ.—Но я все таки скажу, что, если стѣснять творчество не слѣдуетъ, то направлять его необходимо!...

— Направлять—да, но нужно дѣлать это съ большимъ тактомъ и даже, такъ сказать, съ художественнымъ чутьемъ, потому что, въ противномъ случаѣ, дѣло сведется къ стѣсненію настроенія, т. е. къ полному зарѣзу дарованія... Нѣтъ, милѣйшій Петръ Ивановичъ, какъ нельзя требовать отъ тяжеловоза, чтобъ онъ бралъ барьеры, такъ невозможно требовать отъ художника, чтобы онъ писалъ по чужой указкѣ, подгоняя

свое настроеніе подъ чужія мысли, потому что, повторяю, выйдетъ не творчество, а симулянтство!..

— Да кто этого требуетъ?

— Къ сожалѣнію, многіе... Говорю подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ одного разговора, бывшаго не дальше, какъ вчера... Сидитъ у меня Долгиновъ. Я работаю, и мы превесело болтаемъ о всякой всячинѣ. Затѣмъ, онъ сталъ разсматривать мои этюды и, когда замѣтилъ онъ тотъ, что виситъ противъ васъ, у окна, то расхохотался самымъ заразительнымъ образомъ, такъ что даже Варюша, по свойственному ей любопытству, прибѣжала узнать, въ чемъ дѣло. «Ну, и старается-же, говоритъ, вашъ каналья—женихъ! Такъ и видно по рожѣ, что сладкія-то слова онъ говоритъ, а въ это время думаетъ о невѣстиныхъ лабазахъ и ужъ прикидываетъ барыши...»

— «Очень радъ, говорю, что вамъ понравился мой этюдъ. Я, можетъ быть, съ него картину напишу.»—«Да кто, говоритъ, вамъ сказалъ, что онъ мнѣ понравился?!» И вдругъ такъ строго взглянулъ на меня и потрясъ своей патріархальной бородой, что у меня даже мурашки по спинѣ забѣгали, право!

— «Какъ, говорю, кто сказалъ? Да вы-же сами сейчасъ сказали вашимъ смѣхомъ и замѣчаніями о моемъ этюдѣ».

— «Вздоръ-съ! говоритъ,—ничего опредѣленнаго я не сказалъ, а смѣхъ мой—нездоровый, нутряной смѣхъ, послѣ котораго каждый разъ самому совѣстно становится. Какая здѣсь идея и что это за сюжетъ—для картины особенно! Ну кому, скажите на милость, кому интересно, что какой-то тамъ прохвостъ объясняется въ любви купецкой дочкѣ? Что это—ново, что-ли, оригинально? И не думайте, говоритъ, и не смѣйте писать картины—раскатаю въ газетахъ! Развѣ по нынѣшнимъ временамъ такіе сюжеты нужны? Нынче не смѣяться, говоритъ, а плакать нужно—вотъ какія времена, а вы бирюльками занимаетесь! Стыдно, сударь, стыдно!..» И пошелъ катать меня на всѣ корки!

«Я и говорю ему: Да вы, голубчикъ, жестоко ошибаетесь, думая, что однѣ драмы интересны. Интересна жизнь въ ея полномъ и правдивомъ изображеніи, а въ жизни драма постоянно переплетается съ комедіей, подчасъ даже съ фарсомъ... И ежели, говорю, станете изображать однѣ лишь драмы, то, навѣрное, изобразите не живую дѣйствительность, а созданную вашимъ воображеніемъ, рѣшительно ни для кого не интересную фантазію! Задача искусства, говорю, прежде всего, заключается въ томъ, чтобы «чувства добрыя будить», а какимъ образомъ—это дѣло художественной субъективности... Вотъ смѣхъ и то маленькое негодованіе, которое вы, повидимому, испытывали, глядя на мой этюдъ, прямо говорятъ за то, что

онъ не чуждъ этой тенденціи, что и требовалось доказать! А это ужъ, говорю, потомъ, многоуважаемый Иванъ Ивановичъ, вспомнивъ «о временахъ», вы заговорили по-другому. И это очень характерно и для васъ, и для той школы, къ которой вы себя причисляете...

— «А ужъ, говоритъ, я тамъ не знаю,—характерно-ли, но повторяю: картины не пишите—раскатаю въ газетахъ! Теперь, батюшка, не тѣ времена, и «чувства добрыя будить» надо въ иной, болѣе конкретной формѣ!.. Еще я, говоритъ, понялъ-бы подобный сюжетъ, еслибы, напримѣръ, въ роли жениха фигурировалъ студентъ—тогда ваша картина коснулась-бы одной изъ современныхъ язвъ: вѣдь наша молодежь, охъ—охъ, какъ пала и получить нравоученіе ей всегда полезно!..»

Тогда я сталъ объяснять Долгинову, что вовсе не идеализирую нынѣшней молодежи, но надо всетаки быть справедливымъ и помнить, что въ голодные годы эта самая «падшая» молодежь толпами шла на помощь народу. И такъ далѣе...

— На чемъ-же, въ концѣ концовъ, порѣшили?—улыбнувшись, спросилъ Ляровъ.

— Да вы развѣ не знаете Долгинова! Спустился съ лѣстницы и съ нижней площадки кричитъ: «А на мой смѣхъ вниманія не обращайте—нездоровый, нутряной смѣхъ!..» Съ тѣмъ и ушелъ.

V.

Только на улицѣ, уйдя отъ Силачева, Ляровъ вспомнилъ, что не переговорилъ съ нимъ о томъ дѣлѣ, ради котораго зашелъ къ нему—объ его картинѣ. Но ему лѣнь было подыматься по крутой лѣстницѣ на пятый этажъ, и онъ рѣшилъ отложить переговоры объ этомъ до другого раза. Да и не такъ вовсе былъ онъ настроенъ теперь. Онъ чувствовалъ потребность наединѣ поразмыслить о тѣхъ, какъ свѣтъ старыхъ, но для художника вѣчно животрепещущихъ вопросахъ, которые были затронуты въ разговорѣ съ Силачевымъ.

Онъ и теперь, какъ почти всегда, уходя отъ пріятеля, испытывалъ по отношенію къ нему смѣшанное чувство уваженія и зависти. Правда, это не была профессіональная зависть, зависть изъ за матеріальнаго успѣха къ несомнѣнному и общепризнанному дарованію, но все же это было нехорошее, угнетающее чувство, тѣмъ болѣе, что онъ признавалъ, что Силачевъ богато одаренная натура и что, кромѣ того, говоря по совѣсти, никто не могъ упрекнуть его въ угодливости, въ же-

ланіи популярничать, точно также, какъ никто не могъ упрекнуть его въ безнравственности тенденцій. Напротивъ, каждая, самая даже, повидимому, безпритязательная его картинка всегда будила въ зрителѣ «чувства добрыя»...

За что же собственно упрекать его? За пестроту сюжетовъ, за это переплетаніе трагическаго съ комическимъ, которое подчасъ замѣчается у него въ одной и той-же картинѣ? Но на безпристрастнаго зрителя его картины всегда производятъ впечатлѣніе безусловной правды и, кто знаетъ, быть можетъ, именно благодаря этой способности полнѣе и многостороннѣе наблюдать жизнь, онъ и составилъ себѣ почтенную извѣстность?..

Силачевъ говоритъ, что нужно только умѣть сказать уму и сердцу или, другими словами, найти гармонію между идеей, формой и содержаніемъ... Но легко сказать — найти гармонію! О, это вѣчный, проклятый вопросъ творчества! Сколько разъ, въ поискахъ за этой гармоніей, онъ терзался сомнѣніями, сколько разъ уничтожалъ уже оконченныя работы, находя, что онѣ—либо слишкомъ объективны и безъидейны, либо, наоборотъ, черезчуръ субъективны, черезчуръ «пропитаны моралью».

«Но какъ достигнуть этой гармоніи, какъ?—съ тоской думалъ Ляровъ.—Не насиловать настроенія, какъ совѣтуетъ Силачевъ? Но, во-первыхъ, это старо, какъ свѣтъ, а, во-вторыхъ, слѣдуя этому совѣту, можно въ самомъ дѣлѣ «покатиться по наклонной плоскости» и «нестѣсненіе настроенія», очевидно, должно быть тоже на уздѣ. И опять таки, значитъ, проклятый вопросъ о гармоніи остается открытымъ»!..

Да полно, приведетъ ли къ чему-нибудь путному это «исканіе гармоніи»? Шекспиръ, Байронъ, гр. Толстой, Тургеневъ и, пожалуй, даже Силачевъ—въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ—навѣрное не искали и не ищутъ никакой «гармоніи», потому что она—внутри ихъ, потому что она составляетъ ихъ существо! И самый фактъ *исканія* не есть ли признакъ безсилія или ужъ, во всякомъ случаѣ, признакъ отсутствія настоящаго дарованія? Вѣдь, вотъ, и онъ, и даже Сусликовъ тоже томятся въ напрасныхъ поискахъ за этой «гармоніей»!..

И онъ съ тоской подумалъ, что, быть можетъ, избралъ литературную дѣятельность по какому то странному недоразумѣнію, принявъ «манію писательства» за призваніе и талантъ! О, даже навѣрное, потому что радостныя минуты, изрѣдка испытываемыя имъ, такъ незначительны, такъ кратковременны, сравнительно съ неудовлетворенностью и терзаніями, постоянно отравляющими душевный его покой! Да, это былъ бы странный талантъ, вѣчно колеблющійся, вѣчно сомнѣвающійся въ

собственныхъ силахъ и способный сегодня возненавидѣть то, что вчера писалось съ такимъ увлеченіемъ...

И онъ вспомнилъ, какъ года два тому назадъ читалъ свой первый разсказъ уважаемому беллетристу, какъ тотъ смотрѣлъ на него добрыми и грустными глазами, какъ, послѣ первыхъ замѣчаній писателя, онъ вдругъ точно прозрѣлъ, сознавая всѣ слабыя стороны своего произведенія, и какъ, уходя домой, былъ преисполненъ стыда и ненависти къ самому себѣ за свои претензіи на писательство. Нѣтъ, настоящія дарованія не могутъ въ такой мѣрѣ испытывать всѣ эти колебанія и муки!..

Онъ долго и уныло ходилъ по комнатѣ, проклиная себя за «дикую мысль» промѣнять юридическую карьеру на писательство, которое доставляло ему почти одни только огорченія. И это не авторская мнительность—нѣтъ, потому что почти всѣ его знакомые, а также и рецензенты (въ томъ числѣ и «лицепріятные»), признавая за его писаніями «литературность изложенія» и «добрыя намѣренія», дѣлали массу огорчительныхъ для его авторскаго самолюбія оговорокъ. Но, не смотря на это, онъ всетаки былъ увѣренъ (если не считать часовъ «душевной прострацiи»), что въ литературѣ найдетъ свое «настоящее призваніе», что стоитъ только преодолѣть какое то маленькое препятствіе (какое? онъ и самъ этого не зналъ), чтобъ сразу вступить на «настоящій путь» и стать полезнымъ труженикомъ. О, тогда онъ, навѣрное, чаще былъ бы жизнерадостно настроенъ, а не мучился бы, какъ вотъ теперь, цѣлыми днями въ тоскѣ и позорномъ бездѣйствіи!..

И, путаясь и терзаясь вопросами и сомнѣніями въ собственныхъ силахъ (самыми ужасными и мучительными сомнѣніями въ мірѣ!), онъ испытывалъ чувства, съ которыми знакомъ — независимо даже отъ размѣровъ дарованія — всякій мало-мальски искренній и любящій искусство писатель.

VI.

Ляровъ вернулся домой, въ меблированныя комнаты, около пяти часовъ. Къ нему сейчасъ же зашелъ корридорный, Николай, чтобы справиться, можно ли подавать обѣдъ. Обыкновенно молчаливый, даже нѣсколько угрюмый, онъ на этотъ разъ удивилъ Лярова веселымъ, даже отчасти разухабистымъ видомъ. Впрочемъ, дѣло вскорѣ разъяснилось: Николай напомнилъ, что сегодня онъ имянинникъ и, кромѣ того, къ нему неожиданно пріѣхала жена изъ деревни. По этому случаю онъ получилъ двугривенный, что сразу же расположило его къ жильцу и вызвало во время обѣда дружеское предостереженіе отно-

сительно судака подъ кислымъ соусомъ: «конечно, онъ подъ соусомъ пикантъ,—замѣтилъ Николай, подавая Лярову обѣдъ,— такъ что сгоряча то, пожалуй, и не разберете, но я, однако, кушать не совѣтую, потому, когда кухарка принесла съ рынка,—отъ него духъ былъ»... Затѣмъ, онъ сталъ хвалить жену и объяснилъ, что она вовсе не похожа на деревенскую бабу и что у нея «совсѣмъ городской фасончикъ».

Въ сосѣдней комнатѣ пробило шесть часовъ, впереди былъ длинный и томительный вечеръ, потому что не только работать, но читать и даже идти въ театръ Лярову не хотѣлось. Притомъ же, въ ожиданіи гонорара за принятую статейку, ему нужно было разсчитывать каждый рубль, чтобы не залѣзть въ долги, какъ это уже не разъ случалось съ нимъ. «Что дѣлать, куда дѣваться?—съ досадой и даже нѣкоторымъ озлобленіемъ подумалъ онъ. Не идти же къ знакомымъ! Человѣкъ въ такомъ настроеніи способенъ развѣ нагнать на ближняго тоску, да и самому отъ этого не легче будетъ»!..

Доставая портсигаръ, Ляровъ нашелъ въ карманѣ записку съ адресомъ Женечки, о которой, занятый своими мыслями, онъ совсѣмъ и позабылъ. «Не зайти ли къ ней?—подумалъ онъ.—Все равно вечеръ пропалъ, а потомъ не соберусь пожалуй»...

И, вспомнивъ разсказъ Силачева о неприглядномъ положеніи дѣвушки и ея семьи, онъ рѣшилъ не откладывать этого намѣренія и тотчасъ же отправиться къ нимъ. Но что сможетъ онъ предложить ей? Въ карманѣ у него почти пусто, да, кромѣ того, неловко же предлагать деньги въ видѣ подачки... Нѣтъ, надо что нибудь придумать! И онъ рѣшилъ на первый разъ отдать дѣвушкѣ переписать уже совсѣмъ оконченную статейку, не смотря на то, что всегда самъ дѣлалъ это. Но, если она такъ нуждается,—надо же какъ нибудь помочь ей!..

Вспомнивъ о Женечкѣ, онъ тотчасъ же представилъ себѣ ея стройную фигурку, ея почти дѣтскую головку съ тяжелой косой и эти странные глаза, которые сразу же приковывали вниманіе. И, чѣмъ больше думалъ онъ о ней, тѣмъ для него яснѣе становилось, что она показалась ему очень привлекательной и произвела на него сильное впечатлѣніе. Но онъ старался не думать о наружности дѣвушки и заглушить въ себѣ это «чисто физическое впечатлѣніе».

Семья Шамаевыхъ жила во второмъ дворѣ громаднаго дома, въ Апраксиномъ переулкѣ. Дворъ этотъ поражалъ своей неопрятностью и массой толкавшагося въ немъ грязнаго и ободраннаго народа. День былъ праздничный, и по этому случаю добрая половина обитателей дома была сильно выпивши, такъ что Лярову не легко было разыскать дворника, который и указалъ нужную ему квартиру.

Шамаевы снимали двѣ небольшія комнаты у поручика Бодрякова, выгнаннаго со службы «за пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ», какъ самъ онъ не разъ сознавался въ минуты откровенности. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, не имѣвшій опредѣленныхъ занятій и обязательно напивавшійся каждый праздникъ. Чѣмъ и какъ добывалъ онъ средства къ существованію,—оставалось его тайной; но очевидно было, что жилъ онъ впроголодь и пилъ, что называется, съ горя: объ этомъ свидѣтельствовали его угрюмый, подчасъ даже убитый видъ и тѣ невозможныя лохмотья, которыя онъ носилъ.

У Бодрякова было двое дѣтей и кроткая, безотвѣтная (въ трезвомъ видѣ) жена съ чахоточнымъ лицомъ и грустными, часто заплаканными глазами. Въ будни она вѣчно что-то шила, зарабатывая жалкіе гроши, а по воскресеньямъ ходила къ кумѣ, жившей по той-же лѣстницѣ, и возвращалась оттуда очень веселой. Когда мужъ ея бывалъ трезвъ, онъ заботливо, даже нѣжно относился и къ ней, и къ дѣтямъ, особенно къ старшей дѣвочкѣ, Леночкѣ, которой шелъ тринадцатый годъ и которая удивительно напоминала мать.

По вечерамъ, въ началѣ,—пока Бодряковъ не дошелъ еще до лохмотьевъ,—онъ очень усердно занимался съ ней и все мечталъ о благодѣтелѣ, который помѣститъ его дѣвчурку въ гимназію. Эти мечты имѣли, впрочемъ, нѣкоторую реальную почву, потому что у жены его,—нѣкогда кончившей институтъ съ шифромъ,—были въ Петербургѣ кой-какіе состоятельные знакомые. Но знакомые, побывавъ въ семьѣ Бодряковыхъ, какъ водится, очень скоро причислили эту семью къ категоріи «погибшихъ» и перестали думать о ней. Тогда Бодряковъ впалъ въ отчаянье, окончательно опустился и не рѣдко говорилъ женѣ: «Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше—скорѣе издохну!.. Вотъ жаль только тебя, Наташа, да дѣтей, а то нашелъ-бы я средство покончить съ гнуснымъ существованіемъ!..»

И теперь, когда опредѣленныхъ надеждъ ни у кого почти не было (Бодряковъ иногда всетаки мечталъ о лучшемъ будущемъ) и семья жила изо дня въ день, думая только о хлѣбѣ насущномъ да о воскресныхъ выпивкахъ, вечернія занятія съ Леночкой становились все рѣже и рѣже. Но Бодряковъ все-же, по прежнему, жалѣлъ и даже грустилъ о судьбѣ своей дѣвчурки, и часто можно было видѣть слезы на его глазахъ, когда, сидя на деревянномъ табуретѣ, у печки, онъ гладилъ ея милую головку и слушалъ ея плавное, удивительно толковое чтеніе.

Не то бывало, когда поручикъ въ отставкѣ возвращался домой пьянымъ. Тогда онъ тоже гладилъ дѣвочку по головкѣ, но дѣлалъ это, подмигивая: «Дай только подрости!—говорилъ

онъ женѣ.—Славный будетъ кусочекъ! Смотри и теперь ужъ станъ какой! А глаза-то глаза!.. Нѣтъ, Наташа, нѣтъ другъ милый, не пропадемъ мы съ тобой—и на нашей улицѣ будетъ праздникъ!..»

И когда Наталья Ивановна усовѣщивала супруга, онъ бѣжалъ въ кухню, приводилъ оттуда уже совсѣмъ почти слѣпую нищенку, занимавшую у нихъ уголъ за полтора рубля въ мѣсяцъ, и говорилъ, похлопывая ее по плечу:

— Ну, смотри, Мироновна, смотри на мою дѣвчурку, старушка Божія! Ты, вѣдь, въ свое время тоже не мало погуляла съ нашимъ братомъ—офицерами и знаешь, небось, толкъ въ этихъ вещахъ—смотри! Чѣмъ не вышла! Ну, какъ полагаешь, годика эдакъ черезъ три, прокормитъ она стариковъ - родителей, ась?..

На это Мироновна, желавшая «соблюсти политику» и сохранить хорошія отношенія съ Натальей Ивановной, обыкновенно отвѣчала:

— Батюшка, да мнѣ-то ужъ восьмой десяточекъ пошелъ... Я ужъ, признаться, и забыла, какіе и офицеры-то бываютъ, а не то, чтобы судьей быть въ эдакомъ дѣлѣ...

— Врешь, чортова кукла, врешь! Не виляй, а говори прямо,—кричалъ Бодряковъ, въ пьяномъ видѣ отличавшійся способностью къ быстрой смѣнѣ настроеній.

— Что жъ грѣха таить,—смиренно отвѣчала старушка,—Леночка растетъ красавицей, и ежели хорошій человѣкъ попадется, то, конечно, отъ ей обиды родителямъ не будетъ...

— То-то-же! Вотъ про это самое и я говорю...

А на слѣдующій день, когда жена со слезами укоряла Бодрякова за неприличные разговоры въ присутствіи дочери, онъ долго не хотѣлъ вѣрить, что могъ сказать «подобную гнусность», и давалъ честное слово быть сдержаннымъ при дѣтяхъ. Но, спустя нѣсколько дней, повторялась та-же исторія.

Лярову открыла дверь старушка-нищенка и на его вопросъ, дома-ли Евгенія Александровна, отвѣчала не сразу, а сначала долго и внимательно осматривала его:

— Онѣ ушедши, а мамаша ихъ дома.

— Все равно, я зайду.

— Что жъ, конечно, ежели по дѣлу...— усмѣхнувшись, отозвалась нищенка...

Въ это время дверь открылась, и въ передней появилась маленькая старушка, лѣтъ пятидесяти. Она тоже внимательно осмотрѣла Лярова.

— Вы, ежели не ошибаюсь, справлялись о моей дочери?—спросила она, и Лярову показалось, что въ ея голосѣ послышалась подозрительная нотка.

— Да, мнѣ нужно-бы повидать Евгенію Александровну по одному дѣлу.

— По какому, если позволите спросить?

Ляровъ объяснилъ.

— Такъ вы говорите, что встрѣтили Женю у художника Силачева?—переспросила она.—Какъ его имя и отчество и когда вы встрѣтили у него мою дочь?

И она вновь подозрительно, почти враждебно осмотрѣла Лярова.

— Это было сегодня, часа три тому назадъ.

— Сегодня? Да, сегодня она точно позировала у Силачева... И затѣмъ, помолчавъ, многозначительно прибавила:

— Долгомъ считаю предупредить васъ, что дочь моя ищетъ именно только работы и ничего другого...

— Я затѣмъ и зашелъ, чтобы предложить работу.

— А, въ такомъ случаѣ,—пожалуйте! Она сейчасъ должна придти съ урока отъ генеральши Митворсъ. Вотъ газета. Но позвольте, прежде всего, узнать, съ кѣмъ имѣю удовольствіе бесѣдовать?

Ляровъ назвалъ свою фамилію, а старушка, въ свою очередь, отчеканила съ чувствомъ собственнаго достоинства:

— Мареа Игнатьевна Шамаева, вдова коллежскаго совѣтника.

Ляровъ внимательно оглядѣлъ старушку и былъ пріятно удивленъ ея опрятнымъ видомъ и добродушнымъ выраженіемъ лица, какъ-то вовсе не гармонировавшимъ съ подозрительностью ея тона. Комната тоже была очень опрятная и отличалась уютностью. Въ углу, надъ этажеркой, у образовъ, теплилась лампадка, и круглый столъ былъ покрытъ вполнѣ приличной скатертью; на столѣ лежалъ альбомъ съ фотографическими карточками, а въ углу, у окна, былъ стеклянный шкафчикъ съ аккуратно-разставленными фарфоровыми бездѣлушками—въ видѣ незатѣйливыхъ фигурокъ, чашекъ и пасхальныхъ яичекъ. Такіе шкафчики въ Петербургѣ теперь большая рѣдкость, но въ провинціи ихъ еще довольно много, и они обыкновенно свидѣтельствуютъ о патріархальной наивности и добродушіи хозяевъ.

Дверь сосѣдней комнаты была полуоткрыта, и оттуда доносился шопотъ дѣтскихъ голосовъ. Мареа Игнатьевна тотчасъ-же закрыла ее, усѣлась противъ Лярова въ кресло, взяла въ руки какое-то вязаніе и, вздохнувъ, стала работать. Ляровъ, чтобы не стѣснять ее, сдѣлалъ видъ, что читаетъ газету.

Минутъ черезъ пять раздался звонокъ, и Мареа Игнатьевна сказала:

— Это Женя—я узнаю ея звонокъ!

Вслѣдъ за тѣмъ изъ передней послышался веселый голосъ дѣвушки:

— Мамочка, поздравь съ удачей: мнѣ заплатили за мѣсяцъ впередъ!

Очевидно, она не знала, что у нихъ посторонній, и вбѣжала въ комнату, какъ была—въ пальто и шапочкѣ. Она раскраснѣлась отъ быстрой ходьбы, и лицо ея такъ и сіяло радостью. Теперь не было и тѣни того грустнаго выраженія въ ея глазахъ, которое обратило вниманіе и Силачева, и Лярова.

Онъ подумалъ: «Она, должно быть, очень нервная дѣвушка: только нервные люди способны такъ мѣняться подъ впечатлѣніемъ минуты...»

Замѣтивъ гостя, дѣвушка вдругъ замолкла и сконфузилась. И тогда глаза ея опять приняли знакомое ему, грустное выраженіе.

Ляровъ раскланялся и назвалъ свою фамилію. Дѣвушка, очевидно, не сразу узнала его и вопросительно взглянула на мать. Тогда Марѳа Игнатьевна пояснила:

— Это, Женечка, тотъ господинъ, котораго ты встрѣтила сегодня у художника Силачева. Онъ хочетъ предложить тебѣ работу.

— О, я буду вамъ очень благодарна, если вы доставите мнѣ что нибудь подходящее! Но, я должна предупредить, что не кончила никакого учебнаго заведенія и... у меня нѣтъ даже свидѣтельства домашней учительницы...

Говоря это, она покраснѣла и мелькомъ взглянула на гостя, чтобы увидѣть, какое впечатлѣніе произвело на него ея сообщеніе.

Ляровъ замѣтилъ этотъ взглядъ и, улыбнувшись, сказалъ:

— Ну, это не бѣда, потому что пока я могу предложить только переписку.

— Я согласна!—радостно сказала Женя, и затѣмъ спросила:—Когда я смогу получить эту работу?

— Я принесъ съ собой рукопись.

— О, какъ я вамъ благодарна!

Марѳа Игнатьевна, въ свою очередь, тоже стала благодарить. Ляровъ посидѣлъ съ четверть часа, разспрашивая о томъ, какого рода занятія подошли-бы Женечкѣ, и, уходя, обѣщалъ при случаѣ доставить ей урокъ. Когда онъ былъ уже въ передней, Марѳа Игнатьевна остановила его:

— Простите, я всетаки еще не знаю, съ кѣмъ имѣла удовольствіе бесѣдовать? Вы, должно быть, писатель?

— А деньги когда будутъ уплочены?—спросила Женечка.

Ляровъ подумалъ: «обстоятельныя дамы»!.. и, сообщивъ требуемыя свѣдѣнія, ушелъ домой, унося странное и довольно неопредѣленное впечатлѣніе о новыхъ своихъ знакомыхъ. Не-

ожиданный вопросъ Женечки о деньгахъ какъ то очень плохо вязался съ ея наивной застѣнчивостью и сразу поставилъ Лярова въ тупикъ. Но потомъ онъ подумалъ, что, должно быть, наученная горькимъ опытомъ, она считаетъ излишнюю довѣрчивость—вещью не вполнѣ удобной, и вотъ поэтому-то и задала свой вопросъ...

VII.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней Ляровъ и не пытался приниматься за работу, чувствуя, что ничего изъ этого не выйдетъ. Но теперь онъ уже не такъ часто томился сознаніемъ своего безсилія, а, напротивъ, временами былъ даже довольно спокоенъ, вспоминая слова художника о томъ, что работать должно лишь тогда, когда ощущаешь къ тому непреодолимое влеченіе. О, если бы только средства позволяли ему слѣдовать этому совѣту!..

Впрочемъ, вопросъ о необходимости работать изъ-за куска хлѣба при всякихъ настроеніяхъ теперь не особенно интересовалъ его. Теперь онъ ходилъ по комнатѣ и думалъ о Женечкѣ. Онъ думалъ о томъ, что необходимо помочь этой дѣвушкѣ выйти изъ тяжелаго положенія, въ которомъ она находилась, и спасти ее отъ надвигающейся нищеты. Да, очевидно, Шамаевы очень и очень нуждаются и не долго сохранятъ ту скромную, но приличную обстановку, которая должна напоминать имъ о лучшихъ временахъ...

Но какъ помочь? Вѣдь настоящая-то работница одна, а ртовъ много. Переписка? Но переписка даетъ гроши... Служить-же «натурщицей въ костюмѣ»—профессія, по увѣренію Силачева, очень невѣрная, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ требуются натурщицы на всѣ руки — въ костюмахъ и безъ всякихъ костюмовъ.

Но мысль о томъ, что, въ концѣ концовъ, Женечка можетъ сдѣлаться такой натурщицей, почему то возмущала его и казалась даже отвратительной. «Нѣтъ, нѣтъ!—думалъ онъ, энергично шагая по комнатѣ,—ни за что! Это доставило бы ей слишкомъ много страданій!..»

И онъ сталъ размышлять о томъ, какъ бы пристроить дѣвушку къ хорошему, «скромному дѣлу» и вывести ее на дорогу. А то, вѣдь, при ея хорошенькомъ личикѣ и, главное, при той чисто-дѣтской наивности, которой она отличалась, долго-ли погибнуть!..

Въ это время скрипнула дверь, и въ комнату вошелъ коридорный—Николай. Волосы его были всклокочены, глаза заспаны, и онъ вообще имѣлъ совсѣмъ необычайный, растерянный видъ.

Онъ долго и сконфуженно топтался на мѣстѣ и, наконецъ, глядя куда-то въ сторону, сказалъ:

— А я къ вамъ, Петра Ивановичъ, по дѣлу... Вы, сказываютъ, законы изучили и всѣ права знаете...

— Ну, положимъ, въ чемъ же дѣло?

— Скажите, сдѣлайте милость, есть такой законъ, чтобы съ чужимъ женамъ баловать?

— Что то не припоминаю такого закона, — смѣясь, отвѣчалъ Ляровъ.

— Очень просто, такого закона вовсе и нѣтъ! Жена, напримѣръ, да боится мужа — вотъ какой законъ есть! Это и попъ въ церкви читаетъ... Какъ-же мнѣ таперича быть-то, ежели хозяйскій сынокъ къ ей пристаетъ? Посовѣтуйте, сдѣлайте милость!..

— Къ кому пристаетъ, къ вашей женѣ?

— Такъ точно!

— Да, вѣдь, она всего нѣсколько дней, какъ изъ деревни пріѣхала. Когда это онъ успѣлъ?..

— Долго-ли! Позвольте вамъ доложить, какъ дѣло было... Жена моя, можно сказать, — раскрасавица, кровь съ молокомъ, ягода! Ну, вотъ, хорошо... Какъ я въ четвергъ, значитъ, былъ имянинникъ—ради андела выпилъ рюмочку и прилегъ за перегородкой вздремнуть. А Маланьѣ-то своей говорю: «Ежели господамъ, говорю, что понадобится, станутъ звонить, такъ ты, говорю, разбуди меня... — Ладно, молъ, будь благонадеженъ, — за тебя все справлю, говоритъ, я у господина станового два года выслужила и это дѣло знаю... «Ну, думаю, не жена,—а кладъ! При ей думаю и отдохнуть можно будетъ!..» Легъ. Снится деревня, поля — однимъ словомъ сказать — заснулъ настоящимъ образомъ, что грѣха таить! Просыпаюсь, — Маланьи нѣтъ. «Что за притча?» — думаю... Только слышу говоръ. «Да, вѣдь, это, смекаю, у нашего-то ледыря, у хозяйскаго сынка!» Подошелъ къ двери. Слышу Маланьинъ голосъ: вначалѣ быдто сердитый, а потомъ ничаво—смѣется, да такъ задорно! Я сичасъ—дверь настежъ и жену оттедова за косы!..

— Вотъ что, Николай, вы не такъ поступили, какъ слѣдовало,—сказалъ Ляровъ, которому отъ души стало жаль бѣднаго парня, стоявшаго передъ нимъ въ растерянной позѣ.— Битьемъ горю не поможешь... Вы-бы попробовали какъ-нибудь добромъ. Она—деревенская женщина, а этотъ вашъ хозяйскій сынокъ, очевидно, большой нахалъ. Вы вотъ лучше толкомъ порасспросите ее, какъ это случилось, да объясните, какъ вести себя...

— Позвольте вамъ доложить, Петръ Ивановичъ, я объяснялъ: «Ты, говорю, ежели испужалась, такъ, говорю, не смѣш-

жомъ должна отвѣчать, а крикнуть караулъ, да на весь домъ! Тогда я сичасъ за господиномъ околодочнымъ: разъ-два протоколъ—готово! А ты, говорю, смѣшкомъ подзадорила яво!» «Да какъ-же, говоритъ, мнѣ не смѣяться, ежели онъ, песъ эдакій, щекотитъ!..» Бабу развѣ переспоришь! А я такъ полагаю, Петръ—Ивановичъ, немного помолчавъ, продолжалъ Николай,—не иначе—протоколъ придется составить... Я—человѣкъ служащій, подневольный, меня пошлютъ куда,—я и долженъ бѣжать, а онъ въ это время, между прочимъ, станетъ къ ей приставать съ глупостями да гостинцы подносить. Я полагаю, безпремѣнно протоколъ!

— Полноте, какой протоколъ! Жена ваша смѣялась и, стало-быть, не считала себя обиженной.

— Вотъ въ томъ-то и горе мое! — вздохнувъ, промолвилъ Николай.—Эхъ, кабы у меня настоящее-то крестьянство! Кажись, и ноги моей въ окаянномъ Питерѣ не было-бы! Долго-ли тутъ избаловаться, не то что бабѣ, а и нашему брату—мужику!

— Да, вѣдь, земля-то у васъ есть?

— Есть, одна душа... Да вѣдь не выработаешь на ей и податей-то, а не то, чтобы прокормиться! Мы новгородскіе—земля у насъ дикая...

И, безнадежно махнувъ рукой, онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

А Ляровъ долго ходилъ изъ угла въ уголъ, чувствуя, что на душѣ у него опять тоска и слякоть.

Во всѣ послѣдующіе дни Ляровъ чувствовалъ себя очень плохо и не могъ работать, находя тысячи недостатковъ въ рукописи, отданной Женечкѣ въ переписку. Тотъ самый разсказъ, который нѣсколько дней тому назадъ казался ему совсѣмъ удачнымъ и по формѣ, и по содержанію, теперь вызывалъ въ немъ чувство недовольства и даже озлобленія. Какъ могъ онъ, въ своемъ стремленіи быть объективнымъ, такъ неясно, такъ расплывчато изобразить своего героя! Да ему, чего добраго, навяжутъ еще симпатіи къ этому господину... Нѣтъ, онъ ни за что не напечатаетъ въ такомъ видѣ своей рукописи! Не напечатаетъ, не смотря на одобреніе редактора, находившаго ее наиболѣе удачной изо всего написаннаго имъ. Что это за творчество, дающее поводъ къ недоумѣніямъ! Творчество должно отличаться опредѣленностью мысли, отчетливостью рисунка и ни въ какомъ случаѣ не должно подавать повода къ смутнымъ толкованіямъ!.. «А это Богъ знаетъ что!—волнуясь и негодуя, думалъ онъ.—Это какая-то сплошная профанація искусства!..» Но, главное, его мучила неопредѣленность основной мысли, которая могла произвести впечатлѣніе какого-то «недостойнаго виляния...» Нѣтъ, его разсказъ

никуда не годится и его надо уничтожить или, еще лучше, сохранить для собственнаго назиданія.

Съ этой цѣлью онъ отправился къ Шамаевымъ, краснѣя при мысли, что Женечка, переписывая его рукопись, могла составить себѣ о немъ крайне нелестное мнѣніе.

VIII.

У Шамаевыхъ ему пришлось долго звонить. Въ передней слышны были смѣшанные мужскіе и женскіе голоса. О чемъ-то спорили, кого-то увѣщевали. Наконецъ, дверь тихонько пріотворилась, и въ щелку на Лярова выглянула всклокоченная голова поручика Бодрякова.

По случаю праздника, на немъ была надѣта довольно опрятная вышитая рубашка и рыжій, поношенный пиджакъ. Поручикъ былъ замѣтно навеселѣ.

— Кого или чего вамъ угодно?—спросилъ онъ, саркастически глядя на Лярова.

И когда узналъ, что тотъ пришелъ по дѣлу къ Шамаевымъ, то, не впуская его въ переднюю, продолжалъ допросъ:

— Ваша фамилія и цѣль вашего посѣщенія?

— Ну, я полагаю, вамъ совершенно излишне знать это!— отвѣчалъ Ляровъ, раздосадованный нахальнымъ тономъ поручика.

— Вы такъ полагаете? Напрасно-съ! Если-бы мнѣ, милостивый государь, было-бы излишне это знать, то, повѣрьте, я не сталъ-бы разспрашивать васъ объ этомъ... Мнѣ поручено многоуважаемой моей жилицей,—вдовой коллежскаго совѣтника госпожей Шамаевой, не впускать никого иначе, какъ только прозондировавъ основательно почву... Послѣ публикаціи, помѣщенной въ газетахъ, появилось не мало всякаго народа и, смѣю васъ увѣрить словомъ русскаго офицера, что многіе изъ посѣтителей предлагали не только работу, о которой просили въ публикаціи, но и кой-что другое, весьма оскорбительное для чести порядочныхъ женщинъ. Теперь, надѣюсь, вамъ ясно стало, почему я любопытствую?

Всю эту тираду Бодряковъ, не смотря на свое состояніе, произнесъ твердымъ тономъ и очень гладко,—съ видомъ человѣка, уже не разъ повторявшаго одно и тоже.

— Я раньше былъ у госпожи Шамаевой и доставилъ работу ея дочери,—сказалъ Ляровъ, слегка отстраняя поручика и входя въ переднюю.

— Что это, насиліе?!—грозно наступая, спросилъ Бодряковъ.

Но въ это время изъ сосѣдней комнаты вылетѣла его жена и, взявъ его за рукавъ, стала оттаскивать отъ двери.

— Иди спать, безстыдникъ, скандалистъ—не то позову полицію!

Она, видимо, была тоже выпивши, и глаза ея сверкали энергіей и негодованіемъ.

Поручикъ круто повернулся къ ней, но, когда она еще разъ упомянула о полиціи, то онъ вдругъ весь какъ-то съежился и послушно, безропотно послѣдовалъ за ней.

Тогда, кряхтя, слѣзла съ печки нищенка и, зѣвая и крестя ротъ, прошамкала:

— Васъ, господинъ, Евгенія Александровна велѣли впустить. «Ежели, говоритъ, этотъ чернявый съ усикамъ объявится, то можетъ, въ случаѣ чего, подождать»... А теперь, между прочимъ, ни ихъ, ни ихней мамаши дома нѣту — одни дѣти. Угодно подождать — подождите, потому мамаша скоро придти должны...

— Я подожду,—сказалъ Ляровъ, раздѣваясь и входя въ комнату.

Его встрѣтила дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, блѣдная и худая.

— Садитесь, пожалуйста, — сказала она, подвигая ему стулъ, и тотчасъ же ушла въ сосѣднюю комнату.

Столъ былъ накрытъ опрятной скатертью, и на немъ было три прибора, графинъ съ водой и краюха хлѣба. Въ комнатѣ горѣла одна маленькая лампочка и тускло освѣщала ее. Было такъ холодно, что Ляровъ сразу почувствовалъ это, не смотря на то, что пришелъ со двора. Ощупавъ печь, онъ убѣдился, что она сегодня не топлена. «Неужели до того уже дошло», подумалъ онъ, и рѣшилъ поговорить съ дѣвочкой, сестрой Жени. Когда на его стукъ въ дверь она вышла, онъ спросилъ:

— Скажите, есть-ли у васъ дрова? Очень ужъ здѣсь холодно и, видно, сегодня не топлено.

— Вчера дрова вышли, но мама сказала, что скоро будутъ.

— Вы учитесь гдѣ-нибудь?—спросилъ Ляровъ, взглянувъ на умные глаза дѣвочки.

— Да, я кончила двухклассное городское училище...

— Вы хорошо учились?

— Очень недурно.

— Хотѣли-бы продолжать?

— Да, но, при нашихъ средствахъ, это невозможно, и придется, вѣроятно, поступить въ портнихи, хоть мама и слышать объ этомъ не хочетъ...

И разговоръ продолжался въ такомъ же духѣ, причемъ дѣвочка отвѣчала, какъ взрослая—удивительно толково и обдуманно. Оказалось, что она занимается съ семилѣтнимъ братомъ, который уже порядочно читаетъ и знаетъ цифры, а въ свободное отъ занятій время помогаетъ матери вышивать

мѣтки на бѣльѣ. Вообще, по всему видно было, что эта блѣдная и худенькая дѣвочка рано узнала нужду и вполнѣ сознательно относилась къ положенію семьи.

Прошло добрыхъ полчаса, а госпожи Шамаевой все еще не было. Семилѣтній Митя уже два раза категорически заявлялъ, что онъ хочетъ ѣсть и «больше выдержать не можетъ», на что сестра его отвѣчала: «Потерпи немного! Слава Богу, ѣлъ ужъ сегодня...» Но такъ какъ не предвидѣлось конца этимъ ожиданіямъ, то Митя вскорѣ заплакалъ.

Тогда дѣвочка, краснѣя, отрѣзала ломоть хлѣба, круто посолила его и снесла брату: «Ахъ какой, право, словно маленькій!..»

Почти вслѣдъ затѣмъ задребезжалъ звонокъ, и въ комнату вошла Марѳа Игнатьевна. Поздоровавшись съ Ляровымъ, она сказала:

— Очень рада, что вы пришли! Ваша тетрадка уже переписана. Женя почти всю ночь сидѣла, чтобы кончить ее. Вы дождетесь ее, неправда-ли? Она сейчасъ должна придти. Я заходила за ней къ художнику часъ тому назадъ. У нихъ сегодня, вѣроятно, послѣдній сеансъ, и потому она опоздала къ обѣду... Вы, вѣдь, можете подождать?

— Да, конечно...

— Пожалуйста! У насъ теперь маленькій дровяной кризисъ и на завтра надо будетъ непремѣнно купить дровъ—холодно стало!.. А, знаете, съ вашей легкой руки Женечкѣ обѣщана переписка на очень хорошихъ условіяхъ. Одинъ господинъ вчера заходилъ и долженъ принести стихи какіе-то на французскомъ языкѣ. Женечка вѣдь прекрасно владѣетъ французскимъ языкомъ!.. Да что это я васъ все только одними разговорами занимаю и не предложу стакана кофею! Сонечка, будь хозяйкой и поскорѣе приготовь намъ кофейку — пока что...

Ляровъ сталъ отказываться, но старушка такъ добродушно настаивала, что онъ, въ концѣ концовъ, долженъ былъ согласиться. Вообще, теперь она была неузнаваема, въ обращеніи ея не было и тѣни подозрительности, которая сразу такъ непріятно поразила Лярова, и онъ основательно предположилъ, что эта перемѣна произошла, вслѣдствіе отзывовъ о немъ Силачева.

Вскорѣ пришла и Женя. Она была очень блѣдна, и видъ у нея былъ совершенно усталый. Здороваясь съ ней, Ляровъ невольно спросилъ:

— Зачѣмъ вы такъ спѣшили съ перепиской? Матушка ваша сообщила мнѣ, что вы даже и ночью работали...

Но, сказавъ это, онъ вспомнилъ разговоръ о дровахъ и тотчасъ же почувствовалъ, что задалъ ни съ чѣмъ несообраз-

ный вопросъ. И ему стало совѣстно, что онъ, имѣя нѣсколько рублей въ карманѣ, не догадался предложить ихъ дѣвушкѣ въ видѣ аванса.

— Да, я проработала почти всю ночь, — сказала Женя, присаживаясь къ столу.—Мнѣ очень непріятно, что Иванъ Ивановичъ былъ недоволенъ моимъ цвѣтомъ лица. Онъ даже предупредилъ меня, чтобы я хорошо выспалась передъ сеансомъ, потому что это очень неудобно для художника. Но, что-жъ, надо было кончить, и я не могла. Онъ много передѣлывалъ сегодня...

— Что-же, кончили или еще будешь позировать?—спросила старушка.

— Нѣтъ, кончили.

Марѳа Игнатьевна вздохнула и промолвила:

— Не хорошо выходитъ...

— Почему? Вѣдь я, вотъ, сегодня получу за переписку, а тамъ дастъ Богъ Иванъ Ивановичъ рекомендуетъ меня товарищамъ... Не стоитъ унывать, мамочка!

— Охъ, и рада бы не унывать, да трудно намъ будетъ: ты, вѣдь, уже получила за урокъ сполна восемь рублей за этотъ мѣсяцъ... А мои заработки—сама знаешь, приносятъ гроши. Вотъ развѣ стихи французскіе возьмешься переписывать?

И Марѳа Игнатьевна вопросительно взглянула на дочь.

— Ни за что!

— Но почему-же?

— Ты знаешь, мамочка, почему...

— Ахъ, Женечка, Женечка! Не приходится намъ, бѣднымъ людямъ, такъ ужъ разбирать, право! Не симпатичный—ну, и Богъ съ нимъ, тебѣ не дѣтей съ нимъ крестить!

— Ни за что!—повторила дѣвушка. Въ глазахъ ея и въ тонѣ было столько рѣшимости, что Марѳа Игнатьевна не стала настаивать, а только съ тревогой и сокрушеніемъ промолвила:

— Ахъ, Боже мой, какъ это не хорошо выходитъ! Я была увѣрена, что ты согласишься, и написала ему, чтобы онъ зашелъ сегодня. Что мнѣ теперь дѣлать!

— Прямо скажи ему, что я нашла другую работу и не нуждаюсь въ его стихахъ. Онъ нехорошій человѣкъ, и я не хочу даже видѣть его!

Въ это время раздался стукъ въ дверь, и Марѳа Игнатьевна съ испугомъ прошептала:

— Господи, да не онъ ли уже?! Но какъ это звонка не было слышно? Войдите!..

Въ комнату вошелъ господинъ маленькаго роста, совершенно плѣшивый и съ моноклемъ въ глазу. Онъ былъ въ щегольской пиджачной парѣ и ярко-красномъ, модномъ галстухѣ,

носилъ виртуозно завитые, пушистые усы и кокетливые «височки», имѣлъ утомленный, почти разслабленный видъ и какую то совершенно развинченную, дрожащую походку. При взглядѣ на его тщедушную фигурку, на этотъ обнаженный черепъ и на множество крупныхъ морщинъ, которыми былъ украшенъ его лобъ, казалось, что ничего въ мірѣ не можетъ уже интересовать этого тридцатилѣтняго старичка.

Сдѣлавъ общій—легкій, но очень граціозный поклонъ, онъ съ улыбкой направился къ совершенно растерявшейся Женечкѣ.

— Очень радъ, mademoiselle Жени, что засталъ васъ дома!—картавя и растягивая слова, началъ онъ, развязно усѣвшись возлѣ дѣвушки.— Мило, очень мило съ вашей стороны! Вы, очевидно, поджидали меня, потому что вашъ поручикъ сидѣлъ на лѣстницѣ и на этотъ разъ il était bien gentil avec moi, право!.. Ну-съ, такъ вотъ, для перваго раза, тетрадка стихотвореній. Она принадлежитъ перу одного... ну, скажемъ, одного моего пріятеля (все это онъ произнесъ такъ, что ясно было, что только скромность удерживаетъ его назвать имя настоящаго автора), пріятеля, который пріобрѣлъ уже въ своемъ кругу репутацію талантливаго лирика. Озаглавлены стихотворенія (почему? que sais je!) общимъ именемъ «Les hirondelles...» Если вы, mademoiselle Жени, захотите ихъ вписать вотъ въ этотъ альбомъ, то получите за листъ по пяти рублей и, кромѣ того, еще маленькій сюрпризъ, который, надѣюсь, очень понравится вамъ... Ну что, идетъ?

Во всей фигурѣ этого денди было столько самоувѣренности и апломба, что Ляровъ, прожившій два года въ Парижѣ, невольно улыбнулся и подумалъ: «Тренировка положительно не дурна, и онъ близокъ къ оригиналу...»

Между тѣмъ дѣвушка, вначалѣ, видимо, совершенно растерявшаяся, вдругъ поднялась съ мѣста, вся негодующая, съ глазами полными гнѣва и ненависти:

— Я не нуждаюсь не только въ вашихъ сюрпризахъ, но и въ вашей работѣ!—почти истерически крикнула она и выбѣжала изъ комнаты.

Денди тоже поднялся со стула, имѣя при этомъ слегка растерянный видъ. Но это состояніе продолжалось очень не долго и, оправившись, онъ проговорилъ своимъ противно картавымъ голосомъ:

— Не понимаю, рѣшительно не понимаю! Тутъ, очевидно, кроется какое-то недоразумѣніе!.. Ну, что же такого, что я рѣшился предложить за хорошій трудъ m-lle Жени маленькій сюрпризъ? Вѣдь это въ порядкѣ вещей! Хорошая работа должна поощряться—voilà tout! И, увѣряю васъ, тутъ нѣтъ ничего обиднаго, и m-lle Жени совершенно напрасно придала

иной смыслъ моимъ словамъ... Вѣдь, вотъ, и чиновниковъ за усердіе награждаютъ на праздникахъ, и никто не обижается, никто не протестуетъ,а, напротивъ, всѣ благодарны, всѣ добиваются этого!.. А прежде, въ старину, такъ прямо давали «на гуся». Да, да! вы думаете я шучу?—силясь улыбнуться, продолжалъ онъ.—Представьте тебѣ этакаго убѣленнаго сѣдиной дѣйствительнаго статскаго совѣтника и вдругъ—«на гуся»!..

— Да, но, знаете,—здѣсь совсѣмъ другое дѣло... — проговорила Мароа Игнатьевна, сбитая съ толку шутливымъ тономъ гостя.

— Уходите, сію-же минуту уходите!—крикнула Женя изъ сосѣдней комнаты.

— Но, m-lle Жени, увѣряю васъ,—намъ необходимо объясниться!..

Тогда Ляровъ очень краснорѣчиво взглянулъ на него:

— Вы слышали, кажется!

— Ну-да, но, вѣдь, поймите, что мнѣ необходимо объясниться и, если потребуется, то, пожалуй, даже извиниться...

— Убирайтесь вонъ!—выйдя изъ себя, крикнулъ Ляровъ, которому вдругъ стала страшно противна вся шутовская фигура этого кретина.

Тогда тотъ, съ проворствомъ, котораго никакъ нельзя было отъ него ожидать, выскочилъ въ переднюю, на ходу накинувъ шинель и, выйдя на лѣстницу, визгливо крикнулъ:

— Мы еще, милостивый государь, съ вами поговоримъ!

— Зачѣмъ вы съ нимъ такъ рѣзко поступили?—съ испугомъ воскликнула окончательно растерявшаяся Мароа Игнатьевна.

— Напротивъ, я очень благодарна, что мнѣ помогли избавиться отъ этого господина. Вѣдь онъ, мамочка, ужасный негодяй, развѣ ты не видишь!

— Но онъ обидѣлся, Женечка, онъ можетъ поднять исторію!..

— Ахъ, мамочка, мамочка! Зачѣмъ ты велѣла ему придти? Ты видѣла, какъ онъ вчера обращался со мной, какимъ тономъ говорилъ! Что же мнѣ послѣ этого оставалось дѣлать!—все больше и больше волнуясь, продолжала дѣвушка. — Ты, вѣдь, знаешь, что въ теченіе двухъ недѣль, со времени нашей публикаціи, являлось нѣсколько вотъ такихъ господъ и почти каждый унижалъ и оскорблялъ меня. Вѣдь я не каменная, мамочка, я больше выносить не могу!

И, дрожа какъ въ лихорадкѣ, она вдругъ истерически разрыдалась:

— Господи, когда же конецъ этому позору!..

Ляровъ употребилъ всѣ усилія, чтобы успокоить дѣвушку, которая вдругъ выросла въ его глазахъ. Онъ никакъ не пред-

полагалъ, что она способна на такой энергическій протестъ и, главное, что можетъ такъ глубоко чувствовать всю неприглядность своего положенія.

Женечка долго не могла придти въ себя, но, въ концѣ-концовъ, всетаки успокоилась. И не мудрено! Онъ говорилъ о лучшихъ временахъ съ такой увѣренностью, такъ горячо, что увѣренность эта невольно передалась и дѣвушкѣ. Да, онъ вѣрилъ, искренно вѣрилъ, что все можно измѣнить, и думалъ, что на немъ лежитъ «нравственная обязанность» употребить всѣ усилія, чтобы какъ нибудь помочь несчастной семьѣ, поставленной въ такія тяжелыя условія и еще силившейся «удержаться на прежней высотѣ», еще не успѣвшей примириться съ мыслью о томъ, что «бѣдный человѣкъ долженъ все выносить»...

«Помочь, но чѣмъ и какъ помочь?»—вновь задалъ онъ себѣ тотъ же вопросъ. Чтожъ, въ крайнемъ случаѣ онъ приметъ репортерскія обязанности, которыя ему уже давно предлагаетъ редакторъ одной газеты, поступитъ на службу или займется адвокатурой... Но тогда—прощай мечты о литературной дѣятельности, которую, не смотря ни на что, онъ всетаки такъ горячо, такъ мучительно любитъ!..

И ему вдругъ до слезъ стало жаль самого себя,—своихъ надеждъ, безкорыстныхъ мечтаній и напрасно потраченныхъ силъ. Нѣтъ, ни за что, ни за что онъ не согласится такъ малодушно сложить оружіе,—особенно теперь, когда ему необходимо призвать на помощь всю наличную энергію, чтобы выручить несчастную семью!.. И ему вдругъ вспомнилось милое лицо дѣвушки, все въ слезахъ, съ прекрасными негодующими глазами. «Завтра же предложу редактору свои услуги въ качествѣ репортера,—рѣшилъ онъ.—Тутъ не можетъ быть колебаній!»—но вслѣдъ за тѣмъ онъ почувствовалъ какую то неловкость, почти угрызенія совѣсти: его стала угнетать мысль о томъ, что рѣшеніе его является результатомъ чисто-эгоистическихъ побужденій. Вѣдь вотъ и раньше ему тоже приходилось сталкиваться съ очень нуждающимися людьми, но онъ обыкновенно ограничивался однимъ платоническимъ сожалѣніемъ, что не въ силахъ помочь бѣдѣ. Стало быть, теперь его горячее участіе къ семьѣ Шамаевыхъ объясняется крайне просто: понравилась Женечка, ея изящная фигурка, ея глазки—онъ растаялъ и вотъ откуда этотъ «альтруизмъ».

Однако, онъ скоро успокоился. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ упрекаетъ онъ себя? Онъ случайно познакомился съ семьей Шамаевой, имѣлъ возможность ближе присмотрѣться къ ней, узнать всю неприглядность ея положенія, и, естественно, ближе принялъ къ сердцу судьбу этой семьи—вотъ и все! Глупо ко-

наться въ своей душѣ и, тѣмъ болѣе, волноваться по поводу такихъ простыхъ и естественныхъ побужденій!..

Придя домой, Ляровъ засталъ у себя поэта Сусликова, который ждалъ его уже около часа. Онъ былъ очень мрачно настроенъ, по своему обыкновенію молча пожалъ пріятелю руку и, послѣ нѣкоторой паузы, промолвилъ:

— Дѣло дрянь!

Ляровъ взглянулъ на его лицо, и оно показалось ему сегодня какимъ-то ужъ очень жалкимъ, почти трагическимъ.

— Не хотите-ли чаю?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, тутъ, батенька, не до чаевъ!

— Что такъ, не пишется?

— Писалось-бы, не смотря даже на анаѳемскую погоду, да житья мнѣ дома нѣтъ!

— Въ чемъ же дѣло?

— Баба одолѣла!—угрюмо промолвилъ Сусликовъ.

— Какая баба?

— Да, знаете, та, что намъ открыла дверь, моя хозяйка. Она оказалась совсѣмъ не то, о чемъ я мечталъ и за что принялъ ее вначалѣ!.. Понимаете ли, грубая матерьялистка, способная цѣлыми часами бредить о выигрышѣ двухсотъ тысячъ (это при одномъ то выигрышномъ билетѣ!), а въ антрактахъ—цѣловаться... Позвольте! Вѣдь, я не лошадь и не могу такъ! Мнѣ и дѣломъ надо заняться, а, благодаря такому режиму, меня совсѣмъ покинуло вдохновеніе! Посмотрите, на кого я сталъ похожъ!..

— Вы, дѣйствительно, какъ-будто немного похудѣли, но особенной перемѣны я въ васъ не нахожу,—сказалъ Ляровъ, чтобы какъ нибудь успокоить Сусликова, отличавшагося крайней мнительностью. Но поэтъ былъ слишкомъ разстроенъ и отнесся скептически къ его словамъ.

— Вовсе не *немного похудѣлъ*, а страшно стянулся — за послѣдніе дни особенно! Меня не проведете: я сейчасъ по платью вижу...

Вслѣдъ затѣмъ, онъ погрузился въ томительное молчаніе, а потомъ сталъ вяло, больше по привычкѣ, вслухъ мечтать о тѣхъ недостающихъ ему «благопріятныхъ условіяхъ», при которыхъ онъ могъ бы удивить міръ своимъ перомъ. «Теперь же я никому ненужный и смѣшной неудачникъ, несчастная тряпка!»—въ заключеніе сказалъ онъ и, безнадежно махнувъ рукой, ушелъ, позабывъ даже проститься съ хозяиномъ.

На этотъ разъ жалкая фигура бѣднаго Сусликова не произвела на Ларова обычнаго, тяжелаго впечатлѣнія. Напротивъ, видъ этого угнетеннаго человѣка, казалось, подѣйство-

валъ на него ободряющимъ образомъ, словно бы онъ чувствовалъ инстинктивную потребность заставить себя веселѣй глядѣть на міръ Божій, изъ боязни опуститься, окончательно пасть духомъ и дойти до состоянія такой, вотъ, прострацiи... По уходѣ Сусликова, Ляровъ сталъ просматривать переписанную Женечкой рукопись. И хотя теперь она и не казалась ему такой ужъ никуда негодной, какъ въ эти послѣдніе дни, но онъ всетаки испытывалъ чувство глубокой неудовлетворенности. «Не то, совсѣмъ не то!»—думалъ онъ, перечитывая отдѣльныя мѣста своего разсказа.

— Нѣтъ въ немъ того, о чемъ говорилъ Силачевъ: нѣтъ гармоніи формы и содержанія, потому что нѣтъ непосредственности, нѣтъ сердца. Да, это вѣрно: идея должна зародиться въ умѣ и вылиться изъ сердца!..

Онъ долго ходилъ по комнатѣ, волнуясь какимъ то неопредѣленнымъ волненіемъ. Потомъ отыскалъ давно заброшенную, неоконченную рукопись и сталъ просматривать ее. Въ ней описывалась грустная исторія одного паденія... Онъ не кончилъ ее, потому что тогда не могъ вникнуть въ душу описываемаго (не смотря на то, что много и серьезно обдумывалъ свою повѣсть) и чувствовалъ, что краски его блѣдны и мертвенны. Но теперь знакомство съ Женечкой и ея семьей, казалось, открыло ему глаза; теперь онъ зналъ уже, что и какъ писать, и былъ увѣренъ, что найдетъ въ своемъ сердцѣ надлежащія краски.

Ляровъ проработалъ всю ночь, почти не отрываясь. Но онъ не копался уже въ собственной душѣ, не анализировалъ (какъ дѣлалъ это раньше) мимолетныхъ своихъ впечатлѣній, не путался въ сомнѣніяхъ и противорѣчіяхъ и не задавался мыслью о томъ, что должно преобладать въ его повѣсти, «идейность» или «объективное изложеніе». Вопросъ о «гармоніи» тоже почему то не занималъ его теперь. Но когда подъ утро онъ перечитывалъ написанное, то не испытывалъ уже мучительнаго чувства неудовлетворенности. Напротивъ онъ былъ доволенъ своей работой и ему казалось, что повѣсть его можетъ принести кому-нибудь пользу или, хотя-бы, нѣкоторое облегченіе: вѣдь мы, въ сущности, такъ мало знаемъ и почти совсѣмъ не интересуемся бѣднотой, не успѣвшей еще дойти до лохмотьевъ и потерять человѣческій образъ...

Владиміръ Новиковъ.

Великое сердце.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

(Продолженіе)

I.

Ранніе годы *).

Бѣлинскій родился въ 1810 году, въ только что присоединенной къ Россіи финляндской крѣпости Свеаборгъ, гдѣ въ то время находился на службѣ его отецъ Григорій Никифоровичъ, младшій лѣкарь флотскаго экипажа. Сынъ священника села *Бѣлыни*, Нижнеломовскаго уѣзда Пензенской губерніи, о. Никифора, Григорій Никифо-

---

*) Источниками для этого періода жизни Бѣлинскаго являются: 1) *Лажечниковъ, И. И.* Замѣтки для біографіи Бѣлинскаго. «Москов. Вѣст.» 1859 г. № 17, стр. 203—212; тоже въ «Моск. Вѣд.» 1859 г., № 134 и въ сочинен. Лажечникова, изд. Вольфа, Спб. 1884. т. XII. Статья вызвала полемику и поправки: 2) «Моск. Вѣст.» 1859 г. № 26 и 30. Поправки *Гаврушкевича* и сознаніе Лажечникова, что поправки вѣрны. 3) *А. Надеждинъ*, По поводу статьи И. И. Лажечникова о В. Бѣлинскомъ „С.-Пет. Вѣд.“ 1859 г. № 162. 4) *И. И. Лажечниковъ*, Отвѣтъ г. Надеждину по поводу его набѣга на мою статью о Бѣлинскомъ. „Моск. Вѣд.“ 1859 г. № 202 и „Моск. Вѣст.“ 1859 г. № 32, стр. 397—420. Изъ другихъ источниковъ раннихъ лѣтъ Бѣлинскаго, его семьи и пребыванія въ гимназіи касаются: 5) *Погодинъ, М. И.* Дорожныя записки, въ газетѣ „Русскій“ 1868 г. № 15 (разсказъ г-жи *Щ.*) 6) *Пыпинъ, А. Н.* Бѣлинскій, его жизнь и переписка 2 т. Спб. 1876. Глава I. 7) *Кн. Н. Н. Енгалычевъ*, Новыя данныя для біографіи В. Г. Бѣлинскаго. «Рус. Ст.» 1876 г. № 1 и 2. 8) *И. А. Мачинскій*, замѣтка о сестрѣ В. Г. Бѣлинскаго. „Рус. Ст.“ 1880 г. т. XXVIII, стр. 144. 9) *Зеленецкій, П. П.* Историческій Очеркъ Пензенской 1-й гимн. съ 1804—1871. Пенза, 1889. 10) Пензенскій корреспондентъ „Свѣта“ въ концѣ 1897 г. сообщилъ въ эту газету свѣдѣнія о находящихся въ живыхъ родственникахъ Бѣлинскаго. Этой корреспонденціи мнѣ не удалось видѣть, но она была перепечатана во многихъ провинціальныхъ изданіяхъ: „Одес. Новостяхъ“ 1897 г. № 4171, „Саратов. Листкѣ“ 1897 г. № 253, „Волыни“ 1897 г. № 226 и др. 11) *В. Быстренинъ* въ рядѣ посвященныхъ предстоящему юбилею Бѣлинскаго корреспонденціяхъ, въ „Новостяхъ“ конца 1997 и 1898 г. много говорилъ о семьѣ Б. и его гимназич. годахъ но изъ вторыхъ рукъ. 12) *И. Захарьинъ-Якунинъ*, Бѣлинскій и Лермонтовъ въ Чембарѣ, въ „Ист. Вѣст.“ 1898 г. № 3. Объ этой ст. см. ниже примѣч.

ровичъ при поступлен и въ семинарію (пензенскую?) получилъ отъ начальства фамилію *Бѣлынскій*. Другая прямая отрасль о. Никифора по волѣ того-же семинарскаго начальства получила впослѣдствіи фамилію *Кантовъ* *). *Бѣлинскимъ* почему-то сталъ писаться одинъ только Виссаріонъ Григорьевичъ, и то уже когда былъ студентомъ. Учившійся у него въ пензенской гимназіи Буслаевъ зналъ его еще подъ фамиліей *Бѣлынскій* **).

Изъ семинаріи Григорій Никифоровичъ перешелъ въ медико-хирургическую академію, окончивъ курсъ которой былъ опредѣленъ въ 1809 году во флотъ. Въ томъ-же году женился онъ на дочери жившаго въ Кронштадтѣ флотскаго офицера и въ слѣдующемъ родился Виссаріонъ. Кромѣ Виссаріона у него впослѣдствіи было трое дѣтей: 2 мало удачныхъ сына Константинъ ***) и Никаноръ и дочь Александра.

---

*) См. «Одесскія Новости» 1897 г. № 4171, „Саратов. Листокъ" 1897 г. № 253, «Волынь» 1897 г. № 226 и др. газеты, перепечатавшія упомянутую въ предыдущемъ примѣч. справку пензенскаго корреспондента „Свѣта" о находящихся въ живыхъ родственникахъ Бѣлинскаго. Кромѣ дочери его, Ольги Виссаріоновны Бензи, корреспондентъ называетъ слѣдующихъ ближайшихъ родственниковъ-племянниковъ и племянницъ Виссаріона Григорьевича: стат. сов. Митрофанъ Константиновичъ Бѣлинскій въ Москвѣ; Ольга Константиновна Прозорова, урожденная Бѣлинская въ Пензѣ; коллеж. сов. Павелъ Кирилловичъ Кантовъ въ Пензѣ; священникъ Керенскаго женскаго монастыря Іоаннъ Кирилловичъ Кантовъ.

**) *А. И. Кирпичниковъ* въ статьѣ о Буслаевѣ. „Критико-біогр. Словарь" Венгерова, т. V, стр. 293.

***) Нѣсколько интересныхъ свѣдѣній объ этомъ забитомъ нуждою и огромнымъ семействомъ бѣдномъ чиновникѣ сообщилъ г. Захарьинъ—Якунинъ въ „Истор. Вѣст." текущаго года. О заманчивой по нѣкоторымъ «новымъ» подробностямъ статьѣ г. Захарьина стоитъ сказать нѣсколько словъ. Именно въ виду того, что въ нашей журналистикѣ наступаетъ теперь нѣкоторымъ образомъ „эпоха Бѣлинскаго", считаю полезнымъ предостеречь тѣхъ, которые мало знакомы съ біографіею Бѣлинскаго, что статьею г. Захарьина надо пользоваться съ величайшею осторожностью. Г. Захарьинъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, къ сожалѣнію, теперь очень многочисленныхъ авторовъ всякаго рода „Воспоминаній", которые никогда не задаютъ себѣ труда провѣрять самихъ себя изученіемъ предмета. Они полагаются исключительно на свою память и событія, которыя случились 30 — 40 лѣтъ тому назадъ, излагаются точно они произошли вчера, съ разговорами въ беллетристической формѣ. Все, что автору такихъ «воспоминаній» разскажетъ какой нибудь „старожилъ", заносится съ величайшей готовностью, безъ малѣйшей попытки провѣрить разсказъ, лишь-бы онъ былъ эфектенъ и „занимателенъ" для любителей легкаго историческаго чтенія. Г. Захарьинъ доходитъ въ своей статьѣ до крайнихъ предѣловъ такого легковѣрія. Не касаясь фантастическихъ разсказовъ о Лермонтовѣ, занесенныхъ г. Якунинымъ со словъ какихъ-то чембарскихъ старичковъ Шумскихъ, отмѣчу, что многое изъ сообщаемаго имъ со словъ разныхъ лицъ о Бѣлинскомъ, есть истинная миѳологія. Вѣнцомъ этой миѳологіи является сцена смерти Бѣлинскаго „Когда въ III отдѣленіи состоялось распоряженіе объ арестѣ (?) Бѣлинскаго, въ его квартиру, вечеромъ, явился жандармскій офицеръ и нѣсколько ниж-

Считается совершенно неправильно, что точная дата дня рожденія Виссаріона Григорьевича не установлена. Въ написанной для классическаго труда о Бѣлинскомъ А. Н. Пыпина біографической запискѣ близкаго родственника Бѣлинскаго Д. П. Иванова, которая является главнымъ источникомъ для исторіи раннихъ лѣтъ жизни великаго критика, рожденіе его отнесено къ февралю 1810 года. Этому показанію А. Н. Пыпинъ придаетъ настолько значенія, что помѣщаетъ его въ текстъ, а въ примѣчаніи онъ дѣлаетъ такую оговорку, безусловно опровергающую дату Иванова:

«Бѣлинскій, кажется, считалъ иначе время своего рожденія. Въ мартѣ 1846 года онъ пишетъ къ В. П. Боткину (за границу): «мая 30, а по вашему, по бусурманскому, іюня 11-го, стукнетъ мнѣ 36 лѣтъ».

Совершенно непонятно, почему этому вполнѣ категорическому заявленію не должно быть придано рѣшающаго значенія. Знаетъ-же каждый человѣкъ, когда ему звать пріятелей на день своего рожденія.

Въ 1816 г. Григорій Никифоровичъ оставилъ морскую службу и переселился въ родной пензенскій край—уѣзднымъ лѣкаремъ въ Чембаръ. Въ Чембарѣ и протекли дѣтство и отрочество Бѣлинскаго.

Историка литературы, привыкшаго приводить въ связь душевный

нихъ чиновъ — и все это ворвалось прямо въ кабинетъ — спальню, гдѣ лежалъ, въ предсмертномъ уже бреду и въ полномъ безпамятствѣ, умирающій писатель... Близь его постели была лишь его жена, недавно скончавшаяся Марья Васильевна, былъ докторъ и маленькая дочь. И вотъ, едва только умирающій увидѣлъ въ дверяхъ головы нѣсколькихъ жандармовъ, онъ, въ безпамятствѣ, не узналъ ихъ—и принялъ за народъ... Быстро поднявшись въ постелѣ, онъ оперся лѣвою рукою на свое смертное ложе, а правою сталъ жестикулировать—и говоритъ рѣчь къ народу... Но изъ молчанія и нѣмого ужаса своихъ невольныхъ палачей умирающій заключилъ, что его не понимаетъ народъ...

— Машенька! объясни имъ — они не понимаютъ меня!... проговорилъ нѣсколько разъ Бѣлинскій, обращаясь къ своей, застывшей отъ ужаса, женѣ...

Офицеръ сдѣлалъ знакъ жандармамъ—и они всѣ вышли изъ комнаты... Въ тотъ-же день, какъ извѣстно, генералъ Дуббельтъ донесъ, рапортомъ, графу Бенкендорфу, что „извѣстный сочинитель Бѣлинскій не могъ быть арестованъ, такъ какъ надъ нимъ совершается Судъ Божій».

Какой эфектный разсказъ и увы, какъ мало въ немъ правды! Никакого приказа объ арестѣ не состоялось, никакіе жандармы не врывались и никакіе «невольные палачи» не леденѣли отъ ужаса отъ рѣчи Бѣлинскаго къ народу (дѣйствительно произнесенной), потому что одна только жена и присутствовала при смерти Бѣлинскаго, наступившей не вечеромъ, а въ 6-мъ ч. утра. И какъ нехорошо, что г. Захарьинъ ссылается при этомъ на мертвую Марью Васильевну для подтвержденія своихъ лубочныхъ эфектовъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи будутъ сообщены дѣйствительныя подробности смерти Бѣлинскаго, теперь-же я счелъ нужнымъ выдѣлить этотъ эпизодъ статьи г. Захарьина, потому что онъ, вѣроятно, соблазнитъ не одного автора наскоро составляемыхъ юбилейныхъ статеекъ. Русская дѣйствительность изобилуетъ такими реальными эфектами, что, право, нѣтъ надобности прибѣгать къ эфектамъ выдуманнымъ...

обликъ писателя съ тою средою, изъ которой онъ вышелъ, не могутъ удовлетворить свѣдѣнія объ обстановкѣ, давшей Бѣлинскому первыя жизненныя впечатлѣнія. Великъ контрастъ между тѣмъ, что должно было выйти изъ Бѣлинскаго, и тѣмъ, что въ дѣйствительности изъ него вышло. Я въ данномъ случаѣ совсѣмъ не хочу говорить о разницѣ взглядовъ и идеаловъ, которая въ эпохи смѣны общественнаго міросозерцанія столь обычна даже въ людяхъ вполнѣ однородныхъ по нравственному составу. Я не считаю, напр., контрастомъ иронію судьбы, по которой какъ разъ въ ту самую осень 1831 года, когда Бѣлинскій—сынъ былъ исключенъ изъ университета за трагедію, бичевавшую дворянство, Бѣлинскій—отецъ, получивъ по службѣ дворянство, весь переполнился дворянскимъ чванствомъ самаго дурного тона. «Въ вашемъ домѣ, писалъ Виссаріону его пріятель, обуяла всѣхъ одна только болѣзнь, похожая на холеру и болѣе всѣхъ страждетъ твой папенька: она извѣстна мнѣ подъ именемъ *тщеславія дворянства*. Съ чиномъ коллежскаго ассессора водворилась она у васъ въ домѣ». Не считаю я контрастомъ и коренную разницу взглядовъ между Бѣлинскимъ и его семьею по цѣлому ряду другихъ пунктовъ житейскаго кодекса морали. Это все въ порядкѣ вещей въ молодомъ обществѣ, духовная жизнь котораго неудержимо идетъ впередъ огромными шагами. Хочу-же я подчеркнуть контрастъ не взглядовъ, а душевнаго склада. Ну, пусть-бы у родныхъ Бѣлинскаго были мелкія и пошлыя воззрѣнія. Взгляды дѣло наживное. А вотъ очень уже мало былъ похожъ Бѣлинскій на свою семью просто «по человѣчеству». Откуда взялась у него высота настроенія, съ дѣтскихъ лѣтъ составлявшая основную черту его характера, кто передалъ его душѣ тѣ «движенія необыкновенныя», присутствіе которыхъ онъ чувствовалъ въ своемъ сердцѣ, какъ только началъ сознавать себя? Это, вѣдь, уже дѣло не наживное, сердце надо получить по наслѣдству.

Отъ матери Бѣлинскій могъ наслѣдовать только ея вспыльчивость и неистовость, которыя, увы, всецѣло уходили на то, чтобы превращать домашнюю жизнь въ настоящій адъ. Перешедшій къ сыну страстный темпераментъ этой воинственной женщины весь былъ обращенъ на дрязги, ссоры, попреки и т. д. Ужъ подлинно изъ одного и того же куска дерева и крестъ и лопата.

По отцу своему мать Бѣлинскаго была дворянка, но семья, очевидно, была бѣдная и незначительная. Только что окончившій курсъ младшій лѣкарь Бѣлинскій отнюдь не представлялъ собою сколько-нибудь завидной «партіи». И если, тѣмъ не менѣе, молодой лѣкарь послѣ очень недолгаго знакомства *), «отдавшись безкорыстно жен-

*) Какъ-бы непродолжительно оно ни было, трудно, однакоже, предположить, чтобы оно продолжалось меньше нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Поэтому, если принять во вниманіе, что Григорій Никифоровичъ кончилъ курсъ въ началѣ 1809 года, то свадьбу надо отнести къ срединѣ того-же года и такимъ образомъ показаніе Виссаріона Григорьевича, что онъ родился въ маѣ 1810 года, получаетъ еще одно подтвержденіе.

скому кокетству», рѣшился сдѣлать благосклонно принятое предложеніе, то очевидно, что и безприданница-невѣста не представляла собой блестящей партіи. Въ семейныхъ преданіяхъ не уцѣлѣла даже дѣвичья фамилія Марьи Ивановны Бѣлинской и объ родственникахъ съ материнской стороны никогда нѣтъ рѣчи въ письмахъ, воспоминаніяхъ и другихъ данныхъ о семейныхъ дѣлахъ Виссаріона Григорьевича. Но скромность собственнаго родословія и «скудныя средства столичной среды», гдѣ она выросла, не мѣшали женѣ лѣкаря-поповича при семейныхъ стычкахъ бросать мужу въ лицо его недворянское происхожденіе и въ этомъ находить новый матеріалъ для обильныхъ и безъ того попрековъ *).

Мать Бѣлинскаго отнюдь нельзя было назвать злою. Не будучи нѣжною женою, она дѣтей по своему очень любила, и напр. пичкала ихъ сверхъ мѣры всяческою ѣдою. Но невыносимая сварливость и мелочность исполненной «офицерской спѣси» хозяйки дома до того измучила домашнихъ, что всею душою привязывавшійся ко всякому сколько-нибудь нравившемуся ему человѣку Виссаріонъ не находилъ въ себѣ никакихъ нѣжныхъ чувствъ по отношенію къ собственной матери.

Свѣдѣнія объ отцѣ Бѣлинскаго въ общемъ гораздо болѣе благопріятны, но едва ли отличаются точностью. Такъ г-жа Щ., довольно близкая родственница Григорія Никифоровича, дала портретъ его, въ которомъ, думается, гораздо больше желанія объяснить литературную дѣятельность Бѣлинскаго—сына, чѣмъ дѣйствительныхъ чертъ умственной физіономіи скромнаго уѣзднаго лѣкаря, жестоко зашибавшагося виномъ.

«Это былъ человѣкъ съ насмѣшливымъ умомъ», разсказываетъ г-жа Щ. **), «беззаботнымъ, честнымъ и прямымъ характеромъ, часто жертвовавшій общественными и семейными выгодами своему юмористическому направленію, отчасти либеральному, отчасти семинарскому. Онъ вынесъ изъ школы идеи, заброшенныя первою французскою революцiей и здравый взглядъ на литературу. Отдавая должную дань почтенія европейскимъ талантамъ первой величины, начиная съ Шиллера и проч., онъ довольно мѣтко и цинически-добродушно смѣялся надъ гордившимся своими зачерствѣлыми предразсудками провинціальнымъ обществомъ Чембара... Идеи отца имѣли большое вліяніе на религіозное и нравственное развитіе Виссаріона».

Выходитъ какой-то чембарскій Вольтеръ. Нетрудно, однако, разрушить это крайне утрированное изображеніе, особенно, если припомнить, что разсказъ г-жи Щ. возникъ по приглашенію Пого-

---

*) *Щ.*, въ газетѣ Погодина «Русскій» 1868 г. № 15 (фельетонъ).

**) Судя по тому, что г-жа Щ. говоритъ о своемъ родномъ селѣ Владыкинѣ, слѣдуетъ предположить, что она изъ семьи богатаго помѣщика Владыкина, который былъ женатъ на племянницѣ Григорія Никифоровича.

дина. Погодинъ, отправляясь въ 1867 г. на парижскую выставку, встрѣтился въ вагонѣ съ родственницею знаменитаго «демагога» и внесъ ея разсказъ въ свои путевыя замѣтки, напечатанныя имъ въ газетѣ «Русскій». Уже не говоря о томъ, что разсказъ, хотя и письменно изложенный г-жей Щ., вѣроятно «редактированъ» Погодинымъ, несомнѣнно, что весь разсказъ написанъ спеціально для того, чтобы объяснить, откуда взялось направленіе Бѣлинскаго, которое и Погодину и г-жѣ Щ. извѣстно только съ той стороны, что оно было крайне—«демагогическое» и антирелигіозное. И вотъ ретроспективно и подъ несомнѣннымъ вліяніемъ авторитета Погодина—разсказчица, которой было 16 лѣтъ, когда умеръ Григорій Никифоровичъ, говоритъ о сѣменахъ французской революціи. Мыслимо-ли, чтобы чембарская барышня тридцатыхъ годовъ и даже не барышня, а дѣвочка въ 16 лѣтъ, могла-бы имѣть какое-нибудь точное представленіе о подобныхъ матеріяхъ. Но ретроспективность разсказа всего яснѣе изъ того, что ни Погодинъ, ни г-жа Щ., не имѣютъ никакого понятія о томъ, что «демагогомъ»-то Бѣлинскій сталъ подъ конецъ жизни. Не только когда Бѣлинскій жилъ въ Чембарѣ, но и цѣлую половину своей дѣятельности онъ имѣлъ мало общаго съ «сѣменами французской революціи». А что касается религіозности, то Бѣлинскій при жизни отца никакимъ скептицизмомъ не отличался и не только въ юношеской драмѣ своей, но и въ знаменитыхъ «Литературныхъ мечтаніяхъ» восторженно говорилъ о «единомъ, вѣчномъ Богѣ». Ретроспективность разсказа г-жи Щ. настолько велика, что она заставляетъ Бѣлинскаго въ 1836—1837 гг. восторженно распѣвать марсельезу. Въ эти годы Бѣлинскій прямо ненавидѣлъ все французское и революціонное въ особенности.

Въ надлежащія границы вопросъ о томъ, насколько могъ Бѣлинскій—отецъ оказать вліяніе на сына, вводитъ рукописная біографическая записка уже разъ названнаго Д. П. Иванова. Основываясь на ней, А. Н. Пыпинъ говоритъ: «Въ религіозныхъ предметахъ Григорій Никифоровичъ, какъ говорятъ, пользовался репутаціей гоголевскаго Аммоса Ѳедоровича и все грамотное населеніе города и уѣзда обвиняло его въ безбожіи, нехожденіи въ церковь, въ чтеніи Вольтера,—съ которымъ онъ, впрочемъ, соединялъ Эккартсгаузена и Юнгъ-Штиллинга». «Недовѣрчивый и подозрительный, а вмѣстѣ лѣнивый и безпечный, онъ разошелся съ уѣзднымъ обществомъ; не находя и дома разумнаго сочувствія, онъ окончательно предался пьянству и мало заботился объ семьѣ».

Вотъ это совсѣмъ другое дѣло. Аммосъ Ѳедоровичъ, почитывающій мистическія книги въ перемежку съ повѣстями Вольтера (только повѣсти его и имѣются въ переводѣ, а чтобы Григ. Ник. зналъ по французски ни изъ чего не видно), неуживчивый, пьяный человѣкъ, избѣгающій общества и потому прослывшій «безбожникомъ»—въ этихъ предѣлахъ портретъ можетъ быть признанъ правдоподобнымъ. Но съ «сѣменами французской революціи» тутъ не много общаго.

Еще тономъ ниже то, что сообщаетъ о Бѣлинскомъ — отцѣ Лажечниковъ, посѣтившій Чембаръ въ 1823 году и тогда же завязавшій отношенія съ Бѣлинскимъ — сыномъ. Лажечниковъ перегибаетъ палку въ противоположную сторону и не только не усматриваетъ никакой связи между дѣятельностью Бѣлинскаго и атмосферой отцовскаго дома, а прямо считаетъ ее факторомъ діаметрально-противоположнаго значенія:

«Общество, которое дитя встрѣчало у отца, были городскіе чиновники, большею частью чины полиціи, съ которыми уѣздный лѣкарь имѣлъ дѣло по своей должности (отъ которой ничего не наживалъ). Общество это видѣлъ онъ на распашку, часто за ерофеичемъ и пуншемъ, слышалъ рѣчи, вращавшіяся болѣе всего около частныхъ интересовъ, приправленныхъ цинизмомъ взяточничества и мерзкихъ продѣлокъ, видѣлъ во-очію неправду и черноту, незамаскированныя боязнью гласности, незакрашенныя лоскомъ образованности, видѣлъ и купленное за ведерко крестное цѣлованіе понятыхъ и свидѣтельствованіе разнаго рода побоевъ и пр., и пр. Душа его, въ которую пала съ малолѣтства искра Божія, не могла не возмущаться при слушаніи этихъ рѣчей, при видѣ разнаго рода отвратительныхъ сценъ. Съ раннихъ лѣтъ накипѣла въ ней ненависть къ обскурантизму, ко всякой неправдѣ, ко всему ложному, въ чемъ-бы они ни проявлялись, въ обществѣ или въ литературѣ. Оттого-то его убѣжденія перешли въ его плоть и кровь, слились съ его жизнію. Только съ жизнью онъ и покинулъ ихъ. Прибавьте къ безотрадному зрѣлищу гнилого общества, которое окружало его въ малолѣтствѣ, домашнее горе, бѣдность, нужды, вѣчно его преслѣдовавшія, вѣчную борьбу съ ними, и вы поймете, отчего произведенія его иногда переполнялись желчью, отчего, въ откровенной бесѣдѣ съ нимъ, изъ наболѣвшей груди его вырывались грозно-обличительныя рѣчи, которыя, казалось, душили его» *).

Д. П. Ивановъ въ своей запискѣ протестуетъ противъ этой мрачной характеристики, доказывая, что Григорій Никифоровичъ держался вдали отъ чембарскаго чиновничества и полиціи и самъ во всякомъ случаѣ былъ безукоризнено-честный человѣкъ (послѣдняго, впрочемъ, не отрицаетъ и Лажечниковъ). Такъ какъ въ разсказѣ Лажечникова, вообще, много неточностей **), то А. Н. Пыпинъ склоненъ въ данномъ случаѣ стать на сторону Иванова. А между тѣмъ противорѣчіе весьма легко примирить, если, на основаніи записки самого-же Иванова и разсказа г-жи Щ., разбить чембарскую жизнь Бѣлинскаго-отца на двѣ половины. И по разсказу Иванова выходитъ, что отчужденіе Григорія Никифоровича

*) Лажечниковъ, Соч. изд. 1884 г., стр. 271—72.

**) Это онъ первый, ссылаясь, едва-ли правильно, на показаніе смотрителя чембарскаго училища Грекова, пустилъ въ обращеніе совершенно невѣрное свѣдѣніе, что отецъ Бѣлинскаго уроженецъ Польши или западныхъ губерній.

наростало постепенно, что въ началѣ онъ и практику хорошую имѣлъ, и съ обществомъ чембарскимъ ладилъ и только «*подъ конецъ* стали разстраиваться отношенія Бѣлинскаго-отца съ чембарскимъ обществомъ». То, что Лажечниковъ сообщаетъ, — относится къ началу 20-хъ годовъ, когда онъ посѣтилъ Чембаръ; то, что противопоставляетъ Ивановъ, — относится къ началу 30-хъ годовъ, и никакого, слѣдовательно, противорѣчія тутъ нѣтъ.

Но помимо чисто-фактической стороны дѣла, въ воспоминаніяхъ Лажечникова совсѣмъ другое важно и интересно. Допуская даже, что за давностью времени онъ былъ неточенъ въ мелочахъ, никакъ нельзя допустить, чтобы онъ былъ неточенъ въ общемъ тонѣ, который несомнѣнно создался подъ вліяніемъ разговоровъ съ Бѣлинскимъ. Лажечниковъ былъ близокъ съ Бѣлинскимъ и, напр., очень хорошо былъ освѣдомленъ о благотворномъ вліяніи, оказанномъ на него учителемъ пензенской гимназіи Поповымъ (о немъ см. дальше). Мыслимо-ли допустить, что Бѣлинскій, постаравшійся выяснить Лажечникову значеніе, которое имѣлъ для него Поповъ, умолчалъ-бы о собственномъ отцѣ?

Пора, вообще, обратиться къ свидѣтельству самого Бѣлинскаго для того, чтобы рѣшить окончательно, обязанъ-ли онъ чѣмъ-нибудь серьезнымъ своему отцу. Если я до сихъ поръ останавливался на свидѣтельствахъ постороннихъ лицъ, то единственно потому, что эти свидѣтельства могутъ ввести въ заблужденіе. Такъ автору книжки о Бѣлинскомъ въ «Біографической библіотекѣ» Ф. Ѳ. Павленкова—М. А. Протопопову показалось, что въ данномъ случаѣ «въ Чембарѣ разыгралась нѣчто вродѣ «горя отъ ума въ миніатюрѣ», что «Григорій Никифоровичъ долженъ былъ порвать съ уѣзднымъ обществомъ всѣ связи, кромѣ оффиціальныхъ», потому что «былъ обвиненъ въ безбожіи и вольтерьянствѣ» и что если онъ «прибѣгъ къ исторически освященному и всероссійскимъ опытомъ оправданному источнику утѣшенія», т. е. «запилъ», то это потому, что онъ былъ «лишенъ поддержки». Но можно-ли допустить хотя на одну минуту, чтобы этому странному вольтеріянцу, порвавшему всѣ связи, кромѣ оффиціальныхъ, казалось-бы всего менѣе мыслимыхъ при вольтеріянствѣ и безбожіи, можно-ли допустить, говорю я, чтобы въ «поддержкѣ», замѣненной виномъ, отцу отказалъ-бы старшій сынъ? Виссаріонъ поражалъ своимъ раннимъ развитіемъ, когда былъ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, а лѣтъ въ 16—17 это былъ вполнѣ сформировавшійся пламенный энтузіастъ, и имѣй, дѣйствительно, положеніе Григорія Никифоровича что нибудь общее съ «горемъ отъ ума» кто, какъ не бурный Виссаріонъ, оказалъ-бы отцу самое восторженное сочувствіе? А вотъ этого-то сочувствія нѣтъ и слѣда, кромѣ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда въ столкновеніяхъ Григорія Никифоровича съ его невыносимо-сварливой и мелочной женой «тайныя симпатіи Виссаріона» по свидѣтельству Иванова, «принадлежали отцу». По свидѣтельству той-же г-жи Щ., которая столь

неудачно открыла въ запившемъ безъ всякихъ высокихъ причинъ Григоріѣ Никифоровичѣ, «сѣмена французской революціи», Виссаріонъ, «къ родному отцу былъ холоденъ, почти враждебенъ». Позднѣе, «бывши уже гимназистомъ, Виссаріонъ декламировалъ свою ненависть къ отцу отчаянно восторженными возгласами героевъ Шиллера». Студентомъ Виссаріонъ писалъ брату Константину объ отцѣ: «если онъ страдалъ и теперь страдаетъ—это отъ самого себя; онъ есть лютѣйшій врагъ, мучитель и тиранъ самого себя; не люди, а самъ онъ виноватъ въ своихъ несчастіяхъ» *). Полагаю, что эта оцѣнка, одна изъ цѣлаго десятка такихъ-же характеристикъ, разбросанныхъ въ перепискѣ Бѣлинскаго, дѣлаетъ совершенно праздными всякія старанія превратить Григорія Никифоровича въ какую-то жертву высокого строя мысли. Въ перепискѣ Бѣлинскаго есть не мало мѣстъ, гдѣ онъ симпатично отзывается объ отцѣ, видитъ въ немъ хорошіе задатки и вообще человѣка, не смотря на всѣ свои недостатки и часто недостойные поступки, въ основѣ, всетаки, порядочнаго, но нигдѣ ни единаго намека нѣтъ на страданіе за идею, которое въ Виссаріонѣ нашло-бы не сочувствіе, не отзвукъ, а прямо изступленное колѣнопреклоненіе.

Окончательный итогъ того, чѣмъ онъ былъ обязанъ отчему дому, Бѣлинскій выразилъ въ письмѣ къ Боткину въ 1839 г. и этотъ общій выводъ не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ. Бѣлинскій, въ которомъ потребность любви и привязанности были настолько сильны, что онъ привязался «сыновней любовью» къ дому своего двоюроднаго брата Иванова, о собственной семьѣ даетъ такой отзывъ:

«Имѣть отца и мать для того, чтобы смерть ихъ считать моимъ освобожденіемъ, слѣдовательно, не утратою, а скорѣе пріобрѣтеніемъ, хотя и горестнымъ; имѣть брата и сестру, чтобы не понимать, почему и для чего они мнѣ братъ и сестра, и еще брата, чтобы быть привязаннымъ къ нему какимъ-то чувствомъ состраданія — все это не слишкомъ утѣшительно» **).

Могутъ-ли какія-бы-то ни было оговорки уничтожить значеніе этихъ страшныхъ словъ? Вспомнимъ еще, что они писались нѣсколько лѣтъ послѣ смерти родителей, а человѣкъ при воспоминаніяхъ о прошломъ всегда склоненъ черное отметать и помнить одно только свѣтлое.

И вотъ, ознакомившись со всѣми «горестными обстоятельствами нашего несчастнаго семейства», какъ выразился Бѣлинскій въ письмѣ къ брату Константину ***), и принявъ во вниманіе душевное ничтожество, именно душевное, а не умственное, его братьевъ и сестры, мы снова должны себѣ поставить вопросъ: какъ могъ

*) «Рус. Ст.» 1876 г., № 2, стр. 333.
**) Пыпинъ, т. I, стр. 37.
***) «Рус. Ст.» т. XV, стр. 33[illegible].

выдти изъ такой среды Бѣлинскій? Даже совершенно несоотвѣтствующее дѣйствительности превращеніе Григорія Никифоровича въ мученика за свой скептицизмъ и критическое отношеніе, не объясняетъ того, что составляетъ главную силу Бѣлинскаго—восторгъ и жажду активнаго противодѣйствія. Кто передалъ ему эти основныя качества его души?

Отвѣтъ, какъ мнѣ кажется, даютъ нѣсколько строкъ въ воспоминаніяхъ о семьѣ Бѣлинскаго:

«Дѣдъ Виссаріона, о. Никифоръ, выростивъ дѣтей, провелъ остатокъ жизни въ молитвѣ; въ преданіяхъ семьи осталась почтительная память о его благочестивой жизни; его считали праведникомъ. Удалившись отъ своихъ, онъ жилъ въ кельѣ аскетическою жизнью» *).

Вотъ это настоящій источникъ духовнаго облика Бѣлинскаго. Праведникъ-дѣдъ возродился въ праведникѣ-внукѣ, какъ ни странна съ перваго взгляда связь между аскетомъ-монахомъ и «разрушителемъ «отжилыхъ вѣрованій». Но это противорѣчіе поверхностное и никакого внутренняго противорѣчія въ себѣ не заключаетъ. Важно не содержаніе, а общій строй, душевный типъ, степень воодушевленія и жажды подвига. Запасъ и свойства идеализма всегда одни и тѣ-же въ человѣчествѣ и условія времени вліяютъ только на проявленія. Эволюціонируютъ формы, но не сущность. Дѣдъ пошелъ въ келью, внукъ остался въ міру и прослылъ «скептикомъ», но порывъ къ тому, въ чемъ каждый видѣлъ спасенье души, въ нихъ одинъ и тотъ-же. Различны пути, по которымъ шли дѣдъ и внукъ, но направлялись они къ одной и той-же цѣли—къ исполненію того, что каждый изъ нихъ считалъ священнымъ завѣтомъ. Дѣдъ, конечно, не зналъ мукъ сомнѣній, не переживалъ драмы поисковъ опредѣленнаго идеала. На его долю выпало счастіе непосредственной, ясной вѣры. Но и вѣра внука въ тѣ моменты, когда онъ приходилъ къ опредѣленному выводу, была не менѣе ясна. И его душа въ эти моменты сладко замирала при сознаніи, что ему открывается смыслъ жизни, и его душа наполнялась истинно-молитвеннымъ восторгомъ. Онъ славословилъ съ неменьшею убѣжденностью, чѣмъ дѣдъ, и экстазъ его статей и писемъ не уступалъ экстазу молитвъ и каноновъ дѣда.

Бѣлинскій научился грамотѣ у нѣкоей Ципровской, дочери мѣстнаго чиновника. Латыни его нѣсколько научилъ отецъ, а затѣмъ онъ поступилъ въ только-что открывшееся въ Чембарѣ уѣздное училище, гдѣ быстро выдвинулся своимъ раннимъ развитіемъ. Но, конечно, не чембарскимъ педагогамъ, въ числѣ которыхъ, впрочемъ, смотритель училища Грековъ былъ человѣкъ очень хорошій, обя-

*) Пыпинъ, т. I, стр. 7.

занъ былъ этимъ Бѣлинскій. Педагогія была самая примитивная, съ одной стороны основанная на жестокомъ драньѣ, а съ другой—на предоставленіи ученикамъ полнѣйшей свободы. Такъ случалось въ иные лѣтніе дни, что учителя въ учебные часы бросали учениковъ и устраивали попойку, а ученики цѣлымъ классомъ отправлялись купаться. Умственное развитіе Бѣлинскаго шло главнымъ образомъ подъ вліяніемъ чтенія. Еще ученикомъ уѣзднаго училища Бѣлинскій перечиталъ всю русскую литературу XVIII и начала XIX вѣка и не только перечиталъ, но и превосходно усвоилъ и, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ страстнаго увлеченія чѣмъ-нибудь, самъ очень рано сталъ пробовать свои силы на литературномъ поприщѣ. Въ рецензіи на плохіе стихи Коптева Бѣлинскій *) вспомнилъ училищные годы: «еще будучи мальчикомъ и ученикомъ уѣзднаго училища, я въ огромныя кипы тетрадей неутомимо, денно и нощно, и безъ всякаго разбора, списывалъ стихотворенія Карамзина, Дмитріева, Сумарокова, Державина, Хераскова, Петрова, Станевича, Богдановича, Максима Невзорова, Крылова и другихъ, я плакалъ, читая «Бѣдную Лизу» и «Марьину Рощу» и вмѣнялъ себѣ въ священнѣйшую обязанность бродить по полямъ при томномъ свѣтѣ луны, съ понурымъ лицемъ à la Эрастъ Чертополоховъ. Природа мнѣ дала самое чувствительное сердце и сдѣлала меня поэтомъ, ибо, еще будучи ученикомъ уѣзднаго училища, я писалъ баллады и думалъ, что онѣ не хуже балладъ Жуковскаго, не хуже «Раисы» Карамзина, отъ которой я тогда сходилъ съ ума».

Такой ученикъ не могъ не броситься въ глаза всякому сколько-нибудь внимательному наблюдателю. Когда Лажечниковъ въ 1823 г. ревизовалъ чембарское училище, онъ сразу отличилъ Бѣлинскаго:

«Во время дѣлаемаго мною экзамена, выступилъ передо мною, между прочими учениками, мальчикъ лѣтъ 12, котораго наружность съ перваго взгляда привлекла мое вниманіе. Лобъ его былъ прекрасно развитъ, въ глазахъ свѣтился разумъ не по лѣтамъ; худенькій и маленькій, онъ, между тѣмъ, на лицо казался старѣе, чѣмъ показывалъ его ростъ. Смотрѣлъ онъ серьезно. Такимъ вообразилъ бы я себѣ ученаго доктора между позднѣйшими нашими потомками, когда, по предсказаніямъ науки, измельчаетъ родъ человѣческій. На всѣ дѣлаемые ему вопросы онъ отвѣчалъ такъ скоро, легко, съ такою увѣренностію, будто налеталъ на нихъ, какъ ястребъ на добычу (отчего я тутъ же прозвалъ его ястребкомъ), и отвѣчалъ, большею частію, своими словами, или прибавляя то, чего не было даже въ казенномъ руководствѣ,—доказательство, что онъ читалъ и книги, не положенныя въ классахъ. Я особенно занялся имъ, бросался съ нимъ отъ одного предмету къ другому, связывая ихъ непрерывною цѣпью, и, признаюсь, старался сбить его. Мальчикъ

*) Соч. т. I, стр. 432—33.

вышелъ изъ трудного испытанія съ торжествомъ. Это меня пріятно изумило, также и то, что штатный смотритель (Авр. Грековъ) не конфузился, что его ученикъ говоритъ не слово въ слово по учебной книжкѣ (какъ я привыкъ видѣть и съ чѣмъ боролся не мало въ другихъ училищахъ). Напротивъ, лицо добраго и умнаго смотрителя сіяло радостію, какъ-будто онъ видѣлъ въ этомъ торжествѣ собственное свое. Я спросилъ его, кто этотъ мальчикъ. «Виссаріонъ Бѣлинскій, сынъ здѣшняго уѣзднаго штабъ-лѣкаря» сказалъ онъ мнѣ. Я поцѣловалъ Бѣлинскаго въ лобъ, съ душевною теплотой привѣтствовалъ его, тутъ же потребовалъ изъ продажной библіотеки какую-то книжонку, на заглавномъ листѣ которой подписалъ: «Виссаріону Бѣлинскому за прекрасные успѣхи въ ученіи» (или что-то подобное) отъ такого-то, тогда-то. Мальчикъ принялъ отъ меня книгу безъ особеннаго радостнаго увлеченія, какъ должную себѣ дань, безъ низкихъ поклоновъ, которымъ учатъ бѣдняковъ съ малолѣтства» *).

Весьма возможно, что въ этомъ эфектномъ воспоминаніи есть своя доля ретроспективности и едва-ли всѣ детали исторически точны. Но общій тонъ впечатлѣнія, произведенный на изумленнаго ревизора, повидимому, переданъ точно: всѣ дальнѣйшія отношенія Лажечникова къ Бѣлинскому показываютъ, что онъ хорошо запомнилъ «Ястребка» и почувствовалъ къ нему искренній интересъ.

Пятнадцати лѣтъ, въ 1825 г., Бѣлинскій поступилъ въ пензенскую гимназію, въ то время состоявшую всего изъ четырехъ высшихъ классовъ. Гимназія находилась въ томъ-же патріархальномъ періодѣ, какъ и чембарское училище. Въ наше время кажутся чѣмъ-то совершенно анекдотичнымъ многія подробности, сообщаемыя о пензенской гимназіи 20-хъ годовъ тѣмъ-же директоромъ пензенскихъ училищъ и гимназіи Лажечниковымъ, воспоминанія котораго являются главнымъ біографическимъ матеріаломъ и для гимназическаго періода жизни Бѣлинскаго. Вотъ, напр., впечатлѣнія его перваго посѣщенія пензенской гимназіи:

«Въ гимназію пришелъ я въ 10 часовъ утра. Еще въ передней послышались мнѣ дикіе голоса и между ними крики: ура! Только что я хотѣлъ войдти въ классную комнату, какъ передъ моимъ носомъ распахнулась дверь; ватага гимназистовъ хлынула черезъ нее и едва не сшибла меня съ ногъ. Школьники несли на рукахъ учителя русской словесности, въ какомъ положеніи—можете догадаться. Что это вы дѣлаете? спросилъ я ихъ.—«Мыши кота погребаютъ», отвѣчали они.—Какія мѣры ни употреблялъ я, чтобы привести этого господина на правый путь, а по своимъ способностямъ онъ этого заслуживалъ—поселилъ его подлѣ себя, пригласилъ раздѣлять со мною хлѣбъ-соль, старался ввести въ свой кружокъ—ничто не помогало. Бывало, чѣмъ свѣтъ накинетъ на себя свой дырявый ситцевый халатъ и въ туфляхъ на босую ногу бѣжитъ

---

*) Лажечниковъ, Сочиненія т. XII, стр. 269—70.

къ струямъ россійской отуманивающей ипокрены и потомъ заѣдаетъ ихъ солеными огурцами. Въ другихъ классахъ ни одного учителя, ни одного ученика» *).

Разсказъ Лажечникова относится къ началу 20-хъ годовъ. Когда поступилъ Бѣлинскій, порядки въ гимназіи, главнымъ образомъ благодаря стараніямъ Лажечникова, отчасти уже измѣнились къ лучшему **). Но, конечно, сколько-нибудь коренныхъ измѣненій 3—4 года съ собою принести не могли и въ общемъ гимназическое преподаваніе не отразилось-бы ничѣмъ существеннымъ на исторіи духовнаго развитія Бѣлинскаго, еслибы среди учителей не нашелся одинъ, весьма мало похожій на остальныхъ своихъ товарищей. Это былъ молодой, недавно кончившій казанскій университетъ преподаватель естественной исторіи — М. М. Поповъ. О степени уваженія и благодарности, которыя питалъ къ Попову Бѣлинскій, можно судить по письму, которое Бѣлинскій написалъ ему уже будучи студентомъ въ 1830 г. Со свойственною ему способностью отдаваться каждому настроенію со всею полнотою восторженной души своей, бывшій ученикъ писалъ недавнему учителю:

«Благородный человѣкъ, скажите, чѣмъ я могу вамъ заслужить? Столько ласкъ, столько вниманія! Если моя къ вамъ признательность, мое безпредѣльное уваженіе, искреннее чувство любви имѣютъ въ глазахъ вашихъ хотя нѣкоторую цѣну, то позвольте увѣрить васъ, что я оныя буду вѣчно хранить въ душѣ моей, буду ими гордиться. Умѣть цѣнить и уважать такого человѣка, какъ вы— есть достоинство; заслужить отъ васъ вниманіе—есть счастіе. Строки сіи не суть слѣдствіе лести; нѣтъ: это изліяніе души тронутой, сердца, исполненнаго благодарности; чувства мои неподдѣльныя: они чисты и благородны, какъ мысль о томъ, кому посвящаются. Для меня нѣтъ ничего тягостнѣе, ужаснѣе, какъ быть обязаннымъ кому-либо: вы дѣлаете изъ сего исключеніе, и для меня ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ изъявлять вамъ мою благодарность». ***)

Обѣщаніе «вѣчно хранить» чувство благодарности къ Попову не было риторическимъ преувеличеніемъ. И если кое-что въ письмѣ 30-го года можно отнести на счетъ юношеской восторженности Бѣлинскаго, на счетъ того, что среди пензенскихъ «котовъ» и педантовъ Поповъ долженъ былъ ему показаться какимъ-то лучезарнымъ явленіемъ, то вотъ тѣ-же чувства въ письмѣ отъ 1839 года. Въ 1839 году Бѣлинскій уже держалъ въ своихъ рукахъ скипетръ русской критики и достаточно насмотрѣлся всяческихъ выдающихся людей и тѣмъ не менѣе воспоминаніе о Поповѣ его умиляло. «Попросите г. Владиславлева», пишетъ онъ Панаеву, «засвидѣтельство-

*) Тамъ-же стр. 263.

**) Ср. Зеленецкій, П. П. Историческій очеркъ пензенской 1 гимназіи съ 1804 по 1871 г. Пенза, 1889.

***) Лажечниковъ, соч. т. XII, стр. 280.

вать мое почтеніе М. М. Попову, моему бывшему учителю, который во время оно много сдѣлалъ для меня и живая память о которомъ никогда не изгладится изъ моего сердца» *).

Этихъ отзывовъ, включающихъ Попова въ число лицъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ духовному развитію Бѣлинскаго, совершенно достаточно, чтобы приковать къ себѣ вниманіе изслѣдователя и ввести его въ кругъ людей, имена которыхъ исторія русской культуры должна занести на свои страницы съ подобающею благодарностью. Если мы обратимся къ тому письму, которое Поповъ въ концѣ 50-хъ годовъ написалъ Лажечникову **) и въ которомъ онъ собралъ всѣ свои воспоминанія о Бѣлинскомъ-гимназистѣ, то увидимъ, что Поповъ вполнѣ заслужилъ восторженную благодарность Бѣлинскаго. Письмо ярко характеризуетъ не только ученика, но и учителя.

Собственно учился Бѣлинскій у Попова только въ 2 послѣдніе года своего четырехлѣтняго пребыванія въ гимназіи. Но черезъ одноклассника своего, племянника Попова, они близко познакомились почти съ самаго поступленія въ гимназію Бѣлинскаго. Раннее развитіе Бѣлинскаго сразу бросилось Попову въ глаза и онъ въ бесѣдѣ съ нимъ сталъ находить истинное удовольствіе:

«Онъ бралъ у меня книги и журналы, пересказывалъ мнѣ прочитанное, судилъ и рядилъ обо всемъ, задавалъ мнѣ вопросъ за вопросомъ. Скоро я полюбилъ его. По лѣтамъ и тогдашнимъ отношеніямъ нашимъ онъ былъ неровный мнѣ, но не помню, чтобъ въ Пензѣ съ кѣмъ-нибудь другимъ я такъ душевно разговаривалъ, какъ съ нимъ, о наукахъ и литературѣ.

Домашнія бесѣды наши продолжались и послѣ того, какъ Бѣлинскій поступилъ въ высшіе классы гимназіи. Дома мы толковали о словесности; въ гимназіи онъ, съ другими учениками, слушалъ у меня естественную исторію. Но въ казанскомъ университетѣ я шелъ по филологическому факультету, и русская словесность всегда была моей исключительной страстью. Можете представить себѣ, что иногда происходило въ классѣ естественной исторіи, гдѣ передъ страстнымъ, еще молодымъ въ то время, учителемъ сидѣлъ такой же страстный къ словесности ученикъ. Разумѣется, начиналъ я съ зоологіи, ботаники или ориктогнозіи и старался держаться этого берега, но съ средины, а случалось и съ начала лекціи, отъ меня ли, отъ Бѣлинскаго-ли, Богъ знаетъ, только естественныя науки превращались у насъ въ теорію или исторію литературы. Отъ Бюффона—натуралиста я переходилъ къ Бюффону—писателю, отъ Гумбольтовой географіи растеній къ его «Картинамъ природы», отъ нихъ къ поэзіи разныхъ странъ, потомъ... къ цѣлому міру, къ сочиненіямъ Тацита и Шекспира, къ поэзіи въ сочиненіяхъ Шиллера и Жуковскаго... А гербаризація? Бывало, когда отправлюсь

*) Панаевъ, Воспоминанія, по изд. 1876 г., стр. 3.

**) Оно вошло въ составъ воспоминаній Лажечникова.

съ учениками за городъ, во всю дорогу, пока не дойдемъ до засѣки, что позади городского гулянья, или до рощи, что за рѣкой Пензой, Бѣлинскій пристаетъ ко мнѣ съ вопросами о Гете, Вальтеръ-Скоттѣ, Байронѣ, Пушкинѣ, о романтизмѣ и обо всемъ, что волновало въ то доброе время наши молодыя сердца.

Тогда Бѣлинскій, по лѣтамъ, еще не могъ отрѣшиться отъ обаянія первыхъ пушкинскихъ поэмъ и мелкихъ стиховъ. Непривѣтно встрѣтилъ онъ сцену: «Келья въ Чудовомъ монастырѣ». Онъ и въ то время не скоро поддавался на чужое мнѣніе. Когда я объяснялъ ему высокую прелесть въ простотѣ, поворотъ къ самобытности и возрастаніе таланта Пушкина, онъ качалъ головой, отмалчивался и говорилъ: «дайте, подумаю; еще прочту». Если же съ чѣмъ онъ соглашался, то, бывало, отвѣчалъ съ страшной увѣренностью: «совершенно справедливо!»

Журналистика наша въ двадцатыхъ годахъ выходила изъ дѣтства. Полевой передавалъ по «Телеграфу» идеи запада, все, что являлось тамъ новаго въ области философіи, исторіи, литературы и критики. Надоумко (Надеждинъ) смотрѣлъ исподлобья, но глубже (?) Полевого, и знакомилъ русскихъ съ германской философіей. Оба они снимали маски съ старыхъ и новыхъ нашихъ писателей и пріучали судить о нихъ, не покоряясь авторитетамъ. Бѣлинскій читалъ съ жадностію тогдашніе журналы и всасывалъ въ себя духъ Полевого и Надеждина».

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мнѣ еще не разъ придется пользоваться небольшимъ, но чрезвычайно цѣннымъ письмомъ Попова, въ которомъ, въ замѣчательно сгущенномъ видѣ, часто въ нѣсколькихъ строкахъ, намѣчается основное содержаніе всего большого накопившагося за послѣдніе 40 лѣтъ матеріала о Бѣлинскомъ и его эпохѣ. Теперь же, собственно для оцѣнки самого Попова, скажу, что какъ и въ сейчасъ приведенномъ отрывкѣ, характеристики его полны тонкаго пониманія людей и литературныхъ теченій эпохи, его сужденія обнаруживаютъ хорошій вкусъ, а общій тонъ истинно-благороденъ. Въ его восторженномъ, напр., отношеніи къ кружку Станкевича за то, что онъ «кипѣлъ жаждой познанія, добра и чести» ясно слышенъ отзвукъ такихъ же собственныхъ стремленій. Удивительно-ли, что такой человѣкъ, прямо двумя головами выше стоявшій всего своего пензенскаго антуража, къ тому же «необыкновенно тихаго и скромнаго характера» *) долженъ былъ

---

*) Воспоминанія Максимова въ книжкѣ Зеленецкаго, Исторія пензенской гимназіи, стр 36. Въ этихъ воспоминаніяхъ Поповъ называется Максимомъ Михайловичемъ, но напечатанныя въ той же книжкѣ гимназическія вѣдомости подписаны: Михаилъ Поповъ. Въ редакціонной замѣткѣ «Русск. Стар.» т. XXXVI, стр. 435, онъ названъ Михаиломъ Максимовичемъ. Изъ этой же замѣтки узнаемъ, что напеч. въ т. X «Русск. Стар.» интересная и очень литературно написанная анонимная статья объ отношеніяхъ Пушкина къ III отдѣленію принадлежитъ М. М. Попову.

произвести сильное впечатлѣніе на пылкаго и жаждавшаго высокихъ впечатлѣній ученика?

Замѣчательна дальнѣйшая карьера Попова. Съ начала 30-хъ годовъ этотъ человѣкъ, который зажегъ въ Бѣлинскомъ пламя лучшихъ чувствъ и такъ содѣйствовалъ развитію его литературнаго вкуса, перебрался въ Петербургъ и... поступилъ въ распоряженіе Дубельта. Почти всю остальную не короткую жизнь—онъ умеръ въ 1872 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника—Поповъ прослужилъ старшимъ чиновникомъ III отдѣленія. Вотъ и уловите тутъ психологическое единство. Впрочемъ, нужно-ли особенно удивляться этому странному комбинированію Дубельта съ Бѣлинскимъ, если мы вспомнимъ еще болѣе замѣчательнаго современника Бѣлинскаго—цензора Никитенко, днемъ весьма усердно исполнявшаго свои обязанности, а вечеромъ садившагося за дневникъ, въ которомъ онъ является гражданиномъ въ лучшемъ смыслѣ слова. Днемъ онъ въ писаніяхъ другихъ истреблялъ все клонящееся къ осужденію неприглядной дѣйствительности сороковыхъ годовъ, а вечеромъ, самъ превращаясь въ публициста, воспринималъ несовершенства русской жизни съ чуткостью, достойною лучшихъ порывовъ кружка Бѣлинскаго и Герцена. Отыщите-ка объединяющее начало въ этомъ двуликомъ Янусѣ, въ которомъ, въ противоположность Янусу миѳологіи, повидимому и сердца-то два было.

О дѣятельности Попова на его новомъ мѣстѣ служенія ничего не извѣстно. Однако тотъ фактъ, что Бѣлинскій велъ съ нимъ дружбу и въ Петербургѣ, показываетъ, что ничѣмъ особенно усерднымъ дѣятельность Попова не выражалась. Въ тѣ времена въ заинтересованныхъ сферахъ быстро узнавали о людяхъ усердствующихъ, и принадлежи къ нимъ Поповъ, Бѣлинскій, въ то время уже всего менѣе поклонявшійся «дѣйствительности», никоимъ образомъ старыхъ связей съ нимъ не поддерживалъ бы. Не такой былъ человѣкъ Бѣлинскій, чтобы не выложить собесѣднику все, что у него на душѣ. Поповъ упоминаетъ о горячихъ схваткахъ, но чисто литературнаго свойства, которыя «никогда не оканчивались размолвками. Иногда мы разставались, я нахмуренный, онъ вполнѣ взволнованный, но черезъ мѣсяцъ, черезъ два опять онъ звонилъ у моихъ дверей, и я опять встрѣчалъ его какъ гостя, по которомъ соскучился».

Но если нѣтъ прямыхъ указаній на то, какъ совмѣщалъ Поповъ дружбу Дубельта съ дружбой Бѣлинскаго, то есть прямое свидѣтельство, что Поповъ въ значительной степени ослабилъ для умирающаго Бѣлинскаго одно очень сильное впечатлѣніе, — когда незадолго до своей смерти Бѣлинскій получилъ приглашеніе «пожаловать» въ III отдѣленіе для того, чтобы «познакомиться» съ Леонтіемъ Васильевичемъ Дубельтомъ. Мнѣ еще придется коснуться этого приглашенія въ заключительныхъ главахъ моего этюда и потому я не останавливаюсь на деталяхъ. Пока отмѣчу только, что

Поповъ выказалъ тутъ истинную деликатность и заботу о душевномъ покоѣ своего бывшаго ученика. И вотъ, пока разработка архивовъ не раскроетъ чего-нибудь другого о Поповѣ, будемте помнить только этотъ эпизодъ изъ исторіи его близости къ Дубельту, вполнѣ соотвѣтствующій общему свидѣтельству редакціи «Русск. Старины», что Поповъ «сравнительно былъ добръ и обязателенъ, въ особенности къ писателямъ и журналистамъ» *).

Каковъ бы, впрочемъ, ни былъ Поповъ петербургскій, это ни мало не можетъ измѣнить представленіе о Поповѣ пензенскомъ, близость съ которымъ, конечно, должна быть признана крупнѣйшимъ факторомъ гимназическаго періода жизни Бѣлинскаго. Поповъ и лихорадочное до самозабвенія чтеніе журналовъ — рядомъ съ этимъ остальныя пензенскія вліянія настолько ничтожны, что ихъ слѣдуетъ отмѣтить развѣ только для полноты. Какое вліяніе могъ оказать на «жадно всасывавшаго духъ Полевого и Надеждина», семнадцатилѣтняго гимназиста какой-нибудь учитель реторики и логики Яблонскій, «школяръ и педантъ въ высшей степени», по опредѣленію Лажечникова, преподававшій по «Лежаю» т. е. по реторикѣ, составленной для іезуитскихъ школъ французомъ Леже. **) Д. П. Ивановъ, по своему обыкновенію выставлять все касающееся раннихъ лѣтъ Бѣлинскаго въ лучшемъ свѣтѣ, беретъ и Яблонскаго подъ свою защиту. «Виноватъ ли этотъ усердный почитатель Леже въ томъ, что училъ, какъ учили его самого и какъ почти повсемѣстно учили тогда въ гимназіяхъ? Надобно припомнить при этомъ, что въ славнѣйшемъ и старѣйшемъ университетѣ— московскомъ—въ началѣ тридцатыхъ годовъ занималъ каѳедру словесности для студентовъ перваго общаго курса П. В. Побѣдоносцевъ, толковавшій не лучше Яблонскаго и объ источникахъ изобрѣтенія, о хріяхъ ординарныхъ и превращенныхъ; припомнить надобно, что пресловутая реторика Кошанскаго, по которой училъ Яблонскій, красовалась въ программахъ, изданныхъ для поступающихъ въ московскій университетъ, едва ли не до пятидесятыхъ годовъ» ***).

Можно вполнѣ согласиться съ приведенною сейчасъ аргументаціей и признать, что пензенская гимназія была не хуже другихъ гимназій того времени. Но все это, конечно, ни мало не колеблетъ того предположенія, что на Бѣлинскаго вліяніе преподаванія по «Лежаю» могло отразиться только тѣмъ, чтобы усилить въ немъ отвращеніе къ схоластической сухости и реторической напыщенности. Весьма возможно, что вѣрны и болѣе чѣмъ у Лажечникова

*) „Русск. Стар.“ 1882 г. т. 31; стр. 435.

**) Я не могъ доискаться о какой книгѣ здѣсь идетъ рѣчь. Ни съ именемъ *Лежай*, ни съ именемъ *Леже* на русск. яз. никакой книги не выходило.

***) Пыпинъ, I, стр.

оптимистическія свѣдѣнія Д. П. Иванова о другихъ учителяхъ Бѣлинскаго — препод. математики Ляпуновѣ и Протопоповѣ и учителѣ латинскаго языка Димитревскомъ. «Исторія пензенской гимназіи» Зеленецкаго и Соловьева тоже беретъ ихъ подъ свою защиту и выдержками изъ программъ и другихъ документовъ старается показать, что обычное представленіе о низкомъ уровнѣ гимназическаго преподаванія 20-хъ годовъ преувеличено. Но, повторяю, все это ни мало не мѣняетъ общаго вывода. Не такой сидѣлъ передъ пензенскими педагогами, ученикъ, чтобы удовлетвориться ихъ рутинной заурядностью.

Самою лучшею стороною тогдашней гимназической жизни было то, что ученики въ сущности были предоставлены самимъ себѣ. Не было и тѣни той суровой дисциплины и обезличиванія, которыя теперь тѣсно связаны съ представленіемъ о гимназіяхъ. По выраженію Буслаева, учившагося въ пензенской гимназіи почти въ одно время съ Бѣлинскимъ (1829 — 34), царствовала какая то «беззаботная распущенность нравовъ». «Большую часть времени мы проводили сами по себѣ, такъ сказать, по методу взаимнаго обученія, безъ надлежащаго руководствованія и наблюденія со стороны учителей. Мы слушали, что одинъ изъ насъ читалъ, а то и сами читали, каждый про себя, или же что нибудь списывали, переводили съ иностранныхъ языковъ на русскій, изготовляли свои сочиненія. Между тѣмъ учителя ходили взадъ и впередъ по классу и разговаривали между собою, всегда двое: въ нижнемъ этажѣ— учителя перваго и второго классовъ, а въ верхнемъ—третьяго и четвертаго». Когда мимо оконъ первыхъ классовъ проходилъ директоръ Протопоповъ, жившій въ другомъ домѣ, «тотчасъ же по всѣмъ классамъ разносится осторожный шопотъ: «Григорій Абрамовичъ! Григорій Абрамовичъ!» Учителя опрометью спѣшатъ каждый на свое мѣсто, ученики наскоро убираютъ со столовъ всякій свой хламъ и чинно разсаживаются, настороживъ глаза и уши. Директоръ, разумѣется, находитъ все въ надлежащемъ порядкѣ, послушаетъ немножко учителя, у кого нибудь изъ насъ заглянетъ въ книгу или въ тетрадку, одного погладитъ по головкѣ, а другому для острастки дастъ выговоръ. Тѣмъ дѣло и кончалось. Директоръ уходитъ, и мы, ученики и учителя, опять принимаемся за свое» *).

Бѣлинскій учился очень странно, съ замѣчательною неравномѣрностью **). Вѣдомости его «успѣховъ» представляютъ собою смѣсь низшихъ баловъ — единицъ и двоекъ съ высшимъ въ то время баломъ—четверками. Хуже всего онъ учился по математикѣ, такъ себѣ по латыни—три 2, пять троекъ и одна 4, и превосходно

*) Буслаевъ, Воспоминанія. «Вѣстн. Евр.» 1890 г. № 11, стр. 27.

**) Отмѣтки Бѣлинскаго приводятся въ воспоминаніяхъ Лажечникова и съ еще большею полнотою въ «Истор. Очеркѣ» Зеленецкаго и Соловьева.

по исторіи, географіи, естественной исторіи и русской словесности— все четверки. Иностраннымъ языкамъ Бѣлинскій совсѣмъ не обучался. Такъ какъ въ тѣ времена выдавали награды за успѣхи по отдѣльнымъ предметамъ, то Бѣлинскій при переходѣ изъ 2 въ 3 классъ получилъ наградную книгу за «успѣхи изъ логики и реторики, исторіи и географіи». Въ третьемъ (предпослѣднемъ) классѣ онъ остался на второй годъ, повидимому, вслѣдствіе того, что пропускалъ очень много уроковъ, а на переходный экзаменъ совсѣмъ не явился. Въ гимназическихъ вѣдомостяхъ нехожденіе въ классъ Бѣлинскаго объяснено частью «согласіемъ родителей», которыхъ и въ Пензѣ то не было, частью «лѣностью». Эта оффиціальная отмѣтка ничего общаго съ дѣйствительностью не имѣла. Не являясь въ классъ, гдѣ его ожидала скука мертвеннаго преподаванія, Бѣлинскій дома «ни одной минуты не терялъ даромъ», по свидѣтельству Иванова, вѣчно читалъ, списывалъ то, что ему нравилось, дѣлалъ замѣтки. Въ университетъ онъ явился съ превосходнымъ знаніемъ литературы, которое, конечно, пріобрѣлъ не въ классѣ, а тогда, когда «по лѣности» въ классъ не ходилъ. Къ гимназическому ученію Бѣлинскій еще потому охладѣлъ, что задумалъ поступить въ университетъ ускореннымъ порядкомъ, по вступительному экзамену, въ то время очень нетрудному.

Какъ бы то ни было, въ вѣдомости за февраль 1829 г. фамилія Бѣлинскаго среди учениковъ 3 класса зачеркнута и въ графахъ, вмѣсто отмѣтокъ объ успѣхахъ и поведеніи, противъ его фамиліи, рукою директора Протопопова, сдѣлана слѣдующая помѣтка: «за нехожденіемъ не рекоменд.(ованъ)», затѣмъ въ дальнѣйшихъ мѣсячныхъ, начиная съ марта, имя Бѣлинскаго совсѣмъ не встрѣчается» *).

Итакъ, Бѣлинскій былъ исключенъ изъ гимназіи, но, къ чести гимназическаго начальства, не за «слабыя способности», какъ впослѣдствіи было мотивировано исключеніе Бѣлинскаго изъ университета. Напротивъ того, даже послѣ того, какъ онъ остался въ 3 классѣ на второй годъ, въ гимназическихъ вѣдомостяхъ отмѣчено: «способности и поведеніе—4». Наиболѣе же яркимъ проявленіемъ того, какъ цѣнило «лѣниваго» второгодника гимназическое начальство, можетъ служить слѣдующее свидѣтельство Буслаева, сообщенное имъ сначала для «Историческаго очерка пензенской гимназіи» Зеленецкаго, а затѣмъ повторенное въ «Воспоминаніяхъ» знаменитаго филолога:

«Въ 1829 году, когда поступилъ я въ первый классъ пензенской гимназіи, прежній учитель русскаго языка выбылъ, а новаго опредѣлить еще не успѣли. Тогда на нѣсколько мѣсяцевъ гимназическое начальство поручило обучать насъ гимназисту Бѣлынскому. Онъ уже кончилъ (?) курсъ въ это время, но оставался въ Пензѣ

---

*) Зеленецкій, Истор. Очеркъ, стр. 47.

потому что не имѣлъ средствъ ѣхать въ Москву, гдѣ намѣревался поступить въ университетъ» *).

Такое высокое довѣріе къ познаніямъ недавняго третьеклассника нельзя не считать фактомъ совершенно исключительнымъ. И понятно, что ученикамъ 1 класса должно было казаться, что ихъ обучаетъ человѣкъ, во всякомъ случаѣ уже «кончившій» гимназію, а никакъ не исключенный изъ нея за то, что по «лѣности» не посѣщалъ классовъ.

Внѣклассная жизнь Бѣлинскаго въ Пензѣ сложилась съ тѣмъ же преобладаніемъ глубокой серьезности, которая проникала все существо его и сказывалась даже во внѣшности его, въ крупныхъ чертахъ его съ отроческихъ лѣтъ суроваго **) лица. «Бѣлинскій велъ жизнь замкнуто, отчужденно, не любилъ общества, чуждался товарищей» ***). Почти предоставленный самому себѣ и имѣя полную возможность проводить время какъ ему угодно, молодой гимназистъ предавался исключительно занятіямъ умственнымъ и жилъ интересами исключительно духовными. Когда сходился онъ съ немногими пріятелями изъ семинаристовъ старшихъ классовъ, разговоръ тотчасъ же переходилъ на вопросы литературные, богословскіе и философскіе. Знакомыхъ онъ себѣ набиралъ только такихъ, съ которыми можно было обмѣниваться мыслями и спорить. Споръ и тогда былъ для него насущною потребностью, но не какъ умственная гимнастика и предлогъ блеснуть умомъ, а какъ средство добиться истины. Мы уже знаемъ изъ воспоминаній Попова, что онъ не сдавался до тѣхъ поръ, пока у него была хоть тѣнь сомнѣнія и съ «страшною увѣренностью говорилъ: совершенно справедливо», какъ только его въ чемъ-нибудь убѣждали.

Серьезность отвлеченныхъ интересовъ Бѣлинскаго—гимназиста и тѣхъ пріятелей, которыхъ онъ себѣ подобралъ, видна изъ переписки ****), которую они вели между собою, когда Бѣлинскій, передъ поѣздкой въ Москву, уѣхалъ въ Чембаръ. Переписка носитъ почти исключительно литературный характеръ, друзья дѣлились между собою литературными новинками, не лѣнились переписывать другъ для друга длиннѣйшія стихотворенія и цѣлые отрывки изъ поэмъ.

Матеріальная обстановка жизни Бѣлинскаго въ Пензѣ была незатѣйлива. Первый Поповъ отмѣтилъ, что онъ «видимо былъ безъ женскаго призора, носилъ платье кое-какое, иногда съ непочиненными прорѣхами». По воспоминаніямъ его гимназическаго товарища Иванисова *****), «Бѣлинскій жилъ въ большой бѣдности; зимой ходилъ въ нагольномъ тулупѣ; на квартирѣ жилъ въ самой дурной

*) Тамъ же и «Вѣстн. Евр.» 1890 г. № 11, стр. 9—10.

**) Тамъ же, стр. 45 и воспоминанія Попова въ статьѣ Лажечникова.

***) Воспоминанія Максимова въ «Истор. очеркѣ» Зеленецкаго.

****) Пыпинъ, I, стр. 29.

*****) «Моск. Вѣд.» 1861 г. № 135.

части города, вмѣстѣ съ семинаристами; мебель имъ замѣняли квасные боченки». Д. И. Ивановъ, по своему обыкновенію сглаживать неблагопріятное освѣщеніе раннихъ лѣтъ жизни своего знаменитаго родственника, протестуетъ противъ увѣреній Иванисова и объясняетъ показаніе его о «нищетѣ» пензенской обстановки Бѣлинскаго тѣмъ, что Иванисовъ принадлежалъ къ богатой купеческой семьѣ. Но предоставимъ опять рѣшающій голосъ самому Бѣлинскому, который писалъ своимъ родителямъ въ 1831 году: «Вы сами знаете, какъ сладки были лѣта моего младенчества... Учась въ гимназіи, я жилъ въ бѣдности, скитался по сквернымъ квартиришкамъ, находился въ кругу людей презрѣнныхъ» *).

Единственнымъ развлеченіемъ жившаго замкнутою жизнью Бѣлинскаго былъ театръ. Извѣстны вдохновенныя страницы «Литературныхъ мечтаній», посвященныя русскому театру и начинающіяся словами: «Театръ, любите-ли вы театръ такъ, какъ я люблю его, то есть всѣми силами души вашей, со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ изступленіемъ, къ которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлѣній изящнаго? Или, лучше сказать, можете-ли вы не любить театръ больше всего на свѣтѣ, кромѣ блага и истины?» Начало этой дѣйствительно «изступленной любви» относится къ пензенскому періоду жизни Бѣлинскаго. Не смотря на нужду и безденежье, онъ рѣдко пропускалъ представленія пензенской труппы помѣщика Гладкова. Среди извѣстныхъ въ публикѣ подъ именами Гришки, Мишки, Данилки крѣпостныхъ актеровъ (все горькихъ пьяницъ), были люди талантливые. Особенно выдавался нѣкій Гришка, очевидно по роли названный *Сулеймановымъ*, въ Сумароковскомъ «Дмитріѣ Самозванцѣ». Эта пьеса въ годы отрочества настолько понравилась Бѣлинскому, что онъ ее выучилъ всю *наизустъ* **). Такъ отдавался онъ съ первыхъ моментовъ сознательнаго существованія всякому порыву своихъ увлеченій!

На праздники и каникулы Бѣлинскій ѣздилъ въ Чембаръ и тутъ на него иной разъ нападали припадки лихорадочной веселости. Онъ устраивалъ домашніе спектакли, въ которыхъ самъ исполнялъ разныя трагическія и комическія роли, разъ нарядился странникомъ и въ такомъ видѣ ходилъ по домамъ, затѣвалъ игры, увеселенія и т. д. Большею частью, однако, ему было не до того. Неприглядная обстановка родной семьи, вѣчныя, становившіяся все невыносимѣе и невыносимѣе ссоры родителей, загулъ отца, все это гнало его изъ дома и большую часть времени онъ проводилъ въ мирномъ домѣ Ивановыхъ, гдѣ въ лицѣ молоденькой дочки Ивановыхъ—Катерины Петровны находилъ внимательную и умную собесѣдницу. Во время студенчества онъ часто переписывался съ Ивановой, но романическаго въ ихъ отношеніяхъ ничего не было. Бѣлинскій,

*) «Рус. Ст». 1876 г. т. XV, стр. 79.

**) Соч. т. I, стр. 474.

вообще, былъ не изъ «влюбчивыхъ». Натура его была слишкомъ глубока для легкаго, скоропреходящаго флирта. Въ области всякаго чувства онъ зналъ только привязанности серьезныя и всепоглощающія.

Въ августѣ 1829 года, преодолѣвъ не легкія денежныя препятствія, Бѣлинскій собрался, наконецъ, въ Москву, съ цѣлью поступить въ университетъ на филологическій или, какъ онъ тогда назывался, «словесный» факультетъ.

Кончилось отрочество, начиналась юность. Бѣлинскій вступалъ въ нее со всею неопытностью этого возраста въ вопросахъ практической жизни, но характеръ его сложился окончательно. Нравственный обликъ 19-лѣтняго Бѣлинскаго ни въ чемъ существенно не измѣнился въ позднѣйшіе годы. И красота этого облика была понятна не только другимъ, но и самому Бѣлинскому. Юноша сознавалъ цѣну своего душевнаго богатства. Какъ ни былъ онъ скроменъ и застѣнчивъ, какъ ни было ему чуждо всякое самовозвеличеніе, но ясно понимая душевную красоту во всякомъ другомъ и жадно ловя, гдѣ только можно, малѣйшій проблескъ высокихъ стремленій, Бѣлинскій не могъ же не понимать движеній собственнаго сердца. Поэтому нельзя не считать драгоцѣннѣйшимъ біографическимъ свидѣтельствомъ тѣ строки относящагося къ первымъ мѣсяцамъ пребыванія въ Москвѣ письма къ Попову, когда онъ, мимоходомъ и по другому поводу, такъ самъ себя характеризовалъ: «Имѣю пламенную, страстную любовь ко всему изящному, высокому, имѣю душу пылкую. Въ сердцѣ моемъ часто происходятъ движенія необыкновенныя, душа часто бываетъ полна чувствами и впечатлѣніями сильными, въ умѣ рождаются мысли высокія, благородныя».

Только человѣкъ дѣйствительно высокой душевной чистоты и могъ рѣшиться говорить о себѣ въ такомъ тонѣ, въ которомъ—вы это ясно чувствуете — чисто-личный элементъ не играетъ никакой роли. Есть только желаніе выразить всю полноту дѣйствительно до краевъ переполняющую душу настроенія.

Въ сферѣ интелектуальной, въ своихъ воззрѣніяхъ и взглядахъ, поступавшій въ университетъ Бѣлинскій само собою разумѣется далеко еще не сложился. Но то, что составляетъ сущность его критическаго дарованія—ненависть къ напыщенности и вульгарности и умѣніе отличить эстетически—цѣнное отъ эстетически—ничтожнаго сказывалось въ немъ уже и тогда вполнѣ точно и опредѣленно. Онъ, который всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ выучилъ наизустъ Сумароковскаго «Дмитрія Самозванца», теперь, въ первомъ письмѣ къ родителямъ, описывая университетскую библіотеку, съ сокрушеніемъ замѣчаетъ: «жалѣю, что между бюстами великихъ писателей стоятъ бюсты площадного Сумарокова, холоднаго, напыщеннаго и сухого Хераскова» *). Нельзя приписать это критическое отношеніе

*) «Русская Старина» 1876 г. т. XV, стр. 56.

одному только «духу Полевого и Надеждина», который Бѣлинскій—гимназистъ «жадно впитывалъ въ себя», по свидѣтельству Попова. Впрочемъ, «духъ» то, пожалуй, и ихъ былъ. Но практическіе выводы принадлежали уже чутью самого Бѣлинскаго, потому что Надеждинъ, какъ мы увидимъ далѣе, именно въ 1829 году, отнесся къ Сумарокову вполнѣ благосклонно, ставя его выше романтическихъ писателей *).

Раннее же эстетическое пониманіе Бѣлинскій высказалъ при такихъ обстоятельствахъ, которыя всякаго другого навѣрное заставили-бы споткнуться. Въ началѣ 1830 г., значитъ всего нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ Бѣлинскій поступилъ въ университетъ, онъ получилъ чрезвычайно лестное предложеніе: дать стихи «своего сочиненія» для альманаха «Пожинки», который Поповъ одно время собирался издавать вмѣстѣ съ Лажечниковымъ. Это приглашеніе, между прочимъ показывающее, что Поповъ дѣйствительно еще на школьной скамьѣ оцѣнилъ духовныя силы своего ученика, чрезвычайно взволновало Бѣлинскаго. И все же чувство уваженія къ литературѣ и критическое чутье даже по отношенію къ самому себѣ были настолько велики, что онъ, ни минуты не колеблясь, отказался отъ лестнаго предложенія. По поводу этого-то приглашенія Бѣлинскій и написалъ характеристику душевной жизни своей, которою я воспользовался выше. «Ваше желаніе», писалъ онъ Попову, «котораго я, не смотря на пламенное усердіе, не могу исполнить—все это привело меня въ необыкновенное состояніе радости, горести и замѣшательства. Бывши во второмъ классѣ гимназіи, я писалъ стихи и почиталъ себя опаснымъ соперникомъ Жуковскаго; но времена перемѣнились. Вы знаете, что въ жизни юноши всякій часъ важенъ: чему онъ вѣрилъ вчера, надъ тѣмъ смѣется завтра. Я увидѣлъ, что не рожденъ быть стихотворцемъ и, не хотя идти на перекоръ природѣ, давно уже оставилъ писать стихи. Въ сердцѣ моемъ часто происходятъ движенія необыкновенныя, душа часто полна чувствами и впечатлѣніями сильными, въ душѣ рождаются мысли высокія, благородныя—хочу ихъ выразить стихами и не могу! Тщетно трудясь, съ досадою бросаю перо. Имѣю пламенную, страстную любовь ко всему изящному, высокому, имѣю душу пылкую и, при всемъ томъ, не имѣю таланта выражать свои чувства и мысли легкими, гармоническими стихами. Риема мнѣ не дается и, не покоряясь, смѣется надъ моими усиліями; выраженія не уламываются въ стопы» **).

Въ этихъ немногихъ строкахъ девятнадцатилѣтняго юноши уже

*) Въ небольшой замѣткѣ одинъ изъ пензенскихъ товарищей Бѣлинскаго—Иванисовъ («Моск. Вѣд.» 1861 г. № 5) пытается доказывать, что вкусъ Бѣлинскаго въ Пензѣ былъ очень дуренъ. Но общій тонъ замѣтки свидѣтельствуетъ о такомъ умственномъ убожествѣ самого автора, что пользоваться его оцѣнками крайне рискованно.

**) Лажечниковъ, Сочиненія т. XII, стр. 279.

чувствуется весь послѣдующій Бѣлинскій-критикъ, съ его благородно-страстнымъ стилемъ, безконечнымъ уваженіемъ къ литературѣ, тонкимъ вкусомъ и ясностью анализа.

II.

Московскій университетъ конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ *).

Одною изъ характернѣйшихъ чертъ хода русской образованности является отсутствіе въ ней какой бы то ни было равномѣрности. Просвѣщеніе у насъ всегда возникало оазисами среди огромной пустыни нашей духовной тьмы. Вдругъ, почему-либо, въ одномъ мѣстѣ сквозь толстый покровъ некультурности прорывался свѣжій ключъ и быстро все вокругъ зеленѣло и распускалось пышнымъ цвѣтомъ. Замѣчательныя силы самой по себѣ богатѣйшей почвы получали выходъ и проявляли себя въ рядѣ подвиговъ ума и сердца. Но сплошь да рядомъ, стоило такому живоносному ключу по тѣмъ же случайнымъ причинамъ заглохнуть, чтобы опять кругомъ воцарилось безмолвіе пустыни.

Такими оазисами русскаго просвѣщенія всего чаще являлись высшія учебныя заведенія. И именно благодаря тому отсутствію равномѣрности, о которомъ я сейчасъ говорилъ, всякій изъ такихъ духовныхъ центровъ на время сосредоточивалъ въ себѣ почти *всѣ* силы эпохи. Такое центральное положеніе занимали, напр., въ началѣ 20-хъ годовъ Лицейско-Пушкинскій кружокъ, быстро захватившій скипетръ литературы; въ эпоху великихъ реформъ—студенчество петербургскихъ высшихъ учебрыхъ заведеній, изъ среды

---

*) Источники настоящей главы: 1) Шевыревъ, Исторія московскаго унив. 2) Словарь проф. москов. унив. 2 т. 3) Константинъ Аксаковъ, Студенческія воспоминанія въ «Днѣ» 1862, №№ 39—40. 4) Гончаровъ, И. А., Сочиненія т. IX. 5) «Былое и думы». 6) Г. Г Университетскія воспоминанія въ «Днѣ» 1863 г. 7) Полежаевъ, Стихотворенія. Спб. 1889 г. подъ ред. П. А. Ефремова. 8) Рябининъ, Александръ Полежаевъ, «Русск. Арх.» 1881 г. № 2. 9) Пыпинъ, Бѣлинскій, т. I, глава II. 10) Пироговъ, Записки. Въ „Русск. Ст." 1885, № 1. 11) Прозоровъ, Бѣлинскій и московскій университетъ въ его время. Изъ студенческихъ воспоминаній. Въ „Библ. д. чтенія" 1859 г., № 12, 12) Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина. т. 1, 2 и 3. 13) Буслаевъ, Воспоминанія. «Вѣст. Евр.» 1890 г., № 11—12. 14) Ляликовъ, Ф. Л., Студенческія воспоминанія, «Рус. Архивъ» 1875 г. III. 15) Костенецкій, Я. И. Воспоминанія изъ моей студенческой жизни. «Рус. Арх.» 1887 г. I, II. 16) Аргиландеръ, Н. А., В. Г. Бѣлинскій. Изъ моей студенческой съ нимъ жизни. «Рус. Старина» 1880 г. т. XXVIII, стр. 140—143. 17) Новыя данныя для біографіи В. Г. Бѣлинскаго. (1810—1840). Сообщилъ кн. Н. И. Енгалычевъ. «Рус. Старина» 1846 г. т. XV, стр. 46—87 и 324—347. 18) Увольненіе Бѣлинскаго изъ Московскаго университета. Сообщилъ С. П. Щепкинъ. «Рус. Ст.» 1876 г. т. XV, стр. 677—78. 19) И. Остров—въ, Нѣсколько словъ о Бѣлинскомъ. «Моск. Вѣд.» 1859 г., № 293.

котораго вышли почти всѣ литературные дѣятели 60-хъ годовъ. А въ началѣ тридцатыхъ годовъ всѣ тѣ дѣятели эпохи Бѣлинскаго, которые дали ей свою окраску, либо учились въ московскомъ университетѣ, либо сами въ немъ учили. Изъ московскихъ студенческихъ и профессорскихъ кружковъ тридцатыхъ годовъ изошли оба главныхъ теченія новой русской мысли—славянофильство и западничество.

Я уже отмѣтилъ въ началѣ настоящаго этюда, что московскій университетъ былъ около 1830 г. на рубежѣ новой эпохи, наканунѣ возрожденія, когда приливъ новыхъ преподавательскихъ силъ и новый духъ студенчества совершенно измѣнили патріархальную физіономію стараго университетскаго быта. Перемѣна произошла не вдругъ. Патріархальныя традиціи были еще очень сильны и въ ту эпоху, о которой сейчасъ будетъ рѣчь. Для поверхностнаго наблюдателя они даже давали окраску всей университетской жизни. Но уже пробивались первые и очень яркіе лучи новаго отношенія къ наукѣ и задачамъ человѣческаго существованія, начинало всходить, по выраженію Константина Аксакова, «солнце истины». Перемѣна происходила одновременно и въ студенчествѣ, и въ профессорскомъ персоналѣ и трудно съ опредѣленностью сказать, кто на кого вліялъ: новое-ли студенчество на профессоровъ новаго типа, или, наоборотъ, профессора новаго типа создали новое студенчество. Правильнѣе всего будетъ сказать, что тутъ происходило взаимодѣйствіе. Общимъ же источникомъ оживленія и для учащихъ, и для учащихся было литературное оживленіе конца 20-хъ годовъ, внесенное дѣятельностью Полевого, какъ отраженіемъ французскаго романтизма, и наплывомъ изъ Германіи новыхъ философскихъ идей

Повторяю, однако, перемѣну не такъ-то было легко замѣтить. Общую окраску, все-таки, давалъ университетъ стараго, патріархальнаго времени, такъ какъ число профессоровъ новаго типа было еще очень невелико, а нарожденіе новаго студенчества сколько-нибудь ярко выражалось только въ образованіи нѣсколькихъ небольшихъ кружковъ.

Въ жизни большинства студентовъ буйства и «шалости» всякаго рода занимали первенствующее мѣсто. Духъ буйнаго студенчества стараго типа, убивавшаго молодость на кутежи и безобразія, получилъ особенно яркое выраженіе въ скорбной біографіи Полежаева. Извѣстна печальная участь этого замѣчательнаго дарованія. Катастрофа, разразившаяся (1826) надъ Полежаевымъ изъ-за его поэмы «Сашка», долго давала дѣлу ложное освѣщеніе. Но теперь, когда «Сашка» напечатана почти цѣликомъ, съ опущеніемъ всего какихъ нибудь двухъ-трехъ политически-рѣзкихъ строкъ (которыя и повлекли за собою отдачу Полежаева въ солдаты), надо уже отдѣлить суровое наказаніе отъ самого произведенія. Сама по себѣ «Сашка» не просто-фривольная «шалость», а крайне-непригдядная картина низменнаго состоянія московскаго студенчества за два-три года до

вступленія въ университетъ дѣятелей эпохи Бѣлинскаго. Тутъ не «шалости», не «проказы», а душевная загрубѣлость и азіятчина. Уже одно вступленіе къ «Сашкѣ» коробитъ всякаго, кто привыкъ предъявлять къ литературѣ сколько-нибудь высокія требованія. Юный поэтъ бравируетъ своимъ цинизмомъ:

Не для славы
Для забавы
Я пишу.
Одобрѣнья
И презрѣнья
Не прошу.
Пусть кто хочетъ,
Тотъ хохочетъ,—
Я и радъ.
А развратенъ,
Непріятенъ,—
Пусть бранятъ.

Затѣмъ идетъ рядъ бытовыхъ картинъ, написанныхъ съ тѣмъ же бравированіемъ. Портретъ студента:

. . . . вотъ въ вицмундирѣ,
Держа въ рукахъ большой стаканъ,
Сидитъ съ пріятелемъ въ трактирѣ
Какой-то черненькій буянъ.
Веселье рьяное играетъ
Въ его закатистыхъ глазахъ
И сквернословіе летаетъ
На пылкихъ юноши устахъ.
Кричитъ... пуншъ блещетъ, брызжетъ пиво,
Графины, рюмки дребезжатъ...

и т. д. все въ томъ-же мажорномъ стилѣ. Авторъ очень доволенъ своимъ сквернословящимъ героемъ и выводитъ его вмѣстѣ съ компаніей такихъ же героевъ въ публику:

. . . .
И вижу въ Марьиной мы рощѣ
Блистаемъ славою своей.
Фуражки, взоры и походка,
Все дышетъ жизнью и поетъ;
Табачный ароматъ и водка
Разитъ, и пышетъ, и несетъ...
Идемъ, качаясь, величаво,
И всѣ дорогу намъ даютъ,
А дѣвы влѣво и направо
Отъ насъ со трепетомъ бѣгутъ.
Идемъ... И горе тебѣ дерзкій,
Взглянувшій искоса на насъ!
„Молчать!“ кричимъ, насупясь звѣрски,
Иль выбьемъ потроха какъ разъ!
Толпа иль дамъ, иль дѣвъ стыдливыхъ
Попалась въ давкѣ тѣсной намъ,
Цѣлуемъ миленькихъ, смазливыхъ,
И харкаемъ въ глаза каргамъ.

Кричимъ, поемъ, танцуемъ, свищемъ;
Пусть дураки на насъ глядятъ.
Намъ все равно, хвалы не ищемъ,
Пусть, что угодно говорятъ.

Въ «Сашкѣ» особенно поражаетъ не столько ея порнографическій сюжетъ (студенты атакуютъ домъ терпимости) и ея непристойности, ни мало не остроумныя, сколько ея полная некультурность и разгулъ какихъ-то чисто-азіатскихъ инстинктовъ. Можно ли примѣнить эпитеты «шалости» и «проказы» къ такимъ дикимъ подробностямъ разгрома, произведеннаго студентами въ пріютѣ «дѣвъ», куда не пустили пьяную ватагу:

Какъ лютый волкъ стремится Саша
На дѣву блѣдную одну
И распростерлася Дуняша,
Обливишись кровью на полу.
Какое страшное смятенье,
И дикій вопль, и крикъ, и ревъ,
И стонъ, и жалкое моленье
Нещадно избіенныхъ дѣвъ.

Не смотря на чудовищную грубость этой «потѣхи», Полежаевъ заканчиваетъ ея описаніе такимъ дифирамбомъ:

Скачите дѣвы, припѣвая:
Виватъ нашъ Сашка молодецъ,
А я, главу сію кончая,
Скажу: ей Богу, удалецъ.

На сколько вѣрна картина, нарисованная Полежаевымъ?

Объ этомъ есть два мнѣнія. Одни утверждаютъ, что въ лицѣ распутнаго героя поэмы—студента Сашки Полежаевъ далъ собственный портретъ и что вообще поэма представляетъ собою фотографически-точную картину студенческаго житья-бытья того времени. Другіе, главнымъ образомъ П. А. Ефремовъ, склонны думать, что Полежаевъ «напустилъ» на себя. Послѣднее, пожалуй, и вѣрно. Извѣстно, что участь, постигшая Полежаева, могла-бы быть еще суровѣе. Отчасти его спасло то, что когда былъ сдѣланъ университетскому начальству запросъ какого онъ поведенія, то получился отвѣтъ: отличнаго. Но тѣмъ все это характернѣе. Въ каждой эпохѣ перемѣшаны самые разнообразные элементы, есть задатки всѣхъ типовъ, теченій и настроеній. Но господство получаетъ одно что-нибудь, а остальное до поры до времени прячется. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ въ русскомъ студенчествѣ не было недостатка въ элементахъ карьеризма, сословнаго чванства и пошлости всякаго рода, но все это пряталось и стыдилось. Напротивъ того, въ 80-хъ и 90-хъ годахъ не было недостатка въ юношахъ высокаго душевнаго строя, но обстоятельства были неблагопріятны для нихъ и тонъ студенческой жизни задавали шикари, бѣлоподкладочники и трактирные засѣдатели. Тоже самое было и въ студенческіе годы Полежаева, который безспорно на себя «напускалъ», но «напускалъ» въ доминирующемъ тонѣ времени.

Исторія Полежаева относится къ 1826 году. Черезъ 3—4 года вступили въ университетъ Герценъ, Огаревъ, Бѣлинскій, Константинъ Аксаковъ и Станкевичъ. О такихъ грандіозныхъ буйствахъ уже было мало слышно, но болѣе невинныя проказы, шалости, продѣлки всякаго рода, подчасъ весьма забавныя, были въ большомъ ходу. Теперь уже едва ли даже въ старшихъ классахъ гимназіи выкидываютъ такія штуки: «Однажды, когда одинъ профессоръ, читавшій лекціи по вечерамъ, долженъ былъ придти въ аудиторію, студенты, закутавшись въ шинели, забились по угламъ аудиторіи, слабо освѣщенной лампою, и какъ только онъ появился, запѣли: «се женихъ грядетъ во полунощи». Въ другой разъ, на лекцію къ тому-же профессору принесли воробья и во время лекціи выпустили: воробей принялся летать, а студенты, какъ будто въ негодованіи на нарушеніе порядка, принялись усердно ловить его». «Едва ли не на каждой лекціи профессора реторики Побѣдоносцева на первомъ курсѣ повторялось слѣдующее. Обычный шумъ, господствовавшій въ его аудиторіи, на минуту прекращался и водворялась глубочайшая тишина; преподаватель, обрадованный необыкновеннымъ безмолвіемъ, громко начиналъ читать что-нибудь о Ломоносовѣ, или о хріи простой и извращенной; но тишина эта была самая коварная, раздавался тихій, мелодическій свистъ, обыкновенно мазурка или какой-нибудь другой танецъ; Побѣдоносцевъ останавливался въ недоумѣніи; музыка умолкала, а за ней слѣдовалъ взрывъ рукоплесканій и неистовый топотъ... Трудно повѣрить, что подобная продѣлка повторялась безчисленное множество разъ» *).

Нужно ли удивляться, что подобное студенчество не внушило особеннаго уваженія учившемуся въ то время въ московскомъ университетѣ Лермонтову? Лермонтовъ одинъ только разъ и вспомнилъ о товарищахъ. Но какъ вспомнилъ?

Хвала тебѣ, пріютъ лѣнтяевъ **).

Вотъ и все, что подсказала ему память при воспоминаніи о московскомъ университетѣ, который онъ безъ всякаго сожалѣнія покинулъ для школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

Было ли, однако, проказничавшее московское университетское юношество совершенно лишено болѣе серьезныхъ стремленій? Отнюдь нѣтъ. Вернемся опять къ «Сашкѣ», приглядимся къ другимъ подробностямъ поэмы и мы увидимъ, что если въ буйствѣ Полежаевскаго пошиба было много грубаго и некультурнаго, то все-таки не было и испорченности. Рядомъ съ трактирными подвигами, Полежаевъ сообщаетъ и такія подробности о своемъ героѣ:

---

*) Пыпинъ, Бѣлинскій, I, стр. 63.

**) Строка изъ непопавшаго въ собраніе соч. Лермонтова стихотворенія его, посвященнаго московск. университету. Отрывокъ изъ него приведенъ въ университетскихъ воспоминаніяхъ Г. Г. въ «Днѣ» 1863 г.

Черты характера его:
Свобода въ мысляхъ и поступкахъ,
Не знать судьею никого,
Ни подчиненности трусливой,
Ни лицемѣрія ханжей.
. . . .
Судить рѣшительно и смѣло
Умомъ своимъ о всѣхъ вещахъ,
И къ фарисеямъ въ хомутахъ
Горѣть враждой закоренѣлой.

Вѣрность этой характеристики вполнѣ подтверждается записками знаменитаго Пирогова, учившагося въ московскомъ университетѣ въ годы Полежаева. Пироговъ даетъ подробное описаніе жизни казеннокоштныхъ студентовъ, которые тогда жили въ огромныхъ общихъ комнатахъ, называвшихся «номерами». Пироговъ описываетъ № 10. Во многомъ это тѣ же безобразные кутежи и буйства, что въ «Сашкѣ». Но сюда же широкою волною вливались и другія стремленія или, по терминологіи того времени, «вольнодумство». Толковали тутъ и о предразсудкахъ общественныхъ, и о свободѣ изслѣдованія и наслышался тутъ Пироговъ такихъ вещей, что его, воспитаннаго въ патріархальныхъ понятіяхъ, «съ непривычки морозъ по кожѣ подиралъ». «Стихи въ родѣ «Оды на вольность», «Къ временщику» Рылѣева, «Гдѣ тѣ, острова, братцы» и т. д. ходили по рукамъ, читались съ жадностью, переписывались и перечитывались сообща при каждомъ удобномъ случаѣ» *). Катастрофа, разразившаяся надъ Полежаевымъ, была вызвана именно этою стороною поэмы, а не фривольностью ея.

Мало по малу стремленіе Сашки

Судить рѣшительно и смѣло
Умомъ своимъ о всѣхъ вещахъ

рѣшительно возобладало и общая духовная физіономія студенчества совершенно измѣняется. Извѣстное морализующее вліяніе оказало устройство въ университетѣ домашняго театра, на которомъ съ большимъ успѣхомъ подвизались студенты подъ руководствомъ начинавшаго становиться очень извѣстнымъ актера Щепкина. Но всего благотворнѣе вліяли явившіеся какъ результатъ общаго подъема литературные кружки. Такъ въ № 11, куда попалъ Бѣлинскій, «участники литературныхъ вечеровъ разсуждали о прочитанномъ въ журналахъ, о лекціяхъ профессоровъ и читали собственные сочиненія и переводы. Главными учредителями вечеровъ были М. Б. Чистяковъ, извѣстный впослѣдствіи педагогъ, и Бѣлинскій. Первый переводилъ тогда съ нѣмецкаго «теорію изящныхъ искусствъ» Бахмана, которую посвятилъ студентамъ университета, и былъ секретаремъ «вечеровъ»; президента въ обществѣ не было; секретарь

---

*) «Русск. Старина», 1885 г., № 1.

долженъ былъ читать въ собраніяхъ приготовленныя сочиненія; имена авторовъ не назывались—для свободы критики» *).

На этихъ то вечерахъ и прочиталъ Бѣлинскій свою трагедію, за которую ему пришлось такъ сильно поплатиться.

«Умственная дѣятельность въ 11-мъ нумерѣ», разсказываетъ **) одинъ изъ университетскихъ товарищей Бѣлинскаго Прозоровъ, «шла бойко. Споръ о классицизмѣ и романтизмѣ еще не прекращался тогда между литераторами, не смотря на глубокомысленное (?) и многостороннее рѣшеніе этого вопроса Надеждинымъ въ его докторскомъ разсужденіи о происхожденіи и судьбахъ поэзіи романтической... И между студентами были свои классики и романтики, сильно ратовавшіе между собою на словахъ. Нѣкоторые изъ старшихъ студентовъ, слушавшіе теорію краснорѣчія и поэзіи Мерзлякова и напитанные его переводами изъ греческихъ и римскихъ поэтовъ, были въ восторгѣ отъ его перевода Тассова «Іерусалима» и очень неблагосклонно отзывались о «Борисѣ Годуновѣ» Пушкина, только что появившемся въ печати, съ торжествомъ указывая на глумливые о немъ отзывы въ «Вѣстникѣ Европы». Первогодичные студенты, воспитанные въ школѣ Жуковскаго и Пушкина и не заставшіе уже въ живыхъ Мерзлякова, мало сочувствовали его переводамъ и взамѣнъ этого знали наизусть пѣсни его и безпрестанно декламировали цѣлыя сцены изъ комедіи Грибоѣдова, которая тогда еще не была напечатана. Пушкинъ приводилъ насъ въ неописанный восторгъ. Между младшими студентами самымъ ревностнымъ поборникомъ романтизма былъ Бѣлинскій, который отличался необыкновенною горячностью въ спорахъ, и, казалось, готовъ былъ вызвать на битву всѣхъ, кто противорѣчилъ его убѣжденіямъ».

Еще болѣе лестны отзывы Герцена о своихъ товарищахъ:

«Молодежь была прекрасная въ нашъ курсъ. Именно въ это время пробуждались у насъ больше и больше теоретическія стремленія. Семинарская выучка и шляхетская лѣность равно исчезали... Порядочный кругъ студентовъ не принималъ больше науку за необходимый, но скучный проселокъ, которымъ скорѣе объѣзжаютъ въ коллежскіе ассесоры. Возникшіе вопросы вовсе не относились до табели о рангахъ ***)».

Резюмируя вліяніе, которое оказало на него студенчество, Константанъ Аксаковъ говорилъ:

«Въ эпоху студенчества, первое что охватывало молодыхъ людей, это—общее веселіе молодой жизни, это—чувство общей связи товарищества. Конечно, это-то и было первымъ мотивомъ студенческой жизни. Но въ то же время слышалось, хотя не сознательно, и то, что молодыя эти силы собраны все-же во имя науки, во имя

*) Пыпинъ, I, стр. 50.

**) Въ «Библ. д. Чт.» 1859 г. № 12.

***) «Былое и думы».

высшаго интереса истины... Спасительны эти товарищескія отношенія, въ которыхъ слышна молодость человѣка, и этотъ человѣкъ здѣсь не аристократъ и не плебей, не богатый и не бѣдный, а просто человѣкъ. Такое чувство равенства, въ силу человѣческаго имени, давалось университетомъ и званіемъ студента... Главная польза такого общественнаго воспитанія заключается въ общественной жизни юношей, въ товариществѣ, въ студенчествѣ самомъ. Общественно-студенческая жизнь и общая бесѣда, возобновлявшаяся каждый день, много двигали впередъ здоровую молодость». Вслѣдъ затѣмъ Аксаковъ прибавляетъ: «Правда, «солнце истины», представляемое университетской *наукой*, свѣтило тогда тускло и холодно, но живыя, неподавленныя силы находили въ ней дорогу» *).

Запомните это сопоставленіе между вліяніемъ студенческой среды и вліяніемъ самой университетской «науки». Оно намъ сослужитъ большую службу для рѣшенія вопроса о томъ, дѣйствительно-ли Бѣлинскаго можно считать «недоучившимся студентомъ», какъ утѣшали себя люди, уничтоженные силою его сарказмовъ и нападеній и только и съумѣвшіе ихъ отпарировать такимъ милымъ аргументомъ ad hominem.

Я бралъ до сихъ поръ новое московское студенчество въ основныхъ его очертаніяхъ, совершенно пока оставляя въ сторонѣ тѣ два замѣчательныхъ кружка, изъ которыхъ вышла вся новѣйшая русская литература—Станкевича и Герцена, какъ явленія исключительныя. И помимо нихъ мы можемъ послѣ всего сказаннаго констатировать, что въ годы пребыванія Бѣлинскаго въ университетѣ типъ студента-забулдыги уже не могъ считаться господствующимъ. Медленно, но систематически недавній буршъ превращался въ энтузіаста, поглощеннаго высшими стремленіями. И этой стороной университетскаго воздѣйствія пользовался, конечно, всякій студентъ, независимо отъ того, удавалось-ли ему завершить пребываніе въ университетѣ полученіемъ диплома или нѣтъ.

Перейдемъ теперь къ другому фактору университетской жизни—профессорамъ и посмотримъ, въ какой мѣрѣ могъ пострадать Бѣлинскій отъ того, что ему не удалось кончить университетъ оффиціально.

Въ профессорскомъ персоналѣ конца 20-хъ и 30-хъ годовъ шла тоже смѣна патріархальности и новыхъ теченій, причемъ на первый взглядъ, опять таки, тонъ какъ-будто давало старое профессорство, не очень то напоминавшее «жрецовъ» «храма науки». Вотъ, напр., маленькая картинка нравовъ изъ записокъ студента 20-хъ годовъ Ляликова. Привезли его родители въ Москву отдавать въ университетъ и боялись, что могутъ встрѣтиться какія-нибудь препятствія. Въ виду этого, разсказываетъ Ляликовъ, «ужъ не знаю почему, по слуху-ли о вліятельныхъ лицахъ въ университетѣ или такъ,

*) День, 1862 г., №39—40.

изъ уваженія, родители рѣшились сдѣлать визитъ со мною Н. Н. Сандунову и М. М. Снегиреву. Припомните, то было время сюрпризовъ и *съ пустыми руками не ходили*. Матушка запаслась полотенцами, хорошими, съ вышивками и кружевами. Пошли сначала къ Н. Н. Сандунову. Онъ принялъ насъ оригинально и по своему ласково. Матушка поднесла полдюжины полотенецъ. Благодарилъ».

Замѣтьте, что Сандуновъ (юристъ) былъ не кто-нибудь, а звѣзда факультета и всего университета.

«Другая полдюжины полотенецъ вручена была супругѣ М. М. Снегирева, которая насъ очень обласкала, какъ и онъ самъ».

И Снегиревъ былъ одинъ изъ виднѣйшихъ представителей университетской науки.

А вотъ какъ лѣчилъ профессоръ Мудровъ, одинъ изъ первыхъ практиковъ своего времени, къ дарованіямъ котораго знаменитый Пироговъ относится съ большимъ уваженіемъ. Тотъ-же Ляликовъ описываетъ пріемную Мудрова: «на стѣнѣ висѣла таблица за стекломъ въ рамкѣ, съ оглавленіемъ, какимъ святымъ и отъ какой болѣзни должно служить молебны (это было написано киноварью) и затѣмъ длинный рядъ названій болѣзней на одной половинѣ листа и исчисленіе святыхъ на другой» *).

Ученый цензъ профессоровъ стараго типа, за небольшими исключеніями, былъ весьма малъ. Въ тѣ времена профессора не составляли самостоятельныхъ курсовъ, какъ это установилось въ 40-хъ годахъ, а читали по тому или другому переводному учебнику. Читали не словесность вообще, а «словесность по Бургію», «право по Гейнекцію» и т. д. Даже такой истинно-ученый человѣкъ какъ Каченовскій читалъ не всеобщую исторію, а «всеобщую исторію по Плецену». Съ позднѣйшей точки зрѣнія все это ничѣмъ не отличалось отъ гимназіи, и велось преподаваніе тоже по гимназически. Очень часто профессоръ обращался къ студенту съ просьбою «повторить».

Но даже въ тѣсныхъ предѣлахъ считыванія по тощему учебнику, университетское преподаваніе стараго типа сплошь да рядомъ было великимъ курьезомъ. Пироговъ прямо пишетъ, что на нѣкоторыя лекціи студенты собирались какъ на своего рода забавный спектакль: «теперь нельзя себѣ составить и приблизительно понятіе о томъ господствѣ комическаго элемента, который я засталъ еще въ университетѣ». Медики «ходили на лекціи своего и другого факультета нерѣдко для потѣхи. И теперь безъ смѣха нельзя себѣ представить Вас. Мих. Котельницкаго, идущаго въ нанковыхъ бланжевыхъ штанахъ въ сапоги (а сапоги съ кисточками), съ кулькомъ въ одной рукѣ и съ фармакологіею Шпренгеля, переводъ Іовскаго, подъ мышкою. Это онъ, Вас. Мих. Котельницкій (проживавшій въ университетѣ), идетъ утромъ съ провизіею изъ Охотнаго.

*) «Рус. Арх.» 1875 г. III.

ряда на лекцію. Онъ отдаетъ кулекъ сторожу, а самъ ранехонько утромъ отправляется на лекцію, садится, вынимаетъ изъ кармана очки и табакерку, нюхаетъ звучно, съ храпомъ табакъ и, надѣвъ очки, раскрываетъ книгу, ставитъ свѣчку прямо передъ собою и начинаетъ читать слово въ слово и притомъ съ ошибками. Вас. Мих. съ помощью очковъ читаетъ въ фармакологіи Шпренгеля, переводъ Іовскаго: «Клещевинное масло, oleum ricini, — китайцы придаютъ ему горькій вкусъ». Засимъ кладетъ книгу, нюхаетъ съ всхрапываніемъ табакъ, и объясняетъ намъ, смиреннымъ его слушателямъ: «вотъ, видишь ли, *китайцы* придаютъ клещевинному-то маслу горькій вкусъ». Мы между тѣмъ, смиренные слушатели, читаемъ въ той же книгѣ: вмѣсто китайцевъ—*кожицы* придаютъ ему горькій вкусъ» *).

О такомъ-же знаніи своего предмета свидѣтельствуютъ воспоминанія Герцена, учившагося на физико-математическомъ факультетѣ. Профессоръ Чумаковъ, напр., «*подгонялъ* формулы къ тѣмъ, которыя были въ курсѣ Пуансо, съ совершеннѣйшей свободой помѣщичьяго права, прибавляя, убавляя буквы, принимая квадраты за корни и x за извѣстное». Ѳ. Ѳ. Рейсъ «никогда не читалъ химіи далѣе водорода. Рейсъ попалъ въ профессора химіи потому, что не онъ, а его дядя занимался когда-то ею. Въ концѣ царствованія Екатерины старика пригласили въ Россію; ему ѣхать не хотѣлось—онъ отправилъ вмѣсто себя племянника...».

Рядомъ съ этими прямыми невѣждами, были и знающіе, но такіе чудаки, что и ихъ лекціи больше забавляли, чѣмъ научали студентовъ. Таковъ былъ, напр., изъ профессоровъ Герцена минералогъ А. Л. Ловецкій. «У него были созданы неизмѣнныя рубрики для формулярныхъ списковъ каждаго минерала, отъ которыхъ онъ никогда не отступалъ. Случалось, что характеристика иныхъ опредѣлялась отрицательно: кристаллизація—не кристаллизуется, употребленіе—никогда не употребляется, польза—вредъ, приносимый организму» **).

На словесномъ факультетѣ славился своимъ чудачествомъ профессоръ греческой словесности С. М. Ивашковскій, составитель весьма цѣннаго словаря. «Какъ истолкователь ученія Сократа и Платона, онъ не любилъ лжи, софизмовъ и шутокъ, которыми отличался его собратъ, преподаватель латинской стилистики. Однажды собрались наши ученые у Мерзлякова въ Сокольникахъ. Истолкователь Горація и Саллюстія, зная рьяную натуру своего собрата, завелъ съ нимъ какой-то споръ и всѣми мѣрами старался поддержать ложное мнѣніе. Ревнитель истины разсердился и незамѣтно скрылся. Проходитъ часа два, какъ вдругъ увидѣли Семена Мартыновича въ окно, крупно шагающаго съ фоліантомъ подъ мышкою. Вошедши

*) «Рус. Старина», 1885 г., № 1.
**) «Былое и Думы». Часть I.

въ комнаты, весь въ пыли и поту, онъ съ торжествующимъ видомъ восклицаетъ, указывая на замѣченное мѣсто раскрывшагося фоліанта: «вотъ—*будетъ* *)—смотрите. Вѣдь я говорилъ, что моя правда». Таковъ былъ Семенъ Мартыновичъ. Ни почемъ было прошагать ему десять верстъ взадъ и впередъ, чтобы принесеннымъ изъ дома фоліантомъ опровергнуть ложную мысль, незаконно защищаемую. Но студенты, кромѣ двухъ-трехъ человѣкъ въ курсѣ, учились плохо у этого ревнителя истины, знавшаго свой предметъ, но совершенно не способнаго заинтересовать имъ своихъ слушателей, и студенты на лекціяхъ обыкновенно старались заговаривать его, чтобы сократить время занятій, имъ мудреныхъ. Лекціи не обходились безъ комическихъ подробностей, при чудачествѣ профессора, который раздражался невѣжествомъ своихъ слушателей. Всего интереснѣе были вопросы его изъ греческой словесности; онъ начиналъ, обращаясь къ которому нибудь изъ студентовъ: «что такое будетъ греческая словесность?»—«Поле, Семенъ Мартыновичъ», громко отвѣчалъ вопрошаемый.—«Да, будетъ, поле, но какое?» И если студентъ не вдругъ отвѣчалъ, то Ивашковскій подхватывалъ съ жаромъ и скороговоркою: «греческая словесность, будетъ, поле, и поле обширное, будетъ»... и оставался очень доволенъ такимъ опредѣленіемъ» **).

Но не только изъ чудаковъ и малосвѣдущихъ, хотя и добродушныхъ людей состоялъ профессорскій персоналъ стараго типа. Были и злые невѣжды. Къ числу ихъ принадлежалъ, напр., Маловъ, авторъ весьма громкой «маловской исторіи», разыгравшейся въ первый годъ студенчества Бѣлинскаго. Въ этой исторіи, любопытной не только для характеристики профессоровъ стараго типа, но и для характеристики новаго студенчества, принялъ руководящее участіе Герценъ, и повидимому до извѣстной степени за участіе въ ней долженъ былъ оставить университетъ Лермонтовъ. «Маловъ, разсказываетъ Герценъ въ «Быломъ и Думахъ», былъ «глупый, грубый и необразованный профессоръ въ политическомъ отдѣленіи. Студенты презирали его, смѣялись надъ нимъ. «Сколько у васъ профессоровъ въ отдѣленіи?» спросилъ какъ то попечитель у студента въ политической аудиторіи. «Безъ Малова девять», отвѣчалъ студентъ. Вотъ этотъ то профессоръ, котораго надобно было вычесть для того, чтобъ осталось девять, сталъ больше и больше дѣлать дерзостей студентамъ. Студенты рѣшились прогнать его изъ аудиторіи. Сговорившись, они прислали въ наше отдѣленіе двухъ парламентеровъ, приглашая меня придти съ вспомогательнымъ войскомъ. Я тотчасъ объявилъ кличъ идти войной на Малова, нѣсколько человѣкъ пошли со мной;

*) Любимое его слово, которое онъ говорилъ чуть не за каждымъ словомъ. Студенты называли это: въ прикуску.

**) Разсказъ современника (М. Б. Чистякова?), составленный для труда А. Н. Пыпина (I, стр. 64).

когда мы пришли въ политическую аудиторію, Маловъ былъ на лицо и видѣлъ насъ. У всѣхъ студентовъ на лицахъ былъ написанъ одинъ страхъ, ну какъ онъ въ этотъ день не сдѣлаетъ никакого грубаго замѣчанія? Страхъ этотъ скоро прошелъ. Черезъ край полная аудиторія была непокойна и издавала глухой, сдавленный гулъ. Маловъ сдѣлалъ какое то замѣчаніе, началось шарканье. «Вы выражаете ваши мысли какъ лошади ногами», замѣтилъ Маловъ, воображавшій вѣроятно, что лошади думаютъ галопомъ и рысью, и буря поднялась—свистъ, шиканье, крикъ «вонъ его, вонъ его, pereat!» Маловъ, блѣдный какъ полотно, сдѣлалъ отчаянное усиліе овладѣть шумомъ, и не могъ, студенты вскочили на лавки. Маловъ тихо сошелъ съ каѳедры и, съежившись, сталъ пробираться къ дверямъ, аудиторія за нимъ, его проводили по университетскому двору на улицу и бросили вслѣдъ за нимъ калоши» *).

Репутація Малова была настолько внѣ споровъ, что, не смотря на суровость эпохи, дѣло для студентовъ кончилось относительно пустяками, а Малова уволили отъ службы.

Изъ профессоровъ стараго типа на словесномъ факультетѣ представлялъ серьезный интересъ одинъ только историкъ Каченовскій, но онъ читалъ монотонно и сухо и разбрасывался на археологическія мелочи. Къ тому же самостоятельно онъ читалъ только русскую исторію, всеобщую же исторію весьма скучно читалъ «по Пелицу». Мерзляковъ былъ когда то серьезною умственною силою, но въ годы студенчества Бѣлинскаго онъ былъ настолько дряхлъ (умеръ въ 1830 г.) и такъ часто прибѣгалъ къ «чарочкѣ», что рѣдко и читалъ. Бѣлинскій едва ли его слушалъ.

Закончимъ нашъ обзоръ профессоровъ «стараго стиля» характернымъ разсказомъ объ одномъ изъ тогдашнихъ декановъ: «когда требовалось отъ преподавателей, по какому руководству они будутъ читать—по своему ли собственному, или какого-нибудь извѣстнаго автора, онъ отвѣчалъ, что «будетъ читать по Пленку, что умнѣе Пленка то не сдѣлаешься, хоть и напишешь свое собственнное». Когда, однажды, стали при немъ хвалить молодого преподавателя, только-что возвратившагося изъ Италіи, онъ отвѣчалъ: «ну, не хвалите прежде времени, поживетъ съ нами, такъ поглупѣетъ» **).

Послѣ такого признанія не покажется особенною утрировкою слѣдующая выдержка изъ письма Пушкина къ Погодину:

«Жалѣю, писалъ Пушкинъ въ іюнѣ 1831 г., что вы не раздѣлались еще съ московскимъ университетомъ, который долженъ рано или поздно извергнуть васъ изъ среды своей, ибо ничего чуждаго не можетъ оставаться ни въ какомъ тѣлѣ, а ученость, дѣятельность и умъ чужды московскому университету» *).

*) «Былое и Думы», часть 1.
**) Пыпинъ, I, 61—62.
***) Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. III, стр. 308.

Суровъ этотъ приговоръ, отчасти даже несправедливъ, потому что нѣкоторымъ профессорамъ стараго типа, напр. Каченовскому, нельзя было отказать ни въ учености, ни въ дѣятельности, ни въ умѣ. Этотъ приговоръ даже не совсѣмъ безпристрастенъ, потому что Пушкинъ былъ очень сердитъ на нападавшаго на него Каченовскаго, котораго приравнивалъ къ Тредьяковскому. Пушкинъ былъ даже сердитъ на сотрудника Каченовскаго — молодого Надеждина, который уже всецѣло принадлежалъ къ профессорству новаго типа. Но въ общемъ, всетаки, отзывъ Пушкина безусловно вѣренъ и нечего удивляться тому, что галлерея невѣждъ и чудаковъ, которая продефилировала передъ нами, ничего кромѣ отрицательнаго впечатлѣнія на слушателей произвести не могла. Изъ біографіи даже такого патентованнаго ученаго, какъ Константинъ Аксаковъ, мы видимъ, что положительныхъ знаній онъ почти не вынесъ изъ университета. Онъ ихъ пріобрѣлъ впослѣдствіи.

Не вынесъ ихъ въ большемъ количествѣ и Бѣлинскій. И вліяніе университетскаго ученія на него было бы совершенно ничтожно, еслибы онъ не попалъ въ эпоху смѣны стараго профессорскаго типа новымъ, когда допотопные мастодонты и ихтіозавры старой университетской формаціи мало-по-малу уступили мѣсто людямъ, стоявшимъ на высотѣ истинно-университетскихъ требованій.

Объ этой немногочисленной, но сильной талантами группѣ молодыхъ ученыхъ я скажу въ слѣдующей главѣ, въ связи съ юношескою драмою Бѣлинскаго «Дмитрій Калининъ», до сихъ поръ еще неоцѣненной по достоинству.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

С. Венгеровъ.

Поздняя радость.

Лѣсъ увядаетъ—и падаетъ
Листьевъ шумливый потокъ...
Поздняя радость не радуетъ:
Вотъ запоздалый цвѣтокъ
Выглянулъ; счастьемъ сіяющій,
Синій смѣется глазокъ...
Грустно гигантъ умирающій
Смотритъ на блѣдный цвѣтокъ.

* * *

Поздняя радость не радуетъ,
Тайный лишь будитъ укоръ.
Годы промчались—и падаетъ
Тяжкій тюремный затворъ.
Свѣта потокъ ослѣпительный
Вспыхнулъ на мрачныхъ стѣнахъ,
Воздухъ ворвался живительный...
Узникъ выходитъ, въ слезахъ.

* * *

Что ему солнце веселое,
Краски и запахъ цвѣтовъ?
Сброшены цѣпи тяжелыя—
Сбросишь-ли тяжесть годовъ?
Скроешь-ли волосы бѣлые,
Силу воротишь-ли вновь?
Сгибли товарищи смѣлые,
Юность, отвага, любовь!..

П. Я.

Очерки законодательства о трудѣ въ Германіи.

II.

Реформа 1891 года и нынѣшнее состояніе фабричнаго законодательства.

1.

Международная конференція о защитѣ рабочихъ, засѣдавшая въ мартѣ 1890 года въ Берлинѣ, выработала рядъ минимальныхъ требованій къ законодательствамъ всѣхъ культурныхъ народовъ, которыя въ заключительномъ протоколѣ конференціи формулированы въ слѣдующихъ пожеланіяхъ.

Въ горныхъ промыслахъ постепенно должна быть запрещена подземная работа дѣтей моложе 14 лѣтъ (въ южныхъ странахъ моложе 12 лѣтъ) и женщинъ. Что касается взрослыхъ рабочихъ, то желательно, чтобы въ тѣхъ копяхъ, въ которыхъ по какимъ-либо причинамъ опасность для жизни и здоровья не вполнѣ можетъ быть устранена, работа была сокращена. Каждой странѣ предоставляется рѣшить этотъ вопросъ путемъ законодательнымъ или же свободнымъ договоромъ между владѣльцами горныхъ предпріятій. Это послѣднее постановленіе выражаетъ такимъ образомъ, что принципіально нѣтъ возраженій противъ законодательнаго урегулированія труда взрослыхъ рудокоповъ.

Относительно воскреснаго отдыха конференція высказывается за предоставленіе рабочимъ въ промышленности одного дня отдыха въ недѣлю. Желательно, чтобы это было въ воскресенье. Исключенія допускаются относительно предпріятій, требующихъ по необходимымъ причинамъ непрерывной работы, или доставляющихъ публикѣ необходимые припасы, изготовляемые ежедневно, или же по самому характеру своего производства работающихъ только въ извѣстное время года. Однако и во всѣхъ этихъ исключеніяхъ рабочимъ нужно предоставить хотя два свободныхъ воскресенья въ мѣсяцъ.

Дѣтскій трудъ въ промышленности долженъ допускаться только

съ 12 лѣтъ (въ южныхъ странахъ съ 10), съ тѣмъ, однако, чтобы дѣти раньше удовлетворили требованіямъ элементарнаго обученія. Дѣти моложе 14 лѣтъ могутъ работать только днемъ въ будни не болѣе 6 часовъ въ сутки. Ихъ вовсе не слѣдуетъ допускать, или только съ соблюденіемъ особыхъ гарантій, къ нездоровымъ и опаснымъ занятіямъ. Желательно, чтобы *малолѣтніе 14—16 лѣтъ* не работали ночью и по праздникамъ, чтобы трудъ ихъ продолжался не болѣе 10 часовъ, съ періодическими паузами въ 1½ часа, и чтобы въ особенно вредныхъ производствахъ приняты были еще большія ограниченія. Ограниченный закономъ максимальный рабочій день, ночной и воскресный отдыхъ необходимы въ нездоровыхъ или вредныхъ занятіяхъ молодымъ людямъ въ возрастѣ 16—18 лѣтъ. Что касается *женскаго труда*, то желательно, чтобы женщины и дѣвушки не работали ночью, чтобы онѣ пользовались максимальнымъ рабочимъ днемъ въ 11 часовъ (съ 1½-часовыми паузами). Въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ быть допущены исключенія. Въ особенно нездоровыхъ и опасныхъ промыслахъ нужны дальнѣйшія ограниченія. Роженицы могутъ допускаться къ работамъ только черезъ 4 недѣли послѣ родовъ.

Эти постановленія, съ ихъ дипломатическими разграниченіями между «должнымъ» и «желательнымъ», не могли удовлетворить рабочихъ, выставившихъ на международномъ парижскомъ конгрессѣ 1889 г. несравненно болѣе широкія требованія.

Германскому правительству нужно отдать справедливость: оно было единственное, немедленно приступившее къ осуществленію требованій берлинской конференціи *). Это, однако, еще небольшая заслуга, если имѣть въ виду, что въ Англіи, Швейцаріи и Австріи по главнымъ статьямъ фабричнаго законодательства уже существовали гораздо болѣе широкія постановленія. Кромѣ того, очевидно, что, если требованія конференціи, въ качествѣ минимума, еще соотвѣтствовали условіямъ такихъ странъ, какъ Италія или Испанія, то въ странѣ съ острымъ соціальнымъ антагонизмомъ и развитымъ рабочимъ населеніемъ, какъ Германія, минимальными гарантіями никого нельзя было удовлетворить. Для «водворенія соціальнаго мира» нужно было рѣшиться на болѣе крупныя уступки рабочему классу.

Германское правительство во всякомъ случаѣ не медлило: въ концѣ марта международная конференція закончила свои труды, а въ началѣ мая правительство уже представило рейхстагу обширный проектъ реформы фабричнаго законодательства. Больше года длились дебаты въ рейхстагѣ и его коммиссіяхъ, пока проектъ, съ суще-

---

*) Депутатамъ англійскаго парламента въ 1891 г. розданъ былъ отчетъ англійскихъ пословъ и дипломатическихъ агентовъ, запрошенныхъ относительно мѣръ, какія приняты были правительствами для осуществленія постановленій берлинской конференціи. Во всѣхъ отчетахъ повторяется одна и та же фраза: «Никакое новое законодательство не имѣло мѣста въ этой странѣ, чтобы осуществить совѣты конференціи».

ственными измѣненіями и дополненіями, сталъ закономъ 1-го іюня 1891 года.

«Чтобы создать для нѣмецкихъ рабочихъ ту мѣру законной защиты, которая въ настоящее время можетъ быть предоставлена безъ ущерба для отечественной промышленности и вмѣстѣ съ нею и для интересовъ самихъ рабочихъ, признано необходимымъ вновь подвергнуть разсмотрѣнію вопросъ о возможныхъ измѣненіяхъ въ Промышленномъ Уставѣ, въ соотвѣтствующихъ его частяхъ. Это разсмотрѣніе, при которомъ приняты во вниманіе сужденія международной конференціи, привело къ результату, что всѣ предметы законодательства о защитѣ рабочихъ, которые были подвергнуты сужденію конференціи, могутъ быть болѣе усовершенствованы и въ Германіи». Такъ начинаются мотивы къ правительственному проекту, поступившему $^5/_{17}$ мая на разсмотрѣніе рейхстага. Они слѣдующимъ образомъ намѣчаютъ основныя черты реформы: обезпеченіе *воскреснаго отдыха*, основывавшагося до сихъ поръ на самыхъ разнообразныхъ постановленіяхъ мѣстнаго законодательства (за исключеніемъ постановленія въ ст. 105 п. 2 Пром. Уст.), нуждается въ однообразномъ регулированіи для всей имперіи. Относительно *труда взрослыхъ работницъ* необходимо изданіе болѣе обширныхъ постановленій. Постановленія Пром. Уст. *о дѣтскомъ трудѣ* должны быть признаны допускающими улучшенія и нуждающимися въ нихъ. «Не смотря на то, что они уже теперь въ существенныхъ чертахъ соотвѣтствуютъ основаніямъ, выработаннымъ международной конференціей, и отчасти даже превышаютъ степень защиты, которая заключается въ законодательствахъ большинства европейскихъ странъ, они не соотвѣтствуютъ больше требованіямъ, которыя въ этомъ отношеніи къ намъ предъявляютъ состояніе культуры и общественное мнѣніе въ Германіи. По всѣмъ этимъ вопросамъ необходимость реформы законодательства уже раньше признана рейхстагомъ и составила предметъ особыхъ его постановленій».

При пересмотрѣ дѣйствующихъ постановленій обнаружились, однако, и нѣкоторыя другія потребности; постановленія въ защиту рабочихъ отъ опасности для жизни, здоровья и нравственности нуждаются въ дальнѣйшемъ развитіи. Изданіе фабричныхъ правилъ (Arbeitsordnungen), содѣйствующихъ предотвращенію споровъ между хозяевами и рабочими, должно стать обязательнымъ и содержаніе ихъ точнѣе опредѣлено; кругъ предпріятій, къ которымъ примѣняются постановленія о работѣ женщинъ и дѣтей, долженъ быть расширенъ за предѣлы фабрично-заводской дѣятельности. Отношеніе предпринимателей и рабочихъ къ договору найма на работы требуетъ болѣе дѣйствительныхъ гарантій *).

*) Aktenstück zu den Berichten des Reichstags. Aktenstück № 4, Gesetzentwurf betr. die Abänderung der Gewerbeordnung, Anlageband I стр. 11 и слѣд.

Это пока общія выраженія, намѣчающія лишь выпуклые пункты реформы. Прежде чѣмъ проектъ былъ представленъ рейхстагу, правительство выслушало еще мнѣніе прусскаго государственнаго совѣта и, какъ министръ Берлепшъ увѣрялъ при первомъ чтеніи въ рейхстагѣ, внимательно прислушивалось къ разнообразнымъ толкамъ не только въ Германіи, но и за границей. Министръ, оспаривая, напр., возможность сейчасъ же ввести въ Германіи нормальный рабочій день для взрослыхъ мужчинъ, ссылался на отзывъ католическихъ рабочихъ союзовъ въ Бельгіи. «Правительства,—замѣтилъ министръ къ характеристикѣ всей реформы,—находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ прежде выраженными желаніями и постановленіями рейхстага, касающимися воскреснаго отдыха и работы дѣтей и женщинъ. Мы всѣ хотимъ, чтобы рабочему дана была возможность отдохнуть и собраться съ силами, такъ же какъ всѣ считаемъ необходимымъ позаботиться, чтобы дѣтямъ дана была возможность развиться умственно и физически, чтобы законодательство обратило вниманіе на обязанности, налагаемыя на насъ болѣе слабымъ организмомъ женщины и ея значеніемъ въ семьѣ. Въ этихъ вопросахъ нѣтъ принципіальнаго разногласія». Послѣднее начинается тамъ, гдѣ законодатель входитъ въ сферу взаимныхъ отношеній между хозяевами и рабочими, но и относительно этихъ постановленій министръ надѣется, что удастся придти къ соглашенію *).

Разсмотримъ теперь основныя черты реформы, какъ она принята была рейхстагомъ и стала закономъ 1 іюня 1891 г., въ наиболѣе крупныхъ случаяхъ отмѣчая отклоненія закона отъ правительственнаго проекта. Отъ порядка статей закона и обсужденія ихъ въ рейхстагѣ и коммиссіяхъ мы отступимъ лишь настолько, что впередъ поставимъ постановленія не о воскресномъ отдыхѣ, а о дѣтскомъ и женскомъ трудѣ. Нововведенія, касающіяся воскреснаго отдыха, умѣстнѣе будетъ разсмотрѣть въ связи съ другими постановленіями, нормирующими работу всего фабричнаго населенія.

2.

До реформы 1891 года защита дѣтей и подростковъ выражалась въ Германіи въ слѣдующихъ постановленіяхъ. Дѣти допускались на фабрики по достиженіи 12-лѣтняго возраста, съ тѣмъ, однако, чтобы для дѣтей, не кончившихъ курса въ народной школѣ, оставалось въ силѣ обязательное школьное ученіе не менѣе 3-хъ часовъ въ день. Рабочій день дѣтей моложе 14 лѣтъ не долженъ былъ превышать 6 часовъ. Подростки 14—16 лѣтъ не могли работать болѣе 10 часовъ въ сутки, и притомъ работы какъ подростковъ, так и дѣтей могли совершаться лишь между $5^1/_2$ ч. у. и $8^1/_2$ ч. веч. Въ теченіе

*) Stenogr. Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags 8-te Legisl., 1 Session (1890—91). Bd. 1, p. 169—173.

рабочаго дня дѣтямъ должны быть предоставлены получасовыя паузы, подросткамъ — обѣденная пауза въ 1 часъ и 2 паузы въ полчаса. Во время отдыха дѣтямъ и подросткамъ безусловно запрещено пребываніе въ помѣщеніяхъ, гдѣ происходитъ работа. Точно также работа малолѣтнихъ не дозволялась по воскресеньямъ и праздникамъ. Исключенія разрѣшались не болѣе какъ на 4 недѣли. Болѣе продолжительныя отступленія отъ указанныхъ ограниченій предусматривались въ законѣ для прядиленъ и фабрикъ съ непрерывной или сезонной работой, съ тѣмъ, однако, чтобы по этому поводу состоялось постановленіе союзнаго совѣта и рабочее время дѣтей не превышало 36 ч. въ недѣлю, а подростковъ—60 ч. Правительство, допуская подобныя изъятія, должно было въ теченіе года представить свое постановленіе къ свѣдѣнію рейхстага. Безъ всякихъ оговорокъ законъ предоставлялъ союзному совѣту вовсе запретить, ограничить извѣстными условіями или исключить ночную работу малолѣтнихъ (и женщинъ) въ нѣкоторыхъ, особенно вредныхъ для здоровья производствахъ.

Какъ мы видѣли, въ продолженіе многихъ лѣтъ въ Германіи шла борьба за удлиненіе предѣльнаго возраста допущенія дѣтей на фабрики съ 12 до 14, или по крайней мѣрѣ до 13 лѣтъ. Постановленіе рейхстага отъ 1887 года, дававшее дѣтямъ возможность работать на фабрикахъ лишь съ 13 лѣтъ, не получило согласія союзнаго совѣта. Если мы спросимъ о мотивахъ отказа, то услышимъ, что нѣтъ основанія думать, чтобы для 12-лѣтняго ребенка вредно было оставаться 6 час. на фабрикѣ, что запрещеніе касается здѣсь крупныхъ интересовъ не только промышленности, но и рабочихъ семействъ, условія конкурренціи не будутъ равны и, наконецъ, удаленныя изъ фабрикъ дѣти попадутъ въ домашнія производства, въ которыхъ ихъ ждетъ еще болѣе печальная участь. Эти мотивы были убѣдительны для правительства кн. Бисмарка, но не для его преемниковъ, ставшихъ на ту же точку зрѣнія, которую въ продолженіе 10 слишкомъ лѣтъ защищали въ рейхстагѣ какъ соціалъ-демократія, такъ и католическая партія, въ послѣдніе годы и свободомыслящіе. Возможно, что промышленность временно пострадаетъ отъ запрещенія труда 12-лѣтнихъ, — заявляетъ теперь правительство въ своемъ проектѣ, но до сихъ поръ только незначительная ея часть эксплоатировала дѣтскій трудъ; съ каждымъ годомъ, однако, эта часть становится значительнѣе, и *пора положить конецъ удешевленію производства путемъ истощенія дѣтскихъ силъ*. Вѣрно также, что часть дѣтей попадаетъ въ домашнія производства; но не во всѣхъ отрасляхъ возможна конкурренція мелкаго съ крупнымъ производствомъ, а тамъ, гдѣ домашнія производства еще существуютъ въ широкихъ размѣрахъ, необходимы такія же ограниченія и тотъ же надзоръ, какъ и въ фабричныхъ предпріятіяхъ. Правительство даже надѣется, что, при всей трудности послѣдняго вопроса, его удастся разрѣ-

шить въ самый короткій срокъ *). Что касается интересовъ родителей, то они потерпятъ ущербъ лишь временный. Это во всякомъ случаѣ необходимая жертва, ради воспитанія дѣтей, сохраненія ихъ силъ и укрѣпленія ихъ нравственности.

«Занятія на фабрикѣ несовмѣстимы съ требованіями школы; лучшія силы и самое удобное для занятій время уходятъ на фабричную работу; сокращенныя школьныя занятія въ продолженіе 3 часовъ не достигаютъ никакихъ существенныхъ результатовъ. Между тѣмъ послѣдніе годы въ школѣ самые полезные въ развитіи ребенка. Если хотятъ, чтобы школа достигала своего назначенія, то она должна раздѣлять власть надъ ребенкомъ только съ семьей, но не съ фабрикой». Мотивы къ законопроекту не ограничиваются, однако, однимъ указаніемъ на необходимость дать ребенку болѣе законченное образованіе: они указываютъ и на физическія и нравственныя послѣдствія слишкомъ ранней работы на фабрикахъ. «Безпечная игра съ товарищами, пребываніе на свѣжемъ воздухѣ и другія прелести дѣтской жизни исчезаютъ съ вступленіемъ на фабрику; вмѣсто нихъ наступаетъ совмѣстная работа съ взрослыми, вредно отзывающаяся на нравственности ребенка при легкихъ, а иногда и циничныхъ нравахъ на фабрикахъ».

Реформа 1891 года расширила сферу примѣненія фабричнаго закона и измѣнила предѣльный возрастъ допущенія дѣтей къ промысловой работѣ. Къ работамъ допускаются теперь лишь дѣти не моложе 13 лѣтъ и въ томъ лишь случаѣ, если они уже прошли полный курсъ въ народной школѣ. Такъ какъ въ большей части Германіи, за исключеніемъ Баваріи, посѣщеніе школы обязательно до 14 лѣтъ, то фактически трудомъ дѣтей, не достигшихъ еще этого возраста, могутъ пользоваться лишь въ меньшей части страны. Что касается сферы примѣненія новаго закона, то онъ охраняетъ дѣтей на фабрикахъ, верфяхъ, въ горномъ промыслѣ, кирпичныхъ заводахъ съ постояннымъ производствомъ, въ мѣстахъ для построекъ и во всѣхъ мастерскихъ, въ которыхъ существуютъ механическіе двигатели **). Правда, относительно послѣднихъ правительству предоставлено право дѣлать изъятія, но за-то правительству же (Союзному совѣту) дано и другое право: распространить дѣйствіе закона и на такія предпріятія, которыя, пользуясь наемнымъ трудомъ, не принадлежатъ ни къ категоріи фабрикъ, ни къ мастерскимъ съ механическими двигателями, т.-е. на ремесла и домашнія производства, а также и на строительные промыслы. Новыя постановленія вступали въ силу съ 1-го апрѣля 1892 г., для дѣтей же

*) До 1 апрѣля 1893 года. Съ тѣхъ поръ прошелъ не одинъ годъ, а надежда, выраженная правительствомъ, осталась надеждой.

**) Въ мастерскихъ съ механическими двигателями законъ пока еще не введенъ. Ср. Evert, Handbuch des gewerblichen Arbeiterschützes, стр. 22 и 133 (Berlin, 1897).

и подростковъ, работавшихъ на фабрикахъ и заводахъ до обнародованія новаго закона,—лишь съ апрѣля 1894 года.

Что касается малолѣтнихъ, то требованіе, которое поставлено было въ рейхстагѣ,—продлить защитный возрастъ до 18 лѣтъ, какъ это дѣлаетъ швейцарское фабричное законодательство, не получило осуществленія: подъ защитнымъ возрастомъ по прежнему понимается возрастъ 14—16 лѣтъ. Ночной трудъ, между $8^1/_2$ ч. веч. и $5\frac{1}{2}$ ч. утра, подросткамъ запрещенъ, и рабочій ихъ день оставленъ въ прежнемъ размѣрѣ (10 ч. въ сутки). Союзному совѣту предоставлено допускать изъятія для предпріятій съ непрерывнымъ огнемъ и вообще такихъ, которыя, по характеру производства, должны пользоваться ночнымъ трудомъ, или въ которыхъ производство продолжается только въ извѣстные мѣсяцы года. Изъ предпріятій послѣдней категоріи кирпичные заводы могутъ даже утилизировать трудъ подростковъ 14—16 лѣтъ въ продолженіе 70 часовъ (ст. 139 а).

Это упущеніе въ новой реформѣ тѣмъ больше бросается въ глаза, что въ другихъ отношеніяхъ законъ вовсе не исходитъ изъ мнѣнія, будто подростокъ старше 16 лѣтъ уже взрослый человѣкъ. Въ то время, какъ для взрослыхъ рабочія книжки необязательны, законъ запрещаетъ нанимать несовершеннолѣтнихъ, т. е. моложе 21 года, безъ книжки (ст. 107 и слѣд.). Малолѣтнимъ моложе 18 лѣтъ должна быть предоставлена возможность посѣщать Fortbildungsschule; предприниматели, лишенные особенныхъ гражданскихъ правъ, не имѣютъ права нанимать рабочихъ моложе 18 лѣтъ. Все это показываетъ слѣдовательно, что законъ еще не считаетъ 16-лѣтняго работника взрослымъ человѣкомъ, и тѣмъ не менѣе онъ не счелъ нужнымъ существеннѣе оградить его интересы относительно продолжительности и свойства работы *).

Значеніе законодательства о трудѣ малолѣтнихъ становится понятнымъ во всемъ своемъ объемѣ, если обратить вниманіе на распространеніе этого труда въ фабрично-заводской промышленности Германіи до и послѣ реформы 1891 г.

Для всей Германіи, кромѣ Эльзаса-Лотарингіи, Любека, обоихъ Липпе и Мекленбургъ-Стрелица, статистика дѣтскаго труда и труда малолѣтнихъ *до* реформы выражается въ слѣдующихъ цифрахъ **):

---

*) Уже въ формальномъ отношеніи большой недостатокъ, что въ нынѣшнемъ фабричномъ законодательствѣ цѣлыхъ 5 категорій малолѣтнихъ: 1) до 13 лѣтъ, которымъ вовсе запрещено работать на фабрикахъ; 2) 13—14-лѣтніе съ школьнымъ свидѣтельствомъ, работающіе не болѣе 6 часовъ; 3) молодые 14—16 лѣтъ,—ихъ рабочее время ограничено, имъ запрещенъ ночной трудъ и т. п.; 4) молодые люди моложе 18 лѣтъ, которымъ нужно предоставить время посѣщенія Fortbildungsschule, и 5) всѣ несовершеннолѣтніе, т. е. до 21 года, обязанные имѣть рабочія книжки и подчиняться и такимъ предписаніямъ фабричныхъ правилъ, которыя указываютъ, какъ вести себя *внѣ* фабрики.

**) Эти, какъ и нѣкоторыя изъ слѣдующихъ данныхъ о трудѣ мало-

Годы.	Дѣти 12—14 л.	Малолѣтніе 14—16 л.
1881	13672	94172
1882	16895	116609
1884	18882	135477
1886	21035	134589
1888	22913	169850
1890	26391	204345

Въ 1892 г. цифра дѣтей сразу опускается на 10,726. Это прямое вліяніе закона 1891 г., запрещающаго дѣтскій трудъ и допускающаго только извѣстныя льготы для хозяевъ въ переходное время. Что касается небольшихъ территорій, не вошедшихъ въ приведенныя цифры, то въ одномъ Верхнемъ Эльзасѣ еще въ 1888 году работали 1556 дѣтей моложе 14 лѣтъ и 5,878 малолѣтнихъ старше 14 лѣтъ. Послѣ введенія фабричнаго законодательства (эльзасскіе фабриканты до 1889 г. пользовались прерогативой не быть подчиненными обще-германскому фабричному законодательству) число дѣтей стало падать: въ 1891 г. оно уже только 673, въ 1892 г. — 315. Въ Эльзасѣ вмѣстѣ съ Лотарингіей въ 1892 г. оказалось 429 дѣтей и 9,891 подростокъ. Если присоединить эти цифры и незначительное число малолѣтнихъ изъ Любека, Липпе и Мекленбурга къ цифрѣ 1892 г. для остальной имперіи то во всей Германіи въ 1892 г. окажется 11,212 дѣтей и 196,844 подростка. Сокращеніе дѣтскаго труда замѣчается повсемѣстно, но трудъ малолѣтнихъ свыше 14 лѣтъ не вездѣ уменьшился, наоборотъ, въ очень значительныхъ группахъ промышленности замѣчается увеличеніе ихъ, что и вполнѣ понятно: тамъ, гдѣ промышленность можетъ замѣнить дѣтей женщинами, она отъ дѣтскаго труда старается вовсе отказаться; гдѣ же женскій трудъ значительно дороже или не имѣется большаго его предложенія, промышленники, раньше пользовавшіеся трудомъ 12 или 13-лѣтняго ребенка, теперь берутъ 14—16 лѣтняго.

Какъ ни важны сами по себѣ абсолютныя цифры,—не все равно, изнуряются ли на фабрикахъ 30 или 10 тысячъ дѣтей,— но для опредѣленія соціальнаго значенія дѣтскаго труда въ промышленности страны гораздо важнѣе отношеніе дѣтскаго труда къ труду всего фабричнаго населенія. Въ первый періодъ фабричной эпохи въ Германіи, какъ и въ Англіи, и повсюду, фабрика съ особенной охотой набрасывалась на дѣтскія силы. Каковы нынѣшнія условія? Въ 1875 году, при $1^1/_2$ милліонахъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, по приблизительному разсчету малолѣтніе составляли около 10% фабричныхъ рабочихъ, причемъ около 22,000 дѣтей было моложе 14 и около 71,000 малолѣтнихъ—старше 14 лѣтъ,

---

лѣтнихъ, заимствованы нами изъ очень тщательной группировки, приведенной Ольденбергомъ въ «Statistik der jugendlichen Fabrikarbeiter», Schmoller's Jahrbuch, Bd. 18, Heft 3, p. 969—998.

т. е. первыхъ было 2½, вторыхъ около 8%. Въ Берлинѣ процентъ малолѣтнихъ обѣихъ категорій не превышалъ на фабрикахъ 3%, зато въ Гессенъ-Дармштадтѣ, напр., онъ доходилъ до 16% всѣхъ осмотрѣнныхъ инспекторомъ фабрикъ: однихъ дѣтей моложе 14 лѣтъ тамъ было 7% всѣхъ рабочихъ.

Благодаря законодательству въ защиту дѣтей, участіе дѣтскаго труда (дѣтей моложе 14 л.) теперь крайне ничтожно. Значеніе труда малолѣтнихъ старше 14 лѣтъ, однако, еще очень велико. Въ Саксоніи, гдѣ производится учетъ фабричнаго населенія, въ 1883 г. оказалось взрослыхъ фабричныхъ рабочихъ 214,255, дѣтей моложе 14 лѣтъ—8,047, малолѣтнихъ 14—16 л.—20,123. Процентное отношеніе къ взрослому населенію было для дѣтей менѣе 4, для малолѣтнихъ—8%. Движеніе дѣтскаго труда и отношеніе его къ труду взрослыхъ въ Саксоніи выражается въ слѣдующихъ цифрахъ *):

Годы.	Малолѣтнихъ. 12—14	14—16	Взрослыхъ рабочихъ.	дѣтей	малолѣтн. 14—16 л.
1884	8665	20543	231520	3,2	7,6
1885	9635	22671	253255	3,2	7,7
1886	10170	20570	260311	3,4	6,9
1887	11125	24810	279755	3,4	7,7
1888	11474	27900	283568	3,4	8,4
1889	11796	27910	301986	3,3	8,0
1890	12855	31341	326198	3,4	8,3
1891	11197	31052	330472	2,9	8,2
1892	5428	28906	331305	1,4	7,7
1893	1865	32308	361198	0,5	8,0
1895	930	28968	390601	0,2	7,4
1896	1268	33247	421887	0,3	7,8

Въ Баваріи по учету 1896 г. процентъ малолѣтнихъ достигалъ 7½, въ Баденѣ 8 процентовъ, но дѣтей моложе 14 лѣтъ, какъ и въ Саксоніи, только 0,5%. Въ Вюртембергѣ на 87,143 взрослыхъ фабричныхъ въ 1893 г. оказалось 10,202 малолѣтнихъ: процентъ дѣтей ничтожный, но подростковъ почти 12%. Въ Пруссіи, по отчетамъ фабричныхъ инспекторовъ за 1893 годъ, число дѣтей моложе 14 лѣтъ, достигавшее въ 1890 году 6,600, уменьшилось послѣ примѣненія закона до 1,400, и въ 1895 г. не превышало 800 **).

---

*) Jahres-Berichte der Königl. Sächsischen Gewerbe-Inspektoren, въ особенности за 1895 г. (стр. 472—74) и 1896 г., стр. 452—53.

**) Кромѣ отдѣльныхъ отчетовъ, ср. еще Amtl. Mittheilungen aus den Jahresberichten, 1896, стр. 67 и слѣд., гдѣ происшедшее въ 1896 г. *увеличеніе* дѣтей объясняется необыкновенно благопріятной конъюнктурой и тѣмъ также, что фабриканты больше не находятъ постановленія закона обременительными.

ГОДЫ.	Горные пром.		Издѣлія изъ камня и глины (кирпичн. завод., посудн. и т. д.).		Обработка металловъ.		Фабрики машинъ.		Химическіе заводы.		Предметы освѣщенія и масла.		Волокнистая промышленн.		Писчая и проч. бумага, кожи.	
	Дѣти.	Подростки 14—16 л.	Дѣти.	Подростки.	Дѣти.	Подрост.	Дѣти.	Подр.	Дѣти.	Подр.	Дѣти.	Подр.	Дѣти.	Подрост.	Дѣти.	Подрост.
1883 . .	1105	17326	1518	13681	957	14785	528	10680	441	2011	45	416	7022	42729	749	8574
1884 . .	993	16048	1592	13159	1080	15668	504	10083	449	1773	43	403	6964	37905	729	7943
1886 . .	860	14068	1985	13859	1233	13671	689	10826	420	1884	47	491	7487	38130	850	8290
1888 . .	889	18078	2416	17619	1275	18986	811	14892	338	2304	30	595	8004	46024	1012	10347
1890 . .	840	22252	3111	20670	1559	24591	934	20541	359	3433	52	833	8525	52138	1274	11515
1892 . .	392	21786	1543	23520	602	23892	433	19837	150	3008	33	762	3292	45699	527	10721
1894 . .	169	19712	1019	24171	365	25481	265	20054	36	3369	17	740	1159	54121	188	10914
1896 . .	128	20425	1193	28383	543	30972	342	24905	25	3819	12	1116	1517	60892	235	13040

ГОДЫ.	Издѣлія изъ дерева.		Предметы питанія и потребленія (табачныя фабрики).		Одежда и чистка.		Полиграфическія производства.		Прочія.	
	Дѣти.	Подростки.	Дѣти.	Подростки.	Дѣти.	Подростки.	Дѣти.	Подростки.	Дѣти.	Подростки.
1883	700	4702	4396	17821	540	4956	453	4749	276	4065
1884	682	4532	4364	14480	796	5291	472	4545	251	3418
1886	963	4981	4943	14877	757	5482	568	5213	251	2757
1888	1229	6650	5287	17836	904	6797	563	6170	155	2954
1890	1354	8695	6296	20230	1167	8127	675	7013	245	4045
1892	850	9635	2066	20483	457	7974	406	8918	102	1900
1894	255	10065	360	21083	209	9300	184	8956	33	1719
1896	346	11119	482	23486	241	9724	209	10083	39	1580 *)

*) Для первыхъ лѣтъ ср. цитир. выше работу Ольденберга, за послѣдніе годы ср. Amtliche Mittheilungen aus den Jahres-Berichten der Gewerle-Aufsichtsbeamten, Jahrg. XIX (1894), Anlage II и Jahrg. XXI (1896) Anlage II, 1.

Помѣщенная на стр. 171-й таблица даетъ представленіе о томъ, какія отрасли фабричной промышленности до расширенія государственной защиты больше всего пользовались трудомъ дѣтей и какія еще теперь широко пользуются трудомъ малолѣтнихъ 14—16 л.

Одинъ изъ опытнѣйшихъ предпринимателей Германіи, депутатъ Розике, замѣтилъ (еще до изданія закона 1891 г.), что прекращеніе труда дѣтей моложе 14 лѣтъ равносильно надбавкѣ ⅛ процента къ суммѣ заработной платы, уплачиваемой теперь на германскихъ фабрикахъ и заводахъ. Нечего и говорить, что такую «жертву» промышленность въ состояніи принести. Сравненіе германскихъ условій съ англійскими показываетъ, однако, что въ Германіи вопросъ о дѣтскомъ трудѣ поставленъ благопріятнѣе, чѣмъ у ея конкуррентовъ. Уже въ общемъ трудѣ страны, включая сельское хозяйство и торговлю, участіе дѣтей менѣе замѣтно: по переписи 1882 г. дѣти моложе 15 лѣтъ въ Германіи составляли 2¾ процента работниковъ, въ Англіи же 4¾ процента (въ Италіи болѣе 7%). Для промышленности въ Англіи и Франціи до сихъ поръ не было полныхъ данныхъ, и сравненіе не вполнѣ удобно, вслѣдствіе неодинаковой возрастной классификаціи. Въ одной Textilindustrie Англіи въ 1890 г. было 86,499 дѣтей моложе 13 лѣтъ, въ Германіи же дѣтей моложе 14 лѣтъ—8,525 *). Въ хлопчато-бумажной промышленности Англіи процентъ дѣтскаго труда съ 1874 по 1890 годъ уменьшился, правда, съ 14 на 9, но и послѣдняя цифра еще несравненно выше процентнаго отношенія дѣтей въ Германіи даже до реформы фабричнаго законодательства.

3.

Только благодаря закону 1891 г., усилившему защиту женскаго труда и вынудившему по всей Германіи фабричную инспекцію подвести итогъ женскому труду на фабрикахъ, мы теперь имѣемъ приблизительное представленіе о распространенности его въ Германіи. Въ Пруссіи въ 1892 г. въ 12,700 предпріятіяхъ оказалось 256,410 взрослыхъ работницъ, изъ которыхъ 105,256 въ возрастѣ 16—21 года; 3 года спустя, въ концѣ 1895 года, на 15,549 фабрикахъ работало уже 302,628 взрослыхъ дѣвушекъ и женщинъ. Главный контингентъ женщинъ—на фабрикахъ волокнистыхъ веществъ: въ прядильныхъ, ткацкихъ, красильныхъ,—тамъ ихъ насчитали въ послѣдній разъ болѣе 135 тысячъ. Слѣдующая группа—промышленность предметовъ питанія, преимущественно производство табаку и сигаръ.

Въ Баденѣ за 1892 г. работали 41,491 дѣвушекъ и женщинъ всѣхъ возрастовъ. Число дѣвушекъ моложе 14 лѣтъ было ничтожно,

---

*) Разумѣется, и общее число взрослыхъ рабочихъ въ Англіи больше но далеко не въ такой степени.

подростковъ 14 и 15 лѣтъ—5,625, дѣвушекъ 16—20-ти лѣтъ—13,657, остальныя 21,941—работницы старше 20 лѣтъ. Замужнихъ и вдовъ—10,162; 28,5% всѣхъ работницъ—старше 16 лѣтъ. Въ противоположность Пруссіи, больше всего оказалось женщинъ въ баденской промышленности «предметовъ питанія и потребленія»—16,623, что объясняется чрезвычайнымъ развитіемъ въ Баденѣ сигарнаго производства. Textil-industrie съ 14,036 женщинами занимала второе мѣсто, далѣе слѣдовали: обработка металловъ—3,714, издѣлія изъ бумаги и кожи—2,328 и др. Въ 1896 г. число женщинъ-работницъ на баденскихъ фабрикахъ уже 49,122 и составляетъ почти 31% всѣхъ рабочихъ (въ два предшествующіе года даже болѣе 32%). Точно также и въ Саксоніи на 304,299 мужскихъ рабочихъ всѣхъ возрастовъ въ 1896 г. оказалось 152,103 женщинъ и дѣвушекъ, ровно треть всѣхъ рабочихъ! *).

Во всей Германіи мотивы къ проекту закона 1891 г. считаютъ участіе женщинъ въ фабрично-заводской промышленности равнымъ 28%. По отчетамъ фабричныхъ инспекторовъ за 1896 годъ, всѣхъ женщинъ-работницъ на германскихъ фабрикахъ насчитывалось 699,579, изъ которыхъ половина (335 тысячъ) въ прядильныхъ и другихъ отрасляхъ Textil-industrie. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что въ послѣднее десятилѣтіе контингентъ женщинъ-работницъ увеличился не только абсолютно, но и относительно. Это видно изъ сравненія цифръ современности съ цифрами промышленной переписи 1882 г. Во всей Германіи по переписи 1882 г. оказалось въ промышленности, торговлѣ и транспортѣ въ круглыхъ цифрахъ полтора милліона самодѣятельныхъ женщинъ на почти 8 милліоновъ самодѣятельныхъ вообще. По профессіональной же переписи 1895 г., на $10^1/_2$ милл. всѣхъ самодѣятельныхъ въ промышленности, торговлѣ и транспортѣ насчитали болѣе 2 милліоновъ женщинъ. Въ промышленности произошло увеличеніе мужчинъ на 28,3, женщинъ—на 35%; въ торговлѣ и транспортѣ составъ работающихъ (самостоятельно и наемно) мужчинъ увеличился на 38,2, женщинъ же—на 94,4%!

Одинъ изъ первыхъ вопросовъ, который возникаетъ при изученіи распространенности женскаго труда, это отношеніе между производствами, основанными на личномъ трудѣ, и производствами съ преобладающимъ наемнымъ трудомъ. Въ первыхъ женщина является или одинокой работницей у себя на дому (швея), или помощницей мужа и отца въ ремесленныхъ и кустарныхъ производствахъ; во второмъ случаѣ она преимущественно фабричная работница. Сравненіе этихъ двухъ производственныхъ типовъ дало въ 80-хъ годахъ слѣдующій результатъ: во всей германской промышленности, съ торговлей и путями сообщенія, процентъ женскаго

*) Badischer Bericht 1891, стр. 21—22; 1896, p. 27—28 и Amtliche Mittheilungen aus der Berichten etc. Jahrg. 1896, p. 180—181.

труда былъ 20,6; въ производствахъ съ пятью и болѣе рабочими, не пользующихся механическими двигателями — 18,3%; въ производствахъ съ механическими двигателями—18,1%. Для 90-хъ годовъ у насъ еще этого разсчета нѣтъ, но по неопубликованнымъ до сихъ поръ результатамъ переписи 1895 г. изъ 1½ милліона трудящихся женщинъ въ промышленности ½ милліона—самостоятельныя и 1 милліонъ—наемныя работницы, а изъ 579,000 работающихъ женщинъ въ торговлѣ и транспортѣ — 203,000 самостоятельны и 376,000 живутъ наемнымъ трудомъ.

Есть цѣлая серія промысловъ, въ которыхъ участіе женщинъ крайне ничтожно. Въ горной промышленности ихъ не болѣе 3%. Чѣмъ выше поставлено рабочее населеніе, тѣмъ меньше женщинъ въ горныхъ промыслахъ. Во всей Вестфаліи и на Рейнѣ вовсе нѣтъ женщинъ-горноработницъ, онѣ встрѣчаются главнымъ образомъ въ Силезіи. Такъ же ничтожно участіе женскаго труда въ строительныхъ промыслахъ, въ промышленности обработки металловъ, на заводахъ и мастерскихъ машинъ, инструментовъ и аппаратовъ и мн. др. Это промыслы, принявшіе преимущественно характеръ крупнаго производства, но есть еще цѣлый рядъ ремеслъ, отличающихся ничтожнымъ процентомъ женщинъ.

Если сравненіе начала 80-хъ съ 90-ми годами безспорно подтверждаетъ значительное увеличеніе женскаго труда въ крупной обработывающей промышленности, то не надо, однако, забывать, что въ сельскомъ хозяйствѣ участіе женскаго труда и теперь еще значительнѣе, чѣмъ на фабрикѣ. Ограничиваясь условіями только Германія, мы здѣсь находимъ несравненно больше трудящихся женщинъ въ сельскомъ хозяйствѣ, чѣмъ въ промышленности, и не только абсолютно, но и относительно, и, что еще гораздо важнѣе, не только трудящихся у себя дома, въ собственномъ хозяйствѣ, но *работающихъ наемно на сторонѣ*. Въ 1882 г. профессіональная перепись обнаружила, что изъ 4.259,000 женщинъ въ сельскомъ хозяйствѣ, промышленности и торговлѣ 2.526,633 женщины работали въ сельскомъ хозяйствѣ. Изъ этихъ 2,5 милліоновъ 276,817 совершенно самостоятельныхъ, 922,838—жены, дочери и другіе члены семейства земледѣльцевъ, работавшія вмѣстѣ съ домохозяиномъ, 619,858 постоянныхъ работницъ (годовыхъ, сезонныхъ) и 706,213 поденно работавшихъ сельскихъ работницъ. Только меньшая часть женщинъ послѣдней категоріи имѣютъ свою собственную землю. Въ то время, какъ въ обработывающей промышленности на 1000 рабочихъ въ концѣ 80-хъ гг. оказалось только 220 женщинъ, а въ торговлѣ 190, въ сельскомъ хозяйствѣ ихъ въ 1882 г. было 312 на 1000. Въ 1895 г. въ сельскомъ хозяйствѣ на 5½ милл. самодѣятельныхъ мужчинъ оказалось 2¾ милл. самодѣятельныхъ женщинъ, изъ которыхъ одни только 355 тысячъ были землевладѣльцы

и крестьянки-собственницы, 2,4 же милліона занимались наемнымъ трудомъ преимущественно *).

Нижеслѣдующая таблица даетъ представленіе о сравнительномъ участіи женскаго труда въ крупныхъ промышленныхъ странахъ.

	Все женское население въ тысячахъ.	Самодѣятельныхъ женщинъ въ сельск. хозяйствѣ, промышлен. и торговлѣ. Кромѣ прислуги тыс.	%	Прислуга тыс.	%	Всего °/₀	°/₀ самодѣятельн. мужчинъ.
Германія	23,071	4,259	18,5	1,282	5,6	24,1	60,4
Австрія	11,325	3,895	34,4	572	5,1	39,5	61,1
Франція	18,789	2,855	20,6	1,507	8,0	28,6	59,6
Англія безъ Шотландіи и Ирландія	13,335	2,172	16,3	1,231	9,2	25,0	60,6
Соед. Штаты . .	24,637	1,708	6,9	939	3,8	10,7	57,8

Эти данныя относятся къ началу 80-хъ годовъ. Относительно Швейцаріи и Италіи перепись 1890 года устанавливаетъ очень высокій контингентъ самодѣятельныхъ женщинъ: въ Швейцаріи 34,7% (28,4 безъ прислуги), въ Италіи 40,5°/₀ (максимумъ въ Европѣ вообще). Новѣйшія данныя относительно Англіи (1891 года) слѣдующія: на 14,949 тысячъ женщинъ вообще въ промышленности, торговлѣ и сельскомъ хозяйствѣ работаютъ 2,256,000 (круглыя цифры) и къ категоріи Domestic servants причислены 1,759,000. Процентъ трудовыхъ женщинъ 1-ой категоріи понизился съ 16,3 на 15,1%, контингентъ прислуги, наоборотъ, весьма увеличился—съ 9,2 на 11,7% всего женскаго населенія, такъ что и общій итогъ женскаго труда повысился съ 25,5 на 26,8°/₀ всего женскаго населенія **).

Не игнорируя другихъ причинъ, вліяющихъ на большее или меньшее участіе женщинъ въ народномъ трудѣ, мы, однако, должны придти къ заключенію, что распространеніе женскаго труда имѣетъ своей главной причиной общее экономическое состояніе народа. У богатыхъ народовъ женщина меньше работаетъ, потому что трудъ мужчинъ въ большей степени удовлетворяетъ потребностямъ семьи. На это указываетъ и почти равномѣрное распредѣленіе трудящагося мужского населенія у всѣхъ культурныхъ народовъ, тогда какъ между отношеніями работающихъ женщинъ отклоненія очень велики. Въ Соединенныхъ Штатахъ % трудовыхъ женщинъ всего меньше, въ Италіи онъ всего больше. Разумѣется, это общее положеніе имѣетъ силу съ очень существенными оговорками, что

*) Vierteljahreshefte zur Statistik des Deutschen Reichs, Jahrg. 1896. Ergänzungsheft, стр. 7—8.

**) Pierstoff, статья «Frauenarbeit und Frauenfrage» въ «Handwörterbuch der Staatsw.» вып. 16-й, p. 646 и сл. Royal commission on Labour, Vol. 5 (Report on the Labour question in Germany, p. 40).

standart of life у народовъ неодинаково, что съ развитіемъ богатства среднихъ и высшихъ классовъ увеличивается контингентъ женской прислуги—и т. п. Перейдемъ теперь къ обзору законодательства.

Дѣйствовавшее до 1891 г. фабричное законодательство Германіи знало только слѣдующія постановленія о женщинахъ-работницахъ старше 16 лѣтъ: 1) роженицы не должны быть допускаемы къ работамъ въ продолженіе 3 недѣль послѣ родовъ (ст. 135, п. 5 Пр. Уст.); 2) работницы не допускаются къ подземнымъ работамъ, въ горныхъ производствахъ, копяхъ, каменоломняхъ (154, п. 4); и 3) союзному совѣту предоставляется право: вовсе запретить работу женщинъ въ отрасляхъ производства, сопряженныхъ съ опасностью для здоровья и нравственности, запретить тамъ работу женщинъ по ночамъ, или же, наконецъ, поставить допущеніе работы женщинъ въ такихъ производствахъ въ зависимость отъ исполненія нѣкоторыхъ условій. На основаніи послѣдней статьи, какъ мы уже сказали, въ 80-хъ гг. послѣдовало нѣсколько запрещеній и ограниченій работъ женщинъ въ немногихъ наиболѣе вредныхъ производствахъ. Это все, что законодательство сочло возможнымъ сдѣлать для женщинъ-работницъ. Такая индифферентность тѣмъ болѣе изумительна, что контингентъ женщинъ на фабрикахъ постоянно увеличивался, и параллельно съ этимъ увеличивались жалобы на распаденіе семейныхъ устоевъ. «Нѣкоторые фабриканты»,—читаемъ мы въ правительственномъ проектѣ, — «предпринимали попытки съ общаго согласія ограничить трудъ женщинъ, но онѣ оказывались всегда неудачными. Предприниматели прядиленъ и ткацкихъ въ Вюртембергѣ и Аугсбургѣ попробовали было ввести 11-ти-часовой день для работницъ, но вернулись къ старому порядку, вслѣдствіе невозможности побудить къ такому же опыту фабрикантовъ въ Баденѣ, Саксоніи и Эльзасѣ». Если самодѣятельность фабрикантовъ не имѣла успѣха, то тѣмъ менѣе можетъ разсчитывать на успѣхъ самодѣятельность самихъ рабочихъ, «и намъ надо придти къ заключенію», — говоритъ правительственный проектъ,—«что подобно тому, какъ это было въ Англіи, осуществленіе соотвѣтствующей здоровью женщинъ продолжительности труда возможно лишь путемъ обязательнаго постановленія закона». Въ продолженіе 15 лѣтъ это не переставали повторять въ научной литературѣ, рейхстагѣ, печати и народныхъ собраніяхъ, и пора было, чтобы столь упорное требованіе, наконецъ, было усвоено законодательствомъ. Въ сессію рейхстага 1887—88 г. ($^5/_{17}$ іюня 1887 г.) огромнымъ большинствомъ прошелъ внесенный центромъ законопроектъ о реформѣ рабочаго законодательства, заключавшій въ себѣ запрещеніе воскреснаго, праздничнаго и ночного труда женщинъ-работницъ вообще, обязательное прекращеніе работъ всѣхъ женщинъ въ 6 ч. вечера наканунѣ праздниковъ, продленіе запрещенія работъ роженицъ съ 3 до 4 недѣль послѣ родовъ, установ-

леніе союзнымъ совѣтомъ списка производствъ, въ которыхъ запрещается занятіе беременныхъ женщинъ, и, наконецъ—это главный пунктъ—*максимальный рабочій день для всѣхъ замужнихъ женщинъ*. Когда правительство въ 1890 году, послѣ международной конференціи и отставки Бисмарка, занялось реформой фабричнаго законодательства, оно прежде всего взялось за этотъ выработанный рейхстагомъ и оставшійся подъ сукномъ проектъ и постаралось согласовать его съ постановленіями берлинской конференціи. Отъ одного, второстепеннаго сравнительно, пункта оно вовсе отказалось—отъ опредѣленія производствъ, въ которыхъ должно быть запрещено занятіе женщинъ въ періодъ беременности. Распространить это запрещеніе на весь періодъ,—разсуждаетъ правительственный проектъ, — представляется невозможнымъ, разъ мы не можемъ отказаться отъ труда замужнихъ женщинъ; ограничить его во время послѣднихъ мѣсяцевъ, предшествующихъ родамъ, невозможно, вслѣдствіе трудности констатировать такія явленія. Законодательство уже теперь предоставляетъ союзному совѣту право запрещать работы женщинъ во вредныхъ производствахъ, и этимъ правомъ можно шире пользоваться для изъятія женщинъ въ указанный періодъ.

Зато другія постановленія рейхстага получили въ новомъ законѣ болѣе полное осуществленіе. Это относится прежде всего къ ночному труду. По изслѣдованію, предпринятому правительствомъ въ 1884 г., во всей Германіи, правда, оказалось только 13,000 женщинъ, постоянно работавшихъ по ночамъ, почти исключительно на сахарныхъ заводахъ и въ горныхъ производствахъ Силезіи, но отъ поры до времени ночной трудъ примѣняется и во всѣхъ сферахъ обрабатывающей промышленности, какъ въ химическихъ производствахъ, бумажныхъ, ковровыхъ и др. фабрикахъ. Составители правительственнаго проекта справедливо разсуждаютъ, что къ ночному труду женщинъ предприниматели имѣли возможность прибѣгать не только во время срочныхъ заказовъ, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда особенно выступаетъ стремленіе къ уменьшенію издержекъ производства. Мы можемъ къ этому присоединить и другой немаловажный моментъ: съ распространеніемъ электрическаго свѣта возникаетъ распространеніе ночного труда въ такихъ производствахъ, въ которыхъ его прежде не было.

Новый законъ постановляетъ въ ст. 137, что работы женщинъ на фабрикахъ запрещаются между $8^1/_2$ ч. веч. и $5^1/_2$ ч. утра. Правительство попыталось сдѣлать очень существенное изъятіе изъ общаго правила, оставляя за союзнымъ совѣтомъ право разрѣшать ночную работу работницъ старше 16 лѣтъ въ извѣстныхъ отросляхъ производства, въ которыхъ она существовала до изданія закона и въ которыхъ она, по мнѣнію союзнаго совѣта, не сопряжена съ опасностью для здоровья и нравственности женщинъ. Къ счастью, такое дискредитирующее весь законъ изъятіе было отклонено рейхс-

тагомъ, и союзному совѣту указанъ только точно ограниченный кругъ производствъ, въ которыхъ онъ вправѣ допускать исключенія изъ общаго правила о ночной работѣ женщинъ, какъ и вообще изъ главныхъ постановленій закона: это фабрики, работающія съ непрерывнымъ огнемъ, или вообще вынужденныя, по характеру производства, работать днемъ и ночью, производства, въ которыхъ невозможно раздѣленіе на равныя смѣны, и производства, работающія только часть года. Здѣсь идетъ рѣчь не о случайномъ изъятіи для отдѣльныхъ производствъ, а объ исключеніи болѣе серьезнаго свойства; о непримѣненіи закона къ извѣстнымъ категоріямъ промышленности. Интересы женщинъ-работницъ въ этихъ производствахъ защищены лишь постановленіемъ ст. 139а, по которой общая продолжительность труда женщинъ не должна превышать 65 часовъ, на кирпичныхъ заводахъ—70 часовъ въ недѣлю; ночной трудъ не можетъ продолжаться болѣе 10 часовъ въ ночь, и ночныя смѣны должны еженедѣльно чередоваться съ дневными. Изъятія изъ закона допускаются, съ разрѣшенія властей, въ продолженіе 40 дней въ году, въ тѣхъ случаяхъ, когда происходятъ чрезвычайное скопленіе заказовъ; работницы старше 16 лѣтъ могутъ тогда работать до 10 ч. вечера, но общая продолжительность ихъ труда не должна превышать 13 часовъ въ сутки. Такія же изъятія и временныя исключенія допущены новымъ закономъ для работы дѣтей и подростковъ.

Благопріятнымъ для женщинъ-работницъ добавленіемъ является, далѣе, требованіе закона, чтобъ роженицы не допускались на фабрики раньше, какъ по истеченіи 6 недѣль со дня родовъ. Допущеніе черезъ 4 недѣли возможно лишь съ разрѣшенія врача. Въ Швейцаріи женщины не допускаются къ работамъ въ продолженіе 8 недѣль.

Въ вопросѣ о воскресномъ отдыхѣ правительство рѣшилось выступить съ общимъ запрещеніемъ для всего рабочаго населенія, но для женщинъ-работницъ здѣсь также есть существенное добавленіе: въ то время какъ мужчины могутъ работать до 6 ч. утра воскреснаго или праздничнаго дня, женщины прекращаютъ работу наканунѣ не позже 5½ ч. дня. Въ мотивахъ по этому поводу сказано, что только въ томъ случаѣ женщина дѣйствительно воспользуется воскреснымъ отдыхомъ и обставитъ его удобствами для своей семьи, если у нея наканунѣ будетъ достаточно времени для приведенія въ порядокъ хозяйства. Для молодыхъ же работницъ вечера наканунѣ праздниковъ единственное время, когда онѣ могутъ заниматься рукодѣліями и хозяйствомъ, такъ какъ въ остальные вечера онѣ настолько устаютъ отъ работы, что не можетъ быть рѣчи объ успѣшномъ обученіи. Къ сожалѣнію, мы и здѣсь встрѣчаемся съ большими изъятіями. Административнымъ органамъ предоставлено допускать работницъ, не имѣющихъ собственнаго хозяйства, предпринимать чистку и т. п. работы на фабрикахъ

послѣ указаннаго времени, «гдѣ это требуется по характеру производства».

Самый крупный пунктъ не только въ отдѣлѣ о женскомъ трудѣ, но и во всемъ законѣ, заключается въ установленіи максимальнаго рабочаго дня въ 11 ч. для всѣхъ женщинъ старше 16 лѣтъ. Въ правительственномъ проектѣ, ст. 137, 2, 3 и 4 постановляла, что «занятіе работницъ старше 16 лѣтъ не должно длиться (на фабрикахъ) болѣе 11 часовъ въ день. Для обѣда работницамъ должна быть предоставлена пауза, по крайней мѣрѣ, въ 1 часъ. Работницы старше 16 лѣтъ, имѣющія на своихъ рукахъ хозяйство, должны быть отпускаемы, когда онѣ этого потребуютъ, за полчаса до наступленія обѣденной паузы, если послѣдняя не длится, по крайней мѣрѣ, 1½ часа». Между постановленіемъ правительственнаго законопроекта и проектомъ рейхстага, о которомъ мы раньше упоминали, очень большая разница: проектъ 1891 г. и лучше, и хуже своего предшественника. Лучше потому, что онъ не ограничивается введеніемъ максимальнаго рабочаго дня для замужнихъ только женщинъ, а установляетъ его для всѣхъ работницъ старше 16 лѣтъ. Количественная разница между обоими постановленіями яснѣе всего обнаруживается изъ того факта, что въ срединѣ августа 1890 года на всѣхъ германскихъ фабрикахъ насчитывалось только 130,000 замужнихъ женщинъ, тогда какъ еще въ 1887 году число всѣхъ застрахованныхъ въ фабричныхъ кассахъ женщинъ, т. е. только работницъ на большихъ фабрикахъ, превышало 300,000. Въ дѣйствительности работницъ на всѣхъ фабрикахъ гораздо больше, и можно смѣло сказать, что правительственный проектъ по крайней мѣрѣ втрое увеличиваетъ сферу примѣненія максимальнаго рабочаго дня. «На здоровьѣ женскаго населенія еще болѣе покоится будущее націи, чѣмъ на здоровьѣ мужчинъ»,—заявляютъ мотивы къ этому постановленію; — «ограниченіе работы женщинъ необходимо не только въ видахъ общественнаго здравія, но и для поднятія семейной жизни». Правительство рѣшилось, однако, лишь на ограниченіе труда женщинъ 11-ю часами въ день, что не составляетъ достаточной защиты женскихъ силъ, тогда какъ по проекту рейхстага предполагался 10-часовой день, правда, только для замужнихъ женщинъ. Вокругъ вопроса о продолжительности рабочаго дня преимущественно сосредочивалась полемика о женскомъ трудѣ. Противъ самаго установленія максимальнаго рабочаго дня для женщинъ не было серьезныхъ возраженій. Даже наиболѣе откровенные представители капитала желали только побольше изъятій: постоянныхъ изъятій для прядиленъ, напр., потому что трудъ тамъ будто очень легкій, и «интересы національной промышленности» не допускаютъ уменьшенія работы на 1 часъ въ день; временныхъ изъятій для сезонныхъ и цѣлаго ряда другихъ производствъ, подверженныхъ смѣнѣ конъюнктуръ. Съ противоположной стороны указывали на необходимость ограничить рабочій день жен-

щины въ максимумѣ 10-ю часами. Клерикалы устами каплана Гитце заявили, что принципіально они за то, чтобы женщина постепенно вовсе была удалена съ фабрики *). Соціалъ-демократія, также принципіально требуя максимальнаго рабочаго дня для всѣхъ взрослыхъ рабочихъ, настаивала на томъ, чтобы максимальный день для женщинъ ни въ какомъ случаѣ не превышалъ 10 часовъ **).

Во всякомъ случаѣ 11-часовой рабочій день для взрослыхъ женщинъ всетаки нѣкоторый шагъ впередъ ***), съ необходимостью ведущій къ распространенію такого же ограниченія и на взрослыхъ рабочихъ-мужчинъ въ тѣхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ женскій элементъ очень значителенъ. Однако, и въ этой скромной формѣ защита женщины не проведена съ полной послѣдовательностью, а испорчена многочисленными изъятіями ****).

Отчеты фабричныхъ инспекторовъ ясно доказываютъ, что если-бы законодательство дѣйствительно задалось желаніемъ облегчить трудъ женщины въ общемъ правилѣ, а не въ болѣе или менѣе исключительныхъ случаяхъ крайней эксплоатаціи, оно должно было бы продиктовать не 11-ти, а, по крайней мѣрѣ, 10-ти часовой максимальный день. Въ фабричныхъ отчетахъ за 1890 годъ приведены,

---

*) Stenogr. Bericht des Reichstags, VIII Legisl., Bd. I, p. 180.

**) Drucksachen zum stenographischen Bericht, Antrag Auer und Genossen.

***) Въ то время, какъ представители соціалъ-демократіи въ рейхстагѣ безусловно высказались за ограниченіе женскаго труда и за спеціальныя изъятія въ пользу женщинъ-работницъ, представительницы послѣднихъ въ литературѣ и народныхъ собраніяхъ становятся на другую точку зрѣнія. «Мы не хотимъ, — говорятъ онѣ, — спеціальныхъ изъятій; задачей женщины должно быть то же самое, что задачей мужчины.» Характерные образцы у Clara Zetkin, «Die Arbeiterinnen und Frauenfrage der Gegenwart» (Berlin, 1891): «По истинѣ непонятно, что съ соціалистической стороны, хотя и рѣже, чѣмъ прежде, но все еще раздаются требованія объ отмѣнѣ и ограниченіи женскаго труда... Стоять за ограниченіе женскаго труда (кромѣ нѣкоторыхъ имѣющихъ въ виду здоровье женщины и потомства) значитъ поворачивать назадъ исторію развитія и обнаруживать полное непониманіе экономическихъ условій. Желаніе снова приковать женщину къ дому, къ семьѣ—такое же безумное и безплодное, какъ желать разрушенія машинъ; оно ни на іоту не менѣе реакціонно, чѣмъ стремленія спасти мелкую промышленность, сохранить среднее мѣщанство, возстановить цехи» (стр. 11, 13). Какъ извѣстно, на конгрессѣ по рабочему законодательству, происходившемъ въ 1897 г. въ Цюрихѣ, на ту же точку зрѣнія стали всѣ соціалистическіе делегаты, тогда какъ клерикалы и христіанскіе соціалисты всѣхъ странъ требовали удаленія изъ фабрикъ женщинъ, по крайней мѣрѣ замужнихъ женщинъ.

*****) Такой умѣренный и опытный въ рабочемъ вопросѣ дѣятель, какъ Максъ Гиршъ, заявилъ въ рейхстагѣ, что изъятій несравненно больше, чѣмъ это было необходимо въ интересахъ промышленности: «Die Menge der Ausnahmebefugnisse ist so gewaltig, dass man an das Gewand der Penelope erinnert wird, das am Tage gewebt und in der Nacht wiederaufgelöst wird».

напримѣръ, свѣдѣнія о продолжительности труда женщинъ въ округѣ Магдебурга. Изъ 6,004 женщинъ, работавшихъ на 288 фабрикахъ и заводахъ, 110 на 5 фабрикахъ работали по 12 и болѣе часовъ, 1,040 на 52 фабрикахъ работали по 11-ти часовъ, 3,631 на 165 фабрикахъ работали по 10 часовъ и остальныя менѣе 10 часовъ. Съ примѣненіемъ новаго закона должны оказаться въ выигрышѣ не болѣе 110 женщинъ, или менѣе 2%, всѣхъ работницъ. Болѣе 1,000 работницъ, или около 18%, остаются въ прежнемъ положеніи, и имъ, какъ и всѣмъ, работающимъ уже теперь по 10 часовъ, законъ совершенно не нуженъ. Мы не говоримъ, разумѣется, что законы не должны задаваться цѣлью уничтожать вопіющія злоупотребленія, но соціальное значеніе фабричнаго законодательства больше и шире, когда оно создаетъ для значительной группы труда болѣе благопріятныя условія работы и существованія, чѣмъ тѣ, какими она пользуется теперь.

Въ Баденѣ ограниченіе рабочаго времени женщинъ коснулось преимущественно прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ, такъ какъ на всѣхъ другихъ очень рѣдко работали и раньше болѣе 11 часовъ въ день. Въ большинствѣ прядиленъ введеніе максимальнаго рабочаго дня для женщинъ означало, однако, сокращеніе работы на 1 часъ, въ нѣкоторыхъ и на 2—3 часа. «Почти безъ исключенія всѣ довольны происшедшимъ измѣненіемъ въ производствѣ, — пишетъ фабричный инспекторъ; — въ количествѣ продукта или вовсе не произошло измѣненій, или же произошла значительно меньшая убыль, чѣмъ соотвѣтствующая сокращенію рабочаго времени... Многіе владѣльцы прядиленъ и ткацкихъ высказали, что они съ удовольствіемъ привѣтствовали бы и сокращеніе рабочаго времени до 10 часовъ при условіи, чтобы оно было осуществлено принужденіемъ закона, обязательнаго для всѣхъ». Въ названной промышленности, какъ преимущественно пользующейся женскимъ трудомъ, наступило то, что было и въ Англіи послѣдствіемъ ограниченія женскаго труда: такъ какъ фабрикантамъ невыгодно или невозможно разбивать рабочій персоналъ на мужскую и женскую группы, то мужчины точно такъ же пользуются 11-ти часовымъ максимальнымъ днемъ, какъ и женщины. Это не исключало, конечно, попытокъ обходить законъ. На нѣкоторыхъ фабрикахъ сокращали паузы, такъ какъ онѣ нелегко поддаются контролю; особенно часто совершается обходъ постановленія закона, чтобы по субботамъ и наканунѣ праздниковъ женщины отпускались домой не позже $5^1/_2$ часовъ дня. За это, какъ и за нарушеніе постановленій, запрещающихъ ночную работу женщины, инспекція неоднократно приходилось привлекать фабрикантовъ къ судебной отвѣтственности. Совершенно мертвой буквой остается предписаніе (ст. 137, пунктъ 2 Gewerbeordnung), чтобы женщины и дѣвушки старше 16 лѣтъ, если на ихъ рукахъ хозяйство, отпускались домой за полчаса до наступленія обѣденной паузы. Такъ какъ это требованіе необязательно, а

зависитъ отъ представленія самихъ работницъ, то предприниматели просто разсчитываютъ работницъ, дѣлающихъ такія «представленія»; да и одной угрозы разсчетомъ достаточно, чтобы отбить у женщинъ охоту дѣлать заявленія. Инспекторъ прямо называетъ конкретные случаи и говоритъ также, что работницы сознаютъ, что онѣ не смѣютъ ничего требовать.

Мы указывали выше, какъ подорвана защита женскаго труда многочисленными изъятіями. Въ Баденѣ, гдѣ инспекція не упускаетъ изъ вида интересовъ труда, въ 1,892 году изъятія были допущены на 162 фабрикахъ съ 6,122 работницами, а сверхсрочная работа въ общемъ составила 147,089 часовъ. Въ 1893 году на 170 фабрикахъ работали сверхъ 11 часовъ въ общемъ итогѣ 170,395 часовъ. Такъ какъ многія отрасли производства вовсе не требовали льготъ, то послѣднія распредѣляются между сравнительно небольшимъ числомъ предпріятій и тѣмъ чувствительнѣе отражаются на одной группѣ работницъ. Въ одномъ случаѣ 229 работницъ, на основаніи данной фабриканту льготы, работали 4 мѣсяца въ году по 13 часовъ въ день (въ остальные 8 мѣсяцевъ—по 10 часовъ).

Фабричныя условія удивительно нивеллируютъ отношенія, нравы, пріемы. Между южнымъ нѣмцемъ и саксонцемъ еще очень большое различіе въ образѣ жизни, нравахъ, языкѣ, но фабричные порядки совершенно одинаковы. Какъ и въ Баденѣ, нѣкоторые саксонскіе фабриканты стараются наверстать на паузахъ тотъ добавочный часъ, который у нихъ отнялъ максимальный рабочій день для женщинъ, хотя большинство, по заявленію саксонскихъ отчетовъ, примирилось съ новымъ закономъ, и осуществленіе его съ этой стороны не представляло трудностей. Что ограниченіе труда женщины не принесло сколько-нибудь замѣтнаго ущерба промышленности и промышленникамъ, ясно доказываютъ цифры женщинъ-работницъ на саксонскихъ фабрикахъ: въ 1891 году, до примѣненія закона, ихъ было 107,756, въ 1892 году—110,222. Между тѣмъ 1892 годъ принадлежалъ къ числу неблагопріятныхъ для обрабатывающей промышленности, и число рабочихъ мужчинъ за этотъ годъ уменьшилось съ 222,716 на 221,083. На примѣрѣ дѣтскаго труда можно видѣть, что, если законодательныя ограниченія становятся очень чувствительными для предпринимателя, соотвѣтствующая категорія рабочихъ уменьшается. Самыя большія затрудненія въ Саксоніи встрѣтило, однако, не осуществленіе 11-ти-часового труда, а прекращеніе ночной работы; это особенно относится къ производствамъ, въ которыхъ женскій трудъ преобладаетъ надъ мужскимъ, и гдѣ очень часто работаютъ двумя смѣнами. Не смотря на плохія условія сбыта, саксонцы все-таки очень широко пользуются изъятіями изъ закона. Въ Пруссіи хотя осуществленіе максимальнаго рабочаго дня не представляло никакихъ затрудненій, но для 43,594 работницъ допущена была сверхсрочная работа, составившая въ общемъ итогѣ 1.344,109 добавочныхъ часовъ въ теченіе 9 мѣся-

цевъ 1892 года *). Въ Пруссіи, какъ и въ Саксоніи, Баваріи, и Баденѣ, право работницъ требовать для себя еще полчаса обѣденной паузы остается мертвой буквой. Затрудненія и въ Пруссіи вызвало осуществленіе ночного отдыха, особенно на сахарныхъ заводахъ, гдѣ число женщинъ вслѣдствіе этого даже значительно уменьшилось. Ночная работа очень часто не зависитъ отъ техническаго характера производства, а объясняется лишь желаніемъ какъ можно интенсивнѣе эксплоатировать постоянный капиталъ. Баварскій отчетъ за 1892 годъ приводитъ характерный примѣръ суконной фабрики, на который вслѣдствіе запрещенія ночного труда женщинъ, фабриканту пришлось затратить еще $3^1/_2$ милліона на постройку и обзаведеніе второго корпуса. Раньше машины и зданія утилизировались въ теченіе 24 часовъ, теперь въ двухъ зданіяхъ работаютъ только днемъ по 11 часовъ. Такіе же примѣры приводятъ прусскіе отчеты относительно сахарныхъ заводовъ.

Что касается вліянія сокращенія женской работы на заработокъ, то на первыхъ порахъ оно не вездѣ было столь же благопріятнымъ, какъ въ Баденѣ. Въ Пруссіи во многихъ мѣстахъ поденная плата была уменьшена **), въ Баваріи замѣчалось и уменьшеніе сдѣльной платы, какъ результатъ уменьшенія продукта. Однако уже въ отчетахъ за 1893 годъ чаще упоминается о болѣе благопріятныхъ результатахъ. Очевидно, что вліяніе сокращенія времени на интенсивность труда сказалось не вездѣ одинаково быстро.

Изъ всего предыдущаго можно вывести заключеніе, что если реформу фабричнаго законодательства въ чемъ-либо можно упрекнуть, то отнюдь не въ радикальной ломкѣ сложившихся отношеній. Нѣмецкіе предприниматели другого мнѣнія. Какъ частныя лица, многіе изъ нихъ сочувствуютъ тенденціямъ закона, направленнымъ къ защитѣ слабѣйшихъ элементовъ рабочей массы, но какъ сословіе они защищаются отъ посягательствъ на свою прибыль, на свое господство. Ихъ представители въ рейхстагѣ успѣли продырявить законъ цѣлой серіей исключеній. Еще рѣшительнѣе и откровеннѣе выступаютъ торговыя камеры и промышленныя палаты. Едва правительственный проектъ поступилъ въ рейхстагъ, какъ всѣ представительныя учрежденія купеческаго и фабрикантскаго интереса уже устраиваютъ съѣздъ, сочиняютъ петиціи, бьютъ тревогу въ печати и на собраніяхъ. Затѣмъ правительство съ своей стороны обращается къ камерамъ и палатамъ съ вопросами, касающимися новой реформы, и это снова даетъ толчекъ къ аттакѣ противъ государственной регламентаціи. Право государства вмѣшиваться въ отношенія между капиталомъ и трудомъ представляется еще весьма сомнительнымъ—это послѣ 10 лѣтъ соціальной политики!—

*) Jahresberichte der Königl. preussischen Regierungs und Gewerberäthe und Bergbehörden für 1892, p. 141—43, 203—204, 78 и др.

**) Jahresberichte, 291.

предпринимателямъ въ Галле и Эрфуртѣ. Другіе ихъ коллеги такъ далеко не идутъ, но «предупреждаютъ»—не преувеличивать, не спѣшить, «не вызывать въ рабочихъ жадности». Они даже не понимаютъ, къ чему собственно государству вникать въ детальныя условія фабричной жизни? Вѣдь тѣ злоупотребленія, на которыя обыкновенно ссылаются, только исключенія. Вызывая въ массахъ представленіе, будто предприниматели безсердечные люди, руководствующіеся только своекорыстнымъ разсчетомъ, правительство и рейхстагъ портятъ установившуюся гармонію отношеній. Среди торговыхъ представителей есть и моралисты, приходящіе въ негодованіе отъ того, что «всѣ теперь гонятся за популярностью у массъ», и любители свободы, возмущающіеся полицейской опекой *).

4.

Во главѣ всѣхъ постановленій о защитѣ рабочихъ безъ различія пола и возраста нужно поставить обязательныя мѣры къ охраненію жизни и здоровья на фабрикѣ. Реформа 1891 года попыталась полнѣе формулировать требованія, которыя должны быть поставлены государствомъ предпринимателямъ; но и эта попытка далеко еще не даетъ удовлетворительнаго разрѣшенія общественной задачи въ области фабричной гигіены.

Предприниматели обязаны такъ устроить и содержать помѣщенія для работы, машины, орудія и всѣ приспособленія къ производству и такъ регулировать самое производство, чтобы рабочіе были предохранены отъ опасностей для жизни и здоровья, насколько это вообще возможно по свойству работы. Въ частности хозяева должны заботиться о томъ, чтобы было достаточно свѣжаго воздуха, чтобы вентиляція устраняла возникающую при работѣ пыль, испаренія и газы, и чтобы отбросы были удаляемы. Точно также должны быть приняты всѣ предохранительныя мѣры къ огражденію рабочихъ отъ опаснаго прикосновенія къ машинамъ и отъ другихъ опасностей производства, въ особенности при наступленіи пожара. Предписанія о порядкѣ работы и о поведеніи рабочихъ также должны имѣть въ виду огражденіе ихъ жизни и здоровья. За этими общими постановленіями слѣдуютъ предписанія относительно огражденія нравственности. Гдѣ совмѣстная работа обоихъ половъ ведетъ къ нарушенію добрыхъ нравовъ, она должна быть устранена. Гдѣ рабочимъ приходится раздѣваться и одѣваться, помѣщенія должны быть отдѣльныя для мужчинъ и женщинъ. Особенная статья (120) предписываетъ усилить требованія относительно здоровья и нравственности въ тѣхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ работаютъ малолѣтніе (моложе 18 лѣтъ).

*) Die Urteile der deutschen Handelskammern über die Novelle zur Gewerbeordnung. Conrad's Jahrb. 1892. Heft 3, p. 264—281.

Очевидно, что столь обще формулированныя требованія мало сами по себѣ достигаютъ цѣли, если въ тоже время нѣтъ спеціально формулированныхъ постановленій, указанія конкретныхъ мѣръ. Изданіе такихъ детальныхъ предписаній предоставлено союзному совѣту. Пока же и въ тѣхъ случаяхъ, когда требованія могутъ касаться только тѣсно ограниченныхъ видовъ промышленности, изданіе обязательныхъ правилъ предоставлено отдѣльнымъ правительствамъ и полицейскимъ учрежденіямъ, которыя въ большинствѣ случаевъ передаютъ это фабричной инспекціи. Однако, администрація закономъ связана по отношенію къ предпріятіямъ, существовавшимъ до изданія закона 1891 г.; если они и увеличены потомъ перестройками и достройками, къ нимъ могутъ быть предъявлены лишь такія требованія, которыя исполнимы съ небольшими расходами; большія же требованія—въ томъ лишь случаѣ, если обнаруживаются особенно рѣзкіе недостатки.

Самая серьезная часть этихъ постановленій заключается въ ст. 120, п. 2-мъ. Въ предпріятіяхъ, въ которыхъ слишкомъ продолжительная работа вредна для здоровья рабочихъ, союзный совѣтъ можетъ опредѣлить продолжительность рабочаго дня, его начало и конецъ, а также предписать обязательныя паузы. За отсутствіемъ нормальнаго рабочаго дня, эта статья открываетъ возможность ограниченія рабочаго времени взрослыхъ рабочихъ-мужчинъ въ отдѣльныхъ производствахъ. На основаніи ея, коммиссія статистики предложила уже канцлеру ограничить рабочій день въ пекарняхъ *), и предложеніе ея было осуществлено союзнымъ совѣтомъ.

Въ обзорѣ исторіи фабричнаго законодательства мы видѣли, что запрещеніе расплаты товарами принадлежало къ старѣйшимъ постановленіямъ, которое больше другихъ достигало своей цѣли и притомъ являлось почти единственной серьезной мѣрой въ защиту взрослыхъ рабочихъ. При реформѣ закона въ 1891-мъ г. правительство и рейхстагъ сочли однако нужнымъ дополнить мѣры противъ расплаты товаромъ, такъ какъ изъ свѣдѣній о наказаніяхъ за нарушеніе ст. 115 Gewerbeordnung, запрещающей «трукъ», обнаруживается, что расплата товаромъ еще не вездѣ исчезла. Въ 1886 г. германскими судами за нарушеніе этой статьи наказано было 194 предпринимателя, въ 1887 г.—172, въ 1888 г.—179 **). Кому бы пришло въ голову, что и потребительныя товарищества,—которыхъ законъ не только въ этомъ случаѣ не могъ имѣть въ виду, какъ средства противъ рабочихъ, но, наоборотъ, долженъ былъ покровительствовать имъ, какъ формѣ облегченія и удешевленія жизни,—тоже могутъ принять характеръ обхода закона и эксплоатаціи? Въ рейхстагѣ бы-

*) Ср. также тексты Gewerbeordnung, комментаріи въ новой редакціи напр., Jlling, Die deutsche Gewerbeordnung, 1891, p, 89—92.

**) Stenogr. Bericht, VIII Leg. 1890—91 Bd. III, 1661, 1663.

ли приведены примѣры изъ Силезіи и Рейнской провинціи, доказывающіе, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съѣстные лавки и магазины только фиктивно носятъ названіе Consumverein'a: членами и заправилами состоятъ фабрикантъ, его родственники и надсмотрщики, а рабочіе вынуждены покупать и платить дороже, чѣмъ въ частныхъ лавкахъ. Депутатъ Мецнеръ представилъ 4 разсчетныхъ листка, въ которыхъ изъ 40—45 марокъ заработка (за двѣ недѣли) рабочій наличными деньгами получалъ всего нѣсколько пфениговъ, остальное же состояло изъ забранныхъ въ кредитъ квитанцій потребительныхъ товариществъ. Рабочихъ заставляли брать даже больше, чѣмъ они были въ состояніи покупать для себя, такъ что они вынуждены были продавать «Bons», конечно, съ потерей *).

Болѣе откровенная и старая форма трука—съѣстныя лавки, которыхъ законъ не можетъ запретить въ такихъ случаяхъ, напримѣръ, когда заводъ или фабрика находятся внѣ города и деревни. Что уже было предписано въ Германіи предшествовавшимъ законодательствомъ и точнѣе формулировано въ новеллѣ 1891 г., это—запрещеніе продавать въ съѣстныхъ лавкахъ дороже, чѣмъ по собственной цѣнѣ: за топливо, освѣщеніе, харчи, медикаменты и врачебную помощь хозяину запрещено вычитывать изъ заработка больше, чѣмъ это «въ среднемъ» стоитъ ему самому. За квартиру и пользованіе землей наемная цѣна не должна превышать «обычныхъ мѣстныхъ цѣнъ». Въ дебатахъ рейхстага указано было на растяжимость и неточность такихъ выраженій, но они всетаки остались въ законѣ. Странное раздѣленіе приведено было, далѣе, между поштучными и поденными рабочими относительно цѣнъ за представляемые имъ инструменты и матеріалы: первымъ они должны быть предоставлены по собственной средней цѣнѣ, со вторыхъ же фабрикантъ или купецъ (съ поштучными фабричными уравнены и кустари) можетъ брать и больше, но не дороже обычной мѣстной цѣны (ст. 115). Кромѣ перечисленныхъ предметовъ, хозяева не должны выдавать рабочимъ никакихъ другихъ въ кредитъ и не имѣютъ права въ этомъ случаѣ дѣлать вычеты изъ жалованья или заработковъ. Всѣ частные договоры въ обходъ закона недѣйствительны. Рабочій во всякое время вправѣ потребовать, чтобы, вмѣсто незаконно выданныхъ ему товаровъ, ему заплатили наличными деньгами, и фабрикантъ не получаетъ обратно своихъ товаровъ, которые поступаютъ въ рабочія кассы или въ благотворительныя учрежденія. *) Въ тѣсной связи съ постановленіями о расплатѣ товарами должны стоять предписанія о срокахъ расплаты. Говоримъ *должны*, потому что въ дѣйствительности и реформа 1891 г. не установила обязательныхъ сроковъ, а предоставила лишь общинамъ и союзамъ общинъ потребовать путемъ мѣстнаго статута

---

*) Stenogr. Bericht III. 1660. Тамъ же отпечатаны всѣ разсчетные листки представленые Мецнеромъ.

для всѣхъ рабочихъ или только въ извѣстныхъ отрасляхъ промышленности, чтобы частичная или окончательная расплата (Lohn und Abschlagzahlungen) происходила въ точно опредѣленные сроки, не рѣже одного раза въ мѣсяцъ и не чаще, какъ каждую недѣлю. Тѣмъ же мѣстнымъ статутамъ дано право постановлять, чтобы заработокъ несовершеннолѣтнихъ выдавался на руки не самимъ рабочимъ, а ихъ родителямъ или опекунамъ, или чтобы послѣдніе каждый разъ были извѣщаемы, что заработки выданы на руки несовершеннолѣтнимъ рабочимъ.

Къ положительнымъ пріобрѣтеніямъ всего рабочаго населенія, хотя и значительно урѣзаннымъ для взрослыхъ мужчинъ, принадлежитъ провозглашеніе обязательности воскреснаго отдыха.

Единственное постановленіе о воскресномъ трудѣ въ общегерманскомъ фабричномъ законодательствѣ до реформы 1891 года заключалось въ ст. 105 Gewerbeordnung, гласившей: «Предприниматели не могутъ обязать рабочихъ работать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Работы, которыя по характеру производства не терпятъ отлагательства или перерыва, не подпадаютъ подъ эти постановленія. Какіе дни считаются праздничными, опредѣляютъ мѣстныя правительства». Подъ рабочими, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, понимаются приказчики, ученики и фабричные рабочіе, которыхъ хозяева не могутъ обязать, но которымъ не запрещается «свободно» договариваться объ исполненіи работъ по воскресеньямъ. Законъ, слѣдовательно, давалъ имъ только ту гарантію, что не подведетъ отказа отъ воскреснаго труда подъ категорію отказа отъ обязательныхъ повинностей наемнаго труда, влекущаго за собой гражданскія послѣдствія за нарушеніе принятыхъ обязанностей. Мотивы къ правительственному проекту реформы 1891 года совершенно вѣрно замѣчаютъ, что «при подчиненномъ положеніи рабочихъ и при искушеніи», лежащемъ въ добавочномъ воскресномъ заработкѣ, прежнія постановленія были совершенно недостаточны, чтобы предотвратить распространеніе воскресной работы. Это вполнѣ подтверждалось изслѣдованіемъ, предпринятымъ до проекта фабричной реформы въ 16-ти германскихъ Regierungsbezirke. Оно обнаружило, что: a) въ крупной промышленности воскресный трудъ существовалъ въ 49% всѣхъ предпріятій и для 29% всѣхъ рабочихъ; b) въ

*) Мы придерживаемся здѣсь по возможности выраженій самого закона. Изъ приведенныхъ постановленій ясно что, ограниченіе расплаты товарами, не исключаетъ возможности эксплоатаціи непосредственно послѣ того, какъ заработокъ выплаченъ наличными деньгами. Въ рейхстагѣ энергично требовали, чтобы фабрикантамъ, Verleger, ихъ служащимъ и подчиненнымъ вообще запрещено было доставлять изъ своихъ лавокъ товары рабочимъ, хотя бы и не въ кредитъ или въ зачетъ заработной платы. Противъ этого правительство и большинство рейхстага отвѣчало, что нельзя запрещать купцу или фабриканту торговать, а рабочему покупать, гдѣ имъ угодно. Это, однако, иногда ведетъ къ тому, что рабочихъ послѣ расплаты черезъ другія двери впускаютъ въ лавку того же хозяина.

ремеслѣ—въ 47% всѣхъ мастерскихъ съ 41, 8% рабочихъ; c) въ торговлѣ и путяхъ сообщенія—для 57, 8% всѣхъ служащихъ и въ 77 % всѣхъ предпріятій. Мѣстныя постановленія, существовавшія относительно воскреснаго отдыха въ Саксоніи, Баденѣ, Вюртембергѣ и т. п., по мѣткому замѣчанію правительственной записки, «больше задавались цѣлью—предохранить богослуженія отъ внѣшняго шума, чѣмъ дать возможность рабочимъ разъ въ недѣлю отдохнуть». Между тѣмъ и для клерикала, и для либерала, когда они становятся на точку зрѣнія соціальной политики, особенно дорого, чтобы рабочій, приказчикъ и всѣ труженики вообще имѣли возможность разъ въ недѣлю дѣйствительно отдохнуть и собраться съ силами. Въ рейхстагѣ клерикалы, защищающіе рабочіе интересы, требовали, чтобы для тѣхъ изъ рабочихъ, которые не могутъ постоянно отдыхать по воскресеньямъ (желѣзно-дорожные, трактирные и т. п.), воскресный отдыхъ былъ замѣненъ свободнымъ днемъ въ будни.

Законъ 1891 г., если и составляетъ шагъ впередъ, то все же далеко не гарантируетъ полнаго воскреснаго отдыха. Постановленія его слѣдующія. Въ горныхъ промыслахъ, солеварняхъ, каменоломняхъ, копяхъ, на фабрикахъ, на верфяхъ, а также въ строительныхъ предпріятіяхъ всякаго рода рабочіе не должны быть заняты работой по воскресеньямъ и праздникамъ. Отдыхъ долженъ продолжаться не менѣе 24 часовъ въ каждый воскресный или праздничный день, въ два же слѣдующіе другъ за другомъ праздника—не менѣе 36-ти, въ Рождество, Пасху и Троицу—не менѣе 48 часовъ. Время отдыха считается съ 12 часовъ ночи; въ два слѣдующіе другъ за другомъ праздника оно продолжается, по крайней мѣрѣ, до 6-ти часовъ вечера второго дня. Въ тѣхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ существуютъ правильныя денныя и ночныя смѣны, обязательный по закону воскресный отдыхъ начинается не ранѣе 6-ти часовъ вечера въ предпраздникъ и не позже 6-ти ч. утра въ день праздника, съ тѣмъ однако, чтобы въ обоихъ случаяхъ отдыхъ продолжался не менѣе 24 часовъ. Союзному совѣту предоставлено право распространить запрещеніе воскреснаго труда и на другія, не предусмотрѣнныя этимъ законъ производства.

Приказчики, ученики и рабочіе въ торговыхъ предпріятіяхъ не должны вовсе быть заняты работой въ первый день Рождества. Пасхи и Троицы, въ остальные же воскресные и праздничные дни—не болѣе 5 часовъ. Общины могутъ однако принимать постановленія, по которымъ часы торговыхъ занятій по праздникамъ еще болѣе сокращаются или вовсе запрещаются. Полицейскіе органы могутъ допустить увеличеніе числа часовъ работы въ торговлѣ до 10-ти часовъ въ продолженіе 4-хъ недѣль до Рождества, или же въ тѣ воскресные и праздничные дни, въ которые по мѣстнымъ условіямъ существуютъ усиленные торговые обороты. Часы, въ которые дозволены торговыя занятія, опредѣляются мѣстными властями. Для различныхъ отраслей торговли могутъ быть назначены

различные часы. Другія исключенія допускаются лишь въ крайнихъ, сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, точно перечисленныхъ въ законѣ. Разносная торговля и продажа товаровъ на улицахъ и площадяхъ подчинена тѣмъ же правиламъ, которыя изданы относительно фабрикъ, заводовъ и торгово-промышленныхъ заведеній. Въ высшей степени важно, что постановленія о воскресномъ отдыхѣ въ торговлѣ распространены также и на тѣ торговыя предпріятія, въ которыхъ нѣтъ наемнаго труда. Этимъ достигается уравненіе шансовъ конкурренціи и предупреждается систематическій обходъ закона.

Въ рейхстагѣ указывали на то, что осуществленіе воскреснаго отдыха въ томъ лишь случаѣ дѣйствительно и полно, если отдыхъ начинается въ субботу не позже 5—6 часовъ вечера и длится до утра понедѣльника. Соціалъ-демократы и многіе клерикалы требовали, чтобы воскресный отдыхъ былъ опредѣленъ поэтому не въ 24 часа, а въ 36. Это требованіе не встрѣтило поддержки большинства. Исключенія, предусмотрѣнныя въ законѣ, сдѣланы не только для работъ, необходимыхъ по праздникамъ, какъ въ предпріятіяхъ транспортныхъ, зрѣлищахъ, ресторанахъ, но и для отраслей промышленности, которыя легко могли бы обойтись безъ воскреснаго труда, какъ напримѣръ, такъ называемыя сезонныя производства и всѣ производства «для удовлетворенія ежедневныхъ потребностей населенія». Между тѣмъ, предусматривая продолженіе воскресныхъ работъ въ такихъ производствахъ, законъ обязываетъ лишь хозяевъ къ освобожденію рабочихъ отъ воскреснаго труда въ каждое третье воскресенье, или же разъ въ 2 недѣли, съ 6 ч. утра до 6 ч. вечера.

Относительно работниковъ на желѣзныхъ дорогахъ рейхстагъ ограничился резолюціей, приглашающей канцлера позаботиться о предоставленіи возможно большаго воскреснаго отдыха служащимъ и въ особенности повліять на то, чтобы передвиженіе грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ въ воскресные и праздничные дни по возможности было сокращено. То, что рейхстагъ здѣсь скромно проситъ принять во вниманіе, уже осуществлено въ Швейцаріи закономъ 27 іюня 1890 г., притомъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ: не только на желѣзныхъ дорогахъ, но и на почтѣ и въ пароходствѣ передвиженіе грузовъ, за исключеніемъ товаровъ большой скорости, воспрещено. Д-ръ Кайзеръ въ своей книгѣ о фабричномъ законодательствѣ Швейцаріи сообщаетъ, что въ намѣренія Швейцаріи входило возбужденіе международнаго соглашенія въ томъ же смыслѣ.

Слѣдующій вопросъ, включенный фабричной реформой въ свою сферу, касается обязательности фабричныхъ правилъ (Fabrikordnungen). До закона 1891 г. изданіе фабричныхъ правилъ не было предписано фабрикантамъ, но на большихъ фабрикахъ правила существовали безъ требованія закона. «На всѣхъ сигарныхъ фабрикахъ

Бадена,—читаемъ мы въ изслѣдованіи Верисгофера *),—фабричныя правила носятъ характеръ не договора, опредѣляющаго взаимныя права и обязанности, а односторонняго, изданнаго хозяиномъ фабрично-полицейскаго указа, заключающаго, однако, въ себѣ очень серьезныя постановленія о рабочихъ. Чѣмъ старѣе такія правила, тѣмъ больше они редактированы въ духѣ узкаго интереса хозяина, тогда какъ новыя правила болѣе воздерживаются отъ черезчуръ бросающагося въ глаза выраженія этихъ интересовъ. Въ правилахъ одной изъ старѣйшихъ фабрикъ сказано, что рабочіе имѣютъ право прекратить работу лишь послѣ 8-ми-недѣльнаго предварительнаго заявленія, тогда какъ «фабрика оставляетъ за собою право во всякое время разсчитать рабочаго безъ объясненія причинъ». Нужно ли лучшую иллюстрацію къ патріархальному режиму, составляющему идеалъ многихъ фабрикантовъ? Формальное равенство договаривающихся, при отсутствіи общественнаго вмѣшательства или стройной организаціи рабочихъ союзовъ, превращается не только по содержанію, но и по формѣ въ господство произвола властвующихъ.

Фабричная реформа не могла игнорировать хаоса и произвола въ фабричныхъ правилахъ, вызваннаго отсутствіемъ всякаго постановленія закона. Правительство при редактированіи новеллы 1891 года приняло въ свой проектъ слѣдующія постановленія: на каждой фабрикѣ обязательно должны существовать фабричныя правила, вывѣшенныя на видномъ мѣстѣ и подписанныя фабрикантомъ. Правила обязательно должны заключать въ себѣ постановленія о началѣ и концѣ работы и о паузахъ; о времени и способѣ расплаты; объ условіяхъ расторженія договора найма, если они не совпадаютъ съ постановленіями закона о срокахъ предварительнаго предупрежденія (Kündigung); о свойствахъ и размѣрахъ штрафовъ и объ ихъ назначеніи. Требуя изданія правилъ на каждой фабрикѣ и указывая обязательное ихъ содержаніе, законопроектъ въ то же время запрещалъ включать въ нихъ такія постановленія о штрафахъ, которыя оскорбляютъ чувство чести (рабочаго) и добрые нравы, и требовалъ, чтобы размѣръ штрафовъ никогда не превышалъ двойной суммы дневного заработка простого чернорабочаго. Чтобы не возвращаться къ послѣднему постановленію, я сейчасъ же прибавлю, что изъ двойного заработка рейхстагъ сдѣлалъ половину дневного заработка, и въ этомъ вчетверо облегченномъ видѣ постановленіе о штрафахъ вошло въ дѣйствующій законъ. Штрафы не могутъ быть источникомъ дохода для фабриканта, а должны идти въ пользу рабочихъ. Прежде чѣмъ вступить въ силу, фабричныя правила должны быть представлены хозяиномъ рабочимъ на разсмотрѣніе, и хотя рабочимъ предоставленъ только совѣщатель-

*) Die sociale Lage der Cigarrenarbeiter im Grossherzogthum Baden; herausgegeben im Auftrage d. grherzgl. Minister. des Innern. Karlsruhe, 1890, p. 19.

ный голосъ, но такъ какъ въ теченіе трехъ дней послѣ изданія правилъ фабриканты обязаны представить ихъ мѣстной администраціи, передающей ихъ фабричной инспекціи вмѣстѣ съ замѣчаніями рабочихъ, то послѣднимъ, такимъ образомъ, предоставлена нѣкоторая возможность вліять на содержаніе правилъ. Чтобы не озлобить хозяевъ, правительственный проектъ, какъ и окончательно принятый рейхстагомъ законъ, сдѣлали изъятіе для всѣхъ старыхъ правилъ, изданныхъ до вступленія въ силу закона 1891 г.: эти не должны быть представлены на усмотрѣніе рабочихъ.

Немногія изъ постановленій новеллы вызвали такую бурю въ средѣ предпринимателей, какъ эти требованія, составляющія теперь содержаніе статей 134 a—h германской Gewerbeordnung. Изъ всѣхъ фабричныхъ и торговыхъ городовъ посылались петиціи рейхстагу, конечно не отъ рабочихъ, а отъ фабрикантовъ и зависящихъ отъ нихъ купцовъ, управляющихъ и т. п. Святое право собственности нарушается, никто теперь больше не хозяинъ въ собственномъ дѣлѣ. Законъ, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать миру, даетъ лишь поводъ къ постояннымъ столкновеніямъ между фабричной администраціей и рабочими. Въ крайнемъ случаѣ предприниматели еще допускаютъ, что государство вправѣ обязать ихъ издавать фабричныя правила, но содержаніе правилъ—добрая ихъ, фабрикантовъ, воля. Приведемъ одинъ примѣръ изъ сотни. «Центральный союзъ германскихъ промышленниковъ» заявляетъ въ своей петиціи рейхстагу: «Имѣя въ виду, что договоръ найма на работы—актъ гражданскаго права, заключаемый добровольно, центральный союзъ требуетъ, чтобъ у хозяина не было отнято его право самостоятельно установлять содержаніе правилъ. Основываясь на знаніи практическихъ условій и настроенія въ кругахъ рабочихъ (?), мы высказываемъ убѣжденіе, что требованіе законопроекта, чтобы до вступленія въ силу фабричныхъ правилъ рабочимъ предоставлена была возможность высказаться, не только не поведетъ къ умиротворенію отношеній, но послужитъ еще къ увеличенію антагонизма, озлобленія и борьбы. Что касается предположеній проекта, касающихся ограниченія распоряженій хозяина относительно штрафовъ и поведенія рабочихъ внѣ фабрики, то, конечно, законодатель тутъ одушевленъ добрыми намѣреніями, но къ чему они поведутъ? Могутъ запретить штрафовать и дѣлать предписанія, но никакой законъ не запретитъ хозяину разсчитать рабочаго. Такъ какъ для поддержанія порядка и дисциплины хозяинъ не будетъ имѣть больше другого средства, то онъ за каждый проступокъ просто разсчитаетъ рабочаго. Случаи чрезвычайнаго спроса на работу очень рѣдки, и потому въ большинствѣ случаевъ положеніе рабочихъ (отъ вмѣшательства закона) только ухудшится» *).

*) Verhandlungen, Mittheilungen u. Berichte des Centralverbandes deutscher Industrieller, № 54 (Januar 1891), p. 17—18.

Представители этихъ взглядовъ въ рейхстагѣ не рѣшались прямо отрицать право государства требовать, чтобы правила введены были обязательно на каждой фабрикѣ съ 20 и болѣе рабочими; не рѣшался и заводчикъ Штуммъ, типичнѣйшій представитель «фабричнаго феодализма». Его пространная рѣчь, при обсужденіи содержанія фабричныхъ правилъ о штрафахъ (ст. 134 с. закона), заключала въ себѣ квинтъ-эссенцію взглядовъ германскихъ предпринимателей на отношенія ихъ къ рабочимъ. Размѣръ установленныхъ въ законѣ штрафовъ и примѣненіе ихъ хозяевами такъ ограничены, что эта статья должна быть признана, по мнѣнію Штумма, насмѣшкой надъ правами хозяина. Законъ провозглашаетъ конецъ авторитету хозяина. Отдаетъ ли себѣ, однако, законодатель (рейхстагъ и правительство) отчетъ, къ чему это поведетъ? «Если рабочій сброситъ съ себя авторитетъ на фабрикѣ, то дальнѣйшимъ послѣдствіемъ будетъ прекращеніе авторитета въ государствѣ и церкви. Соціалъ-демократія уже позаботится, чтобы землевладѣльцу жилось не лучше, чѣмъ фабриканту. И если «по всей линіи» провозглашено будетъ прекращеніе авторитета, то наступитъ скоро минута, когда подчиненіе прекратится и тамъ, гдѣ оно всего нужнѣе—въ арміи». Депутатъ Штуммъ сожалѣетъ, что ему, сначала отнесшемуся горячо къ соціальнымъ реформамъ,—такъ горячо, что онъ «всѣми силами старался сбросить съ себя шкуру предпринимателя, помня только объ общихъ, народныхъ интересахъ, — теперь съ тяжелымъ сердцемъ придется подать свой голосъ противъ всего закона». «И я дѣлаю это съ убѣжденіемъ, что дѣйствую не какъ предприниматель, а какъ гражданинъ, проникнутый сознаніемъ, что вы (правительство и рейхстагъ) подкапываете основанія государства и рубите корни монархіи» *). «Wenn jemals grosse Dinge klein und kleine Dinge gross dargestellt sind, so ist das hier in der Rede des Herrn Vorredners geschehen!»—замѣтилъ Максъ Гиршъ, говорившій вслѣдъ за Штуммомъ. Представители патріархальнаго режима въ отношеніяхъ къ рабочимъ не только не замѣчаютъ, что ихъ идеалъ противорѣчитъ всѣмъ современнымъ политическимъ и соціальнымъ условіямъ, но забываютъ объ одномъ существенномъ пунктѣ: что при настоящей организаціи промышленности не требуется ни экзамена, ни нравственной квалификаціи, ни даже извѣстнаго возраста, чтобы стать хозяиномъ: для этого нужны только деньги. И такой авторитетъ,— спрашиваетъ Максъ Гиршъ,—государство должно усилить?!

Къ характеристикѣ мнѣнія, высказаннаго противъ патріархальныхъ порядковъ представителями рабочихъ, присоединился и нынѣшній министръ финансовъ Микель, состоявшій тогда оберъ-бургомистромъ Франкфурта-на-Майнѣ и вождемъ націоналъ-либераловъ, которые больше, чѣмъ всякая другая партія, тѣсно связаны съ предпринимателями. «Я слышалъ отъ нѣкоторыхъ хозяевъ, совѣщавшихся съ рабочими объ изданіи правилъ», — сказалъ Микель въ рейхстагѣ,—«что они, къ собственному своему изумленію, должны

*) Stenograph. Berichte über dis Verhandlungen des Reichstags VIII Legislaturperiode, I Session 1890—91, Bd. IV, 2270—2276.

были признать, что при этомъ многому научились; раньше имъ казалось, что они все знаютъ, а изъ переговоровъ съ рабочими выяснилось, что послѣдніе часто знаютъ лучше и точнѣе всѣ условія фабричнаго труда... Съ другой стороны, среди существующихъ теперь фабричныхъ правилъ есть такія, которыя были бы немыслимы, еслибы нужно было выслушать рабочихъ или представить правила на усмотрѣніе администраціи».

Чтобы имѣть понатіе о томъ, каково было содержаніе фабричныхъ правилъ тамъ, гдѣ они существовали до изданія новаго закона (сдѣлавшаго ихъ, повторяю, въ ст. 134 с. *обязательными* для фабрикъ съ 20 и болѣе рабочими), мы приведемъ еще нѣсколько примѣровъ, процитированныхъ во время дебатовъ о фабричномъ законодательствѣ. Правила на заводахъ братьевъ Штуммъ въ Нейкирхенѣ состояли изъ 50 параграфовъ; изъ нихъ 36 содержали постановленія о штрафахъ отъ 50 пф. до 10 марокъ, а 4 грозятъ удаленіемъ съ фабрики. Такія правила, какъ замѣчено было Бебелемъ, представляютъ не собраніе постановленій о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ и о поддержаніи порядка, необходимаго въ каждомъ большомъ предпріятіи,—это уголовный кодексъ, примѣняемый и приводимый въ исполненіе одною изъ заинтересованныхъ сторонъ. Правила братьевъ Штуммъ въ ст. 36 постановляютъ: «Всѣмъ мастерамъ и рабочимъ запрещено подавать другъ на друга жалобы въ судъ и вступать въ бракъ, не заявивъ предварительно о своемъ намѣреніи шефу. Нарушенія наказуются штрафомъ отъ 3-хъ до 10-ти марокъ, а при наличности отягчающихъ обстоятельствъ — удаленіемъ съ завода». Не менѣе характерна ст. 42-ая тѣхъ же фабричныхъ правилъ: «Всѣмъ находящимся на службѣ у фирмы «Братья Штуммъ» лицамъ строго запрещается имѣть какое-либо другое добавочное (не земледѣльческое) занятіе, не испросивъ на то разрѣшенія у фирмы. Запрещеніе это относится и ко всѣмъ членамъ семьи служащаго, живущимъ въ одномъ съ нимъ хозяйствѣ: женѣ, дѣтямъ и родственникамъ». Слѣдуетъ угроза штрафомъ и удаленіемъ. Самъ Штуммъ увѣрялъ въ рейхстагѣ, что по отношенію къ штрафамъ его правила мягче, чѣмъ на другихъ желѣзныхъ заводахъ. На заводѣ «Kasier und Siebert» въ Вормсѣ ст. 3-я правилъ предоставляла предпринимателю право возмѣщать изъ кассы рабочихъ «всѣ поврежденія въ машинахъ и инструментахъ, оставшіяся не выясненными. На этой фабрикѣ, какъ и у Штумма и у другихъ, каждый рабочій обязанъ доносить мастеру о замѣченномъ имъ похищеніи или нарушеніи довѣрія, въ противномъ случаѣ не донесшій считается соучастникомъ» *).

Что примѣры, приведенные въ дебатахъ рейхстага, не представляли собой однихъ только безобразныхъ исключеній, подтверждается отчетами фабричныхъ инспекторовъ, вышедшими послѣ изданія закона 1891 года. Наиболѣе обстоятельный матеріалъ, по обыкновенію, находится въ баденскомъ отчетѣ **). Инспекціи здѣсь при-

*) Stenogr. Berichte über die Verhandlungen des Reichstags, VIII Legislaturperiode, I Session 1890—91. Bd. IV, 98 Sitzung, p. 2278—81, 2297.

**) Jahresbericht der Grossherzgl. badischen Fabrikinspection für das Jahr 1992. Karlsruhe, 1893, p. 65—91. Хотя законъ 1891 года предписы-

шлось разсмотрѣть болѣе 900 правилъ. Значительная часть правилъ, изданныхъ фабрикантами, дала поводъ къ вмѣшательству и дошла въ порядкѣ обжалованія до присутствій по фабричнымъ дѣламъ. Прямой или косвенный обходъ закона совершается не только отдѣльными личностями, но и цѣлыми союзами предпринимателей, какъ Verein Süddeutscher Baumwollindustrieller, издавшій одинаковыя правила для всѣхъ примыкающихъ къ нему фабрикантовъ. «Въ большинствѣ случаевъ»,—замѣчаетъ отчетъ инспекціи, — «правила имѣли въ виду только обязанности рабочихъ и игнорировали принадлежащія имъ права». Болѣе смѣлыя или наивныя пытались игнорировать постановленія закона. Законъ, напр., постановляетъ, что рабочій, самовольно нарушившій безъ предупрежденія договоръ найма, можетъ быть подвергнутъ вычету недѣльнаго заработка; а нѣкоторые баденскіе фабриканты вставляютъ въ правила, что такому же штрафу (безъ представленія доказательствъ, безъ суда!) подвергается и всякій рабочій, разсчитанный за дурное поведеніе и по другимъ мотивамъ. Здѣсь инспекціи, разумѣется, нетрудно было защитить интересы рабочихъ. Другіе фабриканты пытались сохранить за собой право уменьшать заработную плату, когда имъ заблагоразсудится; бывали примѣры, что такіе фабричные указы пользовались даже обратной силой, т. е. распространялись и на все время, предшествовавшее сроку расплаты. Инспекція опять вмѣшивается и ставитъ фабрикантамъ на видъ, что измѣненіе условій договора предполагаетъ и право договаривающихся отказаться отъ новыхъ условій, а такъ какъ по закону отказъ долженъ быть заявленъ за 14 дней, то и всякое уменьшеніе заработной платы можетъ вступить въ силу не раньше, какъ по истеченіи этого срока или срока, установленнаго въ частномъ договорѣ.

Несравненно труднѣе положеніе инспекціи, задающейся цѣлью охранять права рабочихъ, если законъ вовсе игнорируетъ серьезные пункты рабочаго договора или упоминаетъ о нихъ въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Такъ въ ст. 134 b п. 2 предпринимателямъ запрещено издавать постановленія, «оскорбляющія чувство чести и добрые нравы». Честь и нравы — растяжимыя понятія. Въ Баденѣ на основаніи этой статьи инспекціей вычеркнуты изъ правилъ всѣ штрафы, принуждающіе рабочихъ контролировать и доносить другъ на друга. Менѣе успѣшна была попытка запретить нѣкоторымъ фабрикантамъ обыскивать рабочихъ при оставленіи фабрики. Никакое другое постановленіе такъ не раздражаетъ рабочихъ, но со стороны фабрикантовъ послѣдовало возраженіе, что лишить ихъ этого права законъ не желаетъ и не можетъ желать, такъ какъ въ нѣкоторыхъ производствахъ, напр., золотыхъ и серебряныхъ вещей, это значило бы подвергнуть риску собственность фабриканта. Инспекція настояла, по крайней мѣрѣ, на томъ, чтобы женщинъ обыскивали только женщины.

(*Окончаніе будетъ*).

Г. Іоллосъ.

ваетъ представленіе фабричныхъ правилъ только на усмотрѣніе администраціи, но въ Баденѣ правительство поручило это инспекціи.

НА ВСЮ ЖИЗНЬ.

Романъ Эдуарда Эстонье.

Переводъ съ французскаго А. Анненской.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

— Можно войти?—спросилъ Леонардъ.

— Это вы?—вскричала Маделена Жукъ.—Цѣлую недѣлю не приходилъ! Какой забывчивый!

Леонардъ улыбнулся и заговорилъ нетвердымъ голосомъ:

— А знаете, какой идетъ дождь? Мнѣ хотѣлось, чтобы вы не сердились на меня; я сказалъ дома, что ухожу; я зналъ, что застану васъ, и пришелъ...

Онъ остановился у дверей.

— Вашего брата нѣтъ дома?—спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

Маделена поклонилась ему съ насмѣшливой улыбкой.

— Какъ видите, нѣтъ. Но успокойтесь, онъ вернется черезъ четверть часа.

— А вы сидѣли здѣсь одна?

— Какъ Сандрильона.

— Я вхожу!—весело вскричалъ Леонардъ.—Если это васъ скомпрометируетъ, что дѣлать.

— Все равно не надолго. Папа зоветъ меня къ себѣ; я уѣду въ Неверъ на будущей недѣлѣ.

— Уже?

— Уже...

Они остановились, какъ будто имъ нужно было сообщить другъ другу что то особенное.

— Идемъ,—сказала Маделена, краснѣя.

Она провела его въ рабочій кабинетъ Жука и сѣла около камина.

— Ну, что же вы стоите? Садитесь сюда, на это кресло.

Леонардъ снова улыбнулся.

— Нѣтъ, оставьте меня.—Мнѣ необыкновенно пріятно бывать здѣсь. Я люблю все разсматривать.

Въ этотъ вечеръ, какъ и много разъ прежде, онъ чувствовалъ себя удивительно хорошо въ этой тихой комнатѣ. Въ ней было что то необыкновенно уютное. Въ глубинѣ переплеты книгъ рисовались свѣтлыми точками на темной стѣнѣ. Мебель массивная, обитая темной матеріей, дышала комфортомъ. Пейзажи Калло, висѣвшіе на стѣнахъ, и небольшія статуэтки смягчали строгій стиль комнаты.

— Точно какое то святилище,—съ чуть замѣтной усмѣшкой проговорилъ Леонардъ.—Не достаетъ только статуи Воспитанія, тогда все было бы хорошо.

— Какъ вамъ не стыдно!—возразила Маделена,—зачѣмъ вы вѣчно смѣетесь надъ братомъ?

— Я нисколько не смѣюсь: я любуюсь...—Онъ подошелъ къ столику, на которомъ стоялъ букетъ полураспустившихся розъ:—Каково!—вскричалъ онъ,—цвѣты! Точно у влюбленныхъ!

Маделена ничего не отвѣчала. Леонардъ обошелъ кругомъ стола, сѣлъ противъ молодой дѣвушки и пристально посмотрѣлъ на нее. Отъ ея прежняго дѣтскаго личика остались одни только глаза цвѣта фіалки. Ее нельзя было назвать хорошенькой, но въ ней было что то необыкновенно привлекательное. Видно было, что она можетъ быть и веселой, и серьезной, что она способна и на глубокую привязанность, и на дѣтскую шаловливость.

— О чемъ вы задумались?—спросила она Леонарда, стѣсняясь отъ его пристальнаго взгляда.

— Я думаю о погодѣ, какая она страшно скучная! и я слушаю дождь; хорошо прислушиваться къ нему, когда сидишь, какъ мы, подъ крышей, въ теплѣ...

Дѣйствительно, капли дождя падали съ ритмическою равномѣрностью. Онѣ стучали по окнамъ точно чьи то таинственные пальцы.

— Да, къ нему хорошо прислушиваться,—повторила Маделена съ нескрываемымъ удовольствіемъ.

Въ противоположность Леонарду она не ощущала ни малѣйшей грусти и вполнѣ наслаждалась его присутствіемъ.

Вдругъ оба они почувствовали, что благопріятная минута улетѣла. Дверь открылась; вошелъ Жукъ, стряхивая воду съ своего промокшаго платья.

— Я съ добрыми вѣстями, дѣти; меня принимаютъ въ «Globe».

Онъ былъ видимо очень доволенъ. Втайнѣ онъ давно мечталъ о сотрудничествѣ въ этой газетѣ, хотя никому этого не разсказывалъ.

Онъ дружески пожалъ руку Леонарду и отвѣчалъ поцѣлуемъ на поцѣлуй Маделены.

— Ну вотъ, моя маленькая Мадъ, я и нашелъ своего коня! Теперь только пришпорить его! Я быстро помчусь впередъ и привезу тебѣ того сказочнаго принца, о которомъ ты мечтаешь!

Маделена и Леонардъ снова усѣлись по обѣ стороны камина, Жукъ сушилъ свое платье передъ огнемъ. Дождь продолжалъ падать съ глухимъ шумомъ.

— Вотъ какъ это все вышло, — разсказывалъ Жукъ: — Мальвиль уже давно хотѣлъ отказаться отъ своихъ еженедѣльныхъ критическихъ статей. Онъ говоритъ, что устарѣлъ. Его въ особенности раздражала необходимость разбирать романы, которые захватываютъ все больше и больше мѣста въ литературѣ. Такіе ученые, какъ онъ, не любятъ произведеній фантазіи, хотя эти то произведенія и подготовляютъ матерьялъ для будущей исторіи. Однимъ словомъ, онъ утомился. Кромѣ того, редакціи «Globe» хотѣлось болѣе современныхъ идей. Газета, становилась тяжелой, благодаря своимъ стариннымъ теоріямъ. Мальвиль представилъ меня, и все уладилось...

Такая удача, явившаяся такъ просто, приводила Маделену въ восторгъ. Она, впрочемъ, находила, что это вполнѣ справедливо, что ея обожаемый братъ вполнѣ заслуживаетъ этого. Леонардъ молчалъ и о чемъ то задумался.

— Вотъ такъ то,—проговорилъ Жукъ, — иногда бываетъ довольно встрѣтить хорошаго человѣка, и вся жизнь мѣняется къ лучшему!

Безъ помощи Мальвиля ему дѣйствительно пришлось бы довольствоваться скромнымъ мѣстомъ учителя въ какомъ нибудь провинціальномъ лицеѣ. Мальвиль удержалъ его въ Парижѣ, Мальвиль развилъ его умъ, далъ направленіе его волѣ. Онъ говорилъ съ почтеніемъ и любовью объ этомъ старикѣ, котораго въ Парижѣ считали грубымъ. Онъ яркими чертами рисовалъ его угловатую фигуру, его строгую жизнь, страстное стремленіе къ истинѣ, горѣвшее въ его сердцѣ. Онъ представлялъ его какимъ то апостоломъ, сильнымъ и въ то же время безнадежнымъ.

Леонардъ перебилъ Жука.

— Это отступникъ!

Измѣненіе въ религіозныхъ мнѣніяхъ Мальвиля въ свое время произвело скандалъ въ Парижѣ. Нѣкоторые продолжали называть его протестантскимъ Ренаномъ и вовсе не потому, чтобы онъ выставлялъ на видъ свои сомнѣнія, а просто потому, что онъ отказался отъ званія священника и что надобно было чѣмъ нибудь уколоть его.

— Какое право имѣешь ты судить о человѣкѣ, котораго совсѣмъ не знаешь?—возразилъ Жукъ.—Неужели всякій, кто не раздѣляетъ твоихъ убѣжденій, безчестный человѣкъ? Надобно быть справедливѣе или добрѣе.

— Когда дѣло идетъ объ идеяхъ, нѣтъ мѣста для доброты,— отвѣчалъ Леонардъ жесткимъ голосомъ. — Можно помочь несчастному, но нельзя оправдывать преступленіе.

Жукъ улыбнулся его горячности:

— Какъ ты перемѣнился! Нынче твоя религія, повидимому, исключаетъ милосердіе.

— Въ жизни тоже нѣтъ никакого милосердія.

И Леонардъ снова задумался. То грустное настроеніе, которое заставило его зайти къ пріятелю, снова овладѣло имъ. Воспоминанія о прошломъ осаждали его. Онъ невольно заговорилъ о томъ, что лежало у него на сердцѣ:

— Ахъ! эти надежды, которыя наполняютъ наши дѣтскія души и вызываютъ столько желаній! Это огонь, сжигающій солому. Пламя такъ ярко, что нельзя не любоваться имъ; но вотъ поднимается дымъ и вскорѣ, кромѣ дыма, нѣтъ ничего. Онъ ослѣпляетъ, онъ душитъ, и послѣ него наступаетъ тьма. Говорю тебѣ: жизнь не имѣетъ ни малѣйшаго милосердія, она улыбается кому попало, предлагаетъ, что угодно, и никогда ничего не даетъ...

— Ты ошибаешься: она даетъ тому, кто умѣетъ брать. Нравственный міръ управляется такою же тонкой механикой, какъ и матеріальный. Въ каждомъ изъ нихъ извѣстныя причины влекутъ извѣстныя слѣдствія, въ каждомъ идетъ правильная смѣна акціи и реакціи. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ—побѣда достается правильно приложенной силѣ, и все въ этомъ мірѣ находится въ равновѣсіи.

— Ты забываешь будущую жизнь.

— Я ничего не забываю, но я говорю только о томъ, что мы видимъ здѣсь, на землѣ.

Жукъ всталъ и принялся ходить большими шагами.

— Моя жизнь можетъ служить доказательствомъ, — продолжалъ онъ, оживляясь.—Я не отказался ни отъ одного изъ своихъ честолюбивыхъ стремленій. Я добился осуществленія нѣкоторыхъ изъ нихъ и жду осуществленія другихъ. А неужели ты станешь отрицать, что сначала жизнь моя была очень тяжела. Помнишь, Маделена, въ какой бѣдности мы жили, а послѣ смерти матери отецъ совсѣмъ ослабѣлъ и нисколько не заботился о своей торговлѣ. Вдругъ все перемѣнилось. Мальвиль принялъ во мнѣ участіе, я поступилъ въ нормальную школу... Можетъ быть, черезъ какіе-нибудь два года я пріобрѣту извѣстность. Въ Неверѣ тоже: отецъ поправился, торговля наша разрослась, деньги шли къ нему со всѣхъ сторонъ. Я

пятнадцать лѣтъ терпѣлъ нужду, теперь, значитъ, буду 15 лѣтъ благоденствовать. Пятнадцать лѣтъ это вѣдь четверть длинной человѣческой жизни!

Леонардъ внимательно слушалъ его:

— Что значитъ отдѣльный фактъ въ сравненіи съ громаднымъ количествомъ фактовъ, составляющихъ сумму жизней. Ты говоришь о себѣ? Посмотри на меня.

Онъ окончилъ курсъ на юридическомъ факультетѣ, затѣмъ сталъ заниматься литературой, былъ одно время журналистомъ. Но мало-по-малу отсталъ отъ всего этого. Всѣ его желанія постоянно умирали, какъ только приходилось дѣлать усиліе для проведенія ихъ въ жизнь. Даже теперь, когда онъ разбогатѣлъ — г. Артусъ оставилъ ему все свое состояніе — онъ чувствовалъ, что представляетъ изъ себя отличную машину, превосходно отдѣланную, но не способную ни къ какой работѣ. Правда, за послѣдній годъ онъ увлекся соціальными ученіями. Ему страстно хотѣлось пересоздать по своему собственному, усовершенствованному плану современный строй, порождающій столько несчастій. Онъ видѣлъ въ этомъ благородную цѣль жизни и потому вступилъ въ «Союзъ защиты общества» и сошелся съ предсѣдателемъ этого союза Роншаромъ; но онъ всетаки очень часто мучился сомнѣніемъ въ томъ, достижимы ли его предположенія.

— За что я ни брался, я всегда натыкался на препятствіе, отдѣляющее чистую идею отъ осуществленія ея. Я понимаю идею, но не могу добиться ея примѣненія. Мое стремленіе остается неудовлетвореннымъ, а мое разочарованіе возростаетъ. Повременамъ я завидую чиновникамъ, крестьянамъ, лавочникамъ, всѣмъ людямъ, принужденнымъ дѣйствовать въ опредѣленныхъ рамкахъ. Въ самомъ дѣлѣ, если то равновѣсіе, о которомъ ты говоришь, существуетъ, какая же таинственная сила уничтожаетъ всѣ мои усилія? Я не лучше и не хуже большинства; а между тѣмъ я сдѣлалъ меньше и страдалъ больше другихъ!

— Странно,—отвѣчалъ Жукъ,—что ты такъ хорошо разбираешь свою болѣзнь и не можешь найти средства противъ нея. Въ тебѣ есть какое то необъяснимое нетерпѣніе, какая то неутолимая жажда неизвѣстнаго. Я иногда спрашиваю себя, происходитъ ли это отъ врожденнаго свойства твоего характера или это, какъ говоритъ Мальвиль, «отраженный ударъ» твоего воспитанія, дѣйствующій на разстояніи и не ослабѣвающій съ годами. Чѣмъ, кромѣ своеобразнаго склада ума, объяснить то, что тебя увлекаютъ исключительно фантастическія теоріи и предпріятія? Ты вотъ разсказывалъ о Роншарѣ, о «Союзѣ защиты общества». Я, правда, мало знаю ихъ. Но по твоимъ словамъ я представляю себѣ, что это собраніе людей скорѣй хорошаго тона,

чѣмъ рѣшительнаго характера, полулибераловъ, полукатоликовъ. Они сходятся вмѣстѣ и возводятъ въ законы свои представленія объ общественномъ строѣ, причемъ не допускаютъ къ себѣ постороннихъ, которые могли бы оспаривать ихъ мнѣнія, и высказываютъ эти мнѣнія съ величайшею увѣренностью, зная, что никогда не будутъ призваны проводить ихъ въ жизнь. Это все салонныя идеи, которыя боятся свѣжаго воздуха. Свобода завѣщанія, возвращеніе права первородства, возстановленіе самостоятельныхъ, закрытыхъ цеховъ—все это чистая утопія или простая игра ума. Я боюсь вотъ чего: можетъ быть, именно неудобоисполнимость всѣхъ этихъ идей и дѣлаетъ ихъ привлекательными въ твоихъ глазахъ?

— Ты судишь пристрастно. Нѣтъ, «Союзъ» не ограничивается, какъ ты воображаешь, однимъ обсужденіемъ идей, онъ стремится и примѣнять ихъ. И въ провинціи, и въ Парижѣ у насъ устроились филіальныя отдѣленія, настоящіе разсадники пропаганды: у насъ есть свой журналъ, свои публичныя лекціи, число которыхъ постоянно увеличивается. Однимъ словомъ, мы хотимъ вліять на самую душу націи; когда она насъ хорошо узнаетъ, она сама придетъ къ намъ.

— Можетъ быть,—возразилъ Жукъ,—но какая же твоя роль во всемъ этомъ? Какую опредѣленную цѣль преслѣдуешь ты? Можно найти тысячу способовъ завоевать себѣ положеніе въ свѣтѣ, но надобно остановиться на одномъ и держаться его. Люди посредственные обыкновенно имѣютъ больше успѣха, именно потому, что они не въ состояніи идти разными путями, они хотятъ чего нибудь одного, но хотятъ твердо.

— Моя цѣль...—началъ Леонардъ и остановился. — Къ чему говорить объ этомъ сегодня?—прервалъ онъ самого себя.— Ты скоро узнаешь, въ чемъ моя цѣль, и, если я ее достигну, ты навѣрно одобришь меня!

— Ну, вотъ это разумная рѣчь! Отлично! Твоя болѣзнь излѣчима. Можетъ быть, она происходитъ отъ излишняго подчиненія нѣкоторымъ вліяніямъ прошлаго.

Леонардъ отрицательно махнулъ рукой.

— Не говори о прошломъ; оно умерло для меня болѣе, чѣмъ ты воображаешь.

Они замолчали. Маделена подошла къ окну:

— Объявляю вамъ, что погода разгулялась. Посмотрите, какой Люксембургъ сталъ красивый.

Небо прояснилось. Луна ударомъ серпа разрѣзала тучи. Голубоватый свѣтъ озарялъ деревья, ничего нельзя было разглядѣть, кромѣ зелени, длинныхъ аллей, подернутыхъ туманомъ, темносинихъ лужаекъ и вдали ряда освѣщенныхъ домовъ. Маделена указала на бѣлое облако тумана, тянувшееся вдоль рѣшетки.

— Какъ странно! отсюда кажется, точно рѣка. Мнѣ представляется, что я въ Неверѣ.

Это имя нашло откликъ въ ихъ сердцахъ. Видъ этого тихаго сада возбуждалъ и у нихъ воспоминанія о родномъ городѣ. Онъ ясно рисовался передъ ними съ своими тонкими шпицами, своими стрѣльчатыми сводами, своими старыми лѣстницами, спускавшимися къ Луарѣ.

— Замѣтилъ ли ты,—спросилъ Жукъ, обращаясь къ Леонарду, до какой степени старый Неверъ сохранилъ видъ древняго монастыря? А какая чудная тишина на его улицахъ? А равнина за нимъ? Ахъ, эта равнина съ своей синевой, съ своими виллами, носящими благочестивыя названія: «Молитва», «Милосердіе»! Какъ все это дышитъ старымъ христіанствомъ!

Леонардъ вспомнилъ странныя названія переулковъ: улица «Голубки», улица «Трехъ плитъ», улица «Прекрасныхъ очковъ»; онѣ окружали Неверъ цѣлымъ міромъ легендъ, переживших даже древнія башни.

— Видно, что вы не живете въ Неверѣ,—сказала Мадлена,—вы любите его, какъ любятъ отсутствующихъ.

Сердце ея тоскливо сжималось: она думала о томъ, что должна скоро уѣхать. Вдругъ раздался звонокъ. Слуга Леонарда принесъ ему телеграмму. Его испугало, что телеграмма пришла такъ поздно, и онъ счелъ за лучшее доставить ее немедленно.

— Дайте сюда,—сказалъ Леонардъ.

Онъ разорвалъ обертку слегка дрожащими руками, прочелъ и проговорилъ:

— Это отъ отца Берньера; онъ сообщаетъ мнѣ, что будетъ проѣздомъ въ Парижѣ и проситъ меня встрѣтить его завтра на вокзалѣ Сѣверной дороги.

На минуту всѣ смолкли.

— Неужели ты переписываешься съ этимъ дуракомъ? — рѣзко спросилъ Жукъ.

— Да, мы писали другъ другу.

— Странное знакомство!

— Почему?

Жукъ и самъ не зналъ. Его прежняя антипатія продолжалась безъ всякихъ новыхъ поводовъ.

— Мы семь лѣтъ не видались,—сказалъ Леонардъ, — съ тѣхъ поръ, какъ вышли изъ Сенъ Луи де Гонзагъ. Наша переписка началась съ прошлаго года, когда онъ поступилъ въ монастырь. Берньеръ первый написалъ, я ему отвѣчалъ. Ты напрасно бранишь его, онъ сильно измѣнился.

Жукъ пожалъ плечами.

— На письмѣ лица не видно.

Они усѣлись за столъ. Паръ поднимался изъ чайника къ

потолку. Угольки выглядывали изъ подъ покрывавшей ихъ золы, точно открытые глаза. Телеграмма привела Леонарда въ грустное настроеніе.

— Бываютъ часы, когда воспоминанія такъ и нахлынутъ на душу,—сказалъ Жукъ.—Я почему то необыкновенно ясно вспоминаю одно наше собраніе въ домѣ г-жи Нонъ. Тамъ былъ и Берньеръ. Я сильно скандализовалъ васъ. Мы говорили о философіи и потомъ пошли къ вечернѣ въ церковь вашей коллегіи. Твои товарищи не понравились мнѣ. А всетаки мнѣ хотѣлось бы знать, гдѣ они живутъ, что они подѣлываютъ. Представь себѣ, что они какимъ нибудь чудомъ очутились бы тутъ, около этого стола, и подумай, что бы они чувствовали? Будетъ ли хоть одинъ изъ нихъ,—я не говорю о насъ двухъ, наша дружба разцвѣла хоть поздно, да прочно—разговаривать съ нами свободно и безъ скуки? И какъ они не похожи другъ на друга! Какъ они далеко отошли и отъ насъ, и отъ того, чѣмъ были прежде!

— Что съ ними сдѣлалось? Берньеръ іезуитъ; другіе...

Леонардъ замолчалъ, удивляясь, какъ мало мѣста въ его настоящихъ привязанностяхъ занимаютъ тѣ, съ которыми онъ такъ долго жилъ общею жизнію.

Они начали всѣхъ вспоминать.

— Мнѣ представляется одна смѣшная фигура,—сказалъ Жукъ—Шеденъ. Что съ нимъ сталось?

— Я его недавно встрѣтилъ у Роншара. Онъ адвокатъ безъ дѣлъ. Онъ теперь занимается соціологіей съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ писалъ свой романъ изъ средневѣковой жизни. На свѣтѣ бываютъ неизлечимыя глупости.

— А что Лани, твой неразлучный другъ?

— Онъ служитъ клеркомъ у нотаріуса, женился, не знаю, когда и гдѣ.

— А Делестанъ, этотъ воинъ, мечтавшій о битвахъ?

— Онъ торгуетъ удобреніями, — смѣясь, отвѣчала Маделена.

— А Серве?

— Онъ еще въ Парижѣ, ничего не дѣлаетъ и веселится на пропалую.

При всякомъ вопросѣ все болѣе и болѣе сильная тоска сжимала сердце Леонарда. О, какъ грустно было перечислять эти блѣдныя, забытыя имена! Они выплывали въ памяти, словно какіе то обломки разбитаго прошлаго. Между ними и настоящимъ часомъ прошелъ цѣлый потокъ дней и каждый изъ этихъ дней уносилъ ихъ все дальше и дальше.

— Въ сущности,—проговорилъ Жукъ,—не стоитъ разыскивать ихъ, мы навѣрно никогда не встрѣтимся съ ними.

Всѣ трое задумались.

По странной случайности мысли всѣхъ трехъ унеслись къ давно прошедшимъ годамъ. Маделена вспомнила одинъ лѣтній вечеръ, когда она, одѣтая въ бѣлое платьице, аплодировала коллегіату въ костюмѣ императора. Жукъ вспоминалъ тотъ день, когда, убѣжавъ изъ школы, онъ вмѣстѣ съ другими мальчиками разрушилъ киркою какую то старую стѣну: чудное время, когда полицейскій казался всего страшнѣе на свѣтѣ, и можно было шалить, не заботясь о цѣлости своего платья. А Леонарду представлялись въ воображеніи смутныя очертанія лицъ тѣхъ товарищей, о которыхъ они только что говорили. Онъ не жалѣлъ о нихъ, хотя всѣ они являлись ему въ какомъ то необыкновенно привлекательномъ свѣтѣ.

Каждый изъ нихъ вспомнилъ свое дѣтство: Маделена была мечтательной и увлекающейся дѣвочкой; Жукъ наслаждался свободой уличнаго мальчишки; Леонардъ жилъ сытымъ, маленькимъ буржуа.

— Гдѣ то время,—проговорилъ Жукъ,—когда я купилъ горшечекъ маргаритокъ и поднесъ его одной дѣвушкѣ?

— Гдѣ то время, когда я васъ увидѣла въ костюмѣ германскаго императора?—сказала Маделена Леонарду.

Онъ вздрогнулъ. Шеденъ, Лани, всѣ эти исчезнувшія лица напоминали ему ту минуту, когда онъ, охваченный головокруженіемъ, почувствовалъ наслажденіе управлять сердцами. Какимъ ребяческимъ казалось ему теперь это торжество коллегіата!

— Не понимаю я васъ,—сказалъ онъ, вставая:—если даже настоящее и не хорошо, то развѣ оно всетаки не лучше прошлаго?

Онъ простился съ ними дружелюбнымъ, почти нѣжнымъ пожатіемъ рукъ.

— Приходи проститься съ ней, — грустно проговорилъ Жукъ,—она непремѣнно хочетъ уѣхать.

— Когда вы придете опять?—спросила Маделена.

Сходя съ лѣстницы, Леонардъ еще разъ услышалъ милый голосокъ:

— Не темно ли вамъ? Я сойду, посвѣчу?

— Нѣтъ, благодарю, не безпокойтесь.

Онъ вышелъ на улицу Асса. Подъ прояснившимся небомъ красовались деревья Люксембурга. Со всѣхъ сторонъ слышался бой часовъ. Точно цѣлый дождь часового звона падалъ на безлюдный кварталъ. Дрожь охватила Леонарда.

Прошлое не давало ему покоя. Слова Жука: гдѣ то время, когда я подносилъ дѣвушкѣ маргаритки?—пробудили въ немъ чувство скрытой горечи.

Напрасно перебиралъ онъ въ памяти все свое прошлое: онъ не могъ вспомнить ничего подобнаго. Сердце его было

всегда пусто, онъ всегда держалъ себя аскетомъ, всегда строго исполнялъ монастырскія правила; и онъ позавидовалъ юношескому роману, который можно было угадать изъ словъ Жука: маленькій горшочекъ простенькихъ цвѣтковъ, дѣвушка-работница съ пальцами, исколотыми иглой, вечернія свиданія въ темныхъ переулкахъ, нѣжныя ласки... Отчего его молодость была лишена такихъ сладкихъ минутъ?

Онъ шелъ по улицѣ Огюста Конта. Сзади него послышался шумъ шаговъ и онъ невольно обернулся. За нимъ шла женщина, одѣтая въ свѣтлое шелковое платье съ шуршащими юбками.

Она поровнялась съ Леонардомъ и прошла мимо, какъ будто не видала его; но, дойдя до фонаря, она въ свою очередь повернула голову, и Леонардъ замѣтилъ, что она хороша собой.

Сердце его забилось. Во взглядѣ незнакомки онъ ясно прочелъ, что ей понравился его стройный станъ, его изящная фигура. На одну секунду у него явилось желаніе подойти къ ней, но онъ удержался.

Незнакомка сдѣлала чуть замѣтный жестъ неудовольствія, ускорила шагъ и исчезла.

Леонардъ остановился среди пустынной улицы. Онъ сердился самъ на себя: по какой странной причинѣ онъ такъ не похожъ на другихъ? Почему не подчиняется онъ общему закону? Точно какой-то камень лежалъ у него на сердцѣ; глядя на рѣшетку Люксембурга, всѣ ворота которой были въ эти ночные часы крѣпко заперты, онъ представлялъ себѣ, что его жизнь окружена такой же глухой оградой, какъ и этотъ садъ.

Настанетъ-ли когда нибудь утро, которое откроетъ двери ограды?...

II.

Леонардъ разсказалъ Жуку собственно только внѣшнюю сторону своей жизни. Та драма, которая разыгрывалась въ глубинѣ его сознанія, оставалась тайной. Онъ вызвалъ ее въ своей памяти на слѣдующій день, перебирая письма отца Берньера.

Онъ сдержалъ свое обѣщаніе: по выходѣ изъ Сенъ Луи де Гонзагъ онъ сохранилъ вѣрность Христу; но ему казалось, что Христосъ покинулъ его.

Съ самаго начала онъ почувствовалъ, что благодать оставила его. Онъ молился, Іисусъ Христосъ не отвѣчалъ ему. Напрасно ходилъ онъ каждый праздникъ въ церковь, и старался тронуть Непреклоннаго выраженіями своей душевной

тоски. Ничто не помогало: божественный образъ блѣднѣлъ. Наконецъ, однажды онъ, рыдая, замѣтилъ, что этотъ образъ исчезъ окончательно и уступилъ мѣсто безличной идеѣ Христа. За этимъ послѣдовалъ періодъ мучительнаго безпокойства. Онъ искалъ спасенія въ строгомъ исполненіи религіозныхъ обрядовъ. Въ то же время самыя противоположныя настроенія разрывали его душу. Онъ еще не зналъ женщины, а въ воображеніи рисовалъ себѣ сцены разврата и наслаждался картинами своей фантазіи. Онъ покорно подчинялся догмѣ и добивался свободы слова. Воля его оставалась христіанскою, сердце удалялось отъ христіанства.

Въ это же время жизнь начала разрушать его горделивыя мечты перваго ученика. Онъ только что кончилъ юридическій факультетъ. Какая то таинственная сила упорно мѣшала осуществленію всѣхъ его плановъ.

Внезапно нравственная болѣзнь его разразилась кризисомъ: воспоминаніе о призваніи не давало ему покоя. Ему показалось, что онъ открылъ причину своихъ неудачъ. Онъ не послушалъ призыва Христа, и Христосъ не только удалялся отъ него, но и закрывалъ для него всѣ пути жизни. Въ душѣ его началась ожесточенная борьба. Инстинктъ Леонарда громко заявлялъ:

— Разгадка найдена, Богъ мститъ тебѣ!—Разумъ его отвѣчалъ:—ты ошибаешься! Твое рѣшеніе было принято добросовѣстно и не заслуживаетъ порицанія. — Убійственные дни, когда забвеніе казалось ему самымъ желаннымъ счастьемъ!

Въ это время онъ ходилъ только къ неизвѣстнымъ исповѣдникамъ, боясь, чтобы какой нибудь священникъ не открылъ его тайны. Онъ причащался только въ тѣ дни, когда это было обязательно для всѣхъ. Онъ систематически заглушалъ голосъ совѣсти, боялся своей собственной мысли, твердо рѣшался убить воспоминаніе; и на этотъ разъ ему удалось, наконецъ, заставить замолчать свою душу. Теперь все въ немъ замерло, онъ былъ спокоенъ. Онъ напоминалъ старые тополи, у которыхъ цѣла только одна кора; они еще борются съ вѣтромъ, но внутренніе соки уже не оживляютъ ихъ; они сухи внутри, хотя крѣпки на видъ.

Леонардъ снова принялся разбирать письма отца Берньера, о которыхъ забылъ, увлекшись своими мыслями.

Въ этихъ письмахъ тоже разсказывалась духовная жизнь человѣка, но жизнь гладкая, неизмѣнно счастливая. Эти письма нельзя было назвать ни свѣтскими, ни монашескими. Въ нихъ описывалось то чье нибудь чудесное спасеніе, то какая нибудь пріятная прогулка, то праздникъ св. Станислава Костка. Время послушничества изображалось, какъ поэтическое житье среди сельской обстановки; это было какое то воспитаніе à

1а Жанъ Жакъ Руссо, весьма идиллчное и безъ малѣйшей суровости. Нѣсколько фразъ, сказанныхъ мимоходомъ и слишкомъ похожихъ на отрывки изъ проповѣдей, однѣ только показывали, какое вліяніе на мозгъ производитъ подобный образъ жизни.

Леонардъ усмѣхнулся. Такого рода духовное счастіе обусловливается не слишкомъ тонко развитою впечатлительностью: онъ ему не завидовалъ. И, кто знаетъ! быть можетъ, онъ преувеличилъ ту перемѣну, какая произошла въ Берньерѣ. Жукъ правду сказалъ: на письмѣ лица не видно. Въ этихъ письмахъ ему нравилась какая то особенная и неожиданная для него нѣжность... Подразумѣвать что нибудь большее было неосновательно.

Съ жестомъ, выражавшимъ сомнѣніе, отбросилъ онъ листки въ ящикъ, гдѣ они обыкновенно лежали. Было пора ѣхать на вокзалъ, и онъ отправился.

Ему пришлось ждать на дебаркадерѣ. Праздничная толпа наполняла платформу. При видѣ радостныхъ лицъ отъѣзжавшихъ можно было подумать, что они заранѣе вдыхаютъ свѣжесть деревенской зелени и веселье пригородныхъ кабачковъ. Леонардъ прохаживался взадъ и впередъ, поглядывая на толкавшійся народъ, какъ вдругъ кто то подошелъ къ нему:

— Кланъ!

— Серве!

— Развѣ ты живешь не въ Неверѣ?

— Нѣтъ, конечно.

Серве обернулся къ двумъ женщинамъ, которыя слѣдовали за нимъ.

— Идите скорѣй! Мнѣ хочется познакомить васъ! Моя подруга, Фели; а это ея подруга, Марсель; это мой старый товарищъ, Леонардъ Кланъ.

Онъ пожималъ руки Леонарда. Серве былъ изъ числа тѣхъ людей, которые приходятъ въ восторгъ, встрѣтивъ знакомыя лица, потому что это даетъ имъ случай поговорить; тотчасъ-же, не ожидая отвѣтовъ, онъ сталъ предлагать вопросы:

— Ты, значитъ, поселился въ Парижѣ? Какъ же это я тебя никогда не встрѣчалъ? Гдѣ ты живешь?

Леонардъ, нѣсколько смущенный, пережидалъ, пока онъ успокоится. Марсель вмѣшалась въ разговоръ:

— Я уже имѣю удовольствіе знать васъ.

— Меня?—удивился Леонардъ.

— Конечно, васъ. Мы встрѣчались... кажется, даже вчера.

Леонардъ вздрогнулъ. Онъ, дѣйствительно, узналъ ее: это была та женщина, которая прошла мимо него около рѣшетки Люксембурга. Онъ сдѣлалъ видъ, что не помнитъ.

— Очень можетъ быть. Извините, пожалуйста, вотъ идетъ поѣздъ.

— Ты развѣ ждешь кого нибудь?

— Берньера.

— А! Берньера! Ну, такъ и я подожду! Мы собирались ѣхать въ Енгіенъ! Все равно, поѣдемъ получасомъ позже; правда, вѣдь, Фели? Мнѣ хочется посмотрѣть, идетъ ли къ нему монашеская ряса!

Потокъ пріѣхавшихъ пасажировъ наводнилъ платформу. Серве бросился впередъ, но оказалось, что это была ложная тревога. Одинъ изъ служащихъ объяснилъ, что до прихода поѣзда изъ Голландіи осталось еще 5 минутъ.

— Останемся здѣсь,—предложилъ Серве.

И, безъ всякаго вопроса со стороны Леонарда, онъ разсказалъ ему свою жизнь. Вотъ уже два года, какъ они съ Фели обожаютъ другъ друга. Другихъ занятій у него никакихъ нѣтъ. Онъ заговорилъ о старыхъ товарищахъ. Многіе изъ нихъ ходятъ на конференцію: Шеденъ, Брюе...

— А отчего ты не бываешь на конференціи?

— На какой конференціи?

— На конференціи Оливенъ у отцовъ іезуитовъ. Мы тамъ встрѣчаемся каждое воскресенье за обѣдней, въ 9 часовъ утра, это очень удобно.

Леонардъ насмѣшливо улыбнулся и указалъ на Фели:

— Что же? вы вмѣстѣ туда ходите?

— Что ты! Съ Фели!

— Да отчего же нѣтъ?

Фели расхохоталась.

— Какую бы гримасу состроили отцы іезуиты!

Но Серве строго остановилъ ее.

— Ну полно, нечего объ этомъ говорить.

— А ваши друзья, — спросилъ Леонардъ у Марсели,— тоже ходятъ къ ранней обѣднѣ?

— О! у меня нѣтъ друзей, — отвѣчала она, смотря ему прямо въ глаза.

Онъ покраснѣлъ. Его смутилъ не столько отвѣтъ, сколько взглядъ, брошенный на него. Въ то же время онъ замѣтилъ, что плохо разглядѣлъ ее. Она была некрасива, очень худощава, но въ ней было что то задорное. Она постоянно улыбалась какою то чувственной и сухой улыбкой. Ея бѣлокурые волосы были небрежно свернуты на затылкѣ.

— Дайте мнѣ руку, пройдемся,—сказала она, подходя къ нему.—Я устала стоять на одномъ мѣстѣ.

Онъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ:

— На этотъ разъ мы не ошибемся,—сказалъ онъ.

Снова начинали выходить изъ вагоновъ. Явилась новая толпа, у всѣхъ въ рукахъ были вещи. Слышались звуки по-

цѣлуевъ. Показался отецъ Берньеръ. Леонардъ и Серве пошли на встрѣчу ему, оставивъ обѣихъ женщинъ позади.

Монахъ тотчасъ замѣтилъ Леонарда, подошелъ и съ серьезнымъ видомъ прижался щекой къ его щекамъ.

— А меня то! — вскричалъ Серве, — развѣ ты меня не узнаешь?

Отчего это? Вслѣдствіе костюма или давно забытаго запаха, подобнаго тому, который наполнялъ комнату отца Пропіака, или вслѣдствіе этого своеобразнаго цѣлованія, но только Леонардъ вдругъ почувствовалъ, что его симпатія къ Берньеру остыла.

Марсель и Фели, стоя въ сторонѣ, смотрѣли на нихъ съ улыбкой.

Серве нѣсколько секундъ оглядывалъ монаха со всѣхъ сторонъ.

— Ну, знаешь, по правдѣ сказать, ряса тебя не краситъ. Къ нѣкоторымъ она идетъ, но ты въ ней кажешься ниже ростомъ. Ты точно сталъ меньше, чѣмъ былъ прежде. Представь себѣ, какой счастливый случай. Я пріѣхалъ сюда, собирался садиться въ поѣздъ, вдругъ встрѣчаю Клана, который говоритъ, что ждетъ тебя. Я сейчасъ...

Леонардъ перебилъ его.

— Мнѣ очень жаль, но намъ нельзя оставаться здѣсь. Берньеру надо торопиться на Ліонскій вокзалъ, чтобы не опоздать къ поѣзду.

Онъ позвалъ извозчика, слегка поклонился Марсели и Фели, издали слѣдовавшимъ за ними, и предложилъ Берньеру сѣсть въ экипажъ. Нѣсколько озадаченный, Серве протестовалъ:

— Что это! куда вамъ такъ торопиться!

— Необходимо.

— Прощай,—сказалъ монахъ.

— Прощай.

Карета покатилась.

— Какія это дамы были съ вами?—спросилъ отецъ Берньеръ;—онѣ, кажется, изъ порядочныхъ?

— Вполнѣ порядочныя,—отвѣчалъ Леонардъ, — но я съ ними не знакомъ.

Затѣмъ они стали съ любопытствомъ разглядывать другъ друга.

Серве сказалъ правду: сутана не шла къ Берньеру. А между тѣмъ она представлялась самой подходящей для него одеждой. Онъ имѣлъ видъ настоящаго іезуита со всѣми характерными чертами этой братіи: съ сутуловатой спиной, съ особой манерой медленно поднимать вѣки глазъ, съ грязными ногтями, съ тѣмъ специфическимъ запахомъ, который сразу поразилъ Леонарда. Казалось, впрочемъ, что Берньеръ и всегда

былъ такимъ. Его уже нельзя было представить себѣ въ иномъ видѣ. Это непріятно дѣйствовало на Леонарда. Онъ старался разсѣять дурное впечатлѣніе.

— Какъ было мило съ твоей стороны, что ты мнѣ далъ знать о своемъ пріѣздѣ. Я тебѣ очень благодаренъ!

Берньеръ улыбнулся.

— Мнѣ самому очень хотѣлось повидаться съ тобой.

— Ну, давай потолкуемъ! Скажи, каково тебѣ живется?

— Я счастливъ.

Таинственное слово, которое въ прежнее время обольщало Леонарда, сказалось какъ то само собой.

— Я не объ этомъ спрашиваю, а куда ты ѣдешь, что ты намѣренъ дѣлать?...

— Тебѣ это интересно? Я назначенъ надзирателемъ въ Безансонскую коллегію. Здоровье не позволяетъ мнѣ быть учителемъ. Я, впрочемъ, значительно поправился въ послѣднее время. Монастырская жизнь не только не утомила меня, а, напротивъ, укрѣпила мое здоровье.

Голосъ монаха былъ однозвученъ, фразы его гладки. Точно какой-то катокъ проѣхалъ по его мозгу и сгладилъ его мысли. Самое счастье его было какое то незначительное.

— Теперь твоя очередь отвѣчать,—продолжалъ онъ.—Ты все еще занимаешься соціальными науками?

Леонардъ сталъ хвалить Роншара. «Союзъ защиты общества» развивался. Журналъ шелъ хорошо. Онъ назвалъ нѣсколькихъ политическихъ дѣятелей, обѣщавшихъ свое сотрудничество.

— Къ чему же тебя все это приведетъ?—спросилъ Берньеръ.

Леонардъ слегка обидѣлся.

— Я и забылъ,—отвѣчалъ онъ,—что ты не можешь понять всѣхъ этихъ свѣтскихъ стремленій. Я мечтаю стать руководителемъ людей моего возраста. Это несомнѣнно то-же апостольство, болѣе сухое, чѣмъ твое, но, какъ я смѣю надѣяться, болѣе плодотворное.

Монахъ ничего не отвѣчалъ, и Леонардъ, поддаваясь желанію пустить ему пыль въ глаза, сталъ говорить о своихъ тайныхъ надеждахъ.

— Нѣтъ, для меня жизнь состоитъ не въ отреченіи, безполезномъ для другихъ и въ сущности слишкомъ легкомъ. Я хочу, напротивъ, дѣйствовать, принять участіе въ предстоящей соціальной борьбѣ, помочь правильному разрѣшенію общественныхъ вопросовъ, такому разрѣшенію, которое положитъ конецъ этой борьбѣ. Черезъ двѣ недѣли у меня, можетъ быть, будетъ каѳедра, ученики.

— Ты будешь читать лекціи?—прервалъ Берньеръ съ плохо скрываемымъ удивленіемъ.

На губахъ Леонарда скользнула гордая усмѣшка.

— Въ жизни всякаго бываютъ извѣстные часы, правда, очень рѣдкіе, когда безъ участія человѣка, почти сама собой рѣшается его будущность. Давно уже въ Союзѣ предполагали открыть каѳедру «Общественной классификаціи». Въ прошлый понедѣльникъ Роншаръ объявилъ, наконецъ, что одно лицо, желающее остаться неизвѣстнымъ, предлагаетъ пожертвовать необходимую для этого сумму. Случайно или, можетъ быть, по волѣ Провидѣнія, мнѣ пришлось въ тотъ же вечеръ говорить. Я увлекся, я говорилъ съ жаромъ, мнѣ сдѣлали овацію. Однимъ словомъ, не знаю почему, но я, повидимому, выигралъ дѣло, такъ какъ на другой же день Роншаръ заявилъ, что желалъ бы поручить мнѣ новую каѳедру.

Честолюбіе, съѣдавшее Леонарда, зажгло огонь въ его глазахъ.

— Итакъ, можетъ быть, черезъ недѣлю я достигну своей цѣли. Тогда ты, надѣюсь, не будешь смѣяться надъ моею дѣятельностью? Подумай: каѳедра въ Парижѣ, вѣдь это—окно, открытое на весь міръ, окно, изъ котораго можно во всеуслышаніе провозглашать свои идеи. Ихъ можно смѣло разбрасывать, какъ сѣятель бросаетъ свои сѣмена, и онѣ дадутъ ростки.

— Не разумнѣе ли было бы,—отвѣчалъ отецъ Берньеръ,—думать о спасеніи своей души, вмѣсто того, чтобы заботиться объ обществѣ, которое ни въ чемъ не нуждается.

— Развѣ необходимо сидѣть взаперти, чтобы попасть на небо?—рѣзко возразилъ Леонардъ.

— Нѣтъ, конечно, я не объ этомъ говорю, но я боюсь, что въ своей горячности ты увлечешься свѣтскою жизнію.

— Ты говоришь о свѣтѣ, какъ слѣпецъ.

— Я его отлично знаю по описаніямъ.

— Позволь усомниться.

Леонарду вдругъ вспомнились подруги Серве, которыхъ Берньеръ хвалилъ. Образъ Марсели возникъ въ его памяти безъ всякаго усилія; онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что это ему пріятно.

— Право, я боюсь,—продолжалъ отецъ Берньеръ,—какъ бы ты не вступилъ на опасный путь. Я хотѣлъ повидаться съ тобой на нѣсколько минутъ, именно для того, чтобы остеречь тебя. Письма, которые ты мнѣ писалъ, были не христіанскія по духу. Ты сдѣлался суетнымъ. Я увѣренъ, что ты больше не причащаешься каждое воскресенье. Наконецъ, почему прервалъ ты всѣ сношенія съ нашими отцами? Ты вѣдь не видаешься съ ними, неправда-ли?

Леонардъ поблѣднѣлъ, но ничего не отвѣчалъ.

— Очень грустно, что ты позабылъ тѣхъ, кто далъ тебѣ воспитаніе, которымъ ты долженъ гордиться. Это можетъ по-

вредить твоему спасенію. Нельзя сохранить настоящее благочестіе, не имѣя руководителя; такъ и ты...

— Ты говоришь все это по порученію кого нибудь?— рѣзко спросилъ Леонардъ.

— Нѣтъ, но я, конечно, такъ не безпокоился бы о тебѣ, еслибы мнѣ не говорили о тѣхъ опасностяхъ, какимъ ты подвергаешься.

— Въ такомъ случаѣ, оставимъ этотъ разговоръ, прошу тебя. Я поступаю такъ, какъ самъ считаю за лучшее. Всякіе совѣты съ чьей бы то ни было стороны я считаю излишними.

Леонардъ опустилъ окно кареты и сдѣлалъ видъ, что смотритъ на прохожихъ. Гладкія фразы отца Берньера какъ то сами собой воскрешали драму, завязавшуюся въ Сенъ Луи де Гонзагъ. Ихъ наивная неловкость открывала возможность новой борьбы въ близкомъ будущемъ.

— Ты для того и хотѣлъ меня видѣть, чтобы сказать мнѣ все это?—снова заговорилъ Леонардъ.

— Да, конечно.

— Значитъ, безъ этого ты не прислалъ бы мнѣ своей телеграммы! Это, по крайней мѣрѣ, откровенно!

Онъ пожалъ плечами съ затаеннымъ негодованіемъ.

— Меня учили при всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ имѣть въ виду Бога. Не понимаю, почему мои поступки удивляютъ тебя?—возразилъ Берньеръ.

— Исполняй свои порученія, не примѣшивая къ этому имени Бога!

Набожная душа Берньера возмутилась. Слова Леонарда казались ему неприличными.

Въ это время карета ѣхала по Ліонской улицѣ. Шумъ, стоявшій въ воздухѣ, дѣлалъ естественнымъ молчаніе собесѣдниковъ.

— Мнѣ кажется,—сказалъ, наконецъ, Леонардъ,—что послѣ этого намъ нечего больше сообщать другъ другу. Не удивляйся, если я откажусь отъ переписки, безполезной, можетъ быть, даже опасной.

— Я самъ хотѣлъ тебя объ этомъ просить; не смотря на все мое желаніе, мнѣ будетъ трудно писать тебѣ. Я буду очень занятъ на новомъ мѣстѣ. Кромѣ того, я боюсь, не противорѣчитъ ли это нашему уставу. Настоящій монахъ обязанъ отказываться даже отъ законныхъ привязанностей.

— А между тѣмъ, пока ты былъ послушникомъ...

— Это совсѣмъ другое дѣло. Пока мы состоимъ послушниками, намъ даже приказываютъ поддерживать частыя сношенія съ нашими друзьями, оставшимися въ міру. Мы должны понемногу пріучаться руководить душами.

Леонардъ насмѣшливо расхохотался.

— Однимъ словомъ, твои письма были классными сочиненіями на заданную тему?

— Ахъ, какъ ты странно выражаешься...

— Нисколько не странно. Я очень радъ, что могъ быть тебѣ полезенъ. Что же, какъ находили мой слогъ? Изъ простой вѣжливости слѣдовало бы сообщить мнѣ мои отмѣтки.

Онъ открылъ дверцу; они пріѣхали.

— Ну,—сказалъ онъ,—у тебя нѣтъ багажа. Душа твоя спокойна. Ни путешествіе, ни завтрашній день не заботятъ тебя. Распрощаемся, разъ этого требуетъ уставъ. Съ моей стороны даже лишне будетъ желать тебѣ счастливаго пути.

Отецъ Берньеръ, озадаченный этой насмѣшкой, проговорилъ нетвердымъ голосомъ:

— Что съ тобой? ты, кажется, сердишься...

— Сержусь? нѣтъ, на что же мнѣ сердиться,—отвѣчалъ Леонардъ и быстро удалился.

Сердце его страшно билось.

Оказывалось, что въ теченіе семи лѣтъ за его жизнью слѣдили, а онъ и не подозрѣвалъ этого! Въ то время, когда онъ старался уничтожить самое воспоминаніе о своемъ призваніи, его учителя терпѣливо подкарауливали тотъ часъ, когда можно будетъ возобновить попытку! Они получали свои свѣдѣнія о немъ замѣчательно искуснымъ способомъ: слѣдя за его поступками, они въ то же время устраивали полезное упражненіе для послушника.

Леонардъ кипѣлъ негодованіемъ. Что у нихъ за цѣль? Неужели они все еще надѣются сдѣлать изъ него іезуита? Неужели они считаютъ его подготовленнымъ настолько, что при первомъ требованіи онъ снова подчинится имъ? Вдругъ непріятное чувство охватило его. Онъ испугался при мысли, что, быть можетъ, прежнее воспитаніе оставило на немъ неизгладимый отпечатокъ. Что если Жукъ сказалъ правду? Но онъ возмутился противъ этого предположенія.

— Я схожу съ ума: какая сила въ мірѣ можетъ помѣшать мнѣ распоряжаться своей судьбой?

— Нѣтъ,—съ гордостью подумалъ онъ:—Я живу вполнѣ сознательно, сердце мое твердо.

Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы заставить себя думать о другомъ: онъ изгонитъ изъ своей памяти это утро, какъ изгналъ все остальное. Что ему за дѣло до ихъ замысловъ, разъ онъ чувствуетъ, что недосягаемъ для нихъ. Всѣ связи съ прошлымъ порваны, остается одно только будущее!

Леонардъ вернулся къ себѣ въ квартиру и вскрикнулъ отъ радости: его ожидало письмо Роншара, и это письмо опредѣляло его будущность; неизвѣстный жертвователь соглашался, чтобы Леонардъ занялъ кафедру. Радостное чувство овладѣло

имъ. Онъ сдѣлалъ уничтожающій жестъ въ сторону того неопредѣленнаго врага, который за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ внушалъ ему такой страхъ, и прошепталъ:

— Я уже не никто, я не ничто! — точно весь міръ уже былъ готовъ покориться ему.

III.

На слѣдующее утро слуга разбудилъ Леонарда и доложилъ, что его ожидаетъ какой то господинъ. Леонардъ вдругъ почувствовалъ, что непредвидѣнное врывается въ жизнь.

— Кто такой?—спросилъ онъ съ тревогой.

— Не знаю.

— Хорошо; сейчасъ иду.

Леонардъ всталъ. Одѣваясь, онъ рѣшилъ сообщить о своемъ назначеніи г-жѣ Нонъ, не столько изъ любви къ ней, сколько для того, чтобы объ этомъ заговорили въ Неверѣ. Онъ чувствовалъ себя бодрымъ, въ головѣ его кипѣли мысли, онъ былъ вполнѣ вознагражденъ за разочарованія своей юности.

Онъ отступилъ въ недоумѣніи, очутившись вдругъ лицомъ къ лицу къ Шеденомъ.

— Это ты? Что же ты не сказалъ своего имени?

— Это я самъ.

Шеденъ улыбнулся. На немъ былъ надѣтъ черный сюртукъ; еслибы не коричневый галстухъ съ крупными желтыми разводами, его можно было бы принять по костюму за англійскаго священника. Съ своими плоскими, прилизанными, тщательно раздѣленными проборомъ волосами, съ своими близорукими глазами, съ своими кривыми пальцами и слишкомъ длинными руками онъ при дневномъ свѣтѣ походилъ на безобразнаго дергунчика, у котораго отъ старости ослабли шарниры.

— Какой счастливый случай привелъ тебя ко мнѣ такъ... неожиданно?—спросилъ Леонардъ.

Вмѣсто отвѣта Шеденъ въ свою очередь спросилъ:

— Ты свободенъ сегодня утромъ?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ, надѣвай шляпу и идемъ.

— Постой, объясни, куда ты поведешь меня?

— Къ одному другу, которому хочется повидаться съ тобой.

— А какъ его зовутъ?

— Отецъ Пропіакъ.

Леонардъ едва сдержалъ крикъ.

— Ахъ! развѣ онъ здѣсь?

— Конечно, что же тутъ удивительнаго?

Улыбка Шедена стала еще шире.

— Я его встрѣтилъ вчера на конференціи Оливенъ. Мы съ нимъ разговаривали о тебѣ, и, такъ какъ онъ тебя очень любитъ, то я подумалъ, что тебѣ будетъ пріятно, если я за тобой зайду. Это совершенно просто.

— Дѣйствительно, совершенно просто,—медленно повторилъ Леонардъ.

Онъ сталъ въ задумчивости ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Цѣлая буря воспоминаній волновала его душу. Одного имени «отецъ Пропіакъ», которое произносили при немъ въ первый разъ за семь лѣтъ, достаточно было, чтобы снова раскрыть полузажившія раны.

— И, навѣрно, это онъ послалъ тебя ко мнѣ?

Волненіе Леонарда удивляло Шедена.

— Само собой разумѣется, безъ этого я не пришелъ бы,— отвѣчалъ онъ и затѣмъ, чтобы показать свою проницательность, продолжалъ:

— Я, впрочемъ, знаю, о чемъ онъ хочетъ съ тобой поговорить.

— Ты знаешь?

— Я такъ предполагаю. Онъ директоръ духовныхъ бесѣдъ Оливенъ и вѣрно хочетъ, чтобъ ты принялъ въ нихъ участіе.

Леонардъ иронически усмѣхнулся.

— Удивляюсь твоей догадливости...

Онъ снова задумался. Онъ этого ждалъ давно. Рано или поздно они неизбѣжно должны были встрѣтиться; ему иногда даже хотѣлось этой встрѣчи, чтобы высказать все то негодованіе, которое осталось отъ прошлаго въ его душѣ. И вдругъ, по странной случайности, именно сегодня! Конечно, онъ можетъ идти на это свиданіе съ высоко поднятою головою! Будущее принадлежало ему и должно было служить ему оправданіемъ. Они встрѣтятся не какъ отецъ и ученикъ, а какъ двое равныхъ, двое одинаково сильныхъ и твердыхъ людей, которые сводятъ старые счеты и подводятъ итоги своихъ правъ.

Планы борьбы волновали его. Онъ обратился къ Шедену и проговорилъ жесткимъ тономъ:

— Очень хорошо. Я тоже весьма желаю повидаться съ нимъ!

— Какимъ тономъ ты это говоришь!

— Гдѣ онъ живетъ?

— Въ улицѣ Севръ; тамъ и конференція.

— Ну, такъ идемъ.

Они отправились. На улицѣ дулъ холодный вѣтеръ. Туманный воздухъ окутывалъ дома и деревья. Шеденъ, не замѣчая молчанія Леонарда, говорилъ съ большимъ оживленіемъ.

— Ахъ, отецъ будетъ очень радъ. Онъ мнѣ сообщилъ о твоемъ назначеніи.

— Онъ уже зналъ объ этомъ?

— Конечно. Онъ очень доволенъ. Ты вѣдь превосходно говоришь! Я понимаю, что онъ хочетъ, чтобы ты вступилъ въ конференцію. Почему ты до сихъ поръ не вступалъ въ нее? Ты, можетъ быть, думалъ, что это клубъ? Нѣтъ, совсѣмъ не то. Это вовсе не клубъ, это гораздо лучше. Представь себѣ...

Затѣмъ полился цѣлый потокъ фразъ, изъ которыхъ ни одна не требовала отвѣта: цѣлый дождь маленькихъ словечекъ, которыя всѣ имѣли цѣлью описать конференцію такъ же, какъ письма Берньера описывали жизнь послушниковъ. Все это прерывалось только на время переходовъ черезъ улицы, когда Шеденъ боялся проходить между экипажами.

Однако, съ помощью разныхъ вводныхъ предложеній, поправокъ и высокопарныхъ эпитетовъ мало-по-малу выяснилось, что такое эта конференція. По той любви, съ какою къ ней относился Шеденъ, можно было догадаться, что это нѣчто однородное съ коллегіей: это была тѣнь, слѣдующая за прохожимъ, учрежденіе, дающее политическое воспитаніе послѣ того, какъ уже получено воспитаніе нравственное.

Странное и въ то же время страшное учрежденіе! Въ немъ соединялись: конгрегація Св. Дѣвы, центральный комитетъ католической благотворительности, конференція Сенъ Винцента, покровительство ремесленнымъ ученикамъ и разсадникъ благочестивыхъ субъектовъ, членовъ католической ассоціаціи французской молодежи; оно внушало къ себѣ такую же преданность, какъ Сенъ Луи де Гонзагъ, держало мысль въ тѣхъ же узкихъ рамкахъ и развивало свою дѣятельность не столько на основаніи оффиціально разрѣшеннаго устава, сколько благодаря разнымъ недомолвкамъ этого устава.

Само собой разумѣется, тамъ не говорили о политикѣ; между тѣмъ исторія—исторія вѣдь не дѣло партіи—позволяла оправдывать эмигрантовъ и заявлять, что эти мужественные слуги короля удалились, не столько изъ страха за личную безопасность, сколько изъ отчаянья, что не могли оказать помощь королевской власти. Тоже отсутствіе партійности позволяло осуждать 1830 г. и порицать папскую политику, требуя въ то же время возстановленія папской свѣтской власти. Если тамъ говорили о литературѣ, то всегда высказывали презрѣніе къ современному искусству, совершенно такъ же, какъ въ коллегіи отецъ Кагуръ. По уставу все было тамъ свободно, а между тѣмъ все подлежало контролю. По пятницамъ велись бесѣды; директоръ просматривалъ предварительно письменный рефератъ и руководилъ преніями. И здѣсь такъ же, какъ въ коллегіи всѣ страстно добивались отличиться на экзаменахъ.

Бокъ о бокъ съ «конференціей Оливенъ» стояла «конференція Лаеннегсъ», предназначенная спеціально для учениковъ медицины, желающихъ поступить въ интернатъ и удивительно ловко пользовавшаяся результатами оффиціальнаго обученія для распространенія собственной славы.

Слушая Шедена, Леонардъ невольно переносился въ атмосферу прежняго времени. Развѣ то учрежденіе, въ которомъ онъ встрѣтитъ отца Пропіака, не было подобіемъ Сенъ Луи де Гонзагъ, только нѣсколько болѣе свободнымъ? Та же педагогическая среда, та же группировка учениковъ по степени ихъ покорности. Характеръ улицъ, по которымъ они шли, тоже мѣнялся, и это увеличивало иллюзію. Послѣ Сенъ Сюльписа улицы стали уже. Со всѣхъ сторонъ виднѣлись отели съ благочестивыми названіями, святыя обители, тихія общежитія: Аббатство о Буа, увитое плющемъ; Сенъ Тома до Вильневъ, аристократическое убѣжище, гдѣ поклоняются св. Експедиму, задавившему ворона; дальше сестры общины св. Августина, монахини св. Андрея; на витринахъ магазиновъ выставлены были церковныя принадлежности, весь католическій Парижъ красовался здѣсь. Невольно вспоминался Леонарду готическій Неверъ, посрединѣ котораго возвышается Сенъ Луи де Гонзагъ. Ему казалось, что послѣдніе годы какъ то испарились; вчера только кончился срокъ его «уединенія», отецъ Пропіакъ послалъ за нимъ, и онъ, какъ всегда, идетъ къ нему просто побесѣдовать.

— Мы пришли!

Голосъ Шедена возвратилъ Леонарда къ дѣйствительности. Онъ почувствовалъ нѣкоторое волненіе, затѣмъ оглядѣлъ домъ. На дверяхъ не было креста, на крышѣ не возвышалась колокольня; монастырь безъ всякихъ видимыхъ знаковъ монастыря.

Они прошли черезъ калитку, около которой сидѣлъ монахъ, и вошли въ пріемныя комнаты.

— Онъ сюда придетъ?—спросилъ Леонардъ.

Онъ чувствовалъ холодъ въ этихъ высокихъ комнатахъ со стеклянными дверями, черезъ которыя все видно, все слышно. Портреты отцовъ іезуитовъ, жертвъ коммуны, уже на половину канонизованныхъ, украшали мрачныя стѣны. Точно по какой то странной ироніи, отецъ Клеркъ былъ изображенъ съ всклокоченной бородой, придававшей ему видъ федералиста, веселое лице отца Бенжи напоминало героевъ Рабле.

— Нѣтъ,—сказалъ Шеденъ,—пойдемъ наверхъ, въ конференціи теперь никого нѣтъ: она открывается въ два часа; но отецъ Пропіакъ навѣрно наверху, въ своемъ кабинетѣ.

Пришлось пройти черезъ площадку и взойти на лѣстницу. Въ монастырѣ царило молчаніе: молчаніе запертыхъ дверей,

молчаніе могучей церкви, скрывающейся на задворкахъ, молчаніе тусклаго полусвѣта.

Теперь, когда Леонардъ былъ близокъ къ цѣли, его охватила слабость. Онъ боялся, что ничего не скажетъ, что слишкомъ смутится. Пока Шеденъ стучалъ въ дверь отца, онъ принужденъ былъ прислониться къ периламъ лѣстницы.

— Подождите, я сейчасъ иду!—вдругъ раздался голосъ.

О, этотъ голосъ, который можно было узнать среди тысячи другихъ голосовъ! При звукѣ его Леонардъ выпрямился, точно отъ удара хлыста: отецъ Пропіакъ поднимался по лѣстницѣ.

Онъ вэошелъ, запыхавшись. Онъ, повидимому, такъ спѣшилъ, что обошелъ обычные при встрѣчѣ поцѣлуи.

— Дорогой мой Шеденъ, — проговорилъ онъ тотчасъ же ласковымъ голосомъ,—будьте добры, посидите у меня въ кабинетѣ, намъ надо поговорить. Вы не обидитесь, надѣюсь?

Онъ взялъ ключи, открылъ залу конференціи и, пропуская впередъ Леонарда, проговорилъ тихимъ, чуть слышнымъ голосомъ:

— Войдите сюда, намъ здѣсь будетъ лучше!

Леонардъ вошелъ; дверь заперлась за ними. Наконецъ то они были одни! Они смѣрили другъ друга глазами.

Леонардъ приготовилъ въ умѣ нѣсколько звучныхъ фразъ. Онъ твердо рѣшилъ высказать всю свою ненависть и — молчалъ.

Слишкомъ много нитей соединяло его съ этимъ человѣкомъ, который былъ и оставался его исповѣдникомъ, который, слѣдовательно, лучше его самого зналъ всѣ изгибы, всѣ слабыя стороны его сердца, которому онъ смѣло ввѣрялъ все, что смущало или грязнило его душу.

Съ самой первой минуты воскресло прежнее обаяніе. Они не сразу заговорили: за ихъ нынѣшними словами могли сквозить, словно живыя привидѣнія, слова прежнихъ дней.

Они пристально посмотрѣли другъ на друга.

Въ глазахъ монаха сказывалось не только безпокойное желаніе проникнуть въ неизвѣстное ему состояніе души Леонарда, но и повелительное требованіе прежней искренности.

Въ теченіе семи лѣтъ они были въ непріязненныхъ отношеніяхъ и ни разу не встрѣчались. Леонардъ такъ измѣнился за это время, что его трудно было узнать. И вотъ, въ нѣмомъ допросѣ монаха, передъ нимъ возстали въ видѣ угрозы всѣ его прежнія мысли, всѣ его прежнія тайны!

Отецъ Пропіакъ первый прервалъ молчаніе. Онъ простеръ руки тѣмъ же медленнымъ движеніемъ, какимъ въ былые годы обнималъ Леонарда, затѣмъ сказалъ только:

— Мое милое дитя!

Леонардъ опомнился и отшатнулся.

— Пожалуйста, оставьте безполезныя изліянія!

Монахъ улыбнулся.

— Какія жесткія слова! Къ чему отравлять удовольствіе нашего свиданія?

Что до него касается, онъ нисколько не измѣнился. Щеки его были по прежнему покрыты густымъ румянцемъ, глаза по прежнему временами какъ бы увлажнялись слезой.

Леонардъ заговорилъ спокойнымъ, хотя нѣсколько дрожащимъ голосомъ:

— Я не знаю, зачѣмъ вы желали меня видѣть. Если вы хотѣли свести со мной счеты, то это не трудно сдѣлать. Ваши планы относительно меня не удались. Вы потерпѣли фіаско. Я свободенъ, слава Богу! Отъ души желаю такого же счастья всѣмъ дѣтямъ, которыхъ вы воспитываете.

Монахъ поднялъ руки съ видомъ самоотверженнаго мученика и возразилъ пѣвучимъ голосомъ:

— Напрасно вы думаете, милое дитя мое, что вы свершили смертный грѣхъ, когда отказались вступить въ нашъ орденъ!

Эти слова привели Леонарда въ изумленіе. Онъ хотѣлъ отвѣчать; отецъ Пропіакъ остановилъ его и взялъ за обѣ руки:

— Подождите, выслушайте меня сперва. Дѣло гораздо проще, чѣмъ вы себѣ представляете. Съ вашей стороны было недоразумѣніе, вотъ и все. Еслибы вы были откровеннѣе со мной, этого не случилось бы. Избѣгаютъ объясненій только виноватые, а вы ихъ избѣгали. Вы не хотѣли сдѣлать перваго шага, и вотъ почему я рѣшилъ пригласить васъ... Ахъ, я вѣдь знаю эту голову! Добрая, но гордая! Мнѣ было очень непріятно сознавать, что у васъ на совѣсти лежитъ тяжесть; я хочу, для вашего счастья, избавить васъ отъ этой тяжести...

Онъ произнесъ послѣднія слова нѣжно, увѣренный, что попалъ въ больное мѣсто. Леонардъ поблѣднѣлъ.

— Ваша помощь совершенно безполезна, — сказалъ онъ холодно.—Моя совѣсть не чувствуетъ никакой тяжести. Я, быть можетъ, поддался опаснымъ увлеченіямъ; но я во время одумался, совершенно спокойно, безъ всякихъ угрызеній совѣсти. Господь Богъ оправдалъ меня. Я имѣю преимущество, которымъ не всѣ могутъ похвалиться, я могу говорить открыто о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ.

Въ глазахъ отца Пропіака блеснулъ на минуту огонекъ, затѣмъ они вернули свое добродушно-веселое выраженіе.

— Э! развѣ я объ этомъ говорю!—воскликнулъ онъ.—Я думаю о вашемъ будущемъ, а вы все возвращаетесь къ прошедшему, какъ будто жалѣете о немъ!

Леонардъ поднялъ голову.

— Еще разъ повторяю вамъ, я ни о чемъ не жалѣю. Вы

очень странно начинаете свой разговоръ о будущемъ! Я не умѣю, какъ вы, читать между строкъ. Если вы хотите, чтобы я понялъ васъ, говорите яснѣе!

— Я именно этого то и хочу! Ну, полно, бросьте этотъ хитрый видъ, онъ къ вамъ не идетъ. Я, пожалуй, подумаю, что вы на меня сердитесь. А теперь выслушайте меня внимательно.

Рука, которая до сихъ поръ удерживала Леонарда, подсунулась подъ его руку. Легкимъ, почти незамѣтнымъ движеніемъ монахъ увлекъ его за собой, и они начали рядомъ прохаживаться по комнатѣ, какъ въ былыя времена. Комната была очень длинная, обитая красными обоями, по которымъ, въ видѣ украшенія, были тамъ и сямъ развѣшаны вышитые ковры, изображавшіе папскихъ зуавовъ въ битвѣ при Патэй, Іоанну д'Аркъ въ Домреми и Христа въ терновомъ вѣнцѣ. Въ глубинѣ, на мраморномъ пьедесталѣ виднѣлся бюстъ отца Оливена. Голова фанатика и деспота какъ бы господствовала надъ невидимымъ собраніемъ, и глаза съ неуловимымъ выраженіемъ, казалось, устремлялись въ какую то даль, извѣстную имъ однимъ.

— Богъ милосердъ къ вамъ, дитя мое,—заговорилъ монахъ съ ласкою въ голосѣ.—Судя по настоящему, онъ сулитъ вамъ очень счастливую будущность. Я очень доволенъ этимъ. Мы постоянно интересуемся своими учениками, особенно такими добрыми и разумными, какъ вы были. Я издали слѣдилъ за вами и справлялся о томъ, что вы подѣлываете. Святое Провидѣніе, повидимому, благопріятствовало моимъ планамъ. Что бы ни дѣлали наши друзья, даже неблагодарные, они не становятся вполнѣ чужими для насъ и, такъ или иначе, благодаря массѣ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, мы находимъ возможность приблизиться къ нимъ. Одно изъ такихъ обстоятельствъ указало мнѣ, какой путь вы избрали; мнѣ очень хотѣлось поздравить васъ.

Отецъ Пропіакъ мало-по-малу заговорилъ быстрѣе. Леонардъ упорно молчалъ. Подождавъ одну секунду, монахъ продолжалъ:

— Я узналъ сегодня утромъ, что вы получили каѳедру. Превосходно! Съ вашими способностями вы далеко уйдете. Даръ краснорѣчія великая сила, вы ею обладаете, какъ я слышалъ. Какъ христіанинъ и горячо вѣрующій человѣкъ, поблагодарите Бога за эти дары, они въ сущности принадлежатъ Ему, а не вамъ. Я увѣренъ, что вы ихъ употребите на служеніе Ему.

Онъ вздохнулъ съ едва замѣтнымъ нетерпѣніемъ. Молчаніе Леонарда стѣсняло его.

— Мнѣ хотѣлось напомнить вамъ объ этой обязанности,—

продолжалъ онъ,—я увѣренъ, что вы сознаете ту отвѣтственность, какую берете на себя, и что вы съумѣете отказаться отъ нѣкоторыхъ преувеличеній, отъ нѣкоторой излишней горячности, свойственной вашему возрасту, но неудобной для преподавателя. Каѳедра, даже свѣтской науки, есть апостольство. Вы, кажется, сами это заявляли... видите, какъ хорошо я знаю все, что до васъ касается; наука, такъ же какъ религія, не должна имѣть еретиковъ.

Они остановились въ концѣ комнаты подъ самымъ бюстомъ отца Оливена. Глаза ихъ одновременно упали на девизъ конференціи, изображенный золотыми буквами: Fortes in fide, diligatis invicent.

Монахъ указалъ на него пальцемъ:

— Это чудныя слова, запомните ихъ и обдумайте хорошенько. Сильная вѣра, союзъ въ любви.

Затѣмъ онъ замолчалъ, рѣшившись, наконецъ, дождаться отвѣта.

— Если я хорошо васъ понялъ,—сказалъ, наконецъ, Леонардъ съ насмѣшливой улыбкой,—это формальное требованіе. Вы желаете, чтобы половина моихъ уроковъ принадлежала вамъ.

Отецъ Пропіакъ махнулъ рукой съ недовольнымъ видомъ.

— Опять вы говорите слова, которыя вовсе не идутъ къ дѣлу. Нѣтъ, какое же тамъ требованіе, это просто совѣтъ, совѣтъ вашего стараго духовника, который продолжаетъ заботиться о спасеніи вашей души, хотя вы его бросили. Неужели я долженъ вамъ повторять то, что вы и сами очень хорошо знаете: что истина одна и имѣетъ только одинъ видъ. Заблужденіе, напротивъ, имѣетъ тысячу видовъ. Какъ разбитое зеркало, оно можетъ ослѣпительно блистать, можетъ принимать личину истины, но оно никогда не будетъ истиной. Я боюсь, чтобы ваша неопытность не увлекла васъ иногда въ сторону неосторожныхъ мнѣній, и я васъ прошу объ одномъ: читайте свои лекціи, какъ человѣкъ добросовѣстный и благоразумный.

Мало-по-малу изъ подъ тумана словъ выступилъ настоящій смыслъ рѣчи. Леонардъ слушалъ, наслаждаясь этимъ новымъ распредѣленіемъ ролей. Вчера его никто не зналъ; сегодня съ нимъ уже считались и заискивали его союза.

Онъ притворился наивнымъ и спросилъ:

— Но кто же укажетъ мнѣ, не увлекаюсь ли я, какъ вы говорите, неосторожными мнѣніями?

Монахъ колебался, стараясь угадать его мысль.

— Развѣ вы не знаете, мое милое дитя, что я всегда готовъ разъяснить вамъ всѣ ваши сомнѣнія? Не бойтесь надоѣсть мнѣ. Если меня не будетъ здѣсь, найдутся другіе, которые, зная мою любовь къ вамъ, съ удовольствіемъ примутъ васъ. Это, конечно, отвѣтственность...

— Но никакая отвѣтственность не пугаетъ васъ,—продолжалъ Леонардъ съ насмѣшкой,—я это отлично знаю!

Монахъ остановился на полсловѣ.

— Опять!

Они обмѣнялись вызывающими взглядами.

— Что значитъ эта фраза? объяснитесь! Я терпѣть не могу недомолвокъ!

Леонардъ улыбнулся.

— Я этого не зналъ... Тѣмъ не менѣе очень вамъ благодаренъ за вашу откровенность и, если вы приказываете, я на нее отвѣчу такою же откровенностью.

Онъ освободилъ свою руку отъ руки отца Пропіака и продолжалъ:

— Вамъ угодно было въ прежніе годы замѣтить, что я представляю нѣкоторый умственный капиталъ. Вы даже имѣли намѣреніе эксплоатировать этотъ капиталъ въ свою пользу и вамъ это почти удалось. Въ настоящее время обстоятельства оправдываютъ ваши предположенія. Весьма вѣроятно, что я въ скоромъ времени пріобрѣту возможность влiять на молодыхъ людей моего возраста. Потерявъ случай эксплоатировать меня, вы желаете сдѣлаться моимъ компаніономъ. Я понимаю, насколько такая комбинація выгодна для васъ. Къ сожалѣнію, я уже не ребенокъ. Слова уже болѣе не опьяняютъ меня. Я свободенъ и хочу остаться свободнымъ.

Губы отца Пропіака задрожали.

— Я не намѣренъ останавливаться на томъ, что въ вашихъ словахъ несправедливо и оскорбительно. Я не желаю, подобно вамъ, возвращаться къ забытымъ обстоятельствамъ.

— Это потому, что вы обладаете легкою совѣстью.

— Вы забываете, что ваша совѣсть мнѣ хорошо извѣстна.

— Напрасно напоминаете. Я дорого заплатилъ за это.

Эти фразы такъ искренно выражали ихъ чувства, что быстро, безостановочно слѣдовали одна за другой, ясно показывая, какая громадная пропасть раздѣляла собесѣдниковъ.

Они замолчали, оба удивленные. Такая горячность была необычною для монаха. Онъ покачалъ головой съ видимымъ смущеніемъ. Леонардъ вдругъ принялъ равнодушный видъ и сталъ оглядываться по сторонамъ.

Отецъ Пропіакъ первый возвратилъ себѣ спокойствіе.

— Мы оба не правы, дитя мое, потому что мы сердимся,— заговорилъ онъ ровнымъ голосомъ.—И поэтому-то я забылъ сказать вамъ главное.

— Ахъ, вы еще не все сказали?

— Простое замѣчаніе; оно лучше всякихъ споровъ докажетъ вамъ всю нелѣпость вашихъ упрековъ: какая личная выгода можетъ заставлять меня давать вамъ совѣты, когда въ

сущности мы разсуждаемъ, исходя изъ одного только предположенія? Вы говорите о какомъ-то курсѣ, который будете читать, о вліяніи, какое хотите пріобрѣсти и т. под. Но развѣ все это вѣрно? Будущее въ рукахъ Бога, а не человѣка.

— Это угроза?

— Угроза!

Монахъ подождалъ секунду, съ угрюмымъ видомъ повторилъ это слово и затѣмъ въ свою очередь улыбнулся.

— Какъ могу я грозить вамъ? Вѣдь вы же сейчасъ увѣряли, что достигли своей цѣли безъ всякой помощи съ моей стороны? Будьте послѣдовательны... моя старая опытность хочетъ только предостеречь васъ противъ разочарованія и ничего больше.

— Повѣрьте мнѣ, дитя мое, вы напрасно дурно истолковываете наши намѣренія,—прибавилъ онъ, подчеркивая каждое слово,—вы строите свои разсчеты безъ Бога, который располагаетъ людьми.

Леонардъ отвѣчалъ съ движеніемъ презрѣнія:

— Я разсчитываю на Бога и на себя!

— Это очень гордыя слова!

— Пусть Богъ судитъ меня по своей правдѣ.

— Правда Божія сказывается въ вѣчности, это длинный срокъ.

— А вы воображаете, что помогаете ей?

— Я не воображаю, дитя мое, я въ этомъ увѣренъ.

У Леонарда вырвался крикъ негодованія:

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, вы играете въ отвратительную игру!

Онъ не могъ сдержать своего гнѣва:

— Цѣлый часъ вы ведете себя такъ, какъ будто я ваша собственность, украденная у васъ, и которую вы желаете получить обратно. Вы говорите двусмысленныя фразы, вы меня ласкаете, вы мнѣ грозите, вы толкуете о моей душѣ, о моемъ спасеніи. Почему считаете вы, что имѣете какія-то права на меня? Можетъ быть потому, что я согласился придти сюда сегодня? Но вѣдь я пришелъ—неужели вы этого не угадали—только потому, что семь лѣтъ...

Монахъ схватилъ Леонарда за руку.

— Остановитесь, другъ мой, никогда не надобно произносить непоправимыхъ словъ.

— Я знаю только одно непоправимое дѣло, ваше насиліе надъ моею дѣтскою совѣстью!

Отецъ Пропіакъ страшно поблѣднѣлъ.

— Ахъ, вы должны взять это низкое обвиненіе, я этого требую.

— Я не могу уничтожить свою память!

Глаза Леонарда вспыхнули:

— Вы думали, что найдете во мнѣ прежняго ребенка!.. Вы встрѣчаете мужчину, и это вамъ не по вкусу!

Монахъ отвѣчалъ, указывая на дверь:

— Уходите! вы доказали мнѣ, какой жалкій священникъ вышелъ бы изъ васъ.

— Извините, я забылъ, что я у васъ въ домѣ...

Леонардъ поклонился, перешелъ комнату и исчезъ.

Шеденъ, привлеченный шумомъ голосовъ, вышелъ изъ кабинета отца. Онъ видѣлъ, какъ проходилъ Леонардъ.

— Боже мой, отецъ,—обратился онъ къ отцу Пропіаку, который въ свою очередь выходилъ изъ залы,—что это за шумъ?

Онъ угадывалъ, что произошло нѣчто серьезное, и боялся, какъ бы его не замѣшали въ дѣло.

Отецъ Пропіакъ улыбнулся, затѣмъ отвѣчалъ, точно не вполнѣ сознавая, что говоритъ:

— Никогда не надо отчаяваться въ заблудшихся овцахъ, дитя мое. Въ нашихъ воспитательныхъ заведеніяхъ мы такъ напитываемъ учениковъ религіей, что, рано или поздно, хотя бы на смертномъ одрѣ, они извергаютъ ее, подобно плохо переваренной пищѣ.

IV.

Выйдя на улицу, Леонардъ свободно вздохнулъ. Онъ не чувствовалъ больше ни малѣйшаго гнѣва. Это объясненіе съ отцомъ Пропіакомъ освободило его душу отъ накопившейся въ ней и душившей его горечи. Можно было подумать, что съ этими словами: «Я разсчитываю на Бога и на себя», онъ сбросилъ всю тяжесть старыхъ обидъ. Ничто не связывало его больше, онъ чувствовалъ легкость въ душѣ и необыкновенную бодрость во всемъ тѣлѣ.

Онъ вошелъ въ скверъ около Бонъ Марше. Тамъ играли бѣдно одѣтыя дѣти. Они кричали, дрались, перескакивали черезъ скамейки. Воробьи, чирикавшіе на лугу, казалось, были изъ одной семьи съ ними и смѣло летали вокругъ нихъ.

Въ первый разъ пришло въ голову Леонарду, что душа народа не испорчена. Онъ представлялъ себѣ, что она должна быть проста, безъ всякаго коварства, способна откровенно любить и откровенно ненавидѣть.

Вдругъ, обернувшись назадъ, онъ снова увидѣлъ домъ отцовъ іезуитовъ. Веселость этого весенняго утра придавала ему болѣе обыкновеннаго угрюмый видъ, темныя окна его были до половины закрыты бѣлыми полотняными занавѣсями, въ

стеклахъ ихъ отражались стекла магазина Бонъ Марше, и казалось, точно за этой голой стѣной скрывается тоже какой-то большой торговый домъ.

Этотъ видъ былъ непріятенъ Леонарду; онъ повернулъ въ Севрскую улицу и направился къ Люксембургу. Слова, сказанныя отцомъ Пропіакомъ, снова воскресли въ его памяти, слова довольно опредѣленныя, не смотря на обычный способъ выраженія монаха. Смыслъ ихъ былъ ясенъ: это было объявленіе войны.

Но почему же, въ самомъ дѣлѣ? Развѣ онъ не имѣлъ права оставаться свободнымъ и жить, какъ хотѣлъ? Семи лѣтъ мучительно неопредѣленнаго положенія было имъ мало, они хотѣли, чтобы онъ покорился, они ему грозили местью! И кто грозилъ? Священникъ! Эта чудовищная мстительность прикрывалась именемъ Христа! Всѣ религіозныя чувства Леонарда возмущались. Ему стало жаль, что въ разговорѣ съ отцомъ Пропіакомъ онъ недостаточно выразилъ все презрѣніе, наполнявшее его душу.

Вдругъ онъ остановился въ ужасѣ. Онъ понялъ, какой важный переворотъ произошелъ въ его сознаніи: уваженіе къ священнослужителю умерло въ душѣ его.

Это былъ первый шагъ къ отрицанію, за нимъ могли послѣдовать другіе. А между тѣмъ—какъ онъ любилъ, почти боготворилъ эту черную одежду, знакъ служенія Богу! Въ Сенъ Луи де Гонзагъ во время всего дѣтства онъ поклонялся не столько Богу, сколько его служителю, который казался ему воплощеніемъ Христа: настоящій живой идолъ, этотъ представитель божества, привлекалъ къ себѣ часть того обожанія, которое должно было принадлежать всецѣло Богу.

Онъ всегда рисовался ему безупречно чистымъ, недосягаемымъ для земныхъ страстей, для земной борьбы, защищеннымъ своей сутаной отъ всей земной грязи; онъ восхищался его цѣломудріемъ дѣвственника, и ради него считалъ, что высшее совершенство жизни состоитъ въ умерщвленіи любви... И вотъ завѣса разодралась, какъ въ былое время завѣса храма Іерусалимскаго, возвѣщая, какъ тогда, начало новой религіи. Этотъ священнослужитель становился обыкновеннымъ человѣкомъ.

Безъ сомнѣнія Пропіакъ—Леонардъ уже не называлъ его «отецъ Пропіакъ»,—Пропіакъ исключеніе. Но развѣ могутъ быть исключенія среди представителей Бога? Богъ не можетъ быть съ тѣмъ, кто его безславитъ. Разъ согрѣшилъ одинъ, значитъ и всѣ недостойны.

Гнѣвъ Леонарда стихъ. Разрывъ этой связи успокоивалъ его негодованіе. Презрѣніе къ священнику было въ его глазахъ такимъ серьезнымъ дѣломъ, что удовлетворяло его же-

ланіе мстить. Ему было странно, что онъ такъ мало страдаетъ отъ этого, даже, пожалуй, чувствуетъ себя лучше.

Когда исчезаетъ наше уваженіе къ чему нибудь одному, намъ обыкновенно кажется, что тѣмъ сильнѣе возрастаетъ уваженіе къ другому. Можетъ быть, онъ воображалъ, что, подобно Христу, изгналъ изъ храма только торгашей. Во всякомъ случаѣ его религія показалась ему болѣе чистой, избавленной отъ посторонних примѣсей. Онъ какъ будто приблизился къ Богу и прошепталъ:

— Господи! къ Тебѣ, къ одному Тебѣ, обращаюсь!

И Господь точно будто услышалъ его призывъ: по странной случайности это утро, воскресившее для него прошлое, открыло ему разные пути для будущаго и предоставило сдѣлать выборъ.

Онъ вошелъ въ Люксембургскій садъ.

Вокругъ него цѣлый лѣсъ тощихъ деревьевъ былъ покрытъ нѣжными почками, начинавшими раскрываться. Изъ подъ морщинистой коры пробивались свѣжіе соки. Солнечные лучи, пробираясь сквозь вѣтви, слегка золотили синеватые кусты. Дальше неподвижная вода бассейна отражала его мраморныя стѣнки, а за аллеей платановъ виднѣлся печальный дворецъ.

Это былъ тотъ самый садъ, въ которомъ въ прошлую субботу Леонардъ почувствовалъ волненіе страсти, вспомнивъ запретныя радости любви.

И вдругъ, къ довершенію иллюзіи, голосъ, который онъ тотчасъ узналъ, окликнулъ его при поворотѣ въ одну изъ аллей.

— Какъ это любезно! вы проходите мимо и не видите меня.

Марсель подходила къ нему съ той улыбкой, которая его такъ странно смущала.

— Я сидѣла одна на скамейкѣ,—продолжала она,—не хотите ли вмѣстѣ погулять?

Голосъ ея походилъ на серебристое журчанье горнаго ручейка.

Леонардъ остановился. Въ паркѣ никого не было. Полная тишина располагала къ интимной бесѣдѣ.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ онъ,—мнѣ некуда спѣшить.

Они стали ходить рядомъ, но не подъ руку, и болтать о разныхъ разностяхъ. Они прошли мимо статуй королевъ, и по молчаливымъ аллеямъ вернулись на террасу; облокотясь на перила, они разсматривали растенія и цвѣтникъ.

Леонарда удивляли приличныя манеры и правильный выговоръ Марсели. Онъ совсѣмъ иначе представлялъ себѣ кокотокъ. Освободившись отъ своей застѣнчивости, онъ самъ сталъ говорить съ необычною для него развязностью:

— Вы любите этотъ садъ?—спросилъ онъ, когда они уже собирались разойтись.

— Зачѣмъ вы это спрашиваете?

— Не напоминаетъ ли онъ вамъ чего-нибудь?

Марсель слегка покраснѣла.

— Можетъ быть, мы съ вами просто сходимся во вкусахъ. Развѣ это не хорошо?

Она старалась понравиться ему. Онъ это замѣтилъ по ея взглядамъ, по нѣжному выраженію ея голоса, по тѣмъ мелкимъ неуловимымъ признакамъ, которыя показываютъ, что женщина хочетъ любить.

Леонардъ не отвѣтилъ на вопросъ Марсели, но продолжалъ полушутливо:

— Навѣрно, вашъ другъ живетъ гдѣ нибудь по сосѣдству.

— Я уже вамъ сказала, что я никого не люблю.—Леонардъ усмѣхнулся.

— Женщина всегда любитъ кого нибудь или что нибудь, хотя бы свою собаку.

— Вы ревнивы?—смѣло поставила она вопросъ.

— Къ кому же, Господи! И по какому праву? Тѣмъ лучше для васъ, если ваше сердце свободно!

— А вы испытали это удовольствіе?

— По моему, это самое большое счастіе.

Марсель отвернулась и стала кончикомъ зонтика чертить фигуры на пескѣ.

— Вы вѣдь, помнится, обѣщали придти ко мнѣ,—сказала она наконецъ.

Леонардъ улыбнулся.

— Вы ошибаетесь, я даже не знаю вашего адреса.

— Такъ пойдемъ со мной, я вамъ покажу.

Они обмѣнялись взглядами: весь ихъ предшествовавшій разговоръ имѣлъ цѣлью привести именно къ этимъ словамъ. Леонардъ почувствовалъ въ сердцѣ ощущеніе холода и отвѣчалъ насмѣшливо:

— Я терпѣть не могу ходить въ гости по утрамъ.

— Вы лучше любите вечеромъ? Ну, что же, пожалуй, когда я дома...

Онъ колебался.

— Нѣтъ, положительно, лучше не ждите меня. Я и по вечерамъ сижу у себя.

Марсель разсмѣялась нервнымъ смѣхомъ.

— Вы болѣе робки, чѣмъ я воображала!

Она пристально посмотрѣла на него:

— Теперь уже я спѣшу и ухожу,—сказала она, подчеркивая слова.

Леонардъ слегка пожалъ плечами:

— Не сердитесь, пожалуйста.

— Сердиться? за что же? за то, что вы не любите ходить въ гости?

Она ушла. Онъ не пытался удерживать ее. Отъ времени до времени, она поворачивала голову, и онъ угадывалъ, что она смотритъ на него съ насмѣшкой и съ тайнымъ разочарованіемъ.

Когда она скрылась, онъ облокотился на перила. Въ вискахъ у него стучало, но онъ не двинулся съ мѣста.

— Къ чему? подумалъ онъ.—Продажная женщина!

Онъ остался вѣренъ себѣ: онъ постоянно желалъ грѣхопаденія и всегда останавливался въ рѣшительную минуту. Передъ глазами его рисовались широкія и однообразныя аллеи цвѣтника. Нѣтъ, онъ положительно предпочитаетъ идти тѣмъ путемъ, который похожъ на эти аллеи: нѣсколько унылымъ, но прямымъ и открытымъ.

Онъ вышелъ изъ сада, удивляясь, какъ мало силы воли требуется, чтобы бороться съ подобными искушеніями...

Подходя къ своему дому, онъ встрѣтилъ Жука.

— Я шелъ къ тебѣ.

— Отлично, позавтракаемъ вмѣстѣ.

Онъ тотчасъ же сообщилъ Жуку о своемъ назначенiи. Жукъ видимо обрадовался и поздравилъ его.

— Такъ вотъ о чемъ ты мечталъ и не хотѣлъ признаться! Согласись же, наконецъ, что рано или поздно жизнь расплачивается съ нами по заслугамъ.

Не смотря на веселый тонъ его словъ, видно было, что онъ чѣмъ то озабоченъ.

За столомъ Леонардъ разсказалъ о своемъ свиданіи съ отцомъ Пропіакомъ. Жукъ внимательно слушалъ его.

— Странно,—сказалъ онъ,—что самые умные люди способны дѣлать глупости. Неужели ты не понималъ, какой опасности подвергаешь себя?

— Въ глубинѣ нашей души таятся чувства, которыхъ мы сами не знаемъ,—задумчиво отвѣчалъ Леонардъ.

— Очень важно не бояться освѣтить такія чувства,—возразилъ Жукъ.—Я именно для того и пришелъ къ тебѣ сегодня.

Леонардъ поднялъ голову:

— Что это значитъ? Я тебя не понимаю.—Жукъ началъ нѣсколько смущенно. Онъ заговорилъ о ихъ давнишней дружбѣ. Особенно послѣ встрѣчи въ Парижѣ они любили другъ друга точно братья. Обыкновенно жизнь разрушаетъ привязанности, а ихъ дружбу она только скрѣпила. Чѣмъ старше они становятся, тѣмъ болѣе понимаютъ, какое это великое благо. Поэтому Леонардъ не долженъ удивляться тому, что онъ скажетъ, а главное, не долженъ обижаться. Когда дѣло идетъ о самомъ

дорогомъ для насъ существѣ, приличія должны отступить передъ болѣе важными соображеніями.

Его рѣчь, обыкновенно сухо разсудочная, становилась нѣжной. Встревоженный Леонардъ перебилъ его:

— Говори скорѣй! что случилось?

— Маделена уѣзжаетъ завтра,—отвѣчалъ Жукъ и замолчалъ, пристально глядя на Леонарда.

— Она вѣдь это мнѣ сказала еще въ субботу. Развѣ дѣла твоего отца идутъ плохо?

— Нѣтъ, напротивъ. Къ счастью, дома все обстоитъ благополучно. Торговля расширяется. Меня безпокоитъ не отецъ, а Маделена.

И онъ продолжалъ съ волненіемъ:

— Маделена мнѣ все равно, что дочь, ты вѣдь это знаешь: отецъ очень мало заботится о ней! Въ ея ясныхъ глазахъ я читаю всѣ ея мысли. И вотъ съ нѣкоторыхъ поръ эти глаза перемѣнились. Ихъ оживляетъ не прежняя беззаботная веселость и, мнѣ кажется, я угадалъ... да, конечно, я не ошибаюсь. Она любитъ или готовится полюбить.

Теперь и Леонардъ догадался.

— И вотъ,—продолжалъ Жукъ дрожащимъ голосомъ,—я пришелъ къ тебѣ. Если ты тоже ее любишь, что можетъ быть проще? Ты свободенъ, она современемъ будетъ богата, судя по тому, какъ идутъ дѣла отца. Ничто не разлучаетъ насъ, мы будемъ счастливы всѣ трое. Если ты не любишь, все также устроится очень просто. Я постараюсь, чтобы Маделена не привязывалась къ несбыточнымъ мечтамъ. Можетъ быть, время еще не ушло, и это объясненіе избавитъ ее отъ незаслуженнаго страданія.

Онъ остановился: его другъ молчитъ, это было достаточнымъ отвѣтомъ; грустная тѣнь легла на лицо его. Леонардъ опустилъ голову.

Маделена любитъ его! Вотъ онъ, тотъ прямой путь, по которому ему только что хотѣлось идти. Она дастъ ему любовь честную и искреннюю. Сколько разъ мечталъ онъ объ этомъ! Ночью, лежа на своей одинокой постели, сколько разъ томился онъ желаніемъ такой любви! И вдругъ счастье само пришло къ нему. Стоило протянуть руку и отвѣтить: да.

— Я не знаю, что сказать,—пробормоталъ онъ, — я никогда не думалъ о женитьбѣ.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Жукъ съ легкой надеждой,—я очень радъ, что навелъ тебя на эту мысль.

Онъ ожидалъ, что слова его будутъ приняты иначе; но, разъ Леонардъ не отказывался, возможно, что Маделена еще будетъ счастлива.

Болѣзненная тоска сдавила сердце Леонарда. Жукъ не

спускалъ съ него глазъ. Продолжительное молчаніе пріятеля угнетало его. Когда собесѣдникъ не хочетъ высказаться откровенно, невольно боишься сказать что нибудь лишнее или безполезное. Наконецъ, онъ не выдержалъ:

— Какъ же ты рѣшаешь?—спросилъ онъ.

Леонардъ вздрогнулъ, какъ будто его внезапно разбудили, и проговорилъ медленно:

— Я думаю, что я никогда не женюсь.

На этотъ разъ рѣшительное слово было произнесено. Жукъ не могъ удержаться отъ горестнаго восклицанія.

— Какъ это несправедливо, что приходится страдать невиннымъ!

— А! вотъ видишь! ты и самъ не вѣришь въ справедливость земной жизни!—грустно отвѣчалъ Леонардъ.

— Оставь свои софизмы!—вскричалъ Жукъ.—Дѣло слишкомъ серьезно, нечего заниматься пустой игрою ума. Взвѣсилъ ли ты хорошенько тотъ отвѣтъ, который далъ мнѣ? Десять минутъ тому назадъ ты признавался, что никогда не думалъ о женитьбѣ; теперь ты отказываешься, ничего не обдумавъ. Будь откровененъ, скажи, на чемъ основано твое рѣшеніе? Я хочу знать, что именно останавливаетъ тебя? Ты не имѣлъ права овладѣть сердцемъ Маделены и потомъ отказываться!

— На чемъ основанъ? я думаю, у меня есть основанія, только я не могу ясно высказать ихъ.

Жукъ продолжалъ, раздражаясь:

— Такой человѣкъ, какъ ты, не можетъ ни на что рѣшиться безъ причины. Если Маделена не нравилась тебѣ, ты не долженъ былъ такъ часто приходить къ ней. Похитить сердце, которое намъ не нужно, вѣдь это преступленіе! Ты, можетъ быть, боишься, что у нея нѣтъ состоянія? Или гордость не позволяетъ тебѣ жениться на дочери купца? Умоляю тебя, говори! Скажи мнѣ всю правду, не боясь оскорбить меня! Скажи мнѣ всю правду!

— Нѣтъ, это не то, это совсѣмъ другое...

Настойчивость Жука не удивляла его; но онъ чувствовалъ, что счастье стучится къ нему въ дверь и что какая то непреодолимая сила мѣшаетъ ему открыть эту дверь.

— Понимаю,—вскричалъ Жукъ,—у тебя есть любовница, и ты не хочешь бросить ее!

— У меня! любовница!

Леонардъ произнесъ эти слова съ такимъ выраженіемъ, что Жукъ снова потерялъ надежду.

— Я и забылъ! Ты фарисей не только на словахъ, но и на дѣлѣ.

Леонардъ снова заговорилъ послѣ короткаго молчанія.

— Повторяю тебѣ, это все не то... я просто чувствую, что не могу дать женщинѣ счастья и что самъ буду страшно страдать. Я боюсь лишиться свободы, потерять возможность работать. Почему это такъ? Я не знаю. Я боюсь; вотъ и все, на это непреодолимо.

Жукъ горько усмѣхнулся:

— И ты смѣешь говорит объ обязанностяхъ, ты, который отказываешься исполнитъ одну изъ первыхъ обязанностей человѣка!

— Къ счастію,—обиженнымъ голосомъ отвѣчалъ Леонардъ,—здѣсь не можетъ быть рѣчи объ обязанностяхъ.

— А что же такое по твоему обязанность, если основаніе семьи не обязанность? Какую другую цѣль жизни видишь ты? Вся міровая машина существуетъ только ради воспроизведенія. Самая смерть разумна только въ томъ случаѣ, если она питаетъ новыя существованія: всякій трудъ, всякій сознательный поступокъ, всякое естественное побужденіе внѣ этой цѣли становятся уродливыми. Ты признаешь извѣстный нравственный кодексъ, ты мечтаешь требовать отъ другихъ подчиненія ему, и ты же возстаешь противъ всеобщаго закона. Предчувствія, говоришь ты, но ты вѣдь даже не въ состояніи представить себѣ того счастья, отъ котораго ты отказываешься. Развѣ ты знаешь жизнь? Ты увлекаешься пустыми словами. Ты привязываешься къ мечтамъ, къ свободѣ, не существующей на самомъ дѣлѣ, къ честолюбивымъ планамъ, которые черезъ десять лѣтъ покажутся тебѣ ребячествомъ! Ахъ, видно, что ты никогда не любилъ!

Это было лучемъ свѣта для Леонарда.

— Ты нашелъ разгадку, которую я напрасно искалъ,—медленно проговорилъ онъ.—Я никогда не любилъ, я не могу любить.

Наконецъ, все стало для него ясно. Эти слова объясняли противорѣчіе между требованіями его плоти и его аскетическою жизнію, объясняли его презрѣніе къ тѣмъ женщинамъ, которые искали его, и то удовольствіе, какое онъ испытывалъ, видя, что его ищутъ.

Жукъ замѣтилъ выраженіе грусти въ его глазахъ.

— Ну, полно, я не правъ,—ласково заговорилъ онъ,—мнѣ не нужно было говорить тебѣ объ обязанностяхъ: тутъ дѣло идетъ не объ обязанностяхъ, не о законѣ, а о томъ счастіи, какое даетъ намъ любовь. Ты не знаешь, ты не можешь рѣшиться, хорошо, но когда нибудь ты узнаешь!.. Любовь самый лучшій учитель. Она является неожиданно, это возрожденіе, это жизнь, которая, наконецъ, становится сознательною.

Онъ горячился, такъ какъ всѣ эти слова слишкомъ плохо рисовали то блаженство, которое онъ хотѣлъ изобразить; ему

казалось, точно онъ завертываетъ прелестную статуэтку въ грубую бумагу и, показывая ее въ этой оболочкѣ, требуетъ, чтобы ею восхищались. Но Леонардъ перебилъ его:

— Не настаивай, не старайся даже догадываться. Моя болѣзнь серьезнѣе, чѣмъ ты можешь подозрѣвать.

И вдругъ ему вспомнилось его мнимое призваніе, рѣчи отца Пропіака, его постепенное удаленіе отъ всѣхъ и это суевѣрное почитаніе цѣломудрія, которое и до сихъ поръ жило въ немъ. Дѣйствительно, все зло было въ этомъ: сердце его было анестезировано, только чудо могло разбудить его.

Жукъ посмотрѣлъ прямо въ глаза Леонарду.

— Да, я былъ неправъ.

Онъ думалъ о Маделенѣ.

— Ты меня долженъ жалѣть,—сказалъ Леонардъ.

— Ты пользуешься тѣмъ счастіемъ, какое заслуживаешь,— сухо отвѣчалъ Жукъ.

Выходя изъ комнаты, онъ не могъ сдержать своего негодованія и проговорилъ, не подозрѣвая на сколько справедливы его слова:

— Ты можешь вернуться къ своему Пропіаку, у тебя душа такая же, какъ у него.

Леонардъ зашатался.

— Ты угадалъ: мнѣ иногда кажется, что у меня душа монаха.

Но Жукъ уже ушелъ и не слышалъ его отвѣта.

Въ комнатѣ воцарилось гробовое молчаніе. Во второй разъ рѣшилъ Леонардъ свою судьбу. Ему представились синіе глаза Маделены, ея голосъ, нѣжная грація ея движеній, но онъ не почувствовалъ ни малѣйшаго сожалѣнія.

Онъ открылъ окно и сталъ глядѣть на Парижъ.

Изъ его комнаты не видно было ничего, кромѣ нѣсколькихъ ярусовъ крышъ и трубъ, изъ которыхъ выходили тощія струйки дыма. Казалось, что это какая то громадная равнина съ развалинами очень древняго города. На лѣво выступалъ уединенный силуетъ Пантеона, точно какой то уцѣлѣвшій храмъ, а зеленыя верхушки деревьевъ, виднѣвшіяся тамъ и сямъ, изображали тощіе кусты, которые козы обгладываютъ среди камней развалинъ.

Порывъ холоднаго вѣтра поднялъ занавѣси.

— Неужели я былъ не правъ?—прошепталъ Леонардъ.

И онъ мрачно вернулся къ своему рабочему столу.

Онъ чувствовалъ потребность отдохнуть, забыться за умственнымъ трудомъ.

V.

«Дорогой Кланъ! Вы всегда ставили интересъ нашего дѣла выше личныхъ соображеній. Надѣюсь, что и на этотъ разъ я не ошибаюсь, разсчитывая на вашу преданность нашимъ идеаламъ и на ваше великодушіе.

«По причинамъ мнѣ неизвѣстнымъ, щедрый жертвователь, который обезпечилъ наши курсы, отказался отъ своего первоначальнаго мнѣнія и требуетъ, чтобы вмѣсто васъ я пригласилъ нѣкоего Шедена. Я его мало знаю, но онъ вашъ пріятель, и это нѣсколько успокоиваетъ меня.

«Я искренно сожалѣю объ этомъ поворотѣ дѣла, такъ какъ онъ лишаетъ насъ вашего сотрудничества въ настоящее время; будьте увѣрены, что въ слѣдующій разъ, если меня не стѣснятъ въ выборѣ лектора, каѳедра будетъ за вами».

Ж. Роншаръ.

Леонардъ выронилъ изъ рукъ письмо и не сразу понялъ, что такое случилось.

Шеденъ назначенъ! А между тѣмъ это мѣсто дали вѣдь ему, Леонарду Клану! На столѣ лежалъ конспектъ его первой лекціи. Открытыя книги, разбросанные листки, справочные журналы, накиданные, какъ попало, все показывало, что эта каѳедра была его неотъемлемая собственность...

Шеденъ! Какая нелѣпость! Этого шута—вмѣсто него! Вѣдь онъ хуже чѣмъ дурной человѣкъ, онъ полное ничтожество! Шеденъ! можетъ ли быть?

Онъ поднялъ письмо и оглядѣлъ его, не довѣряя собственнымъ глазамъ. Оно было несомнѣнно отъ Роншара. Онъ узналъ почеркъ, заголовокъ бумаги. Онъ еще разъ внимательно перечелъ его, взвѣшивая каждое слово: «требуетъ, чтобы вмѣсто васъ я пригласилъ нѣкоего Шедена...»

Вдругъ онъ громко вскрикнулъ: ему все стало ясно.

За этими словами скрывался Пропіакъ!

Имъ овладѣло что то въ родѣ бреда. Мысли вихремъ крутились въ головѣ его, сердце его переставало биться, ему хотѣлось умереть.

Одно только впечатлѣніе съ полною ясностью стояло въ мозгу его: онъ ничто! Какъ это случилось? Какое происшествіе вызвало это несчастіе? Онъ объ этомъ не думалъ: Пропіакъ или кто либо другой виновникъ этой развязки,—ему все равно. Онъ сознавалъ только одно: онъ ничто!

Конецъ мечтамъ, конецъ будущности, которую онъ почти держалъ въ рукахъ! Онъ слышитъ, какъ въ Неверѣ толкуютъ: — Въ его годы и онъ ничто, ничто! — Голосъ Берньера раздавался въ ушахъ его: «Что же дала тебѣ жизнь? гдѣ твое

апостольство? ты ничего не достигъ!» — Какъ рѣшится онъ пойти куда нибудь? Ему надобно будетъ говорить всѣмъ знакомымъ: Не безпокойтесь, я не буду читать лекцій. Я разсчитывалъ, что буду читать, но ошибся. — Это было и невѣроятно, и смѣшно, это была и неудача, и ударъ для его гордости.

По мѣрѣ того, какъ онъ приходилъ въ себя, болѣзненное ощущеніе отъ обрушившейся на него катастрофы становилось все острѣе. Что дѣлать? въ какую сторону обратиться? Онъ сталъ припоминать свою юность и думать о ней. Столько борьбы, такое упорство въ трудѣ, семь лѣтъ усиленной работы, и все это не привело ни къ чему. Онъ перебралъ всю свою жизнь годъ за годомъ и всю ее проклялъ. Во первыхъ—выходъ изъ коллегіи, обманчивая заря, когда его желаніе уносилось за предѣлы возможнаго. Затѣмъ изученіе права—мертвые часы, наполненные заучиваніемъ скучныхъ текстовъ и разочарованіемъ въ собственныхъ силахъ. Не долженъ ли онъ былъ понять тогда же, что слѣдуетъ отказаться отъ честолюбивыхъ стремленій? Вмѣсто этого, глупецъ, онъ вѣрилъ въ самого себя! Онъ не былъ журналистомъ, онъ не былъ литераторомъ; онъ за все брался и все отвергло его. Чѣмъ дальше онъ шелъ, тѣмъ болѣе заблуждался. Время проходило. Каждый день внутренніе голоса кричали ему: «Оставь борьбу, ты ничего не добьешься». А онъ, не смотря на это, упорствовалъ. Ахъ, почему не послушалъ онъ этихъ голосовъ. Вѣдь они говорили правду: онъ ничего не добился, онъ ничто, онъ неудачникъ!

Леонардъ повторялъ, наслаждаясь самобичеваніемъ: — Неудачникъ, неудачникъ!

Еще еслибы онъ иначе жилъ. Онъ былъ богатъ, молодъ, силенъ, онъ могъ быть счастливъ. За неимѣніемъ дѣятельности, онъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, наслаждаться скотскимъ благосостояніемъ. Но нѣтъ, онъ жилъ аскетомъ, монахомъ, сердце его состарилось, ни разу сильно не забившись, и онъ никогда не былъ похожъ на другихъ, никогда не былъ ни простымъ, ни здоровымъ человѣкомъ.

Послѣ унынія имъ овладѣлъ припадокъ ярости.

— Подумать только: это сдѣлалъ *онъ*, вѣчно *онъ*!

Онъ всталъ; мысли объ убійствѣ проносились въ мозгу его. Еслибы Пропіакъ былъ тутъ, онъ убилъ бы его. Онъ началъ кричать, рвать свои тетради, разбрасывать книги на полъ. Физическое движеніе успокоило его. Ему казалось чудовищнымъ, что такое вѣроломство можетъ существовать на землѣ. Почему же Богъ не наказываетъ его? Къ чему послѣ этого Провидѣніе, законы, нравственность? На свѣтѣ нѣтъ ничего, кромѣ жестокости и несправедливости. Слезы полились изъ

глазъ его, сердце его разрывалось, онъ упалъ на стулъ и разрыдался.

Какъ онъ одинокъ! Никто никогда его не поддерживалъ. Люди, которые должны бы явиться его руководителями, измѣнили ему, обманули его. У него не было ни отца, ни матери, ни друзей. Г. Атусъ умеръ; Жукъ не приходилъ къ нему послѣ отъѣзда Маделены въ Неверъ; г-жа Нонъ была такъ холодна, что при ней всякая жалоба застывала на губахъ. Онъ совсѣмъ не испыталъ сладости сочувствія!

Въ отчаяніи онъ поднялъ руки:

— Боже мой, Боже мой! за что покинулъ Ты меня! Боже мой, что я тебѣ сдѣлалъ!—съ тоскою повторялъ онъ.

Онъ призывалъ Христа, того Христа, котораго такъ любилъ, которому такъ часто молился въ дѣтствѣ, и который столько разъ утѣшалъ его, посылалъ ему блаженство.

— О, Іисусе, Іисусе! Пошли мнѣ смерть или пусть моя правда побѣдитъ!

Страданія снова превратили его въ ребенка. Онъ упалъ на колѣни. Онъ лихорадочно, задыхающимся голосомъ твердилъ слова молитвъ.

— О, Іисусе! У меня никого нѣтъ, ты мое прибѣжище, моя защита! Когда ты несъ свой крестъ на Голгоѳу, тебѣ помогали, за что же ты оставилъ и забылъ меня?

Мало по малу эти жалобы облегчили его. Жалость къ самому себѣ размягчила его сердце и въ то же время его охватилъ религіозный экстазъ. Давно уже не испытывалъ онъ ничего подобнаго. Онъ живо чувствовалъ присутствіе божества; ему казалось, что Высшее Существо успокоиваетъ его чудными словами:

— Это я, говорило видѣніе. Я принесъ тебѣ настоящее счастіе вмѣсто суетныхъ надеждъ. Я путь, я истина, я жизнь...

Леонардъ повторилъ:

— Да, ты путь, ты истина, ты жизнь...

И онъ всталъ съ колѣнъ, почти успокоенный.

Съ тѣхъ поръ, какъ письмо Роншара лежало у него на столѣ, прошло не больше часа, а ему казалось, что онъ страдалъ уже цѣлый годъ.

Леонардъ медленными шагами подошелъ къ своей библіотекѣ и сталъ разсматривать книги. Теперь онъ былъ равнодушенъ къ нимъ. Большинство напоминало ему погибшія надежды. Онъ погладилъ нѣкоторыя изъ нихъ рукой, не глядя даже на заглавія; но одинъ старый переплетъ привлекъ его вниманіе, онъ взялъ книгу, вернулся къ своему столу и раскрылъ ее. Это было евангеліе.

Могъ-ли онъ избрать лучшую книгу въ эту критиче-

скую минуту? Въ ней заключались тѣ великія слова, которыя въ теченіе столѣтій міръ повторяетъ среди своихъ скорбей, которыя заключаютъ въ себѣ неизсякаемый источникъ утѣшенія.

Это невѣроятно, но Леонардъ никогда не читалъ евангелія. Считалось, что въ Сенъ Луи де Гонзагъ жизнь проникнута евангельскихъ духомъ, но отцы тщательно удаляли священную книгу отъ учениковъ. Въ требникѣ помѣщался латинскій пересказъ воскресныхъ евангелій, но лѣность мѣшала ученикамъ переводить текстъ. Никому какъ то не приходило желанія прочесть всѣхъ четырехъ евангелистовъ въ общей связи.

Да и зачѣмъ было читать? Книга была имъ незнакома и казалась тѣмъ болѣе великой. Они знали Христа милосерднаго, нѣжнаго, съ материнскимъ участіемъ слѣдившаго за всѣми событіями въ коллегіи. Они слыхали, что исторія этого Христа разсказывается въ евангеліи. Чтеніе не дало бы имъ ничего большаго. Зная мало, они думали, что знаютъ все, и дополняли неизвѣстное своимъ воображеніемъ. Для Леонарда, какъ и для всѣхъ его товарищей, евангеліе было книгою книгъ, чѣмъ то недоступнымъ, исторіей, стоящей внѣ и выше всякой исторіи. Въ этомъ вдохновенномъ разсказѣ каждое изреченіе заключало въ себѣ поученіе и истину, каждое слово было Божіимъ словомъ, ему можно было поклоняться, подобно тому, какъ поклоняются кресту.

Леонардъ открылъ евангеліе; его глаза случайно упали на слѣдующій стихъ отъ Матѳея: «И призвалъ Іисусъ отрока, поставилъ среди нихъ и сказалъ: во истину говорю вамъ, если не обратитесь и не будете, какъ дѣти, не войдете въ царство небесное».

Часто при Леонардѣ приводили эти слова Христа. И вотъ именно въ такую минуту попались они ему на глаза; это показалось ему какимъ-то чудомъ. Это былъ тотъ отвѣтъ, какого онъ искалъ!

Онъ опустилъ голову и задумался.

Гордость была отличительной чертой его характера, главнымъ мотивомъ всѣхъ его поступковъ. И Богъ покаралъ его въ этой гордости; это было справедливо. Надобно было снова сдѣлаться ребенкомъ.

Какая чудная поэзія въ этихъ словахъ...

Охваченное смятеніемъ, сердце его прилѣплялось къ тому образу Христа, который никогда не покидалъ его. Онъ видѣлъ предъ собой этотъ образъ живымъ, хотя подернутымъ туманомъ. Безъ него всѣ его поступки, всѣ стремленія, всѣ желанія были бы безсмыслицей. Онъ былъ ему необходимъ. Одно только искушеніе могло на минуту омрачить его.

Да, конечно, это было искушеніе. Вотъ уже оно исчезаетъ.

Леонардъ протеръ глаза рукою, какъ человѣкъ, который только что очнулся отъ сна и хочетъ прогнать мучительныя видѣнія. Онъ вздохнулъ полною грудью, думая, что все прошло. Но глаза его снова упали на евангеліе, открытое на той же страницѣ...

Сомнѣніе не умолкало. Леонардъ отложилъ книгу. Онъ былъ блѣденъ, но не чувствовалъ себя больнымъ, не бредилъ. Голова его не потеряла способности разсуждать.

И вдругъ онъ вспомнилъ, что совсѣмъ не знаетъ текста священнаго писанія. Это было странное, непонятное незнаніе. Можетъ быть, Пропіакъ и другіе отцы, занимавшіеся похищеніемъ дѣтей, нарочно поддерживали это незнаніе, чтобы заглушить духъ изслѣдованія. Съ ихъ стороны все возможно.

Леонардъ снова схватилъ евангеліе.

— Надо все прочесть! Отсюда идетъ свѣтъ!

Съ жадностью пожиралъ онъ страницу за страницей, но это чтеніе не успокоивало его.

Леонардъ побѣжалъ къ двери. Онъ бѣжалъ отъ своей комнаты. Ахъ, уйти куда бы то ни было, не думать, отказаться отъ своего разума! Надобно бѣжать! Навѣрно въ свѣтѣ есть какой-нибудь уголокъ, гдѣ не приходится выносить такихъ мученій. А если нѣтъ, то лучше тотчасъ же броситься съ моста въ рѣку и отдохнуть на вѣки.

Въ ту минуту, когда онъ выходилъ, раздались звуки колоколовъ церкви Сенъ Сюльписъ. Ихъ звонъ, разносимый вѣтромъ, минутами покрывалъ весь шумъ Парижа.

Обыкновенно городъ подхватываетъ на лету эти благочестивые звуки и растворяетъ ихъ въ общемъ гулѣ своей неумолкающей жизни; но въ этотъ день, по странной случайности, звуки колокола слышались ясно; они охватили Леонарда.

Эти звуки торжествовали вѣру простыхъ, смиренныхъ, неученыхъ, ту вѣру, которая одна только ведетъ къ спасенію; они говорили о молитвѣ — этомъ лѣкарствѣ отъ всѣхъ болѣзней, они призывали къ вечернимъ «ave», наполняющимъ святилище подобно розамъ.

Леонардъ прислушался. Развѣ они не правы, эти голоса? Церковь есть убѣжище, надобно бѣжать туда.

Онъ быстро спустился съ лѣстницы. Только на улицѣ замѣтилъ онъ, что все еще держитъ въ рукѣ письмо Роншара. Ахъ, что для него значитъ теперь это письмо! Онъ рѣзкимъ движеніемъ разорвалъ его въ мелкіе куски, бросилъ на землю и пошелъ дальше по темной улицѣ.

VI.

Изъ подъ мрачныхъ сводовъ спускались толстыя колонны, покрытыя рѣзьбой. Передъ каждой изъ нихъ горѣла лампада. Трепетный свѣтъ этихъ лампадъ скользилъ по крестамъ, украшавшимъ колонны, заглядывалъ во всѣ впадины камней и, усталый, спускался внизъ, падая на цѣлые ряды безмолвныхъ ступеней.

Это была церковь.

Въ ней никого не было видно: вечеромъ Парижъ забываетъ свое утреннее благочестіе. Въ боковыхъ притворахъ кучки нищихъ, собравшись вокругъ печей, тихо шепчутся. Повременамъ они смотрятъ на алтарь и улыбаются ему. Какъ онъ блеститъ! Какой онъ величественный, массивный; цѣлая гора золота! Ни одинъ цвѣтокъ не ослабляетъ впечатлѣнія. Престолъ, ступени, жертвенникъ—все металлъ.

Леонардъ направился быстрымъ шагомъ въ сакристію.

— Мнѣ нужно священника, чтобы исповѣдаться!

Церковный сторожъ поднялъ голову, съ трудомъ отрываясь отъ интереснаго чтенія «Petit Journal».

— Вамъ для больного?

«Для больного!» Отъ этого простого слова Леонардъ еле удержался на ногахъ.

— Нѣтъ, для меня.

— Вы опоздали.

Послѣ шести часовъ прекращался пріемъ вѣрующихъ.

— Мнѣ нуженъ священникъ,—настойчиво повторилъ Леонардъ.—Вызовите изъ семинаріи, откуда хотите...

— Да вотъ, если хотите, ризничій.

Церковный сторожъ указалъ небрежнымъ жестомъ на ризничаго, убиравшаго церковь.

— Мнѣ все равно, хоть этотъ, хоть другой.

Сторожъ пошептался съ аббатомъ, и тотъ подошелъ:

— Вы желаете исповѣдаться? Пройдите сюда... Надо немножко постоять, сейчасъ начнется повечеріе.

Онъ ввелъ Леонарда въ сосѣднюю комнату съ деревянною рѣзьбою по стѣнамъ, поставилъ его около аналоя и ждалъ, наклонивъ свою сѣдую голову, съ покорнымъ видомъ человѣка, готоваго добросовѣстно исполнить скучную обязанность.

— Вы говѣли передъ Пасхой? Это хорошо, хорошо. Что же привело васъ сюда сегодня?

Священникъ, ожидавшій услышать признаніе въ мелкомъ грѣшкѣ, который было легко отпустить, всплеснулъ руками.

— Господи!—возможно ли это!

Въ эту минуту рядомъ раздался смѣхъ пѣвчихъ, пришедшихъ на повечеріе.

Тревога ризничаго инстинктивно возросла при мысли, что ему нельзя присмотрѣть за ними.

Колоколъ, призывавшій къ началу службы, прервалъ его. Онъ вздохнулъ, и закончилъ торопливымъ голосомъ:

— Я не понимаю, какъ можете вы закрывать свой умъ отъ свѣта истины. Обѣщайте мнѣ, что постараетесь на будущее время отгонять отъ себя искушеніе. Я укажу вамъ средство, которое поможетъ вамъ въ этомъ. Каждое утро въ теченіе недѣли произносите десять молитвъ по четкамъ и просите св. Дѣву...

— Больше вы ничего не можете сказать мнѣ?

— Я дамъ вамъ отпущеніе.

Не смотря на то, что шла служба, церковь была пуста. Пѣвчіе пѣли правильно, но безъ всякаго чувства, какъ люди, за деньги исполняющіе извѣстную обязанность; маленькіе клирошане пересмѣивались; священникъ служилъ вяло и разсѣянно. Леонарду показалось, что все это богослуженіе совершается только для формы и лишено внутренняго содержанія.

— Все, все пропало!—прошепталъ онъ и убѣжалъ изъ церкви такъ же, какъ убѣгалъ изъ своего дома.

Онъ пошелъ по улицѣ, не обращая вниманія ни на что окружающее. Онъ сознавалъ одно, что то одиночество, на которое онъ жаловался, стало еще сильнѣе. Невидимое существо, сопутствующее человѣку—назовите его ангеломъ хранителемъ, чистою совѣстью или Вездѣсущимъ, все равно,—это существо покинуло его душу. Оно оставило за собой невообразимую пустоту. Богъ былъ тою единицею, которая придавала опредѣленное значеніе его нравственной жизни: разъ единица исчезла, эта жизнь превратилась въ нуль, въ ничто.

Парижъ тоже исчезалъ. Его окутывалъ туманъ, въ которомъ терялся свѣтъ фонарей, шумъ, очертанія предметовъ. Самое небо стало какимъ то призракомъ. Чѣмъ ближе къ Сенѣ, тѣмъ гуще становилась завѣса; сквозь нее стѣны казались легкими, представлялось, точно дома готовы подняться, и точно корабли плывутъ по облакамъ. Вдругъ земля исчезла. Домовъ нигдѣ не было видно. Кругомъ разстилалась пустота.

Леонардъ смутно различилъ рѣшетку рядомъ съ собой. Онъ облокотился на нее.

— Если я брошусь въ воду,—подумалъ онъ,—никто этого не замѣтитъ. Все будетъ кончено...

— Кончено! а затѣмъ?..

Онъ вздрогнулъ. Холодный воздухъ пронизывалъ его до костей.

— Затѣмъ? ничего...

Онъ сталъ подробно представлять себѣ свое самоубійство. Сначала онъ почувствуетъ ледяное прикосновеніе воды; потомъ

начнется нѣчто ужасное: онъ будетъ задыхаться, минуту, можетъ быть и меньше... это послѣдняя борьба жизни со смертью... наконецъ, паденіе въ неизвѣстное, конецъ сомнѣніямъ: или вѣчный сонъ или адъ.

Леонардъ въ ужасѣ отступилъ. Какъ это онъ въ теченіе всего дня ни разу не подумалъ объ адѣ? И онъ стоялъ, подавленный, испуганный.

Ахъ, этотъ адъ наполнялъ, можно сказать, всю его жизнь. Съ какимъ тщательнымъ стараніемъ описывали его отцы Сенъ Луи де Гонзагъ, эти вѣрные ученики Лойолы! Какъ ярко изображали они крики, зловоніе, всѣ адскія муки! Все остальное могло исчезнуть подъ вліяніемъ сомнѣнія, адъ оставался дѣйствительно существующимъ, вполнѣ реальнымъ мѣстомъ пытки.

Леонардъ никогда не мечталъ о раѣ; онъ даже не представлялъ себѣ, что такое райская жизнь; за то всѣ его поступки совершались подъ вліяніемъ страха адскихъ мукъ. Все его религіозное чувство сводилось къ одному слову: спастись!

Еще еслибы этотъ адъ являлся ему въ видѣ мѣста нравственныхъ страданій, онъ могъ бы перенести представленіе о нихъ; но онъ изнемогалъ при мысли о физическомъ страданіи, о пыткѣ, поражающей кости и нервы. Это терзаніе на куски тѣла, этотъ огонь, отъ одной искры котораго св. Тереза потеряла сознаніе, заставляли содрогаться его душу. Передъ такой будущностью нечего разсуждать, нечего дилетантствовать; надобно было вѣрить, вѣрить во что бы то ни стало.

Леонардъ повторялъ, какъ безумный:

— Вѣрить, я хочу вѣрить!

Должно существовать какое нибудь слово, какое нибудь изреченіе, способное воскресить уснувшую вѣру. Богъ не сказалъ ему этого слова, онъ станетъ искать его у людей.

Онъ снова пошелъ дальше. Какая то непреодолимая сила влекла его. Онъ чувствовалъ потребность найти дѣятельную мысль, сердце человѣка, которое сочувственно отозвалось бы на его страданіе; онъ зналъ, что найдетъ то и другое у Жука, и направился къ нему.

Жукъ самъ открылъ ему дверь.

— Ахъ, какъ я боялся!—вскричалъ Леонардъ,—я думалъ, что тебя, пожалуй, нѣтъ дома.

Его голосъ дрожалъ. Жукъ поднялъ лампу и замѣтилъ его разстроенный видъ.

— Что нибудь случилось?

— Да.

— Входи скорѣй.

При извѣстіи о несчастіи всѣ старые счеты были забыты, дружба вступила въ свои права.

Въ квартирѣ Жука царила монастырская тишина. Спу-

щенныя занавѣсы отдѣляли ее отъ уличной темноты; воздухъ былъ пропитанъ пріятной теплотой. Леонардъ молчалъ; внезапная слабость мѣшала ему начать разсказъ объ этомъ ужасномъ днѣ.

— Ну, въ чемъ же дѣло? говори скорѣй!—спросилъ Жукъ нетерпѣливо.

— Пожалуйста, оставь меня; если ты будешь прерывать, я чувствую, что не договорю до конца.

— Это что нибудь очень важное?

— Да, сегодня утромъ я потерялъ мѣсто.

— Твои лекціи отмѣнены?

— Онѣ переданы другому.

— Ты бредишь!

— Нѣтъ, не брежу, это истинная правда.

— Но вѣдь нуженъ же какой нибудь поводъ, какая нибудь причина?

— Я отказалъ іезуиту, который хотѣлъ сдѣлать меня тоже іезуитомъ. Онъ мститъ. Это его право. Ну, да это пустяки. У меня горе въ сто разъ большее.

— Что же такое? Умеръ кто нибудь?

— Умеръ? да это правда, умеръ!

Рыданія прервали слова Леонарда.

— Ахъ, это ужасно!—восклицалъ онъ. — Вотъ два часа, какъ я пересталъ вѣрить...

Онъ замолчалъ, Жукъ протянулъ руки и съ нѣжностью матери прижалъ Леонарда къ груди своей. Противъ этого горя у него не было утѣшенія.

— Бѣдный старичина, бѣдный старичина! Это должно было случиться.

Леонардъ поднялся, раздраженный этими послѣдними словами.

— Видно, что ты ничего не понимаешь! Еслибы ты былъ такой же вѣрующій, какъ я, еслибы твоя жизнь, такъ же, какъ моя, была посвящена Богу, Существу...

Онъ провелъ по лбу рукой, стараясь прогнать воспоминанія о прошломъ. Его мистицизмъ сдѣлалъ послѣднее судорожное усиліе возродиться.

— Да скажи же, что я лгу! — закричалъ онъ точно въ бреду.—Развѣ ты не видишь, что я долженъ вѣрить, что я хочу спастись!

— Ты слишкомъ возбужденъ,—нѣжнымъ голосомъ заговорилъ Жукъ.—Успокойся, прежде всего успокойся. Я не могу тебѣ помочь, разъ ты боишься признаться самому себѣ, чего тебѣ хочется.

— Надобно прежде всего,—продолжалъ онъ, впадая въ свой обычный тонъ положительнаго мыслителя, — установить

фактъ, разобрать его, затѣмъ разсуждать. Человѣкъ, который можетъ обсудить положеніе, уже овладѣлъ имъ. Имѣй мужество отнестись критически къ самому себѣ. Разскажи мнѣ весь ходъ своихъ мыслей безпристрастно, такъ, какъ будто дѣло идетъ о комъ нибудь другомъ; потомъ мы будемъ разсуждать.

— Да, ты правъ. Надобно быть сильнымъ; въ этомъ все дѣло.

Леонардъ вздохнулъ полною грудью и, шагая взадъ и впередъ по комнатѣ, попытался передать Жуку все, что передумалъ за этотъ день.

— Все вышло очень просто и вполнѣ логично. Когда я узналъ, что Роншаръ отказался отъ своего слова, мнѣ въ первую минуту представилось, что земля подо мной проваливается. Ты легко можешь вообразить мое возмущеніе, мое негодованіе, отвратительное сознаніе безсилія, нѣтъ, еще хуже: сознаніе какого то злого рока, который преслѣдуетъ и побиваетъ меня. Къ кому обратиться? У кого искать помощи? У меня никого не было, кромѣ Бога. Я взялъ евангеліе.

— Умоляю тебя,—прервалъ его Жукъ,—не увлекайся, сообщай одни только факты.

Леонардъ, казалось, ничего не слышалъ.

— Я началъ читать. Все дальше, дальше... потомъ я вдругъ почувствовалъ, что на меня надвигается катастрофа. Я вѣрилъ въ одно евангеліе... то, которое лежало передо мною, было совсѣмъ другое. Я не могъ ничего дѣлать, я безумствовалъ. Вмѣсто меня явилось какое другое существо, которое убивало мою прошлую жизнь, перевертывало всѣ мои понятія, бросало въ грязь все, чему я поклонялся! Теперь я дошелъ до того, что ничего не знаю, во всемъ сомнѣваюсь! Мнѣ хочется броситься на колѣни и каяться въ своемъ богохульствѣ, а черезъ минуту я смѣюсь надъ своею глупостью!

Онъ упалъ на стулъ.

— Оставалось одно: самоубійство. Но я не рѣшился умереть, я боялся ада!

— Все слова, одни слова!—снова прервалъ его Жукъ. Онъ никогда не испыталъ ничего подобнаго, и борьба, происходившая въ душѣ пріятеля, производила на него странное впечатлѣніе: она казалась ему и ребяческой, и въ то-же время трагическою.

— Освободимъ факты отъ той реторики, которою ты ихъ прикрываешь,—холодно сказалъ онъ.—Ты до сихъ поръ жилъ слѣпою вѣрою. Вслѣдствіе сильнаго нравственнаго потрясенія, эта вѣра поколеблена. Тебѣ тяжело. Это вполнѣ естественно. Но вмѣсто того, чтобы слѣпо поддаваться влеченію сердца, не лучше ли взвѣсить разсудкомъ тѣ основанія, на которыхъ должна покоиться вѣра...

— Разсудкомъ!—вскричалъ Леонардъ.—Я и то все время разсуждаю съ самаго утра. Но къ чему это? Развѣ я увѣренъ, что мой разумъ можетъ что нибудь доказать мнѣ? Какое утѣшеніе дастъ онъ мнѣ?

— То утѣшеніе, что ты приблизился къ познанію истины и расширилъ свой умъ новыми понятіями.

— Очень это мнѣ нужно! Ты говоришь, какъ дилетантъ! Можетъ быть, пріятно играть идеями, когда эти идеи не имѣютъ никакой реальной подкладки, но здѣсь дѣло идетъ о моей жизни. Неужели ты рискнешь жизнію изъ-за символизма?

— Жизнію! Полно! Многіе говорятъ то же въ критическія минуты и всетаки остаются живы!

— Всею моею жизнію, говорю тебѣ! Знаешь ли ты, каково было мое дѣтство? Я живо помню лицо покойнаго отца, котораго меня заставляли поцѣловать. Мнѣ было тогда восемь лѣтъ. Я взглянулъ на это восковое лицо, на эту фигуру, въ которой не было ничего человѣческаго, и отъ ужаса упалъ въ обморокъ. Я не чувствовалъ горя: меня поразило одно—страхъ смерти... Съ тѣхъ поръ я всюду видѣлъ ее. Куда бы я ни шелъ, она всюду слѣдовала за мною. Я видѣлъ ее на стѣнахъ, на постелѣ, на черномъ платьѣ г-жи Нонъ, въ квартирѣ на улицѣ Реколь. Иногда по вечерамъ, приготовляясь заснуть, я вдругъ вскакивалъ, дрожа отъ страха: мнѣ казалось, что я перестаю дышать, что я умираю! Такъ продолжалось три года, три года все возраставшаго ужаса передъ неизвѣстнымъ, ожидающимъ насъ тамъ... Но вотъ насталъ великій день, день моего перваго причастія. Приготовляя меня къ нему, мнѣ сулили райское блаженство. На самомъ дѣлѣ вышло еще лучше. Понимаешь ли ты? Христосъ былъ во мнѣ, самъ Христосъ вошелъ въ мою плоть и принесъ мнѣ успокоеніе. Благодаря ему, смерть переставала быть страшною, стоило только жить по его заповѣдямъ, и она откроетъ двери къ блаженству. Ради одного этого я сталъ преданнымъ рабомъ его! Кромѣ того, въ коллегіи все было полно имъ. Всякій говорилъ мнѣ о немъ, прославлялъ его, воскрешалъ его образъ передо мною. Христосъ былъ всегда съ нами, около насъ. Я любилъ его, любилъ до безумія. За него я готовъ былъ проливать кровь, терпѣть истязанія. Ради него я отказывался отъ всякаго удовольствія. И когда іезуитъ сказалъ мнѣ: «Вы мало даете, вы должны отдать самого себя!»—я нашелъ это вполнѣ естественнымъ. Я и безъ того уже отдалъ Христу все, что у меня было, мнѣ не трудно было послѣдовать этому совѣту.

Леонардъ забылъ Жука и говорилъ какъ бы самъ съ собою.

— Вдругъ, я передумалъ. Почему? не все ли равно? У

меня были основанія. Я рѣшилъ не отдавать всего себя, но, кромѣ этого, что же измѣнилось? А между тѣмъ... Послѣ этого рай для меня закрылся.

Онъ быстро смахнулъ слезы, катившіяся по щекамъ его.

— Что же ты молчишь?—обратился онъ къ Жуку, — ты все еще думаешь, что это пустыя слова.

Жукъ опустилъ голову. Передъ нимъ открывался новый міръ. До сихъ поръ онъ привыкъ на все смотрѣть съ раціоналистической точки зрѣнія и измѣрять жизнь геометрическими формулами. Классическое воспитаніе укрѣпило его позитивизмъ. Нѣсколько минутъ тому назадъ задачи жизни казались ему строго ограниченными, поддающимися рѣшеніямъ, которыя даетъ знаніе. Но признаніе Леонарда перевернуло всѣ его стройныя теоріи. Онъ былъ сильно взволнованъ. Ему даже хотѣлось вернуть другу его вѣру, чтобы избавить его отъ этихъ страданій.

— Ты хорошо сдѣлалъ, что высказался,—проговорилъ онъ, наконецъ.—Безъ этого у меня не было данныхъ, чтобы судить о силѣ той бури, которая бушуетъ въ твоемъ сердцѣ. Въ тебѣ живутъ два человѣка: мистикъ и раціоналистъ. Они борются другъ съ другомъ. Надобно прекратить эту борьбу.

Леонардъ сдѣлалъ утвердительный знакъ головой.

— По моему, возможно два рѣшенія,—медленно заговорилъ Жукъ.—Ты сомнѣваешься, хорошо. Чувствуешь ли ты въ себѣ силу жить съ этимъ сомнѣніемъ, ждать пока время постепенно уничтожитъ его, какъ уничтожаетъ ежедневно болѣе живучія чувства? Найдется ли у тебя сила повторять безпрестанно то, что ты сказалъ сейчасъ: «Я хочу вѣрить! Я долженъ вѣрить!» Если это такъ, то исцѣленіе придетъ неизбѣжно, твоя вѣра вернется къ тебѣ.

Леонардъ не отвѣчалъ минуты двѣ, три.

— А другое рѣшеніе?—спросилъ онъ затѣмъ.

— Другое заключается въ томъ, чтобы обратиться за отвѣтомъ къ наукѣ. Это путь долгій и трудный. Надобно изучить теологію, лингвистику, исторію религій.

— Ничего другого ты не можешь мнѣ сказать?—спросилъ Леонардъ съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ.

Жукъ молчалъ.

— Въ такомъ случаѣ, прощай.

Онъ всталъ и въ знакъ прощанья крѣпко пожалъ руку пріятеля. Жукъ испугался. Леонардъ догадался, что его тревожитъ.

— Не бойся,—сказалъ онъ, если въ будущемъ нѣтъ ничего, то надобно жить настоящимъ, и я буду жить!

Онъ удалился неторопливыми шагами.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

НА СѢВЕРѢ.

Подъ небомъ мертвенно свинцовымъ
Угрюмо меркнетъ зимній день;
И нѣтъ конца лѣсамъ сосновымъ,
И далеко до деревень...

Одинъ туманъ молочно-синій,
Какъ чья-то кроткая печаль,
Надъ этой снѣжною пустыней
Смягчаетъ сумрачную даль...

Ив. Бунинъ.

Сельскій учитель.

Недавно пережитые голодные и холерные годы такъ наглядно иллюстрировали вопросъ о народномъ образованіи мрачными, сильнодѣйствующими, даже на привычнаго человѣка, картинами, что теперь принципіальнаго по этому вопросу разногласія, кажется, быть не можетъ. Тьма велика. Надо съ ней бороться. Вотъ положенія, подъ которыми, навѣрно, всякій подпишется. Лучшимъ, испытаннымъ проводникомъ знаній, т. е. противникомъ тьмы, является книга—слѣдовательно, прежде всего нужна грамотность.

Выводъ былъ ясенъ и по всей Россіи началъ подниматься вопросъ о всеобщемъ обученіи. Но онъ, конечно, далеко не исчерпывалъ всего вопроса о народномъ образованіи и, какъ только появилась надежда, что практически онъ можетъ быть осуществленъ, на очередь выступили дальнѣйшіе детальные вопросы народнаго образованія: о расширеніи программы народной школы, о внѣшкольномъ народномъ образованіи, объ увеличеніи знаній среди учителей и т. д., и т. д.

Наиболѣе типичной народной школой въ Россіи слѣдуетъ считать одноклассное училище.

«Предметами учебнаго курса одноклассныхъ училищъ служатъ: Законъ Божій (краткій катехизисъ и священная исторія); чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати; письмо; первыя 4 дѣйствія ариѳметики» *).

Слѣдовательно, народная школа оффиціально даетъ только грамотность. Въ дѣйствительности она иногда выходитъ за предѣлы указанной программы и сообщаетъ еще кое какія научныя свѣдѣнія, но, такъ какъ они могутъ почерпаться только изъ книгъ для класснаго чтенія, то общія знанія, вынесенныя изъ одноклассснаго училища, будутъ всетаки весьма малы.

Кромѣ того, «...можно съ извѣстною достовѣрностью установить, что ¾ всего числа обучающихся въ Россіи дѣтей (идетъ рѣчь только о начальныхъ школахъ) обучается не болѣе 2 лѣтъ (т. е. зимъ),

*) «Низшія учебныя заведенія». Изд. Мин. Нар. Пр. къ нижегородской выставкѣ 1896 года.

третій годъ продолжаетъ свое обученіе только $^1/_{10}$ — $^1/_5$ часть, а дальше 3 лѣтъ учится очень незначительное количество дѣтей. Этотъ фактъ нельзя не признать весьма прискорбнымъ, такъ какъ въ теченіе двухъ или трехъ зимъ, укорачивающихся по условіямъ крестьянскаго хозяйства до полугода каждая, весьма затруднительно научиться грамотѣ такъ, чтобы знать ее, знать твердо и не забыть» *).

Здѣсь авторъ цитируемой брошюры, А. Острогорскій, упоминаетъ объ обучающихся долѣе трехъ зимъ, имѣя въ виду двухклассныя училища. Итакъ, даже узкая программа одноклассного училища не достигнута въ цѣломъ объемѣ для 75% всѣхъ обучающихся въ начальныхъ школахъ. Съ увеличеніемъ числа школъ увеличится ихъ доступность, слѣдовательно этотъ процентъ нѣсколько понизится, но сильно упасть онъ не можетъ, на это нѣтъ никакихъ данныхъ. Если съ введеніемъ всеобщаго обученія значительный процентъ обучающихся будетъ не въ состояніи прослушать полный курсъ одноклассного училища и будетъ уходить изъ школы полуграмотнымъ, можно ли тогда считать вопросъ о школьномъ образованіи удачно разрѣшеннымъ? Думается, что нѣтъ. А между прочимъ подобный результатъ весьма возможенъ. Въ такомъ случаѣ съ особенной силой долженъ выступить вопросъ о внѣшкольномъ народномъ образованіи.

До сихъ поръ въ этой области у насъ сдѣлано очень мало. Вотъ программа единственнаго образовательнаго учрежденія, данная въ циркулярѣ одного изъ инспекторовъ народныхъ училищъ. Въ воскресной школѣ «конечная цѣль обученія должна заключаться въ томъ, чтобы научить учащихся сознательно молиться Богу, механически читать по книгамъ гражданской и церковно-славянской печати, мало-мальски писать и считать, по возможности, до 1000». «За неисполненіе сего,—говорится въ заключеніе циркуляра,—учащіе будутъ подлежать строгой отвѣтственности, а классы, при первомъ обнаруженіи отступленія отъ сихъ правилъ, будутъ закрыты» **).

Можно возразить, что въ нашемъ законодательствѣ нѣтъ подобнаго ограниченія въ пріобрѣтеніи народомъ знаній, что одинъ циркуляръ одного изъ инспекторовъ ничего еще не доказываетъ. Но дѣло то въ томъ, что подобные циркуляры очень рѣдко попадаютъ въ печать, а вообще писанные и устные дѣйствуютъ постоянно и представляютъ обычное явленіе.

Указанная программа воскресной школы еще уже программы одноклассного училища. Въ воскресной школѣ бываютъ и дѣти, ненашедшія себѣ мѣста въ ежедневной школѣ, или занятыя въ будни работой на фабрикахъ, въ мастерскихъ и проч., но главный контингентъ учащихся—взрослые, на которыхъ въ сущности и

*) Ibid. стр. 12.

**) «Хроника внутренней жизни». Русск. Богат. 2-я кн. 1897 г.

разсчитываетъ воскресная школа. Выводъ поэтому получается весьма печальный: за взрослымъ населеніемъ признается право только на грамотность; попытка выйти за предѣлы грамотности карается лишеніемъ и этого права—школа закрывается.

Далѣе цитируемая брошюра Мин. нар. пр. отмѣчаетъ возрастающій среди населенія интересъ къ образованію. Но если это такъ, если интересъ дѣйствительно растетъ, несомнѣнно населеніе не пожелаетъ ограничиться странными рамками, намѣченными въ циркулярѣ г-на инспектора; оно пойдетъ дальше, будетъ настойчиво искать выхода изъ своего ненормальнаго положенія.

Что же встрѣтитъ оно на своемъ пути къ знанію?

На народныя чтенія и народныя библіотеки-читальни сейчасъ нельзя разсчитывать, такъ какъ и тѣ и другія находятся у насъ еще въ эмбріональномъ состояніи. Можетъ быть въ будущемъ онѣ разовьются въ грандіозныя учрежденія, но пока ихъ роль весьма незначительна.

Слѣдовательно, въ настоящее время наше школьное и внѣшкольное образованіе есть ничто иное, какъ сообщеніе одной только грамотности.

Знанія, которыя выноситъ ученикъ или взрослый изъ образовательнаго учрежденія, находятся въ прямой зависимости отъ: 1) программы занятій, 2) образованія самого учителя и 3) его отношенія къ дѣлу; остальныхъ причинъ касаться не будемъ, чтобы не осложнять вопроса.

Слѣдовательно, если зайдетъ рѣчь объ увеличеніи знаній среди населенія черезъ посредство существующихъ образовательныхъ учрежденій, то придется разобрать указанныя причины. Степень зависимости отъ этихъ причинъ знаній, пріобрѣтаемыхъ учащимся, надо полагать, ясна, такъ что наша задача сведется только къ выясненію указанныхъ причинъ. Съ оффиціальной программой образованія дѣтскаго взрослаго населенія мы уже знакомы.

Еслибы потребовалось расширить школьную программу, выработать примѣнительно къ ней болѣе широкую и серьезную для взрослаго населенія—все это выполнить теоретически не трудно. Но провести ихъ въ жизнь дѣло весьма не легкое; такъ какъ удачное ихъ выполненіе зависитъ, въ свою очередь, кромѣ различныхъ причинъ, еще отъ двухъ упомянутыхъ: образованія учителя и его отношенія къ дѣлу.

Сказать что нибудь опредѣленное объ образованіи сельскаго учителя весьма трудно. Эту должность занимаютъ лица съ самой различной подготовкой *): съ домашнимъ образованіемъ, изъ низшихъ учебныхъ заведеній, неокончившіе и окончившіе среднія и и высшія учебныя заведенія; послѣднихъ, конечно, всего меньше.

*) См. «Къ вопросу о положеніи учащихъ въ народной школѣ», Рус. Мыс., іюнь 1897 г.

(Учительницъ выдѣлять не будемъ, упомянемъ только, что за отсутствіемъ для женщинъ доступа ко многимъ профессіямъ у насъ въ сельскія учительницы идетъ часть лучшей молодежи).

Посмотримъ, какія познанія считаются достаточными для сельскаго учителя, т. е. познакомимся съ программой учительской семинаріи, готовящей спеціально учителей для одноклассныхъ училищъ. «Предметы преподаванія въ семинаріяхъ слѣдующіе: Законъ Божій, главныя основанія педагогики, русскій и церковно-славянскій языки, ариѳметика, главныя основанія геометріи, землемѣріе, линейное черченіе, русская исторія, при преподаваніи которой сообщаются и нѣкоторыя понятія объ исторіи всеобщей, краткая всеобщая и болѣе подробная русская географія, главныя свѣдѣнія, необходимыя для пониманія явленій природы, чистописаніе и пѣніе. Сверхъ того, воспитанники обучаются ремесламъ, по выбору совѣта, и гимнастикѣ, а также огородничеству и садоводству, по мѣрѣ средствъ и возможности» *).

Съ этими знаніями учитель является въ деревню, какъ представитель науки, представитель культуры. Всего три года тому назадъ онъ самъ окончилъ сельскую школу (двухклассную, а иногда и одноклассную); за это время, при сильно ограниченномъ каталогѣ учительской семинаріи, большихъ ежедневныхъ срочныхъ работахъ и жизни въ четырехъ стѣнахъ, онъ не могъ узнать много новаго, а что можетъ дать сама семинарія, видно изъ программы, разбирать которую нѣтъ надобности—она говоритъ сама за себя.

Учитель и по окончаніи семинаріи не можетъ пополнить свое образованіе: онъ сразу попадаетъ въ безграмотную, темную среду и остается тамъ одинъ, безъ книгъ, безъ всякаго общенія съ болѣе культурными слоями общества. Если такой учитель и выполняетъ теперь программу одноклассназо училища, это еще не значитъ, что онъ справится и въ томъ случаѣ, когда она будетъ расширена, и можно навѣрно сказать, что занятія съ подростками и взрослыми будутъ ему не подъ силу. А не сегодня — завтра эти занятія потребуются. Книга проникаетъ теперь въ деревню; тамъ она скоро вызоветъ массу новыхъ мыслей, новыхъ вопросовъ, на которые населеніе желаетъ получить хотя какой нибудь отвѣтъ. Будетъ вполнѣ естественно, если оно обратится за помощью къ существующему въ деревнѣ представителю науки, къ учителю. Быть можетъ впослѣдствіи въ его обязанности не будетъ входить удовлетвореніе духовныхъ нуждъ взрослаго населенія, но если онъ теперь окажется не въ состояніи откликнуться на запросы деревни, если онъ будетъ не впереди движенія, а потянется за нимъ, или совсѣмъ отстанетъ—онъ не выполнитъ своей прямой обязанности. Нельзя не пожелать поэтому, чтобы спеціальныя учебныя заведенія выпу-

*) В. А. Маврицкій. «Сборникъ правилъ и подробныхъ програмъ для поступленія въ учебныя заведенія».

скали учителей съ болѣе высокимъ образовательнымъ уровнемъ; но разъ этого нѣтъ, такъ тѣмъ болѣе необходимы какія нибудь мѣры, позволяющія учителю пополнить свои знанія. Не рѣдко высказывается совѣтъ учителю заняться самообразованіемъ. Совѣтъ прекрасный. Но какъ его выполнить при отсутствіи книгъ, не имѣя ни одной точки соприкосновенія съ цивилизованнымъ міромъ. Можно съ увѣренностью сказать, что пока эти условія будутъ существовать, ростъ знаній въ учительской средѣ не можетъ быть обезпеченъ.

Отношеніе учителя къ дѣлу есть производная его обязанностей, знаній, о которыхъ мы уже говорили, индивидуальныхъ свойствъ, правъ, условій жизни и проч. Обязанности учителя, въ смыслѣ выполненія указанной программы, не особенно сложны, но онѣ довольно скучны, такъ какъ все сводится къ пріобрѣтенію и изощренію показной стороны, на которую учитель обязанъ обращать особенное вниманіе подъ страхомъ потери мѣста. Сама по себѣ работа въ школѣ не изъ легкихъ *). Сельскій учитель бываетъ занятъ въ день по восьми, десяти и даже двѣнадцати часовъ. Утромъ онъ долженъ напрягать все свое вниманіе, чтобы 1½—2 часа занятій, приходящихся на долю каждаго отдѣленія съ нимъ, не пропали даромъ; въ то же время онъ долженъ помнить о двухъ другихъ отдѣленіяхъ, работающихъ самостоятельно, гдѣ постоянно можетъ потребоваться его помощь. Вечеромъ, если есть ученики изъ сосѣднихъ деревень, остающіеся ночевать въ школѣ, онъ занимается съ ними; кромѣ того, надо просмотрѣть сдѣланныя за день ученическія работы, надо и самому подготовиться къ слѣдующему дню. Этотъ трудъ весьма часто оплачивается ничтожнымъ вознагражденіемъ **), и принимающійся за него можетъ разсчитывать остаться подъ старость на улицѣ и безъ куска хлѣба. Занятія конторщиковъ, писарей, приказчиковъ оплачиваются сравнительно лучше и не требуютъ такого постояннаго напряженія силъ, какъ школьное дѣло. На этихъ мѣстахъ можно жить въ иной обстановкѣ, не мерзнуть зимой, не хрипнуть отъ необходимости говорить цѣлые дни въ сыромъ, холодномъ помѣщеніи, обычномъ у насъ для школы, не валяться каждый день въ изнеможеніи послѣ занятій, какъ это приходится сельскому учителю. Что же особеннаго въ учительской дѣятельности, почему она нѣкоторыхъ привлекаетъ къ себѣ? Безъ сомнѣнія, отдѣльными личностями руководятъ весьма различные мотивы. Нѣкоторыхъ могла привлечь на учительскую должность возможность обставить свою жизнь почти такими же условіями, въ какихъ живетъ сельское духовенство, т. е. возможность пополнять

*) См. «Педагогическія статьи» Л. Н. Толстого. «Сельская школа» С. А. Рачинскаго.

**) См. «Къ вопросу объ экономическомъ положеніи учащихъ въ народныхъ школахъ». Нов. Слово, сент. 97 г.

свое жалованье доброхотными приношеніями родителей учениковъ. Но, думается, такихъ случаевъ не много. Иныхъ привело желаніе воспользоваться льготой по отбыванію воинской повинности. Для другихъ причиной выбора занятій могло быть положеніе учителя, которое всетаки выше общественнаго положенія писаря, конторщика и проч. Иные могли прельститься лѣтней вакаціей, когда, получая жалованье, они могутъ жить гдѣ хотятъ и заниматься чѣмъ угодно. Быть можетъ у отдѣльныхъ личностей найдутся еще какія нибудь практическія соображенія, но они охватываютъ далеко не всѣхъ учителей; есть много такихъ, которыми руководила при выборѣ занятій идея, мало напоминающая только что перечисленныя. Мы не ошибемся, если скажемъ, что ихъ привело въ школу стремленіе отдаться производительному труду, желаніе поработать на пользу народа, помочь ему въ борьбѣ съ тьмой. Такихъ учителей не мало. Такимъ образомъ можно сказать, что одна часть учителей заняла свои мѣста, руководясь только практическими соображеніями, у другой были и идеальныя стремленія.

Съ такими взглядами они принялись за работу; посмотримъ, каковы они теперь. Вотъ характеристика типовъ учителей, данная П. Г. Лубенцомъ на педагогическихъ курсахъ саратовскаго губернскаго земства въ 1897 году.

1) Безразличный учитель. Это учитель флегма, относящійся и къ школѣ и къ обществу безразлично; въ свое дѣло онъ не вноситъ никакого воодушевленія и потому никогда не пріобрѣтаетъ сочувствія. Въ концѣ онъ всегда получаетъ «физіологическое отвращеніе» къ своей дѣятельности.

2) Учитель—«добрый малый». Одѣтъ франтомъ, иногда даже въ цилиндрѣ... Ко всѣмъ онъ добродушенъ, всѣмъ пріятенъ... Народъ называетъ такихъ учителей «паничами» и «барышнями»... Для школы они въ извѣстной мѣрѣ полезны...

3) Учитель—скупецъ (Плюшкинъ)... Свою скупость такіе учителя переносятъ и въ школу и дрожатъ надъ каждымъ листочкомъ бумаги, надъ каждымъ обломкомъ грифеля... Если ему удастся хоть немного скопить денегъ, онъ кончаетъ тѣмъ, что превращается въ сельскую піявку, отдавая скопленное въ ростъ мужикамъ... Мужики къ нему почтительны.

5) Учитель—хозяинъ; самый распространенный типъ въ западномъ краѣ; вѣчный хлопотунъ: школу моетъ и бѣлитъ, поправляетъ на ней трубу, заботливо относится къ школьному садику; свое дѣло ведетъ успѣшно... Отъ такого учителя всѣ въ восторгѣ: и начальство, и дѣти, и крестьяне... Онъ гостепріименъ и общителенъ.

5) Учитель—идеалистъ. Это люди, передъ которыми хочется преклониться, но въ характерѣ и поведеніи ихъ иногда встрѣчаются ужасные контрасты и въ большинствѣ они эксцентричны; попеременно впадаютъ то въ крайній оптимизмъ, то въ пессимизмъ;

на одномъ мѣстѣ рѣдко уживаются по долгу... Но если такой идеалистъ сживется со школой и съ народомъ, то это преданнѣйшій изъ всѣхъ учителей; такой учитель за свою школу на все пойдетъ. И когда онъ, почему либо, оставляетъ свое мѣсто, то возбуждаетъ глубокую грусть и въ ученикахъ, и въ крестьянахъ и не рѣдко выдавливаетъ слезу даже изъ глазъ суроваго мужика... Кончаетъ онъ больше тѣмъ, что впутается не въ свое дѣло и сломитъ себѣ шею. Но если обживется, то нѣтъ человѣка болѣе счастливаго, болѣе добродушнаго; онъ весь въ школѣ,—съ нею смѣется, съ нею и плачетъ...

6) Типъ учителя только что нарождающійся. Это тотъ, который занимается пчеловодствомъ, огородничествомъ, сельскимъ хозяйствомъ или какимъ нибудь ручнымъ трудомъ: сапожничаетъ, столярничаетъ, куетъ и т. п. Все это, по мнѣнію лектора, не больше, какъ одна пустая затѣя, отъ которой едва ли можно ожидать чеголибо плодотворнаго *).

Эти шесть типовъ также можно раздѣлить на двѣ категоріи, въ первую пойдутъ первые три типа, во вторую остальные.

Теперь слѣдовало бы выяснить права сельскаго учителя, но сдѣлать это довольно трудно. Мы не будемъ останавливаться на зависимости учителя въ жизни отъ всякаго начальствующаго лица въ деревнѣ, начиная съ урядника, старшины и кончая предводителемъ дворянства, но необходимо отмѣтить, что учитель и въ сферѣ своей дѣятельности является лицомъ вполнѣ безправнымъ. Трудно представить себѣ поступокъ учителя, выходящій за предѣлы его обязанностей, который, при желаніи, нельзя было бы поставить ему въ вину. Если бы учитель пожелалъ расширить программу своей школы, устроить вечернія или воскресныя занятія для взрослыхъ или подростковъ, устроить, хотя не регулярныя, чтенія и проч.—за все это онъ можетъ сильно поплатиться, не смотря на то, что въ общихъ инструкціяхъ директоровъ учитель нерѣдко призывается къ подобной дѣятельности. Учитель первой категоріи, быть можетъ, легко примирится съ своею участью—служить только внѣшности, но какъ себя будетъ чувствовать учитель второй категоріи, если онъ на каждомъ шагу будетъ сознавать, что онъ не выполняетъ намѣченной задачи, что онъ дѣлаетъ совсѣмъ не то, что надо, и не имѣетъ даже права высказать свое мнѣніе. Нашъ сельскій учитель только чернорабочій при сложной машинѣ, называемой системой народнаго образованія, чернорабочій, можетъ быть, и очень добросовѣстный, но не имѣющій права, или не умѣющій воспользоваться всѣми ея достоинствами, устранить ея недостатки. Съ правами чернорабочаго онъ, конечно, не можетъ много сдѣлать. Въ отсутствіи правъ у учителя лежитъ, надо полагать, одна изъ крупнѣйшихъ ошибокъ въ организаціи народной школы. Въ учи-

*) См. «Саратовская Земская Недѣля» кн. № 32, 1897 г.

тельскомъ дѣлѣ не примѣнимъ вполнѣ принципъ раздѣленія труда: одинъ пусть указываетъ, а другой только исполняетъ.

Учитель имѣетъ дѣло не съ бездушнымъ матеріаломъ, а съ человѣческимъ существомъ, да еще съ ребенкомъ. Система штрафа, заставляющая рабочаго внимательнѣе относиться къ матеріалу, здѣсь не примѣнима, такъ какъ отношеніе учителя къ дѣлу и къ учащимся не поддается точному контролю, и, слѣдовательно, эта система не гарантируетъ человѣческаго отношенія учителя, а безъ него школа немыслима, она не дастъ никакихъ результатовъ. Отсутствіе правъ у учителя является главной причиной обособленности школы.

Предполагаютъ, что, благодаря циркуляру, учителя выполняютъ одинъ общій планъ, идутъ къ одной цѣли; такимъ образомъ масса школъ представляетъ стройное цѣлое, способное играть важную роль въ народной жизни. Но что теперь общаго между школами? Программа, учебники. Если цѣль школы внѣшность и кстати сообщеніе полуграмотности, тогда, можетъ быть, онѣ и объединены; но если—нѣчто другое, тогда онѣ стоятъ совершенно особнякомъ.

Цѣль отдѣльной школы выражается въ стремленіяхъ учителя. Къ чему же стремятся, или, проще сказать, чѣмъ заняты учителя? Одинъ пьетъ, другой торгуетъ сѣномъ, третій ищетъ невѣсту съ приходомъ, четвертый занимается пчеловодствомъ, пятый пѣніемъ, шестой ищетъ мѣста въ акцизѣ и т. д. и, наконецъ, послѣдній стремится «сломать себѣ шею», по выраженію Т. Г. Лубенца. Удивительная солидарность въ стремленіяхъ! Невольно напрашивается сравненіе нашихъ народныхъ школъ съ изорванною или недоконченною цѣпью. Только по наивности можно считать ее способной удержать народное невѣжество, подорвать его безграничную власть. Еще подлежитъ большому сомнѣнію, достаточно ли прочны отдѣльныя звенья—школы, но главное—онѣ не соединены между собой. Невѣжество, тьма легко проходятъ въ промежуткѣ между ними и, свободно дѣйствуя на просторѣ, подчиняютъ себѣ десятки милліоновъ людей, насмѣхаясь надъ всѣми успѣхами цивилизаціи.

А школа стоитъ все также одинокая и учитель по прежнему въ одиночку посылается на борьбу съ своимъ могучимъ врагомъ. Если онъ не устоитъ, его замѣняютъ другимъ, и только,—какъ будто все сдѣлано, причины устранены.

Работа въ одиночку сильно вредитъ дѣлу. А если мы къ обособленности школы присоединимъ еще плохія знанія учителей, отсутствіе возможности самообразованія, отсутствіе сообщенія съ цивилизованнымъ міромъ, отсутствіе у учителя правъ бороться съ этими неблагопріятными условіями и отсутствіе правъ расширять свою дѣятельность—тогда получатся такія условія, которыя даютъ полное основаніе предположить, что трудъ учителя, къ какой бы категоріи онъ ни принадлежалъ, не можетъ быть особенно производителенъ.

Трудъ учителя первой категоріи не представляетъ для него никакого интереса, является только скучной обязанностью, которую чѣмъ скорѣе сбылъ съ рукъ, тѣмъ лучше. Спеціальный контрольный органъ, инспекторъ, не въ состояніи сдѣлать его работу продуктивнѣе въ широкомъ смыслѣ слова, онъ можетъ добиться только нѣкоторыхъ улучшеній во внѣшности. Но весьма возможно, что у многихъ учителей первой категоріи хватило бы силъ на работу болѣе продуктивную и при иныхъ условіяхъ могло-бы появиться желаніе исполнить ее. Если они теперь работаютъ плохо, такъ не потому, что иначе не могутъ работать, а по очень простой причинѣ: они не слыхали объ иномъ отношеніи къ дѣлу, не видали его, не знаютъ зачѣмъ-бы оно могло понадобиться, такъ какъ не понимаютъ всей важности дѣла народнаго образованія. Надо полагать, что указанныя условія сильно способствуютъ этому незнанію и непониманію. Эти условія не только вредятъ въ настоящее время, они вліяютъ и на будущее. При ихъ наличности немыслимъ вообще прогрессъ въ школьномъ дѣлѣ, невозможна даже частичная утилизація громадной инертной массы учителей первой категоріи.

Тѣже условія понижаютъ продуктивность труда учителей второй категоріи. Нерѣдко учитель, пришедшій въ школу съ самыми лучшими намѣреніями, черезъ нѣсколько лѣтъ превращается въ какой то автоматическій механизмъ или пріобрѣтаетъ право быть паціентомъ клиники нервно-больныхъ. Когда то, желая отдаться захватывающему труду, онъ смѣло кинулъ вызовъ не пигмею, не призрачному противнику, а народной тьмѣ. Мощность врага не страшила его, но онъ не обратилъ вниманія на условія, въ какихъ ему придется работать. Прошло нѣсколько лѣтъ и теперь онъ еле тянетъ надоѣвшую ему лямку. Въ классѣ у него царитъ давящая тишина. Никто не шелохнется, никто не оглянется. Два отдѣленія работаютъ самостоятельно, слышенъ только легкій скрипъ перьевъ да грифелей. Изъ отдѣленія, съ которымъ занимается онъ самъ, доносится робкій, обрывающійся отъ волненія голосъ забитаго мальчика, запуганной, забитой дѣвочки. Нервный, раздраженный или апатичный, онъ безтолково, монотонно ведетъ урокъ, проклиная въ душѣ и школу, и себя, и все на свѣтѣ. Иногда онъ мысленно оторвется отъ своего маленькаго мірка, окинетъ взоромъ болѣе широкій горизонтъ, сравнитъ свою дѣятельность съ прежней мечтой и опустится отъ тяжелаго, горькаго сознанія невыполненной задачи. Въ школѣ становится еще тише и еще тоскливѣе.

О будущемъ учителю лучше не вспоминать. Вчужѣ становится за него жутко. Во имя чего отдавать свои силы, свою жизнь школѣ? Кромѣ внѣшности, ничего добиться нельзя. Во что же вѣрить, чего ждать? Можно ли тутъ говорить объ обязанности, о долгѣ? Не мудрено, что у него опускаются руки. Но вотъ случайно ему попалась книга или встрѣтилъ онъ кого-нибудь изъ цивилизованнаго общества и волна, прилетѣвшая изъ другого міра, бывшаго, быть

можетъ, когда то его собственнымъ міромъ, подхватила, согрѣла его. Тогда дни искупаютъ прозябаніе цѣлыхъ недѣль. Ожившая школа, кажется, никогда больше не вернется къ своему прежнему состоянію. Но проходитъ мѣсяцъ, недѣля, а иногда даже одинъ день и школа опять засыпаетъ, опять нехотя плетутся туда дѣти, опять съ проклятіями въ душѣ принимается за дѣло учитель.

Трудно предположить, чтобы причины, вызывающія это печальное явленіе, находились только въ самомъ учителѣ или въ дѣтяхъ, что съ причинами этими нельзя бороться. Если вы встрѣтите на улицѣ или въ семьѣ школьниковъ, то въ живомъ Васяткѣ, въ веселой, бойкой Машѣ вы никогда не узнаете Василія Козлова и Марью Парамонову, которые часъ тому назадъ въ школѣ не могли отвѣтить на самый простой вопросъ, не могли усвоить самой простой мысли. Здѣсь они съ увлеченіемъ разсказываютъ своимъ товарищамъ содержаніе прочитанной книжки, мѣтко очерчивая характеръ дѣйствующихъ лицъ. Если вы встрѣтите учителя не въ школѣ, и пожалуй даже не въ деревнѣ—у васъ составится о немъ представленіе, какъ о порядочной, симпатичной личности и, можетъ быть, какъ о хорошемъ, знающемъ учителѣ, каковъ онъ есть по природѣ. Ни однимъ движеніемъ онъ не напомнитъ вамъ того учителя, поборника тишины и дисциплины, котораго вы видѣли въ школѣ. Можетъ ли при такихъ условіяхъ школа бороться съ невѣжествомъ, можетъ ли она уменьшить пропасть, отдѣляющую привиллегированные классы отъ народа?

Правда, есть школы, гдѣ идетъ иная жизнь. Но не объ нихъ рѣчь, да и много ли ихъ. Кромѣ того, нельзя не пожалѣть, что громадныя силы ихъ руководителей (а они несомнѣнно велики, если могутъ что нибудь сдѣлать даже при существующихъ условіяхъ) расходуются теперь непроизводительно, разыскивая различные частные случаи для своего примѣненія.

Но почему учителя опустились? Вѣдь имъ самимъ было бы легче, еслибы они иначе относились къ дѣлу; тогда они знали бы, зачѣмъ они живутъ въ грязной, голодной деревушкѣ, отъ которой они теперь отстоятъ такъ далеко, какъ будто они помѣщаются на другой планетѣ. Проще всего было бы свалить, какъ это не рѣдко дѣлается, на присущую, якобы, русскому интеллигенту способность увлекаться самой несбыточной мечтой, браться за какое угодно большое дѣло, но все это до первой встрѣчи съ дѣйствительностью, когда у него сразу опускаются руки, и онъ изъ человѣка, одухотвореннаго яркими, идеальными стремленіями, превращается въ узкаго практика, или никуда не годнаго безтолковаго работника.

Вспомнимъ условія жизни учителя; можетъ быть, онъ не такъ виноватъ, можетъ быть, при иныхъ условіяхъ онъ былъ бы въ состояніи опять принять человѣческій обликъ.

Одну мѣру предлагаютъ довольно часто: надо увеличить гонораръ учителей, тогда на учительскія мѣста пойдетъ элементъ болѣе

подготовленный и школа будетъ давать иные результаты. Надо полагать, что въ ряду другихъ мѣропріятій увеличеніе гонорара можетъ принести извѣстную пользу; теперь, напримѣръ, изъ иного учительскаго жалованья только путемъ усиленныхъ голодовокъ можно выкроить необходимую сумму на газету, журналъ или книги, т. е. добыть средства сообщенія съ цивилизованнымъ міромъ. Но эта мѣра, проведенная одна, не дастъ нужныхъ результатовъ, такъ какъ она затрогиваетъ одну изъ причинъ, тормозящихъ развитіе школьнаго дѣла, совсѣмъ не касаясь остальныхъ—болѣе важныхъ.

Новые учителя, которые появятся съ увеличеніемъ учительскаго гонорара, въ знанія и расположеніе которыхъ къ дѣлу можно вѣрить, эти учителя подъ вліяніемъ прежнихъ, не измѣнившихся условій постепенно будутъ опускаться все ниже и, наконецъ, окажутся на одномъ уровнѣ съ нашими сельскими учителями. Другого результата трудно ожидать.

Очевидно, нужны иныя мѣры; и чѣмъ скорѣе онѣ будутъ опредѣлены, тѣмъ лучше, такъ какъ дѣло не ждетъ. Мѣры эти должны способствовать прежде всего увеличенію доступности школы, расширенію ея программы и повышенію продуктивности учительскаго труда.

Легко возможно, что многія причины, мѣшающія развитію школьнаго дѣла, ускользнули отъ нашего вниманія. Съ теченіемъ времени однѣ причины будутъ ослабѣвать и совсѣмъ пропадутъ; другія, напротивъ, могутъ усилиться; могутъ появиться новыя, такъ что картина положенія школьнаго дѣла, составленная для даннаго момента и даннаго района, даже лицомъ хорошо освѣдомленнымъ, будетъ имѣть извѣстную цѣнность только весьма короткій промежутокъ времени.

Знанія, распространенныя въ массѣ, играютъ такую существенную роль въ жизни народа, что при опредѣленіи ихъ количества не слѣдуетъ полагаться на случайныя работы частныхъ лицъ, или на сухіе министерскіе отчеты, которые по самому существу своему не могутъ дать вѣрнаго понятія о жизни школы, о положеніи народнаго образованія въ странѣ и поэтому не могутъ дать увѣренности въ необходимости той или иной мѣры. Нуженъ живой органъ, быстро и точно отмѣчающій всѣ измѣненія въ дѣлѣ народнаго образованія. Такимъ органомъ, надо полагать, могли бы быть собранія учителей небольшихъ районовъ, такъ какъ нужды школы лучше всего извѣстны, конечно, учителямъ. Довольно вѣрная картина можетъ получиться изъ ихъ письменныхъ отвѣтовъ, какъ это было предпринято Московскимъ Комитетомъ Грамотности. Но не подлежитъ сомнѣнію, что она выиграла бы въ силѣ, краскахъ и жизненности, еслибы вырабатывалась на общихъ собраніяхъ, гдѣ мысль личности можетъ кристаллизоваться въ коллективномъ мнѣніи и выводъ будетъ являться результатомъ работы цѣлаго со-

бранія. Эти собранія и сами по себѣ—помимо ясной картины положенія народной школы и ея значенія, при настоящихъ условіяхъ, въ дѣлѣ народнаго образованія—могутъ дать еще много цѣннаго. Еслибы на этихъ собраніяхъ можно было обсуждать принципіальные вопросы по народному образованію, выяснять нужды школы, вырабатывать новый типъ ея, новыя положенія, тогда учитель, оставаясь въ школѣ рабочимъ, могъ бы быть въ то же время руководителемъ общаго дѣла, что помогло бы ему сознательнѣе относиться къ своей работѣ, позволило бы забыть о мелкихъ неудобствахъ, съ которыми связана его дѣятельность, которыя, неосвѣщенныя теперь смысломъ, выступаютъ на первый планъ и только тяготятъ его. Собранія могутъ способствовать увеличенію знаній среди учителей, такъ какъ, безъ сомнѣнія, на нихъ будетъ разрѣшенъ вопросъ о доставленіи учителямъ возможности заняться самообразованіемъ. Если на собраніяхъ выяснится, что учителя нуждаются во временныхъ курсахъ, быть можетъ они обратятся къ министерству съ просьбой объ учрежденіи ихъ. Эти курсы, открываясь по тѣмъ предметамъ и въ такомъ объемѣ, какіе будутъ указаны и какіе наиболѣе необходимы, принесутъ гораздо больше пользы, чѣмъ устраиваемые теперь.

Учительскія собранія мы не считаемъ универсальной мѣрой отъ всѣхъ золъ и бѣдствій, но думаемъ, что они могли бы положить начало прогрессу въ дѣлѣ народнаго образованія, обезпечить его будущность.

Намъ могутъ замѣтить, что мы нѣсколько запоздали съ учительскими собраніями, что они въ Россіи давно существуютъ, только подъ именемъ повторительныхъ курсовъ и учительскихъ съѣздовъ. Да! Устраиваются учительскіе курсы, были и съѣзды. Максимумъ курсовъ былъ въ 1872 году—29; затѣмъ это число падаетъ и достигаетъ minimum'a въ 1894 году отъ 1—3 (точныхъ цифръ не имѣемъ). Послѣ 1894 года число курсовъ опять начинаетъ рости. Первый съѣздъ учителей былъ открытъ въ 1881 году, послѣдній закрытъ въ 1885 году.

Казалось бы, что если общество довѣрило учителямъ образованіе и воспитаніе подростающаго поколѣнія, такъ, безъ сомнѣнія, оно можетъ позволить имъ собираться для выясненія возникшихъ вопросовъ. Однако, этого нѣтъ.

Исторія и значеніе учительскихъ курсовъ и съѣздовъ весьма обстоятельно разобраны въ статьѣ Н. А. Феликсова: «Педагогическіе курсы и учительскіе съѣзды» *).

Къ ней мы отсылаемъ интересующихся этимъ вопросомъ, а теперь взглянемъ, какова организація современныхъ курсовъ.

«...Громадное значеніе курсовъ нерѣдко весьма ощутительно парализуется формальностями, зависящими отъ временныхъ пра-

---

*) Рус. Мыс. 1896 г. IX—XI кн.

вилъ о курсахъ, составленныхъ лѣтъ 20 назадъ и настойчиво требующихъ коренной переработки. Въ наши дни, когда и само правительство, и все общество такъ глубоко заинтересованы въ широкомъ распространеніи народнаго образованія и личности учителя, всякія препятствія къ устройству курсовъ... казалось бы всего менѣе могли имѣть мѣсто; но факты, видѣнные нами въ августѣ въ Москвѣ, обнаруживаютъ очень печальныя условія, отъ которыхъ страшно страдаетъ живое дѣло» *).

Далѣе авторъ разсказываетъ, что всякія сообщенія со стороны самихъ учителей, въ силу существующихъ правилъ, были «категорически воспрещены, и не могло быть дозволено даже касаться на курсахъ разбора книгъ для класснаго чтенія». Изъ 120 учителей, намѣченныхъ земствомъ, разрѣшено было принимать участіе въ бесѣдахъ только 60, а остальные 60, «и то уже въ видѣ компромисса, могли присутствовать лишь въ качествѣ постороннихъ слушателей». Кромѣ сообщеній руководителей курсовъ, занятія заключались въ томъ, «что учителя сами давали пробные уроки, да еще по тѣмъ отдѣламъ, которые имъ очень хорошо извѣстны... и всѣ пробные уроки учителей пріобрѣли видъ какого то публичнаго экзамена послѣднихъ».

Статья заканчивается слѣдующими словами: «Съѣзды учительскіе и курсы—дѣло настоятельной, назрѣвшей злобы дня, и несомнѣнная польза отъ нихъ и величайшее ихъ значеніе для просвѣщенія русскаго учителя и народа... будутъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе довѣрія и свободы имъ будетъ предоставлено».

Такова дѣйствительность **). Она-то и даетъ намъ право касаться вопроса объ учительскихъ собраніяхъ. Курсы, устраиваемые теперь, обращаютъ главное вниманіе на педагогическіе пріемы. Познакомиться съ ними для учителя, конечно, важно, но вѣдь не въ педагогическихъ пріемахъ вся суть дѣла народнаго образованія. Теперь на курсахъ жизнь возможна только при отступленіи отъ правилъ.

Учительскія собранія должны и могутъ давать иные результаты, но они достижимы, конечно, не при всякихъ условіяхъ ***). Если посѣщеніе собраній будетъ обязательно, если предсѣдатель будетъ не выбранный, а назначенный, если присутствующее начальство будетъ пользоваться большимъ правомъ голоса, чѣмъ учителя, если собранія будутъ не публичны, кругъ тѣмъ строго ограниченъ и расширеніе его не будетъ зависѣть отъ самого собранія, тогда лучше ихъ совсѣмъ не открывать, такъ какъ дѣло навѣрно не пойдетъ.

---

*) «Новости» 1897 г. 16-го сентября, № 255. В. Острогорскій.

**) Болѣе подробныя свѣдѣнія о курсахъ Москов. Губ. Зем. 1897 г. помѣщены въ «Нов. Слов.» 1897 г. кн. X.

***) См. объ «Американскомъ институтѣ образованія», о «Чотокской ассоціаціи» и проч. въ статьѣ Д. П. «Нѣкоторыя черты народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ». Спб. 1895 г.

Усиліями самихъ учителей эти собранія не могутъ создаться. Чтобы возбудить ходатайство объ открытіи учительскихъ собраній, необходимо предварительное обсужденіе устава или программы этихъ собраній, а оно для учителей немыслимо, такъ какъ никакія сборища учителямъ не дозволяются. Слѣдовательно эти собранія могутъ возникнуть только при содѣйствіи общества и печати, гдѣ заранѣе можетъ быть выяснена необходимость собраній и выработана ихъ ближайшая программа.

Что дадутъ эти собранія въ будущемъ—укажетъ время. Быть можетъ, состоится объединеніе собраній мелкихъ районовъ; выборные ихъ представители будутъ посылаться на областные съѣзды, которые въ свою очередь дадутъ членовъ учрежденію, руководящему народнымъ образованіемъ всей страны. Надо полагать, что подобная система урегулированія народнаго образованія была бы раціональнѣе существующей. За это говоритъ ея жизненность, ея способность эволюціонировать вмѣстѣ съ обществомъ, чѣмъ она рѣзко отличается отъ существующей системы, основанной на искусственныхъ началахъ. Но, повторяемъ, все это дѣло будущаго.

Итакъ, если зайдетъ рѣчь объ увеличеніи знаній среди населенія путемъ существующихъ образовательныхъ учрежденій, тогда прежде всего придется обратить вниманіе на учительскую среду и изслѣдовать, насколько она способна выполнить намѣченную задачу. Если она окажется органически неспособной—тогда никакія матеріальныя затраты, никакіе циркуляры не помогутъ. Если же ея несостоятельность обусловливается только неудачными положеніями, тогда дѣло еще поправимо. Надо полагать, что теперь силы учителей, къ какой бы они категоріи ни принадлежали, утилизируются далеко не всей полностью.

Рано или поздно потребуется отъ учителей болѣе продуктивная дѣятельность. Тогда будетъ поздно производить подсчетъ ихъ силъ; необходимо это сдѣлать заранѣе. Необходимо дать учителю возможность не отставать отъ жизни, а идти вмѣстѣ съ ней. Кромѣ того, необходимо точное изслѣдованіе положенія народнаго образованія въ странѣ, оно должно быть начато съ народной школы и, навѣрно, сильно выиграетъ, если будетъ основано на учрежденіи, стоящемъ близко къ жизни, какимъ могли бы быть учительскія собранія. Поэтому учрежденіе учительскихъ собраній слѣдовало бы поставить въ первомъ ряду мѣропріятій, способствующихъ росту продуктивности учительскаго труда и болѣе правильной постановкѣ въ странѣ народнаго образованія.

К. Ч.

Связь грамотности крестьянскаго населенія съ его хозяйственнымъ благосостояніемъ.

Вопросъ о связи между уровнемъ матеріальнаго благосостоянія крестьянскаго населенія и степенью его грамотности не разъ затрогивался въ нашей печати. Однако, насколько намъ извѣстно, до сихъ поръ для его разрѣшенія не было предпринято ни одного изслѣдованія, въ основу котораго былъ-бы положенъ болѣе или менѣе обширный статистическій матеріалъ. Въ земско-статистической литературѣ, правда, были сдѣланы въ этомъ направленіи весьма цѣнныя сопоставленія *), но сдѣланы они, къ сожалѣнію, далеко не вездѣ и полученные выводы могутъ имѣть лишь мѣстное значеніе.

А между тѣмъ поднятый вопросъ настолько интересенъ, что заслуживалъ-бы такого изслѣдованія. Рѣшать его à priori болѣе чѣмъ рисковано.

Одну изъ немногихъ попытокъ разобраться въ этомъ вопросѣ статистическимъ путемъ мы имѣемъ въ статьѣ г-на С-каго «Грамотность въ связи съ дифференціаціей деревни», опубликованной недавно въ одномъ изъ ежемѣсячныхъ журналовъ **). Статистическіе пріемы, которымъ слѣдуетъ авторъ этой работы, представляются намъ, однако, неправильными, а въ зависимости отъ этого и самые выводы, полученные при ихъ помощи, не могутъ считаться обоснованными. Г. С-кій выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ весьма распространеннаго, по его мнѣнію, взгляда, что «чѣмъ болѣе устойчиво крестьянское хозяйство, чѣмъ менѣе въ немъ признаковъ разложенія, т. е. чѣмъ меньше среди крестьянъ безлошадныхъ, безхозяйственныхъ, чѣмъ болѣе скота приходится на надѣльный дворъ, тѣмъ болѣе въ деревнѣ грамотныхъ». Самъ онъ придерживается того взгляда, что разложеніе крестьянскаго хозяйства, вызывая усиленное занятіе промыслами, способствуетъ и увеличенію % грамотныхъ въ средѣ крестьянскаго населенія, и рѣшительно отказывается понять какимъ образомъ курскіе ста-

*) Напр. въ московскихъ, курскихъ, самарскихъ и тавричеcк. матеріалахъ.

**) Новое Слово, 97 г. май.

тистики находятъ возможнымъ одновременно утверждать, что грамотность стоитъ въ прямой связи со степенью зажиточности и развитіемъ промысловъ и что «чѣмъ меньше земля обезпечиваетъ населеніе извѣстной мѣстности, тѣмъ больше народа занимается здѣсь мѣстными и отхожими внѣземледѣльческими промыслами».

Насъ подобный выводъ, надо сказать, нисколько не удивляетъ: грамотность крестьянскаго населенія является производной отъ массы самыхъ разнообразныхъ условій, въ томъ числѣ и размѣровъ земельнаго надѣла, и развитія промысловъ, а методъ численныхъ массовыхъ наблюденій, прилагаемый статистикою къ изученію явленій общественной жизни, и имѣетъ своей цѣлью выяснить относительное значеніе каждаго изъ этой массы разнообразныхъ факторовъ.

Посмотримъ, однако, что сдѣлалъ авторъ вышеназванной статьи, чтобы подкрѣпить свое апріористическое заключеніе. Сдѣлалъ онъ немного. Кромѣ перепечатанныхъ изъ курскаго сборника таблицъ, которыя указываютъ на увеличеніе грамотности населенія съ развитіемъ промысловъ и на развитіе промысловъ съ уменьшеніемъ зажиточности населенія, мы встрѣчаемъ довольно интересный пріемъ якобы статистическаго сопоставленія степени грамотности со степенью зажиточности. Авторъ беретъ двѣ наиболѣе разнящіяся по распространенію грамотности волости (или два уѣзда) и затѣмъ выставляетъ по каждой всѣ имѣющіяся въ сборникахъ данныя изъ экономической жизни населенія. Вотъ примѣръ, взятый изъ его же таблицы:

Орл. губ., Орл. у.	°/₀ грамотн. мужч.	дес. над. на душу	дворовъ безлош.	дворовъ бескоров.	дв. безъ вс. скота	семей безъ инвентаря.	сдающ. весь над.	сдающ. часть над.	бездомов.	промышл. вообще.
	Въ процентахъ.									
Волость Покровская	27	1,3*)	3,2	41	19	28	2,0	31	4	21
» Плеещевская	12	1,1	2,5	35	8	20	0,3	13	2	20

Въ результатѣ цѣлаго ряда такихъ совершенно произвольныхъ сопоставленій оказывается, что «гдѣ больше разложеніе деревни, тамъ наблюдается большій процентъ грамотныхъ».

Хотя одного приведеннаго примѣра достаточно для того, чтобы показать насколько не статистиченъ пріемъ, допущенный г-номъ С-кимъ, тѣмъ не менѣе, чтобы не утверждать этого голословно, мы прибѣгнемъ къ тѣмъ же матеріаламъ, которыми и онъ пользовался. Возьмемъ изъ Орловскаго уѣзда двѣ волости, но не Покровскую и Плещеевскую, а Покровскую и Очкинскую, сопоставимъ ихъ между собою:

*) Въ Орловскомъ сборникѣ показано 1,2.

	% грамот. мужч.	десят. надѣла на душу.	дворовъ безлошадныхъ.	дворовъ безкоровныхъ.	дворовъ безъ всякаго скота.	семей безъ инвентаря.	сдающихъ весь надѣлъ.	сдающ. часть надѣла.	бездомовыхъ	промышлен. вообще.
	Въ процентахъ.									
Волость Покровская	27	1,2	32	41	19	28	2,0	31	4	21.
» Очкинская	10,3	0,9	33	61	12	31,6	3,9	34,5	1,3	27,6

Какъ видитъ читатель, результатъ получился совершенно обратный. Мы далеки, конечно, отъ того, чтобы видѣть въ нашемъ сопоставленіи подтвержденіе противоположнаго мнѣнію г. С-каго вывода; мы хотѣли лишь показать, какъ мало заслуживаетъ довѣрія пріемъ изслѣдованія, имъ допущенный, и насколько слабо обоснованнымъ оказывается его заключеніе, что разложеніе деревни увеличиваетъ ея грамотность.

Задачей послѣдующаго изложенія будетъ выясненіе того вліянія, которое оказываетъ степень зажиточности на распространеніе грамотности среди крестьянскаго населенія. Къ рѣшенію этого вопроса мы привлекли исключительно матеріалы земско-статистическихъ изслѣдованій, какъ наиболѣе достовѣрные и дающіе возможность класть въ основу сопоставленій разнообразные признаки хозяйственнаго благосостоянія. Сущность того пріема изслѣдованія, который позволилъ-бы намъ обнаружить ту или иную связь между изучаемыми явленіями, сводится на примѣненіе такой группировки населенія, которая, выдвигая на первый планъ признаки хозяйственнаго благосостоянія, парализовала-бы вліяніе остальныхъ факторовъ. Съ одной стороны можно, расположивъ рядъ *губерній* или *уѣздовъ* по нѣсколькимъ группамъ сообразно тому или другому признаку зажиточности крестьянскаго населенія, опредѣлять затѣмъ для каждой группы % грамотныхъ. Съ другой стороны, можно опредѣлять % грамотного населенія въ составѣ крестьянскихъ *дворовъ*, разбитыхъ на группы по тѣмъ-же признакамъ. Послѣднимъ пріемомъ, конечно, полнѣе достигается устраненіе вліянія всѣхъ остальныхъ факторовъ, кромѣ положеннаго въ основаніе дѣленія дворовъ на группы, но за то онъ возможенъ лишь тамъ, гдѣ въ матеріалахъ уже дана такая группировка. Мы будемъ пользоваться и тѣмъ и другимъ пріемомъ.

Многочисленныя земскія изслѣдованія показали, что основой нашего крестьянскаго хозяйства является та земля, которою оно располагаетъ. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ земельнаго обезпеченія повышаются обыкновенно всѣ положительные и понижаются всѣ отрицательные показатели зажиточности крестьянскаго населенія.

Мы не будемъ подтверждать здѣсь этого вывода примѣрами, отославъ читателя къ земско-статистической литературѣ, тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ для насъ лишь посредствующее значеніе. Другими весьма важными въ крестьянскомъ хозяйствѣ факторами и характерными показателями степени его благосостоянія являются количество скота и рабочихъ рукъ въ хозяйствѣ. Этими признаками мы и будемъ пользоваться для дальнѣйшихъ сопоставленій зажиточности и грамотности крестьянскаго населенія.

Такъ, разбивъ 117 уѣздовъ Европейской Россіи *) на 3 группы по среднему количеству десятинъ надѣльной земли на 1 душу муж. п. и вычисливъ для каждой группы %% грамотныхъ и учащихся, получимъ слѣдующую таблицу:

	Число уѣздовъ.	На 1 д. м. п. дес. надѣла.	% грамотн. м. п.	ж. п.	об. п.	% учащихся. м. п.	ж. п.	об. п.
1-я группа	36	<2,6	9,0	1,0	5,1	2,7	0,4	1,6
2-я »	44	2,6—3,5	10,7	1,1	5,8	3,0	0,4	1,7
3-я »	37	>3,5	14,4	3,3	8,8	4,2	1,3	2,7

Таблица эта показываетъ намъ, что чѣмъ больше надѣльной земли приходится на 1 душу м. п., т. е. чѣмъ лучше обезпечено крестьянское хозяйство землей, тѣмъ выше % грамотныхъ и учащихся. Особенно правильны въ указанномъ смыслѣ колебанія мужской грамотности. Женская грамотность не съ такой точностью подчиняется этому правилу и, хотя мы нигдѣ не видимъ колебаній въ обратномъ порядкѣ, однако сколько нибудь значительное повышеніе % грамотныхъ женщинъ и учащихся дѣвочекъ замѣчается лишь въ послѣдней группѣ. Какъ было уже выше сказано, таблица эта включаетъ въ себя данныя по 117 уѣздамъ, населеннымъ болѣе чѣмъ 17½ милл. душъ об. пола, въ основу ея положено значитъ достаточное количество наблюденій. Тѣмъ не менѣе этотъ пріемъ безспорно уступаетъ сопоставленію % грамотныхъ по отдѣльнымъ группамъ крестьянскихъ хозяйствъ различной степени зажиточности.

Пользуясь тѣми матеріалами, въ которыхъ проведено такое раздѣленіе крестьянскихъ хозяйствъ, мы и прослѣдимъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ Европейской Россіи, какія группы крестьянства менѣе и какія болѣе грамотны.

Въ двухъ уѣздахъ Новгородской губ. (демянскомъ и бѣлозерскомъ) все крестьянское населеніе дѣлится на 3 рѣзко различныя по степени благосостоянія группы: безземельныхъ, имѣющихъ надѣлъ и собственниковъ. Наиболѣе грамотными оказываются собственники, а наименѣе—безземельные.

*) Матеріаломъ послужили данныя своднаго сборника г. Благовѣщенскаго.

	Бѣлозерскій уѣздъ. Колич. земли на дворъ	°/₀ грам. мужч.	°/₀ грам. женщ.	Демянскій уѣздъ. Колич. земли на дворъ	°/₀ грам. мужч.	°/₀ грам. женщ.
Беззмельн.	—	16,9	1,5	—	14,1	2,4
Имѣющ. над.	8,3	18,3	0,7	7,0	17,7	0,7
Собственники	68,4	26,7	3,5	41,3	30,6	7,3

Женская грамотность уклоняется отъ указанной правильности, ея наименьшій % выпадаетъ на долю имѣющихъ надѣлъ.

Въ четырехъ уѣздахъ Смоленской губ. (дорогобужскій, юхновскій, сычевскій, гжатскій) мы находимъ такую группировку крестьянскаго населенія: 1) хозяйства, не получающія надѣла, 2) хозяйства, сдающія или запускающія свой надѣлъ и 3)хозяйства, обрабатывающія свой надѣлъ. Несомнѣнно, что, въ такомъ дѣленіи хозяйства на три естественныя группы, главнымъ и почти единственнымъ факторомъ является степень ихъ благосостоянія. Однако, нельзя сейчасъ-же утвердительно сказать, которая изъ двухъ первыхъ группъ стоитъ ниже по своей зажиточности: тѣ-ли, которые совершенно не получаютъ надѣла, или тѣ, которые, получивъ его и не будучи въ силахъ обрабатывать, сдаютъ другимъ. Здѣсь необходимо прибѣгнуть къ сопоставленію важнѣйшихъ показателей зажиточности по указаннымъ группамъ хозяйствъ.

	°/₀ дворовъ съ купч. землей.	съ arенд. землей.	% бездомовыхъ	% безлошадн.	% безкоровн.	Колич. круп. скота на 100 дворовъ.
Не получ. над.	1,1	4,1	42,0	97,0	91,4	19,3
Сдающ. и запуск.	0,6	0,0	52,8	98,4	95,5	9,7

Стоитъ только сравнить эти два ряда, для того чтобы вполнѣ убѣдиться, что, хотя различіе между не получающими надѣла и сдающими и запускающими его и невелико, однако первые зажиточнѣе вторыхъ. Располагая всѣ три группы въ восходящемъ порядкѣ по степени зажиточности, получимъ слѣдующую таблицу:

	% грамотныхъ м. п.	ж. п.	°/₀ учащихся м. п.	ж. п.
У сдающихъ и запуск. над.	16,5	1,1	1,8	0,2
» не получающихъ надѣла	19,6	1,5	2,7	0,3
» обрабатывающихъ над.	21,0	1,4	3,9	0,3

И здѣсь мужская грамотность растетъ вмѣстѣ съ поднятіемъ уровня матеріальнаго благосостоянія, женская же не даетъ правильныхъ и замѣтныхъ колебаній.

Въ двухъ уѣздахъ Нижегородской губ. (семеновскомъ и горбатовскомъ) грамотность населенія значительно выше въ тѣхъ группахъ хозяйствъ, которыя лучше обезпечены надѣльной землей. Всего ниже она у безнадѣльныхъ, всего выше у имѣющихъ болѣе

25 дес. на дворъ, но въ то время какъ % грамотныхъ и учащихся женскаго пола все время правильно возрастаетъ съ увеличеніемъ надѣла, % грамотныхъ и учащихся мужск. пола въ среднихъ группахъ остается совершенно одинъ и тотъ же (за исключеніемъ 4-й группы).

	°/₀ грамотныхъ и учащихся.	
	м. п.	ж. п.
Безнадѣльные	15,5	5,3
Имѣющ. до 5 дес.	20,5	5,9
» 5—10 »	20,5	6,1
» 10—15 »	19,8	6,3
» 15—25 »	20,5	6,7
» >25 »	21,0	7,8

На ту же связь между изучаемыми явленіями указываютъ и колебанія % учащихся по двумъ уѣздамъ Курской губерніи:

Въ общинахъ, имѣющихъ на дворъ:	°/₀ учащихся Путивл. у.	Рыльск. у.
До 3-хъ десят.	0,96	1,51
3— 6 »	1,33	1,87
6— 9 »	2,33	2,36
9—12 »	2,73	3,76
>12 »	3,47	1,1 *)

Съ неменьшей очевидностью къ тому же самому выводу приводятъ насъ и данныя по Самарской губерніи (6 уѣздовъ).

	°/₀ грамотн.		°/₀ учащихся		°/₀ грам. и уч.
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	обоего п.
Имѣющіе < 1 дес.	6,0	0,3	1,1	0,2	3,7
» 1— 5 »	7,5	1,0	2,2	0.3	5,5
» 5—10 »	8,3	1,1	2,4	0,4	6,1
» 10—20 »	9,1	1,3	2,8	0,5	7,1
» 20—30 »	12,5	1,9	2,8	1,0	9,1
» 30 и бол. »	2,9	0,2	0,5	0,2	1,8

Для николаевскаго и новоузенскаго уѣздовъ мы могли еще воспользоваться группировкой крестьянскихъ дворовъ по количеству скота (на дворъ) съ выдѣленіемъ безземельныхъ въ особую группу.

---

*) Несоразмѣрно низкій °/₀ грамотныхъ въ этой группѣ курскіе статистики объясняютъ вліяніемъ чисто случайныхъ постороннихъ причинъ, такъ какъ она включаетъ въ себя лишь 414 хозяйствъ (2°/₀ всѣхъ хоз. въ рыльск. у.).

	% грам. и учащ. обоего пола. Никол. у.	Новоузенск. у.
Безъ рабочаго скота	9,2	13,7
Съ 1 шт. раб. »	9,7	11,8
» 2— 3 шт. раб. скота	9,1	12,7
» 4 » » »	9,7	13,7
» 5—10 » » »	10,8	17,3
» 10—20 » » »	11,9	20,4
» 20 и бол. » » »	17,2	56,6
Безземельные	14,5	22,6

За однимъ весьма незначительнымъ исключеніемъ увеличенію количества рабочаго скота (на дворъ) вездѣ соотвѣтствуетъ и увеличеніе % грамотныхъ и учащихся. Что касается особнякомъ стоящей группы безземельныхъ, то она даетъ сравнительно очень высокій % грамотныхъ, уступая въ этомъ отношеніи лишь послѣдней группѣ остальныхъ дворовъ.

Подобныя же колебанія % грамотныхъ и учащихся находимъ мы и въ 6 уѣздахъ Саратовской губ., съ тою лишь разницей, что здѣсь грамотность безнадѣльныхъ, хотя и превышаетъ собою грамотность слѣдующей группы, имѣющихъ до 2,5 дес., но стоитъ ниже чѣмъ въ остальныхъ трехъ.

	% грамотныхъ. м. п.	ж. п.	% учащихся. м. п.	ж. п.	% грам. и уч. обоего пола
Безнадѣльные	14,1	2,4	3,5	0,4	9,5
Имѣющ. до 2,5 д.	11,9	1,5	2,5	0,3	7,7
» 2,5— 5,0 »	14,5	3,5	3.3	1,1	10,8
» 5 —10 »	14,8	4,8	4,4	1,7	12,6
» > 10 »	21,8	6,5	7,6	3,7	20,2

Въ матеріалахъ по Тамбовской губ. мы находимъ только группировку общинъ по количеству надѣльной земли на ревизскую душу. Пользуясь этой группировкой и соединяя нѣсколько группъ въ одну, чтобы избѣжать дробленія населенія на черезчуръ большое число группъ, мы получимъ слѣдующую таблицу:

Группы общинъ съ надѣл. на рев. душу.	Средн. кол. дес. над. на наличн. душу*)	% грам. м. п.	ж. п.	% учащ. м. п.	ж. п.	% гр. и уч. об. пола.
въ 0 — 4 дес.	0,3—1,2	7,3	0,3	2,3	0,1	4,8
» 4 — 7 »	1,7—2,2	6,2	0,4	2,5	0,1	4,6
» 7 —10 »	2,4—3,0	9,6	0,4	1,8	0,1	5,9
» 10 и бол. »	3,7	15,6	2,1	4,6	2,2	12,2

Какъ видитъ читатель, и здѣсь общее направленіе колебаній

*) Въ этой графѣ даны колебанія сред. количества над. земли на наличн душу обоего пола по груп. общинъ, установленнымъ въ стат. матеріал по Тамбов. г. и входящимъ въ составъ установленныхъ нами группъ.

грамотности то-же самое, что и въ предъидущихъ примѣрахъ: первая группа общинъ, наименѣе обезпеченная землей, даетъ нѣсколько большій, чѣмъ слѣдующая % грамотныхъ (но не учащихся); въ остальныхъ съ ростомъ земельнаго обезпеченія растетъ и грамотность. Отъ этого правила уклоняется лишь % учащихся въ 3-ей группѣ. Слѣдуетъ отмѣтить здѣсь еще то обстоятельство, что колебанія женской грамотности весьма незначительны и лишь въ послѣдней группѣ даютъ замѣтное повышеніе.

Измѣненія % грамотныхъ и учащихся по группамъ дворовъ въ 4-хъ уѣздахъ Орловской губ. представлены слѣдующей таблицей:

	% грам.	% учащ.
Безземельные	9,2	1,3
Имѣющіе до 5 дес.	6,0	1,4
» 5—10 »	6,2	1,7
» 10—15 »	7,3	2,0
» > 15 »	8,3	2,4

Здѣсь наиболѣе грамотной группой являются безземельные, хотя % учащихся, надо замѣтить, у нихъ меньше, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ. Въ четырехъ же группахъ крестьянскихъ дворовъ, обладающихъ землей, грамотность возростаетъ совершенно правильно вмѣстѣ съ увеличеніемъ количества земли, приходящагося на дворъ. Кромѣ того по двумъ уѣздамъ (елецкому и трубчевскому) мы можемъ сопоставить степень грамотности населенія съ надѣленностью лошадьми и рабочими руками. Сопоставленіе это еще разъ даетъ намъ возможность убѣдиться въ положительномъ вліяніи зажиточности крестьянскаго населенія на его грамотность.

	% грам. и уч.		% грам. и уч.
Безлошадные	6,6	Безъ работника	5,1
Имѣющ. 1. лош.	6,1	Съ 1 работник.	5,6
» 2—3 »	6,7	» 2 »	6,7
» > 3 »	7,6	» 3 и бол. раб.	8,4

Много общаго съ Орловскою г. имѣетъ Воронежская. Подсчетъ данныхъ по девяти уѣздамъ показалъ, что наиболѣе грамотной группой являются безземельные, затѣмъ % грамотныхъ понижается и достигаетъ своего минимума въ средней группѣ (5—15 д.) далѣе начинаетъ повышаться. Колебанія % грамотныхъ и учащихся ж. п. не подчиняются этому правилу: всего выше этотъ % у безземельныхъ, значительно менѣе у имѣющихъ до 5 дес. и еще менѣе и совершенно одинаковъ у всѣхъ остальныхъ.

	% грам. и учащ. м. п.	ж. п.
Безземельные	20,6	7,9
Имѣющ. до 5 дес.	15,1	1,1
» 5—15 »	13,5	0,7
» 15—25 »	14,4	0,7
» > 25 »	16,0	0,7

Сопоставленіе грамотности населенія съ другими (кромѣ количества земли) признаками его хозяйственнаго благосостоянія указываютъ, повидимому, на совершенно правильное положительное вліяніе послѣдняго.

	% гр. и уч.		% гр. и уч.
Безлошади.	4,8	Съ наним-ся въ батраки	6,6
Съ 1 лош.	4,2	Безъ наним-ся въ батр. и безъ нанятыхъ батрак.	7,5
» 2—3 »	4,4		
» 4 и бол. лош.	7,1	Съ нанятыми батраками	11,7

То относительно широкое распространеніе грамотности, которое мы наблюдали среди беземельнаго населенія Орловской, Воронежской и Самарской губерній, настолько интересное явленіе, что заслуживало бы, конечно, болѣе подробнаго изслѣдованія. Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ достаточнымъ для такого изслѣдованія матеріаломъ и вынуждены ограничиться тѣми немногочисленными указаніями, какія могли извлечь изъ данныхъ воронежской и орловской статистики.

По тремъ уѣздамъ Орловской губ. (болховск., елецкому и трубчевск.) беземельные оказались подраздѣленными на слѣдующія 4 группы: 1) бывшихъ дворовыхъ, 2) николаевскихъ солдатъ и кантонистовъ, 3) лишившихся надѣльной земли и 4) разныхъ. Слѣдующая таблица показываетъ намъ грамотность каждой изъ этихъ подгруппъ въ отдѣльности.

	% грам.
Бывшіе дворовые	10,1
Разные	9,7
Лишивш. над. земли	8,2
Ник. солд. и кантон.	7,0

Изъ нея мы видимъ, что повышеніе грамотности среди беземельныхъ надо отнести на долю главнымъ образомъ бывшихъ дворовыхъ и разныхъ беземельныхъ; наиболѣе малограмотны николаевскіе солдаты и кантонисты, и немного выше ихъ стоятъ въ этомъ отношеніи «лишившіеся надѣльной земли». Въ послѣднюю группу вошли хозяева, продавшіе надѣльную землю, отошедшіе безъ земли при семейномъ раздѣлѣ, не получившіе земли при новѣйшихъ передѣлахъ на наличныя души, отказавшіеся отъ земли въ пользу обществъ, чернички, живущія отдѣльныя хозяйствами, и проч. Такимъ образомъ обезземеливаніе земледѣльческаго населенія, повидимому, не оказываетъ замѣтнаго вліянія на повышеніе % грамотныхъ. Во всякомъ случаѣ не недавно обезземелившіяся хозяйства являются обладателями того высокаго % грамотныхъ, который мы наблюдали въ группѣ беземельныхъ, а тѣ хозяйства, которыя никогда надѣльной землей не обладали, т. е. съ самаго начала были поставлены въ совершенно иныя условія и имѣли достаточно времени, чтобы къ

нимъ приспособиться. Кромѣ того, мы не должны забывать, что присутстіе черничекъ въ группѣ «лишившихся надѣльной земли» значительно повышаетъ ея грамотность, а безъ этого она была бы еще ниже. Такъ въ елецкомъ уѣздѣ % грамотныхъ и учащихся въ группѣ «лишившихся над. земли» = 12,5, а если выключить изъ нея черничекъ, то онъ понизится до 9,1%.

Болѣе обстоятельныя сопоставленія возможны для 8 уѣздовъ Воронежской губ. Такъ, если мы разобьемъ всѣ безземельныя хозяйства на 3 группы: на хозяйства съ нанятыми батраками, на хозяйства безъ нанятыхъ батраковъ и безъ нанимающихся въ батраки, и на хозяйства съ нанимающимися въ батраки, то грамотность каждой изъ группъ выразится слѣдующими цифрами:

	% грам. и учащ. м. п.	ж. п.
Хозяйства съ нанят. батрак.	37,8	10,7
Хоз-ва безъ батр. и безъ наним-ся	22,7	7,4
» съ наним-ся въ батраки	1,5	0,7

Оказывается, что и въ средѣ безземельныхъ грамотность развита лишь въ семействахъ экономически настолько сильныхъ, что они или сами могутъ нанимать батраковъ, или, по крайней мѣрѣ, не вынуждены прибѣгать къ батрацкому промыслу. Эти хозяйства по своей зажиточности могутъ, конечно, и не уступать хозяйствамъ даже хорошо обезпеченнымъ землей. Грамотность-же той части безземельныхъ хозяйствъ, которыя занимаются батрацкимъ промысломъ и представляютъ изъ себя настоящій сельскій пролетаріатъ, стоитъ такъ низко, какъ ни въ одной изъ другихъ группъ крестьянскаго населенія Воронежской губ.

Резюмируя все вышесказанное, мы должны придти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Въ большинствѣ разсмотрѣнныхъ нами мѣстностей крестьянская грамотность совершенно правильно возрастала параллельно увеличенію зажиточности. Только въ колебаніяхъ % грамотныхъ и учащихся женскаго п. въ большинствѣ случаевъ не наблюдалось никакой правильности.

2) Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (Тамбовск., Саратовск.) замѣчалось болѣе широкое распространеніе грамотности среди безземельныхъ, чѣмъ среди сосѣднихъ малоземельныхъ группъ, а въ нѣкоторыхъ (Воронежск., Орловск. и отчасти Самарской) безземельные по грамотности стояли выше всѣхъ остальныхъ.

3) Изслѣдованіе этого явленія показало, что высокій % грамотныхъ среди безземельныхъ обусловливается существованіемъ такихъ дворовъ, которые, не получая надѣла, не утратили своей хозяйственной самостоятельности, приспособились къ особеннымъ условіямъ своего существованія и по зажиточности едва-ли уступаютъ хозяйствамъ, получающимъ надѣльную землю.

4) Такимъ образомъ, несомнѣнно одно, что распространеніе грамотности среди земледѣльческаго населенія стоитъ въ самой тѣсной связи со степенью его зажиточности. Чѣмъ зажиточнѣе крестьянское населеніе, чѣмъ устойчивѣе его хозяйство, тѣмъ легче распространяется въ его средѣ грамотность.

Противники этого взгляда любятъ ссылаться на то обстоятельство, что наряду съ прогрессивнымъ обѣдненіемъ крестьянскаго населенія во времени замѣчается однако въ его средѣ увеличеніе % грамотныхъ. Еслибы существовала вышеуказанная зависимость между количествомъ грамотныхъ и зажиточностью крестьянства, утверждаютъ они, то невозможенъ былъ бы и ростъ грамотности съ теченіемъ времени. Но они забываютъ о томъ, что крестьянская грамотность зависитъ не отъ одной зажиточности, она складывается подъ вліяніемъ многихъ самыхъ разнообразныхъ факторовъ. Извѣстно, какое вліяніе оказываетъ на грамотность крестьянскаго населенія близость школы *). Ея присутствіе въ селеніи значительно поднимаетъ % грамотныхъ. Вполнѣ понятно поэтому, что дѣятельность нашихъ земствъ, направленная къ улучшенію и увеличенію школьной сѣти, къ улучшенію дѣла начальнаго народнаго образованія вообще, является однимъ изъ вліятельнѣйшихъ факторовъ въ дѣлѣ распространенія грамотности среди сельскаго населенія и обезпечиваетъ ея ростъ съ теченіемъ времени.

Ѳ. Анисимовъ.

Новыя книги.

А. Купринъ. Миніатюры. (Очерки и разсказы). Кіевъ. 1897.

Въ одной изъ „миніатюръ“ г. Куприна, озаглавленной „Странный случай“, изображенъ молодой писатель Соймановъ. Весь разсказъ состоитъ изъ разговора этого самаго Сойманова съ нѣкоей Ниной Аркадьевной, да эпилога въ нѣсколько строкъ, сообщающаго о смерти Сойманова. Нина Аркадьевна называетъ своего собесѣдника „талантливымъ молодымъ писателемъ“ и „маленькимъ Мопассаномъ“. Почему, собственно, онъ Мопассанъ, хотя бы и маленькій,—неизвѣстно. Можетъ быть потому, что пишетъ „новеллы“, то есть маленькіе разсказы, на которые былъ такой мастеръ Мопассанъ настоящій, большой; а можетъ быть потому, что у него въ самомъ ха-

*) Н. Бычковъ. «Грамотность сельск. населен.» «Юрид. Вѣстн.» 90 г. іюль—августъ.

рактерѣ и содержанiи творчества есть нѣчто общее съ несчастнымъ французскимъ писателемъ. Въ первомъ случаѣ Соймановъ есть одинъ изъ многихъ нашихъ маленькихъ Мопассановъ: за послѣднiе годы то и дѣло выходятъ сборники маленькихъ очерковъ и разсказовъ, къ числу которыхъ принадлежатъ и „Миніатюры" г. Куприна. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что Соймановъ есть маленькій Мопассанъ въ другомъ, болѣе значительномъ и серьезномъ смыслѣ.

Всѣ эти сборники маленькихъ очерковъ и разсказовъ представляютъ собою, конечно, вполнѣ законный родъ литературы. Люди, сѣтующiе на оскуденiе современной беллетристики, къ сожалѣнiю, во многомъ слишкомъ правы. Но они не правы, когда скорбятъ о вытѣсненiи романа въ столькихъ то частяхъ разными „миніатюрами". Маленькая рыбка лучше большого таракана, и вопросъ не въ размѣрѣ беллетристическаго произведенія. Тургеневскія „Записки охотника" тоже вѣдь „миніатюры", какъ и севастопольскiе разсказы Толстого, и очерки Гл. Успенскаго, и „Дѣтскія тѣни" г. Мамина. Такія коллекцiи миніатюръ способны, не хуже романа въ десяти частяхъ съ завязкою и развязкою, вмѣстить значительное содержанiе и отразить въ себѣ значительное теченiе жизни. Но для этого, кромѣ, разумѣется, таланта, нужно, чтобы это были не собранія моментальныхъ фотографій съ житейскихъ явленій, случайно подвернувшихся автору, и чтобы на нихъ лежала объединяющая печать авторской личности, авторскаго *я* съ его складомъ ума, темпераментомъ, требованiями отъ жизни. Только такимъ путемъ безчисленное множество проходящихъ передъ нами житейскихъ явленiй упорядочивается, кристаллизуется въ типическiе образы и картины. Романъ представляетъ для этого большія внѣшнія удобства, но писатель съ ярко выраженною индивидуальностью съумѣетъ и въ рядѣ на первый взглядъ отрывочныхъ картинокъ отразить цѣлую полосу жизни. Таковъ именно и былъ Мопассанъ, маленькiе разсказы котораго ярче рисуютъ современную французскую жизнь, чѣмъ его же большiе романы. Не таково большинство нашихъ „маленькихъ Мопассановъ", хотя между нами есть люди талантливые. Имъ недостаетъ кристаллизующей силы, ихъ сборники представляютъ собою рядъ случайныхъ фотографій или анекдотовъ, иногда занимательныхъ, иногда лишенныхъ и внѣшней занимательности, но не скованныхъ авторскою личностью въ нѣчто типическое. Какою то распущенностью вѣетъ отъ ихъ творчества.

Г. Купринъ, имя котораго нѣсколько извѣстно читателямъ „Русскаго Богатства", человѣкъ несомнѣнно очень талантливый, но, выступая въ сборникѣ „Миніатюры" въ качествѣ

тоже своего рода маленькаго Мопассана, онъ наводитъ читателя на невеселыя мысли объ употребленіи, которое онъ дѣлаетъ изъ своего таланта. Его, пожалуй, можно сравнить съ Мопассаномъ еще и по тому пессимистическому тону, которымъ проникнуты его разсказы. Онъ особенно охотно изображаетъ мрачныя стороны жизни, животныя страсти, измѣну, коварство, липемѣріе. Вотъ, напримѣръ, разсказъ „Наталья Давыдовна". Героиня, Наталья Давыдовна, будучи шестнадцать лѣтъ классной дамой въ N—скомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, служила образцомъ строгости нравовъ и преданности своему дѣлу. И вдругъ оказалось, что она впродолженіи этихъ шестнадцати лѣтъ предавалась самому грязному разврату. Время отъ времени, разъ въ два-три мѣсяца, она отпрашивалась у начальницы института навѣстить свою будто бы больную тетку и переночевать у нея; на самомъ же дѣлѣ она бродила по улицамъ, ища подходящаго „самца", уводила его въ какую нибудь грязную гостиницу на краю города и тамъ предавалась необузданному разврату, а на утро тайкомъ уходила отъ своего случайнаго любовника, заплативъ всѣ ночные расходы. Однажды не молодой и очень толстый солдатъ, съ которымъ она проводила ночь, внезапно умеръ у нея на груди, и она, оправившись отъ перваго испуга, самымъ циничнымъ образомъ разсказала судебному слѣдователю о своихъ похожденіяхъ. Она объяснила ему, что именно противорѣчіе между ея поведеніемъ и безупречною репутаціею и доставляло ей „страшное удовольствіе".—Благородныя черты рѣдко мелькаютъ въ разсказахъ г. Куприна, да и то, напримѣръ, въ разсказѣ „Лолли" ихъ обнаруживаетъ слонъ, а въ разсказѣ „Теки"—идіотъ. Вообще изнанка жизни и человѣческой души почти исключительно занимаетъ г. Куприна въ „Миніатюрахъ". Этимъ онъ, пожалуй, напоминаетъ большого Мопассана, но разница въ томъ, что изъ мелкихъ разсказовъ Мопассана слагается цѣльная картина французскаго общества въ извѣстномъ, хотя и одностороннемъ освѣщеніи, тогда какъ изъ миніатюръ г. Куприна ничего цѣльнаго сложить нельзя: слишкомъ уже исключительны и положенія большинства его дѣйствующихъ лицъ, и ихъ психологія. Въ разсказѣ „Ясь" есть такая фраза: „жестокій опытъ учитъ меня заглядывать во всемъ и на изнанку". Это не бѣда, конечно, въ особенности если имѣть въ виду союзъ *и*: и на изнанку,—значитъ и на лицо. Но г. Купринъ не оправдываетъ этого мрачнаго взгляда своими миніатюрами. Наталья Давыдовна возможна, но это исключеніе, субъектъ психіатрическій. Г. Купринъ любитъ говорить о „томъ странномъ очарованіи, которое овладѣваетъ человѣкомъ, засмотрѣвшимся на блестящій предметъ" (143); о „странномъ, непріятномъ и сложномъ чувствѣ, которое всег-

да охватываетъ меня, когда я перехожу большія незакрытыя пространства: поля, городскія площади и даже длинныя залы" (185); о чувствахъ укротителя звѣрей во время tête-à-tête со львомъ въ клѣткѣ (237) и т. п. Думается, что г. Купринъ и слишкомъ здоровъ, и недостаточно силенъ, чтобы поднять эти исключительныя, болѣзненныя чувства до той высоты общаго интереса, до котораго могъ ихъ поднимать Достоевскій. Къ этому надо еще прибавить очень рискованную детальность описаній наружности дѣйствующихъ лицъ. Напримѣръ: „Лицо у нея было такое бѣлое—именно не блѣдное и не матовое, а бѣлое—и все какъ будто бы въ рамкѣ пышныхъ волосъ—ну, какъ бы вамъ сказать—цвѣта рыжеватаго соболя. Кожа надъ ея тонкими, но пушистыми бровями слегка розовѣла, точно также какъ и края ладони,—признакъ, говорятъ, нервной натуры. Глаза темно-каріе, того оттѣнка, который нѣкоторые зовутъ рыжимъ, а другіе золотымъ, ласковые и дерзкіе. А губы! именно въ губахъ и заключалось все очарованіе ея лица. Я никогда потомъ въ жизни не видалъ такихъ губъ: карминныхъ, прекрасно изогнутыхъ, слегка припухшихъ, точно отъ долгихъ поцѣлуевъ" (251). Или вотъ описаніе того „самца", котораго Наталья Давыдовна искала на улицахъ: „Давній опытъ и безошибочный инстинктъ тайной развратницы указывали ей среди сотенъ обращенныхъ на нее съ вожделѣніемъ лицъ то, которое ей было нужно. Во взглядѣ, въ хищномъ профилѣ нижней челюсти, въ плотоядной улыбкѣ мелкихъ и бѣлыхъ зубовъ, въ походкѣ эта Мессалина узнавала черты страстнаго, ненасытнаго и неутомимаго самца, и выбирала его" (139).

Признаемся, мы никогда не слыхали о глазахъ „рыжаго оттѣнка" и рѣшительно не понимаемъ связи между „мелкими и бѣлыми зубами" и чертами страстнаго самца. Все это кажется намъ произвольнымъ, изысканнымъ, и намъ жаль г. Куприна, ж ль его таланта.

М. Л. Златковскій. Джонъ Буль конца вѣка. Политическая трагикомедія въ пяти картинахъ. Спб. 1898.

Г. Златковскій называетъ своихъ читателей „уважаемыми читателями", но держится не особенно высокаго мнѣнія объ ихъ догадливости и потому считаетъ нужнымъ предупредить, что онъ писалъ свою „политическую трагикомедію" не для сцены. Онъ „избралъ драматическую форму единственно для того, чтобы, устами самихъ англичанъ, высказать ихъ политическое profession de foi". Почему это особенно удобно сдѣлать именно въ драматической формѣ,—не совсѣмъ ясно. Но за то вполнѣ ясны намѣренія автора. Онъ говоритъ: „Отдавая пол-

ную дань англійской культурѣ, энергіи, патріотизму и семейнымъ добродѣтелямъ англичанъ, я въ тоже время никакъ не могу примириться съ ихъ международною политикою, основанною на эгоизмѣ, макіавелизмѣ и безчеловѣчности ко всѣмъ прочимъ народамъ земного шара".

Лордъ Джонъ Буль—горячій патріотъ, выше всѣхъ своихъ личныхъ цѣлей ставящій благоденствіе родины. Но его родина есть „Коварный Альбіонъ", а потому ея благоденствіе не можетъ быть устроено иначе, какъ путемъ интригъ, подкуповъ, посѣва смутъ въ близкихъ и дальнихъ странахъ. Лордъ Джонъ Буль предпринимаетъ путешествіе на дальній Востокъ именно съ тою цѣлью, чтобы всѣми этими средствами устроить благоденствіе Англіи. Онъ блестяще исполняетъ свою миссію въ Китаѣ, менѣе удачно въ Японіи и совсѣмъ неудачно въ Турціи. Здѣсь коса лорда Джона Буля натыкается на камень Абдулъ-паши, и лордъ позорно бѣжитъ въ Англію, разражаясь проклятіями: „Абдулъ-паша, ты меня еще припомнишь!. Припомнишь и ты, неблагодарная страна!.. Потоки крови прольются на Босфоръ и царству османлисовъ пророчу я конецъ!"

Такимъ образомъ авторъ „отдаетъ полную дань англійской культурѣ, энергіи, патріотизму англичанъ", но въ то же время караетъ ихъ международную политику.

Остаются еще „семейныя добродѣтели" англичанъ. Лордъ Джонъ Буль не одинъ путешествуетъ по Востоку. Его сопровождаетъ миссъ Кисмиквикъ. Это актриса, безумно влюбленная въ лорда, который въ свою очередь пламенно любитъ ее. Въ первой картинѣ „политической трагикомедіи" лордъ Джонъ Буль ждетъ ночью миссъ Кисмиквикъ: она должна, послѣ маскарада, „незамѣтно отъ своихъ поклонниковъ" уѣхать изъ театра и осчастливить лорда. Но лордъ, хотя и пламенно влюбленный, думаетъ въ это время о томъ, какъ бы приспособить прекрасную миссъ Кисмиквикъ къ своей миссіи на Востокѣ. Денегъ у него много, „ну, а гдѣ золото не сдѣлаетъ дѣла, тамъ... тамъ сдѣлаютъ дѣло глазки нашей красавицы и неподражаемый талантъ великой артистки". Миссъ Кисмиквикъ, послѣ нѣкотораго колебанія, соглашается прельщать собою китайцевъ, японцевъ, турокъ, что и исполняетъ съ успѣхомъ. Вотъ, напримѣръ, какъ бесѣдуетъ она съ мандариномъ Чичун-ча: "Вы хотя и ученый мандаринъ, но и опасный ферлакуръ... О, какой же вы любезникъ! Я воображала, что ученый мандаринъ не способенъ быть дамскимъ кавалеромъ". Временами миссъ Кисмиквикъ надоѣдаетъ „эта игра съ чувственностью мужчинъ ради какого то эфемернаго блага нашей Британіи. Право — говоритъ она—это оскорбляетъ чувство человѣческаго достоинства, достоинства порядочной женщины".

Но лордъ Джонъ Буль умѣетъ улещать свою возлюбленную миссъ, пока наконецъ политическіе путешественники не наталкиваются на энергію и хитрость Абдулъ-паши. Увлеченный чарами миссъ Кисмиквикъ, паша устраиваетъ дѣла такъ, что лордъ Джонъ Буль предательски уступаетъ ему прекрасную миссъ и самъ бѣжитъ, а прекрасная миссъ бросается въ воду и тонетъ...

Такимъ образомъ г. Златковскій „отдаетъ полную дань" и „семейнымъ добродѣтелямъ" англичанъ.

Г. Э. Лессингъ. Натанъ Мудрый. Переводъ Петра Вейнберга. Изданіе «Посредника» для интеллигентныхъ читателей. Москва. 1897.

Обращаемъ вниманіе читателей на это изданіе „Посредника": переводъ „Натана", напечатанный здѣсь, не уступаетъ работамъ гг. Крылова и Лихачева, а цѣна его (70 к.) гораздо ниже цѣны изданій г. Маркса (6 р.) и г. Гоппе, (2 р.), изъ которыхъ послѣднее не можетъ даже сослаться на какія нибудь особенныя внѣшнія достоинства.

Переводы г. Вейнберга извѣстны своей точностью, близостью къ духу подлинника и часто—художественностью. Число его переводовъ очень велико и потому не мудрено, что среди нихъ попадаются подчасъ и менѣе удачные, но крупныя художественныя произведенія въ его передачѣ теряютъ немного. Переводъ „Натана Мудраго" можно смѣло отнести къ числу его лучшихъ работъ. Можно иногда не согласиться съ его пониманіемъ того или иного мѣста, можно отмѣтить въ его переводѣ кой какія вольности, явно отступающія отъ смысла подлинника. Напр. „безъ головы повинной"—„ohne Busse"; „монетный *слитокъ*" — тамъ, гдѣ Натанъ говоритъ „Münze", прямо противологая чеканенную монету опредѣленной цѣнности старой безформенной монетѣ, которую принимаютъ не по счету, а по вѣсу; „какой религіей, какимъ закономъ разумъ твой просвѣтленъ наисильнѣй"— слишкомъ дословно и потому невѣрно. Саладинъ просто спрашиваетъ: „какая религія кажется тебѣ лучшей"; такъ понимали это мѣсто другіе переводчики. Но общее впечатлѣніе, оставляемое работой г. Вейнберга, самое благопріятное.

Переводы тоже „имѣютъ свои судьбы". Перечитывая переводъ г. Вейнберга, мы вспомнили, что впервые онъ былъ напечатанъ—лѣтъ пятнадцать назадъ—въ „Наблюдателѣ", который теперь изъ всего „Натана" помнитъ и твердитъ одну только фразу: „Thut nichts! Der Jude wird verbrannt!"

Ларра. Общественные очерки Испаніи. 1832—1837. Переводъ съ испанскаго М. В. Ватсонъ. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1897.

Имя Ларры не новость для русской читающей публики; но, по волѣ судебъ, ей пришлось прежде всего познакомиться съ тѣми его произведеніями, въ которыхъ онъ совершенно не повиненъ: съ его стихотвореніями въ переводѣ Некрасова, — хотя испанскій сатирикъ стиховъ никогда не писалъ. Когда Некрасова спрашивали, что значитъ на нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ, носящихъ явный отпечатокъ русской жизни, надпись „изъ Ларры", поэтъ съ усмѣшкой отвѣчалъ, что это съ его стороны одна стратагема и ничего больше: „въ прежнее время, говорилъ онъ, иныя мои стихотворенія не прошлибы, еслибъ я не выдалъ ихъ за переводъ съ какого-нибудь малоизвѣстнаго языка; а имя Ларры такое звучное и поэтическое: легко повѣрятъ, что онъ писалъ стихи" (Стихотворенія, т. IV, стр. XVI). Были и другіе мотивы — гораздо болѣе глубокіе и интересные: эта надпись „Изъ Ларры" имѣется также на такомъ чуждомъ всякаго политическаго характера и въ высшей степени личномъ стихотвореніи, какъ „Я за то глубоко презираю себя". На экземплярѣ поэта къ этому заголовку сдѣлано имъ примѣчаніе: „Неправда. Приписано Ларрѣ по странности содержанія. Искреннее..." Въ этомъ незначительномъ эпизодѣ—бездна характернаго для этого противорѣчиваго, загадочнаго и стыдливаго характера. Но дѣло не въ Некрасовѣ, а въ Ларрѣ.

Итакъ, мы имѣемъ теперь настоящаго, неподдѣльнаго Ларру и должны признать вполнѣ удачной мысль перевести на русскій языкъ произведенія перваго испанскаго публициста этого вѣка. Давно уже, болѣе двадцати лѣтъ назадъ, переводчица пыталась въ небольшой статьѣ познакомить насъ съ жизнью и литературнымъ обликомъ Ларры*); теперь она даетъ читателямъ возможность судить о немъ болѣе самостоятельно.

Ларру называли памфлетистомъ, но это не вполнѣ вѣрно— онъ былъ скорѣе сатирикомъ; опредѣленные факты и отдѣльныя личности не были предметомъ его нападеній. „Цѣль нашего изданія, — говорилъ онъ въ одномъ изъ „Писемъ бѣднаго говоруна",—указывать на пороки и вредныя стремленія общества; мы имѣемъ въ виду не личныя нападки, а общественную сатиру". Въ этихъ письмахъ онъ даже былъ по преимуществу моралистомъ; онъ нападалъ на безвкусіе и безтактность испанцевъ наравнѣ съ системой протекцій, съ неправосудіемъ алькальда; еще не умѣя обобщить разрозненныя

---

*) Еще раньше, въ «Современникѣ» за 1848 г., т. VIII, была помѣщена переводная статья о Ларрѣ; быть можетъ, это и натолкнуло Некрасова на мысль прикрыться именемъ Ларры.

проявленія строя, онъ чуть не добродушно трунилъ надъ исконными недостатками испанскаго общества — его малой культурностью, суетностью, ханжествомъ. Но онъ скоро возвысился надъ этими легкими уколами, которые, однако, несмотря на сдержанность, наталкивались на сильное противодѣйствіе. „Говорунъ" былъ вынужденъ остановиться на четырнадцатомъ выпускѣ, и издатель его, перейдя въ ежедневную газету, выступилъ на арену политической литературы. Глубокая честность, прямой взглядъ на вещи, блестящій юморъ, хорошая школа — все соединялось въ молодомъ писателѣ: Ларрѣ не было еще двадцати пяти лѣтъ—чтобы сдѣлать его самымъ популярнымъ публицистомъ своего времени. Это время производило на него удручающее впечатлѣніе; онъ называлъ его „временемъ словъ"; одно слово казалось ему властвующимъ надъ міромъ—слово quasi; и въ его родной странѣ все не настоящее, все поддѣльное, все quasi: „учрежденія quasi—національны, деспоты quasi—популярны, всюду и вездѣ золотая середина, т. е. не что иное, какъ лишь одно великое и плохо замаскированное „Quasi" (стр. 336). И удары его естественнымъ образомъ направились въ центръ этихъ quasi — учрежденій — въ лицемѣрные „Статуты" 1834 г. Испаніи не везло въ началѣ этого вѣка: то на неразвившійся народъ наваливали строй, до котораго онъ не доросъ, то у людей, уже воспитанныхъ въ гарантіяхъ права и свободы отнимали всякое подобіе законности. По остроумному сравненію Ларры, испанцевъ рядили въ мундиръ, когда они были дѣтьми, и кутаютъ въ пеленки, когда они выросли (стр. 364). А онъ былъ противникомъ всякихъ „пеленокъ", всякаго гнета, отъ кого-бы онъ ни исходилъ: „отказываясь участвовать въ органѣ, сочувствующемъ министерству quand-même, я точно также отказался бы и отъ участія въ органѣ слѣпой оппозиціи quand-même", пишетъ онъ редактору „Эспаньоля" (стр. 379).

Сатирическіе пріемы Ларры—обычный методъ новой сатиры: reductio ad absurdum. Трудно представить себѣ что либо болѣе ядовитое и въ тоже время болѣе забавное, чѣмъ его разсужденія, когда онъ становится на точку зрѣнія противниковъ или старается найти положительныя стороны въ фактахъ и мѣропріятіяхъ, въ которыхъ, съ его точки зрѣнія, едва-ли найдется что либо утѣшительное; можно не соглашаться съ этой точкой зрѣнія, но, конечно, невозможно не увлечься этимъ взрывомъ язвительныхъ соображеній, намековъ, уколовъ. Мать карлиста Кабреры попала въ руки противной стороны; ее разстрѣляли. Ларра вполнѣ понимаетъ, что такъ и слѣдовало: „Скажу тебѣ одно: всегда слѣдуетъ доискиваться первичной причины вещей, докопаться до корня, а не останавливаться на однихъ вѣткахъ. А такъ-какъ, напримѣръ,

первою причиною того, что существуютъ мятежники, являются матери, родившія ихъ, то, истребляя матерей, мы уничтожимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первичную причину революцій. Вѣдь и богословы объяснили намъ: „sublata causa, tollitur effectus" (съ уничтоженіемъ причины устраняется и слѣдствіе). Одно досадно, что бабушки уже умерли, а то было-бы еще лучше; чѣмъ ближе подымаешься къ самому источнику, тѣмъ ударъ попадаетъ вѣрнѣе. Однако, будемъ довольствоваться матерями" (стр. 388). Усваивая себѣ полицейское міровоззрѣніе стараго режима, сатирикъ пишетъ похвальное слово паспортной системѣ. Доводы его, правда, не очень доказательны, но убѣдительно одушевленіе панегириста. „Имѣя паспортъ, вы идете съ нимъ всюду, куда пожелаете и куда васъ пускаютъ. Вы платите что съ васъ слѣдуетъ и знаете, что у васъ есть паспортъ. ...Нельзя себѣ представить, какъ возможно было-бы переѣзжать изъ одного мѣста въ другое безъ паспорта; безъ хорошихъ путей сообщенія, дорогъ, каналовъ, безъ экипажей и постоялыхъ дворовъ—это ничего, но безъ паспортовъ, невозможно! Поэтому, хотя, взявши паспортъ, вы, съ одной стороны, и расходуете два реала, но нужно имѣть въ виду и то обстоятельство, что если у васъ убудутъ эти два реала, то другой ихъ получитъ. Такимъ образомъ—для этихъ послѣднихъ, въ особенности — паспортная система очень хорошая вещь, такая же хорошая, какъ хотя бы два реала чистыми деньгами" (стр. 288). Тотъ-же маневръ утрировки чужого стиля лежитъ въ основаніи лучшаго эпизода изъ „Хунты Кастелло Бранко"—ядовитой пародіи на „правительство" претендента донъ Карлоса и его „декреты". Русскаго читателя не разъ удивитъ въ этихъ декретахъ сходство съ пріемами Щедрина. Здѣсь и требованіе подъ угрозой смертной казни „всеобщаго восторга и добровольной и искренней радости",—каковыя чувствованія „имѣютъ продолжаться безпрерывно и безостановочно три дня, начиная съ шести часовъ утра перваго до десяти часовъ вечера третьяго дня, когда разрѣшается каждому успокоиться сномъ"; и неодобреніе „излишества освѣщенія, введеннаго съ нѣкоторыхъ поръ въ Испаніи"; вслѣдствіе чего верховный совѣтъ „отмѣняетъ и считаетъ несуществовавшими всѣ иллюминаціи, уже сожженныя и имѣющія быть сожженными" и т. д. (Русск. пер. стр. 171). Хороши статья III, гдѣ хунта, „убѣдившись въ томъ, что школы являютъ собою только притоны шума и крика", постановляетъ, чтобы всѣ школы были закрыты въ теченіе трехъ дней и „чтобы всякій добрый испанецъ непремѣнно забылъ-бы то малое или многое, чему онъ успѣлъ тамъ научиться, подъ страхомъ быть вынужденнымъ къ тому же, но въ менѣе пріятной для него обстановкѣ"; статья IV объ амнистіи сто-

ронниковъ королевы регентши съ оговоркой, что хунта при этомъ сохраняетъ за собой право „наказать по своему усмотрѣнію каждаго изъ подчинившихся подданныхъ, отдѣльно или всѣхъ гуртомъ" и т. п. Не трудно, принявъ въ соображеніе французское воспитаніе Ларры, замѣтить въ тонѣ этихъ насмѣшекъ вліяніе П. Л. Курье. Были читатели, находившіе въ сатирахъ ученика даже нѣкоторый преимущества; „въ нихъ нѣтъ изысканнаго изящества памфлетовъ Курье, говоритъ Эдгаръ Кине, но Ларра за то еще живѣе, еще проще и еще народнѣе".

Въ ряду другихъ европейскихъ литературъ испанская, быть можетъ, наименѣе популярна у насъ. Одно время журналы какъ будто интересовались новой испанской литературой: ей посвященъ былъ рядъ статей — Денегри, В. В. Лесевича, потомъ покойнаго Юрьева, М. М. Ковалевскаго; въ журналахъ переводили то писателей нашего вѣка — Эспронседу, Гальдоса, Пардо Базанъ, то классиковъ—отъ драмъ Лопе де Веги до „Лазарильо" Мендозы. Переведены и два солидныхъ труда по исторіи испанской литературы—Тикнора и Гюббара. Но она все остается намъ какъ-то чуждой; мы легко находимъ въ себѣ склонность къ итальянскому „веризму", мы охотно отмѣчаемъ безстрашіе реализма у скандинавскихъ писателей и ихъ склонность къ мистицизму, какъ будто роднящую насъ съ ними. И мы еще легче забываемъ о той точкѣ соприкосновенія, которую мимоходомъ отмѣтилъ Бокль и которая должна бы заставить насъ поинтересоваться узнать, что дѣлается въ испанской литературѣ. Эта точка соприкосновенія— нѣкоторое сходство культурныхъ условій. Мы далеки отъ испанцевъ по всему: „отъ Кремля до Альгамбры" — ходячая въ Европѣ антитеза, но мы стоимъ почти рядомъ другъ съ другомъ, напримѣръ, по проценту безграмотныхъ, есть и другіе пункты сходства. И потому легко предположить, что въ произведеніяхъ испанскаго писателя, а особенно публициста, русскій читатель найдетъ подчасъ что нибудь поучительное, что нибудь такое, что покажется ему, по крайней мѣрѣ, столько-же близкимъ, сколько и мистицизмъ скандинавовъ. Прочитавъ Ларру, въ этомъ не трудно убѣдиться.

Гербертъ Спенсеръ. Происхожденіе науки. Переводъ съ англійскаго. Ц. 30 к. Спб. 1898 г. Изданіе О. Н. Поповой.

Статья Спенсера «The genesis of Science» появилась первоначально въ British Quarterly Review, за іюль 1854 года. На русскій языкъ она уже переведена въ 1866 году и издана Тибленомъ въ „Опытахъ" Спенсера. Такимъ образомъ ея содержаніе давно уже извѣстно публикѣ, интересующейся

научно-философскими вопросами. Основная мысль статьи заключается въ утвержденіи, что „наука не есть что либо отличное отъ обыденнаго знанія; она только разросшееся обыденное знаніе, расширенное при посредствѣ мышленія. Количественность составляетъ болѣе специфически характерную черту научныхъ предвидѣній. Этимъ послѣднія отличаются отъ предвидѣній некультурной мысли; однако мы видимъ, что эта характерная черта проявлялась одинаково какъ при начальныхъ, такъ и при всѣхъ послѣдующихъ шагахъ науки. Мы привели факты и положенія, отвергающія утвержденіе о томъ, что науки, какъ съ логической, такъ и съ исторической точки зрѣнія, слѣдуютъ одна за другою въ порядкѣ убывающей общности. Мы въ этомъ случаѣ подкрѣпляли наши положенія и факты подмѣченными нами примѣрами, изъ которыхъ оказалось, что болѣе общая наука бываетъ настолько же обязана своимъ развитіемъ наукѣ болѣе спеціальной, возбудившей новые вопросы, насколько и болѣе спеціальныя науки обязаны своими успѣхами рѣшеніямъ, которыя находитъ болѣе общая наука. Всѣ наши примѣры клонились къ доказательству того, что успѣхъ науки одинаково идетъ отъ частнаго къ общему, и отъ общаго къ частному“ (стр. 85).

Вторая половина приведенной выписки, какъ читатель, вѣроятно, уже замѣтилъ, направлена противъ классификаціи наукъ Огюста Конта. Именно борьба съ этою классификаціею и составляетъ главное содержаніе разсматриваемой брошюры. Спенсеръ многочисленными примѣрами доказываетъ, что науки не слѣдовали въ своемъ развитіи отъ общаго къ частному и отъ простого къ сложному. Доказать это свое положеніе ему вполнѣ удалось и, однако, классификація наукъ Огюста Конта отъ этого ни мало не пострадала. Дѣло въ томъ, что классификація наукъ не обязана считаться съ историческимъ ходомъ ихъ развитія. Контъ, конечно, ошибался, когда утверждалъ, что его классификація поддерживается и историческимъ ходомъ развитія наукъ; хотя и нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что Контъ отлично видѣлъ, какъ много исключеній приходится въ данномъ случаѣ допустить, однако, мы согласны, что онъ дѣйствительно въ этомъ отношеніи былъ не правъ, и что доводы Спенсера совершенно разрушили иллюзію параллелизма между историческимъ ходомъ развитія наукъ и классификаціей Огюста Конта. Однако, сама эта классификація, повторяемъ, осталась незыблемою. Дѣло въ томъ, что классификація наукъ Огюста Конта есть вмѣстѣ съ тѣмъ и классификація явленій; она въ общемъ соотвѣтствуетъ конечному положенію наукъ, т. е., такому ихъ положенію, когда онѣ станутъ точнымъ и вѣрнымъ изображеніемъ

дѣйствительности. Но, приближаясь къ этому своему положенію (объ окончательномъ достиженіи котораго мы въ настоящее время не смѣемъ и мечтать), науки испытываютъ вліяніе столь разнообразныхъ факторовъ, что ихъ ходъ не можетъ быть выраженъ никакою формулою. Такъ, напр., прогрессъ химіи (и нѣкоторыхъ другихъ наукъ) дозволилъ теперь употреблять такіе телескопы, при которыхъ современные астрономы могутъ рѣшать задачи, недоступныя для прежнихъ астрономовъ; слѣдовательно, исторически прогрессъ астрономіи зависитъ и отъ прогресса химія; но когда астрономъ откроетъ при помощи своего химіею усовершенствованнаго телескопа новое небесное явленіе, то ему для пониманія этого явленія нѣтъ никакой надобности знать о тѣхъ химическихъ процессахъ, при помощи которыхъ сдѣланъ его телескопъ. Всякое научное открытіе является результатомъ сложнаго процесса, въ составъ котораго входятъ самые разнообразные факторы; но одно дѣло факторы, споспѣшествующіе или задерживающіе *открытіе* извѣстнаго явленія, а другое дѣло факторы, обусловливающіе самое существованіе этого явленія. Историческій ходъ научныхъ открытій обусловливается факторами первой категоріи, а классификація наукъ должна сообразоваться *исключительно* съ факторами второй категоріи. Такъ, напр., составъ земной атмосферы, вліяя на *видимое* положеніе небесныхъ тѣлъ, игралъ роль въ историческомъ ходѣ развитія астрономіи; но такъ какъ онъ ни мало не вліяетъ на законы, управляющіе самими явленіями небесной механики, то астрономія, *какъ абстрактная наука*, и должна считаться независимою отъ физико-химическихъ свойствъ земной атмосферы.

Философія чувства и вѣры въ ея отношеніяхъ къ литературѣ и раціонализму XVIII вѣка и къ критической философіи. В. А. Кожевникова. Часть I. М. 1897 г. Ц. 2 р.

Въ исторіяхъ философіи обыкновенно очень мало отводятъ мѣста тѣмъ ученіямъ, которыя можно обозначить общимъ названіемъ философіи чувства и вѣры. Причину подобнаго отношенія, говоритъ г. Кожевниковъ, „мы видимъ въ прочно установившемся предубѣжденіи относительно неспособности этой философіи къ систематическому научному развитію“ (стр. 3). „Раздѣляя (говоритъ далѣе авторъ) *до извѣстной степени* послѣднее мнѣніе, мы не думаемъ, однако, чтобы оно давало право пренебрегать *историческимъ значеніемъ* философіи чувства, на нашъ взглядъ, значеніемъ очень важнымъ“.

Исходя изъ этого воззрѣнія, нашъ авторъ рѣшилъ пополнить существующій, по его мнѣнію, пробѣлъ изданіемъ обшир-

ной монографіи, посвященной „филисофіи чувства и вѣры“. Вышедшая въ настоящее время первая часть заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

1) „Подготовка и общее культурно-историческое значеніе философіи чувства“. Стр. 9—45; 2) „Ф. Гемстергюи—Философія чувства въ ея опытахъ соглашенія съ сенсуализмомъ и раціонализмомъ XVIII вѣка“. Стр. 46—132; 3) „I. Г. Гаманнъ.—Философія чувства и вѣры въ ея полемическихъ отношеніяхъ къ литературѣ и раціонализму XVIII вѣка“. Стр. 133—757.

Уже одинъ этотъ общій обзоръ содержанія книги дозволяетъ предугадывать, что авторъ неправильно понялъ свою задачу. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы онъ ясно сознавалъ и твердо помнилъ, что чувство можетъ только ставить вопросы, но не можетъ давать отвѣтовъ; еслибы онъ, кромѣ того, понималъ, что все, что есть жизненнаго въ „философіи чувства и вѣры“, принадлежитъ только одному чувству; еслибы, однимъ словомъ, онъ зналъ и помнилъ, что заслуга этого направленія заключается не въ ея чисто-философскомъ элементѣ (т. е. не въ познавательной ея роли), а въ элементѣ культурно-историческомъ; — тогда содержаніе его книги не заключало бы той странной диспропорціи, при которой Гаманну отводится огромная глава, а о Руссо едва говорится во введеніи. Что эта аномалія не является результатомъ какихънибудь постороннихъ соображеній (вродѣ, напр., того, что Руссо и безъ этого хорошо извѣстенъ публикѣ), а вытекаетъ изъ самаго пониманія г. Кожевниковымъ своей задачи, видно хотя-бы изъ слѣдующаго отзыва нашего автора о Руссо: „правильно будетъ назвать его не учителемъ философіи нравственнаго чувства, а ея ораторомъ, вдохновеннымъ провозвѣстникомъ того начала, которому предстояло въ скоромъ времени облечься въ непоэтическую, но болѣе доказательную форму... Но одна бездоказательность еще не исчерпываетъ несовершенства Руссо, какъ начинателя реакціи въ сторону чувства. Чтобы движеніе это принесло всѣ плоды, которые оно способно было дать свѣтской гуманистической культурѣ, необходимо было не только сообщить ему большую философскую убѣдительность, но и расширить его образовательное значеніе далеко за тѣ предѣлы, какими оно ограничилось у Руссо, т. е., надо было, не ограничивая чувства однимъ только нравственнымъ назначеніемъ, *возвести его еще и въ познавательное начало* (курсивъ нашъ) въ цѣлой области важнѣйшихъ практическихъ истинъ, безъ чего оно никогда не могло достигнуть достаточной степени самостоятельности и независимости отъ чисто-разсудочнаго начала, не только первенства надъ нимъ, какъ это однако требовалъ Руссо“ (стр. 17—18).

Эта „трудная задача“, говоритъ далѣе авторъ, была разрѣшена между прочимъ „посредствомъ возвышенія начала нравственнаго до значенія начала религіознаго, т. е. такого, которое примиряетъ въ себѣ требованія познавательной творческой стороны человѣческой натуры ея дѣятельною (практическою) стороною, — способъ, избранный, такъ называемыми „философами вѣры“, Гаманномъ и Якоби“ (стр. 18).

Такимъ образомъ, вина Руссо, по мнѣнію г. Кожевникова, заключалась въ томъ, что онъ не хотѣлъ сдѣлаться схоластикомъ чувства, каковыми были Гаманнъ и Якоби, философія которыхъ сводилась въ концѣ концовъ все къ тому-же credo ut intelligam.

Таковъ основной недостатокъ изслѣдованія г. Кожевникова. Изъ этого-же недостатка вытекаютъ и другія слабыя стороны его книги, главнымъ образомъ, неинтересность его изложенія, отсутствіе рельефности и загроможденіе мелочами. Философію вѣры нельзя излагать такъ, какъ обыкновенно излагаютъ настоящую философію, когда стараются отмѣтить каждую мысль излагаемаго философа, привести всѣ предлагаемыя имъ рѣшенія вопросовъ. Въ философіи же вѣры важны не отвѣты, а вопросы; важны не идеи философа, а его настроеніе; вслѣдствіе чего историкъ здѣсь долженъ быть прежде всего художникомъ, онъ долженъ дать общую картину, характеризующую настроеніе даннаго философа, не заботясь о томъ, каковы были его взгляды по различнымъ частнымъ вопросамъ, прежде всего уже по тому одному, что эти взгляды часто безнадежно противорѣчатъ другъ другу.

Гемстергюисъ (такая транскрипція голландскаго имени правильнѣе принятой авторомъ: Гемстергюи) былъ эстетикомъ, большимъ знатокомъ искусства и коллекціонеромъ; Гете высоко цѣнилъ его „своеобразное остроумное изящество, его неустанное стремленіе къ духовно-нравственному и къ чувственно-художественному“ (стр. 50). „Это въ полномъ смыслѣ художественная натура; „онъ настолько-же артистъ, какъ и философъ, если еще не болѣе“ (цитата изъ Грукера); онъ хорошо рисовалъ (виньетки, украшающія изданіе Мейбома, его работа), былъ большимъ знатокомъ скульптуры, которую ставилъ выше всѣхъ изобразительныхъ искусствъ и которой посвящены его первыя произведенія; у него была превосходная коллекція античныхъ рѣзныхъ камней, и въ этой области искусства авторитетъ его, какъ знатока и цѣнителя, стоялъ очень высоко не только въ Голландіи, но и въ Италіи“ (стр. 50—1).

Но „философія“ его отличалась такими качествами, что по признанію самого г. Кожевникова, „невозможно отрицать того, что... отчужденіе отъ Гемстергюи было вызвано не

однимъ нерасположеніемъ общественной мысли къ извѣстнаго рода убѣжденіямъ, но и въ значительной степени неисправимою неопредѣленностью самого ученія. Она до того велика, что изучавшіе Гемстергюи рѣзко расходятся во мнѣніяхъ, къ какой философской школѣ его причислить" (стр. 55). Самъ Гемстергюисъ говоритъ: „моя философія—философія дѣтей" (стр. 56), и справедливость этихъ словъ мы не станемъ оспаривать...

Что касается Гаманна, этого „сѣвернаго мага", „чудака", какъ его называли современники, то характернѣйшею его чертою была неспособность къ систематическому мышленію, что сознавалъ и онъ самъ, считая это, впрочемъ, чуть не за достоинство, ибо въ философіи онъ особенно ненавидѣлъ „систему". Гаманнъ былъ лично въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Кантомъ, но всѣмъ извѣстно, что Кантъ, такъ высоко цѣнившій Руссо, ничѣмъ не обязанъ лично-знакомому Гаманну. Самъ г. Кожевниковъ характеризуетъ его слѣдующимъ образомъ: „Хорошо сознавая недостатки системъ, Гаманъ, очевидно, не понималъ ихъ необходимости и пользы. Въ нѣкоторыхъ происходившихъ отсюда недостаткахъ онъ, впрочемъ, сознавался, напримѣръ, *въ томъ, что у него самого нѣтъ метода* (нашъ курсивъ) и школьной выправки, которая, однако, въ высшей степени нужна. Но это его едва ли серьезно огорчало. Точность и послѣдовательность въ томъ смыслѣ, какъ ихъ цѣнила школа, съ его точки зрѣнія, не дорого стоитъ. Это видно изъ его отношенія къ математическому способу доказательства. „Въ душѣ онъ не довѣряетъ старому предразсудку къ математикѣ", полагая, что „съ числами, какъ и со словами, можно дѣлать все, что угодно" (стр. 179—80).

Если Гаманнъ считалъ, что съ числами можно дѣлалъ все, что угодно, то можно представить себѣ, что онъ дѣлалъ со словами...

Еслибы г. Кожевниковъ вмѣсто огромнаго тома, излагающаго „идеи" людей, неумѣющихъ систематически мыслить, далъ сжатое и художественное изображеніе *настроенія* этихъ людей, то мы имѣли бы интересную книгу по исторіи культуры, но для этого авторъ долженъ былъ-бы самъ быть крупнымъ художникомъ...

Гигіена труда, умственный трудъ, переутомленіе. Три очерка д-ра **Эмиля Крепелина**, профессора психіатріи въ гейдельбергскомъ университетѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. Цѣна 30 к. Спб. 1898.

Переутомленіе учащихся дѣтей. (Его сущность, причины и мѣры борьбы съ нимъ) Д-ра **Н. Закъ.** М. 1897.

„Трудъ есть законъ природы..." такую или подобную

фразу можно очень часто встрѣтить у современныхъ моралистовъ. И дѣйствительно, если мы, даже оставивши безъ вниманія этическую точку зрѣнія, взглянемъ на трудъ съ чисто біологической стороны, то и тогда легко замѣтить, что жизнь и дѣятельность являются двумя почти эквивалентными понятіями. Но если бездѣятельность какого либо органа является условіемъ его атрофіи, то, съ другой стороны, не только чрезмѣрная дѣятельность ведетъ къ роковому исходу, но даже и всякая умѣренная дѣятельность заканчивается утомленіемъ, указывающимъ на то, что рабочая способность даннаго органа начинаетъ исчерпываться. Между тѣмъ, не смотря на основную роль труда въ жизни человѣчества, гигіена труда разработана весьма слабо. „Гигіена (справедливо замѣчаетъ Крепелинъ на стр. 3) предписываетъ намъ до мельчайшихъ подробностей, какъ намъ одѣваться и питаться, какъ устраивать дома и города, предупреждать заразныя болѣзни; но она ничего не говоритъ о томъ, какую мѣру умственной и физической работы мы въ состояніи выносить, гдѣ начинаются опасности переутомленія и чѣмъ мы можемъ предупредить ихъ".

Даже основной вопросъ гигіены труда: вопросъ о причинѣ утомленія еще не вполнѣ выясненъ. „Что такое утомленіе, говоритъ Крепелинъ на стр. 4, еще не вполнѣ выяснено, однако мы имѣемъ основаніе принять, что при немъ совершаются два параллельныхъ процесса. Всякая работа въ нашемъ тѣлѣ состоитъ въ разложеніи сложныхъ веществъ на ихъ составныя части; поэтому всякій результатъ работы головного мозга или мускуловъ соотвѣтствуетъ потребленію запасовъ силы, которые можно сравнить съ горючими матеріалами, сожигаемыми во время работы паровыми машинами. Чтобы работа могла совершаться въ теченіе продолжительнаго времени, для этого необходимо возмѣщеніе потребленнаго вещества, иначе подвергается опасности сама работающая ткань, или, по меньшей мѣрѣ, успѣшность ея работы надолго значительно понизится. Затѣмъ, нѣкоторые изъ продуктовъ разложенія веществъ, вызываемаго работой, дѣйствуютъ на ткани нашего тѣла, какъ яды, измѣняютъ ихъ и этимъ уменьшаютъ ихъ рабочую силу. Эти продукты разложенія отчасти разрушаются въ самой работающей ткани, отчасти-же уносятся токомъ крови въ особыя мѣста въ нашемъ тѣлѣ, гдѣ они обезвреживаются. При извѣстныхъ обстоятельствахъ для устраненія этого отравленія достаточно дать мускулу короткій отдыхъ или пропустить черезъ него растворъ поваренной соли. Болѣе значительной степени оно достигаетъ лишь тогда, когда напряженная дѣятельность производитъ столь большое количество продуктовъ разложенія, что они не могутъ быть уничтожены или удалены съ достаточной быстротой. Подобнымъ же образомъ и потреб-

леніе запасовъ силы лишь тогда приведетъ къ уменьшенію работоспособности, когда возмѣщеніе его, доставляемое токомъ крови, окажется значительно ниже необходимаго количества".

Не достаточно выясненъ также и вопросъ о томъ, утомляется-ли каждая часть нашего тѣла отдѣльно или-же работа каждой части способна вызвать утомленіе всего организма

Субъективнымъ показателемъ утомленія является чувство усталости; но слѣдуетъ остерегаться думать, что утомленіе и чувство усталости совершенно параллельны другъ другу. Уже тотъ фактъ, что чувство усталости можно внушить путемъ гипноза, показываетъ, что между этимъ чувствомъ и ощущеніемъ утомленія нѣтъ неразрывной связи. Затѣмъ, существуетъ не мало людей, которые именно утромъ, послѣ пробужденія отъ сна, испытываютъ чувство усталости, которое исчезаетъ только послѣ того, какъ они втянутся въ работу. Съ другой стороны, при извѣстномъ возбужденіи иногда чувства усталости не испытывается даже послѣ долгой и усиленной работы.

На важнѣйшій изъ практическихъ вопросовъ, на вопросъ о продолжительности ежедневной работы, Крепелинъ не даетъ вполнѣ опредѣленнаго отвѣта. Упомянувши о борьбѣ сторонниковъ и противниковъ восьмичасового рабочаго дня, Крепелинъ говоритъ: „Къ сожалѣнію, въ этой борьбѣ взглядовъ и желаній наука не въ состояніи произнесть рѣшающее слово съ какою-либо точностью" (стр. 21). Одно изъ главныхъ соображеній, приводимыхъ имъ по этому поводу, таково: „Продолжительность работы, которую можетъ выносить сильный, трезвый, спокойный рабочій, вызоветъ хроническое переутомленіе у нервнаго, слабосильнаго, склоннаго къ излишествамъ" (стр. 21). Вслѣдствіе чего онъ опасается, что при нормировкѣ рабочаго дня одна группа рабочихъ будетъ завалена непосильнымъ трудомъ, „другая-же группа рабочихъ будетъ лишена возможности пользоваться своею рабочею силою въ полной мѣрѣ" (стр. 21). Это соображеніе, конечно, нельзя признать основательнымъ уже потому, что безъ законодательной нормировки переутомленію будутъ подвергаться не только слабосильные рабочіе, но и рабочіе нормальной силы. Крепелину, къ сожалѣнію, повидимому, не извѣстна остроумная попытка г. Сѣченова опредѣлить нормальный рабочій день, беря за образецъ работу мускуловъ сердца. Г. Сѣченовъ, исходя изъ той идеи, что работа сердца, автоматически регулируемая самимъ организмомъ, должна представлять собою образецъ равновѣсія траты и возстановленія, и вычисливши количество этой работы, пришелъ къ заключенію, что восьмичасовой рабочій день есть та норма, при которой трудъ достигаетъ наибольшей производительности, не истощая организма.

Переходя отъ труда вообще къ умственному труду въ частности, мы должны прежде всего отмѣтить тотъ фактъ, что, вопреки общепринятому взгляду, физическій трудъ не можетъ служить отдыхомъ отъ труда умственнаго. Крепелинъ говоритъ по этому поводу; „мы были не мало изумлены, когда опыты показали намъ, что двухчасовая прогулка настолько-же уменьшаетъ успѣшность умственнаго труда, какъ и сложеніе чиселъ въ теченіе одного часа“ (стр. 28). Какъ одинъ изъ практическихъ выводовъ изъ этого, слѣдуетъ отмѣтить то обстоятельство, что въ школахъ гимнастика и ручной трудъ не могутъ служить отдыхомъ отъ труда умственнаго; хотя, конечно, изъ этого нельзя дѣлать довода противъ гимнастики и физическаго труда въ школахъ. Установить норму умственнаго труда еще менѣе легко, чѣмъ установить норму труда физическаго. Однако, „общимъ результатомъ всѣхъ произведенныхъ до сихъ поръ, правда, все еще слишкомъ малочисленныхъ изслѣдованій относительно утомляемости дѣтей школьнаго возраста является тотъ безспорный фактъ, что требованія, предъявляемыя школою къ умственной работоспособности, далеко превышаютъ ту мѣру, которую можно было-бы допустить“. (Крепелинъ, стр. 47). „Къ счастію для нашей подрастающей молодежи, благодѣтельная природа дала ей предохранительный клапанъ, важность котораго трудно и оцѣнить по достоинству: этотъ предохранительный клапанъ есть *невнимательность*“ (стр. 49). „Изъ этого вытекаетъ неожиданное заключеніе, что при нынѣшней продолжительности ученія скучные учителя прямо-таки необходимы. Еслибы всѣ учителя умѣли возбудить у своихъ учениковъ захватывающій интересъ къ своимъ предметамъ, то дѣти, не смотря на быстро возрастающее утомленіе, пришли-бы къ продолжительному напряженію умственныхъ силъ, послѣдствій котораго мы и предсказать не въ состояніи“ (стр. 50).

Вообще брошюра Крепелина, не представляя, въ сущности, ничего вполнѣ новаго, и не приходя къ окончательному рѣшенію разсматриваемаго вопроса, является всетаки прекраснымъ очеркомъ современнаго положенія вопроса о трудѣ и переутомленіи.

Что касается брошюры д-ра Зака, то пользуясь тѣми-же матеріалами, что и Крепелинъ (пользуясь также и трудомъ самого Крепелина), онъ приходитъ къ такимъ-же выводамъ, какъ и гейдельбергскій профессоръ, что видно изъ слѣдующихъ заключительныхъ строкъ его брошюры:

«Итогъ изъ всего нами сказаннаго можетъ быть выраженъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Переутомленіе мозга есть хроническое отравленіе его, а также всего организма, продуктами, образовавшимися при умственной работѣ.

2) Причины этого переутомленія могутъ быть какъ внѣ даннаго организма, такъ и внутри его.

3) Наблюденія показываютъ, что переутомленіе мозга встрѣчается нерѣдко среди учащихся.

4) Борьба съ этимъ болѣзненнымъ состояніемъ должна вестись и въ школѣ, и внѣ ея (гигіена умственнаго труда и раціональное физическое воспитаніе)».

А. Богдановъ. Краткій курсъ экономической науки. Изданіе книжнаго склада А. М. Муриновой. М. 1898.

Трудъ г. Богданова носитъ названіе, требующее нѣкотораго поясненія. Подъ „экономической наукой“ мы привыкли понимать въ сущности нѣсколько наукъ, нѣсколько научныхъ дисциплинъ. Сюда относятъ, прежде всего, „политическую экономію“ въ собственномъ смыслѣ, т. е. экономическую теорію, затѣмъ „исторію политической экономіи,“ т. е. историческій очеркъ экономической теоріи; наконецъ, въ составъ все той же „экономической науки“ входитъ экономическая исторія—т. е. исторія экономическаго быта. При всей близости и взаимозависимости означенныхъ составныхъ частей науки, въ цѣляхъ научнаго разграниченія матеріала возникла потребность изолированія этихъ частей, представляющихъ каждая сама по себѣ громадную область. И однако, всѣ эти три части совмѣщены въ книжкѣ г. Богданова, заключающей въ себѣ 290 страницъ небольшого формата и довольно крупнаго шрифта. При такомъ желаніи автора въ небольшомъ трудѣ „объять необъятное“ естественно получилось то, что, говоря словами самаго автора, „книга эта не является полнымъ законченнымъ руководствомъ по данному предмету; это, собственно говоря, конспектъ. Нѣкоторая сухость изложенія... зависитъ... въ значительной степени отъ этой конспективной формы“. Тѣмъ не менѣе авторъ выражаетъ надежду, что его „работа окажется не лишнею въ нашей, далеко не богатой, литературѣ руководствъ по политической экономіи“. И дѣйствительно, трудъ г. Богданова является далеко не лишнимъ и обладаетъ нѣкоторыми цѣнными достоинствами.

Весь „Краткій курсъ“ дѣлится на три неравныхъ по объему отдѣла. Въ первомъ изложены „общія понятія“ политической экономіи. Здѣсь нельзя не остановиться на самомъ опредѣленіи политической экономіи. Что такое политическая экономія? Какъ ни элементарно простъ и какъ ни важенъ этотъ вопросъ, далеко не всѣ представители науки даютъ на него правильный отвѣтъ. Обыкновенно на него отвѣчаютъ такъ: политическая экономія есть наука о *народномъ хозяйствѣ*. Въ этомъ опредѣленіи выдвинутъ лишь одинъ элементъ: понятіе о народномъ хозяйствѣ, какъ о явленіи противополож-

номъ хозяйству частному, индивидуальному. Конечно, политической экономіи, какъ наукѣ общественной, соціальной, не приходится избирать объектомъ своего изслѣдованія индивидуальныя, частно-хозяйственныя единицы, или вѣрнѣе—политическая экономія должна анализировать эти индивидуальныя явленія съ общественной, „народно-хозяйственной" точки зрѣнія. Наличность и необходимость этой точки зрѣнія и выражается въ названіи политической экономіи наукой о народномъ хозяйствѣ. Но это опредѣленіе неудовлетворительно въ другомъ отношеніи. Хозяйство можетъ быть изучаемо съ различныхъ точекъ зрѣнія: такъ, техническія науки (механика, технологія) разсматриваютъ его съ точки зрѣнія тѣхъ техническихъ пріемовъ, которыми руководствуется человѣкъ въ своей хозяйственной дѣятельности. Вотъ почему экономисты, предлагающіе приведенное опредѣленіе науки, или неправильно опредѣляютъ послѣднюю, или же вынуждены бываютъ прибавить къ опредѣленію оговорку о различіи *технической* и *экономической* точекъ зрѣнія при изслѣдованіи хозяйственныхъ явленій. Г. Богдановъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Въ своей хозяйственной дѣятельности, въ процессѣ производства и непосредственно съ нимъ связаннаго распредѣленія благъ (хотя почему то г. Богдановъ не упоминаетъ здѣсь о процессѣ обмѣна) нужно различать двѣ стороны: техническую и экономическую. Техника производства—это сумма техническихъ пріемовъ хозяйствующаго субъекта, выражающая степень власти человѣка надъ природой, *отношеніе человѣка къ природѣ*. Экономика—это тѣ общественныя *отношенія,* въ которыя люди вступаютъ *другъ къ другу* въ процессѣ производства (и распредѣленія). Эти общественныя отношенія людей существенно измѣняются въ процессѣ историческаго развитія: всякая историческая эпоха отличается особой хозяйственной организаціей, являющейся формой особыхъ общественныхъ отношеній производителей. И вотъ „политическая экономія есть наука, изучающая *общественныя отношенія* производства и распредѣленія въ *ихъ развитіи*". (Стр. 3, курс. нашъ). Это опредѣленіе, удачно отмѣчающее *общественный* и *историческій* характеръ науки, является далеко не случайнымъ у г. Богданова, оно руководитъ имъ на всемъ протяженіи „курса". Отдѣлъ II, составляющій преобладающую часть книги (стр. 20—234), носитъ названіе „процессъ экономическаго развитія", но содержаніе его шире того, что можно было ожидать отъ него по заглавію. Здѣсь авторъ задался смѣлой попыткой представить краткій очеркъ исторіи экономическаго быта въ связи съ изложеніемъ экономической теоріи, пригодной для объясненія явленій этого быта въ различные моменты его послѣдовательнаго развитія. Авторъ прослѣживаетъ истори-

чески смѣну общественныхъ отношеній производства отъ періода первобытнаго родового коммунизма, чрезъ эпоху рабства, феодальнаго и цеховаго строя, вплоть до капитализма въ мануфактурный и, наконецъ, машинный періодъ его. Параллельно авторъ ведетъ анализъ экономическихъ категорій опять таки въ ихъ историческомъ развитіи примѣнительно къ различнымъ ступенямъ экономическаго быта. Такимъ образомъ, у него нѣтъ отдѣльной главы, напр. о мѣновой цѣнности, или заработной платѣ. Онъ разсматриваетъ отдѣльно цѣнность феодально-цехового строя, цѣнность при мануфактурномъ капитализмѣ, цѣнность въ эпоху машиннаго капитализма и т. д. Экономическія категоріи всюду примѣняются имъ къ экономическому быту даннаго періода, и политическая экономія, трактуя всюду объ общественныхъ отношеніяхъ производства, обмѣна и распредѣленія, получаетъ при этомъ вполнѣ историческое построеніе. Однако, нельзя сказать, чтобы трудное дѣло, предпринятое г. Богдановымъ, вполнѣ ему удалось. Желаніе „объять необъятное“ даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу. Характеристики отдѣльныхъ моментовъ экономическаго быта порою слишкомъ кратки и „сухи“, анализъ экономическихъ категорій, разсѣченныхъ на части и затерянныхъ въ различныхъ уголкахъ экономической исторіи, порою становится до того отрывоченъ, что представляетъ серьезныя трудности для уясненія. Притомъ же авторъ не въ мѣру усложняетъ свою задачу, когда наряду съ экономической исторіей подчасъ рѣшается на рискованныя экскурсіи въ мѣста довольно отдаленныя и вовсе ему не подвѣдомственныя: „политическая жизнь“ древняго міра, „политическій строй древнихъ вѣковъ“, „умственный застой среднихъ вѣковъ“—эти и другія главы уже совершенно напрасно пестрятъ сочиненіе г. Богданова. За всѣмъ тѣмъ и въ этомъ отдѣлѣ за авторомъ имѣются заслуги. Если отрѣшиться отъ чрезмѣрной отрывочности и не совсѣмъ удобной систематизаціи матеріала, если собрать отдѣльные клочки воедино, то получится интересное изложеніе политической экономіи, проникнутой опредѣленной, послѣдовательно проведенной трудовой точкой зрѣнія. Изложеніе автора не блещетъ оригинальностью; онъ не вноситъ никакихъ поправокъ въ трудовую теорію. Но онъ просто и популярно излагаетъ ее, въ чемъ и слѣдуетъ видѣть задачу элементарнаго учебника.

П. И. Мессарошъ. Финляндія—государство или русская окраина?—Значеніе особыхъ учрежденій Финляндской окраины Россійской Имперіи. Спб. 1897.

Намъ не приходилось ранѣе встрѣчать въ печати имя г. Мес-

сароша и только изъ его же книги мы узнали, что онъ и до ея появленія былъ уже нѣкоторымъ образомъ причастенъ къ литературѣ, написавъ именно, въ 1896 г., корреспонденцію изъ г. Сердоболя въ „Новое Время", которую, впрочемъ, эта газета, по его словамъ, рѣшилась напечатать лишь съ кое-какими смягченіями (с. 194). Быть можетъ, онъ писалъ и еще что-нибудь, но намъ, повторяемъ, не пришлось ознакомиться ни съ какими его произведеніями, кромѣ названной книги. И тѣмъ не менѣе, читая послѣднюю, мы долго не могли отвязаться отъ впечатлѣнія чего-то давно уже знакомаго. Въ концѣ концовъ, мы догадались, однако, что дѣло не въ самомъ г. Мессарошѣ, а въ той пѣснѣ, какая составляетъ суть его книги. Пѣсня эта тягучая, однообразная, чуть ли не вся построенная на одной и той же, безконечно растягиваемой нотѣ и, дѣйствительно, давно до пресыщенія знакомая. Впрочемъ, пусть судитъ самъ читатель.

Происхожденіе названной книги въ высшей степени просто. Г. Мессароша очень обезпокоило то обстоятельство, что въ то время, „когда русскихъ людей принимаютъ съ распростертыми объятіями даже въ такомъ отдаленномъ уголкѣ Индостана, какъ маленькій городокъ Маэ, и въ честь ихъ распѣваютъ русскій народный гимнъ на русскомъ языкѣ и украшаютъ городъ русскими флагами, въ самой Россіи существуетъ край, въ которомъ органы русской центральной власти не имѣютъ значенія" (с. 2). Исходя изъ столь естественнаго и законнаго безпокойства, г. Мессарошъ постепенно пришелъ и къ открытію причинъ указаннаго имъ печальнаго факта. Онѣ могли бы быть найдены и другими, еслибы не мѣшало то условіе, что, къ сожалѣнію, „до настоящаго времени на русскомъ языкѣ не было дано отчета о крайне почтенномъ трудѣ г. Еленева „Les prétentions des séparatistes finlandais" и равнымъ образомъ никто изъ господъ русскихъ юристовъ не нашелъ нужнымъ изслѣдовать вопросъ, насколько необходимо въ интересахъ не только Россіи, но и самого населенія Финляндіи сохраненіе особыхъ учрежденій этой окраины Россійскаго государства". Г. Мессарошъ рѣшилъ помочь такой бѣдѣ. „Сознавая вполнѣ слабость своихъ силъ,—заявляетъ онъ—мы попытаемся пополнить этотъ пробѣлъ" (с. 3). „Слабость силъ" г. Мессароша, конечно, лишь своего рода метафора, употребленная изъ авторской скромности. Правда, онъ не знаетъ, повидимому, ни шведскаго, ни финнскаго языка, съ исторіею Финляндіи знакомъ недостоточно, а ея литература извѣстна ему лишь по наслышкѣ, изъ вторыхъ рукъ. Но за то онъ на протяженіи двадцати пяти лѣтъ дважды побывалъ въ Выборгской губерніи, прочиталъ названную выше французскую книжку г. Еленева и нѣсколько русскихъ книгъ и

статей о Финляндіи и проштудировалъ корреспонденціи изъ этой страны, печатавшіяся за послѣдніе годы въ „Новомъ Времени“ и „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Само собою, все это даетъ вполнѣ достаточный матеріалъ для авторитетнаго сужденія о прошлой и настоящей жизни цѣлаго народа и потому г. Мессарошъ вполнѣ резонно забываетъ въ текстѣ своей книги о неумѣстной скромности, проявленной имъ въ предисловіи, и, не поминая болѣе о своихъ слабыхъ силахъ, произноситъ весьма рѣшительные приговоры надъ финляндскими учрежденіями. Въ первыхъ четырехъ главахъ своей книги онъ разсказываетъ исторію „сепаратистской партіи“ въ Финляндіи съ 1803 г. до настоящаго времени или, точнѣе говоря, даетъ изложеніе книги г. Еленева, прибавляя отъ себя лишь сердитыя нотаціи по адресу финляндцевъ, увлекающихся „хлестаковщиной“, проповѣдующихъ „завѣдомую ложь“, не имѣющихъ ни такта, ни воспитанія, ни даже „примитивной честности“ (сс. 13, 19—20, 28). Г. Мессарошъ блистательно доказываетъ, что Финляндія является по-просту покоренной провинціей, не имѣющей никакого права на какія-либо отличія въ своемъ государственномъ строѣ, и горячо полемизируетъ съ держащимися противоположнаго мнѣнія финляндскими учеными, Даніельсономъ, Мехелинымъ и Германсономъ, произведенія которыхъ въ большинствѣ, впрочемъ, извѣстны ему только со словъ все того же г. Еленева. Послѣднее обстоятельство, совершенно маловажное, конечно, нисколько не мѣшаетъ г. Мессарошу громить названныхъ ученыхъ за ихъ невѣжество, недобросовѣстность и другія нехорошія качества, ему самому совершенно чуждыя. Съ какимъ блескомъ онъ ведетъ свою побѣдоносную кампанію и насколько сокрушительны его аргументы, можно убѣдиться изъ слѣдующаго примѣра. По мнѣнію г. Даніельсона, утвержденіе Имп. Александромъ II сеймоваго устава для Финляндіи въ 1869 г. на основаніи правъ, предоставленныхъ монарху „Формой правленія“ 21 авг. 1772 г. и „Актомъ соединенія и охраненія“ 21 февр. и 3 апр. 1789 г., является неопровержимымъ доказательствомъ признанія русскою властью силы упомянутыхъ законовъ и, слѣдовательно, государственныхъ отличій Финляндіи. Но г. Даніельсонъ былъ слишкомъ низкаго мнѣнія о способностяхъ нѣкоторыхъ публицистовъ и ихъ юридическихъ познаніяхъ. Г. Мессарошъ шутя справляется съ такимъ препятствіемъ. „Противъ самого устава, заявляетъ онъ, мы не смѣемъ ничего говорить, это законъ, изданный государемъ и обязательный во все время его дѣйствія для каждаго русскаго подданнаго. Признать же этотъ уставъ какъ (за?) доказательство того, что Русскій Государь, въ качествѣ Великаго Князя Финляндскаго, конституціонный монархъ... едва-ли будетъ логично и вѣрно“ (с. 30),

Если въ формулѣ утвержденія сеймоваго устава и имѣется прямая ссылка на „Форму правленія“ 1772 г. и „Актъ соединенія“ 1789 г., то такая ссылка еще ничего не доказываетъ. Г. Мессарошъ задаетъ себѣ вопросъ, зналъ ли имп. Александръ II эти законы, и рѣшаетъ его увѣреніемъ, что, по его мнѣнію, императоръ не могъ ни знать ихъ, ни сочувствовать имъ. Слѣдовательно, „появленіе ссылки на эти законы возможно объяснить лишь тѣмъ, что при докладѣ вмѣсто дѣйствительныхъ шведскихъ конституціонныхъ законовъ 1772 и 1789 гг. гр. Армфельдъ (тогдашній министръ статсъ-секретарь Финляндіи) доложилъ императору какіе-то другіе, вымышленные законы, сочиненные имъ и его сподвижниками, которые (законы или сподвижники?) не противорѣчили принципамъ самодержавной власти“ (с. 40—41). Итакъ, Александръ II ссылался на какіе-то несуществующіе законы, а не на тѣ, о которыхъ идетъ рѣчь въ его утвержденіи сеймоваго устава, и послѣдніе остаются непризнанными со стороны верховной власти. Побѣда г. Мессароша несомнѣнна, хотя путь, какимъ она достигнута, и можно, пожалуй, назвать нѣсколько рискованнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, идя тѣмъ же путемъ предположеній о свѣдѣніяхъ и намѣреніяхъ носителя верховной власти, предположеній, безъ посредства какихъ бы то ни было затрудняющихъ дѣло доказательствъ, обращаемыхъ въ факты и противопоставляемыхъ точному смыслу закона, можно вѣдь будетъ уничтожить силу любого законодательнаго акта. Впрочемъ, побѣдителя не судятъ. Къ тому же неустрашимая логика г. Мессароша идетъ и дальше. На указаніе г. Даніельсона, что манифестъ Имп. Александра III отъ 2—14 марта 1881 г. подтверждалъ „основные законы“ Финляндіи, онъ возражаетъ такъ: имѣя въ виду обстоятельства того времени, „всякій безпристрастный историкъ согласится съ нами, что этого манифеста государь лично не редактировалъ и не составлялъ его, что онъ былъ составленъ или министромъ статсъ-секретаремъ Финляндіи, или кѣмъ-либо изъ приближенныхъ лицъ государя“ (с. 50—51). „Безпристрастный историкъ“, пожалуй, согласится и съ тѣмъ, что манифесты вообще очень рѣдко составлялись самимъ монархомъ, а безпристрастный юристъ не увидитъ въ этомъ обстоятельствѣ повода къ отрицанію силы за ихъ выраженіями, но какое, собственно, дѣло до этого г. Мессарошу? Ему мало дѣла даже до его же собственныхъ утвержденій, когда они мѣшаютъ вящшему посрамленію финляндцевъ. Высказавъ, какъ мы видѣли, на стр. 30 своей книги довольно опредѣленный взглядъ на значеніе сеймоваго устава 1869 г., онъ черезъ 108 страницъ, когда ему понадобилось дискредитировать этотъ законъ, сообщаетъ читателю слѣдующее: „прочитавъ внима-

тельно параграфъ за параграфомъ весь уставъ, невольно приходимъ къ заключенію, что въ Финляндіи Россійскій Императоръ, въ качествѣ Великаго Князя, конституціонный государь" (с. 138). Финляндскимъ, да, смѣемъ думать, и русскимъ ученымъ юристамъ, далеко до такого искусства въ толкованіи законовъ, дающаго возможность въ одинъ и тотъ же законодательный актъ вложить, смотря по надобности, любое значеніе.

Доказавъ такимъ путемъ отсутствіе правовой основы у существующихъ въ Финляндіи порядковъ, г. Мессарошъ вскрываетъ затѣмъ, въ слѣдующихъ главахъ своей книги, истинное значеніе этихъ порядковъ. Оказывается, что въ Финляндіи уже около столѣтія существуетъ и заправляетъ всѣмъ ходомъ дѣлъ партія сепаратистовъ, составившая громадный заговоръ съ цѣлью отторженія этого края отъ Россіи путемъ возстанія. Г. Мессарошъ стоитъ однако на стражѣ и неустанно обличаетъ эти коварные замыслы. Онъ знаетъ тайныя мысли финляндскихъ участниковъ коммиссій по пересмотру проекта основныхъ законовъ Великаго Княжества и его таможеннаго устава (с. 62), ему извѣстны и не менѣе заднія думы финляндскихъ депутатовъ въ сеймѣ (с. 82), онъ не имѣетъ свѣдѣній о характерѣ преподаванія въ финляндскихъ школахъ, но тѣмъ не менѣе знаетъ, что въ нихъ ведется враждебная правительству пропаганда (с. 147). Подъ его краснорѣчивымъ перомъ право финляндскаго сената разрѣшать браки въ воспрещенныхъ степеняхъ родства и свойства обращается въ право разрѣшенія браковъ „брата и сестры, отца съ дочерью, сына съ матерью" (а вѣдь такія дѣянія—патетически восклицаетъ онъ—по законамъ всего міра именуются „преступленіемъ кровосмѣшенія", с. 90), невинные пѣсенные праздники преобразуются въ революціонныя сборища, предвѣстники открытаго возстанія (с. 194—200), скромное 5,000-ное финское войско разростается до размѣровъ 80,000-ной арміи (с. 68), причемъ авторъ заклинаетъ русскихъ военныхъ спеціалистовъ во имя „ихъ святого долга передъ родиной" обдумать ненормальность существованія этой арміи (с. 113). Очевидно, съ серьезными знаніями и необыкновенною способностью къ юридическому анализу г. Мессарошъ соединяетъ и рѣдкую по своей силѣ фантазію. Послѣдняя получаетъ только у него нѣсколько болѣзненное развитіе. Онъ удивленъ, что осмѣливающіеся не соглашаться съ нимъ во мнѣніяхъ гг. Даніельсонъ и Германсонъ „до сихъ поръ состоятъ профессорами гельсингфорскаго университета" (с. 144), и увѣряетъ, что правительство, оставляя подобныхъ людей на университетскихъ каѳедрахъ, само виновно въ поощреніи преступной пропаганды (с. 137); онъ огорченъ тѣмъ, что въ сер-

добольской семинаріи священникъ С. Окуловъ преподавалъ Законъ Божій ученикамъ-кореламъ не на русскомъ языкѣ (с. 165) и, будучи поэтомъ, не перевелъ на финскій языкъ русскаго народнаго гимна (с. 198); онъ, наконецъ, путемъ довольно наивныхъ манипуляцій съ календарями изобрѣтаетъ свѣдѣніе, что въ Финляндіи не празднуются дни воцаренія русскихъ государей (с. 205—6). Въ виду всего этого г. Мессарошъ, кажется, излишне скроменъ, говоря о себѣ: „мы не касаемся частныхъ лицъ, мы не пишемъ доносовъ" (с. 116). Доказывая ненормальность существующаго положенія дѣлъ въ Финляндіи, г. Мессарошъ намѣчаетъ и средства для устраненія этой ненормальности, способныя въ корнѣ подорвать коварные замыслы финляндцевъ. Такъ какъ „для завѣдыванія всѣми дѣлами Финляндіи въ Имперіи существуютъ готовыя вполнѣ компетентныя учрежденія" (с. 97), то и слѣдуетъ уничтожить финляндскій статсъ-секретаріатъ и сенатъ, передавъ ихъ дѣла въ вѣдѣніе общеимперскихъ центральныхъ учрежденій, а сеймъ обратить въ губернское земское собраніе. Особую финляндскую армію также слѣдуетъ уничтожить, распредѣливъ финскихъ солдатъ въ русскіе полки, стоящіе въ Финляндіи, такъ, чтобы на каждаго фина приходилось по два русскихъ, и назначая въ эти полки офицерами исключительно русскихъ уроженцевъ. Равнымъ образомъ должна быть уничтожена и особая финская монета, и финляндская таможня (о русской таможнѣ на финляндской границѣ г. Мессарошъ говоритъ не съ такою опредѣленностью). Далѣе, нужно ввести русскій языкъ въ дѣлопроизводство всѣхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій края и установить преподаваніе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, отъ народныхъ школъ до университета, на русскомъ же языкѣ, причемъ для полнаго введенія этой послѣдней реформы совершенно достаточно четырехлѣтняго срока. Въ цѣляхъ вліянія на населеніе путемъ печати хорошо было бы создать особый субсидированный органъ „подъ редакціей лица, преданнаго русскимъ интересамъ" (с. 192). Прибавимъ отъ себя, что такимъ лицомъ могъ бы явиться и самъ г. Мессарошъ. Онъ недоволенъ и современными дѣятелями православной церкви въ Финляндіи и рекомендуетъ „на мѣста священниковъ въ этомъ краѣ назначать коренныхъ русскихъ людей, преданныхъ Россіи, которые служили бы не только дѣлу православія, но и дѣлу сліянія края съ Имперіей" (с. 167). Самъ онъ сторонникъ полной религіозной свободы (с. 318) и потому не можетъ понять, „въ силу какихъ законовъ или какихъ соображеній, „финляндское правительство" разрѣшаетъ разнымъ сектантамъ распространять свои ученія" (с. 210), и совѣтуетъ русскимъ правительственнымъ органамъ „обра-

тить свое вниманіе на эту свободно-религіозную страну и указать, что для сводолюбивыхъ финляндскихъ орловъ еще имѣются государственныя и церковныя клѣтки и что онѣ достаточно крѣпки" (с. 211). При условіи выполненія этого проекта во всѣхъ его частяхъ, Финляндія несомнѣнно процвѣтетъ и въ ней водворится столь же благонадежное настроеніе, какъ въ Индостанѣ. Все это прекрасно и насъ смущаетъ только одно маленькое обстоятельство: вѣдь въ Индостанѣ, и въ частности въ „маленькомъ городкѣ Маэ" еще не былъ, кажется, осуществленъ проектъ г. Мессароша, такъ что гдѣ же гарантія успѣха этого проекта?

О литературномъ произведеніи такого высокаго разбора, какъ книга г. Мессароша, не стоило бы такъ много разговаривать, еслибы оно не служило лишь однимъ изъ проявленій той кампаніи противъ Финляндіи и финляндцевъ, какая ведется немалою частью нашей прессы. Г. Мессарошъ только немного откровеннѣе и наивнѣе другихъ своихъ сотоварищей по этой кампаніи, но эти его особенности дѣлаютъ знакомство съ нимъ еще любопытнѣе, помогая проникнуть въ суть стремленій воинствующихъ публицистовъ. Практическая судьба его проектовъ, по всей вѣроятности, будетъ та же самая, что и проектовъ Салтыковскаго капитана Терпибѣдова въ „Благонамѣренныхъ рѣчахъ", котораго, къ слову сказать, онъ сильно напоминаетъ, но посѣвы человѣконенавистничества въ народной жизни рѣдко проходятъ совершенно безплодными.

Н. Переферковичъ. Талмудъ, его исторія и содержаніе. Часть первая. Мишна. Спб. 1897.

Эта книга представляетъ собою, такъ сказать, введеніе къ обширному труду, предпринятому авторомъ: полному критическому переводу Талмуда. Бездна недоразумѣній, скопившаяся вокругъ этого произведенія, служащаго такъ часто предметомъ обсужденія людей, никогда его въ глаза не видавшихъ, очевидно, не разсѣется до тѣхъ поръ, пока каждому не будетъ дана возможность непосредственно ознакомиться съ его содержаніемъ. „Съ одной стороны эта книга ставится чрезвычайно высоко въ моральномъ отношеніи и даже окружена ореоломъ святости, а съ другой — она же выставляется гнѣздомъ всякихъ превратныхъ ученій".

Разрѣшенію этихъ противорѣчивыхъ споровъ и выясненію истины долженъ способствовать переводъ, пока ограничивающійся основной частью Талмуда, — Мишной. Но и переводъ книги, въ теченіе многихъ вѣковъ составлявшейся изъ устныхъ традицій и толкованій, принадлежащихъ многимъ сот-

нямъ лицъ, едва-ли можетъ быть понятъ надлежащимъ образомъ читателемъ, который незнакомъ съ той духовной обстановкой, въ которой создавалось законодательство Талмуда. Ввести въ эту обстановку, дать представленіе объ общественномъ и политическомъ бытѣ, на почвѣ котораго были выработаны законоположенія Мишны — такова цѣль лежащей передъ нами книги. Содержаніе ея посвящено исторіи и составу основного ядра Талмуда и родственныхъ ему сборниковъ, біографіямъ и характеристикамъ авторитетовъ Мишны и тѣмъ пріемамъ толкованія Библіи, путемъ которыхъ раскрывался ея сокровенный смыслъ. Отдѣльныя главы посвящены географіи и исторіи Палестины въ эпоху созданія и кодификаціи основныхъ положеній Талмуда (I—II вѣка по Р. Х.), политическому и культурному строю страны, ея религіи и промысламъ — земледѣлію, торговлѣ, ремесламъ. Въ рамкѣ этихъ предварительныхъ свѣдѣній темныя и казуистичныя разсужденія древняго кодекса получатъ смыслъ и опредѣленное историческое значеніе въ глазахъ читателя; перестанетъ быть жупеломъ одна изъ тѣхъ книгъ, недоступностью которыхъ пользуются такъ часто для извращенія общественнаго сознанія. Отъ этого, конечно, еще безконечно далеко до рѣшенія того вопроса, ясную постановку котораго тормозитъ именно тьма, окутавшая современную общественную мысль. Нельзя не пожелать силъ и успѣха тѣмъ, которые стараются пролить хоть капельку свѣта въ темное царство предразсудковъ и человѣконенавистничества.

А. А. Неустроевъ. Картинная галлерея Императорскаго Эрмитажа. Изданіе Ефрона. Спб. 1898.

Къ тѣмъ безспорнымъ истинамъ, которыя въ повседневномъ примѣненіи обращаются съ совершенно извращеннымъ значеніемъ, несомнѣнно, можетъ быть отнесено положеніе, гласящее, что истинное произведеніе искусства говоритъ само за себя. Еслибы въ обиходѣ въ него вкладывали лишь тотъ смыслъ, что исключительный языкъ художника—его произведеніе, законченное и самостоятельное цѣлое, которое должно быть понятно и безъ его дополненій и поясненій, то слѣдовало-бы только пожелать широкаго распространенія этой простой истинѣ. Но въ нее вкладываютъ другой смыслъ—боятся всякаго предварительнаго знакомства съ художественнымъ произведеніемъ, боятся ослабить силу впечатлѣнія знаніемъ тѣхъ условій, на почвѣ которыхъ выросло произведеніе искусства. Къ сожалѣнію, не все ошибка въ этомъ предразсудкѣ: въ немъ есть доля печальной истины, и происхожденіе его понятно. Самая глубина нашего невѣжества способствуетъ обрат-

ному впечатлѣнію: наши знанія подавляютъ насъ именно потому, что они скудны. Мы не можемъ разобраться въ нихъ, стать выше ихъ, они насъ давятъ—и намъ кажется, будто мы знаемъ слишкомъ много. Первобытная свѣжесть и непосредственность впечатлѣній, быть можетъ, и предпочтительнѣе этого бремени полузнанія. Но кто овладѣлъ своими знаніями, тому они не мѣшаютъ самостоятельно думать и чувствовать; кто, стоя передъ картиною, знаетъ исторію жизни художника и его времени, тотъ, разумѣется, вкладываетъ въ его произведеніе болѣе значительное содержаніе. Къ тому же искусствомъ интересуются теперь не только ради него самого: искусство—одно изъ наиболѣе яркихъ выраженій хода культурнаго развитія, и его изучаютъ, какъ богатѣйшій матеріалъ для исторіи духа. Въ связи съ этимъ измѣнился характеръ художественныхъ собраній. Отъ меценатовъ они перешли къ государствамъ; ихъ цѣнятъ тѣ, кто раньше игнорировалъ, и если въ европейскомъ парламентѣ раздается голосъ, требующій увеличенія бюджета и расширенія доступности музеевъ, то это навѣрное голосъ слѣва. Гордость современной картинной галлереи не два—три единственныхъ въ своемъ родѣ творенія, но полнота коллекціи, въ которой посѣтитель найдетъ самостоятельные образцы всѣхъ направленій, смѣнявшихъ другъ друга въ исторической жизни искусства. Современный музей ищетъ не эстетическихъ восторговъ, а эстетическаго развитія, пониманія, знаній; поэтому онъ и распредѣляетъ свои сокровища не по табели о рангахъ, а въ систематическомъ порядкѣ школъ и направленій. И современный посѣтитель долженъ бы ходить въ Эрмитажъ не затѣмъ, чтобы побывать тамъ, но чтобы поучиться. Для этого глазѣть не годится: нужно пониманіе исторической обстановки, въ которой создано художественное произведеніе, ясное представленіе о мѣстѣ, которое оно занимаетъ въ исторіи искусства и жизни; нужно посѣщать галлерею старинныхъ картинъ съ руководствомъ посложнѣе каталога. Опытъ такого руководства, объединяющаго въ краткой и содержательной формѣ спеціальные труды для употребленія большой публики, мы имѣемъ въ работѣ г. Неустроева. Съ систематической формой изложенія она соединяетъ историческое содержаніе, расположенное по отдѣльнымъ народностямъ. Существующіе путеводители по Эрмитажу, не считая устарѣвшей и бѣглой „Прогулки" Григоровича, слишкомъ обширны и спеціальны; оффиціальнаго общедоступнаго указателя, вродѣ напр., дрезденскаго, у насъ нѣтъ, и потому удобно изданная и хорошо составленная книжка г. Неустроева будетъ небезполезна для посѣтителей нашей лучшей коллекціи произведеній европейскаго искусства. Эстетическія оцѣнки, избѣгнуть которыхъ

составитель не нашелъ возможнымъ, кажутся намъ въ книгѣ по преимуществу справочнаго характера излишними; въ обсужденіе ихъ основательности мы не войдемъ. Иллюстраціи въ текстѣ книги могутъ служить развѣ лишь для того, чтобы указать, о какой именно картинѣ говоритъ составитель: ихъ исполненіе лишаетъ ихъ и тѣни самостоятельнаго художественнаго значенія.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

С. С. Шашковъ. Собраніе сочиненій. Въ 2-хъ томахъ. Изданіе О. Н. Поповой. СПБ. 98. Ц. 4 р.

Сочиненія **Эркмана-Шатріана.** Въ двухъ томахъ. Изданіе Ф. Павленкова. СПБ. 98. Ц. 3 р.

М. Н. Загоскинъ. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. СПБ. 98. Ц. по подпискѣ на 10 томовъ 15 руб.

Натанъ Мудрый. Драматическое стихотвореніе **Г. Е. Лессинга.** Переводъ Петра Вейнберга. Изданіе «Посредника». М. 97. Ц. 70 к.

Джеромъ К. Джеромъ. Веселыя картинки. Переводъ съ англ. СПБ. 98. Ц. 1.

Повѣсти и разсказы **Н. В. Яковлевой.** Изданіе Ф. Павленкова. СПБ. 98. Ц. 1 р. 25 к.

Кузька мордовскій богъ. Повѣсть изъ исторіи мордовскаго народа. К... Нижній Новгородъ 98. Ц. 1 р.

И. А. Саловъ. Дѣла житейскія. Очерки, разсказы и повѣсти. Изданіе О. К. Куманиной. М. 98. Ц. 1 р. 50 к.

М. Л. Златковскій. Джонъ Буль конца вѣка. Политическая трагикомедія въ пяти картинахъ. СПБ. 98. Ц. 1.

Иллюстрированная сказочная библіотека Ф. Павленкова.

№ 83. Норвежскія сказки. Переводъ Б. Д. Порозовской. Ц. 10 к.

№ 84. Англійскія сказки. Переводъ М. А. Шишмаревой. Ц. 15 к.

№ 85. Англійскія сказки. Переводъ М. А. Шишмаревой. Ц. 15. к.

№ 86. Англійскія сказки. Переводъ М. А. Шишмаревой. Ц. 15 к. СПБ. 98.

Будущее человѣчества. (8000-й годъ). Соціальная фантазія проф. **Паоло Мантегацца.** Переводъ съ итальянск. Съ 20 рис. въ текстѣ. Изданіе Ф. Павленкова. СПБ. 93. Ц. 40 к.

Стелла. Астрономическій романъ **Камилла Фламмаріона.** Переводъ Е. А. Предтеченскаго. Изданіе Ф. Павленкова. СПБ. 98. Ц. 80 к.

Множественность населенныхъ міровъ и условія обитаемости небесныхъ земель съ точки зрѣнія астрономіи, физіологіи и естественной философіи. **Камилла Фламмаріона.** Переводъ Е. А. Предтеченскаго. Изданіе Ф. Павленкова. СПБ. 98. Ц. 1 р

Поль Жане. Произвольное зарожденіе и превращеніе видовъ. Переводъ съ франц. СПБ. 98. Ц. 40 к.

Д. В. Дрэперъ. Сонъ и смерть. СПБ. 98. Ц. 20 к.

Вліяніе среды на организмы. **Л. Кено**. Переводъ съ франц. подъ редакціей В. К. Агафонова. Изданіе Ф. Павленкова. СПБ. 98. Ц. 40 к.

Общедоступная анатомія и физіологія человѣка и животныхъ. **Э. Ретерера**. Съ 380 политипажами въ текстѣ и 6 отдѣльными раскрашенными рисунками. Переводъ съ франц. Г. А. Паперна. Изданіе Ф. Павленкова. СПБ. 98. Ц. 2.

Силы и законы природы. Д-ра **Антона Лампа**. Переводъ съ нѣм. Г. А. Паперна. Съ 45 рисунками. Изданіе Ф. Павленкова. СПБ. 98. Ц. 1 р.

Химикъ-любитель. Практическое знакомство съ химіей посредствомъ ряда простыхъ и интересныхъ опытовъ, не требующихъ большихъ расходовъ. Составилъ **Ф. Фэдо**. Съ 125 рис. въ текстѣ. Переводъ съ франц. В. Обреимова. Изданіе Ф. Павленкова. СПБ. 98. Ц. 1 р.

Физическіе парадоксы и софизмы. Пособіе для учениковъ и преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 30 рисунками. **В. А. Волжина**. Изданіе Ф. Павленкова. СПБ. 98. Ц. 25 к.

Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи, составленныхъ кружкомъ преподавателей. Изданіемъ завѣдуетъ приватъ-доцентъ Московскаго университета А. Н. Реформатскій. Вып. II. (Съ 5 портретами и 118 чертежами). М. 98. 1 р. 20 к.

Н. И. Николаевъ. Драматическій театръ въ г. Кіевѣ. Историческій очеркъ (1803—1893 г.). Изданіе Я. Б—го и Н. П—ва. Кіевъ. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Ив. Ивановъ. Исторія русской критики. Части первыя и вторая. Изданіе журнала «Міръ Божій». СПБ. 98. Ц. 2 р.

Ив. Ивановъ. Люди и факты западной культуры. Герой современной легенды. Совѣсть въ исторіи одной жизни. М. 98. Ц. 1. р.

Джонъ Морлей. Воспитательное значеніе литературы. Переводъ съ англ. Гольдмерштейнъ. СПБ. 98. Ц. 15 к.

Максъ Нордау. Литературное воображеніе. Переводъ Стараго профессора Н. К—ва. Изданіе Н. Зинченко. СПБ. 98. Ц. 25 к.

Итоги XIX вѣка. **Д. Нордена**. Перевела съ нѣм. Эл. Зауэръ. Изданіе Ф. Павленкова. СПБ. 98. Ц. 40 к.

Карлъ Героκъ. Иллюзіи и идеалы. Переводъ съ 6-го нѣмецкаго изданія съ предисловіемъ В. Ч. СПБ. 98. Ц 30 к.

О счастьѣ. **Н. А. Лухмановой**. Изданіе П. П. Сойкина. СПБ. 98. Ц. 1 р.

Этика (Ученіе о нравственности). **Джона С. Макензи**. Переводъ съ англ. Изданіе Ф. Павленкова. СПБ. 98. Ц. 1 р.

Алоизъ Риль, Г. Зиммель. Фридрихъ Ницше. I. Художникъ и мыслитель. II. Этико-философскій силуэтъ. Переводъ съ нѣм. Н. Южина. Одесса 98. Ц. 60 к.

Мужчина и женщина. Этюдъ о вторичныхъ половыхъ признакахъ у человѣка. **Гевлокъ Эллисса**. Переводъ съ англ. А. Николаева и И. Шмурло. Изданіе Ф. Павленкова. СПБ. 98. Ц. 1 р.

Устои семьи. Гигіеническія и психологическія условія брака. Составилъ **Л. А. Золотаревъ**. 2-е изданіе. М. 98. Ц. 80 к.

Личная и общественная борьба съ развратомъ. Сочиненіе **Л. А. Золотарева**. Изданіе автора. М. 97. Ц. 30 к.

Преступленія и проституція, какъ соціальныя болѣзни. **П. Гирша.** Переводъ съ нѣм. Изданіе Ф. Павленкова. СПБ. 98. Ц. 30 к.

Гербертъ Спенсеръ. Этика половыхъ отношеній. Перевелъ съ англ. Л. Гольдмерштейнъ. СПБ. 98. Ц. 35 к.

Гербертъ Спенсеръ. Права женщинъ. Переводъ съ англ. Л. Гольдмерштейнъ. СПБ. 98. Ц. 15 к.

Иллюстрированная исторія религій, составленная **Д. П. Шантени-де-ля Соссей.** Переводъ съ нѣм. подъ редакціей В. Н. Линдъ. Вып. 2-й. Изданіе магазина «Книжное дѣло». М. 98.

С. С. Арнольди. Задачи пониманія исторіи. Проектъ введенія въ изученіе эволюціи человѣческой мысли. Изданіе М. Ковалевскаго. М. 98. Ц. 2 р.

Ф. Поллокъ. Исторія политическихъ ученій. Переводъ съ англ. М. 98. Ц. 40 к.

Р. Андерсонъ. Исторія вымершихъ цивилизацій востока. Переводъ съ англ. Съ 4-мя картами и рисунками. Изданіе книжнаго магазина «Книжное дѣло». М. 98. Ц. 50 к.

Эли Соренъ. Исторія Италіи отъ 1815 г. до смерти Виктора Эммануила. Переводъ съ франц. М. Чепинской. Приложеніе: Очеркъ послѣдующихъ событій до нашихъ дней. Составилъ В. В. Водовозовъ. Изданіе О. Н. Поповой. СПБ. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія семьи. **Ю. Липперта.** Переводъ съ нѣм. Н. Шатерникова. Изданіе Ф. Павленкова. СПБ. 97. Ц. 60 к.

А. Торсое. Исторія нашего столѣтія. 1815—1890 г. Т. I. Переводъ съ датскаго М. В. Лучицкой подъ редакціей проф. И. В. Лучицкаго. Изданіе С. В. Кульженко. Кіевъ 98. Ц. 1 р. 75 к.

Э. Мейеръ. Экономическое развитіе древняго міра. Переводъ подъ редакціей М. О. Гершензона. Изданіе М. И. Водовозовой. СПБ. 98. Ц. 60 к.

Арн. Тойнби. Промышленный переворотъ въ Англіи въ 18-мъ столѣтіи. Переводъ съ англ., съ предисловіемъ проф. А. И. Чупрова. М. 98. Ц. 50 к.

В. Ф. Залѣсскій. Ученіе о происхожденіи прибыли на капиталъ. Отдѣлъ 2-й. Вып. I. Часть историко-критическая. Вып. II. Часть догматическая. Казань 98. Ц. за оба выпуска 3 р.

Капиталъ. Критика политической экономіи. Сочиненіе **Карла Маркса.** Второе изданіе. Т. I. Процессъ производства капитала. СПБ. 98.

И. Озеровъ. Подоходный налогъ въ Англіи. Экономическія и общественныя условія его существованія. М. 98. Ц. 2 р. 50 к.

Вл. Пландовскій. Народная перепись. СПБ. 98. Ц. 2 р. 50 к.

Теорія и практика желѣзнодорожнаго права по перевозкѣ грузовъ, багажа и пассажировъ. **И. М. Рабиновича.** Изданіе второе, исправленное и дополненное. СПБ. 98. Ц. 4 р.

Изъ экономической жизни западной Европы. Сборникъ статей. Вып. I. Перевелъ съ нѣм. А. Санинъ. Изданіе Н. Гарина. СПБ. 98. Ц. 75 к.

Экономическое ученіе Карла Маркса. Изложеніе и критическій разборъ **Л. Слонимскаго.** СПБ. 98. Ц. 1 р. 25 к.

Б. Ф. Брандтъ. Иностранные капиталы. Ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны. Часть I. СПБ. 98. Ц. 2 р.

М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и на-

стоящемъ. Историко-экономическое изслѣдованіе. Т. I. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. СПБ. 98. Ц. 3 р.

По бѣлу-свѣту. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ стараго свѣта. **А. В. Елисѣева.** Съ иллюстраціями. Изданіе П. П. Сойкина. Т. IV. СПБ. 98. Ц. 3 р.

Іерихонъ, Іорданъ и Мертвое море. (Географическій очеркъ). Чтеніе для народа. Составилъ проф. **Н. Ю. Зографъ.** Изданіе Московской комиссіи народныхъ чтеній. М. 98. Ц. 8 к.

Генисаретское озеро и путь къ нему. (Географическій очеркъ). Чтеніе для народа. Составилъ проф. **Н. Ю. Зографъ.** Изданіе Московской комиссіи народныхъ чтеній. М. 98. Ц. 7 к.

С. Ворисгоферъ. Образовательное путешествіе. Живописные очерки отдаленныхъ странъ. Переводъ съ нѣм. В. И. Писаревой. Съ 73 рисунками въ текстѣ. 3-е изданіе Ф. Павленкова. СПБ. 98. Ц. 1 р.

Отчетъ по командировкѣ на Персидскій заливъ (въ Бендеръ-Аббасъ) въ 1897 г. Врача **Сергѣя Марка.** СПБ. 98.

А. Н. Майковъ. Біографическій очеркъ. Составленъ **М. А. Златковскимъ.** Изданіе 2-е. СПБ. 98. Ц. 1 р.

Л. Пастеръ, его жизнь и научная дѣятельность. Біографическій очеркъ **М. А. Энгельгардта.** Съ портретомъ Пастера. Изданіе Ф. Павленкова. СПБ. 98. Ц. 25 к.

П. М. Луговской. На помощь дѣтямъ. Нѣсколько мыслей по школьному вопросу. Новгородъ 98. Ц. 60 к.

В. Ермиловъ. Въ борьбѣ съ рутиной. М. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Мысли Бѣлинскаго о воспитаніи. **Л. С.** СПБ. 98. Ц. 25.

Н. И. Борисовъ. Результаты выпускныхъ испытаній въ одноклассныхъ земскихъ школахъ Херсонской губ. въ 1897 г. Изданіе Херсонской губернской земской управы. Херсонъ 98.

Образовательно-воспитательныя учрежденія для рабочихъ и организація общедоступныхъ развлеченій въ Москвѣ. Доклады д-ра А. В. Погожева, проф. А. И. Чупрова, Т. И. Полнера, Н. А. Попова и Вл. И. Немировича—Данченко. Изданіе Е. В. Лавровой и Н. Попова въ пользу фонда общедоступныхъ развлеченій для рабочихъ въ Москвѣ. М. 98. Ц. 50 к.

Отчетъ Воронежской публичной библіотеки и ея отдѣленій имени А. В. Кольцова и Н. С. Никитина въ Воронежѣ и отдѣленія въ гор. Бобровѣ за 1897 г. Воронежъ 98.

Отчетъ по народнымъ чтеніямъ въ г. Самарѣ. Самара. 98.

Отчетъ Симбирской безплатной библіотеки—читальни въ память И. А. Гончарова за 1897 г. Симбирскъ 98.

Отчетъ филіальнаго отдѣленія Воронежской публичной библіотеки имени И. С. Никитина за 1897 г. Воронежъ 98.

Отчетъ Одесской городской публичной библіотеки за 1897 г. Одесса 98.

Полтавская коммиссія народныхъ чтеній. Отчетъ за 1897 г. Полтава 98.

Отчетъ Городецкаго музея Волынской губ. борона Ѳ. Р. Штейнгель. За первый годъ съ 25 ноября 1896 г. по 25 ноября 1897. Варшава 98.

Положеніе народнаго образованія въ Саратовской губ. за время существованія въ ней земскихъ учрежденій по 1895 г. Выпускъ II. Петровскій уѣздъ. Саратовъ 97.

Два посѣщенія съ дѣтьми Третьяковской галлереи. Составляла **О. П. Орлова**. М. 98. Ц. 25 к.

С. И. Шохоръ-Троцкій. Методика ариѳметики. Часть I, для учителей одноклассныхъ начальныхъ школъ. Изданіе 5-е. СПБ. 98. Ц. 80 к.

Ариѳметическій задачникъ для учителей. Вып. II (для учебныхъ заведеній, въ которыхъ проходится полный курсъ ариѳметики). Составилъ **С. Шохоръ-Троцкій**. СПБ. 98. Ц. 75 к.

Ариѳметическій задачникъ для учениковъ. Вып. II (для учебныхъ заведеній, въ которыхъ проходится полный курсъ ариѳметики). Составилъ **С. Шохоръ-Троцкій**. СПБ. 98. Ц. 35 к.

Современная борьба взглядовъ за и противъ суда присяжныхъ и реформаторскія попытки въ этой области. **М. П. Чубинскаго**. Кіевъ 97.

Общая характеристика новыхъ ученій въ уголовномъ правѣ. Вступительная лекція. Приватъ-доцента университета св. Владиміра **М. П. Чубинскаго**. Кіевъ 98.

Популярно-юридическая библіотека, издаваемая Ф. Павленковымъ. № 5. Заемъ, закладъ и залогъ. Составилъ **Я. В. Абрамовъ**. СПБ. 98. Ц. 25 к.

Теодоръ Герцль. Еврейское государство. Опытъ новѣйшаго разрѣшенія еврейскаго вопроса. Переводъ Бенъ-Зеева. 2-е изданіе Я. X. Шермана. Одесса. 98. Ц. 40 к.

А. А. Сапожниковъ. Иновѣрцы и иноземцы въ Россіи (Ихъ права и отношенія къ кореннымъ жителямъ). СПБ. 98.

А. С. Френкель. Средства для борьбы съ разбоемъ на Кавказѣ. Изданіе Кавказскаго Юридическаго Общества. Тифлисъ 98. Ц. 75 к.

Голосъ жизни о крестьянскомъ неустройствѣ. **К. И. Тура**. СПБ. 98. Ц. 75 к.

Памятная книжка Енисейской губ. съ адресъ-календаремъ. Подъ редакціей секретаря статистическаго комитета. Красноярскъ 97.

Самоучитель фотографіи и приготовленіе картинъ для волшебнаго фонаря. Составилъ **М. Круковскій**. Изд. О. Н. Поповой. СПБ. 98. Ц. 60 к.

Практичный, испытанный способъ устройства провѣтриванія скотныхъ дворовъ. Составили **Н. В. Утѣхинъ**. Съ 10 рис. Изданіе книжн. маг. «Деревня» СПБ. 98. Ц. 10 к.

Проектъ хлѣва для крупнаго скота. Съ чертежемъ и рис. въ текстѣ. Составилъ **И. Ю. Майеръ**. Изданіе кн. маг. «Деревня» СПБ. 98. Ц. 40 к.

Проектъ двухъ молочныхъ. Съ чертежемъ и 12 рис. въ текстѣ. Составилъ **В. Ф. Харламовъ**. Изданіе кн. маг. «Деревня». СПБ. 98. Ц. 40 к.

Н. Жеденовъ. Огурцы, какъ они растутъ и какъ ихъ сажать. Пособіе для земледѣльческихъ пріютовъ и сельскихъ школъ. Съ 13 рис. СПБ. 98. Ц. 15 к.

Н. Жеденовъ. Краткія свѣдѣнія по огородничеству. Пособіе для земледѣльческихъ пріютовъ и сельскихъ школъ. Съ 4 рис. СПБ. 98. Ц. 15.

Иллюстрированная сельско-хозяйственная справочная книжка. Составл. подъ редакціей П. Н. Елагина при участіи спеціалистовъ. Со мног. рис. СПБ. 97. Ц. 40 к.

Сельская геодезія, общедоступное руководство къ производству зем-

землемѣрныхъ и межевыхъ работъ. Съ 25 рис и чертежами. Составилъ **А. П. Поповъ.** Изданіе книжн. магазина «Деревня». СПБ. 98. Ц. 25 к.

Кн. Сергій Урусовъ, Конеразведеніе. Практическое руководство. Изданіе книжн. маг. «Деревня». СПБ. Ц. 30.

Principes d'économie politique. Par. **Charles Gide.** 6-me édition. Paris 98. Pr. 6 fr.

Analyse du troisiéme livre du Capital de Marx. Par. **N. Slepzoff.** Paris 98.

Библіографическая замѣтка.

(Проф. Бӧмъ-Баверкъ. Теорія Карла Маркса и ея критика. Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. Георгіевскаго).

Со времени опубликованія третьяго тома «Капитала» въ нѣмецкой литературѣ опять оживился затѣненный было различными теченіями мысли споръ о теоріи трудовой цѣнности, особенно въ томъ видѣ ея, какой она приняла въ рукахъ Маркса. Противорѣчіе этой теоріи, опредѣляющей мѣновую стоимость всякаго товара въ зависимости отъ «откристаллизованнаго въ немъ количества труда», съ тѣмъ непосредственно даннымъ въ дѣйствительности фактомъ, что прибыль въ различныхъ сферахъ капиталистическаго производства стремится къ одному уровню,—это противорѣчіе должно было найти себѣ разрѣшеніе въ третьемъ томѣ.

Вотъ въ немногихъ словахъ сущность этого разрѣшенія. Анализируя ближе ту *конкретную* форму, въ которой проявляется на рынкѣ мѣновая стоимость произведеннаго капиталистическимъ путемъ товара, мы видимъ, что она не совпадаетъ цѣликомъ съ установленнымъ въ первомъ томѣ трудовымъ принципомъ стоимости; или, правильнѣе, совпаденіе возможно только для тѣхъ категорій товара, для которыхъ потребленный капиталъ имѣетъ такой же органическій составъ (подъ послѣднимъ понимается отношеніе постоянной части капитала къ перемѣнной), какой имѣетъ совокупный національный капиталъ; для всѣхъ же остальныхъ категорій товаровъ рыночная форма проявленія мѣновой стоимости не совпадаетъ съ стоимостью, какъ она была опредѣлена въ производственномъ процессѣ; первая бываетъ то выше, то ниже послѣдней, въ зависимости отъ того, въ какую сторону уклоняется органическій составъ капитала, сравнительно съ *среднимъ* составомъ его. И это уклоненіе цѣны отъ стоимости, измѣряемой количествомъ воплощеннаго въ товарѣ труда, обусловливается необходимостью уравненія нормы прибыли во всѣхъ отрасляхъ производства, подпав-

шихъ капиталистическому режиму. «Если товары, говоритъ Марксъ (Das Kapital, стр. 175—176), продаются по ихъ стоимостямъ (т. е. соразмѣрно воплощенному въ товарахъ труду), то возникаютъ, какъ было указано, различныя нормы прибыли въ различныхъ отрасляхъ производства, въ зависимости отъ различнаго органическаго состава вложенныхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ массъ капитала. Но капиталъ устремляется вонъ изъ сферы съ низкой нормой прибыли и направляется въ сферу, которая даетъ высшую норму. Этимъ постояннымъ переходомъ туда и сюда, словомъ—своимъ распредѣленіемъ въ различныхъ сферахъ, по мѣрѣ пониженія нормы прибыли въ одномъ мѣстѣ и повышенія ея въ другомъ, капиталъ обусловливаетъ такое отношеніе спроса къ предложенію, что средняя прибыль въ различныхъ отрасляхъ производства становится одинаковой, и поэтому *стоимости обращаются въ цѣны производства* (Productionspreis)».

Итакъ, рыночный, реальный обмѣнъ товаровъ совершается не по закону стоимостей, а по закону цѣнъ производства. Послѣднія представляютъ сумму содержащагося въ товарѣ оплаченнаго труда (т. е., по терминологіи Маркса, цѣны стоимости (Kostpreis) или издержекъ производства плюсъ опредѣленное количество неоплаченнаго труда, *независимое* отъ той отрасли производства, о которой идетъ рѣчь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ (ib. стр. 144), т. е. независимое отъ размѣра созданной въ ней же прибавочной цѣнности. Цѣна производства товара равна $k+kp'$, гдѣ k есть цѣна стоимости, а p' есть общая норма прибыли. Товары обмѣниваются по этимъ цѣнамъ производства, а не по стоимостямъ, выражаемымъ формулой $k+m$, гдѣ m обозначаетъ прибавочную цѣнность. Слагаемыя m и kp' равны другъ другу только для опредѣленной категоріи товаровъ, произведенныхъ капиталами опредѣленнаго состава, и именно состава, совпадающаго съ составомъ всего общественнаго капитала; для другихъ же товаровъ kp' бываетъ то больше, то меньше, чѣмъ m, и поэтому они при обмѣнѣ продаются то выше, то ниже заключенной въ нихъ стоимости. Въ цѣну производства, которая отнынѣ является мѣриломъ реальныхъ мѣновыхъ сдѣлокъ, включена средняя прибыль; она такимъ образомъ «совпадаетъ съ тѣмъ, что Ад. Смитъ называетъ natural price, Рикардо называетъ price of production, а физіократы обозначаютъ именемъ prix nécessaire» (ib. стр. 178).

Чѣмъ же однако опредѣляется общая или средняя норма прибыли p'? не находится ли она въ прямой зависимости отъ закона цѣнности? Марксъ отвѣчаетъ утвердительно на этотъ вопросъ и такимъ образомъ думаетъ укрѣпить почву, на которой построенъ законъ цѣнности. Средняя норма прибыли, по его мнѣнію, опредѣляется *отношеніемъ совокупной прибавочной цѣнности* или, что то же, совокупной прибыли, произведенной въ какой либо странѣ, *къ совокупному общественному капиталу.* Каждый капиталистъ при

продажѣ своего товара выручаетъ столько прибыли, сколько ея приходится изъ совокупной прибавочной цѣнности, при равномѣрномъ распредѣленіи ея на отдѣльные капиталы, пропорціонально величинѣ ихъ. Поэтому и надбавка въ видѣ прибыли къ цѣнѣ стоимости (т. е. къ издержкамъ производства) не зависитъ отъ той спеціальной сферы производства, въ которой товаръ произведенъ (ib. стр. 137), т. е. не зависитъ отъ созданной въ ней прибавочной цѣнности.—Вотъ предлагаемое Марксомъ разрѣшеніе противорѣчія между закономъ стоимости и закономъ равненія прибылей, разрѣшеніе, которое, нужно замѣтить, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ было дано и до выхода въ свѣтъ третьяго тома Конрадомъ Шмидтомъ въ 1889 году.

Однако разрѣшеніе ли это? Не есть ли это скорѣе формальное признаніе несостоятельности прославленнаго закона стоимости, который требовалъ, чтобы товары обмѣнивались по воплощеннымъ въ нихъ количествамъ труда? Многіе экономисты такъ и заключили. Лоріа, напр., поспѣшилъ заявить, что вмѣсто рѣшенія Марксъ далъ мистификацію, что третій томъ является для трудовой теоріи «научнымъ самоубійствомъ». Къ числу такихъ экономистовъ относится и Бёмъ-Баверкъ. Въ своей монографіи «Теорія Карла Маркса и ея критика», переведенной на русскій языкъ подъ редакціей проф. Георгіевскаго, онъ говоритъ: «не могу не признать, что въ этомъ, (т. е. въ согласованіи закона стоимости съ наличностью общаго уровня прибыли) я не вижу никакого объясненія и примиренія противорѣчія, но одно чистое противорѣчіе. Третій томъ Маркса опровергаетъ первый. Теорія средней нормы прибыли и цѣнъ производства не мирится съ теоріей цѣнности» (стр. 24). А такъ какъ указанное противорѣчіе находится въ неразрывной связи съ общимъ экономическимъ ученіемъ Маркса, сводящимъ цѣнность какого либо блага на заключенный въ немъ трудъ, то Бёмъ-Баверкъ и выводитъ отсюда, что «у системы Маркса есть прошлое и настоящее, но нѣтъ никакого прочнаго будущаго. Въ области естественныхъ наукъ въ настоящее время появленіе сочиненія, подобнаго сочиненію Маркса, было бы прямо невозможно, тогда какъ въ области еще очень молодыхъ соціальныхъ наукъ оно могло пріобрѣсти вліяніе, притомъ весьма большое, и утрачивать будетъ его только весьма и весьма медленно» (стр. 125). Бёмъ-Баверкъ сравниваетъ Маркса съ Гегелемъ. «Оба, говоритъ онъ, были геніальными мыслителями. Оба, каждый въ своей области, пріобрѣли громадное вліяніе на мышленіе и на чувства цѣлыхъ поколѣній, даже, можно сказать, на духъ времени. Но оригинальное теоретическое сочиненіе у каждаго изъ нихъ представляло собой въ высшей степени искусно задуманный, при помощи сказочной силы къ комбинированію съ безчисленными этажами мыслей выстроенный—*карточный домъ*».

Приговоръ, какъ видите, не изъ особенно мягкихъ, но нельзя сказать, чтобы Бёмъ-Баверку удалось обосновать полную правиль-

ность его. Мы, конечно, не можемъ въ бѣглой замѣткѣ исчерпать всѣ противоставляемыя Бӧмъ-Баверкомъ возраженія. Замѣтимъ только, что по большей части они обнаруживаютъ значительную остроту ума и рѣдкое, со стороны противниковъ классической экономіи, безпристрастіе. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Однимъ изъ аргументовъ, которымъ Марксъ думаетъ оправдать значеніе своего закона цѣнностей, нужно считать, по мнѣнію Бӧмъ-Баверка, слѣдующій: хотя между собой отдѣльные товары продаются выше или ниже своей цѣнности, но эти отступленія съ обѣихъ сторонъ взаимно уничтожаются, и въ обществѣ, въ его цѣломъ,—разсматривая совокупность отраслей всего производства,—*сумма цѣнъ призводства всетаки остается равной суммѣ ихъ цѣнностей*. Бӧмъ-Баверкъ считаетъ этотъ аргументъ лишь ловкимъ уклоненіемъ отъ вопроса о мѣновомъ отношеніи отдѣльныхъ товаровъ *между собой* и пустой, ничего не выражающей собой тавтологіей, и вотъ почему. «Вѣдь, какъ всякій экономистъ знаетъ, продукты обмѣниваются окончательно всетаки на продукты, если смотрѣть сквозь форму денежнаго обращенія, скрывающаго его суть. Всякій, вступающій въ обмѣнъ товаръ является съ одной стороны товаромъ, но съ другой стороны является вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣной того товара, на который онъ мѣняется. Сумма товаровъ идентична, такимъ образомъ, съ суммой уплаченныхъ за нихъ цѣнъ. Или: цѣна всего національнаго продукта въ цѣломъ представляетъ ничто иное, какъ самъ національный продуктъ. При такихъ условіяхъ, конечно, *вполнѣ вѣрно утвержденіе, что сумма цѣнъ, уплаченныхъ въ общей сложности за весь національный продуктъ, вполнѣ совпадаетъ съ кристаллизованной на самомъ дѣлѣ въ немъ суммой цѣнности или труда*» (стр. 31). Признаться, такое утвержденіе звучитъ странно въ устахъ Бӧмъ-Баверка; и напрасно онъ думаетъ, что всякій съ нимъ согласится. Всѣ противники классической экономіи именно и не допускаютъ того, чтобы возможна была формула: сумма цѣнъ, уплаченныхъ за весь національный продуктъ, равняется откристаллизованному въ немъ труду. Каковъ смыслъ этой формулы? А тотъ, что какъ бы ни обмѣнивались между собой отдѣльные продукты, какъ бы ни была капризна мѣновая оцѣнка ихъ со стороны потребителя (въ зависимости отъ рѣдкости, полезности, удовольствія, услуги и т. д.), какой бы чудодѣйственной силой ни обладала конкурренція въ установленіи размѣровъ мѣновой цѣнности,—совокупность мѣновыхъ сдѣлокъ не можетъ выйти за предѣлы указанной формулы, которая даетъ схему мѣнового процесса, начальный и исходный пунктъ его. Можно ли назвать пустой тавтологіей такую формулу и побѣдоносно указывать на ея безсодержательность? Нѣтъ, физикъ знаетъ тотъ крупный шагъ впередъ, который онъ дѣлаетъ, когда ему удается установить начальный и конечный моменты какого либо непрерывнаго физическаго процесса; онъ стремится охватить схему, въ которую процессъ укла-

дывается. Этой схемы онъ домогается, когда ищетъ механическій эквивалентъ теплоты или электрической энергіи. Онъ говоритъ, что совершаемая работа, какія бы модификаціи ни происходили съ ней на пути, не можетъ выйти за предѣлы начальной и конечной температуры или начальнаго и конечнаго потенціала той совокупности тѣлъ, которая подлежитъ разсмотрѣнію, т. е. что она не можетъ выйти за предѣлы простого математическаго равенства. Разъ законъ (или, если угодно, гипотеза), по которому сумма *цѣнъ*, уплаченныхъ за весь національный продуктъ, вполнѣ, какъ это утверждаетъ Баверкъ, совпадаетъ съ кристаллизованной въ немъ на самомъ дѣлѣ суммой цѣнности или труда, разъ этотъ законъ есть тавтологія, то въ такомъ случаѣ и въ такомъ же смыслѣ есть тавтологія и законъ (или, если угодно, гипотеза) сохраненія энергіи: вѣдь и онъ утверждаетъ лишь то, что насколько въ одномъ случаѣ энергіи прибавляется, настолько же въ другомъ случаѣ убавляется, и что въ общемъ итогѣ эти различія другъ друга компенсируютъ и такимъ образомъ не вліяютъ на совокупность энергіи, выражающейся опредѣленной величиной. Вѣдь всякій физикъ, скажемъ мы, перефразируя слова Баверка, знаетъ, что энергія одного тѣла окончательно всегда обмѣнивается на энергію другого тѣла, если отвлечься отъ сопровождающаго этотъ обмѣнъ матеріальнаго измѣненія; но никакой физикъ не скажетъ, что законъ сохраненія энергіи есть пустая тавтологія. И законъ стоимости товаровъ, въ формулировкѣ Бомъ-Баверка, обнимающей всю совокупность національнаго продукта, не есть, конечно, тавтологія. Онъ можетъ быть невѣрнымъ, не полнымъ, но ни въ коемъ случаѣ не тавтологическимъ, и мы думаемъ, что реальная конкретность этого закона еще не была доказана.

Утвержденіе Баверка о *полномъ* совпаденіи цѣнъ товаровъ «съ заключенной въ нихъ *суммой цѣнности* или *труда*» тѣмъ болѣе странно, что оно не мирится съ его общей критикой классическаго закона цѣнности. Онъ именно думаетъ, что мѣновое отношеніе отдѣльныхъ продуктовъ (или благъ) не разрѣшается *вполнѣ* въ одинъ трудъ. «Для мѣновыхъ отношеній нѣкоторыхъ благъ (полезностей), каковы, напр., стволы стараго дуба, угольныя копи, земельные участки,—трудъ, конечно, *не* составляетъ объективно важнѣйшаго обстоятельства и, если противоположное можно допустить относительно большинства товаровъ, то должно категорически указать, что и другіе, на ряду съ трудомъ опредѣляющіе факторы оказываютъ столь сильное вліяніе, что мѣновыя отношенія фактически значительно удаляются отъ той линіи, которая соотвѣтствовала бы одному воплощенному труду» (стр. 116). «Неизбѣжный полный анализъ этихъ мотивовъ (которые при мѣновыхъ сдѣлкахъ дѣйствуютъ «подъ флагомъ конкурренціи») выдвинулъ бы *потребительную цѣнность* товаровъ непремѣнно сильнѣе на первый планъ, нежели могъ допустить Марксъ» (стр. 95). Такимъ образомъ, по мнѣнію Бомъ-

Баверка, любое мѣновое отношеніе любыхъ двухъ благъ опредѣляется не однимъ лишь моментомъ труда, но еще и какой нибудь потребительной особенностью ихъ, рѣдкостью ихъ и т. п., т. е. слагается по крайней мѣрѣ изъ двухъ слагаемыхъ, изъ которыхъ только одно есть трудъ. Но разъ Баверкъ признаетъ, что сумма *цѣнъ*, уплаченныхъ за національный продуктъ, *вполнѣ* совпадаетъ съ кристаллизованной въ немъ суммой *труда*, то очевидно, что въ совокупности мѣновыхъ сдѣлокъ всѣ прочія, за исключеніемъ труда, слагаемыя исчезаютъ, что потребительныя особенности товаровъ, ихъ рѣдкость, полезность и т. д. другъ друга нейтрализуютъ. Съ помощью какого механизма совершается эта любопытная компенсація, въ итогѣ которой сумма цѣнъ совпадаетъ съ суммой труда? благодаря какому обстоятельству, трудовой принципъ опять водворяется на прежнемъ мѣстѣ? Бӧмъ-Баверкъ, къ сожалѣнію, не даетъ никакихъ на этотъ счетъ указаній.

Инкриминируемое Марксу утвержденіе не есть только, продолжаетъ критикъ, тавтологія, но оно и не можетъ служить провѣркой правильности этого мнимаго закона, что блага мѣняются въ отношеніи къ воплощенному въ нихъ труду. «Вѣдь такимъ путемъ можно было было бы доказать вѣрность любого закона, положимъ, закона, что блага мѣняются въ отношеніи ихъ *специфическаго вѣса*! Хотя одинъ фунтъ золота, какъ «отдѣльный» товаръ не обмѣнивается на *одинъ* фунтъ желѣза, а на 40,000 фунтовъ, но всетаки *сумма цѣнъ,* уплаченная за 1 фунтъ золота и 40,000 фунт. желѣза *вмѣстѣ*, представляетъ не болѣе и не менѣе, какъ 40,000 фунт. желѣза и 1 фунтъ золота. Итакъ, общій вѣсъ суммы цѣнъ—40,001 ф.—въ точности соотвѣтствуетъ общему вѣсу, воплощенному въ суммѣ товаровъ и состоящему тоже изъ 40,001 ф., и, слѣдовательно, *вѣсъ* есть истинный масштабъ, которымъ регулируются мѣновыя отношенія товаровъ?!» (стр. 31).

Примѣръ нельзя отнести къ числу удачныхъ. Прежде всего «вѣсъ» представляетъ свойство вещи, лежащее внѣ человѣческаго на него воздѣйствія, а мѣновая сдѣлка есть явленіе общественное, измѣняющееся по времени и мѣсту. Обмѣниваемыя вещи характеризуются многими физическими свойствами, кромѣ вѣса; онѣ занимаютъ извѣстное пространство, обладаютъ вкусомъ, цвѣтомъ и проч., и ихъ можно, конечно, классифицировать по этимъ признакамъ. Но во что обращается тогда въ политической экономіи глава о цѣнности? Затѣмъ, какъ объяснить себѣ, что сегодня 1 ф. золота мѣняется на 40,000 ф. желѣза, а завтра тотъ же фунтъ золота обмѣнивается на 50,000 ф. желѣза? Очевидно, не специфическимъ вѣсомъ, который въ обоихъ случаяхъ остался однимъ и тѣмъ же и которымъ обмѣниваемыя тѣла обладали еще и въ то время, когда они лежали въ нѣдрахъ земли и ни въ какія мѣновыя отношенія не вступали. Бӧмъ-Баверкъ возвращается къ тому же примѣру, хотя въ нѣсколько иной формѣ, и на стр. 87—88. Онъ нападаетъ

на понятіе «простой средней работы», которую можетъ проявить всякій обыкновенный человѣкъ, безъ особеннаго развитія, и на которую сводится трудъ «квалифицированный». «Съ помощью совершенно такой же аргументаціи, говоритъ Баверкъ, вполнѣ возможно было бы утверждать, что основаніе и единицы мѣры мѣновой цѣнности заключается въ *веществѣ* товаровъ, и что товары обмѣниваются въ отношеніи воплощенныхъ въ нихъ количествъ вещества. Десять килограммовъ вещества въ одномъ видѣ товара постоянно обмѣниваются на десять же килограммовъ вещества въ другомъ товарномъ видѣ. Еслибы противъ этого положенія возразили, что оно очевидно ложно, ибо 10 клг. золота обмѣниваются не на 10 же, а на 40,000 клг. желѣза и еще на большее количество угля, то мы, по примѣру Маркса, отвѣтили бы: при установленіи цѣнности слѣдуетъ считаться съ содержаніемъ *простого средняго вещества*. Это послѣднее служитъ единицей мѣры. Квалифицированныя высшія дорогія вещества *считаются* лишь потенцированными или вѣрнѣе помноженными простыми веществами, такъ что меньшее количество квалифицированнаго вещества равно большему количеству простого». Противъ предлагаемой Баверкомъ, конечно, въ ироническомъ тонѣ, новой единицы мѣры мѣновой цѣнности спорить трудно, а судить о ея пригодности и того труднѣе, такъ какъ мы не знаемъ, представляетъ ли «простое среднее вещество» Fiberphantasie Бомъ-Баверка, или же это есть нѣчто реальное,—признаки этого «вещества» намъ не указаны. Еслибы Баверкъ обозначилъ эти признаки, еслибы ему удалось свести вещество всѣхъ товаровъ на «простое вещество», напримѣръ, водорода или, еще лучше, аргона, быть можетъ, его мѣрило и оказалось бы пригоднымъ. Конечно, и въ послѣднемъ случаѣ такое, какъ любитъ выражаться Баверкъ, «благо», какъ живая рабочая сила (впрочемъ, это вѣдь и впрямь «благо»), которая на рынкѣ циркулируетъ наравнѣ съ другими вещественными благами, не могло бы выразиться въ новой единицѣ; не пришлось ли бы для него оставить прежнее мѣрило? Увлеченный своимъ примѣромъ Бомъ-Баверкъ позабылъ, что подъ «средней работой», бывающей то выше, то ниже, обусловленной, между прочимъ, состояніемъ производительныхъ силъ, Марксъ разумѣлъ не фикцію, а нѣчто очень реальное.

Мы не можемъ коснуться многихъ интересныхъ пунктовъ аргументаціи Бомъ-Баверка, наша замѣтка и такъ уже разрослась. Намъ приходится поэтому ограничиться лишь нѣсколькими еще бѣглыми замѣчаніями. Въ высокой степени вѣрнымъ кажется намъ указаніе Баверка на необходимость *психологической* провѣрки утверждаемыхъ экономіей положеній. «Можно, говоритъ онъ, при помощи соединенія индуктивнаго и дедуктивнаго метода, прослѣдить тѣ мотивы, которые руководятъ людьми съ одной стороны при совершеніи торговыхъ сдѣлокъ и при назначеніи мѣновыхъ цѣнъ, съ другой стороны—при участіи ихъ въ производствѣ; изъ свойствъ этихъ мо-

тивовъ можно сдѣлать выводы относительно *типическаго* образа людскихъ дѣйствій, причемъ возможно, что выяснилась бы *связь* между обыкновенно даваемыми и требуемыми цѣнами товаровъ и количествомъ труда, необходимымъ для ихъ производства» (стр. 66); и намъ именно кажется, что къ такому *типическому* образу людскихъ дѣйствій, обусловленному игрой мотивовъ, и нужно отнести «трудовую» оцѣнку людьми благъ, стоившихъ имъ труда. Мы совершенно согласны съ указаніемъ Бёмъ-Баверка на то, что «нельзя ожидать законосообразности въ дѣйствіяхъ (внѣшнихъ) безъ законосообразности въ мотивахъ», что «для хозяйственной сферы, въ которой вѣдь мы имѣемъ дѣло преимущественно съ *сознательно* разсчитанными дѣйствіями, объективистическій источникъ познанія... даетъ недостаточную часть общаго достижимаго знанія» (стр. 122), и что этотъ источникъ (т. е. познаніе объективныхъ зависимостей) поэтому долженъ быть дополненъ познаніемъ субъективныхъ промежуточныхъ звеньевъ, которыми устанавливается причинная связь. И намъ опять-таки кажется, что познаніе этихъ субъективныхъ звеньевъ должно привести къ признанію психологической правильности «трудовой» оцѣнки, конечно, caeteris paribus. Почти такъ аргументируетъ и Фр. Энгельсъ (см. его статью «Законъ цѣнности и уровень прибыли»), когда, въ противоположность Зомбарту, усматриваетъ въ цѣнности не одинъ лишь «логическій», но и историческій фактъ. Къ законосообразности внутренней мотиваціи аппелируетъ Энгельсъ и тогда, когда говоритъ, что «*преднамѣренное сознательное* стремленіе купцовъ (лишь только зародилась прибыль) было направлено на то, чтобы обезпечить всѣмъ участникамъ одинаковый уровень прибыли». Правда, могутъ замѣтить, что поиски за промежуточными звеньями приводятъ лишь къ тому, что въ экономическую дисциплину вкрадывается нѣкоторый, какъ говоритъ Бёмъ-Баверкъ, «субъективизмъ», сводящій многое на почву психологіи; здѣсь же такой «субъективизмъ» крайне нежелателенъ, такъ какъ экономика-де ищетъ объективныхъ факторовъ, экономическихъ условій, которые не зависятъ отъ воли отдѣльнаго лица. Но намъ думается, что въ данномъ случаѣ о «субъективизмѣ», которымъ съ недавняго времени стали пугать и взрослыхъ, и малолѣтнихъ читателей, имѣется не совсѣмъ точное представленіе, равно какъ и объ его антиподѣ-объективизмѣ; поэтому то первый и рисуется въ такихъ отпугивающихъ воображеніе формахъ, а второй является въ видѣ послушнаго, кроткаго агнца. Но стоитъ на оба смотрѣть безъ увеличительныхъ стеколъ, чтобы убѣдиться въ ихъ истинныхъ размѣрахъ и въ той долѣ участія, которую принимаетъ каждый изъ нихъ въ пріобрѣтеніи научнаго знанія.

Еще одно замѣчаніе. Третій томъ «Капитала» несомнѣнно вноситъ измѣненіе въ формулировку закона мѣновыхъ стоимостей, данную въ 1-мъ томѣ; но и здѣсь, и тамъ неизмѣннымъ остается утвержденіе, что источникъ прибыли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, промыш-

леннаго капитала кроется въ прибавочной стоимости, въ неоплаченномъ трудѣ; если что и измѣнилось, такъ это распредѣленіе этой прибавочной стоимости между различными членами капиталистическаго общества. Поэтому, намъ кажется слишкомъ смѣлымъ утвержденіе г. Георгіевскаго, что на западѣ «научная несостоятельность теоріи Маркса общепризнана, и нѣтъ ни одного сколько нибудь извѣстнаго ученаго, который продолжалъ бы держаться его теоріи». Конечно, послѣдняя не пользуется такой же общепризнанностью, какой пользуется какая нибудь твердо установленная теорія физическая или біологическая; но вѣдь и никакая экономическая теорія не можетъ похвастаться такой общепризнанностью, ни даже теорія Бӧмъ-Баверка. Что касается ссылки на «извѣстныхъ ученыхъ», то вѣдь они бываютъ разные; одни признаютъ теорію Маркса, другіе—нѣтъ. Г. Георгіевскій, конечно, принадлежитъ къ числу послѣднихъ, иначе онъ не сказалъ бы, что «у насъ, въ Россіи, *къ сожалѣнью*, дѣло стоитъ иначе», т. е. что наши представители экономической науки являются проповѣдниками трудовой теоріи цѣнности. Умѣстно ли, однако, здѣсь сожалѣніе? Едва ли, хотя бы уже по тому одному, что, говоря словами Бӧмъ-Баверка, «экономическая теорія обязана своимъ *несомнѣннымъ* освѣженіемъ именно выступленію такихъ теоретиковъ».

Б.

Самоубійство и его причины.

(Письмо изъ Франціи).

Я позволю себѣ начать это письмо съ личнаго воспоминанія. Лучезарный іюньскій день врывался яркими полосами свѣта и веселымъ шумомъ модной улицы въ растворенныя окна одного изъ многочисленныхъ отдѣленій знаменитой издательской фирмы. Три-четыре товарища по работѣ, пристегнутые къ одному изъ колесъ гигантской капиталистической махины, отрывались время отъ времени отъ привычнаго дѣла и обмѣнивались парижскими новостями... Вдругъ—стукъ въ дверь, и на порогѣ появился нашъ общій пріятель, работавшій въ сосѣднемъ отдѣленіи. «Слышали, господа, Ферранъ только-что застрѣлился!..» *). Мы повскакали съ мѣстъ и обступили пришедшаго съ разпросами и восклицаніями. Печальная

*) Я даю вымышленную фамилію самоубійцы: пресса глухо отозвалась объ этомъ происшествіи, и я не считаю нужнымъ, какъ говорятъ французы, ставить точки надъ і. *Н. К.*

новость произвела на насъ потрясающее дѣйствіе, тѣмъ болѣе, что именно Ферранъ, по нашему общему мнѣнію, ничуть не походилъ на кандидата въ самоубійцы. Мы давно знали его, и что насъ поражало въ немъ, такъ это какъ разъ его уравновѣшенность и образцовая трезвость и низменность его стремленій. То былъ типъ хорошо подкованнаго для борьбы за существованіе карьериста. Онъ рано потерялъ отца, смерть котораго помѣшала ему кончить курсъ въ гимназіи; но эта катастрофа не обезкуражила мальчика, и съ грѣхомъ пополамъ выдержавъ одинъ изъ первоначальныхъ экзаменовъ и получивъ какой-то неважный дипломъ (кажется, учителя народной школы), онъ постарался поскорѣе пристроиться къ хлѣбному занятію. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ онъ получилъ мѣсто второстепеннаго корректора у крупнаго издателя, женился, обзавелся дѣтьми и твердо рѣшилъ выйти въ люди.

Въ умственномъ отношеніи онъ былъ далеко не орелъ; за то природа снабдила его громаднымъ практическимъ смысломъ, умѣньемъ прислуживаться къ хозяевамъ и оттирать товарищей. Такъ онъ чуть было не потерялъ мѣста, вздумавъ съ усердіемъ не по-разуму поправлять на современный ладъ великолѣпный языкъ XVI-го вѣка въ популярномъ изданіи Монтеня, предпринятомъ его хозяевами; но удержался и даже улучшилъ свое положеніе, подставивъ ножку одному изъ старшихъ корректоровъ. Можете представить себѣ, какъ мы были всѣ удивлены финаломъ феррановской карьеры!..

Изъ разспросовъ оказалось, что въ эту уравновѣшенную, блиндированную противъ увлеченій натуру первая мысль о самоубійствѣ вошла черезъ дверь профессіональнаго честолюбія. Хозяева, оцѣнившіе его усердіе и пунктуальность, но боявшіеся его подвиговъ по части исправленія великихъ мастеровъ слога, дали ему работу какъ разъ соотвѣтствовавшую его талантамъ и наклонностямъ: дѣло шло о чисто спекулятивной справочной книгѣ, отъ которой требовалась лишь точность практическихъ свѣдѣній. Ферранъ получилъ повышеніе, усиленный окладъ жалованья и власть надъ цѣлымъ штатомъ мелкихъ корректоровъ, которыхъ онъ немилосердно тѣснилъ при этой работѣ. Но, увы! нашъ карьеристъ не разсчиталъ своихъ силъ, надорвался и подъ конецъ спѣшнаго изданія такъ усталъ, что проглядѣлъ нѣсколько тысячъ очень важныхъ опечатокъ въ справочной книгѣ, ошибокъ въ адресахъ и т. п. оплошностей. Вмѣсто дальнѣйшаго повышенія Феррану грозилъ нагоняй отъ патроновъ, и эта мысль ему казалась нестерпимой. На бѣду его нѣсколько лицъ, занесенныхъ въ книгу, получивъ ее и найдя въ ней неточныя свѣдѣнія о нихъ, уже обратились къ фирмѣ съ просьбой исправить при слѣдующемъ изданіи эти неточности. Эта капля переполнила чашу горести, которую приготовлялся испить Ферранъ: переутомившись надъ работой, онъ утратилъ свой обычный практическій смыслъ. Къ честолюбивому разочарованію его

эгоистической души присоединился уже чисто болѣзненный элементъ въ формѣ необыкновенно комичной сантиментальной скорби надъ участью самой фирмы: ему казалось, видите-ли, что всѣ тысячи фабрикантовъ и пр., адреса которыхъ были неточно отпечатаны въ книгѣ, вчинятъ издателямъ искъ за протори и убытки, понесенные отъ невѣрныхъ адресовъ, и славная фирма принуждена будетъ отдать всѣ свои капиталы въ видѣ штрафовъ по суду. Накануиѣ самоубійства Ферранъ признался одному изъ своихъ знакомыхъ, что онъ не желаетъ дожить до такого позора, какъ раззореніе могущественной династіи: на слѣдующій день онъ упалъ съ простреленной головой на воображаемыхъ—замѣтьте это!—развалинахъ фирмы, подобно тому, какъ вѣрный песъ умираетъ на гробѣ своего господина. Очень знаменательно для этого человѣка, всю жизнь проведшаго въ неустанной борьбѣ за существованіе и грызнѣ съ конкуррентами, что единственное альтруистическое чувство, которое онъ испыталъ въ своей жизни и притомъ въ совершенно болѣзненномъ состояніи, было взято изъ капиталистической сферы и обращено на хозяевъ...

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого происшедшаго почти на моихъ глазахъ самоубійства—дѣло было въ прошломъ году—я тогда же хотѣлъ дать читателю общую статью по этому поводу. Но, отвлеченный чѣмъ то въ сторону, я откладывалъ этотъ планъ съ мѣсяца на мѣсяцъ, а затѣмъ и просто забылъ: жизнь въ Парижѣ закидываетъ васъ такою массою быстро мѣняющихся впечатлѣній, что порою очень трудно бываетъ въ этомъ водоворотѣ событій не отклониться отъ заранѣе намѣченнаго плана. Прошлый годъ былъ, правда, необыкновенно богатъ трагическими и приэтомъ коллективными самоубійствами. Никогда еще печать не занималась въ такой степени вопросомъ объ увеличеніи числа самоубійствъ, о причинѣ этого печальнаго явленія и о средствахъ предупредить или ослабить по крайней мѣрѣ эту эпидемію. Я упомяну въ общихъ чертахъ еще о нѣсколькихъ прошлогоднихъ самоубійствахъ, которыя интересны тѣмъ, что вскрываютъ различныя стороны (не говорю, основныя причины) этой, казалось бы, странной жажды смерти.

Вскорѣ послѣ катастрофы съ моимъ знакомымъ, газеты заговорили о самоубійствѣ четырехъ жилеточницъ на улицѣ Faubourg Poissonnière (8-го іюля). Молодыя женщины (старшей было 25 лѣтъ) покончили съ собой классическимъ способомъ, особенно сильно распространеннымъ въ женскомъ населеніи Парижа: развели жаровню, закупорили всѣ щели и угорѣли всѣ вмѣстѣ. Мотивомъ самоубійства была сѣрая и неприглядная въ аффективномъ смыслѣ жизнь жертвъ: у одной мужъ сошелъ съ ума, другую оставилъ любовникъ, третья принимала участіе въ тоскливымъ настроеніи сестры, а четвертая убила себя «за компанію». Каждая оставила письма къ роднымъ, а всѣ вмѣстѣ общую записку, скрѣпленную четырьмя подписями: «мы умираемъ добровольно и безъ сожалѣ-

нія». По словамъ сосѣдей, самоубійцы пообѣдали вмѣстѣ и были вообще очень веселы; подъ конецъ вечера купили углей и бутылку кирша, заперлись, много разговаривали, смѣялись, а затѣмъ умолкли,—словомъ, отправились на тотъ свѣтъ такъ же спокойно, какъ на пикникъ.

Въ сентябрѣ (28-го) отравился поэтъ или, вѣрнѣе, поэтикъ Латинскаго квартала, нѣкій Ренэ Леклеръ, которому отецъ, провинціальный чиновникъ, пересталъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ высылать деньги на содержаніе, желая голодомъ побудить сына бросить риемоплетство и продолжать курсъ въ медицинской школѣ. Леклеръ нашелъ было занятіе при одной редакціи, но правильная и мелкая работа была противна ему: онъ все надѣялся на свои стихи. А когда эти мечты не удались, и онъ задолжалъ за квартиру хозяину, то его взяло отвращеніе къ жизни: «меня хотятъ вышвырнуть на улицу! Ну, я самъ раньше уйду» — и ушелъ отъ жизни...

Очень много шуму надѣлало своими трагическими деталями самоубійство (19-го октября) шестидесятилѣтняго старика Амедея Масьена, бывшаго кассира въ большомъ торговомъ домѣ. Собственная болѣзнь и смерть жены и сына внушили ему отчаянную мысль сжечь себя, и задуманный планъ былъ выполненъ имъ съ рѣдкой энергіей и при совершенно исключительныхъ условіяхъ. Старикъ сложилъ самъ себѣ небольшой очажокъ среди комнаты, набилъ его угольями, развелъ огонь и легъ спиной къ нему, стоически вынося это медленное сгараніе и записывая свои предсмертныя ощущенія на листкѣ бумаги, который и былъ найденъ возлѣ его обгорѣлаго трупа. Строки, набросанныя добровольнымъ мученикомъ, настолько характерны для его психологіи, что я привожу ихъ цѣликомъ:

«Самоубійство — вещь деликатная: дуракъ тотъ, кто убиваетъ себя, и увалень тотъ, кто промахивается» *). Говорятъ, будто убить себя трусость. Я же утверждаю противное; надо имѣть много мужества, чтобы самому призвать къ себѣ смерть и смотрѣть ей прямо въ лицо, когда она приближается, не уступивъ неудержимому желанію прогнать ее... Но она заставляетъ таки ждать себя; одиннадцать часовъ вечера: вотъ уже два часа, какъ я жду ее, а она не приходитъ. И однако мнѣ кажется, что моя голова тяжелѣетъ, и рука уже не такъ тверда; то, можетъ быть, приближается избавленіе. Я чувствую, какъ бьются мои виски, но боюсь, какъ бы меня не спасли раньше, чѣмъ я успѣю задохнуться... Нѣтъ, нѣтъ, я умру раньше, если не задохнувшись, то сгорѣвъ. Я чувствую, какъ жарятся моя лѣвая рука и лѣвая нога, какъ трещитъ мясо... Все сильнѣе и сильнѣе бьются виски, я ничего не вижу, я...

Ровно недѣлю спустя (26-го октября) небольшое мѣстечко подъ Парижемъ, называемое Шуази-лё-Руа, было театромъ шестерного самоубійства. Служащій на черепичномъ заводѣ и жена его умерт-

*) Строки въ кавычкахъ состоятъ по французски изъ двустишія. *Н. К.*

вили себя и четырехъ своихъ дѣтей угаромъ, разложивъ въ комнатѣ четыре жаровни. Супруги были люди пожилые; мужъ былъ женатъ въ третій разъ, жена вышла замужъ во второй; у нихъ отъ разныхъ браковъ было всего одиннадцать человѣкъ дѣтей, но семеро были размѣщены по чужимъ людямъ, остальныхъ же четырехъ жена, истинная мегера, по словамъ сосѣдей, всячески мучила и истязала, а мужа держала подъ башмакомъ. Поводомъ къ самоубійству послужила угроза полицейскаго коммисара позвать на судъ безчеловѣчную мать, на которую донесли сосѣди. Жена испугалась наказанія и уговорила мужа лишить себя жизни вмѣстѣ съ нею и съ дѣтьми, которыхъ она предварительно напоила пьяными. Жена же оставила записку такого содержанія: «тяжело быть вынужденной покончить съ собой самоубійствомъ, но я наконецъ свыклась съ этой мыслію, и умираю по причинѣ дурныхъ сосѣдей».

Послѣдовавшее почти вслѣдъ за этимъ (въ ночь съ 6-го на 7-е ноября) новое коллективное самоубійство переноситъ насъ уже въ совершенно иную обстановку, въ среду денежной аристократіи. Сцена дѣйствія — прекрасная квартира на avenue Marceau, одной изъ фешенэбельныхъ улицъ правобережнаго Парижа, расходящихся звѣздой отъ тріумфальной арки. Дѣйствующія лица—банкиръ Эрманъ Дрейфусъ съ женой, оба еврейскаго происхожденія, оба еще молодые люди, и три ихъ маленькія дочери, девяти, восьми и пяти лѣтъ. Какъ бываетъ по большей части при коллективныхъ самоубійствахъ, орудіемъ былъ угаръ. Иниціатива въ данномъ случаѣ принадлежала мужу, типу невропата, привыкшаго къ роскошной жизни (у его отца было болѣе пятидесяти милліоновъ) и при малѣйшемъ уменьшеніи бюджета рѣшившагося искать успокоенія въ смерти: говорятъ, что онъ послѣднее время несчастливо игралъ на биржѣ, но во всякомъ случаѣ и послѣ этого относительнаго несчастія у него оставались средства, которыхъ бы хватило для безбѣднаго существованія десятка среднихъ семей. Милліонеръ, ставшій простымъ состоятельнымъ человѣкомъ, во всякомъ случаѣ не нашелъ ничего лучшаго, какъ распроститься совсѣмъ съ жизнію; а когда жена узнала о его намѣреніи, то сейчасъ же рѣшила сопутствовать своему—горячо любимому, какъ говорятъ—мужу въ дальнюю страну, изъ которой никто еще не возвращался, а по дорогѣ захватить и ничего не подозрѣвавшихъ бѣдныхъ дѣвочекъ. Ближайшія причины этого самоубійства такъ, впрочемъ, и остались не вполнѣ выясненными...

Я привелъ, разумѣется, лишь нѣсколько выдающихся случаевъ самоубійствъ, которые возбудили много толковъ въ печати и городѣ, послѣдовавъ одинъ за другимъ въ теченіе всего какихъ-нибудь двухъ-трехъ мѣсяцевъ. Но какова же должна быть полная коллекція самоубійствъ изъ-за голода, несчастной любви, потери близкихъ людей, и т. п., которыя въ такомъ обиліи совершаются по всей Франціи, а въ особенности въ Парижѣ, и число которыхъ

ростетъ съ каждымъ годомъ и абсолютно, и относительно! Во всякомъ случаѣ, избирая темой этой статьи самоубійство и остановившись на нѣсколькихъ наиболѣе яркихъ примѣрахъ, я отнюдь не думаю отнестись къ этому печальному явленію съ тѣмъ фальшивымъ восхищеніемъ, какое характеризуетъ разныхъ Шопенгауэровъ и Шопенгауэриковъ, прославляющихъ намъ сладости буддистскаго «выхода изъ міра жизни (*sansara*) и погруженія въ безсознательность (*nirvanah*)», а при малѣйшей опасности обращающихся въ самое стремительное бѣгство, какъ это случилось, впрочемъ, и съ самимъ родоначальникомъ современнаго пессимизма во время берлинской холеры 1831 г. Тяжелыя картины, которыя я поставилъ на минуту передъ глазами читателя, не должны вводить его въ заблужденіе относительно характера этой статьи: меня, неисправимаго оптимиста, онѣ побуждаютъ лишь, выражаясь нѣсколько торжественно, воспѣть восторженный гимнъ жизни и сознанію людей, этому солнцу и красотѣ вселенной. Читатель увидитъ, въ концѣ концовъ, что изученіе вопроса о самоубійствѣ въ состояніи лишь возвысить въ нашихъ глазахъ цѣну человѣческой жизни и лишній разъ подчеркнуть желательность справедливыхъ и солидарныхъ формъ общежитія. Я воспользуюсь при этомъ изученіи главнымъ образомъ нѣкоторыми выводами, которые даетъ намъ недавній этюдъ по самоубійству, принадлежащій Эмилю Дюркгейму, этому мыслящему, хотя въ иныхъ отношеніяхъ одностороннему, а порою и прямо парадоксальному соціологу *).

Выше я упомянулъ о быстромъ ростѣ самоубійствъ, который поражаетъ особенно во Франціи, гдѣ населеніе увеличивается очень медленно. Дѣйствительно, абсолютное и относительное число самоубійствъ возрастаетъ съ замѣчательной правильностію и поражающей быстротой, какъ видно изъ нижеслѣдующей таблицы (изъ которой исключены два года погрома 1870—1871 гг.):

Годы.	Среднее годовое число самоубійствъ.	
	Абсолютное.	На 1 милліонъ населенія.
1827 — 1830	1739	54
1831 — 1835	2119	64
1836 — 1840	2574	76
1841 — 1845	2952	85
1846 — 1850	3446	97
1851 — 1855	3639	100
1856 — 1860	4002	110

*) Emile Durkheim, «Le suicide. Etude de sociologie»; Парижъ, 1897.

1861 — 1865	4661	124
1866 — 1869	5207	135
1872 — 1875	5471	150
1876 — 1880	6250	168
1881 — 1885	7299	193
1886 — 1890	8286	216

Наконецъ по самымъ послѣднимъ даннымъ, на которыхъ останавливается оффиціальная статистика, въ 1891 г. насчитывали 8884 самоубійствъ, или 232 на милліонъ жителей, и въ 1892 г., на 9285, или 242 на милліонъ *). Нечего удивляться, что такое постоянное и правильно прогрессирующее явленіе должно было остановить на себѣ вниманіе французовъ, у которыхъ, дѣйствительно, литература по самоубійству одна изъ самыхъ подробныхъ въ Европѣ. Но этотъ вопросъ разсматривался здѣсь до сихъ поръ главнымъ образомъ лишь съ чисто статистической или же съ медицинской и морализирующей точки зрѣнія. Дюркгейму принадлежитъ заслуга поставить изученіе этого явленія на соціологическую или, если хотите, общественно-философскую точку зрѣнія. Дѣйствительно, съ авторомъ можно не соглашаться во многихъ отношеніяхъ. Но ему нельзя отказать въ умѣньи и настойчивости, съ какими онъ старается и при изслѣдованіи самоубійства выяснить рѣшающее значеніе соціальнаго элемента въ противоположность такъ называемымъ космическимъ, расовымъ и физіологически-индивидуальнымъ причинамъ. И этимъ Дюркгеймъ выгодно отличается отъ большинства современныхъ соціологовъ, охваченныхъ волною противообщественной реакціи, а потому ищущихъ основъ соціологическихъ явленій внѣ самого общества, т. е. или въ черезчуръ общихъ процессахъ міроздания, или въ черезчуръ частныхъ процессахъ единичной психологіи.

Замѣчу здѣсь кстати, что общественная точка зрѣнія, изгоняемая изъ соціологіи, зло мститъ за такое пренебреженіе и, когда ее выгоняютъ въ дверь вонъ изъ науки, влетаетъ въ окно, но уже въ искаженномъ и карикатурномъ видѣ. Вещь, достойная вниманія: въ то время, какъ модная теперь во Франціи школа соціологовъ антропологическаго пошиба гордится научною объективностью своихъ выводовъ, въ ней на самомъ то дѣлѣ замѣчается отраженіе шовинизма съ его болѣзненнымъ преувеличеніемъ роли націи и расы. Иначе чѣмъ, какъ не этой тенденціей, можно объяснить увлеченіе, которое замѣчается въ здѣшней интеллигентной молодежи

*) Эти подробныя цифры самоубійствъ по пятилѣтіямъ и за послѣдніе годы отчасти (кончая 1875 г.) взяты мною у Легуа (см. A. Legoyt, «Le suicide ancien et moderne»; Парижъ, 1881, стр. 131—132), а отчасти (начиная съ 1876 г.) вычислены по соотвѣтствующимъ томамъ оффиціальнаго «Annuaire statistique». У Дюркгейма такая общая и подробная таблица роста самоубійствъ до послѣдняго времени отсутствуетъ.

(въ особенности между докторами) хотя бы по отношенію къ такимъ дѣтски-поверхностнымъ, но претенціознымъ разсужденіямъ, какія преподноситъ намъ почтенный г. Густавъ Лебонъ, опредѣляющій характеръ «цивилизацій» характеромъ расовой души, а ключъ къ этой душѣ отыскивающій въ шкафу съ коллекціей черепов? Или что иное, какъ не безсознательный отзвукъ больного для французовъ вопроса о жизни и смерти націи слышится въ френологическихъ разсужденіяхъ Лапужа о «бѣлокурой долихоцефалической расѣ», которая, молъ, все болѣе и болѣе исчезаетъ во Франціи, но продолжаетъ господствовать въ энергичной и колонизаторской Англіи? А беллетристическая соціологія Бурже, который видитъ въ расѣ одну изъ трехъ могущественныхъ Паркъ, выпрядающихъ судьбу человѣчества (въ предисловіи къ путешествію въ Америку)? А буланжитская философія Мориса Барреса (не то португальскаго, не то эльзасскаго еврея), который отрицаетъ «французскую душу» въ Золя, но за то считаетъ себя самымъ подлиннымъ галломъ и увѣряетъ насъ, что, воспитывайся онъ съ самаго дѣтства въ китайской семьѣ, онъ всетаки продолжалъ бы мыслить на французскій ладъ? А недавнія комичныя измѣренія, произведенныя однимъ антропологомъ-дилетантомъ надъ гипсовымъ слѣпкомъ съ головы Виктора Гюго, съ цѣлью доказать данными краніометріи поэтическій геній знаменитаго романтика, что, къ слову сказать, нѣсколько походитъ на попытку опредѣлить по формѣ и объему бутылки качество драгоцѣннаго вина, которое находилось когда-то въ ней?

Дюркгеймъ не повиненъ въ этой соціальной френологіи и наоборотъ очень убѣдительно выясняетъ на примѣрѣ самоубійства перевѣсъ общественныхъ причинъ надъ всѣми прочими и, можетъ быть, даже заходитъ по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ черезчуръ далеко въ этомъ направленіи. Интересно, что уже въ самомъ началѣ изслѣдованія, а именно при опредѣленіи термина «самоубійство», эта общественная точка зрѣнія даетъ себя знать очень ощутительно. Авторъ измѣняетъ обычное понятіе о самоубійствѣ, говоря:

Самоубійствомъ называется всякій случай смерти, прямо или косвенно вытекающій изъ положительнаго или отрицательнаго акта, который совершенъ самой жертвой и относительно котораго она знала, что онъ долженъ былъ произвести этотъ результатъ *).

Съ одной стороны такое опредѣленіе заставляетъ насъ выключить изъ категоріи самоубійствъ смерть человѣка, происшедшую, помимо его сознанія, напр., въ состояніи помѣшательства. Съ другой оно позволяетъ намъ, наоборотъ, разсматривать подъ рубрикой самоубійствъ такіе случаи смерти, гдѣ нѣтъ прямого намѣренія убить себя, но гдѣ человѣкъ рѣшается на какой-нибудь героиче-

*) Le suicide, p. 5.

скій актъ, ведущій за собою его гибель. Авторъ причисляетъ къ самоубійцамъ

мученика, который умираетъ за свою вѣру, или мать, которая жертвуетъ собой для ребенка. Будемъ-ли мы принимать смерть лишь какъ печальное, но необходимое условіе для достиженія цѣли, къ которой стремимся, или же будемъ опредѣленно желать и искать смерти для нея самой, и въ томъ и въ другомъ случаѣ мы отказываемся отъ существованія, и различные способы этого отказа могутъ быть лишь разновидностями одного и того же класса явленій. Между ними замѣчается слишкомъ много существеннаго сходства, чтобы не соединить ихъ подъ однимъ и тѣмъ же родовымъ выраженіемъ, съ тѣмъ, чтобы различить потомъ виды въ установленномъ такимъ образомъ родѣ *).

Ниже мы увидимъ, какое значеніе имѣетъ такое опредѣленіе для классификаціи самоубійствъ. Пока съ насъ достаточно отмѣтить то постоянство, съ какимъ Дюркгеймъ вводитъ соціальный факторъ въ вопросъ о самоубійствѣ. Приступая къ частностямъ изслѣдованія, авторъ предварительно констатируетъ интересный фактъ, а именно очень опредѣленную и устойчивую пропорцію самоубійствъ въ каждомъ обществѣ въ данный моментъ его развитія. Изъ таблицы, приведенной имъ на стр. 12, и послѣдующихъ разсужденій оказывается, что хотя самоубійство ростетъ, какъ мы сами видѣли, быстро и постоянно, тѣмъ не менѣе колебанія изъ году въ годъ въ области такого капризнаго, повидимому, явленія незначительны и во всякомъ случаѣ не столь рѣзки, какъ колебанія обыкновенной смертности, зависящей, казалось бы, отъ болѣе прочныхъ и объективныхъ причинъ. Съ другой стороны, наблюдается, что въ то время, какъ средняя смертность въ большинствѣ европейскихъ странъ измѣняется сравнительно мало при переходѣ отъ одного пограничнаго столба къ другому и съ теченіемъ времени все больше и больше тяготѣетъ къ одному общему уровню **), самоубійство колеблется отъ страны до страны въ двойной, тройной, четверной и болѣе пропорціи, какъ показываетъ таблица, приведенная Дюркгеймомъ на стр. 14 и дающая для 1874—1878 г. ежегодную пропорцію 38 самоубійствъ (на 1 милліонъ жите-

*) L. c., стр. 4—5.

**) Даже оперируя надъ старыми данными (1840—1870) — это общій недостатокъ статистическаго матеріала Дюркгейма — авторъ находитъ, что въ этотъ періодъ ежегодная смертность равнялась 23 на 1000 во Франціи, 22 на 1000 въ Англіи, 20 на 1000 въ Даніи, около 31 на 1000 въ Италіи и болѣе 32 на 1000 въ Австріи, т. е. значитъ, колебалась отъ страны до страны лишь въ пропорціи 1 : 1½. Но мы знаемъ, что въ послѣднее время смертность, понизившись повсюду, а въ особенности въ странахъ имѣвшихъ прежде очень неблагопріятныя гигіеническія условія, колеблется отъ страны до страны еще въ гораздо болѣе тѣсныхъ предѣлахъ 1 : 1¼, достигая въ 1894 — 1895 г. 22,5 на 1000 во Франціи (см. «Annuaire statistique de la France, 1896, стр. 12), 25,2 на 1000 въ Италіи (см. Annuario statistico italiano, 1896, стр. 48), 27, 46 на 1000 въ Австріи (см. «Oesterreichisches statistisches Handbuch; 1897, стр. 19).

лей) въ Италіи, 69 самоубійствъ въ Англіи, 130 въ Австріи, 160 во Франціи, 255 въ Даніи, 334 въ Саксоніи. При этомъ замѣчается еще то обстоятельство, что различныя страны, прогрессируя (печальный прогрессъ!) въ числѣ самоубійствъ, сохраняютъ тѣмъ не менѣе каждая приблизительно свое прежнее мѣсто въ этомъ танцѣ смерти *). Отсюда Дюркгеймъ выводитъ то заключеніе, что тенденція каждаго общества къ самоубійству является очень устойчивымъ и характеристичнымъ для него признакомъ, которымъ въ данный моментъ оно отличается отъ другихъ обществъ. Тотъ общественный фактъ, который авторъ называетъ «соціальной пропорціей самоубійствъ» (taux social des suicides), или если хотите «нормой», и долженъ останавливать вниманіе соціолога, и задачей его становится изученіе причинъ, которыя дѣйствуютъ

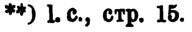
не на индивидуумовъ, взятыхъ въ отдѣльности, но на группу ихъ. Слѣдовательно, между различными факторами самоубійства его касаются тѣ, которые проявляютъ свое дѣйствіе на цѣлое общество. Пропорція самоубійствъ есть продуктъ именно этихъ факторовъ **).

Нѣсколько выше авторъ даже прямо заявляетъ, что нисколько не намѣренъ «составлять возможно полный инвентарь всѣхъ условій, входящихъ въ генезисъ отдѣльныхъ самоубійствъ», но займется лишь общими причинами, опредѣляющими силу тенденціи къ самоубійству въ данномъ общежитіи.

Установивъ этотъ методъ изслѣдованія, авторъ хочетъ устранить возраженія противъ своей исключительно соціологической точки зрѣнія и первую треть книги посвящаетъ доказательству вѣрности своего взгляда отъ противнаго: онъ перебираетъ въ отдѣлѣ о «внѣ-общественныхъ факторахъ» самоубійствъ различныя причины, которыя не могутъ быть включены въ категорію собственно соціологическихъ элементовъ, но которыми прежніе изслѣдователи объясняли самоубійство, и перебравъ ихъ, приходитъ къ заключенію, что это объясненіе не выдерживаетъ критики. Внѣ-общественные факторы раздѣляются Дюркгеймомъ на двѣ главныя категоріи: органически-психическое предрасположеніе индивидуума и окружающія физическія условія. Начиная изслѣдованіе первой категоріи, авторъ обращается прежде всего къ различнымъ формамъ психическаго разстройства (прямому помѣшательству, неврастеніи, алкоголизму) и пытается доказать, что между распространенностью этихъ болѣзненныхъ состояній въ данномъ обществѣ и его «соціальной пропорціей самоубійствъ» нѣтъ никакого правильнаго и постояннаго отношенія. Я не буду вдаваться въ под-

*) Я пользуюсь этимъ обстоятельствомъ, чтобы подновить цифры Дюркгейма: въ 1887—1893 г., ежегодное число самоубійствъ на 1 милліонъ жителей равнялось уже 54 въ Италіи, 82 въ Англіи, 162 въ Австріи, 206 въ Германіи, 225 во Франціи, и т. д.

**) l. c., стр. 15.

робный разборъ тѣхъ сравнительно-статистическихъ пріемовъ, которыми Дюркгеймъ думаетъ подкрѣпить это сомнительное положеніе (въ противоположность взглядамъ хотя бы такого серьезнаго автора, какъ итальянецъ Морсели). Это вообще составляетъ слабый пунктъ его книги, тѣмъ болѣе, что Дюркгейму приходится дѣлать значительныя оговорки въ родѣ, напр., того, что, «говоря вообще, тамъ гдѣ есть больше сумасшедшихъ и идіотовъ, есть больше и самоубійцъ и обратно» (стр. 43), или что «вырожденіе въ его различныхъ формахъ представляетъ собой психологическую почву, въ высшей степени благопріятную для дѣйствія тѣхъ причинъ, которыя могутъ побудить человѣка на самоубійство» (стр. 53). Замѣчу лишь, что я не вижу необходимости, почему Дюркгеймъ, стоя на соціологической точкѣ зрѣнія, счелъ нужнымъ отрицать вышеупомянутую связь между болѣзненными психическими процессами, распространенными въ данномъ обществѣ, и самоубійствомъ. Наоборотъ, именно съ соціологической точки зрѣнія можно было бы показать, какъ индивидуумы зависятъ въ своихъ душевныхъ состояніяхъ и привычкахъ отъ склада общества, и какъ съ измѣненіемъ характера послѣдняго мѣняется число сумасшедшихъ, неврастениковъ и пьяницъ. А отсюда выходило бы, что самоубійства, выростающія на такой болѣзненной почвѣ, являются тѣмъ не менѣе выраженіемъ соціальнаго строя и игры его основныхъ факторовъ.

Самъ, впрочемъ, авторъ близко подходилъ (но не подошелъ совсѣмъ) къ такой постановкѣ вопроса на тѣхъ страницахъ, гдѣ, произнося въ нѣкоторомъ родѣ панегирикъ неврастеникамъ, онъ выражался такъ:

Сама по себѣ неврастенія есть очень общее предрасположеніе, которое не влечетъ за собою необходимо никакого опредѣленнаго акта, но можетъ, смотря по обстоятельствамъ, принимать самыя различныя формы. Это почва, на которой могутъ возникнуть очень различныя тенденціи, сообразно съ тѣмъ способомъ, какимъ почва можетъ быть оплодотворена соціальными причинами. У стараго и сбившагося съ пути народа легко пустятъ ростки отвращеніе къ жизни, пассивная меланхолія со всѣми вытекающими изъ нея печальными слѣдствіями; напротивъ, въ молодомъ обществѣ разовьются преимущественно пылкій идеализмъ, благородный прозелитизмъ, дѣятельное самоотверженіе. Если вырождающіяся личности размножаются въ эпохи упадка, то, съ другой стороны, эти же личности созидаютъ государства, и въ ихъ средѣ вербуются всѣ великіе реформаторы. Такой неопредѣленно дѣйствующей (ambiguë) силы не достаточно, слѣдовательно, чтобы объяснить столь опредѣленнный соціальный фактъ, какъ пропорція самоубійствъ *).

И авторъ продолжаетъ въ примѣчаніи, которое имѣетъ свой интересъ для русскаго читателя:

Разительный примѣръ этой неопредѣленности заключается въ сходствѣ и контрастахъ современной французской литературы съ литературой русской. Та симпатія, съ которой мы встрѣтили послѣднюю, показы-

*) l. c., стр. 45—46.

ваетъ, что она не безъ родственныхъ чертъ съ нашей. И, дѣйствительно, у писателей обѣихъ націй чувствуется болѣзненная деликатность нервной системы, извѣстное отсутствіе умственнаго и нравственнаго равновѣсія. Но какъ это одинаковое состояніе, и біологическое и психологическое вмѣстѣ, производитъ различныя соціальныя послѣдствія! Въ то время, какъ русская литература отличается чрезмѣрнымъ идеализмомъ, въ то время, какъ меланхолія, которой она проникнута, имѣя своей причиной дѣятельное сочувствіе къ человѣческимъ страданіямъ, является одной изъ формъ той здоровой печали, которая возбуждаетъ вѣру и толкаетъ къ дѣйствію, наша литература гордится тѣмъ, что выражаетъ лишь чувства мрачнаго отчаянія и отражаетъ опасное состояніе подавленности. Вотъ какимъ образомъ одно и тоже органическое состояніе можетъ служить почти прямо противоположнымъ общественнымъ цѣлямъ *).

Неврастеники вообще, а русскіе въ частности, могутъ, конечно, быть благодарны автору за покровительство, которое онъ оказываетъ ихъ «отсутствію умственнаго и нравственнаго равновѣсія». Но, соглашаясь съ Дюркгеймомъ въ томъ, что ихъ дѣятельность можетъ носить различный характеръ, смотря по состоянію окружающаго ихъ общества, трудно будетъ во всякомъ случаѣ закрывать глаза на тотъ фактъ, что это во всякомъ случаѣ больные люди, и что, по пословицѣ гдѣ тонко, тамъ и рвется, именно на этихъ ненормальныхъ людяхъ давленіе общественнаго строя будетъ сказываться особенно сильно, зачастую выталкивая ихъ за дверь жизни, сознанія и поэзіи борьбы:

Творецъ изъ луннаго эѳира
Соткалъ живыя струны ихъ;
Они не созданы для міра,
Какъ міръ былъ созданъ не для нихъ.

Не говоритъ ли самъ авторъ:

Можно допустить, что при одинаковыхъ обстоятельствахъ вырождающійся индивидуумъ убиваетъ себя легче, чѣмъ здоровый человѣкъ; но онъ не убиваетъ себя необходимо въ силу своего состоянія. Возможность самоубійства, которая заключается въ немъ, переходитъ въ дѣйствительность лишь подъ вліяніемъ другихъ факторовъ, **)

къ которымъ авторъ и переходитъ затѣмъ. Но вѣдь это сводится до нѣкоторой степени къ простой игрѣ словами. Если другіе факторы превращаютъ для иныхъ людей возможность самоубійства въ дѣйствительность, такъ лишь потому, что у такихъ личностей уже существовалъ извѣстный плюсъ, извѣстное тяготѣніе выйти изъ своего неустойчиваго равновѣсія, и внѣшнія обстоятельства усилили его, сложивъ съ нимъ свою величину. Такъ, если представить себѣ «соціальную пропорцію самоубійствъ» въ видѣ упругаго газа, давящаго на стѣнки сосуда, то постоянство этого давленія въ извѣстномъ обществѣ и въ извѣстный періодъ нисколько не исключаетъ того, что сила упругости проявитъ свое разрушительное дѣйствіе

*) Ibid., прим. 1.
**) l. c., стр. 53.

въ сторону наименьшаго сопротивленія, и неуравновѣшенный человѣкъ будетъ скорѣе нормальнаго вышибленъ изъ рядовъ живущихъ.

Въ упомянутомъ взглядѣ Дюркгейма на отсутствіе связи между психическимъ состояніемъ индивидуума и его склонностью къ самоубійству сказывается лишній разъ то пренебреженіе къ гармоническому развитію всего человѣка и съ его мускулами и съ его нервами, которое характеризуетъ современную цивилизацію, основанную, между прочимъ, на одномъ изъ самыхъ чудовищныхъ раздѣленій труда: я разумѣю отдѣленіе умственнаго труда отъ труда физическаго. Мы очень охотно говоримъ теперь объ афоризмѣ древнихъ «здоровый умъ въ здоровомъ тѣлѣ», но еще охотнѣе забываемъ о практическихъ выводахъ изъ этого положенія. Зачастую у современныхъ такъ называемыхъ ученыхъ (вплоть до физіологовъ, замѣтимъ это для курьеза) проскидывается даже, какъ разъ наоборотъ, вѣра въ фатальную противоположность между силой мускуловъ и мозговой дѣятельностію. Между тѣмъ, за немногими исключеніями (да и то не мѣшало бы хорошенько присматриваться къ такимъ исключеніямъ), если физическій работникъ нашего времени страдаетъ отъ одуряющаго чисто механическаго труда, то умственный работникъ истощаетъ свою нервную систему безпрестаннымъ пиленьемъ на такомъ деликатномъ инструментѣ, какъ мозгъ. Но къ числу парадоксовъ Дюркгейма и относится, какъ извѣстно, не только констатированіе общественнаго раздѣленія труда въ качествѣ факта, но возведеніе его на степень крайне желательнаго и прогрессивнаго явленія въ соціологіи. Не выражаетъ ли онъ въ своемъ трудѣ, спеціально посвященномъ этому вопросу, опасеній, что

> если люди получатъ привычку къ широкимъ горизонтамъ, къ цѣльнымъ взглядамъ, къ великолѣпнымъ обобщеніямъ, то они уже не позволятъ терпѣливо заключать себя въ узкія границы спеціальнаго дѣла. Такое средство (противъ отсутствія общаго образованія у технически выдрессированныхъ рабочихъ) сдѣлало бы спеціализацію безвредной, лишь сдѣлавъ ее невыносимой, а слѣдовательно болѣе или менѣе невозможной *).

И наоборотъ, не защищаетъ ли авторъ и даже не пропагандируетъ ли «возможно спеціальной, возможно однообразной дѣятельности», подъ условіемъ, чтобы жертвѣ, привязанной къ этому новому колесу Иксіона, показали отнюдь не «обширныя части соціальнаго горизонта», но лишь, такъ сказать, клочокъ голубого неба изъ окна его профессіональной темницы, чтобы онъ видѣлъ, что его «дѣйствія имѣютъ свою цѣль внѣ самихъ себя» **).

Поэтому меня нисколько не удивляетъ та страстная защита Дюркгеймомъ интеллигентнаго неврастеника, въ которомъ авторъ видитъ даже спеціальное «орудіе прогресса»:

*) Emile Durkheim, «De la division du travail social»; Парижъ, 1893, стр. 417.
**) Ibid.

Если столкновенія интересовъ и страстей слишкомъ бурны и слишкомъ сильны для такого деликатнаго организма, то за то онъ созданъ для того, чтобы наслаждаться во всей полнотѣ болѣе тихими радостями мысли. Его мускульная слабость, его чрезмѣрная чувствительность, дѣлающія его негоднымъ для активной дѣятельности, предназначаютъ его наоборотъ для умственныхъ функцій, которыя въ свою очередь требуютъ подходящихъ органовъ *).

И очень знаменательно, что нѣсколькими строками выше авторъ очевидно безсознательно для самого себя рисуетъ намъ обстановку не только просто интеллигентнаго неврастеника привилегированнаго, могущаго свить себѣ уютное гнѣздышко вдали отъ бурь современной борьбы за существованіе:

Неврастенія можетъ предрасполагать къ самоубійству, но она не влечетъ за собой необходимо этого послѣдствія. Безъ сомнѣнія, неврастеникъ почти неизбѣжно обреченъ на страданія, если онъ черезчуръ близко соприкасается съ активной жизнью, но ему невозможно удалиться отъ нея, чтобы вести существованіе, болѣе спеціально созерцательное.

Рецептъ, конечно, хорошъ для тѣхъ, которыхъ судьба наградила достаточнымъ количествомъ «всеобщаго эквивалента», т. е. денегъ, выростающихъ именно изъ общественнаго раздѣленія труда. Но какъ быть тѣмъ «деликатнымъ организмамъ», которые не имѣютъ возможности удалиться подъ тѣнь смоковницы, а обречены принимать дѣятельное участіе въ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ? Не ясно ли, что при современныхъ условіяхъ они раньше другихъ устаютъ въ этой борьбѣ и уходятъ съ поля сраженія чрезъ ту «мрачную и зловѣщую дверь, всю забрызганную кровью и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе раздвигающуюся», съ которой нѣмецкій моралистъ-статистикъ прошлаго вѣка (Зюссмильхъ) сравнивалъ самоубійство?

До какой степени этотъ болѣзненный гипнотизмъ смерти, влекущій людей въ ея черную пасть, обнаруживается такъ или иначе въ душѣ интеллигентнаго человѣка нашего времени, изуродованнаго односторонней работой мозга, можно видѣть на примѣрѣ очень многихъ выдающихся современниковъ. Возьмите даже такого крупнаго и симпатичнаго писателя, какъ Маркъ Гюйо, въ 19 лѣтъ написавшаго свое первое философское сочиненіе (о морали Эпикура), въ 33 года умершаго отъ чахотки, которая обострилась подъ вліяніемъ непомѣрнаго умственнаго труда (десять книгъ въ теченіе 14 лѣтъ, и книгъ по большей части ¡замѣчательныхъ!). Обратите вниманіе на «Вопросъ Гамлета» въ его «философскихъ стихотвореніяхъ»,—я даю здѣсь эту пьесу почти цѣликомъ:

Играя, я взялъ въ руки длинное и тонкое остріе циркуля; изъ любопытства—чтобы посмотрѣть—я слегка нажималъ на грудь блестящимъ стальнымъ концомъ. Мнѣ было тогда пятнадцать лѣтъ; я былъ еще школьникомъ. Я испытывалъ какое то чарующее волненіе, слушая, какъ билось мое сердце подъ этимъ оружіемъ и въ безпокойствѣ ускоряло свое нѣж-

*) Le suicide, стр. 45.

ное трепетаніе: тутъ парящая смерть, а подъ ней теплая и молодая жизнь. Умереть, думалъ я, значитъ познать. А что, еслибъ я захотѣлъ этого? Жизнь за гробомъ та или иная возможность, вся грандіозная неизвѣстность, которую я иногда предчувствую!.. Не могъ-ли бы я добыть все это, надавивъ это лезвее концомъ пальцевъ? Къ чему это странное нетерпѣніе, которое отдаляетъ отъ насъ часъ знанія? Въ сущности жизнь имѣетъ значеніе, поскольку ждешь чего-нибудь, и всю свою цѣну извлекаетъ изъ дразнящаго насъ желанія. То самое, что является ея оправданіемъ, является и мученіемъ ея. Что же? Почему бы не сократить это ожиданіе? Всѣ мы, цѣпляясь за края пропасти, въ безпокойствѣ проводимъ всю нашу жизнь въ томъ, что измѣряемъ бездну глазами: что если, оттолкнувшись ногой отъ краю, я, болѣе неустрашимый чѣмъ другіе, ринулся бы послѣднимъ прыжкомъ въ пустое пространство? Я увидѣлъ бы, я узналъ бы, и смерть разсказала бы мнѣ ту глубокую тайну, которая ускользаетъ отъ меня при жизни. О знать, быть увѣреннымъ, въ этомъ все! Эти мысли, которыя возникали во мнѣ смутной толпой, заставляли меня трепетать отъ тоски и счастія. Безконечное желаніе пробуждалось въ моемъ сердцѣ, желаніе смерти, которая завершаетъ неизвѣстность, въ одинъ день разрѣшаетъ сомнѣнія и которая, своею грубою рукою, открываетъ намъ горизонтъ или навсегда замыкаетъ его. Смерть! я алкалъ и жаждалъ ея, я молилъ ее! Потомъ вдругъ я сказалъ себѣ: Но кто знаетъ, откровенна-ли сама смерть, и нѣтъ ли и у нея покрововъ и разрѣшаетъ ли она всякій вопросъ. Если жить значитъ искать, я найду-ли, умирая? И не такъ же ли велика вѣчная тайна для тѣхъ, которые лежатъ въ гробу, какъ и для тѣхъ, которые стоятъ на ногахъ? Узнаю ли я смерть, даже коснувшись ея пальцемъ? А что если и смерть не будетъ истиной, сладкимъ успокоеніемъ отъ всякаго безпокойства? Что если и за нею неуловимая природа снова поставитъ неизвѣстность, снова выдвинетъ загадку?... И въ раздумьи, я поднялся и, чтобы скорѣе стряхнуть съ себя грезы, побѣжалъ играть въ садъ *)...

Бѣдный, бѣдный мальчикъ, больное дитя больной цивилизаціи! Ему бы просто наслаждаться жизнію, а онъ въ пятнадцать лѣтъ терзается странною метафизическою жаждою загробнаго познанія и, если останавливается въ своихъ думахъ передъ самоубійствомъ, то лишь потому, что боится и на томъ свѣтѣ проснуться тѣмъ же пятнадцатилѣтнимъ Гамлетомъ, у котораго рѣзвыя ноги сами бѣгутъ «играть въ садъ» въ то время, какъ мозгъ и замираетъ отъ страха, и блаженствуетъ отъ мистическаго ожиданія на краю призрачной пропасти!.. Когда вдумываешься въ эту философскую исповѣдь полуребенка, полу-юноши, невольно по закону контраста въ головѣ проходитъ процессія залитыхъ солнцемъ и счастіемъ веселыхъ, жизнерадостныхъ юношей Эллады, столько типовъ которыхъ оставилъ намъ неподражаемый драматургъ-философъ: я говорю о Платонѣ и его діалогахъ, этихъ восхитительныхъ діалектическихъ лицедѣйствахъ. Вотъ вамъ и Главкъ, и Эдимантъ, и прекрасный какъ статуя Хармидъ и, наконецъ, подростающій двойникъ Сократа, Өеэтетъ, будущій герой, покрытый ранами въ борьбѣ за отечество, а пока блестящій образецъ античной молодежи, и мужественный, и вдум-

*) M. Guyau «Vers d'un philosophie»; Парижъ, 1896 (второе дополненное изданіе), стр. 53—56.

чивый, и пылкій энтузіастъ идеи, и жаркій искатель истины!... Всѣ эти юноши, очевидно срисованные съ дѣйствительности (но срисованные золотою кистью художника-философа), не хуже современныхъ невропатовъ занимались «умственными функціями», столь дорогими сердцу Дюркгейма, но сверхъ того они были цѣльными людьми, которые страстно любили жизнь, хоть и не боялись смерти, которые не были вынуждены искусственно ставить себя подъ хрустальный колпакъ, чтобы не разбить своихъ «деликатныхъ организмовъ», которыхъ неотразимо влекла къ себѣ живая дѣйствительность, активная борьба, всякій актъ личной и коллективной энергіи. Не удивляйтесь этому: рабовладѣльческое общество древняго міра понимало громадное значеніе мышечнаго труда и выработало до извѣстной степени суррогатъ ему въ гимнастикѣ и атлетическихъ играхъ, введя въ это упражненіе мускуловъ тотъ самый элементъ наслажденія, который Фурье находитъ въ «привлекательномъ трудѣ». Это лучшій отвѣтъ на разсужденія апологета неврастениковъ и спеціализаціи занятій!...

За то очень удачна у Дюркгейма сравнительно короткая глава о значеніи расы и наслѣдственности въ вопросѣ о самоубійствѣ. Установивъ совершенно правильно тотъ фактъ для Европы, что

> съ одной стороны первоначальныя расы представляютъ развѣ палеонтологическій интересъ, а съ другой тѣ болѣе узкія группировки, которыя называются этимъ именемъ, являются лишь народами или общежитіями народовъ, т. е. братьями по цивилизаціи болѣе, чѣмъ по крови *),

авторъ тѣмъ не менѣе дѣлаетъ временную уступку писателямъ въ родѣ Морселли, различающимъ въ Европѣ четыре расовыхъ типа, германскій, кельто-романскій, славянскій и урало-алтайскій, и пробуетъ прослѣдить на статистикѣ самоубійствъ вліяніе типическаго происхожденія. Но что же оказывается? Что между различными политическими дѣленіями одной какой-нибудь крупной расовой группы разница въ пропорціи самоубійствъ настолько значительна, что превышаетъ разницу въ этой пропорціи между народностями, принадлежащими къ разнымъ расамъ. Такъ, славяне вообще отличаются меньшей склонностью къ самоубійству, чѣмъ другія расы. Но и среди славянъ колебанія въ распространенности самоубійствъ крайне значительны: напр., въ Богеміи убиваетъ себя ежегодно 158 человѣкъ на милліонъ жителей, а въ Далмаціи всего 14 человѣкъ, т. е. въ 11 разъ менѣе. Съ другой стороны, между кельтороманскими народами амплитуда колебанія не менѣе обширна: въ Испаніи насчитываютъ 24 самоубійства на милліонъ, въ Италіи 54, во Франціи 225 (здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, я замѣняю устарѣлыя данныя Дюркгейма болѣе свѣжими, по большей

*) l. c., стр. 58.

части относящимися къ семилѣтію 1887—1893). Или обратите вниманіе на группу германскихъ народовъ: въ то время, какъ у фламандцевъ пропорція равняется 59 на милліонъ, у норвежцевъ 65, у англичанъ 82, она поднимается до 125 въ Швеціи, до 206 въ Германіи, до 251 въ Даніи. Очень знаменательно, что между тремя скандинавскими народами замѣчается какъ разъ такая рѣзкая разница, которая превышаетъ различіе между болѣе сильно расходящимися вѣтвями обще-германскаго ствола.

Можно пожалуй остановиться на сильной склонности къ самоубійству нѣмцевъ. Но тутъ дѣло идетъ въ гораздо большей степени о принадлежности къ извѣстному политическому тѣлу, чѣмъ о принадлежности къ расѣ, какъ показываетъ интересная таблица, взятая Дюркгеймомъ у Морселли и дающая параллельно пропорцію самоубійствъ въ различныхъ провинціяхъ Австріи и пропорцію нѣмецкаго населенія въ этихъ же пропорціяхъ. Казалось бы, что если германскую расу особенно тянетъ къ самоубійству, то, примѣшиваясь, напр., къ гораздо менѣе склоннымъ къ тому славянамъ, она должна была бы правильно повышать пропорцію самоубійствъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она больше распространена. Но именно этого то правильнаго и постояннаго отношенія и не замѣчается: такъ въ Богеміи нѣмцевъ считается (я замѣняю старыя цифры Морселли цифрами послѣдней переписи 1890 г.) 37,2%, въ Моравіи 29,4%, въ Буковинѣ 20,8%, но среднее число самоубійствъ въ этихъ трехъ провинціяхъ равняется 140 на милліонъ; между тѣмъ въ Каринтіи нѣмецкое населеніе составляетъ 71,5%, въ Штиріи 67,8%, въ Силезіи 47,8%, а среднее число самоубійствъ для этихъ трехъ провинцій не превышаетъ 125. Въ частности особенно интересно сопоставленіе Каринтіи и Силезіи: въ первой процентное отношеніе нѣмцевъ ко всему населенію въ полтора раза болѣе, чѣмъ во второй; наоборотъ, пропорція самоубійствъ болѣе чѣмъ въ два раза выше во второй, чѣмъ въ первой. Отсюда выходитъ, что нѣмецъ внѣ предѣловъ Германской имперіи не только не отличается особой склонностью къ самоубійству, но мѣстами какъ будто даже уступаетъ въ этомъ отношеніи славянамъ...

Что касается до наслѣдственности, то авторъ придаетъ ей лишь вліяніе на передачу общаго болѣзненнаго состоянія, но не «опредѣленной и автоматической тенденціи» къ самоубійству; а отсюда выводитъ на основаніи разсужденій, съ которыми мы уже познакомились выше, отсутствіе связи между «соціальной пропорціей самоубійствъ» и унаслѣдованными индивидуумомъ личными предрасположеніями. Относительно этого пункта и намъ не остается ничего больше, какъ отослать читателя къ нашей критикѣ перехватывающаго въ этомъ направленіи автора. Слѣдуетъ, впрочемъ, сказать, что и здѣсь Дюркгеймъ дѣлаетъ нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній, напр., касательно приписыванія вліянію наслѣдственности частыхъ случаевъ самоубійствъ въ извѣстныхъ семьяхъ, что можетъ,

6*

по мнѣнію автора, въ значительной степени объясняться подражаніемъ.

Дюркгеймъ останавливаетъ на нѣкоторое время свое вниманіе и на такъ называемыхъ космическихъ причинахъ, но лишь затѣмъ, чтобы устранить ихъ и расчистить почву для соціологическаго объясненія. Такъ Морселли пытался поставить распространенность самоубійствъ въ зависимость отъ климата и въ частности отъ географической широты. Изслѣдуя карту Европы, онъ нашелъ, что самоубійства чаще всего происходятъ между 47-мъ и 57-мъ градусомъ широты и 20-мъ и 40-мъ градусомъ долготы (отъ Ферро), т. е. значитъ въ зонѣ, отличающейся умѣреннымъ климатомъ. Но цѣлый рядъ соображеній говоритъ противъ этой дѣйствительно непонятной связи. Полоса наиболѣе частыхъ самоубійствъ не всегда занимала упомянутое географическое положеніе: современная Италія сравнительно мало страдаетъ отъ этой эпидеміи, а между тѣмъ она свирѣпствовала въ Римѣ временъ цезарей. Самая форма зоны самоубійствъ не представляетъ однообразной и сплошной полосы, которую можно было бы пріурочить къ умѣренному климату: наоборотъ, она слагается изъ двухъ отдѣльныхъ массъ, совпадающихъ одна съ Парижемъ и окружающими его департаментами, другая съ Саксоніей и Пруссіей, т. е. съ двумя главными центрами цивилизаціи на европейскомъ континентѣ. Интересно, что, начиная съ 1870 г., т. е. съ присоединенія папскихъ владѣній къ Итальянскому королевству, столицей котораго сталъ Римъ, зона самоубійствъ въ Италіи передвигалась понемногу съ сѣвера на югъ и въ настоящее время остановилась въ центрѣ, гдѣ пульсъ экономической, политической и научной жизни бьется всего сильнѣе.

Гораздо яснѣе и рѣзче прокидывается вліяніе временъ года на самоубійство. Въ противоположность обычному мнѣнію о вліяніи холодной и мрачной погоды на усиленіе отвращенія къ жизни, статистика установила для всѣхъ странъ Европы тотъ интересный фактъ, что, начиная съ января и по іюнь мѣсяцъ, пропорція самоубійствъ все возрастаетъ и возрастаетъ, а начиная съ іюня падаетъ до конца года. Времена года располагаются (за незначительными исключеніями) въ нисходящемъ порядкѣ самоубійствъ слѣдующимъ образомъ: лѣто, весна, осень, зима. Иные писатели думали даже, наоборотъ, показать закономѣрность этого явленія вліяніемъ жаркой температуры, которая, молъ, расшатываетъ нервную систему и предрасполагаетъ человѣка къ самоубійству. Но болѣе точное наблюденіе свидѣтельствуетъ, что такого параллелизма нѣтъ: тенденція къ самоубійству достигаетъ высшей степени напряженности не въ іюлѣ и августѣ (которые являются наиболѣе жаркими мѣсяцами въ умѣренной полосѣ Европы), а нѣсколько раньше, уменьшаясь уже въ іюлѣ по сравненію съ предшествовавшимъ мѣсяцемъ и

очень быстро падая въ августѣ и т. д. Съ другой стороны, низшій уровень самоубійствъ приходится не на январь (какъ самый холодный мѣсяцъ въ году), а на декабрь, и вслѣдъ за тѣмъ быстро поднимается. Словомъ, шагъ за шагомъ, сравнивая годовое движеніе самоубійствъ и температуры, Дюркгеймъ приходитъ къ заключенію, что между двумя этими, такъ сказать, кривыми не замѣчается правильнаго и постояннаго отношенія. За то онъ открываетъ разительное соотвѣтствіе между длиной дня и количествомъ самоубійствъ въ извѣстное время года, и этотъ выводъ усиливается еще тѣмъ соображеніемъ, что и во всякое время года число дневныхъ самоубійствъ очень значительно превышаетъ число ночныхъ.

Мнѣ нечего вдаваться въ подробности этихъ изслѣдованій. Достаточно остановить вниманіе читателя на томъ общемъ заключеніи, которое Дюркгеймъ дѣлаетъ на основаніи анализа цифръ и которое можно резюмировать такъ: самоубійства тѣмъ чаще, чѣмъ пульсъ обычной коллективной жизни бьется сильнѣе и продолжительнѣе, а это какъ разъ и бываетъ въ сравнительно теплое время года, когда повсюду кипитъ работа (главнымъ образомъ въ поляхъ) и когда вмѣстѣ съ тѣмъ дѣловыя и просто общественныя отношенія захватываютъ большее количество часовъ въ сутки, чѣмъ зимой. Такимъ образомъ авторъ приводитъ насъ снова къ соціальнымъ факторамъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ изученію дѣйствія этихъ факторовъ, авторъ вступаетъ въ очень оживленную полемику съ соціологами, которые придаютъ подражанію чрезмѣрно большую, чтобы не сказать единственную, роль въ общественной жизни. Мнѣ нечего напоминать читателю, что Дюркгеймъ имѣетъ здѣсь въ виду главнымъ образомъ Тарда. Живость полемики (не говорю рѣзкость, которой авторъ тщательно избѣгаетъ) объясняется отчасти тѣмъ, что Тардъ довольно несправедливо отнесся къ предшествовавшимъ трудамъ Дюркгейма, обвиняя ихъ въ «схоластическомъ» характерѣ. Смыслъ возраженія Дюркгейма противъ преувеличенія подражанія таковъ: подражаніе есть чисто психологическое, а не соціальное явленіе; человѣкъ подражаетъ другому въ томъ или другомъ движеніи, дѣйствіи и т. п., даже не будучи нисколько связанъ съ этимъ другимъ человѣкомъ настоящими общественными узами, напримѣръ, принадлежностью къ извѣстной соціальной группѣ. Поэтому, еслибы было доказано, что подражательность проявляется такъ сильно въ самоубійствахъ, что въ состояніи даже измѣнять «соціальную пропорцію» ихъ въ данномъ обществѣ, то этимъ самымъ было бы признано вліяніе индивидуальныхъ факторовъ на самоубійство. Но точно ли такъ сильна роль подражанія даже и въ этой области, въ которой, какъ признаетъ самъ Дюркгеймъ, элементъ подражательности обнаруживаетъ свое дѣйствіе болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой сферѣ соціальныхъ явленій? Путемъ анализа нѣкоторыхъ статистическихъ таблицъ (показывающихъ, напр., сла-

бое вліяніе крупнаго городского центра на окружающія мѣстности и т. п.) авторъ приходитъ къ заключенію, «что если самоубійство заразительно при отношеніяхъ отдѣльнаго человѣка къ другому (d'individu à individu), то никогда не приходится видѣть, чтобы подражаніе распространялось вплоть до измѣненія соціальной пропорціи самоубійствъ». Тутъ, мнѣ кажется, Дюркгеймъ, желая выпрямить палку, черезчуръ перегибаетъ ее въ другую сторону. Знаменательно, что онъ лишь вскользь упоминаетъ о поразительныхъ случаяхъ подражанія въ самоубійствѣ и отдѣлывается одной-двумя страничками въ вопросѣ о самоубійственныхъ эпидеміяхъ *). Коллективныя же самоубійства, которыя начинаютъ съ каждымъ годомъ играть все большую и большую роль, у него совсѣмъ отсутствуютъ.

Въ сущности, Дюркгеймъ напрасно старается очень съузить роль подражанія, довольно произвольно видя въ немъ лишь чисто-индивидуальный психологическій процессъ. Можно не принадлежать къ школѣ Тарда и въ то же время смотрѣть на подражаніе, какъ на важный соціальный факторъ, который въ данный моментъ настраиваетъ особымъ образомъ психологію индивидуума и приспособляетъ ее въ такой степени къ психологіи его сосѣдей, что превращаетъ разсыпающуюся массу атомовъ—личностей въ связное, почти органическое цѣлое. Допусти это Дюркгеймъ, ему не надо было бы столь сильно вооружаться противъ вліянія подражательности на томъ основаніи, что это, молъ, лишь индивидуальный и узкій процессъ. Но заходя черезчуръ далеко въ этомъ направленіи, Дюркгеймъ дѣлаетъ попутно довольно интересное различеніе между отдѣльными родами подражанія, разсматриваемаго обыкновенно какъ одно цѣлое, и этимъ пріемомъ можетъ вызвать полезную провѣрку теоріи подражанія. А именно авторъ различаетъ три случая: первый, когда члены одной и той же группы, подвергаясь вліянію той же самой причины, думаютъ, чувствуютъ и дѣйствуютъ одинаково; второй, когда членъ такой группы испытываетъ потребность привести свои отдѣльныя чувства и мысли въ гармонію съ общественнымъ мнѣніемъ того цѣлаго, къ которому онъ принадлежитъ; и третій, когда дѣло идетъ лишь о воспроизведеніи акта, дошедшаго до нашего сознанія и вызывающаго въ насъ чисто автоматическую склонность къ подражанію. Этой категоріи фактовъ Дюркгеймъ и хотѣлъ бы только придать названіе подражанія.

Какъ бы ни думали объ этомъ анализѣ автора, его попыткѣ нельзя отказать ни въ извѣстной логичности, ни въ извѣстной силѣ различенія, тѣмъ болѣе, что съ этой точки зрѣнія авторъ приходитъ къ практическимъ заключеніямъ, которыя гораздо болѣе

---

*) Ср., наоборотъ, интересную своимъ историческимъ и статистическимъ матеріаломъ книжку Легуа, которую я цитировалъ выше и въ которой есть цѣлая глава объ этомъ предметѣ «Epidémies de suicides», стр. 223—236.

сходятся съ указаніями трезваго и гуманнаго взгляда на вещи, чѣмъ съ драконовскими требованіями иныхъ узкихъ юристовъ и законодателей. Обратите вниманіе на слѣдующія разсужденія соціолога:

Нѣкоторые авторы, приписывая подражанію силу, которой оно не обладаетъ, высказывали требованіе, чтобы газетамъ было запрещено говорить о самоубійствахъ и преступленіяхъ. Возможно, что такое запрещеніе успѣло бы уменьшить на нѣсколько единицъ годовой итогъ этихъ различныхъ актовъ. Но очень сомнительно, чтобы оно могло измѣнить соціальную пропорцію ихъ. Напряженность коллективнаго стремленія осталась бы той же самой, ибо нравственное состояніе группъ не измѣнилось бы чрезъ это. Поэтому если сопоставить проблематичную, очень слабую выгоду, которую могла бы дать эта мѣра, съ серьезными неудобствами, которыя вызвало бы уничтоженіе всякой судебной гласности, то легко можно понять, почему законодатель колеблется въ извѣстной степени послѣдовать этому совѣту спеціалистовъ *).

Гдѣ новая книжка Дюркгейма становится очень интересной и мыслебудящей, такъ это на страницахъ (149—312), посвященныхъ могущественному вліянію соціальныхъ факторовъ на распространенность различнаго рода самоубійствъ. Вмѣсто того, чтобы распредѣлять самоубійства по обычнымъ мелкимъ рубрикамъ причинъ (или, вѣрнѣе, поводовъ), къ которымъ насъ пріучила оффиціальная статистика, каковы, напр., потеря имущества, неизлѣчимая болѣзнь, несчастная любовь и т. п., авторъ сводитъ самоубійство къ тремъ основнымъ психическимъ типамъ: эгоистическому, альтруистическому и аномическому. Эгоистическое самоубійство вытекаетъ изъ чрезмѣрнаго развитія личныхъ наклонностей, чувствъ и интересовъ и совершается тогда, когда личность, не ставящая себѣ никакихъ общественныхъ цѣлей и въ тоже время не всегда удовлетворяющаяся въ жизни частными цѣлями, предпочитаетъ уйти совсѣмъ изъ чисто формальнаго общественнаго союза, къ которому она внѣшнимъ образомъ принадлежитъ. Ареной такого самоубійства является общество, обнаруживающее слабую интеграцію своихъ частей. (Напр., общество современное). Альтруистическое самоубійство совершается, наоборотъ, личностью, въ которой слишкомъ слабо развиты индивидуальныя стремленія и которая придаетъ себѣ такъ мало значенія въ сравненіи съ коллективными интересами общежитія, что при малѣйшемъ прямомъ или косвенномъ одобреніи окружающей ее группы разстается съ жизнью, подчасъ даже съ явнымъ энтузіазмомъ. Этотъ родъ самоубійства характеризуетъ общества, отличающіяся сильною интеграціею частей (напр. общества первобытныя). Наконецъ, аномическое самоубійство является удѣломъ личностей, которыя не признаютъ никакой дисциплины индивидуальныхъ страстей и желаній, стремятся къ явной гипертрофіи своего я въ томъ направленіи, гдѣ не находятъ къ тому препятствій,

*) l. c., стр. 136.

а при малѣйшемъ отпорѣ внѣшнихъ обстоятельствъ насильственно обрываютъ натянутыя нити непомѣрно-эгоистичной жизни. Самоубійства этого рода часты въ періоды различныхъ общественныхъ кризисовъ и крупной ломки установившихся отношеній; въ современномъ же обществѣ эта болѣзнь превратилась изъ острой въ хроническую въ сферѣ торговли и промышленности.

Я не вижу особой пользы въ различеніи самоубійства эгоистическаго и самоубійства аномическаго. Тотъ и другой роды являются простыми разновидностями эгоистическаго самоубійства, и главное отличіе между ними, какъ мнѣ кажется, заключается въ томъ, что одна изъ этихъ формъ характеризуетъ эгоиста въ нормальномъ состояніи, другая же въ импульсивномъ и неуравновѣшенномъ настроеніи души. Дюркгейму показалось необходимымъ настаивать на упомянутомъ раздѣленіи, причемъ аномическое самоубійство, очень можетъ быть, было установлено имъ въ pendant къ его теоріи аномическаго же (неурегулированнаго) раздѣленія труда, которому онъ отвелъ цѣлую главу въ своемъ первомъ большомъ трудѣ, объясняя этой ненормальной формой спеціализаціи такія явленія, какъ промышленные кризисы, борьбу труда съ капиталомъ и пр. *) Во всякомъ случаѣ, можно на этотъ счетъ не соглашаться съ авторомъ, полагать, что онъ преувеличилъ важность упомянутаго различенія, и въ то же время признать серьезное соціологическое значеніе за его классификаціей эгоистическаго и альтруистическаго типовъ самоубійства.

Анализъ нѣкоторыхъ статистическихъ данныхъ, разсматриваемыхъ авторомъ съ этой точки зрѣнія, очень поучителенъ, особенно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о факторахъ, относящихся къ области эгоистическаго самоубійства. Не вдаваясь въ подробности этого анализа, я упомяну лишь о наиболѣе интересныхъ соображеніяхъ нашего соціолога. Статистики, напр., давно отмѣтили тотъ фактъ, что различныя вѣроисповѣданія даютъ далеко не одинаковую пропорцію самоубійцъ. Докторъ Платтеръ, цитируемый Легуа, высчиталъ, что въ Австріи на милліонъ жителей четырехъ главныхъ вѣроисповѣданій приходится 642 самоубійства между протестантами, 590 между православными, 524 между католиками и 159 между евреями **). Дюркгеймъ съ своей стороны даетъ (стр. 149 — 154) нѣсколько таблицъ, указывающихъ на подобное же явленіе въ другихъ странахъ (по Морселли, Вашеру, Принцингу, и т. д.) и отмѣчаетъ, между прочимъ, тотъ интересный фактъ, что въ Швейцаріи католическіе кантоны даютъ въ четыре или пять разъ меньше самоубійствъ, чѣмъ протестантскіе, къ какой бы расѣ ни принадлежало ихъ населеніе ***).

---

*) См. «De la division du travail social, стр. 395—418.

**) Legoyt, Le suicide, стр. 202.

***) Нисколько не думая оспаривать въ общемъ это положеніе, я замѣчу однако, что статистики нѣсколько преувеличиваютъ упомянутую

Какъ же объясняетъ Дюркгеймъ это неравенство различныхъ вѣроисповѣданій передъ самоубійствомъ? Указаніемъ на неодинаковую степень интегрированія въ различныхъ церквахъ. Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ авторъ, всѣ упомянутыя нами религіи одинаково осуждаютъ самоубійство (по крайней мѣрѣ съ моральной стороны); но церковь, какъ духовный союзъ вѣрующихъ, болѣе сплочена и прочнѣе основана на коллективныхъ традиціяхъ у католиковъ, чѣмъ у протестантовъ, среди которыхъ индивидуальное истолкованіе догматовъ и духъ свободнаго изслѣдованія даютъ гораздо большій просторъ личному убѣжденію и личному поведенію. Совсѣмъ же на противоположномъ полюсѣ помѣщается іудейство, которое

«какъ всѣ низшія религіи, состоитъ существеннымъ образомъ изъ свода практическихъ предписаній, регламентирующихъ до мельчайшихъ подробностей всѣ обстоятельства жизни и оставляющихъ мало мѣста индивидуальному сужденію» *).

На этой-то почвѣ большаго или меньшаго освобожденія личности отъ давленія коллективнаго цѣлаго (т. е. въ разсматриваемомъ пока нами случаѣ отъ религіознаго союза) и развиваются при извѣстныхъ обстоятельствахъ ростки эгоистическаго самоубійства,—развиваются быстрѣе и сильнѣе тамъ, гдѣ связь индивидуума съ коллективностью уже расшатана, медленнѣе и слабѣе тамъ, гдѣ эта связь еще прочна. Не удивительно поэтому, что всего менѣе обнаруживаетъ склонности къ самоубійству крѣпко сплоченная и традиціонная среда евреевъ (держащихся, кромѣ того, другъ за друга подъ вліяніемъ гоненій и непріязни со стороны народностей, между которыми они живутъ); тогда какъ эта склонность наиболѣе рѣзко проявляется среди протестантовъ, уже значительно индивидуализировавшихся другъ отъ друга въ смыслѣ общихъ религіозныхъ традицій. Авторъ видитъ, между прочимъ, подтвержденіе своей

разницу между протестантами и католиками. Дѣло въ томъ, что родные и знакомые самоубійцъ-католиковъ всячески стараются выдавать самоубійства за несчастную случайность, такъ какъ католическая церковь отказываетъ въ погребеніи покончившимъ съ собой; у протестантовъ же такого духовнаго наказанія нѣтъ, и желаніе скрыть самоубійство не столь сильно. Иначе какъ объяснить слѣдующій интересный фактъ, констатированный извѣстнымъ швейцарскимъ статистикомъ Гильйомомъ (Guillaume): въ то время, какъ въ протестантскихъ кантонахъ Ваадтскомъ и Невшательскомъ ежегодная пропорція самоубійствъ равнялась, въ десятилѣтіе 1885—1894, 4 или 5 на 100,000, а случайная смерть почти 5 на 100,000, въ католическихъ кантонахъ—Валлиссѣ, Ури и Тичино пропорція самоубійствъ не достигала даже 1 на 100,000, но за то пропорція случайныхъ смертей доходила до 9 на 100,000. И въ томъ и въ другомъ случаѣ общая пропорція самоубійствъ и смертей отъ несчастныхъ случайностей какъ разъ одна и та же (10 на 100,000), и мѣняется лишь распредѣленіе этого общаго итога между двумя слагаемыми, — совпаденіе по меньшей мѣрѣ довольно странное.

*) l. c., стр. 160. Замѣчу кстати, что Дюркгеймъ самъ еврей; сынъ раввина, онъ готовился въ свою очередь къ раввинству, но отдѣлался отъ религіозныхъ традицій.

гипотезы въ кажущейся аномаліи, представляемой Англіей, которая, будучи протестантской страною, тѣмъ не менѣе отличается сравнительно слабой пропорціей самоубійствъ. Это именно потому, говоритъ Дюркгеймъ, что ни въ одной протестантской странѣ господствующая церковь не имѣетъ такой интегрированной и болѣе походящей на католическую церковь организаціи, какъ епископальная церковь Англіи *).

Читатель, впрочемъ, ошибся бы, еслибы на основаніи предшествующихъ разсужденій причислилъ Дюркгейма къ противникамъ свободнаго анализа и защитникамъ традицій во чтобы то ни стало. Онъ, наоборотъ, говоритъ, что сама потребность въ анализѣ выростаетъ лишь тогда, когда прежній сильно сънтегрированный религіозный союзъ уже распадается, и традиціонныя формулы жизни теряютъ свою обязательность; самоубійство же является лишь показателемъ возрастающаго обособленія и излишней индивидуализаціи между особями. Бѣда не въ томъ, что развитіе личности кладетъ конецъ прежнимъ формамъ общественной связи, а въ томъ, что на мѣсто традиціонныхъ нормъ поведенія въ современномъ обществѣ еще не выросло сознаніе новой болѣе раціональнаго и не менѣе сильнаго союза.

Въ этомъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать попытку автора установить параллелизмъ въ усиленіи самоубійствъ и въ ростѣ народнаго образованія: послѣднее является не причиной увеличенія отвращенія къ жизни, а показателемъ того состоянія общества, при которомъ разрушеніе крѣпкаго религіознаго союза вызвало разобщенность между людьми на почвѣ вѣрованій и желаніе поставить что-нибудь на мѣсто исчезающихъ традицій. Авторъ говоритъ даже наоборотъ:

Знаніе не только не является источникомъ зла, но представляетъ единственное лѣкарство противъ него. Разъ установившіяся вѣрованія были унесены теченіемъ вещей, ихъ уже нельзя возстановить искусственно; остается лишь размышленіе, которое можетъ помочь намъ въ руководствѣ жизнію. Разъ общественной инстинктъ притупился, разсудокъ является единственнымъ руководителемъ, который остается намъ, и мы должны при помощи его переформировать нашу совѣсть **).

---

*) Есть нѣкоторые факты, идущіе нѣсколько въ разрѣзъ съ этой теоріей. Въ Шотландіи самоубійствъ меньше, а между тѣмъ тамъ церковная организація болѣе демократична (пресвитеріанство). Въ Голландіи пропорція самоубійствъ достигаетъ минимума между не-католическими странами, тогда какъ если тамъ и считается болѣе трети католиковъ (1.596,482 человѣкъ на 4.511,415 жителей по послѣдней переписи 1889 г.), то остальныя двѣ трети состоятъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ изъ реформатовъ, имѣющихъ сравнительно слабую церковную «интеграцію». Ср. оффиціальную статистику въ Jaarcijfers Binnenland; Гага, 1896, стр. 7.

**) l. c., стр. 171.

Предшествовавшій анализъ привелъ автора къ тому заключенію, что религіозный союзъ предохраняетъ личность отъ самоубійствъ не потому, что онъ предполагаетъ опредѣленныя вѣрованія, а потому, что онъ есть прежде всего союзъ, т. е. прочная форма общенія между людьми, независимо отъ его содержанія. Тогда естественно возникаетъ вопросъ, не такое-ли же предохранительное дѣйствіе оказываютъ на индивидуума и другія формы союза, напр., союзъ семейный и политическій. Авторъ особенно подробно останавливается на разборѣ статистическихъ таблицъ, дающихъ относительную пропорцію самоубійствъ между холостыми и женатыми, между бездѣтными и имѣющими дѣтей супругами, вдовцами и вдовами, разведенными мужьями и женами. Я ограничусь лишь самыми общими выводами. Дюркгеймъ, подобно другимъ авторамъ, занимавшимся этимъ вопросомъ, подтверждаетъ фактъ болѣе слабой тенденціи къ самоубійству между живущими въ бракѣ. Но автору удалось подвергнуть интересному анализу этотъ извѣстный фактъ, различая двѣ стороны вопроса: собственно брачное сожительство, т. е. отношеніе между мужемъ и женой, и связь между родителями и дѣтьми. Оказывается, что въ то время какъ предохранительное дѣйствіе брака (coefficient de préservation, по терминологіи Дюркгейма) проявляется очень ощутительно при существованіи дѣтей,—и при этомъ даже прямо пропорціонально величинѣ семьи,—это благодѣтельное вліяніе уже гораздо менѣе замѣтно на бездѣтныхъ парахъ. Мало того, тщательно провѣренныя статистическія данныя ведутъ даже къ тому заключенію, что если женщины вообще поставляютъ гораздо меньше самоубійцъ, чѣмъ мужчины, то замужнія бездѣтныя женщины убиваютъ себя (по крайней мѣрѣ, во Франціи) въ полтора раза чаще, чѣмъ незамужнія женщины того же возраста. Не менѣе интересенъ тотъ выводъ, что сравнительное увеличеніе склонности къ самоубійству у вдовыхъ проявляется между женщинами гораздо слабѣе, чѣмъ между мужчинами. Выходитъ, что въ своей современной формѣ бракъ гораздо болѣе приноситъ пользы мужчинѣ, чѣмъ женщинѣ; если взять бездѣтныя пары, то женщинѣ онъ скорѣе вредитъ, налагая, очевидно, на нее обязанности, которымъ не соотвѣтствуетъ увеличеніе правъ и удобствъ.

Отъ вліянія семейнаго интегрированія авторъ переходитъ къ вліянію интегрированія политическаго, приводя нѣсколько интересныхъ соображеній въ пользу той теоріи, согласно которой—чѣмъ политическая связь между гражданами слабѣе чувствуется въ данномъ обществѣ, тѣмъ сильнѣе обнаруживается наклонность къ самоубійству. Дюркгеймъ, впрочемъ, лишь въ нѣсколькихъ словахъ упоминаетъ объ историческихъ свидѣтельствахъ, говорящихъ въ пользу этого очень правдоподобнаго предположенія, напр., о развитіи самоубійства въ распадающейся Греціи, въ Римѣ временъ Цезарей, во Франціи наканунѣ Великой Революціи и т. п. Въ этомъ смыслѣ

хорошимъ дополненіемъ можетъ служить книга Легуа, которая не отличается глубиной и философской продуманностью, но даетъ въ первой своей части какъ довольно многочисленные историческіе факты, касающіеся самоубійствъ у разныхъ народовъ и въ разныя времена, такъ и резюме мнѣній по этому вопросу различныхъ философовъ и мыслителей *).

За то Дюркгеймъ настаиваетъ на отрицательныхъ доказательствахъ вліянія политической сплоченности на пропорцію самоубійствъ. Онъ придаетъ большое значеніе констатированному уже нѣкоторыми авторами (напр. Морселли) уменьшенію самоубійствъ во время революцій и вообще въ періодъ напряженія политической борьбы и политическихъ или національныхъ страстей. Казалось бы, крупный государственный кризисъ, колеблящій всѣ основы строя, долженъ скорѣе выводить изъ равновѣсія и отдѣльныхъ членовъ общества; съ другой стороны, война, несущая за собой столько бѣдствій, должна, казалось бы, развивать отвращеніе къ жизни. Не тутъ то было: годы крупныхъ гражданскихъ и международныхъ потрясеній отличаются замѣтнымъ паденіемъ самоубійствъ. Таковъ, напр., результатъ во Франціи годовъ іюльской (1830) и февральской (1848) революцій, франко-прусской войны и коммуны (1870—1871), парламентарнаго coup d'Etat 16 мая (1877), буланжистской агитаціи (1889); во всей Европѣ, годовъ общаго революціоннаго кризиса (1848—1849); въ Даніи, шлезвигской кампаніи (1864); въ Австріи и Италіи, войны 1866 г.; въ Германіи (и Франція, какъ мы уже видѣли) годовъ патріотическаго напряженія (1870—1871). Наоборотъ, династическія войны, каковы, напр., для Франціи крымская и итальянская кампаніи, мало затронувшія массы, не оказали дѣйствія и на уменьшеніе самоубійствъ. Съ точки зрѣнія Дюркгейма, это вполнѣ понятно:

Великія общественныя потрясенія, какъ и великія народныя войны, оживляютъ коллективныя чувства, возбуждаютъ партійный духъ, равно какъ патріотизмъ, политическую, равно какъ національную вѣру и, концентрируя всѣ усилія на одной цѣли, опредѣляютъ, по крайней мѣрѣ, временно, болѣе сильную интеграцію общества. Благодѣтельное вліяніе, указанное нами, зависитъ не отъ самого кризиса, а отъ той борьбы, которую онъ вызываетъ. И такъ какъ эта борьба принуждаетъ людей сближаться, съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ идти противъ общей опасности, то индивидуумъ менѣе думаетъ о себѣ и болѣе объ общемъ дѣлѣ**).

Анализъ альтруистическаго самоубійства менѣе удался, по моему мнѣнію, автору, чѣмъ его изслѣдованіе о характерѣ и причинахъ эгоистическаго самоубійства. Объясняется это, по всей вѣроятности, тѣмъ, что Дюркгеймъ главнымъ образомъ абстрактный соціо-

*) См. весь первый отдѣлъ книги, носящій общее названіе «Esquisse d'une histoire du suicide» (l. c., 1—111).

**) l. c., стр. 222.

логъ, исходящій изъ нѣкоторыхъ, порою очень удачныхъ, порою рискованныхъ отвлеченныхъ положеній; къ описательной же и фактической соціологія у него, какъ кажется, не совсѣмъ лежитъ сердце. Но альтруистическое самоубійство, какъ говоритъ самъ авторъ, проявляется главнымъ образомъ въ первобытныхъ обществахъ; для изученія же такихъ обществъ, столь отличающихся отъ современнаго, недостаточно вытягиванія логическихъ нитей изъ отвлеченныхъ принциповъ, представляющихъ преимущественно обобщеніе практики нашей жизни. Тутъ, наоборотъ, надо большое знакомство съ чисто этнографическимъ матеріаломъ. А этого-то знакомства и не видишь, просматривая то бѣглое введеніе, которое Дюркгеймъ посвящаетъ самоубійству у первобытныхъ (дикихъ или варварскихъ) народовъ. Десятокъ страницъ, посвященныхъ этому введенію, заключаетъ немало ссылокъ на источники; но все это, по большей части, ссылки изъ вторыхъ рукъ или же указанія на отдѣльныя статьи и до нѣкоторой степени случайные этюды. Изъ серьезныхъ общихъ трудовъ по соціологіи и антропологіи авторъ, какъ кажется, только и знаетъ, что сочиненія Вайца и Спенсера; присоедините къ этому извѣстный сборникъ легендъ Фрэзера, группирующихся вокругъ «золотой вѣтви» (Golden Bough), да одно-два путешествія англичанъ—вотъ вамъ весь этиологическій багажъ автора, что, конечно, не мѣшаетъ оставаться ему мыслящимъ и серьезнымъ изслѣдователемъ, но съуживаетъ то фактическое основаніе, на которомъ онъ долженъ строить эту часть своей теоріи.

Раньше Дюркгеймъ разсматривалъ самоубійства, вытекающія изъ черезчуръ сильной индивидуализаціи личности, не чувствующей связи съ распадающимся коллективнымъ союзомъ; теперь онъ переходитъ къ самоубійствамъ, причина которыхъ лежитъ въ недостаточной индивидуализаціи личности, утопающей въ тѣсно сплоченномъ первобытномъ общежитіи. Авторъ сводитъ эти альтруистическія самоубійства къ двумъ типамъ, самоубійству обязательному и самоубійству необязательному. Къ первому типу онъ относитъ въ свою очередь три случая: самоубійство старыхъ или больныхъ членовъ общежитія, становящихся тяжестью для племени; самоубійство вдовъ на могилѣ мужей; самоубійство кліентовъ или служителей на могилѣ господина. Второй типъ онъ видитъ въ частыхъ якобы самоубійствахъ по пустякамъ, одобряемыхъ во «многихъ низшихъ обществахъ» и вызываемыхъ, напр., самымъ легкимъ оскорбленіемъ, семейной вспышкой т. п.; или же въ самоубійствахъ религіозныхъ фанатиковъ, которые совершаютъ этотъ актъ подъ вліяніемъ восторженныхъ похвалъ ихъ вѣрующихъ соплеменниковъ.

Отъ меня далека мысль придираться къ подробностямъ выставленныхъ авторомъ фактовъ. Но какъ не замѣтить, что, даже и признавая довольно значительную долю истины, заключенной въ приводимыхъ Дюркгеймомъ иллюстраціяхъ «сильно съинтегрированнаго строя», — какъ не замѣтить, что одни изъ этихъ примѣровъ

не совсѣмъ точны, другіе могутъ быть иначе истолкованы. Самоубійство стариковъ или больныхъ — наиболѣе удачный изъ упомянутыхъ случаевъ. Но уже добровольная смерть жены на могилѣ мужа врядъ-ли можетъ объясняться сильною сплоченностью общественнаго союза: напр., самосожженіе вдовъ, практиковавшееся еще въ этомъ столѣтіи въ Индіи (послѣдній случай, если не ошибаюсь, былъ въ 1862 г.), вошло въ обычай сравнительно поздно, подъ вліяніемъ пропаганды браминовъ въ обществѣ, гораздо болѣе расчлененномъ на касты и гораздо менѣе «съинтегрированномъ», чѣмъ древнее индусское общежитіе, отразившееся въ Ригъ-Ведѣ. Самоубійство служителей на гробѣ господина зачастую предполагаетъ существованіе класса рабовъ, которые прямо вынуждаются къ этому роду смерти, а такое дѣленіе на сословія скорѣе говоритъ о дифференціаціи, чѣмъ объ интеграціи общества. По отношенію къ религіознымъ самоубійствамъ приходится опять сдѣлать оговорку: я, конечно, не отрицаю самого факта, но замѣчу, что авторъ имѣетъ главнымъ образомъ въ виду Индію, а именно ставшую по его словамъ классической «исторію фанатиковъ, бросающихся толпами подъ колеса идола Джагернаута» (стр. 242), и въ то же время цитируетъ—несомнѣнно изъ вторыхъ рукъ—какъ разъ того автора и на той страницѣ (Stirling *Asiatic Researches*, XV, 324), изъ котораго и на которой онъ могъ бы узнать, что такіе примѣры самоубійства не только «рѣдки», но прямо противорѣчатъ «безкровному» культу божества ,и совершаются несчастными и больными людьми, ищущими въ смерти избавленія отъ личныхъ бѣдъ. Знатоки Индіи прямо обвиняютъ англійскихъ писателей въ томъ, что они сочинили всю эту «классическую исторію массовыхъ самоубійствъ» на праздникѣ Джагернаута и пошла она гулять по всему цивилизованному міру, подобно множеству другихъ непровѣренныхъ легендъ *). Наконецъ, что касается до будто бы необыкновенной легкости, съ какой члены первобытнаго общества убиваютъ себя при малѣйшемъ вздорномъ случаѣ, то не мѣшало бы противопоставить этому утвержденію существованіе—именно въ такомъ обществѣ—цѣлаго ряда наказаній, которыми племенной союзъ грозитъ покушающемуся на самоубійство. Я позволю себѣ остановить вниманіе читателя на слѣдующемъ, почти водевильномъ показаніи одного путешественника о карѣ, постигающей не только самоубійцъ, но людей нечаянно причинившихъ себѣ пораненіе. Дѣло идетъ о дикихъ Гоахирахъ, живущихъ въ предѣлахъ Колумбійской республики:

Если индѣецъ этого племени нечаянно порѣжетъ себя, скажемъ своимъ ножомъ, или сломаетъ себѣ какой либо членъ, или причинитъ себѣ какую либо другую рану, то его семья съ материнской стороны немедленно же требуетъ кровнаго штрафа (blood-money). Такъ какъ-де онъ одной

---

*) См. общую статью объ Индіи въ VI томѣ двадцатитомнаго географическаго словаря Гэнтера (W.-W. Hunter, «The Imperial Gazetteer of India»; Лондонъ, 1886, 2-е изд.), особенно стр. 224—226.

съ нею крови, то ему не позволяется расточать эту кровь, не уплативъ за нее. Родственники по отцу въ свою очередь требуютъ слезнаго штрафа (tear-money), хотя и не въ такомъ количествѣ. Присутствующіе друзья требуютъ вознагражденія за горе, причиненное имъ видомъ пострадавшаго друга. Если кто-нибудь изъ присутствующихъ можетъ захватить инструментъ, причинившій несчастіе, то онъ присвоиваетъ его себѣ. Штрафъ пропорціоналенъ ранѣ. Легкій порѣзъ пальца оплачивается небольшимъ количествомъ маиса, козленкомъ или тому подобными неважными вещами. Сильный порѣзъ требуетъ по меньшей мѣрѣ козы или овцы да еще съ прибавкой чего нибудь. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда пострадавшій индѣецъ не имѣетъ средствъ раздѣлаться со своими кредиторами, онъ идетъ побираться кругомъ, пока не насоберетъ требуемаго *).

Вообще же можно, пожалуй, сказать, что въ первобытныхъ обществахъ альтруистическое самоубійство сводится къ тѣмъ немногимъ случаямъ, когда дѣйствительные или фиктивные интересы всего общежитія требуютъ этой жертвы отъ личности (самоубійство безполезныхъ членовъ племени, коллективное самоубійство религіозныхъ фанатиковъ, и т. п.); эгоистическое же самоубійство строго преслѣдуется общественнымъ мнѣніемъ, кристаллизовавшимся въ обычай. Во всякомъ случаѣ идея Дюркгейма строго различать между этими двумя родами самоубійства могла бы повести къ очень интереснымъ сближеніямъ и противоположеніямъ, еслибы авторъ остановился столь же подробно и обстоятельно на второй части изслѣдованія, какъ и на первой. Но онъ лишь намѣтилъ направленіе, въ какомъ должно было бы вестись это изслѣдованіе. Такъ, переходя къ альтруистическому самоубійству въ современномъ обществѣ, авторъ ограничивается исключительно статистикой самоубійствъ въ войскахъ, преувеличенно видя въ нихъ проявленіе чувствъ самопожертвованія, свойственнаго, молъ, этой сильно съинтегрированной организаціи. Можно, конечно, согласиться съ авторомъ, что дисциплина, обезличивая каждаго солдата, пріучаетъ его довольно равнодушно смотрѣть на исчезновеніе того или другого одинаковаго винтика въ гигантской машинѣ, т. е. значитъ на свою собственную смерть, какъ на смерть своихъ товарищей. Но развѣ это ослабленіе индивидуализаціи не уживается съ цѣлымъ рядомъ психическихъ мотивовъ, въ большинствѣ которыхъ нѣтъ ничего, что доказывало бы самопожертвованіе? Послушайте самого автора:

Подъ вліяніемъ этого предрасположенія (такъ называемаго военнаго духа) солдатъ убиваетъ себя при малѣйшей непріятности, подъ самымъ пустымъ предлогомъ, изъ за отказа въ отпускѣ, изъ-за выговора, несправедливаго наказанія, остановки въ повышеніи, изъ-за какого-нибудь вопроса point d'honneur, изъ-за временнаго припадка ревности и т. д. **).

---

*) F.-A.-A. Simons, «An Exploration of the Goajira Peninsula, U. S. of Columbia»; въ Proceed. of the Royal Geogr. Soc., Лондонъ, 1885, стр. 781—796, особенно же стр. 790.

**) l. c., стр. 260.

Согласитесь сами, что почти всѣ перечисленные авторомъ мотивы носятъ эгоистичный и даже мелко-эгоистичный характеръ. Есть между ними одинъ мотивъ болѣе высшаго порядка, а именно сознаніе несправедливо претерпѣннаго наказанія; но и въ этомъ слѣдуетъ видѣть возмущеніе хотя и здороваго, но индивидуалистическаго чувства противъ ломающей личность дисциплины. Вообще же авторъ находится на этихъ страницахъ подъ безсознательнымъ вліяніемъ того культа арміи, который свирѣпствуетъ между современными французами. Бросьте самый бѣглый взглядъ на сочиненія, пытающіяся противодѣйствовать излишнему культу милитаризма. *) и вы увидите, какія преувеличенія скрываются за обычными восхваленіями арміи, какъ «школы долга, чести и альтруизма»!..

Жаль, что, остановившись на альтруистическомъ самоубійствѣ въ войскахъ, авторъ отдѣлался лишь нѣсколькими строками отъ вопроса объ альтруистическихъ самопожертвованіяхъ высокаго типа, проявляющихся и въ современныхъ обществахъ и именно съ точки зрѣнія Дюркгейма входящихъ въ категорію альтруистическихъ самоубійствъ, какова, напр., смерть мученика за убѣжденія, который идетъ на вѣрную гибель во имя извѣстнаго общественнаго идеала.

Я уже раньше сказалъ, что не вижу особой причины отдѣлать аномическое самоубійство отъ эгоистическаго. Интересъ главы, посвященной Дюркгеймомъ этой разновидности, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что чтеніе ея наводитъ на мысль объ общей неустойчивости современнаго строя, но особенно проявляющейся въ экономической сферѣ. Цифры, разбираемыя авторомъ, указываютъ на сильную зависимость самоубійства этого типа отъ промышленныхъ краховъ и вообще хроническихъ и острыхъ болѣзней современной индустріи и торговли. Грюндерскій кризисъ въ Германіи, послѣдовавшій за франко-прусской войной и усиленный пяти-милліардной контрибуціей, брошенной въ сферу спекуляціи; вѣнскій кризисъ 1873—1874; французскій крахъ католическаго банка Бонту въ 1882 г. и т. д., всѣ эти промышленныя потрясенія сопровождались быстрымъ повышеніемъ уровня самоубійства. Съ другой стороны оказывается, что по крайней мѣрѣ въ настоящее время этотъ приливъ добровольныхъ смертей постигаетъ не столько самыя бѣдныя страны и въ нихъ самыя нищенскія части населенія, сколько страны экономически могущественныя и классы, во всякомъ случаѣ не находящіеся въ самомъ низу соціальной лѣстницы, т. е. не говоря уже о капиталистахъ, выс-

*) См., напр., Lucien Descaves, «Les sous-offs»; A. Hamon, «Psychologie du militaire professionnel», и т. п.

шія и среднія категоріи рабочихъ. Дѣло идетъ, какъ видите, не столько о большемъ или меньшемъ абсолютномъ благосостояніи членовъ и общества, сколько о неустойчивости этого благосостоянія въ капиталистическомъ строѣ съ его постоянными кризисами. Такимъ образомъ, что является по терминологіи автора аномическимъ, безпорядочнымъ феноменомъ, на самомъ дѣлѣ выражаетъ постоянную законную тенденцію современнаго общежитія, тенденцію, которая исчезнетъ лишь при регулированіи общественнаго производства. И съ этой точки зрѣнія аномическое самоубійство не болѣе аномично, чѣмъ самоубійство эгоистическое: только въ одномъ случаѣ дѣло идетъ объ обыкновенномъ соціальномъ движеніи общежитія, въ другомъ же объ узловыхъ, такъ сказать, точкахъ этого движенія.

Упомяну, заканчивая этотъ отдѣлъ, о томъ сближеніи, которое Дюркгеймъ дѣлаетъ между самоубійствомъ разорившагося промышленника и самоубійствомъ разведенныхъ супруговъ. Для меня не столько интересно само это сближеніе (и то, молъ, и другое самоубійство аномичны, потому что предполагаютъ безпорядочное развитіе эгоистическихъ стимуловъ, въ одномъ случаѣ направленныхъ на удовлетвореніе безмѣрно расширяющихся матеріальныхъ потребностей, въ другомъ на удовлетвореніе разнузданныхъ половыхъ страстей). Въ этомъ ригоризмѣ сказывается любитель общественной регламентаціи во всѣхъ сферахъ (вспомните лишь роль положительнаго права, какъ критерія общественной солидарности въ работѣ Дюркгейма о «раздѣленіи труда»). Но знаменательно, что и по этому поводу Дюркгеймъ принужденъ повторить, что современный бракъ есть учрежденіе, установленное почти исключительно къ выгодѣ мужчины: по мнѣнію автора, неразрывный брачный союзъ, если и нуженъ для кого, такъ именно для мужчины, который иначе испортилъ бы свою соціальную функцію участника въ общественной жизни, гонясь за новыми и новыми впечатлѣніями и ощущеніями въ половой сферѣ; для женщины же безразводный бракъ есть несомнѣнное зло. Недаромъ, благодѣтельное вліяніе собственно брака на женщинъ ощутительно лишь тамъ, гдѣ существуетъ разводъ. Я вскользь отмѣчаю эту мысль автора, не останавливаясь на разборѣ причинъ, что меня завело бы далеко.

За то не мѣшаетъ подвергнуть краткой оцѣнкѣ общій соціологическій выводъ, сдѣланный авторомъ изъ разносторонняго изслѣдованія самоубійствъ. Выводъ этотъ можно резюмировать такъ: постоянство соціальной пропорціи самоубійствъ и вліяніе исключительно общественныхъ факторовъ на явленіе добровольной смерти указываютъ на то, что въ обществѣ есть особыя «теченія, производящія самоубійство» (courants suicidogènes), особыя соціальныя силы, вытекающія изъ коллективнаго сознанія людей, но дѣйствующія на каждаго индивидуума извнѣ, какъ посторонняя объективная сила. Развивая эту мысль, авторъ незамѣтно переходитъ въ ряды «орга-

нистовъ». Ибо, хотя въ самомъ началѣ своей книги онъ выразилъ твердое желаніе не признавать отдѣльнаго существованія коллективнаго сознанія въ обществѣ (hypostasier la conscience collective; см. прим. къ стр. 14—15), онъ серьезно говоритъ (см. стр. 352 и слѣд.) о «коллективныхъ представленіяхъ», о «психической жизни общества», ибо послѣднее, молъ, не слагается лишь изъ сознанія индивидуумовъ, а, съ одной стороны, изъ матеріальныхъ вещей, въ которыхъ кристаллизуется общественное сознаніе, съ другой же, изъ того текучаго, неотвердѣвшаго остатка этого сознанія, которое есть нѣчто большее, чѣмъ простая сумма индивидуальныхъ сознаній. Но что же это за остатокъ, и какъ онъ можетъ существовать внѣ живыхъ людей? Не есть-ли это одна изъ тѣхъ «соціологическихъ метафоръ», которыя надѣлали столько бѣдъ въ общественной наукѣ и которыя возбуждаютъ справедливое опасеніе хотя бы въ Гастонѣ Ришарѣ, авторѣ очень хвалебнаго отзыва о послѣдней книгѣ Дюркгейма въ начавшемъ выходить подъ редакціей же Дюркгейма «Соціологическомъ ежегодникѣ»? *)

Я попрошу позволенія у читателя прибѣгнуть къ одному конкретному сравненію. Нѣсколько человѣкъ взялись вмѣстѣ и несутъ бревно, котораго никто изъ нихъ отдѣльно взятый не могъ бы сдвинуть и на десять шаговъ. Вотъ вамъ примѣръ простого сотрудничества, элементарной коопераціи, относительно которой экономисты однако привыкли говорить, что уже эта форма труда настолько выгодна, что произведенный ею результатъ превышаетъ простую сумму усилій, скажемъ, пяти человѣкъ, несущихъ бревно. И однако этотъ результатъ дается лишь комбинаціей пяти отдѣльныхъ силъ, внѣ которыхъ не существуетъ, конечно, шестой коллективной силы, ибо послѣдняя есть ничто иное, какъ наша абстракція. Но откуда же всетаки берется эта, такъ сказать, магическая лишняя сила коллективнаго труда? Изъ коопераціи, которая выгодно припрягаетъ къ одной цѣли пять индивидуальныхъ силъ, уменьшаетъ число вредныхъ усилій и повышаетъ путемъ соревнованія и сознанія солидарной работы количество энергіи, которую способенъ развить изолированный человѣкъ **).

То же самое происходитъ и при процессѣ такъ называемаго общественнаго сознанія. Мысли, чувства, цѣли немыслимы внѣ мозга живыхъ людей, и кромѣ этихъ индивидуальныхъ сознаній вы ничего не отыщете въ общественной работѣ сознанія. Конечно, сознаніе другихъ людей вліяетъ на меня извнѣ; но, кромѣ вліянія цѣлаго ряда отдѣльныхъ сознаній на мое сознаніе, и моего сознанія на эти отдѣльныя сознанія, ни одинъ соціальный алхимикъ не найдетъ ни крупинки особаго элемента при анализѣ коллективной мысли. И однако я, какъ членъ общества, думаю и чувствую

---

*) L'année sociologique 1897; Парижъ, 1898 (годъ первый), стр. 405.
**) Ср. Marx. Le capital, стр. 141—142 франц. изд. 1-го тома.

иначе, чѣмъ я, какъ изолированный человѣкъ. Но почему? Потому, что я сильнѣе вибрирую подъ вліяніемъ вибрацій моихъ сосѣдей, въ свою очередь испытывающихъ этотъ процессъ повышенія психической, такъ сказать, тональности подъ вліяніемъ моихъ собственныхъ вибрацій. Конечно, вы правы, говоря, что сумма чувствъ и мыслей всѣхъ членовъ даннаго общества, взятыхъ по одиночкѣ, не даетъ вамъ еще чувствъ и мыслей ихъ общей психической кооперации. Но что это значитъ? Лишь то, что въ обществѣ каждый живой индивидуумъ проявляетъ большую (или если хотите иную) энергію своего чувства и мысли. Словомъ, Дюркгеймъ могъ бы прекрасно говорить о вліяніи соціальныхъ факторовъ на отдѣльнаго человѣка, нисколько не создавая особой коллективной силы сознанія и особыхъ коллективныхъ теченій, катящихъ свои волны помимо индивидуальныхъ струй.

Практическія послѣдствія, выводимыя авторомъ изъ его добросовѣстнаго этюда о самоубійствѣ, меня не особенно интересуютъ, и къ его рецепту лѣченія, состоящему въ устроеніи профессіональныхъ корпорацій съ регулированнымъ раздѣленіемъ труда, я отношусь совершенно скептически, ибо мой идеалъ — не увѣковѣченіе этого раздѣленія, а, наоборотъ, его возможное ослабленіе (сошлюсь на формулу прогресса Н. К. Михайловскаго). Мнѣ бы, наоборотъ, хотѣлось подчеркнуть кой-какія соображенія, вытекающія изъ новой книги мыслящаго соціолога. Мы видѣли, что прямо или косвенно (т. е. вліяя уже на психическія предрасположенія личностей) самоубійство является важнымъ показателемъ здоровья общественнаго организма, симптомомъ разъѣдающихъ его болѣзней. Смотря по характеру самого организма, и болѣзни эти могутъ быть различны. И если съ точки зрѣнія солидарности современное общество уступаетъ жизненностью первобытному, то, наоборотъ, съ точки зрѣнія индивидуальнаго развитія членовъ общества первобытное общество гораздо ниже и слабѣе современнаго. Настоящій строй толкаетъ людей къ самоубійству, т. е. къ печальной дренировкѣ силъ человѣчества, путемъ болѣзненнаго развитія индидивидуальныхъ потребностей; но и низшій общественный строй толкаетъ людей къ самоубійству путемъ чрезмѣрнаго усиленія коллективныхъ стремленій. Какъ разрѣшить это противорѣчіе, какъ установить надлежащую точку для равновѣсія личныхъ и общественныхъ цѣлей, ибо, что ни говорите, а внѣ живыхъ людей общество немыслимо, какъ живые люди немыслимы помимо общества? Я думаю, эта антиномія рѣшается самой постановкой вопроса. Какимъ недугомъ, говоря съ общей соціологической точки зрѣнія, страдало первобытное общество? Господствомъ всемогущаго коллективнаго *обычая*, подавлявшаго развитіе, блескъ и красоту личной инициативы. А чѣмъ страдаетъ современное? Гипертрофіей личнаго *инте-*

реса, приводящей отдѣльныхъ людей къ забвенію и прямому разрушенію коллективнаго союза. Выходомъ изъ этого противорѣчія, синтезомъ этихъ борющихся тенденцій можетъ явиться лишь торжество *убѣжденія*, сознательно направляющаго всю личную энергію индивидуума на осуществленіе общественныхъ цѣлей, причемъ каждый членъ союза видитъ развитіе и счастіе своей личности въ развитіи и счастіи другихъ людей. Но такая цѣль осуществима именно только при всесторонней выработкѣ индивидуума, исключающей современное раздѣленіе труда.

Жить полною жизнію для себя, живя для другихъ—вотъ урокъ, который даетъ намъ печальный танецъ добровольной смерти!..

Н. К.

Политика.

I. Испано-американское столкновеніе.—Оффиціальный разрывъ.—Куба и ея значеніе.—Историческій очеркъ Кубы.—Современное состояніе.—Прежнія возстанія.—Лопецъ.—Квезада.—Статьи 1876 года.—Мартинецъ Кампосъ.—II. Послѣднее возстаніе.—Вейлеръ и Гомецъ.—Настоящее положеніе на островѣ.—Послѣднія уступки.—Вмѣшательство Соединенныхъ Штатовъ.—Прежняя политика Штатовъ.—Гибель Maine'a.—Посланіе президента.—Резолюціи конгресса.—Начало войны.—III. Военно-морскія и военно-сухопутныя силы сторонъ.—Экономическія отраженія войны.—Возможныя послѣдствія.—Текущія европейскія дѣла.

I.

Телеграммою изъ Вашингтона отъ 8 (20) апрѣля цивилизованный міръ былъ оповѣщенъ, что «Макъ-Кинлей въ 11 часовъ 20 минутъ утра подписалъ резолюцію конгресса. Копія съ американскаго ультиматума вручена испанскому послу, который отвѣтилъ на это тѣмъ, что потребовалъ свои паспорта». Въ дополненіе къ этому телеграмма отъ того же числа изъ Нью-Іорка сообщила, что въ ультиматумѣ, объявленномъ испанскому послу, «требуется очищеніе Кубы и дается Испаніи срокъ, истекающій въ субботу, въ 6 часовъ утра по мадридскому времени». Однако, не ожидая этого срока, испанскій посолъ Барнабэ потребовалъ у Вашингтонскаго правительства свои вѣрительныя грамоты. Дипломатическій разрывъ сталъ фактомъ, и, вѣроятно, открытіе военныхъ дѣйствій не заставитъ себя долго ждать. Когда эти строки дойдутъ до читателя, вѣроятно, уже будутъ гремѣть пушки и въ Атлантическомъ, и въ Тихомъ океанахъ... Своевременно поэтому будетъ окинуть теперь болѣе внимательнымъ взглядомъ поле предстоящей борьбы, ея причины и шансы, ея возможное и вѣроятное историческое значеніе.

«Жемчужина» Вестъ-Индіи, островъ Куба былъ открытъ Христофоромъ Колумбомъ и съ тѣхъ поръ неизмѣнно принадлежитъ Испаніи, хотя и англичане, и французы, и голландцы неоднократно пытались отнять у испанцевъ этотъ богатѣйшій и благодатнѣйшій изъ острововъ Вестъ-Индіи. Англичане завладѣли и утвердились на Ямайкѣ, Тринидадѣ, Барбадосѣ и цѣлой плеядѣ мелкихъ острововъ, ихъ окружающихъ. Французы, отнявшіе было второй по величинѣ островъ Вестъ-Индіи, Гаити, затѣмъ сами потеряли его, но сохранили Мартинику и Гваделупу. Голландцы владѣютъ Кюрасо и сосѣдними мелкими. Испанія изъ всего этого сохранила только Кубу и Порто-Рико, но тѣмъ съ большею силою держится за эти послѣдніе обломки нѣкогда необъятной колоніальной имперіи. Сорокъ-пять милліоновъ испанцевъ и по нынѣ населяютъ Южную и Центральную Америку, но эти родные сыновья Испаніи давно ею потеряны, отшатнулись отъ ея деспотической и разорительной опеки и живутъ обособленною историческою жизнью. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ въ началѣ этого нынѣ уже кончающагося столѣтія, американскіе испанцы съ оружіемъ въ рукахъ въ продолжительной и кровопролитной борьбѣ отложились отъ метрополіи. Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ къ лучшему и на Пиринейскомъ полуостровѣ, но прогрессъ въ системѣ колоніальнаго управленія сказался настолько незначительно, что и въ концѣ XIX вѣка, какъ и въ его началѣ, испанскій народъ видитъ своихъ заатлантическихъ братьевъ, поднимающихъ противъ него оружіе, и можетъ опасаться потери послѣднихъ своихъ колоніальныхъ владѣній. Дѣло начинается изъ за Кубы, но, однажды возгорѣвшись, война затронетъ и Порто-Рико, и Филиппины, и Канары... Куба, впрочемъ, сама по себѣ, едва-ли не важнѣе и цѣннѣе всѣхъ остальныхъ испанскихъ колоній, вмѣстѣ взятыхъ.

Куба лежитъ въ тропическомъ поясѣ, на самой его границѣ, касаясь своими сѣверными мысами 23° с. ш. Островъ представляетъ длинную ленту, низменную на западѣ и возвышающуюся къ востоку. Какъ ожерельемъ, онъ окруженъ широкимъ кольцомъ коралловыхъ рифовъ, дѣлающихъ доступъ къ острову возможнымъ лишь въ сравнительно немногихъ мѣстахъ. За ожерельемъ коралловыхъ рифовъ слѣдуетъ снаружи такое же второе ожерелье мелкихъ острововъ, особенно скопляющихся и на сѣверной сторонѣ, и на южной противъ средней части Кубы. Въ южномъ архипелагѣ имѣется одинъ довольно значительный островъ Пиносъ, очень удобный, какъ опорный пунктъ для дѣйствія флота, враждебнаго Кубѣ. Вообще, если кольцо коралловыхъ рифовъ облегчаетъ оборону Кубы, то обиліе мелкихъ острововъ, ее окружающихъ, напротивъ того, облегчаетъ нападеніе. За островами вокругъ море, глубокое и для плаванія удобное. Оно отдѣляетъ Кубу отъ окружающихъ ее со всѣхъ сторонъ земель: отъ острова Гаити на востокъ проливомъ въ девяносто километровъ, отъ острова Ямайки на

югъ—145 кил., отъ полуострова Юкатана (мехиканское владѣніе) на западъ—200 кил. и отъ полуострова Флориды на сѣверъ (Соед. Штаты)—230 километровъ. За Гаити лежитъ испанскій островъ Порто-Рико. Гаити политически раздѣленъ между двумя независимыми республиками, негритянской Санъ-Доминго и мулатской Гаити. Американцы разсчитываютъ пользоваться гаванями этихъ республикъ, какъ опорнымъ пунктомъ.

Какъ сказочная царевна, окруживъ себя колючимъ лѣсомъ коралловъ, Куба очень привѣтлива для того, кто съумѣетъ проникнуть сквозь это заколдованное кольцо. Берега Кубы и на сѣверѣ и на югѣ изобилуютъ прекрасными бухтами и безопасными стоянками. Великолѣпный портъ Гаваны, столицы острова, расположенъ на сѣверо-западѣ. Прекрасны также порта Мантазасъ (на сѣв. недалеко отъ Гаваны) и Сантъ-Яго (на востокѣ). Нельзя не отмѣтить, какъ прекрасныя стоянки, а слѣдовательно и возможные объективы нападенія, бухты: на сѣверѣ—Нипъ и Нувитасъ, на югѣ—Гвантанама, Чіенфугосъ и Броа. Нувитасъ и Чіенфугосъ солидно укрѣплены, а такъ же Гавана и Сантъ-Яго. Имѣются морскія укрѣпленія и въ менѣе значительныхъ бухтахъ Ремедіоса, Сагны и Тринидада. Остальныя, повидимому, открыты, если въ самое послѣднее время не приняты мѣры къ ихъ оборонѣ.

Я уже упомянулъ, что западная часть острова низменна. Здѣсь сосредоточивается главное богатство острова, его знаменитыя табачныя плантаціи съ своими неимѣющими соперниковъ сигарами. Эта же западная часть острова отличается изобиліемъ всѣхъ даровъ природы. Здѣсь же сосредоточена большая часть населенія и власть Испаніи въ настоящее время никѣмъ не оспаривается. Восточная гористая часть острова, болѣе скудная и малодоступная, и является очагомъ возстанія. Крайне лѣсистая, сырая и невоздѣланная, эта мѣстность отличается особою вредоносностью для европейцевъ и дѣйствующія здѣсь испанскія войска терпятъ громадныя потери отъ маляріи, поражающей значительный процентъ не привычныхъ къ климату пришельцевъ. Туземцы же, хотя и потомки европейскихъ переселенцевъ, уже успѣли хорошо приспособиться къ особенностямъ климата и не страдаютъ маляріей. Американцамъ, впрочемъ, тоже едва-ли будетъ полезно рисковать въ эту часть острова. Вѣроятно, поэтому, они ограничатся побережьемъ восточной Кубы, а свои усилія сосредоточатъ на западной, гдѣ многовѣковая культура уже успѣла оздоровить мѣстность и сдѣлать ее доступною для жизни европейцевъ.

Когда Колумбъ 28 октября 1492 года впервые присталъ къ берегу Кубы, его здѣсь встрѣтило мирное и привѣтливое населеніе, отнесшееся очень благосклонно къ невѣдомымъ пришельцамъ. Этотъ народъ, принадлежавшій къ американской краснокожей расѣ, называлъ себя *Араваки* и занималъ весь островъ. Авторитетные источники опредѣляютъ его численность въ это время въ 200—400 тысячъ душъ. Нѣкоторые исчисляютъ даже до милліона. Колумбъ не-

оккупировалъ острова. Онъ уже основалъ испанскую колонію на сосѣднемъ Гаити, а сношенія съ Кубою думалъ ограничить мирною торговлею. Съ тою же мирною цѣлью онъ вторично посѣтилъ араваковъ въ 1502 году, продолжая принимать ихъ землю за часть материка той Индіи, сношенія съ которою должны обогатить облагодѣтельствованныхъ имъ испанцевъ. Вскорѣ, однако, великій генуэзецъ былъ отозванъ и новые испанскіе намѣстники посмотрѣли на дѣло иначе. Въ 1511 году испанцы высадили на Кубу отрядъ войска и быстро привели къ покорности народъ араваковъ. Вмѣстѣ съ войскомъ высадились и первые испанскіе колонисты-плантаторы. Араваки были обращены въ невольниковъ и стали быстро вымирать подъ непривычнымъ игомъ жестокаго рабства. Малѣйшее неповиновеніе подавлялось жестоко и безпощадно. Населеніе стало таять съ быстротою, поражающею своимъ ужасомъ даже черезъ полтысячелѣтіе. Уже въ 1524 году, черезъ тринадцать лѣтъ послѣ порабощенія араваковъ, рабовъ стало не хватать испанскимъ плантаторамъ острова. Въ этомъ году привезена была на Кубу первая партія негровъ изъ Африки, которые быстро замѣнили неспособныхъ къ рабству туземцевъ. Еще черезъ одиннадцать лѣтъ, въ 1533 году участь этихъ несчастныхъ была рѣшена окончательно. Всѣ араваки-мужчины (что то оставалось около 14 тыс. душъ) были посажены на суда и отправлены въ Испанію, гдѣ, одинокіе, на службѣ у своихъ немилосердныхъ господъ и вымерли постепенно, не оставивъ слѣда, кромѣ печальныхъ страницъ современныхъ хроникъ. Женщины были оставлены на островѣ и были разобраны въ услуженіе испанскими плантаторами, которые не находили необходимымъ соблюдать по отношенію къ невольницамъ седьмую заповѣдь. Благодаря этому, эти послѣднія представительницы аравакскаго народа оставили потомство индоиспанскихъ метисовъ, существующихъ въ незначительномъ числѣ на островѣ и доселѣ. Такъ безславно и жестоко были загублены эти мирные дѣти благодатной природы. Этимъ преступленіемъ началась исторія Кубы.

Араваковъ замѣнили негры. До самаго конца XVIII вѣка шла оживленная торговля этимъ чернымъ тѣломъ. Относясь и къ чернымъ невольницамъ такъ же либерально, какъ и къ краснымъ, испанскіе плантаторы создали на островѣ обширный контингентъ мулатовъ, которыхъ на Кубѣ даже больше, нежели чистокровныхъ негровъ. Сами испанскіе колонисты тоже размножались, легко обезпечивая себѣ довольство въ этомъ земномъ парадизѣ. Однако, никакія благодатныя условія, никакое довольство не могли долго вытравить тѣ завѣты жестокости и варварства, которые воспитали въ себѣ первыя поколѣнія колонистовъ. Негры смѣнили араваковъ, плантаторы получили новый контингентъ рабовъ, но рабство не измѣнило своего суроваго и жестокаго характера. Отсюда цѣлый рядъ кровопролитныхъ негритянскихъ возстаній, отъ времени до времени потрясавшихъ и опустошавшихъ островъ. Но и колонисты

не имѣли основанія быть очень довольными своимъ положеніемъ. Природа имъ все давала, но люди у нихъ все отнимали. Испорченная и требовательная администрація; необузданное, разбойничье войско; непрекращающіяся преслѣдованія инквизиціи; тяжелые, ни съ чѣмъ не соображенные налоги; и ко всему вдобавокъ запрещеніе торговли съ кѣмъ либо, кромѣ метрополіи (для ея обогащенія), все это возстановляло колонистовъ противъ метрополіи и вызывало все возрастающее неудовольствіе. Уже въ 1717 году оно сказалось мятежомъ. Возстаніе повторилось въ 1812 году, являясь отзвукомъ общаго возстанія всѣхъ американскихъ колоній Испаніи. Снова подавленное, движеніе возобновилось съ новою силою въ тридцатыхъ годахъ. Въ это время въ самой Испаніи власть перешла было въ руки болѣе просвѣщенныхъ и гуманныхъ людей. Колоніи получили серьезныя обѣщанія и рѣшились ждать. Кровополитное возстаніе негровъ въ 1844 году тоже содѣйствовало примиренію колонистовъ съ властью метрополіи. Однако, реакція восторжествовала въ Мадридѣ и обѣщанія были забыты. Все осталось по старому. Та же полная коррупція администраціи, та же разнузданная солдатчина, тѣ же несообразные налоги, та же система эксплоатаціи колоніи въ пользу метрополіи. Возстаніе стало опять неизбѣжнымъ послѣдствіемъ невыносимаго состоянія благословенной страны. На этотъ разъ во главѣ движенія сталъ Лопецъ, личность энергичная и благородная, съумѣвшая впервые возбудить вниманіе цивилизованнаго міра къ судьбамъ чудеснаго острова.

Лопецъ не былъ уроженцемъ Кубы. Онъ былъ венецуэльскимъ испанцемъ, но не сражался съ метрополіей за свободу своей испано-американской родины. Онъ, напротивъ того, въ самой Испаніи сражался подъ знаменемъ Эспартеро за свободу и лучшую будущность всего испанскаго народа. Отсюда-же, во время кратковременнаго торжества маршала Эспартеро и его друзей-гуманистовъ, Лопецъ былъ командированъ на Кубу съ цѣлью изучить условія острова, составить программу необходимыхъ реформъ и умиротворить глубоко ожесточенное населеніе. Но эпоха гуманизма въ Мадридѣ быстро отцвѣла и Лопецъ успѣлъ только въ одномъ, въ подробномъ ознакомленіи съ положеніемъ на островѣ. Онъ не могъ не признать его невыносимымъ и, послѣ долгихъ и тщетныхъ усилій убѣдить въ томъ реакціонное правительство Мадрида и жадныхъ правителей Гаваны, рѣшилъ поднять знамя возстанія. Въ 1848 году онъ выступилъ въ поле, но потерпѣлъ неудачу и долженъ былъ бѣжать въ Соединенные Штаты, гдѣ вскорѣ поднялъ агитацію въ защиту угнетеннаго населенія сосѣдняго острова. Въ южныхъ штатахъ, гдѣ въ обѣихъ Флоридахъ, Алабамѣ и Луизіанѣ романская раса, испанцы и французы, составляетъ очень значительный контингентъ, пропаганда Лопеца имѣла громадный успѣхъ, но сѣверные штаты относились очень холодно, почти враждебно къ движенію южанъ. Дѣло въ томъ что тогда, за полтора десятилѣтія до междоусобной войны, уже ска-

зывался глухой антагонизмъ между сѣверомъ и югомъ и присоединеніе рабовладѣльческой Кубы могло только усилить значеніе и вліяніе рабовладѣльческаго юга. Тѣмъ не менѣе, Лопецъ, при помощи своихъ друзей изъ южныхъ штатовъ, снарядилъ въ 1850 г. экспедицію, но снова потерпѣлъ неудачу, попалъ въ плѣнъ и былъ казненъ. Онъ, однако, обратилъ всеобщее вниманіе на положеніе Кубы и съ этого времени и въ Европѣ и Америкѣ стали внимательнѣе приглядываться къ порядкамъ на островѣ и къ тому гнету, который продолжалъ тяготѣть надъ его населеніемъ.

Движеніе, поднятое Лопецомъ, не прошло безслѣдно. Отдѣльныя вспышки проявляются то тамъ то здѣсь въ теченіе пятидесятыхъ годовъ. Общее ожесточеніе бѣлаго населенія росло изъ года въ годъ. Росло и убѣжденіе въ необходимости добыть независимость. Явное стремленіе бѣлаго населенія къ отложенію побудило генералъ-губернатора Конху попытаться опереться на цвѣтное населеніе. Были изданы законы въ огражденіе невольниковъ отъ жестокости господъ. Было предоставлено каждому невольнику право выкупаться на свободу за 2500 франковъ и выкупать малолѣтнихъ дѣтей за 150 франковъ. Конха очень покровительствовалъ такому освобожденію негровъ, давая помощь выкупу. Изъ этихъ, только что освобожденныхъ рабовъ онъ формировалъ отряды, при помощи которыхъ безпощадно расправлялся съ бѣлою оппозиціею края. Эта политика вооруженія цвѣтного населенія противъ бѣлаго снова встревожила сосѣдніе невольничьи штаты Сѣверной Америки. Подъ ихъ давленіемъ американская дипломатія даже начала переговоры съ Испаніей о продажѣ Кубы. Жадное и расточительное правительство королевы Изабеллы, быть можетъ, и продало бы эту «жемчужину» испанской короны, но глухое противодѣйствіе сѣверныхъ штатовъ тормозило переговоры, а вскорѣ затѣмъ уже ни южанамъ, ни сѣверянамъ не стало ни времени, ни охоты заниматься этимъ дѣломъ. Начиналась грозная борьба за историческое руководительство судьбами Новаго Свѣта. Куба была опять предоставлена своимъ силамъ и своимъ угнетателямъ. Дѣло окончилось новымъ возстаніемъ злополучнаго острова.

Возстаніе вспыхнуло въ 1868 году и съ силою, дотолѣ еще ни разу не проявленною; оно имѣло такой успѣхъ, что къ началу 1869 года большая часть острова была въ рукахъ инсургентовъ. Испанцы владѣли только нѣсколькими укрѣпленными пунктами да берегами, находившимися въ предѣлахъ дѣйствія флота. 10 апрѣля 1869 года собрался парламентъ острова и была провозглашена республика и независимость. Чеспедесъ былъ избранъ президентомъ республики, а главнокомандующимъ талантливый военачальникъ Квезада. Въ это время, однако, и въ Испаніи пало правительство королевы Изабеллы, и новое правительство предложило Кубѣ миръ и реформы. Кубинцы отвергли предложеніе и продолжали борьбу, требуя совершенной независимости. Постоянныя междоусобія въ

метрополіи мѣшали энергическому подавленію. Кратковременная республика въ Испаніи предложила кубинцамъ автономію, но и это было отвергнуто. Воцарился между тѣмъ Альфонсъ XII, сынъ Изабеллы, и началась въ Испаніи послѣдняя карлистская война, отвлекавшая и силы и вниманіе отъ Вестъ-Индіи, гдѣ война продолжалась довольно вяло. Только послѣ окончательнаго подавленія карлистскаго возстанія, мадридское правительство могло отправить значительныя силы за океанъ. Талантливый полководецъ и гуманный администраторъ, Мартинецъ Кампосъ былъ поставленъ во главѣ испанскихъ военныхъ силъ на островѣ. Искусными военными дѣйствіями ему скоро удалось довести до покорности населеніе, истомленное восьмилѣтнею разорительною войною. Имѣя полную возможность добиться безусловной покорности, Мартинецъ Кампосъ предпочелъ заключить съ остатками инсуррекціонныхъ отрядовъ миръ, по которому были условлены необходимыя реформы, мѣстное самоуправленіе, отмѣна невольничества, свобода торговли съ иностранными государствами, преобразованіе налоговъ, свобода печати и пр. Мартинецъ Кампосъ поступилъ благородно и благоразумно, но возбудилъ неудовольствіе въ Мадридѣ. Его наградили, но отозвали. Мадридское правительство утвердило только нѣкоторыя изъ выше исчисленныхъ статей, побудивъ мадридскіе кортесы отказать въ утвержденіи другихъ. Обезсиленный и разоренный островъ покорился. Такъ окончилось это самое упорное и продолжительное возстаніе Кубы, поднятое въ 1868 году и подавленное лишь въ 1876 г.

Двадцать лѣтъ островъ былъ спокоенъ. Испанцы безпрепятственно хозяйничали. Они освободили невольниковъ въ 1880 году и открыли для иностранной торговли порта Гаваны, Матанзаса и Сантъ-Яго. Первое повлекло къ значительному ввозу для работы на плантаціяхъ китайскихъ кули, а второе создало, наконецъ, на островѣ тѣ иностранные интересы, которые и явились въ настоящее время лишнимъ поводомъ для вмѣшательства. Между тѣмъ остальныя обѣщанія исполнены не были. Администрація осталась таже, чуждая краю, жадная, невѣжественная, не знающая узды своему произволу. Мѣстныхъ учрежденій самоуправленія создано не было, ни дорогъ, ни школъ, ни личной и имущественной безопасности. Не мудрено, если въ 1895 году снова вспыхнуло возстаніе, которое, при новомъ состояніи историческаго міра, привело уже къ международному столкновенію. Закончить его такъ, какъ были закончены возстанія 1717, 1812, 1848—50, 1868—76 годовъ, оказывается уже невозможнымъ.

Современное экономическое состояніе Кубы опредѣляется слѣдующими цифрами:

Населеніе: бѣлыхъ, туземцевъ	977,500	душъ
» » иностранцевъ	10,500	»
цвѣтныхъ негровъ и мулатовъ	490,000	»
» » китайцевъ	43,800	»
Итого:	1.521,800	

Доходы	—	116,395,500	франковъ.
Расходы	—	114,402,150	» »
		1,963,350	» »
Долгъ	—	930	милліоновъ франковъ.

Изъ городовъ одна Гавана имѣетъ около 200 тысячъ жителей; Матанзасъ—90 тыс. Сантъ-Яго—70 тыс. Въ Матанзасѣ проживаетъ и ведетъ дѣла значительное число гражданъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ Сантъ-Яго основались преимущественно французы. Таковы существенныя черты исторіи и современнаго состоянія этой Кубы, изъ за которой два цивилизованныхъ народа начинаютъ кровавую борьбу.

II.

Современное возстаніе Кубы отличается отъ предыдущихъ тѣмъ, что въ немъ приняло участіе не только бѣлое населеніе, но и часть цвѣтного, именно нѣкоторая часть мулатовъ, которые со времени ихъ освобожденія составили классъ мелкихъ фермеровъ. Негры остались чернорабочими, предпочитающими, впрочемъ, праздность труду. Эти ихъ предпочтенія и вынудили ввозить китайцевъ. Мулаты гораздо трудолюбивѣе и предпріимчивѣе. Часть изъ нихъ и приняла дѣятельное участіе въ мятежѣ. Другою отличительною особенностью новаго возстанія является относительное равнодушіе богатыхъ креоловъ западной части острова, которые прежде были душою революцій. Быть можетъ, именно эти два обстоятельства, неучастіе болѣе культурныхъ слоевъ запада и участіе мулатовъ, создало и другую особенность, чрезвычайную жестокость борьбы.

Въ началѣ борьбы былъ снова командированъ Мартинецъ Кампосъ, но скоро отозванъ. Не за неудачи, однако, а за склонность кончить дѣло миромъ и компромиссомъ съ возставшимъ населеніемъ восточной части края. На его мѣсто былъ назначенъ генералъ Вейлеръ маркизъ дель Тенерифо. По его требованію, въ его рукахъ было сосредоточено значительное войско, доходившее до 185,000 комбатантовъ. Такой грозной силы было совершенно достаточно, чтобы скоро заставить очистить поле. Куба была затѣмъ перерѣзана поперекъ съ сѣвера на югъ двумя сильными военными кордонами на три части; западную, спокойную и умиротворенную, среднюю, подозрительную; и восточную, скрывающую инсургентовъ въ своихъ горныхъ твердыняхъ. Полное прекращеніе сообщенія между тремя частями повлекло громадные убытки, а нѣкоторую часть населенія поставило въ самое затруднительное положеніе, граничащее съ голодомъ. Другая мѣра, принятая генераломъ Вейлеромъ, была еще пагубнѣе. Онъ блокировалъ плотными военными кордонами опредѣленные районы, куда переводилъ изъ мѣстъ, охваченныхъ возстаніемъ или заподозрѣнныхъ въ сочувствіи и содѣйствіи инсургентамъ, все населеніе. Это называлось сосредоточеніемъ, а не-

счастные, подвергнутые этому заточенію, получили названіе *сосредоточенныхъ*, reconcentrados. Такихъ заточенныхъ было свыше 300 тысячъ, т. е. больше одной пятой населенія. Лишенія, болѣзни, прямая голодовка этихъ reconcentrados развили въ ихъ средѣ ужасающую смертность. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, къ концу хозяйничанія маркиза Тенерифскаго вымерло свыше 100 тысячъ reconcentrados. Всѣ эти жестокости были, однако, безсильны усмирить горцевъ востока, которые подъ управленіемъ президента Мацео и подъ предводительствомъ военоначальниковъ Гомеца и Гарсіи продолжаютъ и доселѣ неравную борьбу, вымещая гибель своихъ приверженцевъ жестокостями надъ мирнымъ населеніемъ, не возстающимъ противъ испанцевъ. Благодаря этимъ удвоеннымъ жестокостямъ Вейлера и Гомеца положеніе населенія становилось прямо отчаяннымъ, а матеріальные убытки не только туземцевъ, но и иностранцевъ оказывались безнадежно непоправимыми. Неудовольствіе жестокою политикою консервативнаго министерства Кановоса дель Кастильо и его намѣстника Вейлера дель Тенерифо росло не только на Кубѣ, но и въ Америкѣ и въ самой Испаніи.

Вторая половина 1896 года наполнена была шумными народными демонстраціями по всему Пиренейскому полуострову. Демонстранты повсемѣстно требовали умиротворенія острова уступками и реформами, прекращенія военныхъ дѣйствій на Кубѣ и отозванія жестокаго маркиза. Отправка новыхъ подкрѣпленій вызывала каждый разъ цѣлые взрывы народнаго негодованія. Въ Андалузіи и Наваррѣ правительство серьезно опасалось даже возстанія изъ за этихъ отправокъ. Это благородное, истинно патріотическое движеніе въ средѣ испанскаго народа не прошло безслѣдно и, когда въ началѣ 1897 года скончался министръ-президентъ Кановасъ, пользовавшійся личнымъ вліяніемъ при дворѣ королевы-регентши и значительною популярностью въ странѣ, участь консервативнаго министерства можно было считать рѣшенной. Новые вожди консервативной партіи Сильвела и Ромеро д'Обледо уже не могли совладать со все ростущею непопулярностью министерской политики. Первые признаки американскаго вмѣшательства, сразу задѣвшіе гордое національное чувство испанцевъ, успѣли, правда, прекратить народныя демонстраціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ помогли болѣе гуманнымъ совѣтникамъ королевы склонить ее уволить непопулярное въ странѣ консервативное министерство, способное, однако, вовлечь страну въ опасныя международныя осложненія. Королева-регентша уволила, наконецъ, консерваторовъ отъ власти и поручила составленіе новаго министерства главѣ либеральной династической оппозиціи, Сагастѣ. Съ этого момента начинается эра самыхъ широкихъ уступокъ и реформъ на Кубѣ, что, однако, не только не устраняетъ иностраннаго вмѣшательства, но какъ бы возбуждаетъ его.

Дарованіе Кубѣ (кстати, и Порто-Рико) автономіи съ отдѣль-

нымъ парламентомъ и особымъ министерствомъ; предоставленіе выбирать представителей въ мадридскіе кортесы; отозваніе маркиза Вейлера дель Тенерифо; возвращеніе реконцентрадосовъ на мѣста ихъ постояннаго жительства; ассигнованіе значительныхъ суммъ на помощь реконцентрадосамъ и другимъ пострадавшимъ отъ крутыхъ мѣръ отозваннаго маркиза; амнистія и непосредственные переговоры съ инсургентами объ условіяхъ умиротворенія, — таковъ длинный списокъ мѣръ, принятыхъ либеральнымъ министерствомъ съ цѣлью умиротворенія Кубы. Западная, большая часть острова охотно признала новый порядокъ, избрала парламентъ и образовала новое автономное правительство, къ которому и перешло управленіе гражданскою частью, оставивъ лишь военное управленіе въ рукахъ намѣстника, генерала Бланко, который замѣнилъ Вейлера. Озлобленное долгою борьбою и перенесенными жестокостями, обнадеженное американскимъ вмѣшательствомъ и постоянно поддерживаемое американскими флибустьерами, снабжавшими его оружіемъ и припасами, населеніе восточной части Кубы отвергло автономію, настаивая на полной независимости острова. Попытка новаго автономнаго правительства Гаваны склонить Мацео и Гомеца къ миру на началахъ автономіи не удалась и междоусобная война на островѣ даже не пріостановилась, хотя сопряженныя съ нею бѣдствія были значительно смягчены отмѣною крутыхъ мѣръ прежняго намѣстника. Въ такомъ видѣ было дѣло умиротворенія, когда катастрофа съ американскимъ броненосцемъ Maine'омъ, происшедшая на рейдѣ Гаваны, обострила положеніе и дала новый толчекъ въ томъ печальномъ направленіи, которое въ новой, болѣе ужасной и кровопролитной войнѣ ищетъ средство умиротворенія.

Погибшій въ упомянутой катастрофѣ *Мэнъ* было очень сильное судно новаго типа и принадлежало къ тому разряду современныхъ военныхъ судовъ, который носитъ названіе броненосцевъ эскадреннаго боя и соотвѣтствуетъ по рангу прежнимъ линейнымъ кораблямъ. Боевое значеніе *Мэна* опредѣляется слѣдующими данными: 6,315 тонъ водоизмѣщенія, 8,000 паровыхъ силъ, 16 узловъ хода, около 300 человѣкъ экипажа по мирному времени и вооруженіе изъ 2 двѣнадцатидюймовыхъ и 6 шестидюймовыхъ дальнобойныхъ орудій, не считая мелкихъ орудій и минъ. Это цѣлая могучая пловучая крѣпость (погибшій русскій *Гангутъ* имѣлъ 6,600 тонъ водоизмѣщенія). Вашингтонское правительство назначило его станціонеромъ въ Гавану, хотя обыкновенно принято станціонерами назначать мелкія суда; были слухи, проникшіе въ печать, что мадридское правительство дѣлало въ Вашингтонѣ дружескія представленія противъ посылки такого оригинальнаго станціонера, способнаго помѣряться съ наилучшимъ сухопутнымъ фортомъ. Въ Вашингтонѣ отвѣтили, будто бы, что *Мэнъ* не болѣе, какъ крейсеръ, и вполнѣ отвѣчаетъ принятому рангу станціонеровъ. Въ точности неизвѣстно, происходилъ ли этотъ обмѣнъ любезностей между кабинетами Вашингтонскимъ и

Мадридскимъ, но несомнѣнно, что общественное мнѣніе въ Испаніи было очень возбуждено этимъ нарушеніемъ со стороны американцевъ принятаго международнаго обычая. Не безъ основанія видѣли испанцы въ командированіи *Мэна* въ воды Кубы поощреніе инсуррекціи и само упорство Гомеца склонны были приписывать присутствію въ портѣ Гаваны этого внушительнаго поощренія. Съ другой стороны, въ Америкѣ это настроеніе испанскаго общества не было секретомъ и многочисленные сторонники инсургентовъ Кубы видѣли въ командированіи *Мэна* косвенное признаніе своего правительства въ сочувствіи ихъ идеямъ. При такомъ взаимномъ настроеніи произошла эта несчастная катастрофа. На глазахъ у всего города и всѣхъ судовъ порта произошелъ взрывъ и *Мэнъ* въ нѣсколько минутъ исчезъ въ волнахъ залива. Свыше двухсотъ пятидесяти человѣкъ экипажа погрузились, вмѣстѣ съ кораблемъ, на дно гаванскаго порта. Какая причина могла быть этой потрясающей катастрофы? Причина могла быть внутренняя, взрывъ котла или крюйтъ-камеры на суднѣ, но могла быть и внѣшняя, подведеніе торпеды подъ судно. Двѣ назначенныхъ обоими заинтересованными правительствами коммиссіи пришли къ прямо противуположнымъ заключеніямъ. Испанская коммиссія признала, на основаніи осмотра остова потонувшаго броненосца, что взрывъ произошелъ внутри судна. Американская коммиссія, наоборотъ, нашла, на основаніи такого же осмотра, что корабль погибъ отъ внѣшней причины, отъ мины, взорванной подъ нимъ. Вашингтонское и мадридское правительства обмѣнялись сообщеніемъ взаимно выводовъ двухъ слѣдственныхъ коммиссій. Американское общественное мнѣніе было, конечно, до крайности возбуждено заключеніями американской коммиссіи, не придавая вѣры испанскому докладу. Мадридское правительство, желая найти почву для безобиднаго разрѣшенія этого печальнаго и опаснаго разнорѣчія, обратилось въ Вашингтонъ съ предложеніемъ образовать международную слѣдственную коммиссію изъ уполномоченныхъ Испаніи, Америки и великихъ державъ Европы и возложить на эту посредническую коммиссію окончательное выясненіе спорнаго вопроса, впередъ подчиняясь ея приговору. Въ Вашингтонѣ не сочли удобнымъ принять это предложеніе и предпочли вполнѣ довѣриться выводамъ своей коммиссіи. Президентъ Макъ-Кинлей, въ своемъ посланіи къ конгрессу по вопросу о гибели *Мэна*, счелъ возможнымъ прямо утверждать, что причиною былъ взрывъ извнѣ, но при этомъ не обвинялъ испанское правительство въ этомъ преступленіи, находя только, что оно доказало свою несостоятельность въ огражденіи безопасности иностранныхъ судовъ въ его водахъ. Не представляется вполнѣ недопустимымъ, что какіе-нибудь испанскіе патріоты, безъ всякаго вѣдома властей, произвели этотъ взрывъ, но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ было отклонять посредническое слѣдствіе? Возбужденіе, конечно, плохой совѣтникъ и это отклоненіе вполнѣ достойнаго исхода,

предложеннаго Испаніей, является однимъ изъ наиболѣе отвѣтственныхъ шаговъ американскаго правительства въ этой печальной лѣтописи быстро надвигавшагося кровопролитія.

Отвергнувъ посредничество по дѣлу *Мэна* и признавъ его гибель дѣломъ испанскихъ рукъ, правительство Соединенныхъ Штатовъ быстро пошло по пути къ разрыву. Оно поручило своему мадридскому посланнику Вудфорду предложить испанцамъ заключить съ инсургентами перемиріе. Такое обращеніе, являясь вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла независимаго государства, противорѣчило международному праву. Испанія была бы въ своемъ правѣ, еслибы прямо отказала Соединеннымъ Штатамъ. При извѣстной гордости испанцевъ и при такомъ соотношеніи военныхъ силъ, при которомъ испанцы вовсе не могутъ считать открытую борьбу безнадежною, можно было опасаться, что именно таковъ и будетъ отвѣтъ изъ Мадрида. Къ чести кабинета Сагасты, онъ съумѣлъ побѣдить эту понятную щепетильность и представилъ новое доказательство миролюбія. Американцамъ было отвѣчено, что Испанія охотно даруетъ инсургентамъ перемиріе, если они изъявятъ желаніе его получить, и охотно приметъ дружеское содѣйствіе Америки въ дѣлѣ исцѣленія ранъ, нанесенныхъ острову междоусобіемъ. Въ Вашингтонѣ, однако, не удовлетворились этимъ любезнымъ отвѣтомъ и настаивали на немедленномъ перемиріи. Отказъ казался неизбѣжнымъ, а слѣдовательно и война. Вмѣшательство римскаго папы еще разъ отсрочило катастрофу. Левъ XIII предложилъ сторонамъ посредничество, но при этомъ указалъ мадридскому кабинету, что такое посредничество съ его стороны, какъ духовнаго лица, мыслимо лишь при прекращеніи кровопролитія. То, чего испанская гордость не могла уступить требованію посторонней угрожающей державы, она могла дать ничѣмъ, кромѣ своего сана, не вооруженному епископу Рима. Въ Вашингтонѣ, однако, рѣшительно отклонили посредничество римскаго папы, не пользующагося популярностью среди протестантскаго большинства американскаго народа. Тогда выступили на сцену великія державы Европы. Представители шести великихъ державъ сдѣлали одновременно дружескіе демарши въ Вашингтонѣ и Мадридѣ, взывая къ чувствамъ гуманности и къ интересамъ цивилизація и мира. Въ Вашингтонѣ отвѣтили очень любезно, но въ выраженіяхъ, не оставлявшихъ сомнѣнія, что американское правительство видитъ дѣло гуманности, цивилизаціи и мира, во имя которыхъ возвысили свой голосъ европейскія державы, не тамъ, гдѣ тѣ хотѣли бы. Въ Мадридѣ же сдѣлали еще уступку и объявили державамъ, что, внимая ихъ дружескому призыву, Испанія даруетъ перемиріе инсургентамъ Кубы, о чемъ и посылаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ распоряженіе намѣстнику острова генералу Бланко и автономному кубинскому министерству. «Мы не могли уступить угрозамъ Америки», сказалъ по этому поводу испанскій военный министръ, «но мы охотно

исполнили желаніе европейскихъ державъ, обратившихся съ дружескими чувствами». Какъ бы то ни было и кому бы ни уступила Испанія, она уступила во всякомъ случаѣ, и требованіе Соединенныхъ Штатовъ о провозглашеніи перемирія исполнено безъ какихъ бы то ни было ограниченій и оговорокъ. Тѣмъ не менѣе, именно въ это время въ Вашингтонѣ сдѣлали тотъ рѣшительный шагъ, который неминуемо долженъ былъ привести къ разрыву и одному изъ самыхъ печальныхъ военныхъ столкновеній нашего времени.

Въ субботу 9 апрѣля (28 марта) Испанія провозгласила перемиріе, столь будто бы желаемое Вашингтонскимъ правительствомъ, а въ понедѣльникъ 11 апрѣля (30 марта) въ обѣ палаты конгресса это правительство внесло посланіе президента Макъ-Кинлея, испрашивавшее у конгресса полномочіе употребить въ случаѣ надобности силу для умиротворенія Кубы и установленія тамъ нормальнаго положенія вещей. Это длинное президентское посланіе явилось цѣлымъ обвинительнымъ актомъ противъ испанскаго правительства. Посланіе начинается съ указанія, что нынѣшнее революціонное движеніе на Кубѣ является повтореніемъ другихъ, уже неоднократно потрясавшихъ островъ. Каждое возстаніе наносило серьезныя матерьяльныя потери Соединеннымъ Штатамъ и требовало значительныхъ усилій для соблюденія нейтралитета, между тѣмъ какъ жестокая, варварская и вполнѣ некультурная практика усмиренія оскорбляла чувство гуманности американскаго народа. Далѣе президентъ указываетъ спеціально на послѣдствія нынѣшняго возстанія и на безсиліе испанцевъ съ нимъ справиться даже при помощи «реконцентраціи». Обозрѣвъ прежнія безуспѣшныя усилія американской дипломатіи возстановить на островѣ миръ, посланіе приходитъ къ заключенію, что борьба можетъ кончиться лишь совершеннымъ истребленіемъ возставшаго населенія. Въ виду этого, президенту кажется его нравственнымъ долгомъ столько же по отношенію къ испанцамъ, сколько и относительно кубинцевъ, изыскать средства къ немедленному окончанію убійственной войны. Останавливаясь затѣмъ на вопросѣ, не было ли бы цѣлесообразно въ этихъ видахъ признать «такъ называемую» Кубинскую республику, президентъ находитъ это по многимъ причинамъ неудобнымъ. Остается слѣдовательно прямое вмѣшательство, или въ качествѣ посредника, имѣющаго предложить обязательный компромиссъ обѣимъ враждующимъ сторонамъ, или же въ качествѣ союзника той или другой стороны. Такое вмѣшательство Соединенныхъ Штатовъ съ цѣлью прекратить войну оправдывается, по мнѣнію президента, многочисленными соображеніями, требованіями гуманности, правомъ и обязанностью защищать американскихъ гражданъ на Кубѣ, серьезными убытками американской торговли отъ непрекращающагося междоусобія, наконецъ, тѣмъ фактомъ, что нынѣшнее невозможное состояніе сосѣдняго острова является постоянною угрозою миру и требуетъ значительныхъ непроизводительныхъ затратъ со стороны

американскаго правительства. Наилучшей иллюстраціей этихъ опасностей и потерь можетъ служить гибель броненосца *Мэна*, въ портѣ Гаваны. Посланіе снова повторяетъ вкратцѣ докладъ американской слѣдственной коммиссіи, подробно изложенный въ предыдущемъ (выше упомянутомъ) президентскомъ посланіи. Макъ Кинлей не сомнѣвается, что причиною гибели былъ взрывъ подводной мины. Хотя, по словамъ посланія, отвѣтственность за это преступленіе еще не опредѣлена въ точности, однако его возможность является лучшимъ доказательствомъ положенія, которое далѣе терпимо быть не можетъ. Испанія явно не можетъ справиться съ задачею. Поэтому, во имя гуманности и цивилизаціи и для удовлетворенія несомнѣнныхъ обширныхъ интересовъ Соединенныхъ Штатовъ, война на Кубѣ должна быть прекращена. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, посланіе испрашиваетъ у конгресса необходимыя полномочія, чтобы принять мѣры для обезпеченія немедленнаго и совершеннаго прекращенія непріязненныхъ дѣйствій на Кубѣ и для установленія тамъ прочнаго правительства. Для этой цѣли президентъ проситъ уполномочить его употребить, если понадобится, военно-сухопутныя и военно-морскія силы Соединенныхъ Штатовъ. Американское правительство истощило всѣ усилія къ устраненію нестерпимаго положенія, слово теперь принадлежитъ конгрессу. Въ заключеніе, Макъ-Кинлей упоминаетъ о только что дарованномъ перемиріи и выражаетъ увѣренность, что конгрессъ приметъ въ соображеніе возможныя послѣдствія этого факта, если онъ способенъ привести къ желанной цѣли.

Это искусное и краснорѣчивое посланіе имѣетъ одинъ только, но очень существенный недостатокъ. Какъ актъ гуманности и цивилизаціи, оно опоздало по крайней мѣрѣ на полгода. Когда на островѣ свирѣпствовалъ маркизъ дель-Тенерифо; когда реакціонное правительство Кановаса отказывало въ реформахъ; когда тысячами вымирали согнанные со всѣхъ сторонъ реконцентрадосы, а остальное населеніе покорялось только силѣ, призывая освободителей, тогда такое посланіе призидента Штатовъ было-бы встрѣчено всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, какъ великодушное заступничество за угнетенныхъ, какъ заслуга передъ человѣчествомъ, цивилизаціей и гуманностью. Тогда, однако, Вашингтонское правительство молчало: островъ и безъ того явно ускользалъ изъ рукъ жестокаго и неумѣлаго правительства. Надо было только ждать и созрѣвшее яблоко само свалилось-бы къ ногамъ терпѣливаго сосѣда. За послѣдніе полгода положеніе, однако, существенно измѣнилось. Дарована широкая политическая автономія, которую приняла и которую воспользовалась большая часть населенія. Варварскія мѣры Вейлера отмѣнены. Пострадавшимъ оказывается посильная помощь. Инсургентамъ даровано перемиріе. По дѣлу *Мэна* предложенъ исходъ, достойный современнаго состоянія цивилизованнаго міра. Велики грѣхи Испаніи передъ Кубой и нельзя либеральными и гуманными мѣрами

сразу изгладить плоды вѣковыхъ притѣсненій и жестокостей. Ирландія до сихъ поръ не можетъ простить Англіи ея прошлыхъ тоже великихъ грѣховъ. Однако, за Ирландію Америка не собирается воевать... Быть можетъ, въ Вашингтонѣ не довѣряютъ прочности новаго гуманнаго поворота испанской политики? Быть можетъ, въ Вашингтонѣ имѣютъ къ тому вѣскія основанія... Тѣмъ не менѣе, терпѣливо созерцая цѣлыя десятилѣтія испанскаго гнета на Кубѣ, нельзя ополчаться на этотъ гнетъ именно тогда, когда сдѣлана самими испанцами попытка его снять и отмѣнить. Агрессивность американской политики этимъ выясняется сама собою. Нежеланіе признать независимость Кубинской республики, высказанное президентскимъ посланіемъ, указываетъ на тоже самое.

Уже упомянуто выше, что это историческое посланіе Макъ-Кинлея было прочитано въ конгрессѣ въ понедѣльникъ 11 апрѣля (30 марта). Оно встрѣчено было бурными аплодисментами на скамьяхъ республиканской партіи и гробовымъ молчаніемъ у демократовъ. Сенатъ и палата его немедленно передали въ коммиссію. Уже въ среду 13 (1) апрѣля обѣ коммиссіи внесли въ конгрессъ свои резолюціи. Резолюція, выработанная большинствомъ сенатской коммиссіи, гласила, что народъ Кубы имѣетъ право быть свободнымъ, что Испанія должна отказаться отъ власти надъ островомъ и удалить оттуда свои войска и флотъ и что президентъ республики уполномочивается, для достиженія этой цѣли, употребить въ дѣло всѣ военно-сухопутныя и военно-морскія силы Соединенныхъ Штатовъ. Резолюція мотивирована обширнымъ докладомъ очень воинственнаго содержанія, причемъ испанское правительство прямо обвиняется въ взрывѣ *Мэна*. Меньшинство сенатской коммиссіи предложило поправку, требующую предварительнаго признанія независимости Кубинской республики. Послѣ нѣкотораго обмѣна мнѣній, сенатъ отложилъ голосованіе резолюціи до слѣдующаго засѣданія.

Резолюція, выработанная коммиссіей палаты представителей, отличается лаконичностью. Она коротко и ясно приглашаетъ президента вмѣшаться въ распрю на Кубѣ и положить ей рѣшительный конецъ, для чего президентъ уполномочивается употребить всѣ силы Штатовъ. Демократическое меньшинство палатской коммиссіи тоже предложило поправку, требующую предварительнаго признанія независимости Кубинской республики. Послѣ бурныхъ преній, гдѣ демократы и республиканцы обмѣнялись далеко не парламентскими любезностями, палата большинствомъ 191 голоса противъ 150 отвергла признаніе независимости (за признаніе независимости подали голосъ демократы и 14 республиканцевъ) и затѣмъ приняла резолюцію въ редакціи, предложенной большинствомъ и выше нами уже приведенной.

Палата покончила съ вопросомъ въ одно засѣданіе. Сенатъ напротивъ того посвятилъ ему четыре засѣданія. Нѣсколько ораторовъ краснорѣчиво защищали миръ. Другіе настаивали на предваритель-

номъ признаніи независимости Кубы, что доказало-бы міру безкорыстіе Соединенныхъ Штатовъ и облегчило-бы Испаніи пойти на уступки. Только 17 (5) апрѣля сенатъ приступилъ къ голосованію. Поправка меньшинства коммиссіи о признаніи независимости Кубы, поставленная на баллотировку, была принята большинствомъ 51 голоса противъ 37. Резолюція большинства (съ вотированною поправкою) была затѣмъ одобрена большинствомъ 67 противъ 21 голоса. Президентъ получалъ, такимъ образомъ, затребованныя полномочія, но на условіи признанія независимости Кубы, условіи, которое президентское посланіе признавало неудобнымъ, а палата представителей категорически отвергла. Власти американской республики оказались въ серьезномъ разнорѣчіи между собою, а по конституціи для объявленія войны требовалось ихъ полное согласіе.

Резолюція сената поступила въ палату 18 (6) апрѣля. Палата согласилась принять резолюцію въ редакціи, одобренной сенатомъ, но вычеркнула дополнительный четвертый пунктъ резолюціи о признаніи независимости Кубы. Это отклоненіе сенатской поправки принято въ палатѣ большинствомъ 179 противъ 155 голосовъ. Немедленно того же 18 (6) апрѣля, въ понедѣльникъ, резолюція возвратилась въ сенатъ, который не согласился съ палатой и возстановилъ требованіе о признаніи независимости большинствомъ 43 противъ 34 голосовъ. Онъ отклонилъ такъ же предложеніе о назначеніи совмѣстнаго засѣданія коммиссій сената и палаты. Сенатъ къ тому же вотировалъ особо резолюцію Дэвиса, заявляющую, что Соединенные Штаты отрицаютъ намѣреніе присвоить себѣ верховныя права надъ Кубой. Вторично возвращенная въ палату, сенатская резолюція вторично палатою отвергнута большинствомъ 172 противъ 142 голосовъ. Палата предложила сенату собрать коммиссіи въ совмѣстное засѣданіе. Коммиссія, избранная обѣими палатами, собралась въ совмѣстное засѣданіе, но делегаціи сената и палаты остались каждая при своемъ мнѣніи, а сенатъ большинствомъ 40 противъ 39 голосовъ отклонилъ предложеніе замѣнить сенатскую делегацію новою. Такъ кончился день 18 (6) апрѣля и такъ постепенно таяла благородная оппозиція сената агрессивной политикѣ президента и палаты. Первое голосованіе сената дало за независимость Кубы 51 голосъ и большинство 14 голосовъ; второе голосованіе соединило 43 голоса при большинствѣ 9 голосовъ; наконецъ, третье собрало уже только 40 голосовъ при большинствѣ всего въ *одинъ* голосъ.

19 (7) апрѣля снова собралась соединенная коммиссія сената и палаты. Стало между тѣмъ извѣстно, что президентъ намѣренъ не подписывать резолюціи съ поправкою о независимости, еслибы даже палата уступила сенату. Извѣстно, что въ такомъ случаѣ резолюція возвращается въ конгрессъ и можетъ стать обязательной для президента лишь въ случаѣ принятія и въ сенатѣ и въ палатѣ большинствомъ двухъ третей голосовъ. О томъ, чтобы можно было

собрать такое число голосовъ за безкорыстіе, конечно, и мечтать было невозможно, а возбужденное общественное мнѣніе требовало вмѣшательства. Естественно послѣ этого, если телеграмма изъ Вашингтона отъ 19 (7) апрѣля сообщила міру, что «члены соединенной коммиссіи сената и палаты представителей приняли въ 1 часъ дня резолюціи сената, за исключеніемъ признанія независимости кубинской республики. Сенатъ затѣмъ 42 голосами противъ 35, а палата представителей 310 голосами противъ 6 приняли соотвѣтственный докладъ». Принятая такимъ образомъ тождественная резолюція того же числа передана изъ конгресса президенту. На слѣдующій день утромъ Макъ-Кинлей подписалъ резолюцію конгресса и она стала обязательна къ исполненію. Того же 20 (8) апрѣля копія съ нея оффиціально сообщена испанскому посланнику въ Вашингтонъ, который немедленно потребовалъ свои вѣрительныя грамоты, а въ семь часовъ вечера того же дня выбылъ со всѣмъ составомъ посольства изъ столицы американской республики. Американскій посланникъ въ Мадридѣ, Вудфордъ получилъ по телеграфу ультиматумъ для передачи мадридскому кабинету вечеромъ того же 20 (8) апрѣля. Ультиматумъ заключаетъ точную передачу резолюціи конгресса, сообщеніе, что эта резолюція имъ, президентомъ, подписана, и требованіе, чтобы Испанія удалила съ Кубы и изъ ея водъ сухопутныя войска и флотъ. «Если до субботы 23 (11) апрѣля, гласитъ въ заключеніе американскій ультиматумъ, не будетъ получено удовлетворительнаго отвѣта, то президентъ немедленно приведетъ резолюцію въ исполненіе.» 21 (9) апрѣля Вудфордъ долженъ былъ вручить испанскому министру иностранныхъ дѣлъ ультиматумъ Вашингтонскаго правительства.Отвѣтъ былъ уже предрѣшенъ не только отъѣздомъ Барнабэ изъ Вашингтона, но еще болѣе того тронною рѣчью королевы-регентши при открытіи кортесовъ 20 (8) апрѣля, т. е. въ день подписанія Макъ-Кинлеемъ резолюціи и наканунѣ ультиматума. Королева въ тронной рѣчи предусматриваетъ вѣроятность утвержденія президентомъ резолюцій и находитъ, что въ такомъ случаѣ положеніе станетъ невыносимымъ для національнаго достоинства Испаніи и вынудитъ ее прервать сношенія съ Соединенными Штатами. Въ заключеніе тронной рѣчи королева сказала: «будущія затрудненія не превысятъ силъ и энергіи страны. Съ доблестнымъ флотомъ и арміей, при единеніи народа и съ помощью Бога, мы, подобно нашимъ предкамъ, съ честью выйдемъ изъ кризиса, безпричиннаго и несправедливаго». Телеграмма прибавляетъ, что «сенаторы и депутаты всѣхъ партій рѣшились энергично отвергнуть претензію Соединенныхъ Штатовъ и разрѣшить для войны необходимые кредиты». Оффиціальный отвѣтъ на американскій ультиматумъ являлся послѣ этого простою формальностью. Вопросъ былъ только въ томъ, отвѣтитъ ли Испанія прямо объявленіемъ войны или предоставитъ это печальное право своимъ противникамъ, ограничившись категорическимъ отказомъ дипломатическимъ разрывомъ. То или иное рѣ-

шеніе могло зависѣть отъ степени готовности къ бою съ обѣихъ сторонъ: выгодно ли еще выиграть два-три дня, или же немедленно нанести ударъ? Испанія отвѣтила тѣмъ, что увѣдомила Вудфорда о дипломатическомъ разрывѣ, предупредивъ, что никакихъ документовъ отъ него не приметъ. Такъ Вудфордъ и не вручилъ вовсе ультиматума. Между тѣмъ, телеграмма отъ 22 (10) апрѣля изъ Нью-Іорка сообщаетъ, что американская эскадра уже вышла въ море изъ Ки-Веста, гдѣ была сосредоточена, для немедленной блокады Кубы. «Американцы де считаютъ войну фактически начавшеюся». Другая телеграмма сообщаетъ объ отъѣздѣ Вудфорда изъ Мадрида. Отъ того же 22 (10) апрѣля получена телеграмма о захватѣ американцами двухъ испанскихъ торговыхъ судовъ. Такимъ образомъ, военныя дѣйствія открыты американцами безъ объявленія войны. На этомъ оканчиваются извѣстія въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки.

III.

По самому существу своему, начинающаяся война будетъ по преимуществу войною морскою. Флоты рѣшатъ споръ и только послѣ такого рѣшенія на морѣ наступитъ очередь сухопутнымъ арміямъ, если побѣжденная на морѣ сторона будетъ столь упряма, что пожелаетъ продолжить борьбу послѣ потери моря. Въ виду такого первокласснаго значенія морской борьбы для рѣшенія испано-американскаго столкновенія, полезно будетъ теперь же ознакомиться съ соотношеніемъ морскихъ силъ обѣихъ державъ, вступившихъ въ роковую борьбу.

Прежніе флоты, много разъ испытанные въ морскомъ бою, имѣли суда другого типа, нежели современныя, хотя и были предназначены для достиженія тѣхъ же четырехъ главныхъ цѣлей, которыя поставлены задачами и современному флоту, еще не испытанному въ серьезныхъ морскихъ сраженіяхъ. Новыми судами воевали Перу и Чили, но перевѣсъ чилійцевъ на морѣ былъ съ самаго начала слишкомъ значителенъ. Воевали затѣмъ Японія и Китай, но китайцы не умѣли управлять своими морскими чудовищами. Въ прошломъ году, во время греко-турецкой войны, турецкій флотъ не рѣшился выйти изъ Дарданеллъ и помѣряться съ греческимъ. Серьезный опытъ даетъ настоящая испано-американская война. Съ этой точки зрѣнія она представляетъ громадный интересъ не для однихъ борющихся сторонъ, но для всѣхъ морскихъ державъ.

Четыре задачи, которыя ставились прежнимъ флотамъ и снова ставятся настоящимъ, суть: эскадренный бой, крейсерство, береговая служба и разрушеніе морскихъ гигантовъ особо приспособленными для того мелкими судами. Для эскадреннаго боя, для аттаки приморскихъ крѣпостей, для бомбардированія приморскихъ городовъ, вообще для морского боя въ его полномъ развитіи служили

прежде, такъ называемые, линейные корабли. Это были громадные морскіе гиганты обыкновенно съ тремя наружными палубами одна надъ другою (трехдечные, какъ ихъ называли), на которыхъ устанавливалось 200—300 тяжелыхъ орудій, въ три яруса громившихъ противника. Въ настоящее время появленіе брони и изготовленіе орудій, по силѣ и тяжести безконечно превзошедшихъ прежнія, самыя сильныя, заставили измѣнить типъ линейнаго корабля. Такіе же гиганты, какъ и прежде, эти боевыя суда по преимуществу (Battleships, какъ ихъ обыкновенно называютъ англичане) покрылись тяжелыми панцырями, обзавелись громадной силы машинами, достигли значительной быстроты хода, вооружились неслыханнаго калибра орудіями, но въ пятьдесятъ, въ шестьдесятъ разъ сократили ихъ число. Этотъ типъ боевыхъ судовъ, замѣнившій собою прежніе линейные корабли, называется у насъ *броненосцами эскадреннаго боя*. Имъ въ помощь въ бою новѣйшая судостроительная техника изобрѣла значительно меньшаго размѣра броненосныя и полуброненосныя *мореходныя лодки*, тоже вооружаемыя чудовищною артиллеріей новаго типа. Ихъ усвоили еще не всѣ флоты.

Второю задачею всяческаго флота, прежняго и современнаго, является крейсерство и блокада. Этой цѣли служили фрегаты и корветы, отличавшіеся между собою лишь размѣромъ судна и числомъ орудій. Ихъ замѣнили въ новѣйшемъ флотѣ *крейсеры I и II ранговъ*. Фрегаты были всегда меньше линейныхъ кораблей. Современные крейсеры I ранга строются или одинаковой величины съ броненосцами эскадреннаго боя, или даже больше. Крейсеры I ранга тоже покрываются бронею, но болѣе легкою. Вооруженіе ихъ тоже легче. За то имъ дается быстрота хода, еще недавно считавшаяся легендарною, отъ 20 — 25 узловъ въ часъ. Броненосные крейсеры I ранга являются вмѣстѣ съ тѣмъ первоклассными судами и для эскадреннаго боя. Опытъ долженъ показать, имѣютъ-ли въ самомъ дѣлѣ передъ ними серьезное преимущество тяжелые и тяжело вооруженные гиганты эскадреннаго боя? Погоня за быстротою хода для крейсеровъ привела къ идеѣ еще облегчить броню, оставивъ ее только на самыхъ чувствительныхъ мѣстахъ судна. У насъ этого типа суда называются *полуброненосными* крейсерами, французы ихъ называютъ *защитными* (protegés). Не уступая въ крейсерствѣ броненоснымъ крейсерамъ, они не столь сильны для эскадреннаго боя. Что касается крейсеровъ II ранга, то ихъ не принято покрывать бронею, или же не полною и легкою. Они совершенно соотвѣтствуютъ прежнимъ корветамъ.

Третья задача: оборона береговъ и нападеніе на берега. Прежде для этого существовали канонерки, мелко сидящія небольшія суда, вооруженныя артиллеріею. Канонерки сохранились и до сихъ поръ. Нѣкоторымъ изъ нихъ даютъ броню. Изъ этого стремленія бронировать канонерку мало по малу выросли сначала мониторы, мелкосидящія панцырныя суда съ бронированною башнею, въ которой

помѣщаются орудія, а затѣмъ въ послѣднее время такъ называемые *броненосцы береговой обороны*, которые по броневой защитѣ и силѣ артиллеріи отвѣчаютъ за *броненосцевъ эскадреннаго боя*, но мало пригодны для плаванія въ открытомъ морѣ. Они могутъ принять участіе въ эскадренномъ бою, но только у родныхъ береговъ. Наконецъ, четвертую изъ вышеперечисленныхъ задачъ прежде выполняли брандеры, т. е. снабженные горючими веществами катера и боты, на которыхъ отважные люди рисковали подплывать къ линейнымъ гигантамъ и поджигать ихъ. Въ настоящее время ихъ замѣнилъ миноносный флотъ, *миноносные крейсеры*, *миноносцы* и *миноноски*. Таковъ составъ современныхъ флотовъ. Теперь посмотримъ на относительную силу воюющихъ странъ.

Если флоты Англіи и Франціи признать дающими имъ названіе первоклассныхъ морскихъ державъ, то флоты остальныхъ великихъ державъ настолько слабѣе, что ихъ надо назвать морскими державами второстепенными, въ томъ числѣ и Россію. И, однако, русскій флотъ несоизмѣримо сильнѣе и американскаго и испанскаго. Если мы исключимъ суда береговой обороны, которыми особенно изобилуетъ русскій балтійскій флотъ, а также миноносный флотъ, для исчисленія котораго у насъ сейчасъ не имѣется подъ рукою данныхъ, то остальные разряды судовъ, представляющіе собою основную силу флота и *всю* его наступательную силу, оказываются въ слѣдующемъ числѣ:

Броненосцы.	Россія.	Америка.	Испанія.
Эскадр. боя	16	5	3
Крейсеры I р.	12	5	7
Крейсеры II р.	12	21	13
Морскія лодки	18		

Эта маленькая сравнительная табличка показываетъ, что обѣ воюющія стороны должны быть признаны морскими державами третьестепенными. Импровизировать новѣйшіе флоты невозможно. Нужны года для постройки судовъ, а изъ коммерческихъ судовъ можно надѣлать лишь крейсеровъ, опасныхъ для безоружныхъ купеческихъ судовъ, но негодныхъ для встрѣчи даже съ маленькими военными судами. Словомъ, придется рѣшить споръ тѣми силами, которыми стороны располагаютъ въ настоящее время. Представленная табличка даетъ нѣкоторое понятіе о соотношеніи этихъ силъ, но довольно поверхностное. Познакомимся съ составомъ флота американскаго и испанскаго подробнѣе. Америка располагаетъ пятью эскадренными броненосцами. Изъ нихъ *Техасъ*—двойникъ погибшаго *Мена*. Въ настоящее время онъ находится въ нью-іоркскомъ докѣ и въ началѣ кампаніи можетъ не принять участія. Остальные броненосцы—*Айова*, *Индіана*, *Массачузетсъ* и *Орегонъ*. Это суда самой новѣйшей постройки, сильнѣе *Техаса*; всѣ вооруженные плаваютъ, готовые къ бою; *Орегонъ* былъ въ Тихомъ

океанѣ и спѣшитъ въ Атлантическій; при благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ можетъ поспѣть къ началу непріязненныхъ дѣйствій.

Противъ этихъ американскихъ броненосцевъ Испанія можетъ противопоставить только три, *Пелайо*, *Нуманцію и Витторію*. Изъ нихъ первый—сильное судно новѣйшаго типа, только что отремонтированное и сооруженное, въ началѣ апрѣля вышло по неизвѣстному назначенію изъ Картагены. *Нуманція* и *Витторія*—болѣе старыя и болѣе слабыя суда. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ они находились въ мартѣ у береговъ Порто Рока, но затѣмъ ушли. Такимъ образомъ, еслибы участь боя рѣшалась одними эскадренными броненосцами, то американцы имѣли бы большіе шансы скораго успѣха. Однако, броненосные крейсера I ранга могутъ принять равноправное участіе въ рѣшительномъ бою. Изъ пяти американскихъ крейсеровъ I ранга только два, *Нью-Іоркъ* и *Бруклинъ*,—броненосные; остальные три, *Олимпія*, *Колумбія* и *Минеаполисъ*—полуброненосные, при чемъ *Олимпія* плаваетъ въ Тихомъ океанѣ. Что касается семи испанскихъ крейсеровъ I ранга, то всѣ они—броненосцы новѣйшей конструкціи: *Оквендо*, *Марія-Тереза*, *Карлъ V*, *Бискайя*, *Христобаль-Калонъ*, *Принцесса Астурійская и Кардиналъ Чисверосъ*. Иначе говоря, противъ семи боевыхъ единицъ перваго ранга, которыми можетъ располагать для эскадреннаго боя Америка (считая и ремонтирующійся *Техасъ*, и слѣдующій изъ Тихаго океана *Орегонъ*), Испанія имѣетъ десять боевыхъ единицъ а не считая устарѣлыхъ *Нуманціи и Витторіи*, всетаки восемь. Повидимому, однако, испанскій флотъ еще не успѣлъ сосредоточиться, тогда какъ американскій уже сплотился въ двѣ эскадры въ Атлантическомъ океанѣ и въ третью для Тихаго океана. Это даетъ большое преимущество американцамъ, если они съумѣютъ имъ воспользоваться. Что касается другихъ разрядовъ военныхъ судовъ, то для береговой обороны Испанія располагаетъ у Кубы четырнадцатью канонерками, старыми и слабыми судами. Америка имѣетъ 6 броненосцевъ береговой обороны, довольно сильныхъ судовъ, и 8 старыхъ мониторовъ, сохранившихся со временъ междоусобной войны и нынѣ мало пригодныхъ. Миноносный флотъ Америки состоитъ изъ 17 миноносцевъ. Испанцы же располагаютъ 18 минными крейсерами и 20 миноносцами. Это самое большое преимущество Испаніи, но доставить эту флотилію черезъ океанъ не такъ то легко и, если американцы поведутъ дѣло энергически, можетъ случиться, что испанцамъ не удастся извлечь всей пользы изъ своего преимущества.

Для желающихъ обстоятельно слѣдить за ходомъ морской войны предлагаю слѣдующія двѣ таблички главныхъ морскихъ силъ Америки и Испаніи. (Въ спискахъ обоихъ флотовъ есть много другихъ судовъ, но, по мнѣнію спеціалистовъ, не стоющихъ вниманія).

I. Американскій флотъ:

1. Броненосцы эскадр. боя:	Водоизмѣщеніе.	Вооруженіе.	Паров. силъ.	Скорость.	
Айова	11410	4 ор. 12 д., 8—8 д. и 6—4 д.	11000	16	
Индіана	10280	по	9730	15½	
Массачузетсъ	10280	4 ор. 13 д.,	10400	16	
Орегонъ	10280	8—8 д. и 4—6 д.	11100	16½	
Техасъ	6315	2 ор. 12 д. и 6—6 д.	8000	16	Ремонт.
2. Броненос. крейсеры I р.					
Нью-Іоркъ	8200	6 ор. 8 д. и 12—4 д.	17400	21	
Бруклинъ	9250	8 ор. 8 д. и 12—5 д.	18800	22	
3. Полуброненосные крейсеры I р.					
Колумбія	7375	по 1 ор. 8 д.,	18500	22½	
Минеаполисъ	7375	2—6 д. и 8—4 д.	20300	23	
Олимпія	5800	4—8 д. 10—5 д.	17300	21½	Тих. океанъ.
4. Крейсеры II р.					
Бальтимора	4400	4—8 д. 6—6 д.	10000	20	Тих. океанъ.
Чикаго	4500	4—8 д. 8—6 д.	5100	15	Ремонт.
Неваркъ	4100	12 ор. 6 д.	8860	19	»
Филадельфія	4300	12 ор. 6 д.	8810	19½	»
С.-Франциско	4100	12 ор. 6 д.	9910	19½	
Атланта	3000	2—8 д. 6—6 д.	4030	15½	»
Бостонъ	3000	2—8 д. 6—6 д.	4030	15½	Тих. океанъ.
Чарльстонъ	3730	2—8 д. 6—6 д.	6650	18	Ремонт.
Цинцинати	3180	1—6 д. 10—3 д.	10000	19	
Ралей	3180	1—6 д. 10—3 д.	10000	19	Тих. океанъ.
Детройтъ	2080	9 — 5 д.	5220	18½	
Марбльгэдъ	2100	9 — 5 д.	5450	18½	
Монгомери	2100	9 — 5 д.	5580	19	
Нью-Орлеанъ	3600	6—6 д. 4—4 д.	7500	20	
Альбани	3600	6—6 д. 4—4 д.	7500	20	Ремонт.
Бенингтонъ	1700	6 — 6 д.	3430	17½	Тих. океанъ.
Конкордъ	1700	6 — 6 д.	3400	17	»
Іорктонъ	1700	6 — 6 д.	3400	16	Ремонт.
Нашвиль	1370	8 — 4 д.	1750	14	
Вильмингтонъ	1370	8 — 4 д.	1600	13	
Елена	1370	8 — 4 д.	1600	13	
5. Броненосцы береговой обороны.					
Амфитрита	4050	?	?	12	
Міантономохъ	4050	?	?	10	
Монандохъ	4050	?	?	14	
Терроръ	4050	?	?	12	
Пуританинъ	6150	?	?	12	
Монтере	4200	?	?	16	Тих. океанъ.
6. Восемь мониторовъ	?	?	?	9—10	
7. Семнадцать миноносцевъ	?	Мины.	?	20—30	

II. Испанскій флотъ.

1. Броненосцы эск. боя:					
Пелайо	9900	2—12 д. 2—11 д. и 9—5½ д.	8000	16	
Нуманція	7300	?	?	9	
Витторія	7250	?	?	10	
2. Броненосные крейсеры I р.					
Карлъ V	9250	2 — 11 д. 5 — 5½ д.	18500	20	
Кардин. Чизреросъ.	7000	по 2 ор. 11 и по 10—5½ д.	15000	20	
Принцесса Астур.	7000		15000	20	
Адмир. Оквендо .	7000		15000	20	
Вискайя	7000		15000	20	
Марія-Тереза . . .	7000		15000	20	
Христоб.-Колонъ .	6500	2—10 д. 10—6 д. и 6—5 д.	14000	20	
3. Крейсеры II р.					
Альфонсъ XIII . .	5000	4—8 д. 6—4 д.	11000	20	
Лепанто	4820	4—8 д. 6 4 д.	12000	20	
Альфонсъ XII . .	3050	6 — 6 д.	4800	17	
Королев. Христина	3020	6 — 6 д.	4000	15½	
Конде-де-Венадито.	1130	4 — 5 д.	1600	14	
Донъ Антоніо де Улоа.	1130	4 — 5 д.	1600	14	
Донъ Хуанъ . . .	1130	4 — 5 д.	1600	14	
Изабела	1130	4 — 5 д.	1600	14	
Изабела II . . .	1130	4 — 5 д.	1600	14	
Энсенада	1030	4 — 5 д.	1600	15	
Куба	1030	4 — 5 д.	2200	16	
Люзонъ	1030	4 — 5 д.	2200	16	Тих. океанъ.
Королева Мерседесъ.	3010	6 — 6 д.	3700	15	
4. Восемнадцать минныхъ крейсеровъ	9000	Мины.	?	20—30	
5. Двадцать миноносцевъ	?	Мины.	?	20—30	
6. Двадцать канонирокъ	?	?	?	?	

Общіе итоги этихъ таблицъ, сведенные по главнымъ элементамъ военно-морской силы, даютъ слѣдующіе сравнительные результаты:

	Америка.	Испанія.
Водоизмѣщеніе.	180,755	111,840
Паровыхъ силъ	262,260	165,000
Орудій:		
10 — 13 дюймовыхъ	10	18
6 — 8 »	178	112
3 — 5 »	127	50
Итого тяжелыхъ	315	180
Средняя скорость	17	15½

Изъ этого числа занято въ Тихомъ океанѣ у испанцевъ одинъ крейсеръ (1030 тонъ, 4 орудія, 2200 силъ), а у американцевъ 6 крейсеровъ (18780 тонъ, 57 орудій и 48430 силъ) и 1 броненосецъ береговой обороны (4200 тоннъ водоизмѣщенія). Вычитая эти тихо-океанскія силы, а такъ же суда береговой обороны (всего 26550 тоннъ водоизмѣщенія), для атлантическихъ флотовъ, имѣющихъ сразиться, остается нѣсколько иное соотношеніе:

	Америка.	Испанія.	Перевѣсъ Америки.
Видоизмѣщеніе.	125,424	110,810	14,615
Паровыхъ силъ	213,830	162,800	51,030
Орудій.	258	176	82
Средняя скорость . . .	18	15½	2½

Эти силы и рѣшатъ участь морской войны. Америка сильнѣе, но не настолько, чтобы искусство, мужество или счастливая случайность не могли позволить испанцамъ выиграть генеральное морское сраженіе, а выигранное генеральное сраженіе, при томъ небольшомъ запасѣ силъ, которымъ располагаютъ обѣ стороны, означаетъ полное торжество на морѣ.

На сушѣ соотношеніе силъ совсѣмъ иное. Америка располагаетъ всего на всего тридцатью тысячами регулярнаго войска. Испанія же на одной Кубѣ имѣетъ въ настоящее время 150 тысячъ, на Порто-Рико—20 тыс., на Канарскихъ островахъ — 6000, на Филипинахъ—12000 и 350 тысячъ въ Испаніи. Америка предполагаетъ вести войну волонтерами и конгрессъ уже вотировалъ сформированіе двухсотъ-тысячной арміи волонтеровъ. Военные авторитеты Европы считаютъ такую армію мало годною для борьбы съ регулярными войсками и предрекаютъ американцамъ много разочарованій на этомъ пути. Опытъ междоусобной войны, по ихъ мнѣнію, не можетъ быть признанъ доказательнымъ, потому что тогда волонтеры сражались съ волонтерами. И въ этомъ отношеніи опытъ испано-американскаго столкновенія обѣщаетъ быть въ высокой степени поучительнымъ.

Настоящая война должна глубоко отразиться на экономическихъ отношеніяхъ современнаго цивилизованнаго міра, столь осложнившихся и столь чувствительныхъ къ малѣйшему нарушенію установившагося равновѣсія экономическихъ силъ. Испанія собирается выставить каперовъ для преслѣдованія американскаго коммерческаго флота. Не одни испанцы, но и многіе другіе моряки собираются поживиться при помощи каперства у богатыхъ янки. Эта разбойничья война можетъ нанести громадные убытки Америкѣ и можетъ и безъ блокады парализовать дѣятельность многочисленнаго американскаго коммерческаго флота. Несомнѣнно, это принесетъ выгоды коммерческимъ флотамъ нейтральныхъ державъ, англичанамъ, нѣмцамъ, французамъ, голландцамъ, норвежцамъ... Въ настоящее время пассажирское и почтовое сообщеніе между Европою и Сѣверною

Америкою поддерживалось пароходными компаніями, англійской, французской, американской и германской. Американская компанія уже объявила, что прекращаетъ трансатлантическіе рейсы, потому что всѣ свои громадные и быстроходные пароходы передала американскому правительству для превращенія ихъ въ военные транспорты и легкіе крейсеры. Съ этою же цѣлью американское правительство купило нѣсколько трансатлантическихъ пароходовъ у Гамбургской компаніи, которая два другихъ, самыхъ быстроходныхъ, продала испанцамъ. Послѣ этихъ продажъ и германскіе рейсы не скоро возобновятся въ прежнемъ количествѣ и съ прежнею правильностью. Фактически французы и англичане становятся монополистами пассажирскаго и почтоваго сообщенія съ Сѣверною Америкою. Тоже самое и съ Южною Америкою, гдѣ пассажирское и почтовое сообщеніе поддерживала, кромѣ французовъ и англичанъ, только испанская компанія трансатлантическаго пароходства; всѣ ея суда уже тоже переданы въ распоряженіе испанскаго правительства.

Если однако все, только что исчисленное, обѣщаетъ хорошіе барыши нейтральнымъ приатлантическимъ націямъ, то нѣкоторые изъ нихъ смотрятъ съ тревогою на вѣроятное вздорожаніе хлѣба. Затрудненія въ сношеніяхъ съ Америкою, этою главною поставщицею хлѣба, совпали вдобавокъ съ незначительными запасами хлѣба въ Россіи, благодаря бѣдственному неурожаю прошлаго года. При этихъ условіяхъ, еслибы испанцы выиграли морскую битву и объявили бы затѣмъ блокаду атлантическаго побережья Америки,—это могло бы вызвать такія горестныя бѣдствія въ Англіи, что едва-ли англичане были-бы въ состояніи долго переносить такой нейтралитетъ. При теперешнемъ неустойчивомъ политическомъ равновѣсіи Европы, трудно предвидѣть всѣ тѣ печальныя послѣдствія, которыя можетъ вызвать такой оборотъ исторіи. Вообще начинающаяся война, вѣроятно, принесетъ намъ столько сюрпризовъ, сколько давно не видалъ міръ и сколько претерпѣть будетъ ему очень тяжело. Можно сказать только одно уже и теперь, что побѣда Штатовъ и захватъ ими испанскихъ колоній можетъ повлечь тоже развитіе военнаго могущества американской республики, которое въ корень нарушитъ нынѣшнее политическое равновѣсіе и совершенно преобразитъ современное соотношеніе политическихъ силъ всего міра. Съ другой стороны, полное торжество Испаніи (гораздо менѣе вѣроятное, конечно) можетъ въ корень нарушить экономическія соотношенія нашего времени, а возродивъ Испанію въ роли седьмой великой державы Европы, повліять и на соотношенія политическихъ силъ. Эти общія предвидѣнія могутъ облечься, однако, въ такія неожиданныя формы, дать столько отпрысковъ въ разныя стороны, захватить по дорогѣ столько посторонняго матерьяла, что сами сухія формулы, нами предусматриваемыя, будутъ совершенно заслонены яркостью и неожиданностью этихъ воплощеній, отпрысковъ и экскурсій. Бо-

лѣе, чѣмъ вѣроятно, что борьба будетъ упорная, полная трагизма и ужаса, и что американцы напрасно съ такимъ легкимъ сердцемъ, столь необдуманно ее вызвали со всѣми ея горестными перипетіями и бѣдственными послѣдствіями.

Громадный интересъ и важное историческое значеніе драмы, которая начинается на водахъ Атлантическаго Океана, поневолѣ заставили насъ подробнѣе остановиться на изложеніи пролога этой драмы и отвести этому изложенію столько мѣста, что его не остается въ нашемъ распоряженіи для другихъ событій истекшаго мѣсяца. Кстати, ихъ было не особенно много и не особенно яркихъ. Перечислимъ, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія.

Уступка Вей-Ха-Вея англичанамъ китайцами надѣлала наиболѣе шума. Стратегическое значеніе Вей-Ха-Вея не подлежитъ сомнѣнію, если предполагать военное возрожденіе китайской имперіи. Что же касается значенія этой позиціи въ видѣ противовѣса Россіи, то вѣдь не здѣсь, не между Портъ-Артуромъ и Вей-Ха-Веемъ, рѣшится участь англо-русскаго столкновенія, если когда-нибудь міръ увидитъ осуществившимся это ужасное столкновеніе. Въ виду этого, въ виду невѣроятности военнаго возрожденія Китая и въ виду отсутствія за Вей-Ха-Веемъ серьезнаго торговаго значенія, это пріобрѣтеніе англичанъ едва-ли стоило того шума, которое оно натворило. Ходятъ даже слухи, что Англія даже раздумала занимать Вей-Ха-Вей и оставитъ его японцамъ. Это сберегло-бы англичанамъ нѣсколько миліоновъ, которые иначе будутъ употреблены на укрѣпленіе и вооруженіе Вей-Ха-Вея.

Гораздо серьезнѣе успѣхъ англичанъ въ Нубіи, гдѣ на берегахъ Атбара на голову разбита англо-египтянами армія махдистовъ. Покореніе всей Нубіи и восточнаго Судана является послѣ этого лишь вопросомъ времени, и не очень далекаго времени. Это сильно укрѣпляетъ положеніе англичанъ въ Египтѣ и едва-ли не слѣдуетъ уже смотрѣть на Египетъ, какъ на неотъемлемое владѣніе британской имперіи.

Въ Европѣ Франція, Германія и Бельгія дѣятельно готовятся къ общимъ выборамъ, но отсюда, издалека, трудно оріентироваться въ этой ожесточенной борьбѣ, которая охватила эти страны. Въ виду рѣшительнаго отступленія монархистовъ, центръ тяжести избирательной борьбы во Франціи—въ относительныхъ шансахъ побѣды умѣренныхъ республиканцевъ, находящихся нынѣ при власти и радикальной оппозиціи. Избирательныя соображенія заставляютъ французское правительство затягивать и соглашеніе съ англичанами о сферахъ владѣнія на Среднемъ Нигерѣ. Уступки могли-бы, конечно, повредить министерству и его партіи. За то успѣхи, въ послѣднее время достигнутые въ Китаѣ, которые французамъ дали приморскій городъ и портъ, являются хорошимъ избирательнымъ аргументомъ. Тѣмъ-же избирательнымъ соображеніямъ подчинено было и рѣшеніе о преданіи Эмиля Золя вторичному суду и назна-

ченію срока этого суда, который, повидимому, обставленъ еще съ меньшими гарантіями правосудія. Впрочемъ, этому ненормальному господству избирательныхъ соображеній скоро будетъ положенъ конецъ. 26 апрѣля по нашему счисленію произойдутъ выборы и наша будущая бесѣда, вѣроятно, будетъ преимущественно посвящена этому событію.

Въ Австріи продолжается ожесточенная борьба національностей и никакъ не можетъ состояться новое соглашеніе съ Венгріей. Юбилей престарѣлаго императора заставляетъ отстаивать всякіе такіе шаги, которые могли бы еще болѣе омрачить празднества. Рѣшительныхъ событій можно ждать только послѣ юбилея. Достойно отмѣтить еще, что и Австрія выступаетъ съ какими-то планами на счетъ Китая. Японія тоже добивается какой-то компенсаціи. Хорошее это слово «компенсація». Дипломаты его употребляютъ нерѣдко вмѣсто слова «разбой»... Это, конечно, приличнѣе.

С. Южаковъ.

Продовольственныя нестроенія.

(*Письмо изъ Калуги*).

Съ тяжелымъ чувствомъ приходится наблюдателю общественной жизни говорить о нашихъ продовольственныхъ неурядицахъ. Эти неурядицы—наша «обыкновеная исторія». Факты повторяются съ мучительнымъ однообразіемъ; измѣняется, и то слегка, только обстановка, мѣсто дѣйствія, сущность же остается неизмѣнной. Описывать эти факты—это почти тоже самое, что разсказывать сказку про бѣлаго бычка, которая безконечна, но въ которой средина и конецъ повторяютъ начало. Это утомительно, но и молчать нельзя. Продовольственыя неурядицы ложатся такимъ тяжелымъ бременемъ на родной народъ, влекутъ за собою такую массу нужды и горя, сказываются такимъ разореніемъ и такой массою напрасно загубленныхъ жизней, что совѣсть не позволяетъ молчать о томъ, что видишь, не говорить о томъ, что знаешь. Съ этой стороны, наши продовольственныя дѣла — уже не сказка, а та подлинная правда жизни, которую всѣмъ нужно знать, которую всѣмъ нужно помнить, которою всѣмъ нужно мучиться.

Исторія продовольственной кампаніи текущаго года въ Калужской губерніи, это — отрывокъ изъ той же безконечной сказки. Мы изложимъ ее исключительно по оффиціальнымъ документамъ. Какъ ни сухъ канцелярскій языкъ, какъ ни много нужды

и горя остается внѣ вѣдѣнія канцелярій, какъ ни формально-приличны всѣ эти доклады, отношенія, представленія, предложенія, какъ ни гладко дѣйствуетъ канцелярская машина, аккуратно помѣчая всѣ бумаги входящими и исходящими номерами, однако, продовольственное нестроеніе настолько сильно, что оно не можетъ быть всѣмъ этимъ затушевано. Неурядица, съ одной стороны, нужда и горе—съ другой—видны и изъ оффиціальныхъ документовъ.

Въ числѣ губерній, сильно пострадавшихъ отъ недорода минувшаго года, Калужская губернія занимаетъ, хотя и не первое, но далеко и не послѣднее мѣсто. Кромѣ значительнаго недобора въ озимыхъ хлѣбахъ, ее постигъ почти полный неурожай яровыхъ и значительный недородъ сѣна. По разсчетамъ мѣстныхъ земскихъ статистиковъ крестьянское населеніе недополучило въ этомъ году, сравнительно съ предыдущимъ, тоже далеко неблагопріятнымъ, пятилѣтіемъ:

Зерновыхъ продуктовъ и картофеля	на	7.666,000 руб.
Льняного волокна и пеньки . . .	»	1.238,000 »
Соломы	»	2.313,000 »
Сѣна	»	2.227,000 »
Итого .	на	13.444,000 руб.

Нечего и говорить, что этотъ крупный недоборъ не могъ пройти безслѣдно въ скудномъ бюджетѣ мѣстнаго крестьянства, рессурсы котораго значительно уже были подорваны двумя предыдущими малоурожайными годами. По мѣрѣ того, какъ выяснялись размѣры неурожая, возникали все болѣе и болѣе сильныя опасенія за благополучный исходъ предстоявшаго продовольственнаго года. Первымъ откликнулось на эти опасенія жиздринское уѣздное земское собраніе, которое въ августовской чрезвычайной сессіи признало необходимымъ ходатайствовать объ отпускѣ изъ имперскаго продовольственнаго капитала ссуды въ размѣрѣ 500.000 руб. въ добавленіе къ 100.000 руб., имѣвшимся у уѣзднаго земства, и къ тѣмъ денежнымъ и натуральнымъ запасамъ, которыми располагали сельскія общества. Извѣстія, приходившія въ это время изъ другихъ уѣздовъ, носили тоже тревожный характеръ. На 15-е сентября было созвано чрезвычайное губернское собраніе, которое, опираясь на сообщенія уѣздныхъ управъ, постановило немедленно возбудить ходатайство объ отпускѣ изъ имперскаго капитала 1.000.000 рублей и о пониженіи желѣзнодорожнаго тарифа на перевозку хлѣба и корма, закупаемаго земствомъ.

Таковъ былъ первоначальный разсчетъ предстоявшей продовольственной и сѣменной нужды. Этотъ разсчетъ не былъ и не могъ быть окончательнымъ. Нѣкоторыя уѣздныя управы, хотя и предвидѣли нужду, однако не считали возможнымъ указать въ то время

ея размѣры; другія управы вовсе не доставили свѣдѣній къ губернскому собранію. Къ болѣе точному выясненію размѣровъ необходимой ссуды и къ распредѣленію между уѣздами перваго милліона рублей губернское собраніе надѣялось вернуться въ своей декабрьской очередной сессіи.

Но... въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, которыми были раздѣлены чрезвычайная и очередная сессіи, много воды утекло. Сильныя впечатлѣнія отъ недорода успѣли поблѣднѣть. Выжженные поля и луга, на которыхъ до поздней осени не пробилась ни одна зеленая травка, покрылись снѣгомъ. Изголодавшійся за лѣто крестьянскій скотъ не мозолилъ уже больше глазъ: онъ исчезъ изъ деревни, чтобы найти себѣ какую бы то ни было оцѣнку на городскомъ рынкѣ, или былъ загнанъ въ стойла, чтобы испытать еще болѣе тяжелую голодовку, чѣмъ какую онъ испыталъ лѣтомъ. Возвратившіеся изъ заработковъ промышленники и принесенныя ими деньги нѣсколько оживили, хотя и не на долго, упавшія духомъ деревушки. Появились и окрѣпли новые взгляды на предстоявшую продовольственную кампанію, въ которыхъ уже не было ни энтузіазма, ни отзывчивой предусмотрительности, но въ которыхъ было много доморощенной политики и своекорыстныхъ разсчетовъ. Были собраны «болѣе точныя» данныя о размѣрахъ нужды...

Уже до свѣдѣнія чрезвычайнаго губернскаго собранія неоффиціальнымъ путемъ было доведено, что по даннымъ, собраннымъ губернаторомъ чрезъ земскихъ начальниковъ, размѣръ необходимыхъ пособій исчисляется лишь въ 400 тыс. рублей, а не въ милліонъ, какъ опредѣляли нужду уѣздныя управы. Это извѣстіе, какъ мы видѣли, не повліяло на постановленіе собранія и его ходатайство объ отпускѣ 1.000,000 рублей, казалось бы, должно было немедленно дойти до свѣдѣнія тѣхъ, отъ которыхъ зависѣло его удовлетвореніе. Но оно не дошло, не дошло, по крайней мѣрѣ, въ формѣ ходатайства. По циркулярному распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, ходатайство собранія, прежде его представленія высшему правительству, должно было быть разсмотрѣно въ особомъ совѣщаніи, собираемомъ губернаторомъ подъ своимъ предсѣдательствомъ. Это совѣщаніе было созвано только черезъ два мѣсяца послѣ экстренной сессіи губернскаго собранія. Созвать его ранѣе, какъ объяснилъ начальникъ губерніи самому совѣщанію, не представилось возможности, такъ какъ въ концѣ сентября и въ началѣ октября предсѣдатели уѣздныхъ управъ и предводители дворянства были заняты въ очередныхъ земскихъ сессіяхъ, а въ концѣ октября и въ началѣ ноября послѣдніе предсѣдательствовали въ присутствіяхъ по воинской повинности.

Два мѣсяца пошли на собираніе свѣдѣній о размѣрахъ нужды. Собирали ихъ и земскія управы, и земскіе начальники, и податные инспектора, и полиція. Мы не будемъ останавливаться на тѣхъ пріемахъ, которые употреблялись при этомъ. Какъ выяснилось послѣ,

въ данномъ случаѣ гораздо большее значеніе имѣли настроеніе и взгляды изслѣдователей, чѣмъ пріемы изслѣдованія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самыя близкія между собою учрежденія рѣзко разошлись въ опредѣленіи размѣровъ нужды. Мосальское уѣздное собраніе, напримѣръ, послѣ долгихъ и горячихъ преній признало, что населеніе не нуждается въ ссудахъ, а мосальская уѣздная управа доставила въ губернскую крестьянскихъ приговоровъ о ссудахъ на 100 т. рублей. Мещовское собраніе исчислило размѣръ нужныхъ пособій въ 150.000 руб., а мещовская управа журнальнымъ опредѣленіемъ, состоявшимся вскорѣ послѣ закрытія собранія, уменьшила эту цифру до 20.000. Одни уѣзды ходатайствовали о сотняхъ тысячъ руб., другіе, не менѣе пострадавшіе, опредѣляли свою нужду сотнями рублей или вовсе отказывались отъ ссудъ. Само населеніе, казалось, въ различныхъ мѣстахъ также различно смотрѣло на необходимость помощи: въ то время, какъ въ иныхъ мѣстахъ оно заявляло себя почти поголовно нуждающимся, въ другихъ—въ цѣлыхъ волостямъ и даже участкахъ—оно вовсе отказывалось отъ пособій. Съ другой стороны, между различными учрежденіями, не смотря на разнообразіе практиковавшихся ими пріемовъ изслѣдованія, наблюдалось иногда полное согласіе въ опредѣленіи предстоявшей нужды. Такое трогательное согласіе обнаружилось, напримѣръ, между жиздринскою уѣздной управой и жиздринскими земскими начальниками. Не смотря на ходатайство экстреннаго уѣзднаго собранія о ссудѣ въ 500.000 р., о чемъ уже было упомянуто выше, жиздринская управа по свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ концѣ октября, считала необходимой ссуду всего только въ 111.000 руб. Почему управа такъ сильно уменьшила первоначальную цифру и почему позднѣйшія изъ доставленныхъ ею свѣдѣній такъ близко совпали съ показаніями земскихъ начальниковъ, выяснилось только много позднѣе. 10 февраля, когда сама жизнь начала выяснять размѣръ нужды, жиздринская управа писала въ губернскую, что она «въ свою очередь имѣла случай своевременно провѣрить дѣйствительную нужду населенія, при чемъ по ея убѣжденію нужда въ обсѣмененіи крестьянскихъ полей несравненно превышаетъ просимое количество, какое было показано въ доставленныхъ свѣдѣніяхъ, но *такъ какъ г. земскіе начальники люди ближе проникнувшіе нужду крестьянъ*, то поэтому лишь уѣздная управа *невольно* должна была присоединиться къ этимъ собраннымъ свѣдѣніямъ, какъ болѣе соотвѣтствующимъ истинной (?) нуждѣ, и тѣмъ самымъ уменьшить цифру потребнаго количества сѣмянъ противъ той, которая испрашивалась въ докладѣ ея чрезвычайному собранію 7 авг. 1897 г. и доложена въ свое время чрезвычайному губернскому собранію».

Въ виду крайней разнорѣчивости, съ одной стороны, и необоснованности, съ другой, поступавшихъ свѣдѣній, губернская управа въ концѣ октября поручила своему статистическому отдѣленію подвергнуть имѣвшіеся въ немъ матеріалы по продовольственному во-

просу статистической разработкѣ въ цѣляхъ выясненія какъ общихъ размѣровъ нужды, такъ и сравнительнаго положенія отдѣльныхъ уѣздовъ. Статистическіе разсчеты выяснили, что всѣ уѣзды очень сильно пострадали отъ неурожая и всѣ должны быть признаны крайне нуждающимися во внѣшней помощи; въ особенно же усиленной помощи нуждаются юговосточные, менѣе промысловые и болѣе заинтересованные въ конопляной культурѣ уѣзды губерніи. Въ общемъ, даже если принять во вниманіе сокращеніе народнаго потребленія, крестьянскому населенію не хватитъ на удовлетвореніе неотложныхъ хозяйственныхъ и потребительныхъ нуждъ свыше 4.000,000 рублей, каковые оно должно будетъ покрыть изъ экстраординарныхъ источниковъ. Если принять во вниманіе нѣкоторые изъ послѣднихъ, а также группировку населенія по степени зажиточности, то и затѣмъ населенію не хватитъ около 2.000,000 руб., которые оно, если не будетъ оказана своевременная помощь, должно будетъ покрыть или распродажей необходимаго хозяйственнаго имущества, или накопленіемъ долговъ и недоимокъ, или дальнѣйшимъ, крайне опаснымъ сокращеніемъ своего потребленія.

8 ноября, за два дня до открытія совѣщанія подъ предсѣдательствомъ губернатора, губернская управа созвала съѣздъ предсѣдателей уѣздныхъ управъ, на разсмотрѣніе которыхъ были представлены, какъ свѣдѣнія, поступившія изъ уѣздовъ, такъ и разсчеты, выполненные статистическимъ отдѣленіемъ. На съѣздѣ мнѣнія раздѣлились. Большинство полагало, что земство не должно навязываться съ пособіями и потому въ основу разсчетовъ должны быть положены заявленія самого населенія о ссудахъ. На этомъ основаніи размѣръ необходимаго позаимствованія изъ имперскаго капитала исчисленъ съѣздомъ въ 770 тыс. рублей. Меньшинство же предсѣдателей и въ томъ числѣ предсѣдатель губернской управы, оставшійся затѣмъ при особомъ мнѣніи, полагало, что земство не только по формѣ, но и по существу должно выполнить лежащую на немъ нравственную обязанность придти на помощь населенію въ тяжелую годину и что, имѣя въ виду опытъ прежнихъ неурожайныхъ годовъ, нельзя руководствоваться осенними заявленіями крестьянъ, такъ какъ къ веснѣ, по мѣрѣ того, какъ будетъ усиливаться нужда, ходатайства о ссудахъ могутъ превысить всѣ осенніе разсчеты и заявленія.

10 ноября было созвано, наконецъ, губернаторомъ совѣщаніе изъ предводителей дворянства, предсѣдателей земскихъ управъ и представителей различныхъ вѣдомствъ. Изъ всѣхъ разсчетовъ и данныхъ, представленныхъ этому совѣщанію, по вопросу о размѣрахъ необходимыхъ пособій отдѣльнымъ уѣздамъ, во всѣхъ случаяхъ оно выбирало лишь минимальные. Такъ, мосальскій уѣздъ — одинъ изъ самыхъ бѣднѣйшихъ въ губерніи—былъ признанъ ненуждающимся, потому что земское собраніе этого уѣзда считало излишнимъ выдачу ссудъ населенію, хотя уѣздная управа, какъ упоминалось уже, представила крестьянскихъ ходатайствъ на сумму около 100,000

руб. По мещовскому уѣзду, наоборотъ, не смотря на то, что земское собраніе опредѣлило размѣръ нужды въ 150,000 руб., была принята цифра уѣздной управы—всего только 20,000 руб. По нѣкоторымъ уѣздамъ цифры были уменьшены прямо на глазъ: такъ по козельскому уѣзду, не смотря на протестъ его представителей, вмѣсто испрашивавшихся 109,000 руб. совѣщаніе назначило только 40,000, по перемышльскому вмѣсто 74,000 тысячъ—35,000 р., по лихвинскому уѣзду вмѣсто 100,000 р. только 15,000. По всей губерніи размѣръ необходимаго кредита изъ имперскаго капитала совѣщаніе исчислило въ 306,400 руб., причемъ и съ этой суммы для закругленія сдѣлало скидку въ 6,400 руб. Кромѣ того, оно считало необходимымъ ходатайствовать: 1) объ установленіи продажи хлѣба на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ по заготовительной цѣнѣ; 2) объ удешевленіи тарифа на перевозку закупаемаго земствомъ хлѣба и 3) о разсрочкѣ крестьянскому населенію губерніи годового оклада выкупныхъ платежей. Исчисленные совѣщаніемъ 300,000 руб., объ отпускѣ которыхъ въ дополненіе къ запасамъ, имѣющимся у земствъ и обществъ, постановлено ходатайствовать, было признано необходимымъ выдать въ ссуду населенію на обсѣмененіе полей. Въ продовольственномъ же отношеніи совѣщаніе признало населеніе губерніи *вполнѣ* обезпеченнымъ.

Трудно сказать, чѣмъ руководилось совѣщаніе, принимая минимальныя цифры при исчисленіи размѣровъ продовольственной нужды. Лично мы вынесли впечатлѣніе, что наибольшее вліяніе оказало въ данномъ случаѣ предупрежденіе предсѣдательствовавшаго въ совѣщаніи губернатора, что, въ виду небольшихъ размѣровъ имперскаго капитала, ссуда будетъ разрѣшена въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ. Возможно, что нѣкоторые, по крайней мѣрѣ, изъ членовъ совѣщанія придали чрезмѣрно большое значеніе другимъ проектированнымъ мѣрамъ и въ особенности разсрочкѣ выкупныхъ платежей. Возможно, наконецъ, что были у собравшихся и другіе мотивы. Одинъ изъ предводителей дворянства, напримѣръ, прежде всего освѣдомился, будетъ ли оказано пособіе изъ имперскаго капитала и другимъ, кромѣ крестьянъ, сословіямъ, и послѣ разъясненія предсѣдателя, что имперскій капиталъ, какъ сословный, можетъ быть расходуемъ только на нужды крестьянъ и мѣщанъ, заявилъ, что онъ въ такомъ случаѣ считаетъ своею нравственною обязанностью стремиться во что бы то ни стало къ уменьшенію испрашиваемой ссуды. Необходимо замѣтить, что протоколъ совѣщанія былъ высланъ губернской управѣ, послѣ неоднократныхъ представленій ея, только въ концѣ марта.

Совѣщаніемъ закончился первый фазисъ продовольственной кампаніи—опредѣленіе размѣровъ продовольственной нужды. Въ очередное губернское земское собраніе, открывшееся 10 декабря, губернская управа внесла тревожный докладъ, въ которомъ просила собраніе войти въ обсужденіе достаточности мѣръ, проектирован-

ныхъ совѣщаніемъ подъ предсѣдательствомъ губернатора, причемъ указывала на возможность крупныхъ затрудненій въ продовольственномъ дѣлѣ. Но собраніе, наиболѣе вліятельная часть членовъ котораго участвовала въ совѣщаніи, не пожелало подвергать новому обсужденію продовольственный вопросъ и только по требованію представителей козельскаго уѣзда занесло въ протоколъ, что по вновь собраннымъ свѣдѣніямъ для оказанія помощи населенію этого уѣзда потребуется свыше 220,000 руб. и что 40,000 тыс. рублей, которые назначены совѣщаніемъ, будетъ слишкомъ недостаточно для этого.

Наступилъ второй фазисъ—приведеніе въ исполненіе проектированныхъ мѣропріятій. Ходатайство о разсрочкѣ годового оклада выкупныхъ платежей, въ виду несоблюденія указанныхъ въ законѣ способовъ возбужденія такихъ ходатайствъ, каковыя должны исходить непосредственно отъ заинтересованныхъ сельскихъ обществъ, вовсе не было уважено. Было отклонено также и ходатайство о пониженіи желѣзнодорожнаго тарифа, въ виду извѣстныхъ уже печати мнѣній по этому вопросу министерства финасовъ. Продажа хлѣба на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ по заготовительной цѣнѣ, хотя и была организована, но при такихъ условіяхъ, при которыхъ она не могла оказать никакого вліянія на мѣстныя цѣны. Не смотря на усиленныя предложенія со стороны администраціи, уѣздныя земства отказались отъ покупки хлѣба у желѣзной дороги, такъ какъ съ доставкой онъ обошелся бы имъ дороже, чѣмъ можно купить на мѣстѣ. По предложенію губернатора, 19 марта губернская управа телеграммами увѣдомила уѣздныя управы, что онѣ могутъ, если пожелаютъ, взять у желѣзной дороги хлѣбъ на коммиссію съ мѣсячнымъ кредитомъ для продажи населенію по заготовительной цѣнѣ, каковая и была при этомъ указана. Большинство управъ, отчасти въ виду наступавшей уже распутицы, а главное въ виду безцѣльности и убыточности этой операціи, отказались отъ нея. Лишь двѣ управы согласились принять хлѣбъ для этой цѣли и то въ ограниченномъ количествѣ, а именно одна просила шесть вагоновъ на апрѣль и другая одинъ вагонъ немедленно же. Послѣдняя выслала и уполномоченнаго для пріемки хлѣба. Но... уполномоченный, прибывшій на указанную ему станцію, не нашелъ нужнаго ему вагона хлѣба. Послѣдняго на станціи оказалось всего только 400 пуд., да и тѣ ему отказались выдать. Это недоразумѣніе разъяснилось только въ началѣ апрѣля, когда губернская управа получила предложеніе губернатора (къ слову сказать, шедшее отъ канцеляріи послѣдняго до управы въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ), съ препровожденіемъ письма управляющаго дорогой. Изъ этого письма видно, что хлѣбъ только тогда будетъ отпущенъ уѣзднымъ управамъ, когда на это послѣдуетъ разрѣшеніе главнаго управленія желѣзныхъ дорогъ, что хлѣбъ для этого долженъ быть еще купленъ и что цѣны на него теперь указать нельзя.

Впрочемъ, управляющій дорогой соглашается отпустить одинъ вагонъ въ кредитъ подъ своею личною отвѣтственностью...

Изъ всѣхъ намѣченныхъ мѣропріятій дѣйствительную помощь населенію должны были оказать такимъ образомъ только тѣ 300,000 руб., объ отпускѣ которыхъ изъ имперскаго капитала было возбуждено ходатайство. Половина этой суммы была отпущена въ декабрѣ, о чемъ было извѣщено очередное собраніе, которое и распредѣлило эти деньги между уѣздами. Въ началѣ января губернская управа просила начальника губерніи войти съ ходатайствомъ о скорѣйшемъ отпускѣ и вторыхъ 150,000 руб. Черезъ двѣ недѣли она вновь вошла съ представленіемъ по тому же предмету. 21 января губернаторъ увѣдомилъ управу, что «дополнительная сумма изъ общеимперскаго продовольственнаго капитала въ размѣрѣ 150,000 руб., въ принципѣ уже разрѣшена министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, однако съ условіемъ, чтобы она была выдаваема по мѣрѣ дѣйствительной надобности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, подробно мотивированномъ». Въ виду этого губернаторъ просилъ управу представить «болѣе точныя цифровыя и иныя данныя въ пользу необходимости немедленной выдачи полностью просимой ссуды».

Началась усиленная переписка въ цѣляхъ полученія этихъ «болѣе точныхъ цифровыхъ и иныхъ данныхъ». Губернская управа циркулярами требуетъ скорѣйшаго доставленія ихъ отъ уѣздныхъ управъ. Послѣднія отвѣчаютъ, что онѣ имѣвшіяся у нихъ данныя доставили своевременно и другихъ не собирали; что нужда усиливается и далеко превзошла всѣ первоначальные разсчеты; что управы завалены приговорами о ссудахъ; что теперь некогда собирать данныя, а нужно спѣшить со скорѣйшей закупкой хлѣба. Эти отвѣты, по мѣрѣ ихъ полученія, губернская управа препровождала начальнику губерніи. 10 марта послѣдній разъяснилъ, что подъ «болѣе точными цифровыми и иными данными» онъ разумѣлъ приговоры сельскихъ обществъ о ссудахъ, акты мѣстныхъ дознаній о степени нужды и общіе списки селеній, возбудившихъ ходатайства съ указаніемъ размѣровъ, подлежащихъ къ выдачѣ ссудъ. Начинается новая переписка. Уѣздныя управы указываютъ на невозможность доставить въ короткій срокъ требуемые документы, приводятъ краснорѣчивыя доказательства громадныхъ размѣровъ нужды, указываютъ на предстоящую распутицу и молятъ о скорѣйшемъ отпускѣ денегъ. 18 марта губернская управа вошла съ новымъ представленіемъ къ губернатору. Указавъ на невозможность доставить требуемые документы, управа пишетъ: «изъ свѣдѣній, продолжающихъ поступать въ губернскую управу, выясняется, что нужда населенія въ ссудахъ, по крайней мѣрѣ, по нѣкоторымъ уѣздамъ, какъ самими уѣздными управами, такъ и бывшимъ совѣщаніемъ опредѣлялась въ размѣрахъ, не отвѣчающихъ потребностямъ, выясняющимся въ послѣднее время... Продолжающія поступать въ губернскую управу сообщенія изъ уѣздовъ не только не носятъ болѣе успокоительнаго характера

противъ первоначальныхъ разсчетовъ,—но заставляютъ предполагать, что послѣдствія неурожая 1897 года могутъ принять угрожающіе размѣры. При такомъ положеніи дѣла отсутствіе своевременной помощи не можетъ не подорвать на многіе годы экономическаго быта населенія. Въ виду этого и за неполученіемъ хотя бы 150,000 руб., составляющихъ вторую половину уже разрѣшенной въ принципѣ ссуды изъ имперскаго капитала, губернская управа не можетъ принять на себя отвѣтственность за послѣдствія промедленія въ удовлетвореніи нуждъ населенія въ обсѣмененіи полей и въ случаѣ поступленія отъ другихъ уѣздовъ требованій на ссуды въ размѣрахъ, превышающихъ нормы, установленныя совѣщаніемъ, состоявшимся подъ предсѣдательствомъ бывшаго начальника губерніи, вынуждена будетъ возбудить ходатайство о разрѣшеніи на созывъ чрезвычайнаго губернскаго собранія». Это было въ половинѣ марта. Теперь начало апрѣля. Изъ уѣздовъ продолжаютъ приходить тревожныя извѣстія; распутица, которой такъ опасались уѣздныя управы,—уже въ полномъ разгарѣ; черезъ двѣ-три недѣли начнется сѣвъ, а вопросъ о томъ, будетъ ли выдана, наконецъ, «разрѣшенная въ принципѣ» ссуда,—остается все еще не рѣшеннымъ.

Посмотримъ теперь, что дѣлается, пока длится эта канцелярская волокита, въ уѣздахъ. Вѣрные своему обѣщанію, мы и въ данномъ случаѣ не отступимъ отъ оффиціальныхъ документовъ.

Жизнь не пожелала оправдать продовольственныхъ разсчетовъ, въ которыхъ было больше доморощеннаго политиканства, чѣмъ знанія дѣйствительности и необходимой предусмотрительности, и посвоему начала опредѣлять размѣръ нужды. Выше мы привели февральскій отзывъ жиздринской уѣздной управы, изъ котораго видно, какъ рѣзко истинная нужда разошлась съ нуждой тоже «истинной», но опредѣленной земскими начальниками. 12 марта та же управа вновь сообщила губернской, что «въ настоящее время начали поступать новыя просьбы крестьянъ о снабженіи ихъ ржанымъ хлѣбомъ на продовольствіе, также заслуживающія уваженія, но которыя не были въ виду на совѣщаніи, а потому ассигнованіе дополнительной ссуды, по мнѣнію управы, необходимо». Вѣсти изъ другихъ уѣздовъ еще болѣе безутѣшны. Козельская уѣздная управа сообщила губернской, что въ нее поступило крестьянскихъ приговоровъ о ссудѣ ржи 15059 четвертей и овса 30150 четвертей, всего на сумму около 247,000 рублей. Назначенныя на этотъ уѣздъ 40,000 руб., изъ которыхъ отпущено пока менѣе 20,000, уѣздная управа поставлена въ необходимость распредѣлить поровну между всѣми нуждающимися, причемъ на каждую надѣльную душу придется около 1 р. 10 коп. Этого пособія слишкомъ недостаточно для оказанія дѣйствительной помощи, тѣмъ болѣе, что «во многихъ селеніяхъ козельскаго уѣзда есть и продовольственная нужда, почему желательно было бы, чтобы въ распоряженіе управы были отпущены средства хотя изъ губернскаго продовольственнаго капитала для

удовлетворенія наиболѣе острой нужды, отягченной еще отсутствіемъ кормовъ для скота». При этомъ уѣздная управа предупреждаетъ, что наиболѣе сильная нужда предвидится въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ. Лихвинская уѣздная управа, отношеніемъ отъ 7 марта, убѣдительно просила губернскую, «не найдетъ ли послѣдняя возможнымъ прислать въ ссуду изъ губернскаго продовольственнаго капитала для выдачи сельскимъ обществамъ на покупку овса для обсѣмененія яровыхъ полей весною сего года сумму, какую найдетъ она возможной, такъ какъ въ уѣздную управу поступило ходатайство сельскихъ обществъ о выдачѣ ссудъ на сумму болѣе 177 тыс. рублей, а ассигнованной правительствомъ ссуды на этотъ предметъ на лихвинскій уѣздъ въ количествѣ 14,686 руб. далеко не достаточно для удовлетворенія дѣйствительно заслуживающихъ уваженія сельскихъ обществъ, а также встрѣчается крайняя необходимость и въ продовольствіи семействъ и скота для нѣкоторыхъ сельскихъ обществъ». Ссуду изъ имперскаго капитала лихвинская управа принуждена была, какъ и козельская, распредѣлить поровну между всѣми крестьянами, при чемъ на каждую надѣльную душу пришлось по 38 коп. (!) Въ настоящее время каждая почта приноситъ новые и новые приговоры лихвинскихъ крестьянъ, жалующихся на невозможность обойтись этой 38-копѣечной ссудой и умоляющихъ о выдачѣ хота бы по 5—6 руб. на душу.

Наконецъ, сами земскіе начальники, съ осени такъ «близко проникнувшіе нужду крестьянъ», заговорили теперь совсѣмъ иныя рѣчи. Земскій начальникъ 1 участка жиздринскаго уѣзда 4 марта представилъ въ уѣздную управу приговоръ крестьянъ с. Крапивны о выдачѣ имъ ссуды на продовольствіе, при чемъ указываетъ, что «положеніе крестьянъ этого селенія дѣйствительно ужасно и если не будетъ оказана своевременная помощь, то *крестьяне не только разорятся, но, вѣроятно, начнутся смертные случаи отъ голода*». Крестьяне д. Чухловой представили въ уѣздную управу приговоръ съ надписью земскаго начальника, что «ссуда на продовольствіе этимъ крестьянамъ крайне необходима, такъ какъ картина, изображенная въ приговорѣ, вполнѣ правдива». Крестьяне же, описывая въ своемъ приговорѣ крайнюю степень своей нужды, особенно подробно останавливаются, между прочимъ, на широкоразвившемся среди ихъ общества воровствѣ и на своемъ безсиліи выйти изъ невозможнаго положенія, въ которомъ они очутились. Любопытнѣе всего, что высшей въ губерніи администраціи извѣстно безвыходное положеніе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ мѣстностей губерніи. И вотъ, въ то время, какъ губернская управа выбивается изъ силъ, чтобы достать «болѣе точныя цифровыя и иныя данныя», необходимыя для полученія «уже разрѣшенной въ принципѣ ссуды», ей приходится выполнять предписанія мѣстной администраціи о немедленной помощи отдѣльнымъ селеніямъ. 21 марта, напримѣръ, «въ виду крайне бѣдственнаго положенія крестьянъ Бѣтовской волости, подтвердив-

шагося подробнымъ, произведеннымъ на мѣстѣ, дознаніемъ мѣстнаго исправника», губернаторъ предложилъ управѣ «немедленно ассигновать въ распоряженіе козельской земской управы 3,000 рублей на покупку хлѣба для продовольствія крестьянскихъ селеній сказанной волости». Находясь въ безвыходномъ положеніи, губернская управа принуждена была, наконецъ, на свой страхъ и рискъ назначить изъ имѣющихся въ ея распоряженіи капиталовъ 82 тыс. рублей на удовлетвореніе наиболѣе острыхъ случаевъ продовольственной нужды, распредѣливъ эти деньги между уѣздами на основаніи вышеупоминавшихся статистическихъ разсчетовъ.

Частныя вѣсти, приходящія изъ деревень, рисуютъ продовольственную и кормовую нужду въ еще болѣе мрачныхъ краскахъ, чѣмъ оффиціальные источники. Необходимо замѣтить, что переписка, изъ которой мы приводимъ выдержки, вызвана была неожиданно возникшимъ вопросомъ о болѣе точныхъ цифровыхъ и иныхъ данныхъ въ подкрѣпленіе ходатайства о ссудѣ изъ имперскаго капитала въ 300 тыс. руб. для обсѣмененія полей. Между тѣмъ острый періодъ сѣменной нужды еще впереди. О продовольственныхъ же нуждахъ населенія въ этой перепискѣ упоминается только мимоходомъ. Отсутствіе необходимой для удовлетворенія этихъ нуждъ ассигновки въ распоряженіи губернской управы хорошо извѣстно уѣздамъ, и потому многіе изъ нихъ въ своихъ сообщеніяхъ совершенно не касаются этого вопроса. Мосальскій же уѣздъ, на который вовсе не назначено пособія, совсѣмъ не затронутъ перепиской: въ него не послано ни одного циркуляра, изъ него не получено ни одного сообщенія, ни одного приговора. Что дѣлается въ этомъ, глухомъ, отдаленномъ, «отложившемся», подобно лукояновскому, уѣздѣ можно только догадываться. Земская касса тамъ давно уже не видѣла ни копѣйки, и служащіе уже нѣсколько мѣсяцевъ не получали жалованья. Но служащіе все таки имѣютъ и въ мосальскомъ уѣздѣ своихъ заступниковъ. Чтобы дать возможность имъ встрѣтить пасху не совсѣмъ голодными, губернская управа отпустила мосальской управѣ 5,000 руб. авансомъ на имѣющія когда то начаться дорожныя сооруженія. У мужика же мосальскаго нѣтъ такихъ заступниковъ, и онъ брошенъ на произволъ судьбы. Послѣдняя никогда его не баловала, не пощадитъ и въ настоящую тяжелую годину. Достаточно сказать, что мосальскій именно уѣздъ поставляетъ на промысловый рынокъ рогожниковъ, эту особую породу людей, стоящихъ «на границѣ человѣка». Мосальскіе рогожники проводятъ нынѣшнюю пасху въ Калугѣ. Какъ они ее проводятъ—это знаютъ всѣ калужане. Обыватель увѣренъ, что всѣ отбросы будутъ подобраны, а, пожалуй, куплены и съѣдены рогожниками. Что же ѣдятъ ихъ жены и дѣти, оставшіяся въ деревнѣ, гдѣ нѣтъ отбросовъ? Объ этомъ нельзя не призадуматься... Нельзя не призадуматься и о томъ, какъ дорого поплатится вообще калужскій крестьянинъ за продовольственную неурядицу текущаго года.

Впрочемъ, вѣдь «ёнъ достанетъ»... Эта формула, которой знаменитый сатирикъ такъ мѣтко охарактеризовалъ сущность нашей экономической и финансовой политики и нашихъ попеченій о мужикѣ, очевидно, еще не отжила свой вѣкъ. Но не черезчуръ ли мы злоупотребляемъ ею? И не наступила ли уже та пора, когда и «ёнъ не достанетъ», когда и мужику не по силамъ эта задача?

А. Пѣшехоновъ.

Литература и жизнь.

Еще объ искусствѣ и гр. Толстомъ.—Справка о Некрасовѣ.

Въ прошлый разъ я выразилъ удивленіе, что гр. Толстой, говоря о различіи вкусовъ и понятій о красотѣ, не прибѣгъ къ своему обычному пріему quasi—математическаго подсчета: дескать, принявъ въ соображеніе все полутора-мильярдное населеніе земного шара, надо признать, что мы, такъ называемые образованные люди, ничтожная горсть, составляющая такую то долю всего человѣчества, не имѣемъ права считать свои вкусы и понятія о красотѣ единственно вѣрными. Я поторопился удивляться. Въ только что появившемся окончаніи статьи гр. Толстого («Вопросы философіи и психологіи») мы находимъ этотъ пріемъ.

Гр. Толстой пишетъ:

«Мы такъ привыкли наивно считать не только кавказскую породу самой лучшей породой людей, но и англо-саксонскую расу, если мы англичане или американцы, и германскую, если мы нѣмцы, и славянскую, если мы русскіе, что мы, говоря о нашемъ искусствѣ, вполнѣ убѣждены, что наше искусство есть не только истинное, но и лучшее и единственное искусство. Но вѣдь наше искусство не только не есть единственное искусство, но даже не есть искусство всего христіанскаго человѣчества, а только искусство очень малаго отдѣла этой части человѣчества. Можно было говорить о народномъ—еврейскомъ, греческомъ, египетскомъ, и теперь можно говорить о китайскомъ, японскомъ, индійскомъ искусствѣ, общемъ всему народу. Такое общее всему народу искусство было въ Россіи до Петра и было въ европейскихъ обществахъ до XIII, XIV вѣковъ; но съ тѣхъ поръ, какъ люди высшихъ классовъ европейскаго общества, потерявъ вѣру въ церковное ученіе, не приняли истиннаго христіанства и остались безъ всякой вѣры,—нельзя уже говорить объ искусствѣ высшихъ классовъ христіанскихъ народовъ, подразумѣвая подъ этимъ все искусство. Съ тѣхъ поръ, какъ высшія сословія христіанскихъ народовъ потеряли вѣру въ церковное христіанство, искусство высшихъ классовъ отдѣлилось отъ искусства всего народа, и стало два искусства, искусство народное и искусство господское. И потому отвѣтъ на вопросъ о томъ, какимъ образомъ могло случиться то, чтобы человѣчество прожило извѣстный періодъ времени безъ настоящаго искусства, замѣняя его искус-

ствомъ, служащимъ одному наслажденію, состоитъ въ томъ, что прожило безъ истиннаго искусства не все человѣчество и даже не значительная часть его, а только высшіе классы христіанскаго европейскаго общества, и то очень сравнительно короткій періодъ времени: отъ начала возрожденія и реформаціи до послѣдняго времени... Не только двѣ трети человѣческаго рода, всѣ народы Азіи, Африки живутъ и умираютъ, не зная этого единственнаго высшаго искусства, но, мало этого, въ нашемъ христіанскомъ обществѣ едва ли одна сотая всѣхъ людей пользуется тѣмъ искусствомъ, которое мы называемъ *всѣмъ* искусствомъ; остальные же 0,99 нашихъ же европейскихъ народовъ поколѣніями живутъ и умираютъ въ напряженной работѣ, никогда не вкусивъ этого искусства, которое притомъ таково, что, еслибы они и могли воспользоваться имъ, то ничего не поняли бы изъ него» (стр. 17—19).

Вложенную въ эту цитату мысль гр. Толстой еще не разъ повторяетъ, развиваетъ, иллюстрируетъ примѣрами, а въ заключеніи статьи онъ сообщаетъ, что уже пятнадцать лѣтъ «не переставая думалъ объ этомъ предметѣ», то есть объ искусствѣ. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что каждая строка этого новаго произведенія нашего великаго художника, каждое отдѣльное положеніе, каждый иллюстрирующій примѣръ наилучше обставлены, какъ въ фактическомъ, такъ и въ логическомъ отношеніи. Къ сожалѣнію, это далеко не такъ въ дѣйствительности. Начать хоть бы съ этихъ «двухъ третей человѣческаго рода» или 0,99 европейцевъ. Что они доказываютъ? что они могутъ доказать въ данномъ случаѣ? Двѣ трети человѣческаго рода, всѣ народы Азіи, Африки живутъ и умираютъ не-христіанами, часто не имѣя ни малѣйшаго понятія о христіанствѣ или же относясь къ нему враждебно; это не мѣшаетъ однако гр. Толстому быть искренно вѣрующимъ христіаниномъ, а вѣдь и среди европейцевъ найдется не мало людей, понимающихъ христіанство не такъ, какъ понимаетъ его гр. Толстой. Въ дѣлѣ мнѣній ссылки на большое или малое количество согласно или несогласно мыслящихъ ровно ничего не доказываютъ, и даже одинъ человѣкъ вправѣ считать себя единственнымъ въ цѣломъ мірѣ обладателемъ истины, пока ему не докажутъ, что онъ заблуждается. Если современное искусство цивилизованныхъ людей стоитъ на ложномъ пути, то это надо доказать, а указаніе на азіатскіе и африканскіе народы и на 0,99 европейцевъ—не доказательство. Да и представляетъ свой статистическій аргументъ гр. Толстой очень запутанно. Въ самомъ дѣлѣ, «прожило безъ истиннаго искусства не все человѣчество и даже не значительная часть его, а только высшіе классы христіанскаго европейскаго общества, и то очень сравнительно короткій періодъ времени: отъ начала возрожденія и реформаціи до послѣдняго времени». Значитъ ли это, что то «истинное искусство», которое существовало до возрожденія и реформаціи, было близко, дорого и понятно азіатскимъ и африканскимъ народамъ и всѣмъ ста сотымъ европейцевъ? Конечно, нѣтъ. Но—возразятъ, можетъ быть—искусство всѣхъ временъ и народовъ гр. Толстой противополагаетъ искусству указаннаго сравнительно малаго историческаго періода и ничтожной гор-

сти человѣчества въ томъ смыслѣ, что только это послѣднее искусство «служитъ одному наслажденію». Именно въ этомъ смыслѣ оно и есть «господское искусство», тогда какъ искусство древне еврейское, греческое, египетское, современное китайское, японское, индійское, русское до Петра, европейское до XIII, XIV вѣка,—все это искусства «народныя»; въ этомъ и состоитъ объединяющая ихъ черта, каковы бы ни были ихъ различія въ другихъ отношеніяхъ.

Гр. Толстой излагаетъ, какъ свои мысли, такъ и подтверждающіе или якобы подтверждающіе ихъ факты съ такою ошеломляющею увѣренностью, что объ искусствѣ японскомъ, инційскомъ, китайскомъ, египетскомъ, которыя онъ, вѣроятно, глубоко изучилъ, я не рѣшаюсь говорить, да и очень ужъ далеко отъ насъ все это. Другое дѣло русская исторія, которую мы всетаки всѣ немножко знаемъ или, по крайней мѣрѣ, должны знать. Но надо остановиться еще на нѣкоторыхъ общихъ положеніяхъ гр. Толстого.

«Всегда во всякое время и во всякомъ человѣческомъ обществѣ есть общее всѣмъ людямъ этого общества религіозное сознаніе того, что хорошо и что дурно, и это религіозное сознаніе и опредѣляетъ достоинство чувствъ, передаваемыхъ искусствомъ. И потому у всѣхъ народовъ всегда искусство, передававшее чувства, вытекающія изъ общаго людямъ этого народа религіознаго сознанія, признавалось хорошимъ и поощрялось; искусство же, передававшее чувства, несогласныя съ этимъ религіознымъ сознаніемъ, признавалось дурнымъ и отрицалось; все же остальное огромное поле искусства, посредствомъ котораго люди общались между собою, не оцѣнивалось вовсе и отрицалось только тогда, когда оно было противно религіозному сознанію своего времени» (6—7).

Итакъ, основою для сужденія о художественныхъ произведеніяхъ «всегда», «во всѣ времена», «у всѣхъ» служило религіозное сознаніе. Есть однако «огромное поле искусства», независимое отъ религіознаго сознанія, для котораго никакого мѣрила не было и нѣтъ: оно «не оцѣнивалось вовсе». Что это значитъ? Кѣмъ не оцѣнивалось? Если, напримѣръ, русскіе люди поютъ пѣсню «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», не имѣющую никакого отношенія къ религіозному сознанію, то не свидѣтельствуетъ ли уже самый фактъ ея распространенности, что она «оцѣнивается»? и оцѣнивается именно на основаніи даваемаго ею наслажденія.

«Высшія сословія среднихъ вѣковъ по отношенію къ религіи очутились въ томъ же положеніи, въ которомъ находились образованные римляне передъ появленіемъ христіанства, т. е. не вѣрили болѣе въ то, во что вѣрилъ народъ; сами же не имѣли никакого вѣрованія, которое могли бы поставить на мѣсто отжившаго и потерявшаго для нихъ значеніе языческаго ученія. И вотъ среди этихъ то людей стало выростать искусство, расцѣниваемое уже не по тому, насколько оно выражаетъ чувства, вытекающія изъ рели-

гіознаго сознанія людей, а только потому, насколько оно красиво; другимими словами—насколько оно доставляетъ наслжденіе» (8—9).

Что искусство возрожденія противопоставляло средневѣковому аскетическому идеалу наслажденіе,—это вѣрно, но чтобы оно «расцѣнивалось» *только* по тому, насколько оно доставляетъ наслажденіе,—не вѣрно, ибо задача его состояла не только въ томъ, чтобы непосредственно давать наслажденіе, а и въ томъ, чтобы отстаивать права человѣка на наслажденіе и бороться съ противными теченіями и слѣдовательно внушать очень разнообразныя положительныя и отрицательныя чувства. А кромѣ того, вѣдь и тогда, какъ «всегда», «вездѣ», «у всѣхъ», существовало «огромное поле искусства», независимое отъ религіознаго сознанія и, по мнѣнію гр. Толстого, «неоцѣниваемое вовсе», а въ дѣйствительности, конечно, оцѣниваемое, и не иначе, какъ по степени даваемаго имъ наслажденія.

Съ этимъ гр. Толстой пожалуй и согласился бы. Но дѣло въ томъ, что «для огромнаго большинства всего рабочаго народа наше искусство, недоступное ему по своей дороговизнѣ, чуждо ему еще и по самому содержанію, передавая чувства людей, удаленныхъ отъ свойственныхъ всему большому человѣчеству условій трудовой жизни. То, что составляетъ наслажденіе для человѣка богатыхъ классовъ, непонятно, какъ наслажденіе, для рабочаго человѣка и не вызываетъ въ немъ никакого чувства или вызываетъ чувства совершенно обратныя тѣмъ, которыя оно вызываетъ у человѣка празднаго и пресыщеннаго. Такъ, напр., чувства чести, патріотизма, влюбленія, сосоставляющія главное содержаніе теперешняго искусства, вызываютъ въ человѣкѣ трудовомъ только недоумѣніе и презрѣніе или негодованіе» (21).

Эта тирада крайне интересна, какъ характерное для гр. Толстого загроможденіе вѣрной мысли совершенно произвольными положеніями и противорѣчіями. Гр. Толстой беретъ «человѣка богатыхъ классовъ» и «рабочаго человѣка» вообще, внѣ какихъ бы то ни было другихъ опредѣленій. Значитъ, взаимное непониманіе чужихъ наслажденій есть вездѣ, гдѣ существуютъ богатые классы и рабочіе люди. Существуютъ таковые, напримѣръ, и въ Китаѣ, которому гр. Толстой усваиваетъ, однако, «народное» искусство, то есть не расщепленное на собственно народное и «господское». А между тѣмъ мы знаемъ, что въ китайскихъ романахъ (есть французскіе, а можетъ быть и другіе переводы) «влюбленіе» играетъ роль ни чуть не меньшую, чѣмъ въ европейскомъ романѣ. Но Богъ съ ней, съ китайщиной, я не хотѣлъ объ ней говорить. Гораздо интереснѣе было бы узнать, почему гр. Толстой полагаетъ, что «чувства чести, патріотизма, влюбленія вызываютъ въ трудовомъ человѣкѣ (скажемъ русскомъ) только недоумѣніе и презрѣніе или негодованіе». Свое собственное міросозерцаніе сегодняшняго дня, міросозерцаніе совершенно исключительное, гр. Толстой съ изумительною и ничѣмъ не оправдываемою смѣлостію приписываетъ всѣмъ «трудовымъ

людямъ». Слова «честь» и «патріотизмъ» допускаютъ очень различныя толкованія, и потому не будемъ лучше ихъ касаться. Напомню только одно старое сообщеніе самого гр. Толстого, еще изъ тѣхъ временъ, когда онъ не исключительно изъ себя мудрствовалъ, а имѣлъ уваженіе къ живой жизни, любилъ ее и любовно наблюдалъ. Это именно въ одной изъ старыхъ педагогическихъ статей сообщеніе объ томъ, какъ крестьянскіе ребятишки, дѣти «трудовыхъ людей», а отчасти и сами уже трудовые люди восторгались разсказами о войнѣ 12-го года, въ особенности тѣмъ именно, что Кутузовъ наконецъ «окорачилъ» Наполеона. «Патріотизмъ» есть слово очень затасканное и многосмысленное. Гр. Толстой поднялся или считаетъ себя поднявшимся надъ всѣми видами патріотизма на высоту общечеловѣческихъ идеаловъ и потому закрываетъ глаза на разнообразныя, благородныя и узко злобныя проявленія патріотизма, которыхъ будто бы совсѣмъ нѣтъ среди «рабочихъ людей». Точно также обращается онъ и съ «честью», но опять таки это слово допускаетъ различныя толкованія. Нельзя того же сказать о «влюбленіи»,—понятіи, казалось бы, слишкомъ ясномъ, опредѣленномъ и общечеловѣческомъ, чтобы его можно было перетолковывать вкривь и вкось. Гр. Толстой, конечно, давно пересталъ «влюбляться», да и самую любовь объявилъ чѣмъ то «неестественнымъ». И вотъ это свое личное настроеніе, опредѣляемое частью возрастомъ, а частью надменнымъ презрѣніемъ къ жизни, онъ безъ всякихъ колебаній навязываетъ «народу», «рабочимъ людямъ». Русскій народъ (какъ и всякій другой) распѣваетъ множество пѣсенъ о любви; русскій народъ сочинилъ такія даже страшныя картины «влюбленія», какъ извѣстные «заговоры на любовь», напримѣръ: «какъ всякъ человѣкъ не можетъ жить безъ хлѣба безъ соли, безъ питья, безъ ѣжи, такъ бы не можно жить рабѣ Божіей (такой то) безъ меня раба; сколь тошно жить рыбѣ на сухомъ берегу безъ воды студеныя, и сколь тошно младенцу безъ матери, а матери безъ дитяти, столь бы тошно было рабѣ Божіей безъ меня раба» и т. д.; или: «Подите вы, семь вѣтровъ буйныхъ, соберите тоски тоскучія со вдовъ, сиротъ и маленькихъ ребятъ, со всего свѣта бѣлаго, понесите къ красной дѣвицѣ (такой-то) въ ретивое сердце; просѣките булатнымъ топоромъ ея ретивое сердце, посадите въ него тоску тоскучую, сухоту сухотучую, въ ея кровь горячую, въ печень, въ составы, чтобы красная дѣвица тосковала и горевала по такомъ то» и т. д. А гр. Толстой хочетъ насъ увѣрить, что «чувство влюбленія вызываетъ въ народѣ только недоумѣніе или презрѣніе и негодованіе». И это одно изъ основаній, по которымъ народу непонятно наше искусство...

Но народъ вѣдь, по мнѣнію гр. Толстого, и вообще ищетъ въ искусствѣ не наслажденія, а исключительно чувствъ, внушаемыхъ религіознымъ сознаніемъ. Такъ оно есть теперь, такъ оно было и для всѣхъ русскихъ людей до Петра. Можно подумать, что это пи-

шетъ какой нибудь заѣзжій иностранецъ, никогда не слыхавшій ни одной веселой русской пѣсни, никогда ни видавшій деревенскаго хоровода, въ которомъ сочетаются лирика, драма и балетъ. Что же касается до-Петровской Россіи, то о какомъ собственно религіозномъ сознаніи, какъ источникѣ искусства, идетъ рѣчь? Безъ сомнѣнія наша иконопись, церковное пѣніе, духовная поэзія, церковная архитектура тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ христіанскимъ религіознымъ сознаніемъ въ его византійской формѣ; но, не говоря уже объ томъ, что всѣмъ этимъ не исчерпывается древне русское искусство, извѣстно, что проповѣдникамъ христіанскаго идеала долго пришлось бороться съ остатками языческаго религіознаго сознанія. При этомъ книжники заходили, въ своихъ аскетическихъ требованіяхъ, далеко за предѣлы христіанскаго идеала. Владиміръ «Красное Солнышко» остался въ народной памяти не только, какъ просвѣтитель Россіи христіанствомъ, но и какъ человѣкъ, любившій жизнь, веселье, наслажденіе, искусство—поэзію, пѣніе, музыку. Въ былинахъ онъ, напримѣръ, такъ награждаетъ «скомороха»:

За твою игру за великую,
За утѣхи твои за нѣжныя
Безъ мѣрушки пей зелено вино,
Безъ расчету получай золоту казну.

Впослѣдствіи «игра великая» и «утѣхи нѣжныя» стали подвергаться гоненію, не менѣе стремительному, чѣмъ то, которому подвергаетъ ихъ нынѣ гр. Толстой, но болѣе властному. Народъ, какъ бы памятуя, что его первый пѣвецъ, поэтъ и музыкантъ, полумиѳическій Баянъ, былъ «Велесовъ внукъ», какъ его называетъ «Слово о полку Игоревѣ», не прочь былъ сочетать искусство съ остатками языческихъ обрядовъ и вѣрованій, а книжники утверждали его въ той мысли, что все жизнерадостное, веселое, всякое наслажденіе въ искусствѣ есть нѣчто предосудительное и христіанству противное. Уже лѣтописецъ Несторъ полагаетъ, что «дьяволъ льститъ трубами и скомрахи, гусльми и русалья». Въ другомъ документѣ читаемъ: «Не подобаетъ христіанамъ игръ бѣсовскихъ играти, еже есть прыганье, гуденье, пѣсни мірскія и жертвы идольскія». Въ XVI вѣкѣ псковичи обличались въ такомъ времяпровожденіи въ ночь на Ивана Купалу: «Мало не весь градъ зміятетца (возмятется) и бубны, и сопѣла, и гудѣніемъ струннымъ, и всякими неподобными играми, сатанинскимъ плесканіемъ и плясаніемъ, и того ради двигнется и возстанетъ всяка непріязненнаго угодія, яко въ поруганіе и въ безчестіе рождеству Предтечеву и въ насмѣхъ и укоризну дни его. Стучатъ бубны и гласятъ сопѣлы и гудятъ струны; женамъ же и дѣвамъ плесканіе и плясаніе, главамъ ихъ покиваніе, устамъ ихъ непріязненъ кличъ и вопль всескверныя пѣсни бѣсовскія; хребтамъ ихъ вихляніе и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе». Въ Стоглавѣ говорится, что въ Троицкую субботу «по селамъ и по погостамъ схо-

дятся мужи и жены на жальникахъ и плачутся по гробамъ съ великимъ кричаніемъ и егда начнутъ играти скоморохи и гудцы и прегудницы, они же отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и въ ладони бити и пѣсни сатанинскія пѣти». Въ XVII вѣкѣ прямо запрещаются «домры, сурны, гудки, гусли, хари и всякіе гудебные бѣсовскіе сосуды». Запрещаются, конечно, потому, что, по мнѣнію властей, были слишкомъ распространены. И такихъ свидѣтельствъ о до-Петровской Россіи можно бы было привести еще много.

Ясно, что народъ и до Петра, какъ и послѣ него, не только не отрицалъ наслажденія въ искусствѣ, а напротивъ, искалъ его, съ чѣмъ усердно, но тщетно боролись властные книжники во имя аскетическаго идеала. И гр. Толстой не можетъ сказать, что это грубое, конечно, но всетаки искусство, и притомъ народное искусство «не оцѣнивалось вовсе». Нѣтъ, очень оцѣнивалось, одною частью населенія—положительно, другою—рѣзко отрицательно. Могутъ возразить, что оно оцѣнивалось тѣми и другими не по тому, насколько оно доставляло наслажденіе, а по тому, насколько оно выражало чувства, вытекающія изъ религіознаго сознанія—языческаго съ одной стороны и христіанскаго съ другой. Здѣсь есть доля истины, но не слѣдуетъ вѣдь забывать и то признаваемое самимъ гр. Толстымъ «огромное поле искусства», независимое отъ религіознаго сознанія, которое будто бы «не оцѣнивалось вовсе». И во всякомъ случаѣ невѣрно, значитъ, то положеніе гр. Толстаго, что «*всегда, во всякое время и во всякомъ человѣческомъ обществѣ* есть *общее всѣмъ людямъ* этого общества религіозное сознаніе того, что хорошо и что дурно». До-Петровская Россія, на которую гр. Толстой указываетъ, какъ на одинъ изъ примѣровъ, подтверждающихъ это правило, являетъ собою напротивъ одинъ изъ рѣзкихъ случаевъ его опроверженія. Тутъ то именно мы и видимъ борьбу двухъ религіозныхъ сознаній, языческаго и христіанскаго, и своеобразное отраженіе этой борьбы на судьбахъ искусства, которое отраженіе отнюдь не укладывается въ теоретическія рамки, придуманныя гр. Толстымъ.

Гр. Толстой много говоритъ о христіанскомъ смиреніи и кротости, объ уваженіи къ мнѣніямъ $^{9}/_{10}$ или $^{99}/_{100}$ или вообще очень большой дроби человѣчества. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ говоритъ о себѣ въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 105: «Представляя образцы искусства, которое я считаю лучшимъ, я не придаю особеннаго вѣса своему выбору, такъ какъ я, кромѣ того, что недостаточно свѣдущъ во всѣхъ родахъ искусства, принадлежу къ сословію людей съ извращеннымъ ложнымъ воспитаніемъ вкусомъ. И потому могу, по старымъ усвоеннымъ привычкамъ, ошибаться, принимая за абсолютное достоинство то впечатлѣніе, которое про-

извела на меня вещь въ моей молодости. Называю же я образцы произведеній того и другого рода (мы сейчасъ увидимъ, что разумѣетъ гр. Толстой подъ двумя родами *хорошаго* искусства) только для того, чтобы больше уяснить свою мысль, показать, какъ я при теперешнемъ своемъ взглядѣ понимаю достоинство искусства по содержанію. Притомъ еще долженъ замѣтить, что свои художественныя произведенія я причисляю къ области дурного искусства, за исключеніемъ разсказа «Богъ правду видитъ», желающаго принадлежать къ первому роду, и «Кавказскаго плѣнника», принадлежащаго ко второму».

Приведя нѣсколько образчиковъ современной декадентской поэзіи, блистающей полной безсмысленностью, и признавая эту безсмысленность, гр. Толстой въ смиреніи своемъ не рѣшается однако осудить декадентское искусство: не имѣю, говоритъ, права. Нельзя, по его мнѣнію, «причислять произведенія этого искусства къ безвкусному безумію». «Такое отношеніе къ новому искусству совершенно неосновательно, потому что, во первыхъ, это искусство все болѣе и болѣе распространяется и уже завоевало себѣ твердое мѣсто въ обществѣ,—такое же, какое завоевалъ себѣ романтизмъ въ 30-хъ годахъ; во вторыхъ, и главное, потому, что если можно судить такъ о произведеніяхъ позднѣйшяго, такъ называемаго декадентскаго, искусства только потому, что мы ихъ не понимаемъ, то вѣдь есть огромное количество людей—весь рабочій народъ, да и многіе изъ нерабочаго народа, которые точно также не понимаютъ тѣ произведенія искусства, которыя мы считаемъ прекрасными: стихи нашихъ любимыхъ художниковъ: Гете, Шиллера, Гюго, романы Диккенса, музыку Бетховена, Шопена, картины Рафаэля, Винчи и др.» (стр. 43—44).

Не смотря однако на всѣ эти аллюры смиренія и уваженія къ чужому мнѣнію, едва ли найдется много людей, которые могли бы соперничать съ гр. Толстымъ въ надменной самоувѣренности и нетерпимости. Самый деспотическій произволъ, безпощадный и жестокій, господствуетъ во всѣхъ его новѣйшихъ произведеніяхъ. Ему ничего не стоитъ любое явленіе жизни, какъ бы оно ни было значительно, изломать, изогнуть, совсѣмъ упразднить въ угоду своей капризной мысли. Ни логичность доказательства, ни фактическая достовѣрность для него не обязательны, и было бы гораздо лучше, если бы онъ открыто отказался отъ той и другой и излагалъ свои мысли и чувства въ видѣ афоризмовъ въ повелительномъ наклоненіи, лирическихъ стихотвореній и т. п. Искусство, имѣющее въ виду наслажденіе, «должно быть признано дурнымъ искусствомъ, которое не только не должно быть поощряемо, но должно быть изгоняемо, отрицаемо и презираемо» (стр. 106),—такова, собственно, основная мысль гр. Толстого. И рѣшительность этого тона будитъ въ вашей памяти образъ Савонаролы, не остановившагося передъ публичнымъ всесожженіемъ предметовъ искусства,—картинъ, музы-

кальныхъ инструментовъ и проч.—Но у гр. Толстого нѣтъ власти Савонаролы, а простымъ изліяніемъ своихъ личныхъ чувствъ, чувствъ человѣка, въ свое время взявшаго отъ жизни все, что можно взять, а затѣмъ отрекшагося отъ наслажденія,—онъ не довольствуется. И вотъ онъ мысленно совершаетъ насиліе надъ фактами исторической и современной дѣйствительности, обрекаетъ ее на своего рода всесожженіе. Онъ, повидимому, чрезвычайно демократически приглашаетъ насъ прислушаться къ голосу $^{9}/_{10}$ или $^{99}/_{100}$ человѣчества и смириться передъ этимъ многомильоннымъ голосомъ. На самомъ же дѣлѣ это его личный голосъ и онъ, подобно Людовику XIV, утверждавшему, что l'état c'est moi, могъ бы сказать: $^{99}/_{100}$ человѣчества—это я. Если бы однако Людовикъ XIV не ограничился своимъ афоризмомъ, а вздумалъ поддерживать его логической и фактической аргументаціей, то, конечно, помимо прямой неправды, запутался бы еще и въ противорѣчіяхъ. Съ гр. Толстымъ это тѣмъ болѣе должно было случиться, что онъ не открыто заявилъ: человѣчество, за исключеніемъ ничтожной горсти, это я,—а, такъ сказать, тайно положилъ эту мысль въ основаніе своего разсужденія.

Естественное дѣло, что, при такомъ настроеніи гр. Толстого, онъ можетъ разрѣшить себѣ многое, что безусловно воспрещаетъ другимъ. Такъ, онъ рѣшительно возстаетъ противъ художественной критики. «Одинъ мой пріятель, говоритъ онъ,—выражая отношеніе критиковъ къ художникамъ, полушутя опредѣлилъ его такъ: критика—это глупые, разсуждающіе объ умныхъ. Опредѣленіе это какъ ни одностороннe, неточно и грубо, всетаки заключаетъ долю правды и несравненно справедливѣе того, по которому критики будто бы объясняютъ художественныя произведенія... Если произведеніе хорошо какъ искусство, то, независимо отъ того, нравственно оно или безнравственно, чувство, выражаемое художникомъ, передается другимъ людямъ. Если оно передалось другимъ людямъ, то они испытываютъ его, и всѣ толкованія излишни. Если же произведеніе не заражаетъ людей, то никакія толкованія не сдѣлаютъ того, чтобы оно стало заразительно» (61). Далѣе идутъ разсужденія объ томъ, что критика не только безполезна, но и вредна.

Опредѣленіе пріятеля гр. Толстого вполнѣ вѣрно... для тѣхъ случаевъ, когда критикуемый художникъ уменъ, а его критикъ глупъ. Это, конечно, бываетъ, но бываетъ и иначе, а если принять въ соображеніе тѣ наиболѣе интересные случаи, когда и художникъ, и его критикъ оба умны, то становится даже трудно понять, зачѣмъ гр. Толстой привелъ «одностороннее, грубое и неточное» опредѣленіе своего пріятеля. Или можетъ быть это надо понимать такъ, что самая задача критиковать художественное произведеніе есть глупость, притомъ вредная, въ которой могутъ иногда провиниться и умные люди? Въ такомъ случаѣ, въ число этихъ умныхъ людей надо занести и гр. Толстого, ибо статья его переполнена критическими сужденіями о художественныхъ произведеніяхъ. Правда, не всегда

эти сужденія заслуживаютъ названія критическихъ. Напримѣръ, гр. Толстой недоволенъ критиками, восхвалявшими «грубыя, дикія, и часто безсмысленныя произведенія древнихъ грековъ: Софокла, Эврипида, Эсхила, въ особенности Аристофана или новыхъ—Данта, Тасса, Мильтона, Шекспира; въ живописи—всего Рафаэля, всего Микель-Анджело съ его нелѣпымъ «страшнымъ судомъ»; въ музыкѣ всего Баха и всего Бетховена съ его послѣднимъ періодомъ» (64). Конечно, противопоставить цѣлому сонму критиковъ слова: «грубо, дико, безсмысленно»—не значитъ впадать въ глупость критики; ибо отъ этой глупости требуются мотивы сужденія. Но гр. Толстой не всегда ограничивается такими лаконическими и немотивированными приговорами. Такъ, онъ весьма подробно критикуетъ оперы Вагнера, неоднократно «объясняетъ» художественныя достоинства библейскаго разсказа объ Іосифѣ, исторіи Сакія Муни и т. п., не говоря уже объ общихъ критическихъ замѣчаніяхъ—о предѣлахъ и задачахъ искусства, объ истинномъ искусствѣ и поддѣлкахъ подъ него и т. д., и т. д. Да и вообще вся статья гр. Толстого есть не что иное, какъ иллюстрируемое примѣрами руководство къ художественной критикѣ. Но худо ли, хорошо-ли это руководство, а пользоваться имъ никто не можетъ, подъ страхомъ попасть въ число глупыхъ людей, ибо quod licet Jovi, non licet bovi, что можетъ дозволить себѣ гр. Толстой, то непозволительно для остального человѣчества...

Очень жалѣть объ этомъ едва ли слѣдуетъ, ибо хотя нѣкоторыя критическія замѣчанія и наставленія гр. Толстого и заслуживаютъ вниманія, но въ общемъ (какъ это можно было предвидѣть уже и по первой части) статья его отличается чрезвычайною произвольностью и запутанностью.

Возвращается гр. Толстой и къ тому прекрасному общему опредѣленію искусства, которое я привелъ въ предыдущей книжкѣ «Русскаго Богатства»,—на этотъ разъ съ новыми комментаріями. Онъ пишетъ: «заразительность есть несомнѣнный признакъ искусства, степень заразительности есть и *единственное* (курсивъ мой) мѣрило достоинства искусства. *Чѣмъ сильнѣе зараженіе, тѣмъ лучше искусство, какъ искусство, не говоря объ его содержаніи, т. е. независимо отъ достоинства тѣхъ чувствъ, которыя оно передаетъ* (курсивъ гр. Толстого). Искусство же дѣлается болѣе заразительно вслѣдствіе трехъ условій: 1) большей или меньшей особенности, оригинальности, новизны того чувства, которое передается; 2) вслѣдствіе большей или меньшей ясности передачи этого чувства, и 3) вслѣдствіе искренности художника, т. е. большей или меньшей силы, съ которой художникъ самъ испытываетъ чувство, которое передаетъ» (89). Изъ дальнѣйшаго толкованія перваго изъ этихъ трехъ пунктовъ оказывается, что «воспринимающій испытываетъ тѣмъ большее *наслажденіе* (мой курсивъ), чѣмъ особеннѣе, новѣе то состояніе души, въ которое онъ переносится, и потому тѣмъ охотнѣе

и сильнѣе сливается съ нимъ». Правило это, очевидно, подлежитъ большимъ ограниченіямъ или не должно быть выражено въ столь безусловной формѣ. Очень особенное, совсѣмъ новое состояніе души едва ли способно съ легкостью передаваться. На этомъ вѣдь основано и то соображеніе гр. Толстого, въ силу котораго наше искусство, воплощающее слишкомъ исключительныя чувства, должно отскакивать отъ народа, какъ отъ стѣны горохъ. Во всякомъ случаѣ, дальнѣйшимъ развитіемъ своей формулы искусства гр. Толстой приведенъ къ необходимости включить наслажденіе въ число условій заразительности художественнаго произведенія. И еслибы онъ съ самаго начала, въ своей исходной точкѣ и открыто призналъ наслажденіе необходимымъ элементомъ искусства, а не противопоставлялъ ихъ одно другому, то избѣгнулъ бы многихъ запутанностей и противорѣчій. Implcite признаніе это заключается уже въ разсужденіяхъ гр. Толстого о рѣзкой разницѣ между наслажденіями высшихъ и низшихъ классовъ. Но такъ какъ оно заключается именно только implicite, то и не помогло автору свести концы съ концами. И торчатъ эти концы въ разныя стороны, такъ что не знаешь, за который изъ нихъ ухватиться, чтобы распутать весь клубокъ.

Мы только что видѣли, что степень заразительности есть *единственное* мѣрило достоинства искусства. Затѣмъ мы видѣли, что́ требуется отъ художника для достиженія этой заразительности (оригинальность, ясность, искренность). На этомъ основаніи узнаемъ, между прочимъ, слѣдующее: «Пушкинъ пишетъ свои мелкія стихотворенія, Евгенія Онѣгина, Цыганъ, свои повѣсти и это все разнаго достоинства произведенія, но все произведенія истиннаго искусства. Но вотъ онъ, подъ вліяніемъ ложной критики, восхваляющей Шекспира, пишетъ Бориса Годунова, разсудочно-холодное произведеніе, и это произведеніе критики восхваляютъ и ставятъ въ образецъ, и являются подражанія подражаніямъ: Мининъ—Островскаго, Царь Борисъ—Толстого и др.» (стр. 63).

Почему критика, восхвалявшая и восхваляющая Шекспира, есть ложная критика? Почему «Борисъ Годуновъ» есть подражаніе Шекспиру? Почему это подражаніе предпринято подъ вліяніемъ критики, а не въ силу собственнаго, хотя бы и ложнаго, взгляда Пушкина? Почему «Борисъ Годуновъ» есть разсудочно-холодное произведеніе?—Съ этими вопросами нельзя обращаться къ гр. Толстому. Въ своемъ презрѣніи къ критикѣ, какъ къ совершенно глупому занятію, онъ не критикуетъ, а вѣщаетъ, изрекаетъ немотивированные, безапелляціонные приговоры, и sit pro ratione voluntas. Удовольствуемся положительнымъ приговоромъ, — тоже немотивированнымъ и безапелляціоннымъ: поэзія Пушкина, за исключеніемъ «Бориса Годунова» и можетъ быть еще чего нибудь, есть «истинное искусство». Но вотъ, перевертываемъ нѣсколько страницъ и читаемъ: «Когда вышли 50 лѣтъ послѣ смерти Пушкина и одновременно распространились въ народѣ его дешевыя сочиненія, и ему поста-

вили въ Москвѣ памятникъ, я получилъ больше десяти писемъ отъ крестьянъ съ вопросами о томъ, почему такъ возвеличили Пушкина? На дняхъ еще заходилъ ко мнѣ изъ Саратова грамотный мѣщанинъ, очевидно сошедшій съ ума на этомъ вопросѣ и идущій въ Москву для того, чтобы обличить духовенство за то, что они содѣйствовали постановкѣ «манамента» господину Пушкину» (стр. 113). И гр. Толстой совершенно понимаетъ положеніе «такого человѣка изъ народа», какъ сошедшій съ ума грамотный мѣщанинъ изъ Саратова. Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, заинтересовавшись Пушкинымъ, по случаю поставленія ему «манамента», этотъ человѣкъ узнаетъ, что Пушкинъ «не былъ богатырь или полководецъ, но былъ частный человѣкъ и писатель». Отсюда «онъ дѣлаетъ заключеніе, что Пушкинъ долженъ былъ быть святой человѣкъ и учитель добра, и торопится прочесть или услыхать его жизнь и сочиненія. Но каково же должно быть его недоумѣніе, когда онъ узнаетъ, что Пушкинъ былъ человѣкъ больше чѣмъ легкихъ нравовъ, что умеръ онъ на дуэли, т. е. при покушеніи на убійство другого человѣка, что вся заслуга его только въ томъ, что онъ писалъ стихи о любви, часто очень неприличные».—Все это сумашедшій мѣщанинъ изъ Саратова и тотъ десятокъ крестьянъ, который письменно обращался къ гр. Толстому, узнали, конечно, не отъ него, ибо онъ то знаетъ, что поэзія Пушкина (за исключеніемъ «Бориса Годунова») есть «истинное искусство»; а это въ устахъ гр. Толстого—большое, многозначительное слово...

Дѣло въ томъ, что заразительность есть единственное мѣрило достоинства искусства, какъ искусства, и это еще не рѣшаетъ вопроса о достоинствѣ тѣхъ чувствъ, которыя оно передаетъ. Поэтому «истинное», «хорошее» искусство, въ которое художникъ вложилъ и оригинальность, и ясность, и искренность, и которое обладаетъ высокой степенью заразительности, можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ дурнымъ искусствомъ по характеру внушаемыхъ имъ чувствъ. Но гр. Толстому не хочется принять этотъ естественно вытекающій изъ его точки зрѣнія выводъ. Длиннымъ рядомъ разсужденій, между которыми есть и очень цѣнныя, и,—да проститъ мнѣ великій художникъ,—совершенно вздорныя, онъ старается доказать, что не нравящееся ему искусство (тутъ и Шекспиръ, и какой нибудь Маларме) не обладаетъ настоящею заразительностью. Другой столь же длинный рядъ разсужденій, который мы отчасти видѣли, ведетъ его къ заключенію, что «всегда, вездѣ, во всѣ времена, у всѣхъ народовъ» истинное искусство заражало чувствами, вытекающими изъ религіознаго сознанія. Нынѣ оно должно руководствоваться христіанскимъ религіознымъ сознаніемъ, такъ какъ только при этомъ условіи оно можетъ быть всенародно, всепонятно, всемірно. Однако читатель, уже готовый согласиться съ гр. Толстымъ, вдругъ съ изумленіемъ встрѣчаетъ въ числѣ всенародныхъ, всепонятныхъ, всемірныхъ произведеній японскую живопись (стр. 105) или Иліаду

и Одиссею (47). Но вѣдь Японія не просвѣщена еще свѣтомъ христіанства и, стало быть, въ ея искусствѣ не можетъ отражаться христіанское религіозное сознаніе, равно какъ и въ Иліадѣ и Одиссеѣ. А между тѣмъ послѣднія, принадлежа, по словамъ гр. Толстого, къ «хорошему, высшему искусству», «передаютъ очень высокія чувства, вполнѣ понятныя намъ теперь, образованнымъ и необразованнымъ». Какія же это «высокія чувства»? Всѣ мы очень хорошо знаемъ, что Иліада и Одиссея переполнены мотивами «влюбленія, чести, патріотизма», которые гр. Толстой объявляетъ недостойными искусства, какъ исключительные и лишь ничтожной горсти людей понятные. Почему же они въ Иліадѣ и Одиссеѣ становятся всѣмъ понятными и высокими? Почему?! Да просто потому, что гр. Толстой такъ хочетъ.

Трудно, да, признаюсь, и скучно слѣдить за всѣми этими произвольными скачками и противорѣчивыми изворотами мысли. Перейдемъ поскорѣе къ окончательнымъ выводамъ, которые окажутся не такъ ужъ страшны и узки, какъ можно бы было ожидать.

Вполнѣ истинное искусство, то есть соединяющее въ себѣ и заразительность, и возвышенность передаваемыхъ имъ чувствъ, и приличествующее нашему времени, раздѣляется на два отдѣла: 1) искусство, передающее чувства, «вытекающія изъ религіознаго сознанія положенія человѣка въ мірѣ, по отношенію къ Богу и ближнему, искусство религіозное въ тѣсномъ смыслѣ этого слова»; 2) искусство, передающее чувства, которыя доступны всѣмъ людямъ всего міра—искусство житейское, всенародное» (стр. 100 и слѣд.). Этими двумя отдѣлами исчерпывается «хорошее» искусство нашего времени. Но каждый изъ нихъ дѣлится въ свою очередь на два подотдѣла: высшій и низшій. Высшее религіозное искусство «прямо и непосредственно передаетъ чувства, вытекающія изъ любви къ Богу и ближнему», низшее «передаетъ чувства отвращенія, негодованія, презрѣнія къ явленіямъ, противнымъ любви къ Богу и ближнему». Высшее «житейское» искусство «доступно и понятно людямъ всего міра всегда и вездѣ», это—«всемірное искусство»; низшее «доступно и понятно всѣмъ людямъ только одного мѣста и времени—всенародное искусство». Къ числу «житейскихъ» чувствъ, рекомендуемыхъ гр. Толстымъ для передачи при помощи искусства, онъ относитъ «чувства веселья, умиленія, бодрости, спокойствія и т. п.» А такъ какъ искусству разрѣшаются также и «чувства отвращенія, негодованія, презрѣнія», то получается довольно обширная скала чувствъ, изъ которыхъ иныя не имѣютъ никакого отношенія къ какому бы то ни было религіозному сознанію, иныя трудно согласимы съ строгопонятымъ христіанскимъ сознаніемъ (Христосъ, вѣдь, училъ любить и прощать, а не отвращаться, негодовать и презирать), наконецъ еще иные, напримѣръ, веселье, довольно трудно отгородить отъ наслажденія, которое гр. Толстой такъ старательно изгонялъ. Все это объединяется исключительно

личнымъ вкусомъ гр. Толстого. И какъ бы въ подтвержденіе этого онъ безъ всякихъ мотивовъ указываетъ образцы «хорошаго» искусства всѣхъ четырехъ подотдѣловъ: хороши, говоритъ, Misérables В. Гюго, хорошъ «почти» весь Диккенсъ, хороши жанры Кнауса, Вотье, хороша японская живопись. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ гр. Толстой, впрочемъ, обставляетъ свои приговоры доказательствами. Такъ онъ считаетъ однимъ изъ высшихъ образцовъ всемірнаго искусства разсказъ объ Іосифѣ прекрасномъ и въ частности эпизодъ съ женой Пентефрія, на томъ основаніи, что «все это чувства (т. е. надо думать, чувства и Іосифа, и жены Пентефрія), доступныя и русскому мужику, и китайцу, и африканцу, и ребенку, и старому, и образованному, и необразованному» (103). Боюсь, что весьма многіе китайцы и африканцы совершенно не оцѣнятъ поведенія Іосифа, а ребенокъ, настоящій ребенокъ, ничего не пойметъ во всемъ эпизодѣ...

Таковъ трудъ гр. Толстого, который онъ, по его словамъ, обдумывалъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Его неясность, произвольность и противорѣчивость тѣмъ прискорбнѣе, что, во первыхъ, онъ содержитъ въ себѣ нѣкоторыя отдѣльныя очень цѣнныя мысли, а во вторыхъ затрогиваетъ тему, имѣющую въ настоящее время острый практическій интересъ.

Въ настоящее время вполнѣ выяснилась потребность рабочаго люда въ широко поставленныхъ художественныхъ развлеченіяхъ, выяснилась и готовность интеллигенціи служить удовлетворенію этой потребности. Наши театры, музыка, пѣніе, поэзія на нашихъ глазахъ перестаютъ быть исключительнымъ достояніемъ высшихъ классовъ, и очевидно мы находимся лишь въ самомъ еще началѣ этого движенія. Спрашивается, какую же роль сыграетъ тутъ наше искусство? Гр. Толстой рѣшительно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: никакой или же очень вредную; наше искусство слишкомъ мелко и извращенно, слишкомъ переполнено исключительными чувствами, слишкомъ служитъ наслажденію и совершенно непонятно рабочему люду; если же, говоритъ онъ, намъ удастся пріобщить народъ къ своему искусству, то это только и будетъ значить, что мы извратили народъ, уподобили его себѣ. Таковъ холодно-догматическій отвѣтъ на практическій вопросъ дня. Предъявляя его, гр. Толстой не справляется съ фактами, а гнетъ, ломаетъ и упраздняетъ ихъ въ угоду своего догмата. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что современное наше, какъ и европейское, искусство содержитъ въ себѣ много нелѣпаго и постыднаго и исключительнаго и лживаго. Но есть и иныя струи въ современномъ искусствѣ. И по истинѣ поразительна та холодная отвлеченность отъ жизни, съ которою гр. Толстой, напримѣръ, относя къ «хорошему» искусству дѣйствительно прекрасные жанры Кануса и Вотье и едва ли многимъ извѣстную японскую живопись, молча проходитъ мимо русскаго жанра, не одинъ десятокъ лѣтъ существующаго и представляющаго образцы

высокаго достоинства. Но самое поразительное то, что гр. Толстой даже, повидимому, не поинтересовался узнать, какъ же относится рабочій людъ къ тѣмъ довольно многочисленнымъ опытамъ пріобщенія народа къ нашему искусству, которые уже сдѣланы и дѣлаются. Допустимъ, что эти опыты должны оправдать пессимистическій взглядъ гр. Толстого и показать, что наше искусство или непонятно народу или развращаетъ его. Но вѣдь, казалось бы, для самого гр. Толстого должно быть любопытно фактически въ этомъ убѣдиться,—убѣдиться или разубѣдиться. Однако гр. Толстой даже ни единымъ словомъ ни обмолвился объ этихъ опытахъ. Да и зачѣмъ ему опыты и наблюденія, когда онъ и безъ того есть сосудъ, безусловную истину вмѣщающій...

Въ январьской книжкѣ «Русскаго Богатства» я перепечаталъ изъ «Степного Края» замѣтку г. Мельшина объ одномъ изъ предсмертныхъ стихотвореній Некрасова, собственноручный списокъ котораго былъ подаренъ студентамъ петербургскаго университета самимъ поэтомъ. Автографъ висѣлъ въ студенческой читальнѣ, но потомъ куда то исчезъ. Оказалось однако, что послѣднее невѣрно. Оказалось также, что память объ этомъ маленькомъ предсмертномъ подаркѣ поэта сохранилась у многихъ тогдашнихъ студентовъ, какъ и списки самого стихотворенія. Кто то прислалъ такой списокъ г. Мельшину, который и напечаталъ его. По этому поводу я получилъ нѣсколько писемъ, подтверждающихъ вѣрность списка, а двое изъ корреспондентовъ сообщаютъ, кромѣ того, что студенческая депутація, поднесшая Некрасову, по случаю его тяжкой болѣзни, адресъ, получила отъ него въ подарокъ не одно, а два стихотворенія; оба корреспондента сообщаютъ совершенно тождественные списки обоихъ стихотвореній, изъ чего можно заключить, что ихъ дѣйствительно было два. Многимъ весь этотъ эпизодъ можетъ казаться слишкомъ незначительнымъ, чтобы стоило къ нему возвращаться. Но съ другой стороны, вотъ вѣдь двадцать лѣтъ хранятъ у себя люди списки съ стихотвореній и при первомъ представившемся случаѣ заявляютъ свою благодарную память поэту. Да и наконецъ, разъ зашелъ объ этомъ разговоръ, надо его кончить. И, конечно, не я одинъ поблагодарю профессора С. Ѳ. Ольденбурга за слѣдующее сообщеніе:

«Автографъ—пишетъ мнѣ уважаемый профессоръ—вмѣстѣ съ книгами студенческой читальни переданъ въ университетскую библіотеку, гдѣ онъ и хранится. Стихи, какъ увидите изъ сообщаемаго ниже списка, не посвящены студенческой депутаціи, а должны были составить посвященіе читателямъ, предполагавшееся для сборника стихотвореній поэта подъ заглавіемъ «Въ черные дни». Оригиналъ написанъ на листѣ обыкновенной писчей бумаги, карандашомъ, въ двѣ строфы. Онъ помѣщенъ подъ стекломъ, туда же

вложенъ билетикъ, на которомъ написано чернилами (не рукой Некрасова): «Автографъ Н. А. Некрасова, подаренный имъ студентамъ С.-Петербургскаго университета».

Изъ сообщенной мнѣ проф. Ольденбургомъ точной копіи съ автографа дѣйствительно ясно видно, что это—черновикъ первой страницы предполагавшагося къ печати сборника стихотвореній подъ заглавіемъ: «Въ черные дни». Вотъ эта страница:

ВЪ ЧЕРНЫЕ ДНИ [1])
Новыя стихотворенія Н. А. Некрасова
(1874—1877 гг.).
Изданіе съ портретомъ автора
Типографія А. Кр. [2]).
1877

другая страница

Посвящаю моимъ друзьямъ-читателямъ [3])

Посвященіе.

Вамъ мой даръ любившимъ и цѣнившимъ
Вамъ ко мнѣ участье заявившимъ [4])
Въ черный годъ, простертый надо мной [5])
Посвящаю трудъ послѣдній мой!
Я примѣру русскаго народа
Вѣренъ: *«въ горѣ жить*
Некручинну быть».—
И больной работаю полгода,
Я трудомъ смягчаю свой недугъ:
Ты не будешь строгъ читатель-другъ!

Н. Некрасовъ.

Спб. 1 февраля 1877 года.

) Подчеркнуто два раза. [2]) Зачеркнуто. [3]) Сбоку приписка «крупно» и слова «моимъ друзьямъ-читателямъ» подчеркнуты два раза. [4]) Вмѣсто «заявившимъ» стояло сперва, а потомъ зачеркнуто: «сохранившимъ». [5]) Сперва стояло, потомъ зачеркнуто: «до моей годины роковой».

Сборникъ «Въ черные дни» не состоялся и вмѣсто него вышелъ извѣстный сборникъ «Послѣднія пѣсни». Что касается другого стихотворенія («Смолкли честные, доблестно павшіе»), о которомъ мнѣ пишутъ двое изъ корреспондентовъ и которое, очевидно, тоже предназначалось для «Черныхъ дней», то подлинникъ его, надо думать, затерялся въ чьихъ нибудь частныхъ рукахъ.

Ник. Михайловскій.

Изъ недалекаго прошлаго.

(Воспоминанія о поѣздкѣ «на голодъ»).

Ранней весной 1893 года среди студентовъ нашего университета сталъ упорно циркулировать слухъ, что кто то изъ москвичей сдѣлалъ крупное пожертвованіе на борьбу съ голодомъ въ Воронежской губ.; разсказывали, что получившій эти деньги одинъ совершенно не въ силахъ справиться съ такой трудной задачей, что нужны помощники, нужны люди, люди и только люди. Нѣсколько человѣкъ насъ третьекурсниковъ—рѣшили ѣхать. Однако, добраться до первоисточника этихъ слуховъ, найти человѣка, который могъ бы сообщить намъ что либо болѣе положительное—оказалось дѣломъ не особенно легкимъ. Сначала насъ направили къ литератору, потомъ къ другому, наконецъ, къ профессору. Послѣдній, оказалось, былъ въ курсѣ дѣла: состоялъ въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ г. К. (такъ звался получившій это пожертвованіе). Онъ подтвердилъ намъ разсказъ о москвичѣ (пожелавшемъ остаться неизвѣстнымъ) и тотчасъ же написалъ о насъ г. К—ву. Но раньше чѣмъ получился отвѣтъ изъ Воронежской губ., пришла телеграмма изъ богородицкаго уѣзда Тульской губ. съ просьбой прислать туда студентовъ. Профессоръ предложилъ мнѣ ѣхать, и уже черезъ нѣсколько дней я былъ въ Москвѣ, гдѣ отъ другого профессора долженъ былъ получить точныя указанія, куда и къ кому я буду направленъ. Но въ Москвѣ меня ожидало крупное разочарованіе: изъ того же богородицкаго уѣзда пришла другая телеграмма съ просьбой задержать студентовъ, такъ какъ надежды на какія то суммы не оправдались, а съ имѣющимися деньгами можно справиться и при наличныхъ силахъ. Долго совѣщались мы съ профессоромъ, какъ быть, и въ концѣ концовъ рѣшили—ѣхать! И если мнѣ пришлось впослѣдствіи пожалѣть объ этомъ смѣломъ шагѣ, то только въ самомъ началѣ моего пребыванія въ Тульск. губ.; потомъ все измѣнилось, у насъ появились деньги, работы было много...

19-го марта я уѣхалъ изъ Москвы, а 20-го, въ 6 час. утра, поѣздъ доставилъ меня на полуст. С., откуда я долженъ былъ ѣхать на лошадяхъ въ с. Ус. Меня обступило нѣсколько извозчиковъ, рядился же всего одинъ,—оказалось, у нихъ свой «синдикатъ»: каждый пріѣзжій разыгрывается въ лотерею, счастливецъ везетъ, а остальные получаютъ отъ него отступное (въ данномъ случаѣ четверо получило по 15 коп.). Я достался на долю Аѳинагена Москова (человѣка уже не первой молодости, съ вѣчно смѣющимися глазами, очень склоннаго къ остроумію, по большей части,—

впрочемъ, неудачному). Онъ подхватилъ мой небольшой багажъ, и мы всей компаніей отправились къ нему въ деревню (извозчики являются на станцію безъ лошадей)... Входимъ въ избу и—о, ужасъ!—она полна дымомъ. «Что это, ты на черное перешелъ?»—равнодушнымъ тономъ спросилъ Аѳинагена кто то изъ крестьянъ. Только незадолго передъ отъѣздомъ изъ Петербурга узнавъ, что скрывается подъ словами «по черному», «перейти на черное» *) и пр., я думалъ, что такая топка встрѣчается, какъ исключеніе, только у наиболѣе пострадавшихъ семей,—и вдругъ—первая же изба вся въ дыму! Отвѣтъ Моськова успокоилъ меня: бабы позабыли открыть трубу, отсюда и дымъ. Пришлось обождать въ сѣняхъ. Потомъ усѣлись пить чай. Изъ разговоровъ съ Аѳинагеномъ я узналъ, что семья его состоитъ изъ 4 человѣкъ: жены, сына съ женой и ихъ ребенка. Было у него еще 10 дѣтей, да всѣ умерли, остался только младшій. Хозяинъ мой упорно называлъ себя бѣднякомъ, и я, впервые попавшій въ великорусскую избу, охотно соглашался съ нимъ: изба его—это среднихъ размѣровъ студенческая комната; треть ея занята печью, другая нарами и столомъ, въ остальной части находятъ себѣ пріютъ куры, утки и 6 овецъ; глиняный полъ совсѣмъ не уколоченъ, грязь въ избѣ страшная. А между тѣмъ, по сравненію съ крестьянами другихъ деревень, Аѳинагенъ можетъ считаться чуть не «богатѣемъ»: у него 2 лошади, корова, 6 овецъ, куры и пр., упряжь вся ременная, самоваръ и прочіе признаки относительнаго довольства. Желѣзная дорога сильно помогаетъ ему: возитъ съ вокзала, да за 75 к. въ день очищаетъ путь отъ снѣжныхъ заносовъ. Земли мало, всего на одну, «душу» (послѣдній передѣлъ былъ давно, лѣтъ 20 назадъ, когда у него были только дѣвочки.).

Поѣхали мы парой «гуськомъ». Тишь кругомъ глубокая: куда ни кинешь взоръ — все снѣгъ да снѣгъ, жилья совсѣмъ не видно; дорога не укатана, навстрѣчу не попадаются ни крестьянскіе обозы, ни помѣщичьи тройки. Въ деревняхъ—такая же пустота: мертвыя улицы, заваленные снѣгомъ дома, ни людей, ни скота, ни веселаго шума дѣтей; растительности никакой—изрѣдка промелькнетъ маленькій лѣсокъ, да въ деревнѣ попадется 5—6 тощихъ деревьевъ... Какой то тоской вѣетъ отъ всего, и взоръ невольно ищетъ признаковъ разоренья. Но пока еще ничто не выдаетъ, что мы находимся

*) При «черной» топкѣ дымовая труба закладывается кирпичемъ; когда топятъ, то «откутываютъ» небольшое отверстіе въ стѣнѣ и отворяютъ настежъ дверь; дымъ наполняетъ избу и выходитъ изъ нея только благодаря нарочитому сквознику. Обитатели избы уходятъ изъ нея, или садятся на полъ. Затѣмъ, дверь и дыра затворяются и печь начинаетъ нагрѣвать избу. Нечего и говорить, что при такой топкѣ внутренность избы пропитана гарью и дымомъ: потолокъ, окна, стѣны—черны и поглощаютъ массу и безъ того скуднаго свѣта. По мнѣнію крестьянъ, при такой топкѣ тратится меньше топлива. Переходъ «на черное» является однимъ изъ важныхъ признаковъ труднаго положенія семьи.

лишь въ десяти верстахъ отъ страшной нужды: избы стоятъ подъ соломой, изгороди не разобраны, да и Аеинагенъ удостовѣряетъ, что тутъ еще кой какъ перебиваются, не то что тамъ, куда я ѣду. Но что же тамъ, если и тутъ уже какъ то тяжело, болѣзненно тоскливо сжимается сердце?

Наконецъ, мы прибыли въ с. Ус., гдѣ живетъ мой патронъ, студентъ москов. университета, мѣстный помѣщикъ, одинъ изъ главарей той частной организаціи, которой я ѣду помогать. Меня встрѣчаютъ очень радушно, увѣряютъ, что работа будетъ, хотя денегъ пока нѣтъ, что вслѣдствіе разлива рѣкъ они не могутъ разъѣзжать по столовымъ, что я буду завѣдывать столовыми въ большомъ селѣ С. и пр., и пр. Я хотѣлъ было сейчасъ же двинуться въ путь, но любезный хозяинъ мой объявилъ, что ему нельзя уѣхать раньше, чѣмъ черезъ день; пришлось покориться. Я рѣшилъ употребить это время на ознакомленіе съ положеніемъ дѣлъ, съ организаціей помощи населенію, но мой хозяинъ — буду называть его Андреемъ Ивановичемъ—оказался далеко не словоохотливымъ собесѣдникомъ; особенно это было замѣтно тогда, когда я начиналъ говорить о голодѣ. Надоѣла ли ему эта тема, или тутъ сказывалась его скромность—не знаю и до сихъ поръ, но только онъ,—одинъ изъ главныхъ, наиболѣе опытныхъ, энергичныхъ и освѣдомленныхъ людей—всегда старался перевести разговоръ на другія темы.—Въ этотъ же день я успѣлъ познакомиться кой съ кѣмъ изъ ближайшихъ сосѣдей Андрея Ивановича и раньше всего съ семьей Б—хъ, живущихъ въ томъ же с. Ус. Здѣсь разговоръ тотчасъ же сосредоточился на голодѣ, тифѣ, на борьбѣ съ ними: большинство членовъ этой многочисленной семьи принимало самое живое участіе въ раздачѣ населенію топлива, крупъ, хлѣба, сѣна и проч. Особенно энергично работала А. В. Б—а молодая дѣвушка, всей душой отдавшаяся лѣченію появившихся въ большомъ количествѣ тифозныхъ больныхъ.

На другой день, сейчасъ же послѣ чая, отправились мы съ Андреемъ Ивановичемъ въ метрополію нашей организаціи, въ с. П—о, гдѣ проживали наши главари: хорошая знакомая Андрея Ивановича—Ольга Петровна Л., ея братъ и земскій врачъ А. И. Н. Самъ Андрей Ивановичъ проводилъ здѣсь почти все время и только изрѣдка уѣзжалъ къ себѣ въ Ус. Ольга Петровна была несомнѣнно душой всего дѣла: обладая въ Москвѣ обширными знакомствами, она легко собирала при помощи своихъ друзей большія деньги; народникъ (или народница?) по воззрѣніямъ, она всей душой отдалась тому дѣлу, которое такъ соотвѣтствовало ея взглядамъ; живая, веселая, умная, разговорчивая—она умѣла легко группировать вокругъ себя людей и направлять ихъ общія силы въ одну точку; окончивъ фельдшерскіе курсы—она могла быть полезной и при борьбѣ съ тифомъ; простая въ обращеніи, всѣмъ и всегда доступная—она возбуждала всеобщія симпатіи крестьянъ; дочь извѣст-

наго земскаго дѣятеля—она легко могла добиться въ своихъ начинаніяхъ помощи и земства, и Краснаго Креста. Андрей Ивановичъ—ея ближайшій сотрудникъ—устраивалъ столовыя, завѣдывалъ громадной операціей съ сѣномъ, завязывалъ сношенія съ поставщиками муки, хлѣба, овса и пр. Дворъ Ольги Петровны всегда былъ полонъ народу; рано утромъ начиналось появленіе крестьянъ, и до вечера тянулись запоздалые просители. Приходили иногда цѣлыми деревнями, приходили за сѣномъ, приходили проситься въ столовыя,—всего не перечесть. Тутъ же толпились мальчики; эти уже за умственной пищей: у Ольги Петровны было много дѣтскихъ и народныхъ изданій, и спросъ на нихъ превышалъ предложеніе не менѣе, чѣмъ спросъ взрослыхъ крестьянъ *на хлѣбъ* превышалъ предложеніе и государства, и земства, и Краснаго Креста, и нашей организаціи.

Мое «начальство» назначило меня въ с. Солодилово, которымъ прежде завѣдывалъ братъ Ольги Петровны и куда въ концѣ марта, вслѣдствіе начинавшагося таянія снѣговъ, пробираться было очень трудно. Мнѣ объявили, что въ Солодиловѣ уже открыты 4 столовыя, что пока не явятся средства, нельзя устраивать новыхъ и даже нельзя принимать въ старыя столовыя новыхъ членовъ; какъ завѣдывать столовыми—это долженъ былъ разсказать мнѣ дорогой Андрей Ивановичъ...

Изъ П—а выѣхали рано утромъ и въ первомъ же селѣ остановились, чтобы подвести счета съ пекаремъ принадлежащей организаціи пекарни. Такихъ пекаренъ у нашего кружка было нѣсколько; иныя изъ нихъ обслуживали по двѣ-три деревни. Нѣкоторые крестьяне получали хлѣбъ даромъ по листкамъ, выданнымъ имъ кѣмъ-либо изъ членовъ кружка, другіе платили кой-что, но безъ записокъ хлѣбъ, во избѣжаніе перепродажи, никому не отпускался.—Затѣмъ поѣхали въ с. Б—о. Тутъ зашли къ «столовщику», крестьянину, въ избѣ котораго устроена столовая. У него очень опрятно, чисто, хоть изба и не большая; попробовали кулешъ: онъ пшенный, теперь безъ масла («страстная» недѣля великаго поста). Андрея Ивановича сейчасъ же начали засыпать просьбами. Пришла ужасная старуха—вся изорванная, почти раздѣтая, умоляетъ хоть что нибудь сдѣлать для нея: «не то перемремъ всѣ съ ребятишками». Андрей Ивановичъ далъ ей какую то серебряную монету, хотя обыкновенно деньгами у насъ не помогали. Большинство избъ въ Б—вѣ разорены, крыши, изгороди и стрехи сожжены, вся скотина голодна, у многихъ хозяевъ ея и совсѣмъ не осталось. Бѣдность вопіющая!

Въ избахъ—смрадъ, грязь, сырость, мокрота на дверяхъ, стѣнахъ, потолкѣ, сверху каплетъ, внизу болото, воздухъ спертый — помѣщенія мало, а народу вездѣ довольно много. «Дайте, помогите, умремъ, пропадемъ»—вотъ слова, съ которыми насъ и встрѣчали, и провожали по всему Б—ву. Люди голодаютъ, скотъ голо-

даетъ, а тутъ еще Пасха у дверей: нечѣмъ разговѣться. Долго Андрей Ивановичъ производилъ какія то числовыя выкладки и наконецъ рѣшилъ отпустить къ Пасхѣ по $^1/_2$ ф. баранины на человѣка. Мѣстный купецъ взялся доставить ее по $6^1/_2$ к. за фунтъ.

Изъ Б—ва отправились въ деревню Г—но. Это послѣднее слово разоренья, дальше идти положительно некуда. Всѣ г—нцы, въ полномъ смыслѣ слова—нищіе. Насъ останавливали на каждомъ шагу, около каждой избы и вездѣ просили что нибудь устроить, чѣмъ нибудь помочь *). Какихъ ужасовъ насмотрѣлся я тутъ — трудно повѣрить! Мое представленіе о достаткѣ средней семьи уже очень понизилось, и больной старикъ, который произвелъ на меня сильное впечатлѣніе въ одной изъ предшествующихъ деревень, здѣсь, въ Г—нѣ, остался бы незамѣченнымъ. Здѣсь ни у кого нѣтъ своей пищи; имъ раздаютъ—вотъ все, чѣмъ они живы. Скотина—у кого еще осталась—голодна и еле передвигаетъ ноги, а у нихъ нѣтъ средствъ купить сѣна хоть бы по 20 к. за пудъ.

Въ деревнѣ масса больныхъ. Крыши разобраны, все сожжено, а во многихъ избахъ холодно, не смотря на необходимость тепла для тифозныхъ. Въ одной избѣ я увидалъ картину, не поддающуюся никакимъ описаніямъ. Небольшая, низкая (я досталъ головой почти до потолка), вся черная, мокрая, скользкая изба лишена всего деревяннаго, кромѣ лавки у стѣны и, кажется, стола (быть можетъ, и его не было). Это первая изба, гдѣ нѣтъ обычныхъ наръ, доски подъ потолкомъ и пр. Дворъ уже весь разобранъ, въ избѣ холодно. А между тѣмъ въ семьѣ двое больныхъ; на печи лежитъ дѣвочка лѣтъ 12 и не переставая стонетъ; у нея тифъ, она вся въ жару, мечется въ своихъ тряпкахъ и стонетъ, ужасно стонетъ. Подъ печкой, на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно нары, въ углу полулежитъ по поясъ закутавшаяся въ тряпки, одѣтая лишь въ черную изорванную рубаху молодая женщина. Голова и почти все лицо ея повязаны какими то лохмотьями: у нея сифилисъ, носъ гніетъ и уже начинаетъ проваливаться. Въ избѣ находятся еще маленькій мальчикъ и старая женщина-хозяйка, мать его и больной дѣвочки, свекровь молодой женщины. Мужъ старухи сидитъ у сосѣдей, гдѣ потеплѣе и воздухъ получше. Хозяйка совершенно подавлена горемъ, озлоблена противъ всѣхъ, особенно противъ больной—своей снохи.

Старуха ежеминутно заявляетъ, что не знаетъ, какъ ей быть съ больной: запахъ отъ нея страшный, изъ избы приходится выбѣгать, когда она разворачиваетъ свои тряпки. Больная уже почти лишилась голоса,—и тѣмъ не менѣе о чемъ то проситъ, говоритъ, что она скоро съ голоду помретъ, если ей чего нибудь не дадутъ

*) Въ Г—нѣ не было столовыхъ въ виду массовыхъ заболѣваній тифомъ и сифилисомъ, но помощь хлѣбомъ, пшеномъ и дровами уже была организована.

«пожевать»; съ страшными усиліями она кланяется намъ, умоляетъ слезящимися глазами и безсильнымъ движеніемъ рукъ; потомъ благодаритъ. Мы хотимъ уйти—больше не въ моготу оставаться въ избѣ, но старуха провожаетъ насъ съ плачемъ на улицу и разсказываетъ, что у этой больной умерла недавно дочь, что не на что было купить гробикъ... Скорѣе вонъ, на чистый воздухъ, тутъ можно задохнуться или съума сойти... Дальше, дальше. Мы снова входимъ въ избу: тутъ мужикъ, который уже 20-й день боленъ тифомъ и ровно ничего не ѣстъ, только воду пьетъ и отъ голода и болѣзни уже не можетъ пошевелиться. Еще изба; тутъ живетъ глубокій старикъ, сѣдой, какъ лунь. Его сноха со слезами на глазахъ умоляетъ насъ помочь имъ, говоритъ все о томъ, что старикъ помираетъ, что не на что ему гробъ сколотить, что всѣ они голодны. Старикъ пробуетъ сползти для чего то съ печи, но не можетъ, мы просимъ, чтобы его задержали, онъ стонетъ и ужаснымъ голосомъ повторяетъ только: «охъ, Господи! охъ, Господи!» Прочь отсюда, тутъ нервы нужны канатные, съ другими не выдержать. И чѣмъ помочь? Тѣми крохами, которые въ нашемъ распоряженіи. Да вѣдь это безумная затѣя, это тоже, что вычерпывать океанъ стаканомъ, или тушить громадный пожаръ бутылкой воды... Не уѣхать ли назадъ? Вѣдь лучше не видѣть ничего, чѣмъ видѣть и не быть въ состояніи помочь... Какъ же быть?..

Изъ Г—на, уже съ большими затрудненіями, добрались мы до Солодилова, гдѣ я долженъ былъ поселиться. Два послѣдніе дня на дворѣ настоящая весна, рѣка Красивая Меча во многихъ мѣстахъ освободилась ото льда, мосты разобраны и потому мнѣ нельзя было переѣхать на другую сторону рѣки—въ Поповку, гдѣ жила вдова дьячка, у которой мнѣ совѣтовали нанять комнату. При въѣздѣ въ село встрѣтили старосту, очень услужливаго человѣка, который помѣстилъ меня у какого-то кабатчика. Андрей Ивановичъ въ тотъ же вечеръ уѣхалъ въ П—о.

С. Солодилово красиво расположилось по обѣ стороны извѣстной всѣмъ, благодаря Тургеневу, рѣки Красивой Мечи. Оно состоитъ изъ 4 отдѣльныхъ частей, образующихъ 2 особыя сельскія общества. Большинство крестьянъ — бывшіе государственные и только одна часть «Баташевка»—бывшіе крѣпостные. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ довольно богатое, къ веснѣ 1893 года, послѣ двухъ сильныхъ неурожаевъ (91 и 92 гг.) Солодилово совершенно разорилось.

Земля ничего не дала ея «сѣятелямъ и хранителямъ»: въ лучшемъ случаѣ собирали по 15 сноповъ ржи съ десятины, на многихъ полосахъ хлѣбъ и совсѣмъ не убирали. Неурожай одинаково пагубно подѣйствовалъ на всѣхъ крестьянъ, безъ различія экономическаго положенія, на богатыхъ, пожалуй, даже сильнѣе, такъ какъ у нихъ было что продавать, а распространить помощь и на нихъ не было возможности. Впрочемъ, къ веснѣ 93 г. все, что можно

было продать—было уже распродано и только инымъ, перебившимся въ первую голодную зиму безъ распродажи движимости, пришлось испытавать теперь всю тяжесть продажи коровы, овецъ, свиней, второй, а нерѣдко и единственной лошади.

Въ Солодиловѣ насчитывалось до 275 крестьянскихъ дворовъ, заключавшихъ въ себѣ 1,762 чел.; работниковъ, т. е. мужчинъ въ возрастѣ отъ 17 до 55 лѣтъ—373 ч.; на ихъ попеченіи находилось: 87 праздныхъ, 381 малолѣтнихъ (до 10 л.) дѣтей и 521—женщинъ и старыхъ; больныхъ было около 80 человѣкъ. Земли у солодиловцевъ—1502 дес. (751 надѣлъ въ 2 десятины каждый), арендовали немногіе, да и то у своихъ. Количество скота опредѣлялось такими цифрами: лошадей—281 (44 лош. у 8 крестьянъ-богачей, и 237 у остальныхъ 270 кр.), коровъ 91, овецъ 561 и свиней 15. Послѣдней осенью (92 г.) продано 89 лош., 72 кор., 379 ов. и 25 св.; весной 92 г. продано—16 л., 26 к., и 30 ов.; если принять во вниманіе, что распродажа скота началась еще осенью 91 г. и что у меня подъ рукой нѣтъ цифры продажи скота весной 93 г. (свѣдѣнія о С.-вѣ были собрано еще до моего пріѣзда туда, передъ открытіемъ столовыхъ), то можно легко увидѣть, какъ далеко зашло Солодилово въ своемъ разореніи. 45 дворовъ (16, 66%) осталось вовсе безъ скота, безъ овцы, безъ свиньи; только съ овцами, но безъ лошади и коровы было—87 двор. (32,22%); изъ нихъ 15 дворовъ только съ одной овцой; безлошадныхъ—103 двора (38, 15%) съ одной лошадью—98 дв. (36, 30%), причемъ 18 дворовъ не имѣли при лошади—ни коровы, ни овцы; съ двумя лошадьми—44 двора (16, 29%), съ 3 лошадьми—17 дв. (6,29) съ 4 л.—2 дв., съ 5 л.—3 дв., съ 6, 7 и 8 л.—по одному двору. Недоимокъ на всѣхъ дворахъ числилось свыше 11 т. руб., частиыхъ долговъ—до 9 т. руб. Обязанности питанія, согрѣванія и одѣванія всего этого села лежали, конечно, на плечахъ 373 работ. На сколько же силы ихъ соотвѣтствовали этимъ обязанностямъ? На одного работника, кромѣ него самого, приходилось еще 4,72 чел. (изъ которыхъ—0,23 грудныхъ, 1,02—дѣтей до 10 лѣтъ и 0,2 больныхъ); недоимокъ 53 р. 33 к. Кромѣ избы, въ которой живутъ иногда нѣсколько семей и, значитъ, работниковъ, онъ имѣлъ: земли 2 над. (4 десятины), скота: лошади—0,75, коровы—0,24, овецъ—1,5 и свиней 0,04. Эти «живыя цифры» не допускаютъ двухъ отвѣтовъ на поставленный выше вопросъ. Взглянувъ на нихъ, поневолѣ согласишься съ тѣмъ мнѣніемъ, которое здѣсь очень распространено: «не было бы помощи, не раздавали бы муки, да хлѣба, — половина села перемерла бы; пожалуй, остальные перебились бы тогда и сами».

Грустную картину являло взорамъ Солодилово: во многихъ дворахъ вся солома, все дерево сожжены. На улицахъ не видно людей: всѣ боятся показать передъ другими свою бѣдность и, озлобленные, сидятъ среди своихъ домочадцевъ. Даже молодежь притихла, и если нѣсколько дѣвушекъ, которымъ молодость и избытокъ

силъ давали возможность легче переносить и голодъ и холодъ, затягивали вдругъ какую нибудь хоть бы и грустную пѣсню, изъ сосѣднихъ избъ выскакивали мужики и женщины и запрещали имъ пѣть, попрекали ихъ за это единственное утѣшеніе. И разъ, когда дѣвушки не послушались, одинъ старикъ взялся за палку... О чемъ ни заговоришь съ солодиловцемъ, онъ непремѣнно свернетъ на свою нужду, непремѣнно начнетъ доказывать, что онъ нуждается въ помощи больше тѣхъ, кому оказывается помощь.

Въ чемъ же выразилась помощь населенію? Правительство рѣшило не взыскивать съ крестьянъ податей; сначала предполагалось, какъ извѣстно, только отсрочить взиманіе ихъ, но затѣмъ пришлось отказаться отъ мысли когда либо дополучить то, что не было взыскано въ голодные годы: недоимки были вычеркнуты изъ счетовъ. Земство выдавало крестьянамъ въ ссуду ежемѣсячно по 30 ф. муки на человѣка (кромѣ работниковъ), изъ которой выходило нѣсколько болѣе пуда печенаго хлѣба. По временамъ земство отпускало еще по3 п. ячменя на лошадь. Кромѣ того, оно же приняло на себя заботу объ обсѣмененіи полей и съ этой цѣлью выдавало овесъ, котораго иногда не хватало, и поля у нѣкоторыхъ крестьянъ остались незасѣянными. Земскихъ сборовъ ни въ 91, ни въ 92—93 годахъ не производилось. Еще разностороннѣе была дѣятельность Краснаго Креста: онъ образовалъ рядъ попечительствъ, которыя раздавали даромъ и продавали по уменьшенной цѣнѣ—хлѣбъ (были организованы пекарни), муку, пшено, дрова, сѣно и пр. Обязанности участковыхъ попечителей охотно принимали на себя представители деревенской интеллигенціи: врачи, учителя и учительницы, священники, фельдшера, дочери помѣщиковъ и др. Дѣла было у нихъ не мало и выполняли они его, по большей части, чрезвычайно удачно, насколько, конечно, то дозволяли далеко небогатыя средства общества Краснаго Креста. Что касается нашего кружка, то онъ главное свое вниманіе направилъ на устройство столовыхъ. Первая изъ нихъ была открыта уже въ январѣ 93 г., къ 7 марту было организовано 12 столовыхъ на 615 чел. (15% всего населенія тѣхъ селъ и деревень, гдѣ находились столовыя). Тамъ, гдѣ устройство столовыхъ представлялось, въ силу разныхъ обстоятельствъ, дорогимъ (напр., небольшое населеніе деревни), или неудобнымъ (больные тифомъ, оспой или сифилисомъ)—хлѣбъ и пшено выдавались на руки. Кромѣ того, нашъ кружокъ взялъ на себя продажу и раздачу сѣна. Операція эта вызывала громадные расходы и требовала массу труда: приходилось не только распредѣлять сѣно, но главное, добывать его, выписывать изъ другихъ губерній, ходатайствовать о льготномъ перевозѣ его по желѣзной дорогѣ и пр. Къ концу весны, когда тифъ сталъ распространяться сильнѣе, кружокъ помогалъ Кр. Кресту въ устройствѣ больницъ. Всецѣло на собранныя средства, кружкомъ были устроены 3 больнички. Упомяну еще объ одной заботѣ кружка: въ иныхъ деревняхъ, гдѣ содержаніе школъ грамот-

ности лежало на обязанности сельскихъ обществъ, положеніе деревенскихъ педагоговъ было очень критическое: они не получали жалованья, жили «изъ хлѣба»; хозяева не получали платы за помѣщеніе для школы; кружокъ принялъ на себя расходы по содержанію трехъ такихъ школокъ.

Таково было положеніе населенія ко времени моего пріѣзда въ Сол—во, таковы тѣ силы, которыя направлены были на борьбу съ неурожаемъ. Разоренье достигло своего апогея, помощь развила всѣ свои силы, направила ихъ въ самыя разнообразныя стороны. Частною организаціею сдѣлано было все, что позволяли средства, но ихъ было мало, и если люди не умирали голодной смертью, то во всякомъ случаѣ влачили самое жалкое существованіе, и до іюня можно было наблюдать картины, подобныя описаннымъ мною выше. Что было бы безъ сторонней помощи—страшно и подумать...

Въ первое же утро послѣ пріѣзда въ Солодилово я приступилъ къ ознакомленію со столовыми. Ко мнѣ явился староста, выпилъ безконечное число стакановъ чаю и только тогда повелъ меня къ ближайшему столовщику. Всѣхъ столовыхъ въ Солодиловѣ было 4; въ нихъ питается 160 человѣкъ. Я побывалъ во всѣхъ четырехъ; вездѣ встрѣчали очень любезно, предлагали пробовать кулешъ. Кулешъ варился тогда безъ масла: старики не хотѣли ѣсть скоромнаго,—ребятишки же охотно поѣдали все и для нихъ кулешъ варился отдѣльно.

Избы, въ которыхъ помѣщаются столовыя—просторны, чисты; хозяева ихъ—по большей части, люди относительно зажиточные; первое—чистота, конечно, очень хорошая сторона; второе—зажиточность—не особенно: хозяинъ столовой за свои труды пользовался правомъ кормить кулешомъ всю семью, нерѣдко довольно многолюдную. На каждаго столующагося отпускалось по $^1/_4$ ф. пшена и по 1 ф. хлѣба въ день; соль и масло выдавались по особому разсчету. Въ тѣхъ столовыхъ, гдѣ я засталъ столующихся, меня поразило одно явленіе: только очень немногіе принесли съ собою хлѣбъ (онъ выдавался на недѣлю впередъ), большинство же ѣло кулешъ безъ хлѣба. Оказалось, крестьяне сообразили, что хлѣбъ приносить невыгодно: пока будешь жевать его, тѣ, кто ѣдятъ безъ хлѣба, успѣютъ захватить изъ кулеша львиную часть. Вотъ почему постепенно всѣ отказались отъ прежняго обыкновенія ѣсть все съ хлѣбомъ и жевали его до или послѣ, но не во время обѣда.

Я уже упомянулъ, что ко времени моего пріѣзда въ богородицкій уѣздъ, денежныя дѣла частной организаціи были въ плохомъ положеніи. Ни увеличивать интенсивность помощи въ тѣхъ деревняхъ, которыя уже пользовались ею, ни распространять помощь на новые районы — не было возможности. Денегъ, которыя были собраны мною еще въ Петербургѣ и которыми я могъ распоряжаться вполнѣ самостоятельно—было очень немного. А между

тѣмъ, уже въ первое утро пребыванія въ Солодиловѣ ко мнѣ начали обращаться съ просьбами причислить въ столовыя, выдать хлѣбъ или пшено. Принимать новыхъ столующихся я не имѣлъ права; замѣнять однихъ другими я могъ, но у меня не хватало на это смѣлости: столовыя были организованы людьми, значительно лучше меня знавшими положеніе каждой семьи. Пришлось отказывать и только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ выдавать пшено. Еще проѣздомъ черезъ Б—во я условился съ мѣстнымъ купцомъ, что онъ будетъ отпускать пшено по запискамъ («квиткамъ»). Я не зналъ, что пшено по той же цѣнѣ можно имѣть и въ С—вѣ, и тѣ, которымъ я назначалъ 8 или 10 фун. пшена, должны были ходить пѣшкомъ за 7 верстъ отъ Солодилова. И никто не отказывался, никто не сказалъ мнѣ, что пшено можно получить и здѣсь, и охотно ходили за 15 верстъ по распутицѣ. Черезъ нѣсколько дней я вошелъ въ соглашеніе съ мѣстнымъ купцомъ, и крестьяне перестали путешествовать въ Б—во. Небольшія средства не позволяли мнѣ сдѣлать операцію съ пшеномъ сколько-нибудь значительной; завѣдываніе столовыми оказалось дѣломъ очень не сложнымъ: приблизительно разъ въ недѣлю нужно было написать приказы о выдачѣ пшена и хлѣба, затѣмъ посмотрѣть, чтобы хлѣбъ былъ правильно распредѣленъ между столующимися—вотъ и все. Времени свободнаго было масса, дѣла—очень мало, и я предался самымъ мрачнымъ размышленіямъ. Что помощь населенію необходима—въ этомъ не было сомнѣнія. Но нуженъ ли я этому населенію? На этотъ вопросъ всегда слѣдовалъ отрицательный отвѣтъ. Какъ ни сложны были операціи нашего кружка, какъ бы трудно ни было моимъ патронамъ справиться со всѣми деревнями, но справиться было можно, и я чувствовалъ, что помогаю Ольгѣ Петровнѣ, Андрею Ивановичу и другимъ, но не населенію. Несомнѣнно, и это хорошо, но не затѣмъ я пріѣхалъ сюда. Я предполагалъ, что мой пріѣздъ отзовется на увеличеніи района помощи, или на увеличеніи количества всякаго рода операцій; мои предположенія не оправдались, и я подумывалъ уже объ отъѣздѣ изъ Солодилова. Повторяю, слишкомъ тяжело жить среди голодныхъ, пріѣхать съ цѣлью помогать имъ и сидѣть сложа руки. Я прожилъ въ С—вѣ двѣ недѣли, истощилъ всѣ свои средства, назначилъ день для отъѣзда, какъ вдругъ все перемѣнилось: изъ П—а прислали ко мнѣ записку съ просьбой немедленно ѣхать туда. Съ большими трудами я досталъ себѣ лошадь, пристроилъ у нея на спинѣ какую то хитрую комбинацію изъ подушки, одѣяла, веревокъ и стремянъ, взобрался на это сооруженіе и поѣхалъ по невѣдомой мнѣ дорогѣ въ П—о. Весна была въ полномъ разгарѣ, дороги окончательно погибли. Я сбился съ пути, заѣхалъ въ какую то лощину и чуть не погубилъ своего вѣрнаго коня: онъ завязъ по брюхо въ снѣгу, выбился изъ силъ и долго не могъ выкарабкаться изъ него...

Къ вечеру я былъ въ П—ѣ, и то, что мнѣ сообщили, заставило меня немедленно забыть и о двухъ недѣляхъ, прожитыхъ безъ смысла въ Солодиловѣ, и о трудной дорогѣ, и о голодѣ, который мучилъ меня... впрочемъ, послѣднее не совсѣмъ вѣрно: я ѣлъ съ большимъ аппетитомъ и подъ веселый стукъ ножей, тарелокъ и стакановъ выслушивалъ послѣднія новости. А онѣ были очень важны: раньше всего, сюда пріѣхалъ изъ Воронежской губ. извѣстный дѣятель на поприщѣ борьбы съ голодомъ г. К.; онъ привезъ съ собою остатки тѣхъ суммъ, которыя были пожертвованы для Воронежской губ., и рѣшилъ присоединить ихъ съ разрѣшенія жертвователя къ деньгамъ, предназначеннымъ для Тульской губ.; далѣе, Ольга Петровна и Андрей Ивановичъ тоже получили новыя пожертвованія; наконецъ, я узналъ, что на мое имя получены денежные пакеты: еще въ первые дни по пріѣздѣ въ С—во я написалъ въ разные города письма къ своимъ знакомымъ съ описаніемъ тѣхъ картинъ, которыя мнѣ пришлось видѣть на пути въ Солодилово, и съ просьбой собрать деньги и выслать ихъ мнѣ. Результаты превзошли всѣ мои ожиданія: я получилъ сразу свыше 200 руб. и цѣлый рядъ извѣщеній объ удачномъ ходѣ сборовъ (за все время пребыванія въ Солодиловѣ мною было получено около 500 руб.).

Я пробылъ въ П — ѣ нѣсколько дней и помогалъ Андрею Ивановичу переписывать новыя деревни: мнѣ нужно было ознакомиться съ этой процедурой, чтобы имѣть возможность дѣйствовать у себя вполнѣ самостоятельно. Затѣмъ, я долженъ былъ отправиться въ Солодилово, устроить тамъ всѣ текущія дѣла, оказать помощь новымъ деревнямъ, потомъ возвратиться въ П—но, чтобы вмѣстѣ съ г. К. отправиться въ сосѣдній чернскій уѣздъ, откуда приходили самыя тревожныя вѣсти. Въ Солодиловѣ, оказалось, меня поджидали. Едва я успѣлъ слѣзть съ лошади, какъ ко мнѣ явилось 5 крестьянъ, столующихся въ Баташевкѣ, и обратились съ просьбой выдавать имъ на руки хлѣбомъ эквивалентъ того, что тратится на нихъ въ столовой, т. е. пшено, масло и соль. Какъ на основаніе своей просьбы, они указали на близость полевыхъ работъ, когда очень неудобно быть связаннымъ со столовой, на невозможность для маленькихъ дѣтей съѣдать сразу всю порцію, на нежеланіе взрослыхъ дѣвушекъ ходить на глазахъ всей деревни въ столовыя. Я разобралъ всѣ ихъ доводы, напомнилъ, что полевыя работы еще не начались, что работники почти совсѣмъ не записаны въ столовыя, что столовщикъ обязанъ наблюдать, чтобы старшіе не обижали младшихъ, и что дѣвушкамъ стыдиться нечего, такъ какъ въ сущности безразлично, въ какомъ видѣ получать помощь. Крестьяне довольно скоро согласились со мною и повели дѣло откровеннѣе: не нравится имъ ихъ столовщикъ Ефимовъ, онъ на хлѣбѣ обвѣшиваетъ, фунта два въ недѣлю отъ семьи урываетъ, да и пшено

не все въ котелъ кладетъ. Когда на мой вопросъ, всѣ ли баташевцы недовольны Ефимовымъ, послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ, я предложилъ моимъ гостямъ собраться на другой день у Ефимова («развѣ мы его боимся», замѣтилъ кто то изъ пятерыхъ), обсудить всѣмъ вмѣстѣ положеніе дѣлъ и, если это окажется нужнымъ, выбрать другого хозяина столовой. Въ назначенное время я засталъ у Ефимова представителей всѣхъ семей, посылающихъ своихъ членовъ въ столовую. Ефимовъ не особенно энергично защищался, было замѣтно, что за нимъ водятся кой какіе грѣшки: пришлось назначить кого либо другого. Выборъ крестьянъ палъ на старика Арсенія и его жену, бѣдныхъ людей, живущихъ въ небольшой, топящейся «по черному» избѣ. Послѣднее обстоятельство нѣсколько смущало меня, но крестьяне такъ энергично выдвигали Арсенія, такъ категорически утверждали, что холодамъ конецъ пришелъ, что мнѣ ничего больше не оставалось, какъ покориться ихъ рѣшенію. Такъ закончились треволненія баташевцевъ...

Съ полученными мною деньгами я рѣшилъ поступить такъ: часть изъ нихъ употребить на усиленіе помощи въ С — вѣ, на остальныя—организовать выдачу пшена и хлѣба въ ближайшихъ деревняхъ, вовсе еще не пользовавшихся помощью частной организаціи. Устраивать столовыя — не было смысла: приближалось рабочее время, когда не для всѣхъ столующихся удобно являться въ опредѣленное время въ столовую. Поэтому въ Солодиловѣ я назначилъ многимъ семьямъ постоянную выдачу хлѣба и пшена и роздалъ манную крупу для грудныхъ, или совсѣмъ маленькихъ дѣтей въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ не было коровъ. Затѣмъ я приступилъ къ ознакомленію съ новыми деревнями и къ выдачѣ наиболѣе нуждающимся въ нихъ вспомоществованія. Дѣлалось это такъ. Не сообщая никому о своихъ намѣреніяхъ и планахъ, я отправлялся въ намѣченную деревню, заѣзжалъ къ сельскому старостѣ, объявлялъ ему, что пріѣхалъ помочь нуждающимся, и просилъ его собрать мнѣ стариковъ. Не спрашивая, кто я, отъ кого явился, на чьи средства дѣйствую, староста бѣгомъ отправлялся на деревню, стучалъ усиленно въ окна и требовалъ всѣхъ на «сходку». Черезъ $^1/_2$ часа изба старосты наполнялась народомъ. Были тутъ и старики, и безбородые юноши, появлялись женщины, прибѣгали даже мальчики. Всякій входящій крестился на образа и раскланивался со мною. Въ нѣсколькихъ словахъ я объяснялъ собравшимся, какова цѣль моего пріѣзда, предупреждалъ ихъ, что я совершенно частное лицо, что скрывать имъ отъ меня ничего не слѣдуетъ, и просилъ говорить только правду. Затѣмъ я вызывалъ по очереди представителей отдѣльныхъ хозяйствъ и предлагалъ имъ длинный рядъ вопросовъ. Вотъ они: число душъ въ семьѣ, работниковъ, грудныхъ младенцевъ, дѣтей въ возрастѣ отъ 2-хъ до 10-ти лѣтъ, школьниковъ, больныхъ, ушедшихъ «на сторону»; сколько надѣ-

ловъ земли; сколько арендуется и сколько земли сдается въ аренду; количество лошадей, коровъ, овецъ и свиней въ наличности, прошлой весной и до неурожая 91 г.; чѣмъ топятъ (отвѣтъ: «кой-чѣмъ»), какъ топятъ (по бѣлому, или черному); есть ли капуста и картошка; что получили на обсѣмененіе полей, что отъ земства и Краснаго Креста; сколько недоимокъ, какъ великъ долгъ частнымъ лицамъ; знаютъ ли члены семьи какое либо ремесло. Отвѣты на всѣ эти вопросы давались однимъ лицомъ, остальные съ вниманіемъ слѣдили за нимъ и всякое вольное или невольное уклоненіе отъ истины вызывало возраженіе со стороны другихъ. Наиболѣе труднымъ оказался вопросъ о количествѣ дѣтей въ возрастѣ отъ 2-хъ до 10-ти лѣтъ; мужчины почти всегда уменьшали или увеличивали свое потомство и только благодаря женщинамъ торжествовала правда. «А Митюху чего-жъ ты не пишешь?»—вопрошала обыкновенно какая нибудь женщина, и забывчивый отецъ тотчасъ же просилъ исправить названную цифру, прибавляя: «сына то позабылъ, какъ же, ему всего годковъ восемь, большъ не будетъ». Количество скота, время его распродажи указывались безошибочно; разногласія возникали только по поводу возраста лошадей и коровъ: хозяинъ говорилъ, что у него лошадь и жеребенокъ, сосѣди настаивали, что двѣ лошади, такъ какъ ею уже можно боронить. Впрочемъ, иногда весь сходъ бывалъ склоненъ всѣхъ жеребятъ переводить въ разрядъ лошадей или обратно: молодыхъ, но уже годныхъ для работы лошадей — въ разрядъ жеребятъ; это зависѣло отъ того, какую цѣль видѣли крестьяне въ моей переписи—помощь людямъ или выдачу сѣна для лошадей: они понимали, что объ ихъ экономическомъ положеніи наиболѣе легко судить по количеству скота, и уменьшали его въ первомъ случаѣ; съ другой стороны, имъ было извѣстно, что сѣно и ячмень выдаются почти на всѣхъ лошадей въ деревнѣ и, предполагая второе—помощь лошадямъ—они склонны были дѣлать изъ жеребенка лошадь. Какъ бы то ни было, но нужно сознаться, что собираніе свѣдѣній на сходѣ являлось самымъ удобнымъ, наиболѣе легкимъ и цѣлесообразнымъ, тѣмъ болѣе, что этотъ способъ не только не исключалъ возможности ознакомленія съ положеніемъ семьи у нея въ избѣ, но, наоборотъ, сплошь и рядомъ дополнялся посѣщеніемъ тѣхъ семей, положеніе которыхъ недостаточно выяснялось на сходѣ. По окончаніи переписи я, просмотрѣвъ быстро полученные отвѣты и сравнивъ ихъ мысленно съ таковыми же въ другихъ деревняхъ, объявлялъ сходу, что могу помогать въ такомъ то размѣрѣ такому то числу лицъ, и предлагалъ ему указать мнѣ, кто заслуживаетъ преимущественной помощи и въ какомъ количествѣ (одинъ, или нѣсколько членовъ въ семьѣ). Это—самый тяжелый и непріятный моментъ. Случалось, крестьяне, которые побогаче, узнавъ, что я буду помогать не всѣмъ, недовольнымъ тономъ заявляли, что не-

зачѣмъ было ихъ тревожить и что лучше никому ничего не давать, чѣмъ давать не всѣмъ; но это—исключеніе и, по большей части, они ограничивали свои возраженія указаніемъ на то, что они того же царя подданные, тоже православные, что они тоже подати платятъ и пр. Я указывалъ имъ на недостатокъ средствъ, на неодинаковое положеніе отдѣльныхъ семей и просилъ не торговаться со мной, а помочь въ дѣлѣ, гдѣ они лучшіе судьи, чѣмъ я. Ко мнѣ быстро присоединялась болѣе бѣдная часть деревни, и мы начинали обсужденіе. Въ концѣ концовъ, и тѣ, кто посостоятельнѣе, видя, что имъ, все равно, ничего не получить, вмѣшивались въ пренія, и списокъ составлялся при участіи всего схода. Затѣмъ я объявлялъ, когда можно придти въ Солодилово за полученіемъ помощи, и просилъ явиться всѣхъ, такъ какъ пособіе на руки выдавалось только тѣмъ, кому оно назначено. Такимъ образомъ, мною были переписаны четыре деревни. Хотя онѣ были расположены не въ районѣ Красивой Мечи, который, по справедливости считался наиболѣе пострадавшимъ, а вдали отъ рѣки, но цифры показали, что и тамъ помощь необходима. Предо мною—перепись небольшой деревни Дурновки. Въ ней 26 дворовъ. Землею они обезпечены сравнительно хорошо и тѣмъ не менѣе паденіе количества скота шло очень быстро. До неурожая на 26 дворовъ (правильнѣе, на 21 дворъ, такъ какъ 5 хозяйствъ уже много лѣтъ не имѣли ни лошади, ни коровы, ни даже овцы) приходилось 33 лош. (8 дв.—безлошадныхъ, 6 дв.—съ одною лош., 9 дв.—съ двумя и 3 дв. съ тремя лош.), 17 коровъ, 117 овецъ и 7 свиней; къ веснѣ 93 г.—осталось 17 лош. (11 дв. безлошад., 13 дв.—съ одною лош., и только 2 дв. съ двумя лошадьми), 10 коровъ и 42 овцы; свиней не осталось вовсе. Если сбросить со счетовъ 5 дворовъ, которые, очевидно, своего хозяйства самостоятельно не вели, то получится, что прежде, до голода, на дворъ приходилось: 1,57 лош., 0.81 кор. и 5,57 ов.; въ 93 г.—0,81 (почти на 50% меньше) лошади, 0,47 коровы (уменьшеніе на 40%) и 2 овцы (почти въ 3 р. меньше): въ первомъ случаѣ безлошадные составляли 14,3%, однол-ые—28,5%, двухл. 43% и трехл.—14,3%; къ веснѣ 93 г.: первые—28,5% (увелич. на 100%); вторые—61,9%, третьи—9,5% и четвертые—0,0%. Изъ 26 семей трое живутъ на квартирѣ, а не въ своихъ избахъ, изъ остальныхъ 23-хъ перешли «на черное» 10 дворовъ, по бѣлому топятъ лишь 13 дв.

Наиболѣе сильно пострадала семья Григорія Низова, состоявшая изъ 8 человѣкъ съ однимъ только работникомъ (онъ, его жена, старикъ и старуха, грудной, 3 маленькихъ дѣтей); у него было раньше 3 лошади, корова, 8 овецъ, къ 93 г. осталась только одна лошадь; двѣ другія, корова и всѣ 8 овецъ были проданы и деньги давно прожиты.

Въ это же время переписалъ я еще одну деревню Битюгъ. По слухамъ, она относилась къ числу наименѣе пострадавшихъ, и я

вовсе не собирался ѣхать туда. Но какъ то ко мнѣ явилась депутація изъ 3 крестьянъ и просила помочь Битюгу. Я предупредилъ ихъ, что если результаты переписи дадутъ мало основаній для помощи, я ничего не сдѣлаю и они потеряютъ только время на перепись. Они настаивали, я поѣхалъ. Оказалось, деревня почти процвѣтаетъ, скота много, число его почти не уменьшилось за два года, и я нашелъ нужнымъ оказать пособіе только двумъ семьямъ. Битюговцы были, конечно, очень недовольны мною.

Послѣ всѣхъ этихъ переписей мнѣ не приходилось сидѣть безъ дѣла и предаваться грустнымъ думамъ: ежедневно являлись толпы крестьянъ, вѣрнѣе крестьянокъ (мужчины предпочитали отправлять своихъ женъ; дѣвушки тоже очень неохотно ходили за помощью): нужно было провѣрить пришедшихъ, написать каждому отдѣльный квитокъ, условиться, когда будетъ слѣдующая получка. Солодиловцы, почуявъ, что дѣла мои поправились, тоже зачастили ко мнѣ. Кромѣ того, стали приходить изъ совершенно невѣдомыхъ мнѣ деревень; никакихъ свѣдѣній объ ихъ положеніи я не имѣлъ.

Ѣхать изъ-за одного-двухъ семействъ за нѣсколько верстъ—не было ни времени, ни смысла, и появленіе такихъ чужестранцевъ всегда приводило меня въ замѣшательство. Отсылать людей, которые, зная, что не получатъ больше, чѣмъ 8 ф. пшена и 20—30 ф. хлѣба, т. е. 40 к., шли пѣшкомъ 10—15 верстъ,—у меня не хватало духа. Я разспрашивалъ пришедшихъ объ ихъ положеніи, просилъ указать мнѣ солодиловцевъ, которые знаютъ ихъ нужду, и затѣмъ почти всегда отпускалъ что нибудь, предупреждая, что больше давать не буду и прося передать ихъ односельчанамъ, что у меня нѣтъ средствъ для помощи имъ. Часто такіе чужестранцы являлись съ «удостовѣреніемъ» отъ сельскихъ старостъ, думая, что оно произведетъ на меня желанное воздѣйствіе. Къ сожалѣнію, далеко не всегда можно было разобрать такія «удостовѣренія», еще рѣже удавалось вывести изъ нихъ заключеніе о положеніи просителей. Приведу для примѣра одно: «Есть крестьянская дѣвица безъ родныя Села Лутова Солодиловской волости Прасковія Конова неимѣя на дѣльной земли пособіе получаетъ отъ краснаго креста 1893 мая 12 дня Лутовскій Сельскій Староста Ивонъ Дремочевъ понеуменію граматы прилагаю должностную печать».

По окончаніи всѣхъ переписей я отправился въ П—о, а оттуда—уже съ г. К. въ чернскій уѣздъ, гдѣ мы прожили недѣлю, ежедневно переписывая села для распредѣленія между ними сѣна. Солодиловцы давно уже просили меня раздобыть имъ сѣна, и мнѣ удалось получить отъ г. К. разрѣшеніе на раздачу имъ небольшой партіи. Тотчасъ же по возвращеніи къ себѣ я приступилъ къ этому дѣлу и, по обыкновенію, созвалъ владѣльцевъ лошадей. Но явились и безлошадные и сразу же начали доказывать, что совершенно излишне помогать скоту, когда и люди еле перебиваются,

что «лошадники» могутъ продать лошадей, какъ поступили уже они, когда имъ нечѣмъ было кормить скотъ и пр. Иначе взглянули на дѣло владѣльцы лошадей, хотя и не всѣ одинаково. Тѣ, у кого было по одной лошади, настаивали на своемъ преимущественномъ правѣ на сѣно, присоединяясь къ мнѣнію безлошадниковъ, что вторую лошадь незачѣмъ держать, коли трудно кормить. Безъ лошади обойтись нельзя, но держать двухъ—это ужъ баловство, и я не долженъ поддерживать его: пусть продаютъ вторую, и на вырученныя деньги кормятъ одну лошадь! Двухлошадники въ свою очередь доказывали, что съ одной лошадью, заморенной, голодной—ничего не сдѣлать, нельзя пахать даже; по ихъ мнѣнію, поддерживать нужно именно ихъ, ибо остаться съ одной лошадью—это значитъ потерять всякую надежду на возстановленіе въ будущемъ разстроеннаго хозяйства. Третья лошадь не нужна, но безъ второй обойтись невозможно. Трехлошадники отчасти поддерживали двухлошадниковъ и думали, что больше всѣхъ въ помощи нуждаются именно они: двух- и однолошадники могли и могутъ еще кормить скотъ всякими отбросами, соломой съ крышъ и пр., а они истощили уже всѣ запасы; что же осталось, то, благодаря большому числу лошадей, будетъ съѣдено въ нѣсколько дней,—вотъ почему мнѣ рекомендовалось обратить преимущественное вниманіе на трехлошадниковъ. Укажу еще на одинъ казусъ, происшедшій во время этого схода: я замѣтилъ, что тотъ, кто по моимъ спискамъ значился однолошадникомъ, дѣйствовалъ сообща съ двухлошадниками; оказалось, тотъ жеребенокъ, который два мѣсяца назадъ не шелъ въ счетъ скота (тогда выгоднѣе было казаться побѣднѣе), теперь превратился уже во взрослую лошадь. Пришлось тутъ же на сходѣ провѣрить свою вѣдомость. Въ концѣ концовъ, я отпустилъ сѣно одно- и двухлошадникамъ—по 3—4 пуда на лошадь и только нѣкоторымъ трехлошадникамъ, обремененнымъ большой семьею, 7—10 п. на всѣхъ лошадей. Всего продано мною было 657 пуд. и отпущено даромъ—238 пудовъ.

Пока мы заняты были столовыми, сѣномъ и хлѣбомъ, тифъ захватывалъ все новые районы, все ближе подступалъ къ намъ и главное—принималъ все болѣе и болѣе угрожающіе размѣры. Такъ, по вычисленію предсѣдателя богородицкаго попечительства общества Краснаго Креста, гр. Бобринскаго, число больныхъ, пользовавшихся врачебною помощью въ больницахъ «Краснаго Креста», или у себя на дому, но отъ медицинскаго персонала, командированнаго тѣмъ же обществомъ, достигло весною 1893 года почтенной цифры—2,954 чел.; но графъ Бобринскій оговаривается, что и «эта цифра далеко не опредѣляетъ размѣровъ эпидеміи этого года, такъ какъ до прибытія сестеръ и врачей (въ февралѣ и мартѣ), она была въ полномъ развитіи, да, кромѣ того, не всѣ больные въ уѣздѣ могли воспользоваться нашимъ медицинскимъ персоналомъ, такъ какъ тифъ въ этомъ году отличался своею разбросан-

ностью, и рѣдкое селеніе у насъ осталось по тифу благополучнымъ». Въ силу этихъ соображеній, цифра въ 5—6 тысячъ тифозныхъ въ богородицкомъ уѣздѣ за весну 93 г. не можетъ считаться преувеличенной.

Устроить больницу въ Солодиловѣ на пожертвованныя черезъ насъ средства не было никакой возможности; рѣшили дѣйствовать «viribus conjunctis», совмѣстно съ земствомъ и Краснымъ Крестомъ. Земство отпустило лѣкарства и командировало врача, а затѣмъ и «холернаго» студента, тщетно поджидавшаго холеры и потому охотно отдававшагося тифу; мы съ г. К. изъ пожертвованныхъ намъ денегъ отдали 150 р., Красный Крестъ командировалъ двухъ сестеръ, прислалъ всю больничную обстановку на 40 кроватей и нанялъ 5 человѣкъ прислуги. Помѣщеніе подъ больницу нашлось отличное: въ Солодиловѣ былъ водочный заводъ, прекратившій работу, но еще совсѣмъ новый; при немъ находилась «солодовня»— длинное, каменное, подъ желѣзной крышей, достаточно высокое, мощенное асфальтомъ зданіе. Директоръ завода разрѣшилъ намъ прорубить нѣсколько новыхъ оконъ, поставить печи — и у насъ вышла больница, которой могли бы позавидовать иныя земскія. Средствъ было достаточно: когда наши истощились, графъ Бобринскій приказалъ пекарю Красно-Крестной пекарни выдавать мнѣ столько денегъ, сколько я потребую. Благодаря этому, явилась возможность кормить больныхъ бѣлымъ хлѣбомъ, говядиной, подкрѣплять ихъ силы водкой и пр.

4-го мая, послѣ краткаго молебствія, надъ солодовней взвился бѣлый флагъ съ Краснымъ Крестомъ. Дѣло закипѣло живо: докторъ сталъ объѣзжать окрестныя деревни, осматривалъ больныхъ и присылалъ тифозныхъ въ больницу; солодиловцы сами заявляли о больныхъ и привозили ихъ въ больницу. Докторъ, сестры милосердія, прислуга—работали съ любовью, не щадя здоровья (сестры незадолго передъ тѣмъ оправились отъ тифа, и были еще съ короткими волосами, чѣмъ возбуждали большое неудовольствіе деревенскихъ женщинъ). Докторъ послѣ десятидневнаго посѣщенія больницы заразился тифомъ и былъ перевезенъ въ городъ Богородицкъ; на его мѣсто Красный Крестъ командировалъ другого. Труды увѣнчались успѣхомъ: чѣмъ дальше, тѣмъ большимъ довѣріемъ пользовалась больница, тѣмъ охотнѣе шли туда больные; смертность была ничтожная: при мнѣ за $1^1/_2$ мѣс. умерло 3 тифозныхъ и одинъ мальчикъ, приведенный въ больницу уже полумертвымъ отъ дизентеріи. Но, какъ бы нарочно, всѣ 4 смерти пришлись на три дня подрядъ: это вызвало даже маленькое волненіе среди родственниковъ одного изъ умершихъ и повлекло за собою увозъ нѣсколькихъ больныхъ домой.

Съ открытіемъ больницы совсѣмъ перемѣнилась и моя жизнь: раньше я былъ всегда одинъ, не съ кѣмъ было подѣлиться впечатлѣніями, не съ кѣмъ было посовѣтоваться: П—но лежало

въ 15 вер., и я ѣздилъ туда не особенно часто; съ мѣстнымъ священникомъ знакомство у меня шло туго, другихъ представителей интеллигенціи въ Солодиловѣ не было. Питаться тоже приходилось плохо, главнымъ образомъ, яйцами (передъ Пасхой цѣна на нихъ дошла до 80 к. за десятокъ!), молокомъ, да грибами—«сморчками». Изрѣдка приносили рыбу, изрѣдка добывалъ баранину или говядину. Съ пріѣздомъ докторовъ, студента и сестеръ все перемѣнилось: мы зажили дружной семьей, днемъ вмѣстѣ работали (я завѣдывалъ хозяйствен. стороной больницы), вечеромъ вмѣстѣ ходили за село, пили чай, вмѣстѣ обѣдали и обѣдали хорошо: мясо доставлялось въ больницу, мы покупали заодно; по ночамъ мы долго засиживались у кого нибудь изъ членовъ нашей компаніи. Время шло быстро, и я не замѣтилъ, какъ показалась трава, распустились деревья, наступило лѣто. Вмѣстѣ съ природой—ожило все; скотъ началъ пощипывать травку, люди перестали мерзнуть, нашлись кой какіе заработки, всѣ повеселѣли. Быть можетъ, вслѣдствіе моихъ просьбъ болѣе строгіе старики перестали преслѣдовать молодежь за пѣніе, и дѣвушки возвращались теперь съ работъ (онѣ раскапывали и переносили картофель для завода), наполняя деревню громкой, смѣлой пѣснью...

Я рѣшилъ уѣзжать: средства мои истощились, въ помощь г. К. пріѣхало двое курсистокъ. Быстро ликвидировавъ всѣ дѣла, распрощался я съ своими новыми друзьями и солодиловцами и поѣхалъ на вокзалъ. Дорога игриво вилась посреди полей, на которыхъ уже поднялись рожь и овесъ. Мой извозчикъ—умный волостной судья—все гадалъ о будущемъ, высчитывалъ, черезъ сколько лѣтъ село можетъ совсѣмъ оправиться отъ постигшаго его бѣдствія... бѣдняга, онъ и не думалъ, что въ 97 г. судьба продѣлаетъ надъ Солодиловомъ то, что сдѣлала уже въ 91 и 92 гг. Не думалъ и я, что всего лишь черезъ 5 лѣтъ мнѣ придется читать такія вѣсти изъ богородицкаго уѣзда... Графъ Бобринскій, нынѣ предсѣдатель уѣздной земской управы, пишетъ: «положеніе крестьянъ уѣзда поистинѣ удручающее. Урожай ржи былъ настолько плохъ, что во многихъ обществахъ крестьянамъ пришлось покупать сѣмена; громадныя деньги израсходованы на покупку топлива (въ нашей мѣстности обычное топливо—солома); зажиточные крестьяне уже роздали взаймы весь свой избытокъ хлѣба; землевладѣльцы естественно сократили заработки до минимума, и крестьяне уже давно ихъ проѣли или внесли въ подати, а до новины еще четыре мѣсяца и эти мѣсяцы—трудовые, когда человѣкъ больше ѣстъ, чѣмъ зимой, да и на лошадь надо потратить много муки для посыпки. О спасеніи коровъ, овецъ и молодого скота мы уже не думаемъ (они остались лишь у богачей); дай Богъ, чтобы часть рабочихъ лошадей могла выйти въ поле для весеннихъ работъ.

«Тифъ, этотъ неизбѣжный спутникъ голода и холода, уже начинаетъ разыгрываться по уѣзду и мѣстами принимаетъ эпидемиче-

скій характеръ. Земскія больницы переполнены, много больныхъ лежитъ въ сырыхъ нетопленныхъ избахъ, безъ соответствующей пищи, безъ ухода». *)

Михаилъ Беренштамъ.

Хроника внутренней жизни.

Минское дѣло. Извѣстія изъ неурожайныхъ мѣстностей. Первые шаги общественной благотворительности.

Въ послѣдніе два года каждая весна приносила намъ одно или нѣсколько извѣстій объ еврейскихъ погромахъ. Въ маѣ 1896 года, — именно въ коронаціонные дни, былъ произведенъ толпою погромъ еврейскихъ домовъ, лавокъ и синагоги въ с. Гродовкѣ Бахмутскаго уѣзда. Въ февралѣ прошлаго года произошелъ страшный еврейскій погромъ въ мѣстечкѣ Шполѣ Кіевской губерніи, а въ апрѣлѣ того же года во время Пасхи подверглось разгрому мѣстечко Кантакузовъ. Возникавшіе на почвѣ этихъ безпорядковъ процессы имѣли между собою много общаго. Каждый разъ слѣдствіе тянулось довольно продолжительное время (такъ, дѣло о погромахъ въ мѣстечкахъ Гродовкѣ и Шполахъ до 8 мѣсяцевъ); привлекалась къ суду масса обвиняемыхъ, значительная часть которыхъ освобождалась еще во время слѣдствія, остальные по суду. Въ Бахмутскомъ дѣлѣ привлечено было къ отвѣтственности 71 человѣкъ, изъ которыхъ виновнымъ призналъ себя только одинъ, остальные же утверждали, что настоящіе участники погрома не они, или отговаривались безпамятствомъ по причинѣ пьянства, а нахожденіе у нихъ вещей, награбленныхъ у евреевъ, объясняли тѣмъ, что нашли ихъ валявшимися на улицахъ. Товарищъ прокурора находилъ, что разгромъ произведенъ не изъ религіозныхъ мотивовъ, хотя и былъ начатъ со строившейся синагоги, и не вслѣдствіе экономической вражды, а главнымъ образомъ на почвѣ невѣжества и подъ вліяніемъ пьянства; защита ссылалась на недостаточность уликъ противъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя вошли въ составъ подсудимыхъ. Судебная палата оправдала 21 человѣка, а 50 приговорила къ тюремному заключенію на сроки отъ 2 до 8 мѣсяцевъ. Въ концѣ прошлаго года разсматривался въ Умани, въ уѣздномъ отдѣленіи кіевской судебной палаты, почему то при закрытыхъ дверяхъ, процессъ объ антиеврейскихъ безпорядкахъ въ м. Шполѣ. Изъ 58 обвиняемыхъ 12 оправданы, а остальные при-

*) См. «Новое Время», № 7942.

говорены къ тюремному заключенію на различные сроки. Но судебная палата, въ виду особыхъ обстоятельствъ, рѣшила ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о значительномъ смягченіи назначенныхъ наказаній. — Нѣсколько ранѣе разбиралось и дѣло о погромѣ, бывшемъ въ м. Кантакузовѣ Херсонской губерніи. Тамъ при первыхъ послѣ происшествія арестахъ было захвачено около ста человѣкъ, но относительно большинства ихъ обвиненія скоро отпали, и на судъ предстало всего 14 человѣкъ. Массою свидѣтельскихъ показаній удостовѣрено было, что погромъ произошелъ не вдругъ, а подготовлялся заранѣе; евреи знали о готовившейся бѣдѣ и заявляли о томъ начальству, только подтвердить своихъ опасеній ничѣмъ основательнымъ не могли, почему заявленіямъ ихъ не придано было значенія. Обстоятельства погрома на судѣ обрисовывались такъ, какъ своевременно передавались газетами и, со словъ ихъ, въ нашемъ журналѣ (Рус. Бог. 1897 г. № 5). Судебная палата приговорила одного крестьянина къ двухлѣтнему заключенію въ арестантскія отдѣленія, а тринадцать человѣкъ къ годовому тюремному заключенію.

Антиеврейскій погромъ въ м. Кантакузовѣ разразился 16 апрѣля на Пасхѣ. А всего днемъ ранѣе въ Минскѣ произошло столкновеніе между евреями и солдатами, послужившее канвою для процесса, разбиравшагося недавно (18—22 марта) въ особомъ присутствіи виленской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей. Это любопытное въ бытовомъ отношеніи дѣло является какъ бы противоположностью перечисленнымъ выше. Тамъ потерпѣвшею стороною вездѣ являлось еврейское населеніе, здѣсь 14 человѣкъ евреевъ были привлечены въ качествѣ обвиняемыхъ въ томъ, что «они приняли участіе въ скопищѣ, учинившемъ насиліе надъ нижними чинами вслѣдствіе племенной вражды», какъ формулировалъ свое обвиненіе по статьѣ 269 уложенія о наказаніяхъ прокуроръ въ заключительной рѣчи. Онъ взывалъ въ ней, чтобы судъ сломилъ «гордыню еврейства», и въ происшедшемъ видѣлъ «чудовищный фактъ» оскорбленія русскаго народа, глумленія надъ русскимъ войскомъ, неуваженія къ личности русскаго человѣка. Гражданскій истецъ, россійскій «антисемитъ» прис. повѣр. Шмаковъ тоже говорилъ о «возмездіи», день котораго долженъ настать для евреевъ, объ ихъ гордынѣ и ярости, достойныхъ ужаса. Все это такъ непривычно слышать послѣ обычныхъ впечатлѣній еврейскихъ погромовъ, сопровождаемыхъ паническимъ страхомъ избиваемаго и разграбляемаго еврейскаго населенія, плачемъ ихъ семей, разрушеніемъ ихъ жилищъ и расхищеніемъ имущества, что невольно мысль останавливается въ сомнѣніи передъ подобнымъ обвиненіемъ. И сомнѣніе это найдетъ достаточно пищи въ данныхъ судебнаго слѣдствія. Судебная палата, послѣ трехъ съ половиною часовъ совѣщанія, не нашла въ этомъ дѣлѣ элементовъ племенной вражды къ христіанскому населенію вообще и воинскимъ чинамъ въ частности и

признала лишь пятерыхъ изъ числа 14 подсудимыхъ виновными въ оказаніи сопротивленія вооруженнымъ патрулямъ, приговоривъ ихъ къ лишенію всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ и къ заключенію въ арестантскія отдѣленія на два года.

Разсматривая обстоятельства дѣла и общую картину происходившаго 15-го апрѣля въ Минскѣ, мы не можемъ, однако, согласиться и съ мнѣніемъ защитника Миронова, характеризовавшаго все дѣло, какъ «простую драку, вызванную нарушеніемъ обязанностей нѣкоторыми нижними чинами». Положимъ, безпорядки начались изъ за пустой ссоры еврея съ солдатомъ. Однако, для того, чтобы пустая ссора разгорѣлась въ цѣлое событіе, нужны безъ сомнѣнія своего рода общія основанія. Говорить о томъ, что это была простая драка или нѣсколько отдѣльныхъ столкновеній, когда прилегающія улицы Минска, по выраженію одного изъ свидѣтелей, «почернѣли» отъ возбужденнаго народа, когда въ воздухѣ носилось слово «погромъ» и изъ оконъ синагоги летѣли на землю священныя книги, невозможно. Но лучше всего характеръ происшествія выяснятъ намъ обстоятельства дѣла.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ Минскѣ на 96 тысячъ жителей приблизительно до 60 тысячъ евреевъ. Въ одной 2-ой части города, гдѣ произошли нижеописанныя событія, 33 тысячи населенія почти исключительно еврейскаго. 15 апрѣля, въ виду праздничнаго дня, изъ казармъ, находящихся въ верхней части города, были отпущены въ городъ солдаты стоявшихъ тамъ Серпуховскаго и Коломенскаго полковъ и 30 артиллерійской бригады, а для наблюденія за ихъ поведеніемъ небольшіе патрули изъ 3-хъ человѣкъ солдатъ съ ружьями каждый. Вотъ между этими то нижними военными чинами и евреями и произошло столкновеніе, повлекшее за собою остальные безпорядки, въ теченіе которыхъ могутъ быть отмѣчены два важнѣйшихъ момента: ихъ начало и нападеніе евреевъ на патруль изъ трехъ рядовыхъ Левченко, Гусева и Зайкина, и затѣмъ обстоятельства, сопровождавшія дѣйствія усиленнаго патруля изъ 20 нижнихъ чиновъ подъ командою подпоручика Голлашека, явившагося для «усмиренія бунта». Началось дѣло съ того, что часовъ около 5 на Нижнемъ Базарѣ трое солдатъ заспорили съ евреями о преимуществахъ службы тѣхъ и другихъ. Евреи утверждали, что они служили сами и знаютъ службу, солдаты же говорили евреямъ: «Много ли вы служили, мы служимъ больше». Слово за слово споръ разгорѣлся до того, что одинъ изъ евреевъ плюнулъ на солдата. Тотъ толкнулъ еврея, еврей въ свою очередь ударилъ солдата; въ дракѣ приняли участіе присутствовавшіе, въ томъ числѣ и патрульные, бывшіе свидѣтелями ссоры. По показанію главнаго свидѣтеля начала драки (Сосновскаго) солдаты безъ ружей были пьяны, а патрульные пьяны не были, и бились прикладами. Явившійся на мѣсто происшествія городовой повелъ двухъ патрульныхъ въ часть, а по томъ и третьяго по настоянію евреевъ, которые жаловались, что

онъ ихъ «колетъ». Драка была общая, принимали участіе въ ней обѣ стороны равно—и евреи, и христіане, и собственно чего либо особеннаго въ этомъ еще не было: по выраженію одного изъ свидѣтелей, «въ воскресенье постоянно такъ, тамъ всегда драки бываютъ». Когда толпа, принимавшая участіе въ дракѣ, увеличилась, евреи на базарѣ стали запирать лавки. Съ площади возбужденіе перешло на сосѣднія улицы, и отдѣльные солдаты, музыканты и фельдшерскіе ученики, а также и нѣкоторыя частныя лица подверглись побоямъ со стороны евреевъ.

О происходившемъ на Нижнемъ Базарѣ какіе то русскіе сообщили патрулю, наряженному отъ Коломенскаго полка въ составѣ ефрейтора Левченко и рядовыхъ Гусева и Зайкина, которые немедленно же направились туда. Но, когда они стали подходить къ желѣзнымъ лавкамъ, оттуда выбѣжали евреи и толпою напали на нихъ: разъединивъ патрульныхъ, евреи стали наносить имъ побои. У Левченко отобрали ружье и нѣсколько разъ ударяли палкою, но и солдаты защищались прикладами. Явившіеся на мѣсто городовые, чтобы оградить солдатъ отъ дальнѣйшихъ нападеній, отвели ихъ въ часть, а также задержали и двоихъ изъ евреевъ. Позднѣе былъ, по указанію свидѣтелей, привлеченъ къ отвѣтственности за насильственныя дѣйствія противъ солдатъ еще одинъ еврей, Мовша Котинъ, служившій однако наглядныиъ доказательствомъ того, что и солдаты не оставались въ долгу передъ евреями: въ день нападенія евреевъ на солдатъ онъ поступилъ на излѣченіе въ еврейскій госпиталь со знаками насилія: кровоподтекомъ на лѣвомъ предплечіи и раною на головѣ въ области праваго темени, на что указывается въ самомъ обвинительномъ актѣ. Въ этой дракѣ съ солдатами, какъ показывалъ ночной сторожъ Кушнеръ, главнымъ образомъ, участвовали работники изъ сапожниковъ, народъ оборванный, а съ ними вмѣстѣ въ дракѣ свидѣтель замѣтилъ русскихъ, тоже изъ сапожниковъ подмастерьевъ, изъ которыхъ четверыхъ свидѣтель назвалъ, добавивъ, что это босяки, которые вмѣстѣ съ такими-же босяками евреями изъ сапожниковъ составляютъ одну *хевру*, т. е. шайку. Заступались за солдатъ, по просьбѣ свидѣтеля, мясники. На вопросъ защиты свидѣтель пояснилъ, *мясники на базарѣ исключительно евреи*.

Къ 6 часамъ вечера, повидимому, возбужденіе улеглось: это подтверждаютъ многіе свидѣтели, явившіеся на мѣсто событія и нашедшіе совсѣмъ не то, что ожидали: полк. Ѳедоровъ, пом. прист. Книга и проч. Если гдѣ и замѣчались группы евреевъ, то по приглашенію полиціи они расходились, немедля. Вообще и во все время ранѣе происходившихъ безпорядковъ полицейскіе чины дѣйствовали вполнѣ безпрепятственно, задерживали, кого находили нужнымъ, разгоняли толпу, не встрѣчая сопротивленія. Къ нимъ обращались съ обоюдными жалобами. Полиціймейстеръ Закалинскій

заявилъ на судебномъ слѣдствіи, что приставъ 2 части телефонировалъ ему въ 6 час. вечера, что солдаты бьютъ евреевъ.

Нѣкоторое затишье, наступившее часамъ къ 6, заключило собою первый актъ происшедшихъ волненій. Но тутъ именно произошло нѣчто, вызвавшее безпорядки несравненно болѣе серьезнаго характера. Въ 6½ час. вечера поручикъ Голлашекъ получилъ приказаніе, какъ дежурный, выслать усиленный патруль и принять мѣры, чтобы слѣдить за поведеніемъ солдатъ. Онъ назначилъ около 20 человѣкъ патрульныхъ солдатъ съ унтеръ-офицеромъ и самъ отправился съ ними изъ казармъ въ городъ, но не въ качествѣ начальника команды, а лишь для наблюденія за солдатами. Но, когда солдаты пришли на Торговую улицу, тамъ оказалась большая толпа евреевъ. Кто то крикнулъ: «Нашихъ бьютъ!» Патрульные бросились въ толпу, разбились, подп. Голлашекъ принялъ на себя команду, которая однако заключалась, повидимому, лишь въ томъ, что онъ съ обнаженной шашкой принималъ участіе въ общей суматохѣ. Цѣлый рядъ свидѣтелей (Шавель Мохтей, Рахмановичъ, Холмскій) показываютъ, что они видѣли офицера, который бѣжалъ впереди солдатъ и кричалъ: «Бей жидовъ». Евреи на этотъ натискъ вооруженныхъ солдатъ отвѣтили тѣмъ, что изъ домовъ и воротъ полетѣли камни, палки. То же повторилось на слѣдующей улицѣ. Впереди бѣжавшихъ солдатъ евреи запирали лавки, къ этому приглашала ихъ сама полиція; одинъ изъ городовыхъ кричалъ: «запирайте лавки, бѣгите, солдаты идутъ».

Поручикъ Олешкевичъ, явившійся на мѣсто безпорядковъ съ 12 солдатами, взятыми во дворѣ части, увидѣлъ около желѣзныхъ лавокъ большую толпу, среди которой блестѣли штыки; это поручикъ Голлашекъ пробирался со своимъ отрядомъ на площадь. Около лавокъ какія то ворота то отворялись, то затворялись подъ напоромъ толпы, въ которой были какіе то русскіе, въ томъ числѣ солдаты (показаніе служащаго въ окр. судѣ Корневича). Въ окнахъ и на балконахъ были люди, во дворѣ евреи спрятались на лѣстницѣ, бросали камнями, изъ оконъ летѣли камни, полѣнья. Унявъ драку, свидѣтель прошелъ на Соборную площадь, гдѣ встрѣтилъ подп. Голлашека и его солдатъ, окруженныхъ толпою. Одинъ изъ евреевъ Капланъ схватился съ солдатомъ, стоявшимъ около подп. Голлашека, пытался отнять у него ружье, потомъ замахнулся палкою на самого Голлашека, но былъ удержанъ и арестованъ. Патрульные солдаты, разсѣявшись и смѣшавшись съ прочими солдатами, бывшими на улицахъ, и съ босяками, очевидно, допускали безчинства: разбили винную лавку Беккермана, ворвались въ одну парикмахерскую, тамъ ударили прикладомъ работавшаго въ ней еврея Лейкина, ударили старуху 60 лѣтъ, которая черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умерла въ больницѣ. Ударили прикладомъ самоваръ, стоявшій на окнѣ, и клѣтку съ канарейкой; самоваръ упалъ на улицу. Какіе то люди ворвались во дворъ сина-

гоги, изъ оконъ которой выбрасывали еврейскія книги, повидимому, священныя, судя по кожаным переплетамъ. Одинъ изъ свидѣтелей показывалъ, что книги изъ синагоги выносились евреями, но что онъ видѣлъ, какъ солдатъ топталъ ногами книгу, и запретилъ ему это дѣлать (Цварко). Въ общей суматохѣ и дракѣ все смѣшалось: одного дворника христіанина на глазахъ подп. Голлашека ударилъ солдатъ, только потому, что онъ былъ похожъ на еврея. Поручикъ Чайковскій видѣлъ, какъ бѣжитъ еврей, за нимъ солдатъ съ ружьемъ, за солдатомъ опять еврей, затѣмъ опять солдатъ...

«Усмирительной» кампаніей подп. Голлашека безпорядки такъ или иначе закончились, при болѣе, однако, существенномъ содѣйствіи полиціи. Подведемъ нѣкоторые итоги. Прокуроръ въ своей рѣчи говоритъ: «Если здраво обсудить дѣло, то увидимъ, что единственной жертвой была канарейка, которая пала славной смертью на полѣ брани». Это не вполнѣ вѣрно. Убитыхъ дѣйствительно не было ни съ той, ни съ другой стороны. Но тѣлесныя поврежденія болѣе или менѣе серьезныя были получены, очевидно, многими. Врачи Еліазбергъ, Шапиро, Полякъ на судебномъ слѣдствіи разсказывали, что ихъ призывали лѣчить раненыхъ и избитыхъ евреевъ. Одинъ больной болѣе сутокъ находился въ безсознательномъ состояніи, оказалось сотрясеніе мозга. Въ больницу поступило 5 человѣкъ съ тяжелыми поврежденіями, но было много получившихъ раны или ушибы, лѣчившихся на дому или приходившихъ. Былъ раненый штыкомъ въ спину. Были раненые ударами въ голову. Одинъ старикъ еврей объяснялъ врачамъ, что онъ сидѣлъ въ лавкѣ, а вбѣжавшій солдатъ ударилъ его по головѣ прикладомъ. Слѣды побоевъ были у солдатъ, но поврежденія эти, очевидно, относились къ разряду легкихъ: черезъ двѣ недѣли, по медицинскому освидѣтельствованію, у одного солдата найдена была ссадина съ булавочную головку, у другого ссадина въ два сантиметра, у третьяго три темныхъ пятна—и только. Матеріальные убытки со стороны военныхъ чиновъ были исчислены въ 20 руб. 40 коп. за поврежденное ружье; что же касается убытковъ, понесенныхъ евреями, то о нихъ въ судъ не было заявлено, но въ общей суммѣ они, очевидно, были довольно значительны. Стекла въ окнахъ многихъ домовъ были разбиты. Старшій городовой Багдѣй на судѣ показывалъ, что уже послѣ драки еврей Бекерманъ заявилъ ему, что солдаты разбили окна въ кабакѣ и захватили нѣсколько бутылокъ водки. По приказу пристава онъ былъ на мѣстѣ и убѣдился, что окна разбиты, въ одномъ выломаны переплеты, а стойка съ водками, бывшая на окнѣ, опрокинута, и бутылки на полу разбиты. Окна въ синагогѣ оказались побиты. Свидѣтель доложилъ приставу, но дальнѣйшихъ распоряженій не получалъ. Во время безпорядковъ Бекерманъ заявлялъ о бывшемъ у него погромѣ нѣсколькимъ полицейскимъ, но на предварительномъ слѣдствіи умолчалъ.

Переходя къ вопросу объ основательности обвиненія отдѣльныхъ

подсудимыхъ, слѣдуетъ сказать, что она оставляла желать многаго. Отъ обвиненія двоихъ изъ привлеченныхъ къ суду въ результатѣ судебнаго слѣдствія отказался и самъ прокуроръ: одинъ еврей былъ привлеченъ по недоразумѣнію, другой по явно ложному показанію, а между тѣмъ просидѣлъ болѣе полугода въ тюрьмѣ. Обвиненіе противъ многихъ изъ привлеченныхъ строилось на показаніяхъ нѣкоихъ Невѣдомскаго, Кривицкаго и Чаура, о которыхъ на судѣ полиція отозвалась, что всѣ они люди безъ опредѣленныхъ занятій. Невѣдомскій прежде былъ извѣстенъ какъ жуликъ, Кривицкій буянъ пьяница и сидѣлъ въ тюрьмѣ, Чауръ занимается писаніемъ прошеній по кабакамъ. Кривицкій на судѣ самъ признался, что онъ взялъ у евреевъ деньги, чтобы показывать въ ихъ пользу, деньги эти истратилъ, а потомъ доносилъ на отдѣльныхъ лицъ. Естественно послѣ этого, что девять подсудимыхъ палатою были оправданы, и лишь пять человѣкъ, Капланъ, Губичъ Котинъ, Румановъ и Кугель признаны виновными въ оказаніи сопротивленія вооруженнымъ патрулямъ и приговорены къ лишенію всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ и къ заключенію въ арестантскія отдѣленія на 2 года. Защита на судѣ подвергла сомнѣнію самый характеръ тѣхъ отрядовъ, которые посылались для наблюденія за солдатами и именовались патрулями. По ея мнѣнію, только артиллерійскій патруль, во главѣ съ помощникомъ пристава Бернадскимъ, дѣйствительно соотвѣтствовалъ требованіямъ закона, ибо *патрулемъ для даннаго случая называются въ уставѣ о гарнизонной службѣ тѣ части войскъ, которыя поступаютъ въ распоряженіе административной власти.* Остальныя команды, посланныя для наблюденія за нижними чинами, исполняли обязанности внутренней службы; объ этихъ командахъ ничего не сказано въ уставѣ о гарнизонной службѣ, онѣ были безъ боевыхъ патроновъ и ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть названы патрулями въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова. Но палата не признала, очевидно, доводы защиты основательными.

Обратимся теперь къ вопросу о томъ, въ чемъ же заключался нервъ того возбужденія, которое подняло въ этомъ событіи на ноги весь городъ. Прокуроръ въ своей рѣчи говорилъ, что «самой важной чертой въ этомъ дѣлѣ является племенная и религіозная вражда». Палата вполнѣ основательно отвергла существованіе въ дѣлѣ этой вражды. Да и дѣйствительно, мы видѣли, что первоначальная ссора возникла по поводу, не имѣющему ничего общаго ни съ племеннымъ различіемъ, ни съ религіею, что въ дальнѣйшихъ безпорядкахъ евреи мясники защищали православныхъ, а русскіе сапожники присоединились къ сапожникамъ евреямъ. Гражданскій истецъ прис. повѣр. Шмаковъ, отстаивая искъ полка цѣнностью въ 20 р. 40 коп., воспользовался этимъ, чтобы разразиться патетической рѣчью противъ еврейской гордыни, ярости и жестокости, которая, якобы, проявилась въ этомъ дѣлѣ. Онъ восходилъ

ко временамъ Вавилонскаго плѣненія, цитировалъ Цицерона, Дизраэли и даже какого то римскаго полиціймейстера, (?) сказавшаго будто бы: «О! еслибы оружіе Помпея и могущество Тита не разрушили Іудеи, то намъ бы плохо пришлось!» (Б. Вѣд. № 86), возвращался къ событіямъ и словамъ болѣе современнымъ, къ процессу Золя и Дрейфуса, читалъ нѣмецкіе стихи, обрушивая все это на головы какихъ то несчастныхъ Израиля Сеглина и Веніамина Фрумкина — желѣзоторговцевъ, впослѣдствіи оправданныхъ. Но громы его и вся его ученая эрудиція, вплоть до 134 параграфа книги Шулханъ-Аруха, которымъ онъ хотѣлъ уязвить одного изъ свидѣтелей, очевидно, не имѣли успѣха.

Какъ остроумно замѣтилъ прис. повѣр. Мироновъ, г. Шмаковъ въ своей рѣчи и настроеніи именно и обнаружилъ ту племенную вражду, которой не было въ дѣлѣ и которую онъ стремился внушить судьямъ. Но, если не было дѣйствительныхъ проявленій племенной или религіозной вражды, то что же было? Погромъ? Прокуроръ утверждаетъ, что погрома не было, кто то говорилъ, что его и не можетъ быть въ Минскѣ. Послѣднее отнюдь не вѣрно. Ходили же на другой день послѣ происшествія слухи, что рабочіе изъ московскихъ мастерскихъ собираются громить евреевъ, возбуждая общую тревогу наряду съ разсказами о томъ, что было наканунѣ, что убитъ артиллерійскій офицеръ и проч. На судебномъ слѣдствіи свидѣтель Хапелесъ (раввинъ) показывалъ, что отправлялся на засѣданіе въ одно благотворительное общество и встрѣтилъ возбужденныхъ евреевъ, которые говорили о бывшей дракѣ и выражали опасенія, чтобы не было погрома. *Въ то время евреи очень были напуганы погромами въ Шполѣ и другихъ мѣстахъ.*

Дѣйствительнаго погрома въ Минскѣ не было, но тѣнь погрома, боязнь его носилась надъ городомъ въ воображеніи напуганнаго населенія, подняла его на ноги и держала въ возбужденномъ настроеніи, которое у отдѣльныхъ, болѣе экспансивныхъ личностей выражалось и въ насильственныхъ дѣйствіяхъ, тѣмъ болѣе, что факты давали достаточную пищу для раздраженія: разгромъ синагоги, лавки Бекермана, парикмахерской, поведеніе патрульныхъ Голлашека и проч. Многіе свидѣтели слышали крики: «Погромъ!»; передавались слухи о немъ, какъ о чемъ то дѣйствительномъ, боязнь его заставляла закрывать лавки, что въ свою очередь увеличивало панику. Тутъ было много недоразумѣнія, но такого, которое могло выразиться и въ еще болѣе печальныхъ формахъ, чѣмъ оказалось въ дѣйствительности.

Съ другой стороны, если ужъ говорить о неуваженіи къ русскому народу, къ личности, собственности, то въ дѣлѣ есть достаточно фактовъ, чтобы обвиненіе это не оставалось одностороннимъ. Развѣ поведеніе солдатъ въ парикмахерской показывало уваженіе къ личности и собственности? По показанію нѣсколькихъ свидѣте-

лей одинъ изъ приступовъ драки начался съ того, что солдаты самовольно взяли съ лотка булки, въ другомъ случаѣ солдатъ что то торговалъ у еврейки, она не хотѣла продавать товара и не брала денегъ, тотъ настаивалъ, и вотъ поднялась ссора.

Характернымъ въ бытовомъ отношеніи эпизодомъ прошелъ на судебномъ слѣдствіи разсказъ поручика Ч. Онъ вызванъ былъ стороною обвиненія, чтобы доказать на своемъ примѣрѣ фактъ существованія племенной вражды евреевъ къ русскимъ. Онъ разсказалъ слѣдующее. Онъ отдалъ еврею портному передѣлать мундиръ; былъ назначенъ смотръ, мундиръ оказался ему крайне нуженъ. Когда онъ явился за мундиромъ, хозяина не было, а жена не хотѣла никакъ отдать безъ денегъ, хотя свидѣтель убѣждалъ, что 20-го уплатитъ. Онъ хотѣлъ уйти съ мундиромъ, но заперли двери, тогда онъ вынужденъ былъ вынуть шашку, разбить окно и его пустили,—онъ ушелъ съ мундиромъ. Это показываетъ, съ какимъ неуваженіемъ относятся евреи къ военнымъ. Поручикъ понесъ однако отъ своего начальства легкое наказаніе за свой поступокъ.

По показаніямъ одного изъ свидѣтелей, евреи въ Минскѣ и задорнѣе, и смѣлѣе, чѣмъ въ Варшавѣ и другихъ мѣстахъ. Можетъ быть, это и правда, но общая атмосфера неуваженія къ еврейской личности, того неуваженія, которое даже человѣку образованному, част. повѣр. Малышеву, позволило сказать во всеуслышаніе на судѣ: «Я нахожу страннымъ, что защита требуетъ, чтобы еврея судили не какъ еврея, а какъ общечеловѣка», эта атмосфера неуваженія къ личности даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу и минскимъ евреямъ. Естественно, что приниженные и робкіе въ отдѣльности, они способны дойти до высшей степени возбужденія въ толпѣ, гдѣ одинъ другого наэлектризовываетъ, гдѣ они чувствуютъ свою силу. И тутъ то нужнѣе всего было бы по отношенію къ нимъ спокойное и выдержанное примѣненіе законныхъ мѣръ. Было ли это на самомъ дѣлѣ?

При чтеніи многихъ эпизодовъ минскаго дѣла, намъ невольно вспоминается одно мѣсто изъ Тургеневскаго разсказа: «Конецъ Чертопханова». Проѣзжая однажды верхомъ по сосѣдней деревнѣ, Чертопхановъ услыхалъ мужичій гамъ и крикъ толпы около кабака. Посреди этой толпы, на одномъ и томъ же мѣстѣ, безпрестанно поднимались и опускались дюжія руки.

— Что тамъ такое происходитъ? — спросилъ Чертопхановъ свойственнымъ ему начальническимъ тономъ у старой бабы, стоявшей у порога своей избы.

У ногъ бабы сидѣлъ бѣлоголовый мальчишка, цыпленокъ тутъ же долбилъ задеревенѣлую корку ржаного хлѣба.

— А Господь вѣдаетъ, батюшка,—отвѣчала старуха,—слышно наши ребята жида бьютъ.

— Какъ жида? какого жида?

— А Господь его вѣдаетъ, батюшка. Проявился у насъ жидъ

какой то, и отколѣ его принесло—кто его знаетъ? Вася, иди, сударикъ, къ мамѣ: кшъ, кшъ, поскудный!

Баба спугнула цыпленка, а Вася ухватился за ея паневу.

— Такъ вотъ его и бьютъ, сударь ты мой.

— Какъ бьютъ? за что?

— А не знаю, батюшка. Стало за дѣло. Да и какъ не бить? Вѣдь онъ, батюшка, Христа распялъ!

Чертопхановъ гикнулъ, вытянулъ лошадь нагайкой по шеѣ, помчался прямо на толпу—и, ворвавшись въ нее, началъ той же самой нагайкой безъ разбору лупить мужиковъ направо и налѣво, приговаривая прерывистымъ голосомъ:

— Само...управство! Само...управство! Законъ долженъ наказывать—а не частныя ли...ца! Законъ! Законъ!! За...ко...онъ!!!

Двухъ минутъ не прошло, какъ уже вся толпа отхлынула въ разныя стороны, и на землѣ, передъ дверью кабака, оказалось небольшое, худощавое, черномазое существо въ нанковомъ кафтанѣ, растрепанное и истерзанное...

. . . .

Когда Чертопхановъ, приказавъ несчастному еврею слѣдовать за его лошадью, обернулся къ толпѣ и заявилъ, кто онъ, и что они могутъ жаловаться, кому заблагоразсудится, на него и кстати на жида, онъ получилъ отвѣтъ:

— Зачѣмъ жаловаться? Мы, батюшка Пантелей Еремѣичъ, твою милость хорошо знаемъ; много твоей милостью довольны, что поучилъ насъ!—а съ нехристя того мы свое возьмемъ! Онъ отъ насъ не уйдетъ! Мы его, значитъ какъ зайца въ полѣ...»

Вглядываясь въ фигуры и въ отдѣльные эпизоды минскаго дѣла, не узнаете ли вы въ нихъ персонажи и черты, съ обычнымъ остроуміемъ отмѣченные въ выше приведенной сценѣ нашимъ писателемъ? Развѣ не практиковалось въ немъ то же своеобразное пониманіе границъ закона и самоуправства, которое обнаружилъ дворянинъ Чертопхановъ.

А сколько жестокой правды заключается до сихъ поръ въ этомъ самоувѣренномъ восклицаніи: «А съ нехристя того мы свое возьмемъ! Онъ отъ насъ не уйдетъ». Повседневная жизнь то на томъ, то на другомъ примѣрѣ оправдываетъ эту увѣренность. Вотъ недавно встрѣченный нами случай въ одной изъ провинціальныхъ газетъ. Въ клубѣ одного изъ окраинныхъ городовъ во время вечера или маскарада въ одной изъ залъ произошло какое то замѣшательство, встревожившее публику. Появляется старшина клуба и громогласно всѣхъ успокаиваетъ: «Господа! успокойтесь! Ничего важнаго не произошло. Тамъ жидка побили». Это въ клубѣ, среди публики средняго круга. А въ Одессѣ, на Новомъ рынкѣ репортеръ мѣстной газеты видѣлъ такую сцену: днемъ около 12 часовъ побили на площади какую то женщину. Когда она уже была избита, въ толпѣ раздались голоса:—«Да это не жидовка!—Какъ не жидовка?—Нѣту!—А я ду-

малъ жидовка проклятая!..» (Од. Н. № 3998). Ну да, вѣдь, это пустяки, небольшое недоразумѣніе. И во время минскихъ безпорядковъ тоже нечаянно ударили въ одномъ случаѣ дворника, въ другомъ татарина въ виду сходства ихъ съ евреями. О томъ и другомъ случаѣ на судѣ показывала полиція: помощникъ пристава Шаркевичъ и городовой. Присяжный повѣренный Шмаковъ въ своей рѣчи не придаетъ этому особаго значенія, находя, что это было вполнѣ естественно, какъ, вѣроятно, не придали особаго значенія своей ошибкѣ и тѣ, кто избили женщину на Новомъ рынкѣ. На чемъ держится такое безразличіе? Очевидно, на томъ, что изъ за представленія объ евреѣ, утеряно понятіе о человѣкѣ, о личности и ея правахъ. Чего же требовать отъ темной и огрубѣвшей толпы, если даже г. Малышевъ заявляетъ: «Я нахожу страннымъ, что защита требуетъ, чтобы еврея судили не какъ еврея, а какъ общечеловѣка»?

Если до сихъ поръ у кого либо могло оставаться сомнѣніе въ серьезности кризиса, переживаемаго населеніемъ того обширнаго района 16 губерній, который постигнутъ неурожаемъ 1897 года, то теперь для подобныхъ сомнѣній, очевидно, нѣтъ уже мѣста. Мы имѣемъ дѣло на этотъ разъ не съ предвѣщаніями или тревожными опасеніями, а съ фактами жестокой дѣйствительности. Не случайно и не исподтишка подкралась эта вопіющая нужда къ деревнѣ: населеніе не могло не видѣть, какъ она приближается къ нему, неизбѣжная и неумолимая, и не видѣть этого можно было только по равнодушію, или безучастію, или халатности. Что и того и другого на этотъ разъ было допущено достаточно, ясно показываетъ и внезапный наплывъ раскрывающихся фактовъ, и торопливость въ принятіи мѣръ общественной помощи, и тревожный тонъ отдѣльныхъ обращеній къ ней съ мѣстъ нужды. Медленный ходъ мѣстныхъ ходатайствъ о продовольственной помощи черезъ всѣ административныя и земскія инстанціи, сопровождаемый недовѣрчивымъ къ нимъ отношеніемъ и стремленіемъ къ экономіи и «урѣзыванію», вялое и скептическое отношеніе общественной благотворительности къ печальнымъ сообщеніямъ, приходившимъ съ разныхъ сторонъ, все это заключилось тѣмъ, что важность наблюдаемыхъ явленій была сознана уже въ самый моментъ схватки населенія съ нуждою, схватки роковой для многихъ слабыхъ и обезсиленныхъ. Мѣсяцы, которые теперь переживаетъ земледѣльческое населеніе неурожайныхъ мѣстностей, истощившее всѣ свои запасы, распродавшее скотъ, инвентарь, напередъ запродавшее свой трудъ, свои послѣднія упадающія силы,—эти мѣсяцы оставятъ глубокій, неизгладимый слѣдъ въ жизни и хозяйствѣ деревни.

Теперь уже нельзя пожаловаться на недостатокъ извѣстій съ мѣстъ, пораженныхъ неурожаемъ. И на этотъ разъ мы безъ труда могли бы

привести въ выдержкахъ рядъ корреспонденцій изъ разныхъ уѣздовъ, испытывающихъ особенную нужду, корреспонденцій болѣе или менѣе яркихъ и поражающихъ, но это въ значительной степени было бы повтореніемъ все тѣхъ же чертъ, которыми проявляется достигающее своего апогея бѣдствіе. Эти черты сливаются въ одну общую картину, которая охватываетъ своими рамками значительную часть земледѣльческой Россіи. Въ засѣданіи комитета, организованнаго при Императорскомъ Вольно-Экономическомъ обществѣ для оказанія помощи пострадавшимъ отъ неурожая, состоявшемся 15 апрѣля, сдѣлана была попытка подвести итоги размѣровъ бѣдствія. «Изъ 16 пострадавшихъ губерній 7 находятся въ наиболѣе ужасномъ положеніи и образуютъ пространство въ 360,000 кв. верстъ съ населеніемъ въ 14 милліоновъ человѣкъ. Общая картина такова, что мы имѣемъ дѣло не съ продовольственной нуждой, какъ деликатно называютъ эту грозно надвигающуюся тучу, а съ настоящимъ голодомъ, со всѣми его прелестями: тифомъ, камнемъ вмѣсто хлѣба, отсутствіемъ топлива и проч.» («Б. В.» № 103).

Тамъ и сямъ открывшіяся и дѣйствующія мѣстныя попечительства и частныя лица, принявшія на себя заботу о наиболѣе нуждающихся: старикахъ, дѣтяхъ, ученикахъ народныхъ школъ, больныхъ, положительно изнываютъ отъ недостатка средствъ и сознанія всей величины бѣдствія, которое ихъ окружаетъ, обилія несчастныхъ, которые возлагаютъ на нихъ свои надежды. Вотъ что пишетъ, напр., народная учительница г-жа Каменская въ комитетъ Имп. Вол. Экон. Общества изъ Козловскаго у. Тамбовской губ. «Положеніе крестьянъ моего села очень тяжелое, а помощь отъ земства получилась лишь въ видѣ открытой у насъ пекарни, гдѣ хлѣбъ продается по 1½ коп. Такъ какъ всѣ сидятъ безъ хлѣба и безъ денегъ, то эта пекарня лишь горечь вливаетъ въ жизнь крестьянъ: просятъ открыть имъ кредитъ и уплату причислить къ податямъ, но въ этомъ имъ отказывается. Земскій начальникъ возложилъ на меня завѣдываніе пекарнею, и мнѣ достовѣрно извѣстно, какая масса голодныхъ обращается въ нее за хлѣбомъ, не получая изъ нея ни единаго фунта. На моихъ рукахъ 109 учениковъ, которыхъ я кормлю обѣдомъ и которымъ я покупаю хлѣбъ къ обѣду изъ своего 12-рублеваго жалованья. Присылаемые 10 руб. употребляю на самый обѣдъ, но хлѣбъ къ нему могу покупать едва на ½ учениковъ. Такимъ образомъ, я принуждена безучастно смотрѣть на голодъ десятковъ дворовъ. Есть семьи, которыя не имѣютъ теплаго платья, поэтому по міру не ходятъ, живя бѣдственнѣе всякаго нищаго; есть семьи, гдѣ старики—больные, а дѣти слишкомъ малы для собиранія милостыни. Въ одной семьѣ пять дѣтей круглыхъ сиротъ, самой старшей 8 лѣтъ; взяты они всѣ теткой-вдовой, безземельной крестьянкой, отъ только что умершихъ въ нуждѣ родителей. «Какъ бросить однихъ дѣтей и идти по міру?—жалуется она мнѣ. Вотъ, говоритъ, плачемъ вмѣстѣ». А отъ священника столько

ужасовъ о бѣдственномъ положеніи крестьянъ слышу ежедневно, что нѣтъ силъ обходить голодныхъ безучастно... («Б. В.» № 103).

Извѣстный сельскій хозяинъ П. И. Левицкій изъ чернскаго уѣзда Тульской губ. писалъ туда же отъ 8 апрѣля: «Я состою предсѣдателемъ Алексѣевскаго попечительства. Ссуда мукою выдана только на мартъ и апрѣль и только на не рабочихъ членовъ семьи, женщинъ и дѣтей, по 30 фунтовъ въ мѣсяцъ и по $1^1/_2$ пуда въ мѣсяцъ на 1 лошадь въ каждомъ дворѣ. По случаю этой не полной выдачи и полнаго отсутствія заработковъ и запасовъ — ѣли ссуду и рабочіе члены семьи, и чѣмъ будутъ кормиться дальше, примѣрно до половины іюля—вполнѣ неизвѣстно. Начинаютъ уже показываться послѣдствія голодовокъ, т. е. тифы. Помощь извнѣ необходима. Населеніе, если продержится, то это достигнется только полнымъ разореніемъ, т. е. промѣномъ необходимаго скуднаго инвентаря на хлѣбъ; скоро явятся вѣроятно и суррогаты хлѣба— сорная паровая растительность, вонюка и др. травы, также гнилые мороженые остатки забытаго въ поляхъ картофеля». («Нов. Вр.» № 7948).

М. Г. Колямскій, продовольственный попечитель въ елецкомъ уѣздѣ, писалъ оттуда слѣдующее: «Въ нашей мѣстности вслѣдствіе неурожая прошлаго 1897 года сильный голодъ. Средствъ для прокормленія людей такъ мало, что врядъ ли достанетъ ихъ до Святой недѣли; у нѣкоторыхъ многосемейныхъ ихъ нѣтъ и теперь. Нѣтъ урожая, нѣтъ соломы, а потому скотъ гибнетъ отъ безкормицы. Купить солому могутъ не всѣ, да и той нѣтъ,—вся продана или скормлена за продолжительную зиму. Въ моемъ участкѣ до двухъ тысячъ человѣкъ нуждаются въ поддержкѣ, считая взрослыхъ и дѣтей. Особенно тяжело отзывается голодъ на дѣтахъ. Грустно смотрѣть на эту тяжелую картину, а помочь нѣтъ средствъ. По опыту прошлыхъ 1891 и 1892 голодныхъ годовъ надо для поддержанія жизни одного человѣка 4—5 к. въ день, или отъ 1 руб. 20 коп. до 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ, а для поддержанія жизни крупнаго рогатаго скота и лошади отъ 3 до 4 р. въ мѣсяцъ на голову». («Рус. Вѣд.» № 95).

Отовсюду пишутъ, что соломенныя крыши сняты и скормлены скоту или пошли на топливо, жгутъ риги, амбары, дворы, изгороди, даже лавки и полы избъ. По 20 человѣкъ собираются въ одной избѣ, чтобы съэкономить на топливѣ. Бывали случаи, что наиболѣе бѣднымъ выдавалось попечительствомъ или частными лицами даровое топливо, но и тутъ затрудненіе: обезсиленныя лошади не въ состояніи провезти даже на незначительномъ разстояніи небольшой возъ хворосту. Изъ многихъ мѣстъ поступаютъ извѣстія о массовомъ падежѣ скота отъ безкормицы. А между тѣмъ приближается время пахоты.

Стоитъ гдѣ нибудь въ мѣстахъ нужды образоваться какому нибудь благотворительному пункту, и къ нему со всѣхъ сторонъ на-

чинають стекаться съ мольбою о помощи. Приходятъ изъ сосѣднихъ губерній, стоятъ не часами, а буквально днями, получаютъ ломти хлѣба, а на другой день опять приходятъ и опять стоятъ. Изъ воронежскаго уѣзда писала З. Соколова, что нуждающіеся двухъ деревень Тамбовской губерніи, два мѣсяца молили имъ оказать помощь; «а въ послѣднее время приходили и молча становились на колѣни». («Р. В.» № 103).

Явились уже и обычные спутники плохого питанія—болѣзни: брюшной тифъ, цынга и другія. Тифъ свирѣпствуетъ въ елецкомъ уѣздѣ Орловской губ., въ суджанскомъ уѣздѣ тифомъ поражена половина населенія; среди татарскаго населенія Самарской губерніи сильно распространяется цынга. Дѣти умираютъ сотнями отъ плохой пищи, которая мѣстами сводится къ одному картофелю.

Взрослое населеніе голодающихъ губерній, бросая свои семьи на произволъ судьбы, ищетъ работы. «Жизнь и Искусство» сообщаетъ, что поѣзда кіево-воронежской и юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ переполнены крестьянами, отправляющимися на югъ на весеннія и лѣтнія заработки: ѣдутъ изъ губерній Смоленской, Рязанской, Тульской, Черниговской, Костромской, Ярославской и др. въ южныя губерніи: Таврическую, Херсонскую, Екатеринославскую, въ области Донскую и Кубанскую. Но что найдутъ они тамъ? То же голодающее населеніе, обиліе рабочихъ рукъ, возрастающую дороговизну хлѣба. Еще въ дальнихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Сыръ-Дарьинской области, есть хорошіе заработки, но не всѣ о томъ знаютъ, да и у многихъ ли хватило бы средствъ добраться туда самимъ. Въ такіе критическіе моменты, какъ переживаемый въ настоящее время, въ особенности чувствуется недостатокъ у насъ хоть какой нибудь организаціи труда.

А цѣны на хлѣбъ повсемѣстно крѣпнутъ и поднимаются. По послѣднимъ телеграфнымъ сообщеніямъ на крупныхъ рынкахъ рожь поднялась уже до 62 коп. за пудъ, овесъ до 88 коп. (въ Харьковѣ). Этому повышенію цѣнъ содѣйствуютъ и внѣшнія обстоятельства: закрытіе хлѣбнаго вывоза изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, въ виду войны съ Испаніей, и усиленный спросъ на хлѣбныхъ рынкахъ континента. А тутъ еще и виды на будущій урожай внушаютъ большія опасенія: весна наступила поздняя и холодная: въ Рязанской губ. и другихъ мѣстахъ ожидается недородъ въ виду вымерзанія озимей подъ ледяной корой.

Что же сдѣлано и дѣлается для того, чтобы ослабить бѣдствіе и предупредить его крайнія проявленія? Въ «Новомъ Времени» были опубликованы свѣдѣнія о размѣрахъ продовольственной операціи, вызванной неурожаемъ 1897 года. По этимъ свѣдѣніямъ, точность которыхъ остается, конечно, на отвѣтственности газеты, за счетъ общеимперскаго продовольственнаго капитала выдано по случаю неурожая 1897 года хлѣбомъ и деньгами на сумму около $8^1/_2$ милл. рублей; при посредствѣ агентовъ министерства финансовъ.

куплено для голодающихъ губерній до шести милл. пудовъ хлѣба; на эту покупку истрачено 4½ милл. рублей; въ непосредственное распоряженіе земствъ на нужды народнаго продовольствія отпущено около 4 милл. рублей изъ того же общеимперскаго капитала. Это суммы, которыя къ апрѣлю мѣсяцу 1892 года выпадали на долю отдѣльныхъ губерній. Недостаточность оказанной помощи, очевидно, сознается въ настоящее время и въ центрахъ, и на мѣстахъ.

На дняхъ открылось экстренное губернское земское собраніе въ г. Уфѣ, посвященное вопросу объ обезпеченіи народонаселенія продовольственными и сѣменными средствами. Открывая собраніе, уфимскій губернаторъ Н. М. Богдановичъ обратился къ гласнымъ съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, по словамъ «Урала», сказалъ:

«Губернская управа, по моему мнѣнію, слишкомъ сократила требуемые кредиты. Соображаясь съ ходатайствами управъ уѣздныхъ и тѣмъ фактомъ, что цѣна овса (принятая губернской управой въ 50 к. за п.) легко можетъ возвыситься ко времени посѣва (нынѣ она уже равняется по Мензелинскому уѣзду 56—57 коп.), я бы полагалъ дополнительные кредиты испросить въ слѣдующихъ размѣрахъ—по уѣздамъ: Уфимскому къ 25,000 руб. (за округленіемъ) еще 24,500 руб., Мензелинскому къ 29,500 руб. (за округленіемъ) еще 61,000 руб., Белебеевскому къ 30,000 руб. еще 30,000 руб., Стерлитамакскому къ 17,500 руб. (за округленіемъ) еще 32,500 руб., Бирскому къ 3,500 р. (за округленіемъ) еще 3,500 руб., итого къ разрѣшеннымъ ранѣе 105,500 руб. еще всего по губерніи 151,500 рублей, а всего вообще 257,000 рублей».

Спохватились, хотя и довольно поздно, и лукояновскіе общественные дѣятели, такъ упорно повторявшіе свою политику экономіи и сокращенія, которую практиковали они еще въ голодный 1891—92 годъ. На послѣднемъ земскомъ собраніи они единогласно постановили немедленно ходатайствовать о ссудѣ на обсѣмененіе яровыхъ полей и даже рѣшили, не дожидаясь разсмотрѣнія постановленія губернскимъ земскимъ собраніемъ, ходатайствовать передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ о дозволеніи немедленно приступить къ осуществленію постановленія уѣзднаго собранія.

Но особенно характернымъ показателемъ серьезности переживаемаго положенія служитъ то оживленіе общественной и частной благотворительности, которое замѣчается въ самое послѣднее время. Долго сдерживаемая апатичнымъ и недовѣрчивымъ отношеніемъ къ приходившимъ отовсюду извѣстіямъ, она встрепенулась, когда уже картина бѣдствія развернулась передъ глазами во всей ея поражающей наготѣ. Призывы къ частной благотворительности вмѣстѣ съ указаніемъ пунктовъ особенно крайней нужды время отъ времени появлялись въ газетахъ и ранѣе: упомянемъ хотя бы о письмѣ Л. Н. Толстого, которое было приведено въ нашемъ журналѣ. Но иниціатива общественной помощи голодающему населенію безспорно должна быть

отнесена на долю петербургскаго вольно-экономическаго общества, которое въ половинѣ марта посвятило рядъ засѣданій съ участіемъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей, нарочно для того приглашенныхъ, на обсужденіе вопроса о текущей нуждѣ, мѣрахъ борьбы съ нею, недостаткахъ продовольственнаго устава и проч. При этомъ были подведены въ докладѣ г. А. Лосицкаго итоги размѣровъ неурожая 1897 года, и въ докладѣ секретаря общества Н. Г. Кулябко-Корецкаго итоги помощи, оказанной до сихъ поръ населенію неурожайныхъ мѣстностей правительствомъ и земствами, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ общество земскими управами. Тутъ съ особой наглядностью выяснилось все несоотвѣтствіе между величиною бѣдствія и мѣрами, принятыми для борьбы съ ними. На запросъ президента общества гр. П. А. Гейдена о причинахъ подобнаго несоотвѣтствія, со стороны присутствовавшихъ въ засѣданіяхъ мѣстныхъ и земскихъ дѣятелей послѣдовалъ рядъ разъясненій и сообщеній; весьма характерныхъ для оцѣнки хода продовольственнаго дѣла въ нынѣшнемъ году. Такъ, извѣстный агрономъ проф. Стебутъ относительно Тульской губ. разъяснилъ, что разнорѣчіе въ оцѣнкѣ урожая 1897 г. происходитъ отъ двухъ причинъ: 1) крайней пестроты неурожая, характерной для истекшаго сельско-хозяйственнаго сезона, и отсутствія цѣлесообразной организаціи при распредѣленіи пособій голодающимъ въ 1891—1892 гг., когда пособія попадали сплошь и рядомъ не въ тѣ руки, которыя въ нихъ нуждались, и оттого у многихъ осталось впечатлѣніе, что нужда населенія была тогда преувеличена, выводъ, переносимый ими и на настоящее. Предсѣдатель воронежской губ. земской управы объяснилъ, что разсчеты продовольственной нужды, сдѣланные статистическимъ бюро губернскаго земства, считались преувеличенными гласными отъ южныхъ уѣздовъ, гдѣ хлѣбные магазины были не только совершенно полны, но и имѣли излишки, почему представлялись нѣкоторыя основанія не очень мрачно смотрѣть на предстоявшую нужду. Предсѣдатель нижегород. губ. земской управы объяснилъ, что губернское земство обратило вниманіе на недородъ еще весной прошлаго года, на основаніи сообщеній своихъ корреспондентовъ, и тогда же обратилось къ правительству съ ходатайствомъ о возвратѣ ему суммъ, затраченныхъ изъ губернскаго продовольственнаго капитала въ 1891—92 гг. (было получено 300 т. р.) Послѣ этого, при помощи уѣздныхъ земствъ, были приблизительно опредѣлены размѣры неурожая, и когда эти разсчеты находились на разсмотрѣніи мѣстныхъ учрежденій—появился извѣстный циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ о неурожаѣ и мѣрахъ борьбы съ нимъ, циркуляръ, въ которомъ находились предупрежденія о необходимости большей экономіи въ распоряженіи продовольственными средствами, объ ограниченіи выдачи ссудъ апрѣлемъ мѣсяцемъ въ 1898 г. и т. п. Все это вмѣстѣ съ воспоминаніями о случаяхъ неправильной выдачи ссудъ 1891—93 гг. настроило многихъ смотрѣть на прак-

тикуемую нынѣ помощь населенію при неурожаѣ, какъ на нѣчто, его развращающее, и относиться къ исчисленію нужды съ большой осторожностью. Это сдержанное отношеніе правительства къ размѣрамъ народной нужды имѣло, однако, по мнѣнію оратора, и хорошую сторону, а именно, «оно предупредило слишкомъ большой подъемъ хлѣбныхъ цѣнъ. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что самый острый періодъ нужды—еще впереди и что если сдержанность правительства въ отношеніи выдачи продовольственныхъ ссудъ не будетъ своевременно устранена, то населеніе проѣстъ яровыя сѣмена, и поля останутся недосѣянными».

Было указано далѣе на то, какъ «несостоятельна наша настоящая статистическая система, не дающая намъ дѣйствительной картины размѣровъ нужды данной мѣстности и не рѣдко основывающаяся на фантазіи волостного писаря. Хотѣли нѣкоторыя земства произвести въ данномъ отношеніи спеціальное обслѣдованіе, но это разрѣшено имъ не было. Дѣятельность земства въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ значительной степени была стѣснена полученнымъ сообщеніемъ, что хлѣбъ въ свое время будетъ-де доставленъ».

По словамъ представителя суджанскаго уѣзднаго земства Курской губерніи г. Евреинова, было, напр., «обѣщано прислать Курской губ. 700 тыс. пуд. хлѣба. Въ виду крайней нужды населенія, земство просило разрѣшить ему хотя часть покупки, но получился отвѣтъ, что хлѣбъ готовъ. Послѣ долгихъ ожиданій, телеграммъ, явился уполномоченный министерства финансовъ, взявшаго на себя доставку хлѣба, и заявилъ, что у него всего 100 тыс. пудовъ, а остальное пусть само земство покупаетъ. Вслѣдствіе потери двухъ мѣсяцевъ цѣны поднялись отъ 40 к. до 80 к.». Обращали вниманіе представители земства и на то, что вопросъ о продовольствіи скота исключенъ изъ продовольственныхъ положеній, между тѣмъ это вопросъ первостепенный. Крестьянинъ, чтобы прокормить нужный ему скотъ, самъ не доѣдаетъ. Фактъ хроническаго недоѣданія требуетъ такого же вниманія, какъ и голодъ, это ведетъ къ постепенному истощенію населенія. Иллюстрировалось, что вообще продовольственное дѣло у насъ заслуживаетъ болѣе названія продовольственнаго хаоса; что помощь, къ сожалѣнію, всегда запаздываетъ; что слѣдовало бы предоставлять больше самодѣятельности, хотя бы въ данномъ отношеніи, земствамъ и, въ частности, покупку хлѣба. Высказывалось опасеніе, что проявленная въ прошломъ и текущемъ году экономія въ продовольственномъ дѣлѣ пойдетъ, пожалуй, въ ущербъ предстоящему обсѣмененію полей и населеніе не будетъ имѣть въ достаточной степени помощи по пріобрѣтенію скота; что крайне желательна большая свобода мѣстной печати, которая могла бы принести громадную пользу и содѣйствіе въ данномъ отношеніи. Въ заключеніе предводитель дворянства Воронежской губерніи г. Анисьевъ, описавъ крайнюю нужду этой губерніи, заявилъ, что, въ виду уже наступающей весны, выработка

особыхъ формъ помощи уже немного поздновата, а потому надо обратиться къ Красному Кресту и къ мѣстной печати, которая-бы не боялась сказать правду, опредѣляя вѣрно нужду мѣстнаго населенія».

Таковы по даннымъ столичныхъ газетъ («Нов. Вр.», «Сынъ Отеч.») результаты обсужденія продовольственнаго вопроса въ нуждающихся губерніяхъ. Въ заключеніе Вольно-Экономическое Общество сдѣлало рядъ постановленій практическаго характера: ассигновать изъ запасного капитала пожертвованіе въ пользу голодающихъ и открыть въ пользу ихъ подписку, обратиться къ обществу «Краснаго Креста» съ просьбою придти на помощь населенію посредствомъ своихъ мѣстныхъ органовъ; ходатайствовать объ увеличеніи нынѣшняго размѣра пособій (30 ф. въ мѣсяцъ), распространивъ ихъ и на рабочее населеніе, для чего обратиться къ министру земледѣлія; просить о пріостановкѣ принудительнаго взысканія повинностей въ пострадавшихъ мѣстностяхъ; ходатайствовать о выдачѣ земствамъ ссудъ для снабженія населенія скотомъ на льготныхъ кредитныхъ условіяхъ; выразить признаніе необходимости коренныхъ измѣненій въ продовольственномъ уставѣ, съ устраненіемъ въ немъ принципа сословности, съ предоставленіемъ земству большей свободы дѣйствій и введеніемъ болѣе мелкой, чѣмъ уѣздъ, земской единицы, а также созыва съѣзда представителей земства и сельско-хозяйственныхъ обществъ при министерствѣ земледѣлія, для большаго приближенія правилъ къ жизненнымъ нуждамъ; въ видахъ же своевременнаго обнаруженія нуждъ признать полезнымъ развитіе мѣстной печати съ предоставленіемъ ей большей самостоятельности. Выражено также желаніе ускоренія введенія земства въ неземскихъ губерніяхъ. Сверхъ того, постановлено избрать изъ среды общества спеціальную продовольственную коммиссію, которой поручить, разобравъ весь собранный по данному вопросу матеріалъ, составить мотивированный докладъ о мѣрахъ предупрежденія продовольственной нужды въ будущемъ.

Призывъ В.-Эк. Общества къ помощи голодающимъ не остался безъ отвѣта. Въ комитетъ, избранный имъ для оказанія помощи пострадавшимъ отъ неурожая, стали поступать пожертвованія и по 15 апрѣля онъ могъ уже располагать суммою 8,257 рубл., большая часть которой и была израсходована на устройство столовыхъ и другія нужды въ козловскомъ у. и медвѣжинскомъ округѣ Ставропольской губ., царицынскомъ и камышинскомъ уу. Саратовской губ., суджанскомъ у. Воронежской губ., щигровскомъ у. Курской губ., мценскомъ у. Орловской губ. и данковскомъ у. Рязанской губ. Какъ всегда, отзывчивая къ народному горю учащаяся молодежь явилась на обращеніе комитета не только съ предложеніемъ своихъ скромныхъ, нерѣдко послѣднихъ средствъ, но и силъ для устройства столовыхъ на мѣстахъ и медицинской по-

мощи. Нѣсколько человѣкъ уже выѣхали въ особенно нуждающіеся пункты, по указанію комитета.

Перваго апрѣля появилось въ газетахъ воззваніе Россійскаго общества Краснаго Креста, въ которомъ оно, указывая, какъ на особенно пострадавшія отъ недорода хлѣбовъ и травъ, на губерніи: Воронежскую, Калужскую, Курскую, Орловскую, Рязанскую, Ставропольскую, Тамбовскую и Тульскую, заявляло, что, согласно постановленію своему и предложенію министра внутреннихъ дѣлъ, главное управленіе общества приняло на себя организацію помощи во всѣхъ поименованныхъ губерніяхъ, такъ какъ своевременная, скорая помощь крайне необходима. Сдѣлано распоряженіе объ открытіи во всѣхъ учрежденіяхъ Краснаго Креста имперіи сбора пожертвованій для сказанной цѣли и поручено управленіямъ и комитетамъ въ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, приступить къ немедленной организаціи помощи.

Помощь будетъ приходить къ пострадавшимъ не деньгами, но натурою: хлѣбомъ, кормомъ для скота, одеждою, бѣльемъ, топливомъ; по мѣрѣ возможности будутъ открываться пріюты и столовыя. Къ сожалѣнію, «Красному Кресту» не удалось его ходатайство предъ министромъ финансовъ, поднятое по иниціативѣ елецкаго земскаго собранія, о даровомъ провозѣ хлѣба въ голодающія губерніи или, по крайней мѣрѣ, о пониженіи перевознаго тарифа на кормовые товары, по примѣру 1892 года. Циркуляръ, разосланный главнымъ управленіемъ «Краснаго Креста» по провинціальнымъ отдѣленіямъ, заключается словами: «Помощь нужна серьезная и скорая. Главное управленіе, обращаясь къ своимъ органамъ, глубоко увѣрено, что они нынѣ, какъ и всегда, дружно и энергично примутся за святое дѣло помощи страждущему ближнему».

По мѣрѣ полученія извѣстій о голодѣ, общество выдѣлило изъ своей среды коммиссію, которая ассигновала изъ запаснаго капитала 150,000 руб. Въ виду того, что запасный капиталъ можно, по уставу общества, расходовать лишь въ военное, но не въ «мирное время», общество выдало эту сумму авансомъ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи покрыть ее изъ остаточныхъ суммъ. Принимая во вниманіе громадный районъ, который охватилъ острый экономическій кризисъ, общество Краснаго Креста не ограничилось ассигнованіемъ 150,000 руб., которые уже отправлены для распредѣленія въ голодающихъ губерніяхъ, но, кромѣ того, разрѣшило мѣстнымъ отдѣламъ отпускать необходимыя суммы также изъ запасныхъ капиталовъ; по слухамъ, изъ этихъ источниковъ идутъ значительныя ассигнованія. Кромѣ того, при каждомъ отдѣлѣ учреждены временныя попечительства, которымъ разрѣшено собирать пожертвованія съ той-же цѣлью. По послѣднимъ извѣстіямъ всего по 18 апрѣля обществомъ ассигновано около полутора милліона рублей. Всѣ губерніи, по которымъ раскинута густая сѣть отдѣловъ, распредѣлены такимъ образомъ, что пожертвованія, собираемыя въ уро-

жайныхъ губерніяхъ, направляются въ менѣе урожайныя и голодныя. Всѣмъ попечительствамъ даны инструкціи, причемъ выработаны четыре вида помощи: 1) потребительная, т. е. снабженіе нуждающихся продовольственными средствами, питаніе дѣтей и устройство дѣтскихъ столовыхъ и пр.; 2) посѣвная помощь (закупка и выдача сѣмянъ); 3) доставка скота и 4) санитарная помощь.

Какъ ни велики относительно кажутся средства Общества Краснаго Креста, но на первыхъ же порахъ оно должно было почувствовать ихъ ничтожность сравнительно съ объемомъ нужды. Запросы провинціальныхъ отдѣленій болѣе чѣмъ скромны. Напримѣръ, Тульское отдѣленіе, какъ сообщалось въ «Новомъ Времени», проситъ на всю губернію 12,000 р., распредѣляя ихъ по 1,000 р. на наиболѣе бѣдствующіе уѣзды: новосильскій, ефремовскій, веневскій, бѣлевскій, чернскій и богородицкій, хотя тутъ же оговаривается, что для минимальной помощи лишь послѣднимъ двумъ надо затратить по 3,000 рублей на каждый; менѣе пострадавшіе уѣзды: тульскій, каширскій, одоевскій, алексинскій, крапивенскій отдѣленіе предполагаетъ удовлетворить распредѣленіемъ по 500 рублей; а 2,500 рублей сохранить для дополнительныхъ ссудъ. Само собою разумѣется, что это—капля въ морѣ! Орловское отдѣленіе имѣетъ капиталъ въ 31,839 руб., ливенское въ 6,397 руб. А между тѣмъ ливенскій уѣздъ одинъ изъ самыхъ нуждающихся. Въ главное управленіе общества сообщалось оттуда мѣстнымъ отдѣленіемъ слѣдующее.

«Училищный совѣтъ *Ливенскаго уѣзда*, указывая на необычайный наплывъ учащихся въ земскія школы, объясняетъ это обстоятельство тѣмъ, что голодные родители выпроваживаютъ дѣтей въ школы, чтобы дома они не просили хлѣба. Училищный совѣтъ ставитъ на видъ полную необходимость учрежденія школьныхъ столовыхъ по образцу бывшихъ въ 1892 году и проситъ объ отпускѣ ему на этотъ предметъ 45,000 рублей; содержаніе ученика разсчитано на 75 копѣекъ въ мѣсяцъ, и при ссудѣ въ 45,000 рублей можно ручаться, что 10,000 ребятишекъ, съ грѣхомъ пополамъ, прокормятся полгода». Если сопоставить цифры урожая 1897 г. и голоднаго 1891, то по этимъ двумъ губерніямъ, Орловской и Тульской, сравненіе окажется отнюдь не въ пользу прошлаго года.

«Урожай ржи въ Орловской губерніи въ 1891 году выразился въ суммѣ 15,953,680 пуд., по 9,28 на одну десятину посѣва, сейчасъ онъ 15,112,508, по 8,17 на одну десятину посѣва. Въ Тульской: 1891 г.—9,920,413, по 7,71 на десятину; 1897 г.—9.204,212, по 7,20 на десятину. Соломы въ Орловской губерніи слишкомъ вдвое менѣе, чѣмъ въ 1892 году, а въ Тульской—почти втрое».

Газета справедливо полагаетъ, что «съ подобною нуждою частными средствами врядъ ли справиться, хотя бы и такому силь-

ному, энергичному и симпатичному Обществу, какъ «Красный Крестъ».

Но спрашивается, какимъ же образомъ застаемъ мы теперь частную благотворительность лицомъ къ лицу съ нуждою, достигшею уже такихъ предѣловъ? Повидимому, можно подумать, что значеніе переживаемаго земледѣльческою Россіею кризиса раскрылось лишь по извѣстіямъ самаго послѣдняго времени, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ учрежденій. За это говоритъ слѣдующій случай. Въ одномъ изъ засѣданій комитета, организованнаго Вольно-Экономическ. обществомъ для помощи нуждающимся, прочитана была слѣдующая офиціальная бумага: «Въ № 96 газеты «*С.-Петербургскія Вѣдомости*» отъ состоящаго при Императорскомъ вольно-экономическомъ обществѣ комитета для помощи пострадавшимъ отъ неурожая помѣщено воззваніе къ пожертвованіямъ, въ коемъ, между прочимъ, указывается, что съ каждымъ днемъ получаются новыя извѣстія о наступленіи въ разныхъ мѣстностяхъ голода и распространеніи тифа. Вслѣдствіе сего хозяйственный департаментъ долгомъ считаетъ покорнѣйше просить названный комитетъ сообщить, въ возможно непродолжительномъ времени, изъ какихъ именно мѣстностей получены свѣдѣнія о голодѣ и распространеніи тифа, *для тщательной провѣрки этихъ свѣдѣній*». Авторъ статьи въ «Спб—скихъ Вѣдомостяхъ» (№ 101) откуда мы заимствуемъ настоящее сообщеніе, Е. Ганейзеръ, съ недоумѣніемъ останавливается передъ фактомъ подобнаго запроса. «Какъ извѣстно, пишетъ онъ, хозяйственный департаментъ—именно тотъ департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, который, по закону (учр. минист. ст. 364, п. 1) «вѣдаетъ дѣла по народному продовольствію, какъ то: по собранію и соображенію свѣдѣній о посѣвѣ, произрастаніи и урожаѣ хлѣба, о мѣрахъ въ случаѣ неурожая и чрезвычайной дороговизны хлѣба и продовольственныхъ капиталахъ». Какъ же нужно понимать бумагу, съ которою хозяйственный департаментъ обратился въ комитетъ Императорскаго вольно-экономическаго общества? Неужели, дѣйствительно, только изъ газетнаго воззванія обнаружилось, что приходятъ откуда-то вѣсти о голодѣ, и теперь, узнавъ объ этомъ, надо собирать свѣдѣнія... при содѣйствіи комитета и «тщательно провѣрить» ихъ?»

Недоумѣніе автора статьи становится еще болѣе понятнымъ въ виду существованія наряду съ тѣмъ слѣдующаго обстоятельства. Главное управленіе «Краснаго Креста», между прочимъ, сообщило «Новому Времени», что, рѣшивъ въ принципѣ вопросъ о помощи голодающимъ, оно «для выясненія обстоятельствъ дѣла, запросило г. министра внутреннихъ дѣлъ, на какія *именно мѣстности* должно быть обращено вниманіе благотворительности «Краснаго Креста». Министръ отозвался, что онъ признавалъ бы весьма желательною со стороны общества «Краснаго Креста» организацію помощи населенію неурожайныхъ мѣстностей вообще, и указалъ въ частности нѣсколько губерній, наиболѣе пораженныхъ бѣд-

ствіемъ и нуждающихся въ быстрой и энергической поддержкѣ». Словомъ, на вопросъ, аналогичный съ тѣмъ, который хозяйственный департаментъ задалъ комитету при Вольно-Экономическомъ Обществѣ, «Красный Крестъ» получилъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ отъ самого министра внутреннихъ дѣлъ.

Не менѣе странное впечатлѣніе производитъ статья редактора «Торгово-Промышленной Газеты» въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ этого органа (№ 81) подъ заглавіемъ: «Продовольственный вопросъ въ неурожайномъ районѣ и помощь «Краснаго Креста». «Недородъ минувшаго года, пишетъ оффиціозная газета, распространившійся по даннымъ центральнаго статистическаго комитета, хотя и не въ одинаковой мѣрѣ, на центральныя и нѣкоторыя южныя губерніи, не могъ, конечно, остаться безъ вліянія на экономическое положеніе населенія и не вызвать мѣстами продовольственныхъ затрудненій». Однако, по утвержденію газеты: «ни въ печати, ни въ сообщеніяхъ нашихъ корреспондентовъ не наблюдалось *до нынѣ* сколько-нибудь опредѣленныхъ указаній на продовольственныя затрудненія и тѣ или другія серьезныя проявленія недорода». Лишь «*въ послѣднее время* изъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностей Орловской, Тульской и др. губерній стали появляться въ газетахъ сообщенія о тяжеломъ продовольственномъ положеніи населенія».

Наши читатели хорошо знаютъ, что какъ опредѣленныя указанія на продовольственныя затрудненія, такъ и извѣстія о бѣдственномъ положеніи населенія неурожайныхъ мѣстностей отнюдь не являются достояніемъ послѣдняго времени. Вотъ уже болѣе полугода въ рядѣ статей нашего журнала можно было найти и тѣ, и другія заимствованными изъ газетныхъ матеріаловъ и другихъ источниковъ. Но, какъ отмѣчаютъ «Рус. Вѣд.», «Торгово-Промышленная Газета», утверждая вышеприведенное, обнаруживаетъ короткую память даже по отношенію къ тому, что печаталось въ ней самой. Еще два мѣсяца тому назадъ она сама сочувственно отмѣтила письмо гр. Л. Н. Толстого съ вполнѣ опредѣленнымъ указаніемъ ряда нуждающихся мѣстностей. Мало того, газета высказывалась тогда же за необходимость организаціи помощи населенію со стороны мѣстныхъ отдѣленій общества «Краснаго Креста». Но потомъ, какъ мы видимъ, она очень прочно забыла собственныя слова, закрывая глаза на все болѣе учащающіяся извѣстія изъ пораженныхъ неурожаемъ мѣстъ. Теперь газета собрала отъ своихъ корреспондентовъ, хлѣботорговцевъ, землевладѣльцевъ и земскихъ управъ отзывы о хозяйственномъ положеніи населенія, которые и приводятся въ томъ же номерѣ газеты. Всѣ эти сообщенія имѣютъ болѣе или менѣе успокоительный характеръ: «нѣтъ спора—нужда есть, но размѣры ея сильно преувеличены», «полагаю, что три мѣсяца до урожая населеніе перенесетъ, такъ какъ за лѣтніе мѣсяцы будетъ работа, не запроданная еще населеніемъ, напр., полка»—(остальныя

работы, очевидно, всѣ уже запроданы), «въ Орловскомъ и Малоархангельскомъ уѣздахъ незасѣянныхъ озимыхъ полей не осталось, и есть всѣ основанія думать, что не останутся незасѣянными и яровыя», «въ общемъ можно надѣяться, что населеніе, хотя съ трудомъ, но можетъ дождаться новаго урожая безъ чрезвычайныхъ мѣръ», и тому подобное. Но и въ этомъ оптимистически настроенномъ кругу корреспондентовъ, которые съ такимъ легкимъ сердцемъ «полагаютъ и надѣются» на все лучшее, находятся признающіе и безспорный фактъ сокращенія скотоводства, и недостаточность продовольственной ссуды и отсутствіе кормовъ и проч. Корреспондентъ изъ Ельца не можетъ скрыть того, что оказанной населенію уѣзда продовольственной ссуды населенію хватитъ развѣ до половины мая, а «слѣдующіе затѣмъ два мѣсяца будутъ очень трудны, ибо покупная способность крестьянъ ослаблена, а заработковъ у насъ почти нѣтъ.» Корреспондентъ изъ Ейска пишетъ, что «продолжительная и суровая зима, тянувшаяся до второй половины марта, увеличила еще болѣе нужду сельскаго населенія, которое очутилось теперь въ весьма тяжкомъ положеніи». Скотъ истощенъ, крыши раскрыты, задолженность возрасла. Такъ пишутъ въ оптимистически настроенной «Торг. Пром. Газетѣ». А по словамъ «Приазовскаго Края» въ томъ же Ейскѣ Кубанской области наблюдаются уже отдѣльные случаи полнаго голоданія. Послѣдній скарбъ продается для дневного пропитанія. Было уже нѣсколько случаевъ весьма загадочныхъ смертей, причину которыхъ народная молва прямо приписываетъ голоду. Подъ вліяніемъ такого исключительнаго положенія начинаетъ проявлять свою дѣятельность частная благотворительность: образованъ попечительный комитетъ и открыта подписка въ пользу голодающаго населенія («Рус. Вѣд.» № 96).

Нѣтъ! теперь надо не утѣшаться и успокаиваться, а опомниться и сознать, какъ много упущено времени, какъ неотложна и настоятельна помощь бѣдствующему населенію; помощь, въ которой правительство, мѣстныя учрежденія и частная благотворительность должны идти рука объ руку. Нельзя медлить, когда съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ связано, можетъ быть, дыханіе не одной замирающей жизни...

М. Плотниковъ.

Отъ редакціи.

По поводу нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ Н. К. Михайловскимъ въ мартовской книжкѣ «Русскаго Богатства» объ «Опроверженіи» г. Захарьина (Якунина), напечатанномъ въ февральской книжкѣ, г. Захарьинъ прислалъ намъ второе (1890 г.) и четвертое (1896 г.) изданія своихъ «Грезъ и пѣсенъ». Охотно свидѣтельствуемъ, что это разныя изданія, печатавшіяся въ разныхъ типографіяхъ и не тождественныя по содержанію. Между прочимъ, въ изданіе 1896 г., какъ и изъ предисловія видно, «вошли три стихотворенія («Сны», «Пѣснь о погибшемъ сынѣ» и «Конецъ»), написанныя лишь недавно и нигдѣ не напечатанныя».

Ред.

Издатели: **Вл. Короленко.** **Н. К. Михайловскій.**

Редакторы: **П. Быковъ.** **С. Поповъ.**

Литература, исторія и законовѣдѣніе.

Организація свободы и общественный долгъ. *А. Прэнса.* Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ *Р. И. Сементковскаго.* Ц. 80 к.

Соціальное развитіе. *В. Кидда.* Съ предисл. проф. *Вейсмана.* Перев. *М. Чепинской.* Ц. 75 к.

Общественный организмъ. *Р. Вормса.* Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ профессора *А. Трачевскаго.* Ц. 75 к.

Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма. Лекціи *А. Сабатье.* Перев. *В. Обреимова.* 2-е изд. Ц. 60 к.

Общественный прогрессъ и регрессъ. *Греефа.* Перев. *Г. Паперна.* Ц. 1 р. 50 к.

Современная женщина.—Ея положенія въ Европѣ и Америкѣ. *Б. Ф. Брандта.* Ц. 60 к.

Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго. Полное собр. въ 4 больш. томахъ. Съ портретомъ, факсимиле и снимкомъ съ картины *Наумова* «Бѣлинскій передъ смертью». Цѣна каждаго тома—1 р. 25 к.

Духовныя завѣщанія. Какъ ихъ составлять, измѣнять, отмѣнять и т. п. Сост. *Я. В. Абрамовъ.* Ц. 25 к. (№ 1 «Попул.-Юрид. библіотеки»).

Наслѣдство и раздѣлъ. *Я. В. Абрамова.* Ц. 25 к. (№ 2 той-же библіотеки).

Пріобрѣтеніе и отчужденіе имуществъ. *Я. В. Абрамова.* Ц. 25 к. (№ 3 той же библіотеки).

Аренда и наемъ имуществъ. *Я. В. Абрамова.* Ц. 25 к. (№ 4 той-же библіотеки).

Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ. *Г. Брандеса.* Съ 13 портр. Ц. 2 р.

Исторія цивилизаціи въ Англіи. *Бокля.* Переводъ *А. Н. Буйницкаго.* Съ портр. автора. Съ примѣчаніями Ц. 2. и безъ нихъ—1 р. 50 к.

Сочиненія Д. И. Писарева. Полное собраніе въ 6-ти томахъ. 2-е изд. Цѣна каждаго тома—1 руб.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Полное собранія въ 10 томахъ. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к. 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Холодный домъ. Повѣсть о двухъ городахъ, 4) Крошка Доррить и Большія ожиданія, 5) Нашъ общій другъ и Оливеръ Твистъ, 6) Записки Пиквикскаго клуба и Тяжелыя времена, 7) Николай Никльби и три «Святочныхъ» разсказа, 8) Мартинъ Чезльвитъ. Гимнъ Рождеству. Затравленъ. 9) Барнеби Реджъ. Тайна Эдвина Друда и Колокола. 10) Лавка древностей. Записки путешественника не по торговымъ дѣламъ. Станція Мегби. Мёдфогскія записки. Рецепты д-ра Мериґольда. Безъ выхода. Портретъ и біографія автора.

Сочиненія Виктора Гюго. Съ портрет. автора и статьей *А. Скабичевскаго.* Два тома. Ц. 2 р. 50 к.

Герои и героическое въ исторіи. Публичныя бесѣды *Том. Карлейля.* Ц. 1 р. 50 к.

Грядущая раса. Фантастическій романъ. *Эд. Бульвера.* Перев. съ англ. Ц. 50 к.

Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Politicos'a.* Съ 16-ю порт. Ц. 1 р

Черезъ сто лѣтъ. Соціологическій романъ. *Э. Беллами.* Съ приложеніемъ очерка *Рише*: «Куда мы идемъ?» 3-е изд. Ц. 1 р.

120 рисунковъ къ Лермонтову. Художественный альбомъ *М. Е. Малышева.* Ц. въ папкѣ 50 к.

Альбомъ къ «Сочиненіямъ Пушкина»: 44 иллюстраціи. Цѣна въ переплетѣ—1 р. 25 к.

Капитанская дочка. Повѣсть *Пушкина.* Роскошное изданіе, съ 188 рис. Ц. 60 к., въ пап. 75 к., въ перепл. 1 р.

До потопа. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. *Рони.* Съ 16 рис. Ц. 50 к.

Исторія французской революціи. *И. Карно.* Переводъ съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

Исторія религіи. Проф. *Мензиса.* Съ англійскаго. Ц. 1 р.

Исторія культуры. *Липперта.* Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 83 рис. 3-е изд. Ц. 1 р. 60 к.

Исторія семьи. *Липперта* (автора «Исторія культуры»). Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 75 к.

Сочиненія Пушкина. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собр. въ 1-из томѣ и въ 10 томахъ. 4-е изд. Ц. 1-томнаго и 10-томнаго изд. одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 карт.—2 р. 50 к. За переплеты: для 1-томн. изд.—40 к. и 1 р.; для 10-томн. (въ 5 переп. товъ) 1 р. и 2 р.

Сочиненія Лермонтова. Съ портретомъ, біографіей и 115 рисунками. Полное собраніе въ одномъ и въ четырехъ томахъ. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1-томное изданіе—1 р. 40 к. и 2 р. 4-хъ томное въ двухъ перепл.—1 р. 50 к. и 2 р.

Представительное правленіе. *Дж. Стюарта Милля.* Ц. 60 к.

Забота. Романъ *Г. Зудермана.* Ц. 60 к.

Долой оружіе! Антивоен. ром. *Б. Зутнеръ.* Ц. 80 к.

Голодъ. Романъ. *Гамсуна.* Ц. 60 к.

Счастье и трудъ. *Мантегацца.* 3-е изд. Ц. 60 к.

Путь къ счастью. Сост. *Фрид. Кирхнеръ.* Ц. 60 к.

Новѣйшіе русскіе писатели. Хрестоматія для старшихъ клас. гимназій и книга для домаш. чтенія. *А. Цвѣткова.* Ц. 3 р., въ пер. 3 р. 75 к.

Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. Одиннадцать томовъ. Цѣна каждаго—1 р.

Вырожденіе. Психопатическія явленія въ области современной литературы и искусства. *Макса Нордау.* 585 стр. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

Подъ маской благочестія. (Преступленія и оргіи папъ). Истор. романъ. *Постери.* Ц. 1 р.

Конецъ міра. Астроном. романъ. *К. Фламмаріона.* Съ 80 рисунками. Ц. 60 к.

Въ небесахъ (Uranie). Астроном. ром. *К. Фламмаріона.* Съ 89 рисунками. 3-е изд. Ц. 75 к.

Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1892 гг.). *А. М. Скабичевскаго.* 3-е изд. Съ 52 портретами. Ц. 2 р.

Исторія рус. цензуры. *А. М. Скабичевскаго.* Ц. 2 р.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. 3-е изд. Ц. за два тома—3 р. Перепл. въ 1 р. и 50 к. Томъ 3-й ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія Ѳ. М. Рѣшетникова. Въ двухъ большихъ томахъ. Цѣна 2 р. 50 к.

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. 2 тома. Съ порт. автора. 2-е изд. Ц. 3 р.

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. Съ портретомъ И. С. Тургенева. Ц. 15 к.

Литература и жизнь. Письма о разныхъ разностяхъ. *Н. К. Михайловскаго.* Ц. 1 р.

Въ поискахъ за истиной. *Макса Нордау.* Переводъ съ нѣм. *Э. Зауэръ.* 4-е изд. Ц. 1 р.

Больная любовь. Гигіенич. романъ *П. Мантегацца.* 2-е изд. Ц. 50 к.

[Р]оль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Проф. *Гольцендорфа.* Ц. 75 к.
[В]ъ трущобахъ Англіи. *Бутса.* Ц. 1 р.
[З]аконы о гражданскихъ договорахъ, общепонятно изложенные и объясненные. Состав. *В. Фармаковскій.* Изд. 4-е. Ц. 1 р. 25 к.
[О]черки самоуправленія (земскаго, городского и сельского). *С. Приклонскаго.* Ц. 2 р.
[Б]орьба съ земельнымъ хищничествомъ. Бытовые очерки. *И. Тимошенкова.* Ц. 1 р.
Брюхо Петербурга. Общественно-физіологическіе очерки. *А. Бахтіарова.* Ц. 1 р. 50 к.
Исторія книги на руси. *А. Бахтіарова.* Съ многими рисунками. Ц. 1 р. 50 к.
Русскіе фланеры въ Парижѣ. *Н. А. Попова.* 2-е изд. Ц. 1 р.
По градамъ и весямъ. Романъ *Вологдина* (П. Засодимскаго). Ц. 1 р. 50 к.

Популярно-научныя книги.

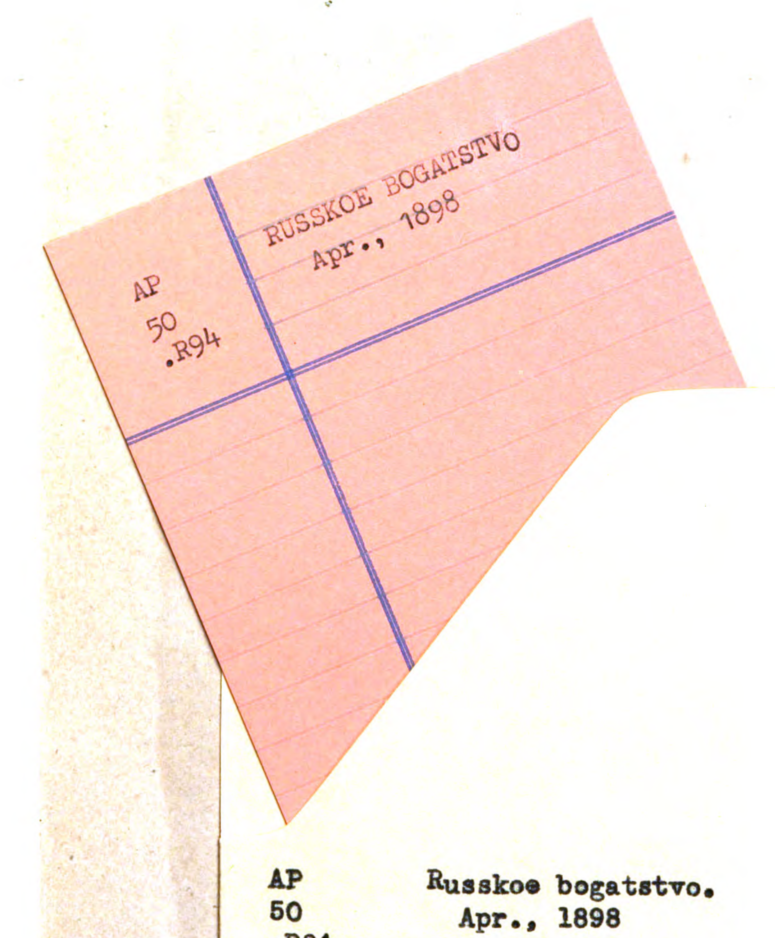
[М]озговая работа и переутомленіе. *Блекка.* Переводъ съ англійскаго. Ц. 30 к.
[Б]отаникъ-любитель. *Фэдо.* Перев. съ франц. подъ редакціей и со многими дополненіями профессора *В. Я. Добровлянскаго.* Около 200 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р.
[П]опулярная біологія. *В. Лункевича.* Бол. томъ съ 208 полит. и табл. раскраш. рис. Ц. 2 р.
[Х]имикъ-любитель. *Фэдо.* Практическое знакомство съ химіей посредствомъ простыхъ опытовъ. Съ франц. Ц. 1 р.
[Н]овѣйшія химическія теоріи. *Этара.* Переводъ съ французскаго *Б. Билита.* Съ 58 рис. Ц. 75 к.
Живописная астрономія. *Фламмаріона.* Съ 382 политипажами въ текстѣ и раскрашенными рисунками. Переводъ *Е. Предтеченскаго.* Ц. 3 р.
Автобіографія земли. *Гетчинсона.* Популяр. картина геологич. образованія земли. 63 рис. Перев. съ англ., съ дополн. *М. А. Энгельгардта.* Ц. 80 к.
Очеркъ психологіи. *Вундта.* Перев. съ нѣмецк. *Г. Паперна.* Ц. 75 к.
Женщина передъ судомъ современной науки. *Жака Лурбе.* Перев. съ франц. *Е. Предтеченскаго.* Ц. 30 к.
Кометы и падучія звѣзды. Популярныя бесѣды. *Е. Предтеченскаго.* Съ 26 рис. Ц. 40 к.
Экономическая система Карла Маркса. Проф. Вѣнскаго универс. *Гросса.* Попул. очеркъ. Ц. 20 к.
Представительное правленіе. *Д. Стюарта Милля.* Переводъ съ англійскаго подъ редакціей *Р. И. Сементковскаго.* Ц. 60 к.
Психическіе факторы цивилизаціи. *Л. Уорда.* Пер. съ англійск. *Л. Давыдова.* Ц. 80 к.
Соціологія. *Шарля Летурно.* Перев. подъ ред. и съ предисл. проф. *А. С. Трачевскаго.* Ц. 1 р. 50 к.
Антропологія. *Крживицкаго.* Перев. подъ ред. *Р. И. Сементковскаго.* Съ рисун. Ц. 1 р. 50 к.
Физіологія страстей. *Ш. Летурно.* Переводъ Д-ра *В. В. Святловскаго.* Ц. 1 р.
Семь новѣйшихъ чудесъ свѣта. *Ч. Кента.* Перев. съ англійскаго. *Д. Головъ.* 109 рис. Ц. 1 р.
Азбука домоводства и домашней гигіены. Сост. *М. Клима.* Перевелъ баронъ Корфъ. Ц. 75 к.
Наука о жизни. Популярная физіологія человѣка. *В. Лункевича.* Съ 91 рис. Ц. 1 р.
Духовный прогрессъ и счастье. Психологическое изслѣдованіе. *Лоскутова.* Ц. 1 р.
Преступная толпа. Опытъ коллективной психологіи. *С. Сигеле.* 116 стр. 2-е изд. Ц. 30 к.
Пессимизмъ. Сочиненія *Джемса Сёлли.* Популяр. обзоръ всѣхъ пессимистич. ученій. Съ англ. подъ ред. *В. Яковенко.* Ц. 1 р. 50 к.
Который часъ? *Вавилова.* Популярн. руков. для повѣрки всякихъ, обыкновенныхъ, и устройства солнечн. часовъ, 2-е изд. 13 рис. Ц. 30 к.
Философія Герберта Спенсера, въ сокращен. изложеніи *Коллинза.* Съ предисл. *Г. Спенсера.* Переводъ съ англ. *П. Мокіевскаго.* 2-е русское изданіе, дополненное по 3 англ. изд., съ прибавленіемъ сокращ. изложенія всѣхъ вновь вышедш. частей «Синтетической философіи». Ц. 2 р.
О вѣрованіи. Популярно-философскіе очерки, *Пейо.* Пер. съ фр. *М. Энгельгардта.* Ц. 50 к.
Характеръ и нравст. воспитаніе. *Кейра.* Перев. съ фр. подъ ред. *Р. И. Сементковскаго.* Ц. 40 к.
Этика (Ученіе о нравственности). Профессора *Маккензи.* Переводъ съ англійскаго. Ц. 1 р.
Общедоступная анатомія и физіологія человѣка и животныхъ, *Э. Ретерера,* проф. Париж. универ. Перев. со 2-го франц. изд. д-ръ *Г. А. Паперна,* съ 380 рис. и 6-ю раскраш. таблиц. Ц. 2 р.
Психологія чувствъ. Сост. *Рибо.* Ц. 60 к.
Законы подражанія. Пер. съ фр. *Тарда.* Ц. 1 р. 50 к.
Домаш. опредѣл. поддѣлокъ. *Альмединіена.* Ц. 60 к.
На всякій случай! Научно-практич. совѣты сельскимъ хоз. *А. Альмединіена.* Ч. 1-я, 2-е изд. Ц. 50 к.
На всякій случай! *Его-же.* Ч. 2-я. Ц. 50 к.
Гигіена семьи. *Гебера.* Перев. съ нѣм. Ц. 50 к.
Берегите легкія. Гигіеническія бесѣды. Д-ра *Нимейера.* Съ 30 рисунками. 2-е изд. Ц. 75 к.
Уходъ за больными дѣтьми. *Э. Перье.* Ц. 50 к.
Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ прим. къ обыденной жизни. Д-ра *Эйдама.* 7 рис. Ц. 40 к.
Дѣтскій докторъ. Попул. руков. для матерей и воспит. *Д-ра Варіо.* Съ франц. подъ ред. проф. *Пономарева.* Съ рис. Ц. 1 р.
Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. Д-ра *Мигулы.* Перев. съ нѣмец. Съ 35 рис. Ц. 1 р.
Предсказаніе погоды. *Г. Далле.* Переводъ съ франц. Съ 40 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Дарвинизмъ. *Э. Ферьера.* Переводъ съ французск. Популярное изложеніе ученія Дарвина. Ц. 60 к.
Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ (отъ полюса до экватора.). *А. Брема.* Дополненіе къ его соч. «Жизнь животныхъ». Съ многими рисунками. Ц. 2 р.
Настоящее и прошлое земли. Популярная геологія. *В. К. Агафонова.* Съ 237 рис. Ц. 2 р.
Первобытные люди. *Дебьера.* Перев. съ франц. и дополнилъ *М. Энгельгардтъ.* Съ 84 рис. Ц. 1 р.
Фабричная гигіена. Д-ра *Святловскаго.* (Одобрена М. Н. Пр. для учительскихъ библіотекъ средн. и низш. училищъ и ремесл. училищъ нормальнаго типа. 720 стр. и 153 рис. Ц. 4 р.
Усталость. Попул.-науч. бесѣды проф. *А. Моссо.* Пер. *М. Манасеиной.* Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Рабочій вопросъ. Его значеніе въ настоящ. и будущ. *А. Ланге.* Перев. съ нѣмец. 2-е изд. Ц. 1 р. 25 к.
Основы политической экономіи. *Шарля Жида.* Профес. политич. экономіи на юридич. факул. въ Монпелье. Перев. съ французск. Ц. 1 р. 25 к.

Подружка. Книжка для маленькихъ дѣтей. Сост. *Бостромъ.* Съ 130 рис. Ц. 75 к., въ папкѣ—1 р., въ перепл.—1 р. 30 к.
Задушевные разсказы. *П. Засодимскаго.* 135 рис. Ц. 1 р. 25 к. въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
Хорошіе люди. *В. Острогорскаго.* Съ 45 рис. 3-е изд. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ пер. 1 р. 60 к.
Робинзонъ. Его жизнь и приключ. *Гейбнера.* Съ 107 рис. Ц. 30 к., въ папкѣ 40 к., въ перепл. 60 к.
Математ. софизмы. 50 теоремъ, доказывающихъ, что 2×2=5 и т. п. *Обреимова.* Ц. 40 к.
Исторія открытія Америки. *Ламе-Флери.* 3-е изд. Съ 52 рис. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ пер 1 р. 30 к.
Наглядныя несообразности (Дѣтскія задачи въ карт.). *Ф. Павленкова.* 10 лист. (на кажд. по 20 рис.). Ц. 1 руб.—«Объясненія», къ нимъ: на франц., нѣмецк. и англ. языкахъ», каждое—Ц. 5 к.
Научныя забавы. *Федо.* Перев. съ фр. *Е. Предтеченскаго.* 128 рис. Ц. 60 к. въ пер. 1 р. 10 к.
Донъ-Кихотъ. *Сервантеса.* Сокращен. перев. для юношества. Съ 43 рис. Ц. 50 к., въ папкѣ—60 к., въ перепл.—90 к.
Математ. развлеченія. *Люкаса.* Переводъ съ фр. Съ 55 фиг. Ц. 1 р., въ пер. 1 р. 75 к.
Тройная головоломка. *Обреимова.* Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рис. Ц. 1 р.
Чрезъ дебри и пустыни. *Ворисгофера.* Съ иллюстр. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.
Сказочная страна. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстраціями. 2-е изд. Ц 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к.
Приключеніе контрабандиста. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстр. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к. въ перепл. 2 р. 25 к.
Мученики науки. *Г. Тисандье.* Пер. подъ ред. *Ф. Павленкова.* 55 рис. 4 изд. Ц. 1 р. 25 к., въ пер. 2 р.
Вечерніе досуги. *Круглова.* Съ 70 рис. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.
Научныя развлеченія. *Г. Тисандье.* Перев. подъ ред. *Ф. Павленкова.* Съ 353 рис. 4-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. 25 к.
Рыжій графъ. Неразлучники. Дочь угольщика. *П. Засодимскаго.* Ц. кажд. кн. 35 коп.
До потопа. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. *Рони.* Съ 13 рисунками. Ц. 50 к.
Живыя картинки. *А. Смирнова.* Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ пер. 2 р.
Ямки Вологодскаго уѣзда. *Круглова.* Ц. 25 к.
Незабудки. *А. Круглова.* Сборн. разск. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р.
Несчастливцы. *Э. Кандеза.* Съ 56 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.
20 біографій образцовыхъ русск. писателей. *В. Острогорскаго.* Съ 20 портрет. Ц. 50 к., въ папкѣ 75 к., въ переплетѣ 1 р.
Приключенія сверчка. *Э. Кандеза.* Съ 67 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 50 к.
Первыя понятія о зоологіи. *Поля Бера.* Перев. подъ ред. проф. *И. Мечникова.* 345 рис. 3 изд., съ порт. авт. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 к., въ перепл. 1 р. 50 к.

Учебныя руководства и пособія.

Руководство къ рисованію акварелью. *Лакассаня.* 120 политип и 6 акварелей, 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.
Алгебра. *Тодгентера.* Ц. 2 р. 50 к
Практич. геометрія. *Заблоцкаго.* Съ 300 черт. Ц. 60 к.
Основы химической технологіи. *Селезнева.* Съ 70 рис. Ц. 1 р. 50 к.
Полный курсъ физики. *А. Гано.* Перев. *Ф. Павленкова* и *В. Черкасова.* 8-е изд. 1363 рис., 170 задачъ, 2 таб. спектровъ, метеорологія и краткая химія. Ц. 4 р.
Учебникъ химіи. *Альмедингена.* 96 рис. и 140 задачъ. Ц. 2 р.
Самостоятельныя работы въ начальной школѣ *Т. Лубенца.* 3-е дополненное изд. Ц. 15 к.
Сборникъ самостоят. упражненій по ариѳметикѣ. Задачникъ для учен. *Житкова.* 5-е изд. Ц. 25 к.
Общепонятная геометрія. *Потоцкаго.* 143 фиг. Ц. 40 к.
Методика ариѳметики. *Житкова.* 5-е изд. Ц. 75 к.
Сборникъ ариѳметич. задачъ съ учителемъ. Прилож. къ «Методикѣ ариѳметики». *Житкова.* Ц. 40 к.
Начальный курсъ географіи. *Корнеля.* 11-е изданіе, съ 10-ю раскрашенными картами и 82 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к.
Эпизодическій курсъ всеобщей исторіи. *Кузнецова.* Ц. 1 р.
Родная азбука. *Ф. Павленкова.* 10-е изд. съ 200 рис. Ц. 5 к.
Наглядная азбука. *Ф. Павленкова.* 800 рис. 16-е изд. Ц. 20 к.
Объясненіе къ «Наглядной азбукѣ». *Ф. Павленкова.* 7-е изданіе. Ц. 15 к.
Азбука-копѣйка. *Ф. Павленкова.* 10-е изд. 100 рис. Ц. 1 к.
Зернышко. Первая послѣ азбуки книга для чтенія. Съ прил. церк.-славянской грамоты и многими рис. *Т. Лубенца.* 1-й годъ. Ц. 30 к., 2-й годъ Ц. 40 к. 3-й годъ—40 к.
Руководство къ «Зернышку». *Т. Лубенца.* Ц. 50 к.
Элемент. грамматика русск. языка. *Чудинова.* Ц. 50 к.
Методика ариѳметики. *Т. Лубенца.* Ц. 30 к.
Руководитель для воскресныхъ школъ. *Н. А. Корфа.* Ц. 50 к.
Итоги народнаго образованія въ Европейскихъ государствахъ. Барона *Н. А. Корфа.* Ц. 60 к.
Нашъ другъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Сост. бар. *Н. А. Корфъ.* 17-е изд., съ 200 рис. и портретами. Ц. 75 к.
Наглядно-звуковыя прописи. *Ф. Павленкова:* 1) къ «Родному слову» Ушинскаго (400 рис.); 2) къ азбукѣ Бунакова (460 рис.); 3) къ «Первой учебной книжкѣ» Паульсона (430 рис.); 4) Общія наглядно-звуковыя прописи (къ другимъ азбукамъ) (464 рис.). Цѣна каждой книжки 8 к.
Курсъ нач. механики *Рыкачева.* 197 рис. Ц. 1 р. 50 к.
Общедоступное землемѣріе. *А. Колтановскаго.* Съ 274 рис. въ текстѣ. 2-е изд. Ц. 75 к.
Иллюстрированная хрестоматія. *А. Тарнавскаго.* Для низш. учебныхъ заведеній и млад. классовъ гимназій. Съ 80 рис. и портр. 4-е изд. Ц. 60 к.
Книга для обученія церковно-славянскому языку. *А. Карюкова.* 2-е изд. Ц. 20 к. «Замѣтки для учителя», обучающаго по этой книжкѣ—10 к.
Церковно-славян. букварь. *Лубенца.* 2-е изд. Ц. 5 к.

UNIVERSITY OF CHICAGO
21 709 346

AP
50
.R94
RUSSKOE BOGATSTVO
Apr., 1898

U of Chicago
21709346